

3 1761 07482511 8

Presented to
The Library
of the
University of Toronto
by

Byelofussian Alliance in Canada

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

И. Мартынов

LA CONQUÊTE DU PAIN, par Pierre Kropotkine

Хлѣбъ и Воля

П. Кропоткина

Съ предисловіемъ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Переводъ съ французскаго

Изданіе Союза Русскихъ Рабочихъ г. Нью-Йорка.

Нью-Йоркъ

1919

HX

915

K717

LIBRARY.

758924.

UNIVERSITY OF TORONTO

Въ предлагаемой теперь, въ русскомъ переводѣ книгѣ, — „La Conquête du Pain“, — я постарался набросать идеаль того, какъ могла бы совершиться социальная революція на началахъ анархическаго коммунизма.

Критикой существующаго строя, какъ съ точки зрѣнія хозяйственной, такъ и съ точки зрѣнія политической, т. е. — разбирая также ходячіе предрасудки насчетъ Представительнаго Правленія, а также Закона и Власти вообще, и стараясь подорвать ихъ, — я занялся раньше, въ „Paroles d'un Révolté“ (въ русскомъ переводѣ — „Распаденіе современнаго строя“). Выводомъ изъ этого критическаго разбора являлась необходимость экспроприаціи, — т. е. необходимость захвата обществомъ земли и всего накопленнаго богатства, нужныхъ человѣчеству для производствa и жизни, но находящихся нынѣ въ частномъ владѣніи... На этомъ моя работа — она печаталась въ видѣ передовыхъ статей въ газетѣ „Le Révolté“ — была прервана арестомъ во Франціи и тюрьмою.

Выйдя черезъ три года изъ тюрьмы, я взялся за продолженіе той же работы, въ той же нашей газетѣ, „Le Révolté“, перенесенной тѣмъ временемъ въ Парижъ и впоследствии вынужденной судебнымъ преслѣдованіемъ перемѣнить свое имя въ „La Révolté“.

Приступая къ изложенію того, какъ, по нашему мнѣнію, могла бы и должна была бы совершиться социальная революція, я думалъ, что лучше будетъ не описывать идеаль вообще, а взять вещественный примѣръ и показать на немъ, какъ, смѣло и разумно дѣйствуя во время революціи, можно было бы перейти отъ теперешняго строя къ коммунизму, — безначальному, анархическому; какъ сами обстоятельства будутъ толкать въ этомъ направленіи; и какъ отъ насъ самихъ будетъ зависѣть: — осуществятъ-ли стремленія, уже намѣчающіяся въ современномъ обществѣ, или же — платя дань укоренившимся и далеко еще не искорененнымъ предрасудкамъ, — пойти по старымъ дорогамъ холопскаго прошлаго, не водворивши ничего существеннаго въ направленіи къ коммунизму.

Какъ вещественный примѣръ я взялъ Парижъ, и поступилъ такъ по слѣдующимъ причинамъ:

Всякая нація, хотя бы и самая цивилизованная и самая передовая, представляет собою вовсе не одно цѣлое, подведенное подъ одну общій уровень. Напротивъ того, различныя ея части стоятъ всегда на весьма различныхъ ступеняхъ развитія.

Даже Франція, не смотря на ея двѣ большія революціи, 1780 — 1793 и 1848 года, — не смотря на громаднѣйшій матеріальный **внутренній** прогрессъ, который совершился въ странѣ въ теченіе девятнадцатаго вѣка (не **внѣшній**, какъ въ Англіи, которая богатѣла наполовину грабежомъ Индіи и другихъ колоній), — не смотря на громадную работу умовъ, вызванную во всѣхъ классахъ населенія ея бурною политическою жизнью за послѣдніе сто лѣтъ, — не смотря на все это, Франція представляет собою по прежнему аггломератъ, т. е. безсвязное сожителство самыхъ разнообразныхъ частей. Ея сѣверо-западъ, даже въ настоящее время отстаетъ, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтія отъ ея восточныхъ частей. Великая Революція, — т. е. великое крестьянское движеніе, во время котораго былъ уничтоженъ **выкупъ крѣпостныхъ обязательствъ**, и крестьяне отобрали назадъ земли, захваченныя у нихъ за предыдущіе двѣсти или триста лѣтъ помѣщиками и монастырями, а также городскіе бунты, имѣвшіе цѣлю уничтоженіе городской, полукрѣпостной зависимости мастеровыхъ, и освобожденіе отъ почти-самодержавной королевской власти, — это народное возстаніе распространилось, по преимуществу, въ юго-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Франціи; тогда какъ сѣверо-западъ и западъ оставались оплотомъ дворянъ и короля, и даже взялся за оружіе, въ Вандейскомъ возстаніи, противъ якобинской республики. Но тоже самое раздѣленіе страны на востокъ и западъ существуетъ и по сію пору; и когда, въ началѣ обоснованія теперешней республики, выборы въ Палату должны были рѣшить, чего хочетъ Франція — республики или возврата къ монархіи, карта республиканскихъ выборовъ (выборы 363-хъ республиканскихъ депутатовъ) совпала съ поразительною точностью съ картою, на которой я какъ-то нанесъ всѣ извѣстныя мнѣ крестьянскія и городскія возстанія въ 1788 — 1792 годахъ. Только со времени утвержденія теперешней республики, республиканскіе идеалы начали проникать среди крестьянъ сѣверо-западной и западной Франціи.

Западъ и востокъ Франціи, юго-западъ и сѣверо-востокъ, ея центральное плато и долина Роны остаются отдѣльными мірами. И это различіе рѣзко выступаетъ, не только среди сельскаго населенія этихъ областей (сельскій полу-промышленнѣйшій кустарь французской Юры и бретонскій крестьянинъ — двѣ разныя народности), но и среди городского населенія. Сравните только Марсель, или Сентъ-

Этьенъ и Руанъ, — съ Ренномъ, гдѣ власть поновъ и вѣра въ короля удержалась еще понынѣ!

Франція, не смотря на цѣлые вѣка государственной централизаціи, а тѣмъ болѣе Италія, и еще болѣе того, Испанія — страны мѣстной, самостоятельной и обособленной жизни, объединенной только поверхностно, столичнымъ чиновничествомъ. Въ сущности, латинскія страны, и даже Франція въ томъ числѣ,—страны глубоко федералистическія, чего, между прочимъ, совершенно неспособны понять государственники-нѣмцы и пѣмцекіе якобинцы, которые вѣчно смѣниваютъ ненавистный имъ „партикуляризмъ“ (выросшій вокругъ Саксенъ-Кобургъ-Ангальтскихъ и тому подобныхъ дворовъ), и федерализмъ, т. е. стремленіе къ независимости у населенія отдѣльныхъ областей и городовъ.

Въ силу этого, для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что социальная революція во Франціи — какой бы она ни приняла ходъ — будетъ имѣть характеръ мѣстный, общинный, а отнюдь не якобинскій, не все-государственный. Всякій передовой французъ, знающій свою страну и не помѣшанный на якобинской централизаціи, отлично понимаетъ (какъ понималъ это Пи-и-Маргаль въ Испаніи), что всякая революція проявится во Франціи въ видѣ провозглашенія независимыхъ коммунъ, — какъ это было въ 1871 году, когда коммуны были провозглашены въ Парижъ и Сентъ-Этьенъ, и попытки провозглашенія коммуны были сдѣланы „бакунистами“ въ Лионѣ и Марсели. Какой бы ни засѣдалъ во Франціи національный парламентъ или конвентъ,— не въ немъ будутъ вырабатываться начала социальной революціи, а въ отдѣльныхъ городахъ, которые также мало будутъ слушаться парламента, какъ Парижъ, въ 1792-мъ и 1793-мъ годахъ мало слушался грознаго конвента.

Весьма вѣроятно также, что развитіе революціи будетъ различное въ различныхъ городахъ, и что, смотря по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, въ каждой возставшей и провозгласившей свою независимость коммуны, люди попытаются по своему разрѣшить великій вопросъ двадцатаго вѣка — социальный вопросъ. Другими словами — если въ латинскихъ странахъ начнется социальная революція, то эта революція приметъ, безъ всякаго сомнѣнія, такой живой, многообразный, мѣстный характеръ, какой приняла „революція городовъ“ въ двадцатомъ вѣкѣ, которую такъ прекрасно описалъ, въ ея зарожденіи, Огюстенъ Тьерри. Тоже самое произойдетъ несомнѣнно въ Англии, а также и въ большинствѣ городовъ Бельгіи и Голландіи. И для меня нѣтъ никакого сомнѣнія также, что никакихъ шаговъ въ социалистическомъ направленіи (въ смыслѣ обобществленія орудій производства)

не будетъ сдѣлано въ Россіи, покуда въ отдѣльныхъ частяхъ нашего громаднаго отечества, при починѣ городовъ, не начнутся попытки обобществленія земли, прежде всего, и отчасти фабрикъ, — и организаціи земледѣлія, а также, можетъ быть, и фабричнаго производства на общественно-артельныхъ началахъ.

Такъ какъ я писалъ въ „Révolté“, для французскихъ рабочихъ, то я взялъ, конечно, Францію, и именно Парижъ, какъ самый передовой городъ Франціи, и я постарался показать какъ даже такой большой городъ, какъ Парижъ, могъ бы совершить у себя и въ своихъ окрестностяхъ соціальную революцію, и какъ онъ могъ бы дать ей укорениться, даже если бы ему пришлось — какъ пришлось республиканской Франціи въ 1793 году — выдержать нападенье всѣхъ защитниковъ гнилой старины.

Въ концѣ этой книги, я былъ приведенъ къ изученію вопроса, — „Что и какъ производить?“ И я разсмотрѣлъ его, по мѣрѣ силъ, въ слѣдующей книгѣ, озаглавленной по англійски „Fields, Factories and Workshops“ („Поля, фабрики и мастерскія“).

П. Кропоткинъ.

Январь, 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Петръ Кропоткинъ проситъ меня написать нѣсколько словъ предисловія къ его книгѣ, и я исполняю его желаніе, хотя и чувствую при этомъ нѣкоторую неловкость. Я ничего не могу прибавить къ его связнымъ доводамъ, и тѣмъ самымъ рискую ослабить силу его словъ. Но дружба пусть послужитъ мнѣ извиненіемъ. Въ настоящую минуту, когда французскіе „республиканцы“ считаютъ высшимъ проявленіемъ изящнаго вкуса — валяться въ ногахъ у русскаго царя, мнѣ особенно пріятно дружить съ свободными людьми, которыхъ этотъ царь охотно велѣлъ бы либо засѣчь, либо замуравить въ какой-нибудь крѣпости, либо повѣсить въ какомъ-нибудь безвѣстномъ углу своего царства. Съ этими друзьями я забываю на минуту всю гнусность ренегатовъ, которые въ молодости до хрипоты кричали „Свобода! Свобода!“, а теперь упражняются надъ согласованіемъ „Марсельезы“ съ пѣснью „Боже, царя храни!“

Предыдущая книга Кропоткина „Paroles d'un Révolté“ („Распаденіе современнаго строя“, въ русскомъ переводѣ), была посвящена, главнымъ образомъ, горячей критикѣ развратнаго и злого буржуазнаго общества и призывала энергію революціонеровъ къ борьбѣ противъ государства и капиталистическаго строя. Эта новая книга — продолженіе предыдущей — болѣе мирнаго характера. Она обращается ко всѣмъ честнымъ людямъ, искренно желающимъ приложить свои силы къ перестройкѣ общества, и излагаетъ имъ, въ крупныхъ чертахъ, тѣ фазисы исторіи ближайшаго будущаго, которые позволятъ имъ наконецъ построить истинную человѣческую семью на развалинахъ банковъ и государствъ.

Заглавіе книги, „La Conquête du Pain“ (въ русскомъ переводѣ — **завоеваніе хлѣба**), нужно, конечно, понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ какъ „не о хлѣбѣ единомъ сытъ будетъ человѣкъ“.

Въ настоящее время, когда смѣлые и великодушные люди стремятся уже осуществить въ дѣйствительной жизни свой идеалъ общественной справедливости, — мы, конечно, не думаемъ довольствоваться завоеваніемъ одного только хлѣба, — даже съ солью и виномъ въ придачу. Нужно завоевать все, что необходимо или даже просто

полезно для разумно-устроенной жизни; нужно, чтобы мы могли всё́мъ обезпечить, и удовлетвореніе ихъ потребностей, и наслажденіе въ жизни. Но покуда мы не совершимъ этого перваго „завоеванія“, — покуда „съ нами будутъ нищіе“, — называть „обществомъ“ это сборище другъ друга ненавидящихъ и другъ друга истребляющихъ людей, подобныхъ дикимъ звѣрямъ, вмѣстѣ запертымъ въ клѣткѣ, — называть это „обществомъ“ будетъ оставаться только насмѣшкою.

Въ первой главѣ своей книги авторъ перечисляетъ громаднѣйшія богатства, которыми уже владѣетъ человѣчество, и могучій строй машинъ, уже созданныхъ трудами всѣхъ. Продуктовъ, получаемыхъ теперь, уже хватило бы, чтобы всѣмъ людямъ обезпечить хлѣбъ; а если бы громадный капиталъ, представляемый городами, домами, воздѣланными землями, фабриками, перевозочными средствами и школами, сталъ общимъ достояніемъ — вмѣсто того чтобы оставаться частною собственностью, — то уже легко было бы завоевать настоящее довольство для всѣхъ. Силы, которыми мы располагаемъ, шли бы тогда не на ненужныя и другъ другу противорѣчащія работы, а на производство всего того, что нужно человѣку для продовольствія, жилища, одежды, комфорта, для изученія наукъ и для разработки искусствъ.

Вернуться однако къ общественному обладанію всё́ми богатствами, — совершить экспроприацію — можно будетъ только путемъ анархическаго коммунизма: нужно разрушить правительство, нужно порвать его законы, отвергнуть его нравственность, игнорировать его органы и самимъ взяться за дѣло, руководясь своею собственною инициативою, и группируясь согласно личнымъ наклонностямъ, интересамъ, идеалу и характеру начатой работы. Разборомъ вопроса объ экспроприаціи, — самаго главнаго въ этомъ сочиненіи, — авторъ и занялся всего подробнѣе: сжато и безъ рѣзкихъ словъ, со спокойствіемъ и ясностью взгляда, которыхъ требуетъ изученіе близкой, отнынѣ неизбѣжной революціи. Только послѣ низверженія государства, группы свободныхъ рабочихъ, не вынужденныхъ болѣе трудиться на пользу грабителей и тунеядцевъ, смогутъ предаться привлекательному, свободно избранному труду, и приступить научно къ обработкѣ почвы и промышленному труду, въ перемежку съ ученіемъ и удовольствіями. Страницы этой книги, посвященныя разбору земледѣльческаго труда, имѣютъ особенно серьезное значеніе, такъ какъ онѣ излагаютъ факты уже проверенныя практикою, которые легко было бы приложить повсемѣстно, на пользу всё́мъ, а не для обогащенія немногихъ.

Остроумные люди, желая осмѣять пороки и странности эlegantной молодежи, говорятъ намъ о людяхъ „конца вѣка“ — *fin de siècle*. Но мы переживаемъ теперь нѣчто несравненно болѣе важное, чѣмъ

конецъ вѣка; мы подошли къ концу эпохи — къ концу цѣлой эры въ исторіи. Мы видимъ завершеніе всей античной цивилизаціи. Право силы и капризъ власти, жестокое еврейское преданіе и жестокое римское правосудіе потеряли для насъ свое бывшее значеніе. Мы исповѣдуемъ новую вѣру; и когда эта вѣра — которая и есть наука — станетъ вѣрою всѣхъ ищущихъ истины, она начнетъ переходить въ свое воплощеніе, потому что основной законъ исторіи тотъ, что общество всегда формируется сообразно своему идеалу. Тогда, защитники отжившаго строя вынуждены будутъ сдаться. Они утратили свою вѣру. Безъ вожака, безъ знамени, они уже сражаются какъ попало, наугадъ. Противъ новаторовъ у нихъ есть, конечно, законы и ружья, полицейскіе съ пашками и артиллерійскіе парки, — но всего этого недостаточно чтобы пересилить идею — и весь старый порядокъ, основанный на фантазиі правителей и на притѣсненіи, вынужденъ будетъ быстро перейти въ преданіе о далекомъ прошломъ.

Конечно, неизбежно-подступающая теперь революція, какъ бы глубоко ни было ея значеніе въ развитіи человѣчества, будетъ похожа на предыдущія революціи въ томъ, что она не представитъ собою быстрого скачка; въ природѣ ихъ не бываетъ. Но можно смѣло сказать, что тысячами передовыхъ явленій, тысячами глубокихъ совершающихся уже измѣненій, анархическое общество уже давно начало развиваться. Оно проявляется всюду, гдѣ свободная мысль сбрасываетъ съ себя путы буквы и догмата, вездѣ гдѣ гений изслѣдователя отрывается отъ устарѣлыхъ формулъ, гдѣ воля человѣка проявляется въ независимыхъ поступкахъ: вездѣ, гдѣ люди искренніе, возмущившіеся противъ всякой наложенной на нихъ дисциплины, сходятся по доброй волѣ, чтобы учиться другъ у друга, и безъ всякаго начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетвореніе своихъ нуждъ. Все это — уже анархія, даже тогда, когда она бессознательна, — причеиъ, однако, все болѣе и болѣе развивается и сознание. Какъ же можетъ она не восторжествовать, когда у нея есть свой идеалъ и смѣлость воли, тогда какъ толпа ея противниковъ, уже утратившая вѣру, даетъ себя нести судьбѣ, восклицая: „Ничего не подѣлаешь: конецъ вѣка!“

Революція, которая уже намѣчается, несомнѣнно наступитъ, и нашъ другъ Кропоткинъ пользуется своимъ правомъ историка, когда беретъ за исходную точку день революціи и излагаетъ свои воззрѣнія на то, какъ можетъ общество вновь вступить въ обладаніе коллективнымъ богатствомъ, созданнымъ трудомъ всѣхъ, и когда онъ обращается къ робкимъ людямъ, вполне сознающимъ несправедливость существующаго, но боящимся вступить въ открытый бунтъ противъ

общества, отъ котораго они зависятъ, и матеріально и въ силу преданій. Всѣ знаютъ, что законъ — гнусенъ и лживъ, что судьи — прислужники богатыхъ и притѣснители бѣдныхъ, что честная трудовая жизнь не всегда вознаграждается даже увѣренностью въ кускѣ хлѣба, и что при теперешнихъ условіяхъ лучшими средствами для „завоеванія хлѣба“ и благосостоянія бываетъ наглій цинизмъ биржевика и неумолимая жестокость ростовщика. Но вмѣсто того, чтобы настроить свои мысли, свои желанія, свои предпріятія и поступки согласно своему разумному пониманію справедливости, большинство изъ нихъ находятъ выходъ куда-нибудь въ сторону, лишь бы избѣжать послѣдствій прямого и откровеннаго выраженія своихъ взглядовъ. Таковы, напримѣръ, „ново-вѣры“, которые, не будучи въ силахъ исповѣдывать „истинную вѣру“ своихъ отцовъ, бросаются въ какую-нибудь болѣе оригинальную мистагогію, безъ опредѣленныхъ догматовъ, и теряются въ туманѣ неясныхъ чувствъ: становятся спиритами, розенкрейцерами, буддистами, чудотворами. Воображая себя послѣдователями Шагьямуни, но не давая однако себѣ труда освоиться съ его ученіями, эти меланхолическіе господа и эфирныя дамы дѣлаютъ видъ будто ищутъ умиротворенія въ уничтоженіи Nirваны.

Но такъ какъ эти „прекраснодушные“ вѣчно толкуютъ намъ объ идеалѣ, — то поспѣшимъ же ихъ успокоить. Мы настолько матеріалисты, что мы, дѣйствительно, имѣемъ слабость думать о пищѣ, потому что нерѣдко и ея намъ недоставало; и не достаетъ ея теперь милліонамъ нашихъ славянскихъ братьевъ — подданныхъ русскаго царя — и многимъ другимъ милліонамъ людей. Но, кромѣ хлѣба, и кромѣ благосостоянія и коллективнаго богатства, которое могла бы намъ дать разумная обработка нашихъ полей, — мы видимъ еще вслѣдъ за этимъ возникновеніе цѣлаго новаго міра, — міра, гдѣ мы вполнѣ сможемъ любить другъ друга и удовлетворять наши благородныя стремленія къ идеалу, который страстные поклонники красоты, пренебрегающіе матеріальною жизнью, выставляютъ какъ неугасаемую жажду ихъ эфирныхъ душъ! Когда не будетъ болѣе богатыхъ и бѣдныхъ, когда голодному не придется болѣе съ завистью взирать на сытаго, тогда настоящая природенная дружба сможетъ вновь развиться между людьми; и тогда религія взаимности, солидарности — которую всячески заглушаютъ теперь — заступитъ мѣсто той неопредѣленной религіи, которая рисуетъ свои расплывающіеся образы на туманахъ небснаго свода.

Революція не только сдержитъ свои обѣщанія, но она сдѣлаетъ больше того. Она обновитъ самые источники жизни, очистивши насъ отъ грязнаго соприкосновенія со всякими видами полиціи и избавляя

насъ отъ подлой заботы о деньгахъ, отравляющей наше существованіе. Тогда — каждый сможетъ свободно идти по своему собственному пути. Работникъ будетъ трудиться надъ тѣмъ, что ему будетъ сподручно; изобрѣтатель будетъ вести свои изслѣдованія безъ всякой задней мысли; художникъ не будетъ опошлять свой идеаль красоты ради денегъ; и — ставши друзьями — мы сможемъ трудиться, всё сообща, надъ осуществленіемъ великихъ дѣяній, которыя провидѣли поэты.

Тогда, навѣрное, будутъ изрѣдка вспоминать имена тѣхъ, которые своею преданною пропагандою, несмотря на изгнаніе и на тюрьму, подготовляли новое общество. Объ нихъ мы думаемъ теперь, издавая „Хлѣбъ и Воля“; они почувствуютъ себя, можетъ быть, немного сильнѣе, когда получатъ этотъ привѣтъ общей нашей мысли сквозь рѣшетки своихъ тюремъ, или въ изгнаніи. Авторъ навѣрное одобритъ меня, если я посвящу эту книгу всёмъ тѣмъ, кто страдаетъ за общее дѣло, и въ особенности одному другу, котораго вся жизнь была долгою борьбою за правду. Миѣ незачѣмъ называть его имя: читая эти слова своего брата, онъ узнаетъ себя по тому, какъ забьется его сердце.

Элизе Реклю.

1892 г.

Хлѣбъ и Воля

НАШИ БОГАТСТВА.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда первобытный чело-вѣкъ, выбывая изъ кремней свои первобытныя орудія, перебивался кое-какъ случайными продуктами охоты и, умирая, оставлялъ своимъ дѣтямъ лишь какое-нибудь убѣжище подъ нависшею скалою, да нѣсколько грубой посуды, да еще безграничную природу — непонятную, ужасную, съ которой имъ предстояло вести тяжелую борьбу для под-держанія жалкаго существованія.

Но въ теченіе долгаго пути, пройденнаго съ тѣхъ поръ и длившагося цѣлыя тысячелѣтія, челоуѣкъ успѣлъ накопить несмѣтныя сокровища. Онъ расчистилъ почву, осушилъ болота, прорѣзалъ лѣса, проложилъ дороги; онъ строилъ, изобрѣталъ, наблюдалъ, разсуждалъ; онъ создалъ множество сложныхъ орудій, вырвалъ у природы ея тайны, завладѣлъ паромъ, — такъ что въ настоящее время ребенокъ, родящійся въ цивилизованной странѣ, имѣетъ, съ самаго появленія на свѣтъ, въ своемъ распоряженіи цѣлый огромный капиталъ, накоплен-ный тѣми, кто жилъ и работалъ до него. И этотъ капиталъ даетъ ему возможность произвести, при помощи своего труда, соединеннаго съ трудомъ другихъ, богатства, передъ которыми блѣднѣютъ все сокровища Востока въ сказкахъ „Тысячи и одной ночи“.

Расчищенная уже почва только ждетъ, чтобы къ ней приложили разумный трудъ и бросили въ нее хорошія сѣмена, чтобы покрыться роскошной жатвой, болѣе обильной, чѣмъ нужно для удовлетворенія потребностей челоуѣчества. Усовершенствованныя орудія земледѣль-ческаго труда уже изобрѣтены. На дѣвственной почвѣ американскихъ степей сто челоуѣкъ, при помощи машинъ, производятъ въ нѣсколько мѣсяцевъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія въ теченіе цѣлаго года десяти тысячъ челоуѣкъ. А тамъ, гдѣ челоуѣкъ хочетъ удвоить свой урожай, утроить, увеличить его въ сто разъ, онъ самъ дѣлаетъ себѣ нужную почву, окружаетъ каждое растеніе соответствен-нымъ ему уходомъ и получаетъ съ самаго маленькаго клочка земли невѣроятные урожаи. Въ то время какъ охотнику нужно было прежде имѣть въ своемъ распоряженіи сотни квадратныхъ верстъ, чтобы до-быть пропитаніе своей семьѣ, образованный челоуѣкъ нынче выра-

щиваетъ все, что ему нужно для себя и семьи, на одной десятитысячной долѣ этого пространства, и при томъ съ несравненно меньшимъ трудомъ и рискомъ.

Климатъ ему не помѣха. Если солнечнаго тепла не хватаетъ, онъ замѣняетъ его искусственной теплотой, а когда-нибудь начнетъ производить и свѣтъ, нужный для ускоренія роста. При помощи стеклянныхъ рамъ и чугунныхъ трубъ съ проведенной горячей водой, онъ получаетъ съ даннаго куска земли въ десять разъ больше, чѣмъ получалъ прежде на открытомъ воздухѣ.

Еще поразительнѣе успѣхи, достигнутые въ области промышленности. При помощи современныхъ машинъ, — разумныхъ существъ, представляющихъ собою плодъ усилій трехъ или четырехъ поколѣній, по большей части неизвѣстныхъ изобрѣтателей — сто человѣкъ производятъ теперь такое количество одежды, что его хватаетъ для десяти тысячъ семей на два, три года. Въ хорошо устроенныхъ угольныхъ копяхъ сто человѣкъ добываютъ въ годъ столько топлива, что его достаточно для десяти тысячъ семей, даже въ суровомъ климатѣ. А недавно мы видѣли, на выставкѣ 1889 года, какъ цѣлый удивительный городъ выросъ въ нѣсколько мѣсяцевъ на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ, не внося при этомъ никакого нарушенія въ обычный ходъ работъ французскаго народа.

И хотя въ промышленности, въ земледѣліи и вообще во всемъ нашемъ общественномъ устройствѣ, плодами трудовъ нашихъ предковъ до сихъ поръ пользуется главнымъ образомъ очень небольшое меньшинство, но мы, тѣмъ не менѣе, можемъ съ увѣренностью сказать, что при помощи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи желѣзныхъ и стальныхъ помощниковъ, человѣчество могло бы теперь же создать себѣ существованіе, въ которомъ всѣ пользовались бы и богатствомъ, и роскошью.

Да, мы богаты, — гораздо богаче, чѣмъ думаемъ; богаты тѣмъ, что уже имѣемъ, и еще болѣе тѣмъ, что мы можемъ произвести съ помощью современной науки и техники. И несравненно еще богаче тѣмъ, что мы могли бы получить изъ земли, отъ нашихъ мануфактуръ, отъ нашей науки и нашихъ техническихъ знаній, если бы они были приложены къ достиженію благосостоянія для всѣхъ.

II.

Безспорно, наши образованныя общества очень богаты. — Почему же вокругъ насъ столько нищеты? Откуда этотъ тяжелый трудъ, отупляющій народныя массы? Откуда, даже у рабочаго, имѣющаго

порядочный заработокъ, эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, когда кругомъ накоплено столько богатствъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, и имѣются такія могущественныя орудія производства, способныя дать довольство каждому, взамѣнъ нѣсколькихъ часовъ ежедневнаго труда?

Соціалисты давно уже объяснили это противорѣчіе и повторяютъ свое объясненіе каждый день, опираясь на доказательства, почерпнутыя изъ всѣхъ отраслей науки. Происходитъ это странное противорѣчіе отъ того, что все, что нужно для производства — земля, угольныя копи, машины, пути сообщенія, пищевые продукты, дома, воспитаніе, знаніе — все было захвачено въ свою пользу небольшой горстью людей въ теченіе той долгой исторіи, составившейся изъ грабежей, переселеній, войнъ, невѣжества и насилій, которую человѣчество пережило съ тѣхъ поръ, какъ стало учиться побѣждать силы природы.

Происходитъ это отъ того, что ссылаясь на права, якобы пріобрѣтенныя ею въ прошломъ, эта кучка людей присвоиваетъ себѣ по крайней мѣрѣ двѣ трети продуктовъ человѣческаго труда, а затѣмъ расточаетъ ихъ самымъ бессмысленнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ; отъ того, что они довели народъ до такого состоянія, когда крестьянину и рабочему нечѣмъ бываетъ прожить даже мѣсяць — часто даже недѣлю, — если эти господа не позволяютъ ему работать на ихъ землѣ, коняхъ, заводахъ, подъ условіемъ, чтобы львиная доля того, что они выработаютъ, шла бы имъ, господамъ; отъ того, наконецъ, что они мѣшаютъ рабочему производить то, что нужно всѣмъ, и заставляютъ производить не то, что нужно другимъ, а то, что даетъ наибольшій барышъ хозяину. Именно въ объясненіи этихъ фактовъ и состоитъ весь соціализмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ нами цивилизованная страна. Лѣса, покрывавшіе ее въ прежніе времена, расчищены, болота осушены, климатъ сталъ болѣе здоровымъ; въ странѣ сдѣлалось возможно жить. Земля, на которой росли прежде однѣ дикія травы, даетъ теперь богатые урожаи. Южные склоны скалъ вырѣзаны террасами, по которымъ вьются лозы съ золотистыми плодами. Дикія растенія, дававшія прежде несъѣдобные плоды и корни, превратились, благодаря непрерывной обработкѣ, во вкусные овощи, въ деревья, ломающіяся подъ прекрасными фруктами.

Тысячи шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ изрѣзываютъ страну, прорѣзываютъ горы; въ дикихъ ущельяхъ Альпъ, Кавказа, Гималаевъ свиститъ уже локомотивъ. Рѣки сдѣлались судоходными; берега морей изслѣдованы, сняты на карты и легко доступны мореплавателямъ; искусственныя гавани, устроенныя съ большимъ трудомъ и защищен-

ныя отъ сердитаго океана, даютъ уѣжище кораблямъ. Глубокіе ходы прорыты въ скалахъ; цѣлые лабиринты подземныхъ галлерей тянутся повсюду, гдѣ можно добывать каменный уголь или руду. Вездѣ, гдѣ дороги перекрещиваются между собою, возникли и разрослись города, заключающіе въ своихъ стѣнахъ всевозможныя сокровища промышленности, искусства и науки.

Цѣлыя поколѣнія людей, родившихся и умершихъ въ нищетѣ, униженныхъ и оскорбленныхъ господствующими классами, истомленныхъ трудомъ, завѣщали девятнадцатому вѣку это огромное наслѣдство.

Въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, милліоны людей работали, расчищая лѣса, осушая болота, прокладывая дороги, устраивая плотины на рѣкахъ. Всякій клочокъ земли, который мы обрабатываемъ въ Европѣ, орошенъ по томъ многихъ поколѣній, каждая дорога имѣетъ свою длинную исторію барщиннаго труда, непосильной работы, народныхъ страданій. Каждая верста желѣзной дороги, каждый аршинъ тунеля получилъ свою долю человѣческой крови.

На стѣнахъ шахтъ мы еще видимъ свѣжіе слѣды ударовъ заступна въ окружающія каменные глыбы, а подземныя галлерей могли бы быть отмѣчены отъ одного столба до другого могилами углекоповъ, погибшихъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ отъ взрывовъ рудничнаго газа, обваловъ и наводненій, и мы знаемъ, сколькихъ слезъ, лишеній и всякихъ страданій стоила каждая изъ этихъ могилъ семьѣ, жившей на скудный заработокъ своего кормильца.

Города, связанныя между собою желѣзными дорогами и пароходами представляютъ собою организмы, имѣющіе въ прошломъ цѣлыя вѣка жизни. Разройте ихъ почву — и вы найдете одинъ надъ другимъ цѣлыя слои улицъ, домовъ, театровъ, аренъ, общественныхъ зданій. Изучите ихъ исторію — и вы увидите, какъ цивилизація каждаго города, его промышленность, его духъ, медленно росли и развивались, благодаря сотрудничеству всѣхъ жителей, прежде чѣмъ городъ сталъ тѣмъ, что онъ представляетъ теперь.

Но и въ настоящую минуту цѣнность каждаго дома, каждаго завода, каждой фабрики, каждаго магазина обусловлена трудомъ, положеннымъ на эту точку земнаго шара милліонами давно погребенныхъ въ землю рабочихъ, — и поддерживается она на извѣстномъ уровнѣ, только благодаря труду легионовъ людей, обитающихъ эту точку. Каждая частица того, что мы называемъ богатствомъ народовъ, цѣна лишь постольку, поскольку она составляетъ часть этого огромнаго цѣлага. Что представляли бы собою лондонскіе доки или парижскіе большіе магазины, если бы они не находились въ центрахъ

международной торговли? Чего стоили бы наши кони, фабрики, верфи, и желѣзныя дороги, если бы не существовало массъ товаровъ, ежедневно переправляемыхъ по морю и по сушѣ?

Милліоны человѣческихъ существъ потрудились для созданія цивилизаціи, которой мы такъ гордимся. Другіе милліоны, разсыянные по всеѣмъ угламъ земного шара, трудятся и теперь для ея поддержанія. Безъ нихъ, отъ всего этого черезъ пятьдесятъ лѣтъ остались бы однѣ груды мусора.

Даже мысль, даже геній изобрѣтателя — явленія коллективныя, плодъ прошлаго и настоящаго. Тысячи писателей, поэтовъ, ученыхъ трудились цѣлые вѣка для того, чтобы выработать знаніе, чтобы разсѣять заблужденія, чтобы создать ту атмосферу научной мысли, безъ которой не могло бы явиться ни одно изъ чудесъ нашего вѣка. Но и эти тысячи философовъ, поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей были, въ свою очередь, продуктомъ труда прошлыхъ вѣковъ. Развѣ въ теченіе всей ихъ жизни ихъ не кормили и не поддерживали, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, цѣлые легіоны всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ? Развѣ они не черпали силы, дававшей имъ толчокъ, изъ окружающей ихъ среды?

Геній Сегена, Майера и Джоуля, открывшихъ механической эквивалентъ теплоты, несомнѣнно сдѣлалъ больше для того, чтобы толкнуть промышленность на новый путь, чѣмъ все капиталисты въ мірѣ. Но и сами эти геніи представляютъ собою продукты, какъ промышленности, такъ и науки: въ самомъ дѣлѣ, нужно было, чтобы тысячи паровыхъ машинъ изъ году въ годъ превращали, на глазахъ у всеѣхъ, теплоту въ механическую силу, а эту послѣднюю въ звукъ, свѣтъ или электричество, для того, чтобы геніальные умы могли провозгласить механическое происхожденіе теплоты и единство физическихъ силъ. И если мы, дѣти девятнадцатаго вѣка, поняли, наконецъ, эту идею и сумѣли ее приложить, то это опять-таки благодаря тому, что насъ подготовилъ къ этому нашъ ежедневный опытъ. Мыслители прошлаго вѣка тоже предвидѣли и высказывали ее, но она осталась непонятной, потому что восемнадцатый вѣкъ не выросъ, какъ выросъ нашъ вѣкъ, около паровой машины.

Подумайте только, сколько десятилѣтій провели бы мы еще въ невѣдѣніи этого закона, даващаго намъ возможность перевернуть всю современную промышленность, если бы Уаттъ не нашелъ въ Сохо умѣлыхъ рабочихъ, воплотившихъ въ мѣди и желѣзѣ его теоретическія соображенія, усовершенствовавшихъ его машину во всеѣхъ ея частяхъ и сдѣлавшихъ, наконецъ, заключенный въ ея механизмѣ паръ по-

слушиѣ лошади и удобнѣ воды, — влѣдствіе чего она могла стать душою современной промышленности.

Всякая машина имѣетъ въ своемъ прошломъ подобную же исторію: длинную исторію бессонныхъ ночей и нужды, разочарованій и радостей, второстепенныхъ усовершенствованій, изобрѣтенныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, понемногу прибавлявшихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ мелкія подробности, безъ которыхъ самая плодотворная идея остается безплодной. Мало того: каждое новое изобрѣтеніе представляетъ собою синтезъ, сводъ тысячи изобрѣтеній, предшествовавшихъ ему въ обширной области механики и промышленности.

Наука и промышленность, знаніе и его приложенія, открытія и ихъ практическое осуществленіе, ведущее къ новымъ открытіямъ, трудъ умственный и трудъ ручной, мысль и продуктъ матеріальнаго труда — все это связано между собою. Каждое открытіе, каждый шагъ впередъ, каждое увеличеніе богатствъ человѣчества имѣетъ свое начало во всей совокупности физическаго и умственнаго труда, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

По какому же праву, въ такомъ случаѣ, можетъ кто-нибудь присвоить себѣ хотя бы малѣйшую частицу этого огромнаго цѣлага и сказать: это мое, а не ваше?

III.

А между тѣмъ, въ теченіе ряда вѣковъ, прожитыхъ человѣчествомъ, случилось такъ, что все, что даетъ человѣку возможность производить и увеличивать свою производительную силу, было захвачено небольшою горстью людей. Мы расскажемъ, можетъ быть, когда-нибудь, какъ именно это произошло; теперь же для насъ достаточно указать на этотъ фактъ и обсудить его послѣдствія.

Въ настоящее время земля, получающая свою цѣнность именно отъ потребностей все растущаго населенія, принадлежитъ меньшинству, которое можетъ помѣшать, и въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ, народу обрабатывать, или же не даетъ ему обрабатывать ее соотвѣтственно современнымъ требованіямъ. Копи, представляющія собою трудъ нѣсколькихъ поколѣній и потому только и имѣющія цѣнность, что кругомъ ихъ кипитъ промышленность и ютится густое населеніе, точно такъ же принадлежитъ нѣсколькимъ человѣкамъ, и эти нѣсколько человѣкъ ограничиваютъ количество добываемаго угля, или даже совершенно прекращаютъ его добываніе, если они найдутъ нужнымъ поднять продажную цѣну угля или имъ встрѣтится случай помѣстить

свои капиталы болѣе выгоднымъ образомъ. Машины точно такъ же составляютъ собственность немногихъ, и даже тогда, когда данная машина представляетъ собою бесспорно сумму усовершенствовавшей, внесенныхъ въ первобытный инструментъ тремя поколѣніями рабочихъ, — она все-таки принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ. Если бы внуки изобрѣтателя, построившаго сто лѣтъ тому назадъ паровую машину для ткацкаго кружева, явились теперь въ Базель или въ Ноттингемъ и предъявили свои права на нее, имъ бы отвѣтили: „Убирайтесь вонъ! Эта машина вамъ не принадлежитъ!“ А если бы они захотѣли взять ее силой, ихъ разогнали бы картечью.

Желѣзные дороги, которыя были бы не больше какъ бесполезными массами желѣза, если бы не густота европейскаго населенія, его промышленность, его торговля, его обмѣнъ, принадлежать теперь нѣсколькимъ акціонерамъ, которые, можетъ быть, даже не знаютъ, гдѣ находятся эти дороги, часто приносящія имъ больше дохода, чѣмъ всѣ владѣнія какого-нибудь средневѣковаго короля. И если бы дѣти тѣхъ людей, которые умирали тысячами, копая выемки и тунели, собрались и пошли, голодной и оборванной толпой, требовать хлѣба у акціонеровъ, ихъ разогнали бы штыками, ради огражденія „приобрѣтенныхъ правъ“.

Въ силу этого чудовищнаго устройства общества, сынъ рабочаго не находитъ при своемъ вступленіи въ жизнь ни поля, которое онъ могъ бы воздѣлывать, ни машины, около которой онъ могъ бы работать, иначе какъ подъ условіемъ, что онъ будетъ уступать какому-нибудь хозяину большую часть того, что онъ наработаетъ. Онъ долженъ продавать свою рабочую силу за скудное и невѣрное пропитаніе. Его отецъ и дѣдъ работали надъ осушеніемъ этого поля, надъ постройкой этого завода, надъ усовершенствованіемъ его машинъ; они рыли эту копь; они работали по мѣрѣ своихъ силъ, — а кто же можетъ дать больше этого? Между тѣмъ самъ онъ родился на свѣтъ бѣднѣ послѣдняго дикаря. Если ему позволять заняться обработкой поля, то только подъ условіемъ, чтобы онъ отдалъ четверть жатвы хозяину, а другую четверть правительству и всякимъ ненужнымъ посредникамъ — торговцамъ, акціонерамъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. И эта подать, взимаемая съ него государствомъ, капиталистомъ, собственникомъ земли и посредниками, будетъ все расти изъ года въ годъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ему, пахарю, удастся сберечь хоть что-нибудь, чтобы улучшать свое хозяйство.

Если онъ займется промышленностью, ему позволять работать — и то, впрочемъ, не всегда, — но подъ условіемъ, что онъ будетъ получать треть или четверть цѣны продукта, такъ какъ остальное должно

достаться тому, кого законъ признаетъ собственникомъ машины, за- вода, магазина и т. п.

Мы гремимъ противъ средневѣкового барона, который не позво- лялъ крестьянину обрабатывать землю иначе, какъ подъ условіемъ отдать ему четверть жатвы. Мы называемъ феодальную эпоху вар- варской, а между тѣмъ, если внѣшнія формы и измѣнились, то сами отношенія остались тѣ же. Рабочій по нуждѣ соглашается на фе- одальныя условія, которыя мы нынче называемъ „свободнымъ дого- воромъ“, потому что жить ему нечѣмъ, а лучшихъ условій онъ нигдѣ не найдетъ. Все стало собственностью того или другого хозяина, и ему остается — или принять такія условія, или умирать съ голоду.

Но этого мало. Такое положеніе вещей приводитъ къ тому, что все наше производство принимаетъ ложное направленіе. Промышлен- ное предпріятіе не заботится о потребностяхъ общества: его един- ственная цѣль — увеличеніе барышей предпринимателя. Отсюда постоянныя колебанія въ промышленности и хроническіе кризисы, изъ которыхъ каждый выбрасываетъ на улицу сотни тысячъ рабочихъ.

Такъ какъ рабочіе не могутъ покупать на свою заработную плату тѣхъ богатствъ, которыя они производятъ, то промышленность должна искать внѣшнихъ рынковъ, среди эксплуатирующихъ классовъ дру- гихъ народовъ. Повсюду — на Востокѣ, въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ Тонкинѣ, въ Конго европеецъ стремится ради этого увеличивать число своихъ рабовъ. Но повсюду онъ встрѣчаетъ конкурентовъ, такъ какъ всѣ народы развиваются въ томъ же направленіи, и изъ-за права господствовать на рынкахъ начинаются непрерывныя войны. Войны за преобладаніе на Востокѣ, войны за господство на морѣ, войны за возможность облагать ввозными пошлинами своихъ сосѣдей и пред- писывать имъ какія угодно условія, войны противъ всѣхъ, кто про- тестуетъ! Громъ пушекъ не перестаетъ раздаваться въ Европѣ; цѣ- лья поколѣнія истребляются; европейскія государства тратятъ на во- оруженія треть своихъ доходовъ, — а мы знаемъ, что такое налоги и чего они стоятъ бѣдному люду.

Образованіе становится привилегіей ничтожнаго меньшинства. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ образованіи для всѣхъ, если сынъ рабочаго долженъ въ тринадцать лѣтъ уже спускаться въ руд- ники или помогать отцу въ полевыхъ работахъ! Можно ли говорить объ ученіи рабочему, который возвращается домой вечеромъ, разби- тый цѣлымъ днемъ каторжнаго, почти всегда отупляющаго труда.

Общество дѣлится, вмѣстѣ съ тѣмъ, на два враждебные лагеря, и свобода становится пустымъ звукомъ. Радикаль, который требуетъ большаго расширенія политическихъ вольностей, скоро замѣчаетъ,

что свободный духъ ведетъ къ пробужденію рабочихъ; и тогда онъ обращается вспять, бросаетъ свои радикальныя убѣжденія и заодно съ „охранителями“ требуетъ исключительныхъ каръ противъ рабочихъ и военной диктатуры.

Для поддержанія существующихъ привилегій требуется, наконецъ, цѣлый обширный составъ судей, прокуроровъ, жандармовъ и тюремщиковъ, а все это становится въ свою очередь источникомъ цѣлой системы допосовъ, обмановъ, подкуповъ и всевозможныхъ подлостей.

Мало того: этотъ порядокъ вещей прямо-таки мѣшаетъ развитію среди людей общественныхъ чувствъ. Каждый понимаетъ, что безъ прямоты въ отношеніяхъ, безъ самоуваженія, безъ взаимнаго сочувствія и поддержки, человѣческій родъ долженъ исчезнуть, какъ исчезаютъ тѣ немногіе животныя виды, которые живутъ хищничествомъ и поработченіемъ другъ друга. А между тѣмъ жизнь толкаетъ каждаго въ противоположную сторону.

Много хорошихъ словъ было сказано въ разныя времена о томъ, что мы обязаны дѣлиться съ немущими тѣмъ, что мы имѣемъ. Но каждый, кто начинаетъ прилагать это ученіе на практикѣ, скоро отворачивается отъ него и говоритъ, что всѣ эти великодушныя чувства хороши въ поэтическихъ произведеніяхъ, но вовсе не въ жизни. Лгать, это значить не уважать себя, это значить унижаться, говоримъ мы, а вся наша цивилизованная жизнь представляетъ собою сплошную ложь. Мы привыкаемъ, такимъ образомъ, сами и приучаемъ нашихъ дѣтей къ двуличности и къ лицемерію. А такъ какъ нашъ умъ неохотно поддается этому, то мы стараемся успокоить себя лживыми умствованіями — софизмами. Лицемеріе и софизмы становятся второй натурой цивилизованнаго человѣка.

Но общество такъ жить не можетъ: оно должно, или вернуться на правильный путь, или погибнуть. Мы видимъ, такимъ образомъ, что простой фактъ захвата богатствъ небольшимъ меньшинствомъ отражается на всей общественной жизни въ ея цѣломъ. Человѣческія общества должны, — подъ угрозою гибели, какая уже постигла немало государствъ въ древности, вернуться къ основному принципу, состоящему въ томъ, что разъ орудія производства представляютъ собою продуктъ труда всего народа, то они должны перейти въ руки всего народа. Частное присвоеніе ихъ и несправедливо, и бесполезно. Все принадлежитъ всѣмъ, такъ какъ всѣ въ немъ нуждаются, всѣ работали для него по мѣрѣ силъ, и нѣтъ никакой физической возможности опредѣлить, какая доля принадлежитъ каждому въ производимыхъ теперь богатствахъ.

Все принадлежит всѣмъ! Вотъ передъ нами огромная масса орудій, созданная девятнадцатымъ вѣкомъ, вотъ миллионы желѣзныхъ рабовъ, которыхъ мы называемъ машинами и которые пилятъ и стругаютъ, ткуютъ и прядутъ за насъ, разлагаютъ и вновь восстанавливаютъ сырой матеріалъ, однимъ словомъ, создаютъ всѣ чудеса нашего времени. Никто не имѣетъ права завладѣть хотя бы одной изъ этихъ машинъ и сказать: „Она принадлежит мнѣ, и, чтобы пользоваться ею, вы должны платить мнѣ дань съ каждаго изъ вашихъ продуктовъ“, такъ же какъ средневѣковый помѣщикъ не имѣлъ права сказать крестьянину: „Этотъ холмъ, или этотъ лугъ принадлежатъ мнѣ, и ты будешь платить мнѣ дань съ каждаго собраннаго снопа, съ каждой копы сѣна“.

Да, все принадлежит всѣмъ! И разъ только мужчина или женщина внесли въ это цѣлое свою долю труда, они имѣютъ право на свою долю всего, что производится общими усиліями всѣхъ. А этой доли уже будетъ достаточно, чтобы обезпечить довольство всѣмъ.

Довольно съ насъ неясныхъ формулъ, въ родѣ „права на трудъ“ или „каждому продуктъ его труда“! То, чего мы требуемъ, это — права на довольство — довольство для всѣхъ.

ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ.

Довольство для всѣхъ — не мечта. Съ тѣхъ поръ какъ наши предки положили столько труда, чтобы сдѣлать нашу работу болѣе производительной, оно стало возможнымъ и осуществимымъ.

Мы знаемъ, что уже теперь производительные рабочіе, составляющіе въ каждой образованной странѣ менѣе трети населенія, производятъ достаточно продуктовъ для того, чтобы обезпечить нѣкоторое довольство въ каждой семьѣ. Мы знаемъ, кромѣ того, что если бы всѣ, кто расточаетъ теперь чужой трудъ, были вынуждены сами заниматься какимъ-нибудь полезнымъ трудомъ, наше богатство возросло бы въ нѣсколько разъ, — больше даже, чѣмъ возросло бы число рабочихъ рукъ. Мы знаемъ, наконецъ, что, вопреки теоріи Мальтуса — этого жреца буржуазной науки, — производительная сила человѣка увеличивается быстрѣе его собственнаго размноженія. Чѣмъ больше скучены люди въ какой-нибудь странѣ, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе ихъ производительныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ населеніе Англіи возросло, съ 1844 года, всего на 62%, ея производительныя силы увеличились, по меньшей мѣрѣ, на 130%. Во Франціи, гдѣ населеніе увеличилось меньше, ростъ производительныхъ силъ тѣмъ не менѣе также шелъ очень быстро. Несмотря на удручающіе земледѣліе кризисы, на обратительство крестьянъ государствомъ, на рекрутчину, на обирание земледѣльцевъ банкирами, финансистами и промышленными хозяевами, — въ теченіе послѣдней четверти вѣка производство пшеницы учетверилось во Франціи, а производство промышленное удесятерилось. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ еще болѣе поразительный прогрессъ: несмотря на иммиграцію — или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого притока рабочихъ изъ Европы — Соединенные Штаты увеличили свое производство въ десятки разъ.

Но эти цифры даютъ лишь слабое понятіе о томъ, что мы могли бы производить при болѣе разумныхъ условіяхъ жизни. Въ настоящее время, по мѣрѣ увеличенія производительной способности, растутъ въ ужасающихъ размѣрахъ и армія тунеядцевъ и посредниковъ. Вопреки царившему прежде среди социалистовъ мнѣнію, что капиталъ скоро настолько сконцентрируется въ немногихъ рукахъ, что для овладѣнія

общимъ имуществомъ достаточно будетъ экспроприровать нѣсколькихъ милліонеровъ, оказывается, что число лицъ, живущихъ чужимъ трудомъ, становится въ дѣйствительности все болѣе и болѣе значительнымъ.

Во Франціи, на тридцать человѣкъ жителей не приходится и десяти непосредственныхъ производителей. Все земледѣльческое богатство страны есть дѣло семи милліоновъ человѣкъ, а въ двухъ ея главныхъ отрасляхъ промышленности — въ копяхъ и въ производствѣ тканей — насчитывается меньше двухъ съ половиною милліоновъ рабочихъ. Сколько же оказывается въ такомъ случаѣ эксплуататоровъ труда? Въ Англии (съ Шотландіею и Ирландіею) всего 1.030.000 рабочихъ заняты въ фабрикаціи всѣхъ возможныхъ тканей — миткалей, суконъ, шелковъ, джуты, кружевъ и т. под., и изъ нихъ всего только 300.000 мужчинъ — остальное же женщины, подростки и дѣти. Около полумилліона работаютъ во всѣхъ копяхъ и рудникахъ; въ Англии и Шотландіи всего съ небольшимъ милліонъ обрабатываютъ землю, и статистикамъ приходится преувеличивать цифры для того, чтобы установить максимумъ въ 8 милліоновъ производителей на 26 милліоновъ жителей Англии, Уэльса и Шотландіи. Въ дѣйствительности же, самое большее шесть или семь милліоновъ рабочихъ создаютъ всѣ богатства, разсылаемая Англіею во всѣ концы свѣта. Сколько же, послѣ этого, окажется людей, живущихъ доходомъ съ капитала, или посредниковъ-кушцовъ, которые получаютъ доходъ со всего міра, и заставляютъ потребителя платить себѣ въ нѣсколько разъ (отъ 5 до 20 разъ) больше, чѣмъ они сами платятъ производителю?

Мало того. Люди, въ рукахъ которыхъ находится капиталъ, безпрестанно умышленно сокращаютъ производство, чтобы поднять цѣны. Уже не говоря о цѣлыхъ бочкахъ устрицъ и рыбы, выбрасываемыхъ въ море для того, чтобы устрицы и тонкая рыба не сдѣлались ѣдою, доступною народу, и не перестали быть лакомствомъ богатыхъ; не говоря о тысячахъ предметовъ роскоши — матерій, пищевыхъ продуктовъ и т. д., которые постигаетъ та же участь, что и устрицы, — напомнимъ только о томъ, какимъ образомъ ограничиваютъ производство предметовъ, необходимыхъ для всѣхъ. Цѣлыя арміи углекоповъ съ удовольствіемъ стали бы добывать каждый день уголь и отсылать его тѣмъ, кто дрожитъ отъ холода; но очень часто, по крайней мѣрѣ треть, а не то и двѣ трети этой арміи не могутъ работать больше трехъ дней въ недѣлю, потому что хозяевамъ нужно поддерживать высокія цѣны на уголь. Тысячи ткачей не могутъ работать на своихъ станкахъ, въ то время какъ ихъ жены и дѣти ходятъ въ лохмотьяхъ,

по той же причинѣ; а между тѣмъ три четверти европейскаго населенія не имѣетъ одежды, достойной этого имени.

Сотни доменныхъ печей, тысячи мануфактуръ остаются постоянно въ бездѣйствіи или работаютъ лишь половину времени, все ради того же повышенія цѣны, и въ каждой образованной націи мы находимъ постоянно около милліона, а иногда и до двухъ милліоновъ людей, остающихся безъ работы: ищущихъ работы, но лишенныхъ возможности ее получить.

Милліоны людей съ радостью принялись бы превращать цевоздѣланныя, или плохо воздѣланныя, земли въ богатые поля, способныя дать роскошныя жатвы. Одного года разумнаго труда было бы уже достаточно, чтобы увеличить вдесятеро производительность земель, которыя теперь даютъ только жалкій урожай. Но смѣлые пачпшатели, готовые взяться за это дѣло, осуждены на бездѣйствіе, потому что тѣ, кто владѣетъ землей, коньями, мануфактурами, предпочитаютъ номѣщать свои капиталы — капиталы, украденные у общества — въ турецкіе или египетскіе займы, или въ акціи золотыхъ припесковъ въ Патагоніи, такъ какъ имъ выгоднѣе заставлять работать на себя египетскихъ феллаховъ, итальянцевъ, вынужденныхъ покинуть свою страну, или китайскихъ кули!

Во всемъ этомъ мы видимъ сознательное и непосредственное ограниченіе производства, но есть и другое ограниченіе, косвенное и бессознательное, которое состоитъ въ томъ, чтобы тратить человѣческій трудъ на производство предметовъ совершенно бесполезныхъ, или служащихъ исключительно для удовлетворенія безсмысленнаго тщеславія богачей.

До чего доходитъ это косвенное ограниченіе, невозможно исчислить даже приблизительно. Но всѣ мы знаемъ и видимъ воочию, сколько силъ человѣческихъ тратится совершенно попусту, тогда какъ онѣ могли бы послужить для производства необходимыхъ вещей, а въ особенности, для приготовленія орудій, нужныхъ для будущаго улучшеннаго производства. Достаточно будетъ указать на милліарды, растрчиваемые Европой на вооруженія — съ единственной цѣлью завоеванія новыхъ рынковъ, или для того, чтобы покорить сосѣдей своему экономическому вліянію и облегчить эксплуатацію внутри страны; достаточно будетъ указать на милліоны, выплачиваемые ежегодно всевозможнымъ чиновникамъ, роль которыхъ заключается въ поддержаніи господства немногихъ надъ экономической жизнью всего народа; милліоны, тратящіяся на судей, на тюрьмы, на жандармовъ, на весь механизмъ, называемый правосудіемъ, въ то время какъ извѣстно, что стоитъ только хоть немного облегчить бѣдность въ боль-

шихъ городахъ, чтобы преступность уже уменьшилась въ значительныхъ размѣрахъ; наконецъ, милліоны, употребляющіеся на распространіе путемъ печати вредныхъ идей и ложныхъ извѣстій въ интересахъ какой-нибудь партіи, какого-нибудь политическаго дѣятеля, или какой-нибудь компаніи эксплуататоровъ.

Но и это еще не все. Подсчитайте только количество труда, который ежегодно тратится совершенно попусту — здѣсь, на содержашіе конюшни, псарни или дворни богача, тамъ — на удовлетвореніе капризовъ свѣтскихъ барынь и стремленія къ роскоши развращеннаго высшаго общества, вездѣ — на то, чтобы при помощи рекламы заставить васъ купить вѣць совершенно ненужную, или навязать покупателямъ товаръ дурнаго качества, или даже на производство предметовъ положительно вредныхъ, но выгодныхъ для предпринимателя. Потраченнаго такимъ образомъ понапрасну труда несомнѣнно хватило бы на то, чтобы удвоить производство полезныхъ предметовъ, или же чтобы снабдить машинами и орудіями много фабрикъ и заводовъ, а эти послѣдніе скоро наводнили бы магазины продуктами, въ которыхъ двѣ трети населенія нуждаются въ настоящее время.

Словомъ, несомнѣнно, что даже изъ числа тѣхъ, кто въ каждой странѣ занимается производительнымъ трудомъ, четверть, по крайней мѣрѣ, всегда остается безъ работы въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году, а трудъ второй четверти — если даже не половинны — идетъ не на что иное, какъ на развлеченіе богачей и на эксплуатацію публики.

Такимъ образомъ, если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, ту быстроту, съ какою цивилизованные народы увеличиваютъ свои производительныя силы, а съ другой — ограниченіе, прямое или косвенное, которому подвергается производство вслѣдствіе современныхъ условій, то мы должны заключить, что сколько-нибудь разумная хозяйственная организація дала бы образованнымъ народамъ возможность накопить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столько полезныхъ продуктовъ, что имъ пришлось бы, наконецъ, сказать себѣ: „Довольно! Довольно съ насъ угля, довольно хлѣба, довольно одежды! Отдохнемъ и подумаемъ, куда еще приложить свои силы, какъ лучше употребить остающійся у насъ досугъ!“

Нѣтъ, довольство для всѣхъ — не мечта. Оно, можетъ-быть, было мечтой тогда, когда человѣку едва удавалось, цѣною страшнаго труда, получить двадцать пудовъ ржи съ десятины, когда онъ выдѣлывалъ собственными руками нужныя для земледѣлія и промышленности орудія. Но оно перестало быть мечтой съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который, съ помощью небольшого коли-

чества желѣза и нѣсколькихъ фунтовъ угля, доставляетъ ему послушную и удобную силу, способную привести въ движеніе самую сложную машину.

Но для того, чтобы это довольство перешло въ дѣйствительность, нужно, чтобы весь этотъ огромный капиталъ — города, дома, распаханные поля, заводы, пути сообщенія, воспитаніе — перестало считаться частною собственностью, которою захватившій ее распоряжается по своему усмотрѣнію.

Нужно, чтобы все это богатство орудій производства, съ такимъ трудомъ прибрѣтенное, построенное, выдѣланное, изобрѣтенное нашими предками, стало общею собственностью, чтобы общество, съ помощью своего коллективнаго ума, могло извлечь изъ него наибольшую выгоду для всѣхъ.

Для этого нужна экспроприація. А потому, довольство для всѣхъ — наша цѣль; экспроприація — наше средство.

II.

Экспроприація, т. е. возвратъ обществу того, что ему принадлежитъ по праву, — такова задача, поставленная исторіей передъ нами, людьми конца девятнадцатаго вѣка. Все то, что служитъ для обезпеченія благосостоянія общества, должно быть возвращено обществу.

Но эта задача не можетъ быть разрѣшена законодательнымъ путемъ. Никто въ такое рѣшеніе и не вѣритъ: какъ бѣдный, такъ и богатый, понимаютъ, что ни современныя правительства, ни правительства, могущія явиться влѣдствіе какой-нибудь политической революціи, не окажутся способными найти нужный выходъ. Всѣми чувствуется необходимость социальной революціи, и какъ богатые, такъ и бѣдные не скрываютъ отъ себя, что эта революція близка, что она можетъ разразиться не сегодня — завтра.

За послѣдніе полвѣка соотвѣтственная подготовка—эволюція—уже совершилась въ умахъ, но подъ давленіемъ меньшинства, т. е. имущихъ классовъ, она не могла воплотиться въ дѣйствительность; ей приходится поэтому устранить препятствія силой и осуществиться въ революціи.

Откуда придетъ революція? Какими признаками будетъ отмѣчено ея начало? На эти вопросы никто не можетъ отвѣтить: мы находимся здѣсь въ полной неизвѣстности. Но всѣ, кто сколько-нибудь наблюдаетъ и размышляетъ, всѣ — какъ рабочіе, такъ и эксплуататоры, какъ революціонеры, такъ и охранители — чувствуютъ одно: что эта революція близка.

Что же мы едѣлаемъ, когда она, наконецъ, разразится?

Мы все такъ много начитались о драматической сторонѣ прошлыхъ революцій и такъ мало знаемъ ихъ дѣйствительно-революционную работу, что многіе изъ насъ видятъ въ этихъ движеніяхъ только внѣшнюю обстановку, борьбу первыхъ дней, баррикады. Но эта борьба на улицѣ, эти первыя стычки длятся недолго и скоро заканчиваются побѣдой или поражениемъ народа; и именно послѣ побѣды народа надъ его прежними правителями начинается настоящая революціонная работа.

Неспособные и безспильные, атакованные со всехъ сторонъ, эти правители быстро уносятся вихремъ возстанія, если возстаніе имѣетъ дѣйствительно народный характеръ. Въ 1848 году, буржуазная монархія во Франціи погибла въ нѣсколько дней, и когда Луи-Филиппъ уѣзжалъ въ извозничьей каретѣ изъ Парижа, Парижъ забылъ уже и думать о бывшемъ королѣ. Правительство Тьера исчезло, 18 марта 1871 года, въ нѣсколько часовъ, оставляя Парижъ хозяиномъ своей собственной судьбы. А между тѣмъ движенія 1848 и 1871 года были только городскими возстаніями; при настоящей же народной революціи разложеніе всего государственнаго строя совершается съ поразительной быстротою во всей странѣ. Правители начинаютъ съ того, что бѣгутъ, а затѣмъ уже начинаютъ устраивать заговоры, чтобы обезпечить себѣ возможность возврата.

Какъ только прежнее правительство распалось, армія перестаетъ, въ виду растущей волны народнаго возстанія, повиноваться своимъ вождямъ; эти послѣдніе, впрочемъ, также благоразумно ступеваются. Войско стоитъ сложа руки, или же, поднявъ приклады вверхъ, присоединяется къ возставшимъ. Полиція не знаетъ, что дѣлать — бросаться ли съ кулаками на толпу или кричать: „да здравствуетъ Коммуна!“ — и расходится благоразумно по домамъ, „поджидая новаго начальства“. Крупные буржуа укладываютъ свои пожитки и уѣзжаютъ куда-нибудь въ безопасныя мѣста. Народъ же остается. Таково бываетъ начало всякой революціи.

И вотъ, напримѣръ, Коммуна провозглашена въ нѣсколькихъ большихъ городахъ. Тысячи людей толпятся на улицахъ и собираются по вечерамъ въ импровизированныхъ клубахъ для рѣшенія вопроса „что дѣлать?“ для горячаго обсужденія общественнымъ дѣломъ. Ими интересуются теперь все; даже тѣ, кто еще вчера были совершенно равнодушны, теперь оказываются чуть ли не самыми ретивыми. Повсюду видно очень много усердія, много самаго горячаго желанія обезпечить за собою побѣду. Совершаются дѣянія самаго высокаго

самопожертвованія. Народъ рвется впередъ: — куда бы то ни было, лишь бы впередъ.

Все это прекрасно, все это очень возвышенно. Но это еще не революція. Напротивъ, работа революціонера только теперь и начинается.

Нѣтъ сомнѣнія, что будутъ при этомъ и акты мести. Разные Ватрены и Тома поплатятся за свою непопулярность. Но это будетъ только одна изъ случайностей борьбы, а вовсе еще не революція*).

Правительственные социаллисты, радикалы, непризнанные гении журнализма, напыщенные ораторы — какъ буржуа, такъ и рабочіе — бросятся, конечно, въ Городскую Думу, чтобы занять опустѣвшія тамъ мѣста. Одни нацѣплять на себя всякихъ побрякушекъ, будутъ смотрѣться въ министерскія зеркала и учиться отдавать приказанія съ величіемъ, подобающимъ ихъ новому сану: красный поясъ, военная фуражка и величественныя движенія руки необходимы имъ, чтобы внушить къ себѣ почтеніе со стороны бывшего товарища по редакціи или по мастерской. Другіе зарюются въ бумагахъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ понять въ нихъ что-нибудь, и примутся сочинять законы и издавать указы, полные громкихъ фразъ, которыхъ никто, впрочемъ, не станетъ исполнять, именно потому, что теперь — время революціи.

Чтобы придать себѣ недостающую имъ представительность, они найдутъ себѣ подходящія чины въ прежнихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и назовутъ себя „Временнымъ Правительствомъ“ или „Комитетомъ Общественнаго Спасенія“, или Головою, Комендантомъ Городской Думы, Начальникомъ Охраны и т. п. Другихъ выберутъ, или провозгласятъ безъ выборовъ, членами Парламента или Городского Совѣта, и вотъ они соберутся, съ подобающей торжественностью, въ Палатѣ или въ Думѣ. И тутъ окажутся, согнанными въ кучу, люди принадлежащіе по крайней мѣрѣ къ десятку различныхъ школъ и направлений, — направлений, которыя вовсе не обусловливаются, какъ это часто говорятъ, однимъ личнымъ соперничествомъ, а соответствуютъ дѣйствительно различнымъ способамъ пониманія задачъ, послѣдствій, глубины предстоящей революціи. Поссибилисты („возможники“), коллективисты, радикалы, якобинцы, бланкисты будутъ согнаны въ одну кучу и неизбѣжно должны будутъ проводить время въ безвыходныхъ, неразрѣшимыхъ, все обостряющихся спорахъ; съ честными людьми смѣшаются властолюбцы, которые мечтаютъ только

*) Ватрень былъ надсмотрщикъ, ненавидимый рабочими и убитый въ восьмидесятихъ годахъ. Тома былъ генералъ, убитый 18 марта 1871 года. Это была единственная казнь, совершенная народомъ въ этотъ день провозглашенія Коммуны.

о собственномъ господствѣ и глубоко презирають толпу, изъ которой вышли сами. Всѣ они придуть съ прямо-противоположными взглядами и будутъ вынуждены заключать между собою яко-бы союзы для образованія большинства, много на день или на два, спорить безъ конца, обзывать другъ друга реакціонерами, деспотами и мошенниками. Имъ нельзя будетъ согласиться ни на одной серьезной мѣрѣ, имъ придется страстно увлекаться спорами изъ-за мелочей, и не смогутъ они создать ничего, кромѣ напыщенныхъ прокламацій. И всѣ-то они, при этомъ, будутъ принимать себя въ серьезъ, тогда какъ настоящая сила движенія была и будетъ оставаться на улицѣ, въ толпѣ.

Все это, можетъ быть, очень интересно для любителей театраль-ныхъ представленій, но все это еще не революція. При всемъ этомъ ничего еще не сдѣлано!

Между тѣмъ народъ страдаетъ. Машины на фабрикахъ не работаютъ, мастерскія закрываются, капиталистъ прячется въ свою уютную норку, заказовъ нѣтъ, торговля не идетъ. Рабочій теряетъ даже тотъ ничтожный заработокъ, какой имѣлъ прежде; а цѣны на жизненные припасы растутъ и растутъ...

Но онъ ждетъ съ геройскимъ самоотверженіемъ, которымъ всегда отличается народъ въ рѣшительныя минуты, когда онъ доходитъ до великаго. „Мы отдаемъ на службу республикѣ три мѣсяца нужды“, заявили парижскіе рабочіе въ февралѣ 1848 года, когда республика была провозглашена во Франціи, — въ то время, какъ господа „представители народа“ и члены временнаго правительства всѣ, до послѣдняго служителя, аккуратно получали свое жалованье! Народъ страдаетъ. Но со свойственною ему дѣтскою довѣрчивостью, съ добродушіемъ массы, вѣрящей въ своихъ вождей, онъ ждетъ, чтобы имъ занялись тамъ, наверху — въ Палатѣ, въ Думѣ, въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія.

Но тамъ думаютъ обо всемъ, кромѣ народныхъ страданій. Когда въ 1793 году голодъ свирѣпствовалъ во Франціи, грозя судьбамъ революціи; когда народъ былъ доведенъ до послѣдней степени нищеты, въ то время какъ по Елисейскимъ полямъ разъѣзжали въ великолѣпныхъ коляскахъ барыни въ роскошныхъ туалетахъ, Робеспьеръ настаивалъ въ Якобинскомъ клубѣ на чемъ? — на обсужденіи его мемуара объ англійской конституціи! Когда въ 1848 году, рабочій сидѣлъ безъ куска хлѣба вслѣдствіе всеобщей остановки промышленности, Временное правительство и Палата препирались о пенсіяхъ военнымъ офицерамъ и о работахъ въ тюрьмахъ, и даже не подумали спросить себя, чѣмъ живетъ народъ въ такую пору безработицы. И если можно упрекнуть въ чемъ-нибудь Парижскую Коммуну, родив-

шуюся въ такихъ скверныхъ условіяхъ, подъ пушками пруссаковъ, и просуществовавшую всего семьдесятъ дней, то и ее придется упрекнуть въ томъ, что она не поняла, что безъ сытыхъ солдатъ нельзя одержать побѣду и что на тридцать су въ день (полтинникъ) въ осажденномъ Парижѣ нельзя рабочему сражаться на укрѣпленіяхъ и въ то-же время кормить свою семью.

Народъ страдаетъ и спрашиваетъ: „что дѣлать, чтобы выйти изъ этого положенія?“

III.

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ:

Признать и заявить во всеулышаніе, что всякій, каковъ бы ни былъ въ прошломъ его ярлыкъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ или слабъ, способенъ или неспособенъ, имѣеть, прежде всего, **право на жизнь**, и что общество должно дѣлить между всѣми тѣ средства существованія, которыми оно располагаетъ. Это нужно признать, провозгласить, и дѣйствовать соотвѣтственно этому.

Нужно сдѣлать такъ, чтобы съ перваго же дня революціи народъ понималъ, что для него наступила новая пора; что съ этого дня никому уже больше не придется ночевать подъ мостами, когда рядомъ стоятъ пышные дворцы, никому не придется голодать, покуда есть въ городѣ съѣстные припасы; никому не придется дрожать отъ холода, когда рядомъ стоятъ мѣховые магазины. Пусть все принадлежитъ всѣмъ, какъ въ принципѣ, такъ и въ дѣйствительности, и пусть, наконецъ, въ исторіи произойдетъ хоть одна революція, которая позаботится о **нуждахъ** народа, прежде чѣмъ отчитывать ему проповѣдь о его **обязанностяхъ**.

Но указами этого сдѣлать нельзя. Добиться этого можно только, если народъ на дѣлѣ, непосредственно, завладѣетъ всѣмъ, что нужно для жизни; это единственный, дѣйствительно-научный способъ дѣйствія, и единственно понятный народной массѣ и для нея желательный.

Нужно завладѣть, во имя возставшаго народа, хлѣбными складами, магазинами платья, жилыми домами. Ничего не надо тратить зря, а тотчасъ же слѣдуетъ организовать такъ, чтобы пополнять то, что будетъ израсходовано. Словомъ, прежде всего сдѣлать все возможное, чтобы удовлетворить всѣ потребности, и сейчасъ же начать производство, но уже не ради барышей кому бы то ни было, а для того, чтобы обезпечить жизнь и дальнѣйшее развитіе всего общества.

Не нужно палить больше этих двумысленных фразъ, въ родѣ „права и трудъ“, которыми заманивали народъ въ 1848 году и хотя бы заманивали еще и теперь. Пора быть посмѣлѣе и прямо заявить, что довольство для рѣшыхъ, сдѣлавшееся въ наше время возможнымъ, должно существовать во что бы то ни стало.

Когда въ 1848 году рабочіе требовали права на трудъ, правительство удерживало національныя мастерскія и заставляло людей работать въ этихъ мастерскихъ за два франка въ день! Когда они требовали организаціи труда, имъ отвѣчали: „Подождите, друзья мои, правительство займется этимъ, а пока — вотъ вамъ два франка. Отдохни, суровый рабочий, трудившійся всю свою жизнь!“ А пока, прицѣпывали пушки, собирали отовсюду войска и дезорганизовывали самихъ рабочихъ тысячами средствъ, которыя буржуа знаютъ очень хорошо. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день имъ заявили: „отправляйтесь колонизовать Африку или мы васъ разстрѣляемъ!“

Совсѣмъ иной результатъ получится, если рабочіе будутъ требовать права на довольство. Они заявятъ тѣмъ самымъ о своемъ правѣ завладѣть всѣмъ общественнымъ богатствомъ, завладѣть домами и расположиться тамъ сообразно потребностямъ каждой семьи, захватить накопленные съѣстные припасы и распорядиться ими такъ, чтобы послѣ слишкомъ долгаго голоданія узнать, наконецъ, довольство. Они заявятъ такимъ образомъ о своемъ правѣ на всѣ богатства — продуктъ труда прошлыхъ и настоящихъ поколѣній, и распорядятся ими такъ, чтобы познаться, наконецъ, съ высшими наслажденіями некудства и науки, слишкомъ долго бывшими достояніемъ однихъ буржуа.

И заявляя о своемъ правѣ на довольство, они — и это еще важнѣе — провозгласятъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое право рѣшать, что должно представлять собою это довольство, какіе продукты нужно производить для его обезпеченія и что можно оставить, какъ потерявшее всякую цѣну.

Право на довольство, это — возможность жить по-человѣчески и воспитывать дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ равныхъ членовъ общества, стоящаго болѣе высоко, чѣмъ наше; тогда какъ право на трудъ, это — право оставаться всегда наемнымъ рабочимъ, управляемымъ и эксплуатируемымъ завтрашнимъ буржуа. Право на довольство, это — социальная революція; право на трудъ, это, самое большее — промышленная каторга.

Уже давно пора рабочему провозгласить, наконецъ, свое право на общее наследіе и завладѣть этимъ наследіемъ.

АНАРХИЗМЪ И КОММУНИЗМЪ.

Реальное общество, покочнившее съ частной собственности, должно будетъ, по нашему мнѣнью, ориентироваться на началахъ анархическаго коммунизма. Аморальность же вължно вестъ къ коммунизму, а коммунизмъ — къ авторитету, кривизнѣ и тѣмъ, и другой представляютъ собою не что иное, какъ выражеше одного и того же стремленія, преобладающаго въ современныхъ обществахъ — стремленіе къ равенству.

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращенный ею хлѣбъ и выдѣливаемую дома шерстяную одежду плодами своего личнаго труда. Правда, даже и тогда такой взглядъ былъ не совсѣмъ вѣренъ: уже тогда существовали мѣсты и дороги, устроенные сообща, были луга, осушенные общими силами, общинныя пашнища и загорюди, поддерживавшіяся общими усиліями. Всякое усовершенствованіе въ ткацкомъ станкѣ или въ способѣ окраски холста шло на пользу всѣмъ; и крестьянская семья не могла существовать иначе какъ при условіи, что ей, не въ томъ, такъ въ другомъ, будетъ оказана мѣрская поддержка.

Но въ настоящее время, когда все связано и все перенлетается между собою въ промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всѣхъ остальныхъ, — нескать долю каждаго въ современномъ производствѣ оказывается совершенно невозможнымъ. Если обработка волокнистыхъ веществъ иковка металловъ достигли въ образованныхъ странахъ такого удивительнаго совершенства, то онѣ обязаны этмъ одновременному развитію тысячи другихъ, крупныхъ и мелкихъ отраслей промышленности, распространенію желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, навыку и ловкости, прибрѣтеннымъ милліонами рабочихъ, извѣстному общему уровню развитія всего рабочаго класса и, наконецъ, вообще всѣмъ работамъ, которыя производятся на всемъ земномъ шарѣ.

Итальянцы, умправивше отъ холеры при прорытіи Суэзкаго канала или отъ деревенчлости сочлененій въ Сенъ-Готардекомъ тунелѣ; американцы, погибавшіе отъ пыльныхъ ядеръ въ войнѣ за отѣну рабства, сдѣлали для развитія хлопчатобумажной промышленности въ Россіи, въ Европѣ и въ Америкѣ не меньше, чѣмъ тѣ дѣвушки и

дѣти, которыя чахнуть на манчестерскихъ или московскихъ фабрикахъ, или тотъ инженеръ, который — большею частью на основаніи догадки кого-нибудь изъ рабочихъ — вноситъ улучшение въ ткацкіе станки.

Какимъ образомъ опредѣлить, при такихъ условіяхъ, часть, приходящуюся на долю каждаго, въ тѣхъ богатствахъ, созданію которыхъ содѣйствуемъ мы всѣ?

Становясь на эту обобщающую точку зрѣнія, мы не можемъ поэтому согласиться съ коллективистами и не можемъ признать, чтобы вознагражденіе, пропорціональное числу часовъ, употребленныхъ каждымъ на производство этихъ богатствъ, представляло собою идеаль, или хотя бы даже шагъ впередъ по направленію къ идеалу. Не входя здѣсь въ обсужденіе того, дѣйствительно ли мѣновая цѣнность товаровъ измѣряется въ современномъ обществѣ количествомъ необходимаго для ихъ производства труда, какъ утверждали Адамъ Смитъ и Рикардо, а за ними и Марксъ мы вернемся къ этому впоследствии), замѣтимъ только, что въ такомъ обществѣ, гдѣ орудія производства считаются общею собственностью, идеаль коллективистовъ уже окажется неосуществимымъ. Разъ только общество приметъ за основаніе принципъ общественнаго владѣнія, ему неизбѣжно придется отказаться и отъ всякой формы наемнаго труда.

Мы твердо убѣждены въ томъ, что смягченный индивидуализмъ коллективистовъ не сможетъ удержаться рядомъ съ коммунизмомъ, хотя бы неполнымъ, но уже выраженнымъ въ общемъ владѣніи землею и орудіями производства. Новая форма владѣнія собственностью потребуетъ и новой формы распределенія того, что будетъ выработано на общей землѣ, общими орудіями труда. При новой формѣ производства невозможна старая форма потребленія, точно такъ же какъ при ней невозможны и старыя формы политической организаціи.

Наемный трудъ есть результатъ присвоенія земли и орудій производства нѣсколькими лицами. Онъ былъ необходимымъ условіемъ развитія капиталистическаго производства и долженъ умереть вмѣстѣ съ нимъ, даже если бы его попытались замаскировать подъ именованіемъ „рабочихъ чековъ“. Общая собственность на орудія производства неизбѣжно приведетъ и къ пользованію сообща продуктами общаго труда.

Мы думаемъ, кромѣ того, не только что коммунизмъ желателенъ, но что современныя общества, основанныя на индивидуализмѣ, сами неизбѣжно должны двигаться по направленію къ коммунизму.

Развитіе индивидуализма въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ — т. е. усиливающееся стремленіе каждой отдѣльной личности обезпе-

чить себя, помимо всѣхъ остальныхъ, — объясняется, главнымъ образомъ, стремленіемъ человѣка оградить себя отъ власти капитала и государства. Нѣкоторое время, большинство людей думали, а тѣ, кто служилъ выразителями мыслей большинства, проповѣдывали, что, обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможетъ вполне освободиться и отъ государства, и отъ капитала. „Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купить все, что мнѣ нужно, въ томъ числѣ и свободу“. Но оказалось, что тутъ крылась глубокая ошибка. Современная исторія заставляетъ каждаго признать, что деньгами ни свободы, ни даже личнаго, продолжительнаго и стойкаго обезпеченія нельзя купить; что безъ сотрудничества всѣхъ, отдѣльный человѣкъ безсиленъ, какъ бы ни были его сундуки полны золотомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ этимъ индивидуалистическимъ теченіемъ, мы находимъ во всей современной исторіи, съ одной стороны стремленіе удержать остатки древняго коммунизма, а съ другой — возстановитъ коммунистическія начала въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ общественной жизни.

Какъ только общинамъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣка удалось освободиться отъ власти свѣтскихъ или духовныхъ владѣтелей, въ нихъ точась же стали сильно развиваться начала общаго труда и общаго потребленія.

Городъ — именно городъ, а не частныя лица („Господинъ Великій Новгородъ“ въ Россіи) — снаряжалъ корабли и посылалъ караваны для торговли съ отдаленными странами, и барыши отъ торговли доставались не отдѣльнымъ купцамъ, а опять-таки всѣмъ — городу; городъ же покупалъ и нужные для жителей припасы. Слѣды этихъ учрежденій сохранились кое-гдѣ до самаго девятнадцатаго вѣка (до 1848 года), и вездѣ народъ свято сохраняетъ воспоминаніе о нихъ въ своихъ преданіяхъ.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще борется за сохраненіе послѣднихъ слѣдовъ этого коммунизма, да и то удается ей только до тѣхъ поръ, пока государство не броситъ на чашку вѣсовъ свой тяжелый мечъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду возникаютъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ новыя организаціи, основанныя на томъ же принципѣ: **каждому по его потребностямъ**, потому что безъ известной доли коммунизма современныя общества вовсе не могли бы существовать. Несмотря на узко-эгоистическій характеръ, который придаетъ умамъ людей нашего времени товарное производство, коммунистическое направленіе обнаруживается постоянно и проникаетъ въ наши отношенія во всевозможныхъ видахъ.

Не так давно еще, когда через рѣку строили мостъ, то съ каждаго проѣзжаго и прохожаго взимали „местовое“; теперь же мосты — общественная собственность, и каждый пользуется ими, сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платять столько-то съ версты, сохранилась только на Востоѣ. Музеи, общественныя библіотеки, даровыя школы, общіе обѣды для дѣтей, парки и сады, открытые для всѣхъ, доступны для всѣхъ, ымогущественныя и освѣщенныя улицы, проведенная въ дома вода (причемъ замѣтно стремленіе вовсе не считать въ точности, сколько ея расходуется въ каждомъ домѣ), все это учрежденія, основанныя на принципѣ: „берите сколько вамъ нужно“.

Конки и желѣзныя дороги уже вводятъ мѣсячныя и годовые билеты, сколько бы разъ въ году или каждый день вы не ѣздили взадъ и впередъ; а недавно въ цѣлой странѣ, въ Венгріи (а за нею и въ Россіи), ввели на желѣзныхъ дорогахъ зонный тарифъ, дающій возможность проѣхать за одну и ту же цѣну, какъ пятьсотъ, такъ и семьсотъ верстъ. Отъ этого недалеко и до установленія одной общей платы за проѣздъ въ такой то области, какъ въ почтовомъ тарифѣ. Во всѣхъ этихъ и во множествѣ другихъ учреждений (гостиницы, пансіоны и т. дал.), господствующее направленіе состоитъ въ томъ, чтобы не измѣрять потребленія. Одному нужно проѣхать тысячу верстъ, другому только семьсотъ. Одинъ сѣдаетъ три фунта хлѣба, другой только два... Это — чисто личныя потребности, и нѣтъ никакого основанія заставлять перваго платить въ полтора раза болѣе, только потому, что его потребность въ полтора раза больше. И такое уравниваніе обнаруживается даже въ нашемъ индивидуалистическомъ обществѣ.

Кромѣ того, замѣчается стремленіе, хотя еще и слабое, поставить потребности личности выше оцѣнки услугъ, которыя она оказала или окажетъ когда-нибудь обществу. Общество разсматривается такимъ образомъ какъ цѣлое, каждая часть котораго такъ тѣсно связана со всѣми другими, что услуга, оказанная кому-нибудь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ — услуга, оказанная всѣмъ.

Когда вы приходите въ общественную библіотеку — только не въ парижскую, а напримѣръ въ лондонскую или берлинскую, — библіотекаръ не спрашиваетъ васъ, прежде чѣмъ дать вамъ нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесятъ книгъ, какія услуги вы оказали обществу? Онъ просто даетъ вамъ книги, а въ случаѣ надобности даже поможетъ вамъ найти книгу въ каталогѣ, если вы не умѣете сдѣлать этого сами. Точно такъ же, за извѣстный вступительный взносъ — причемъ вкладъ въ видѣ труда нерѣдко даже предпочитается денежному взносу — научныя общества открываютъ вамъ свои музеи, сады,

библиотеки, лабораторіи, ежегодныя празднества — вѣдь это безразлично, будь онъ Дарвинъ или простой любитель.

Въ некоторыхъ городахъ, если вы работаете на какой-нибудь изобрѣтениемъ, вы можете отправиться въ особую мастерскую, къ вамъ отведутъ мѣсто, дадутъ столярный верстакъ и все остальное и вы получите необходимые инструменты, все приборы, — лишь бы только вы умѣли ими владѣть, — и предоставятъ вамъ работать сколько хотите. — „Вотъ вамъ нужные инструменты, привлечите въ свою работу друзей, если найдете нужнымъ, соединитесь съ товарищами другихъ ремеселъ — или работайте въ одиночку, если вамъ это больше нравится, — изобрѣтайте воздухоплавательный снарядъ, или не изобрѣтайте ровно ничего — это ваше дѣло. У васъ есть своя идея, и этого достаточно“.

Точно такъ же добровольцы, принадлежащіе къ обществу спасенія на водахъ, не спрашиваютъ объ ихъ званіи и заслугахъ у матросовъ топущаго корабля; они пускаются въ море во время бури, рискуютъ свою жизнь среди разъяренныхъ волнъ и нередко гибнутъ сами, ради спасенія людей, имъ совершенно незвѣстныхъ. Да и въ чему имъ знать ихъ? „Въ нашихъ услугахъ нуждаются; тамъ находятся человѣческія существа, взывающія о помощи — этого достаточно: въ этомъ уже заключается ихъ право на спасеніе. Цѣль же спасти ихъ!“

Таково направленіе — истинно коммунистическое — проявляющееся повсюду, во всевозможныхъ формахъ, въ самой средѣ нашего общества, исповѣдующаго индивидуализмъ.

Но пусть завтра какое-нибудь бѣдствіе, напримѣръ осада города непріателемъ, постигнетъ одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ — страшно эгоистичныхъ въ обыкновенное время, и этотъ самый городъ рѣшитъ, что, прежде всего, нужно удовлетворить потребности дѣтей и стариковъ, не справляясь съ услугами, которыя они оказали, или окажутъ обществу; что нужно накормить прежде всего именно ихъ, и что нужно заботиться обо всѣхъ сражающихся, независимо отъ ума или храбрости, которые проявитъ тотъ или другой изъ нихъ; а затѣмъ тысячи женщинъ и мужчинъ будутъ непрерывно проявлять свое самопожертвованіе въ уходѣ за ранеными.

Итакъ, это стремленіе существуетъ. Оно становится все болѣе замѣтнымъ, по мѣрѣ того, какъ удовлетворяются наиболѣе настоятельныя потребности каждаго, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ производительная сила человѣчества; еще болѣе дѣлается оно замѣтнымъ всякій разъ, когда на мѣсто мелочныхъ заботъ нашей ежедневной жизни выступаетъ какая-нибудь общая идея.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что когда орудія про-

изводства перейти въ собственность всѣхъ, — когда работа будетъ производиться сообща, а трудъ, который займетъ въ обществѣ принадлежащее ему по праву почетное мѣсто, будетъ давать гораздо больше продуктовъ, чѣмъ требуется, — что это стремленіе (сильное уже и теперь) расширить область своего приложенія и сдѣлается основнымъ началомъ общественной жизни?

Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, а такъ же и въ виду практическихъ соображеній относительно экспроприаціи, о которой будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, мы думаемъ, что какъ только революція сломитъ силу, поддерживающую современный порядокъ, нашу первую обязанностью будетъ немедленное осуществленіе коммунизма.

Но нашъ коммунизмъ не есть коммунизмъ фаланстера или коммунизмъ нѣмецкихъ теоретиковъ-государственниковъ. Это — коммунизмъ анархическій, коммунизмъ безъ правительства, коммунизмъ свободныхъ людей. Это синтезъ двухъ цѣлей, преслѣдовавшихся человѣчествомъ во всѣ времена — свободы экономической и свободы политической.

II.

Принимая „анархію“ какъ идеаль политическаго организациі, мы опять-таки лишь формулируемъ другое очевидное стремленіе человѣчества. Всякій разъ, когда развитіе европейскихъ обществъ давало имъ возможность сбросить съ себя ярмо власти, общество такъ и дѣлало, и немедленно пыталось установить такую систему взаимныхъ отношеній, которая основывалась бы на началахъ личной свободы. И мы видимъ въ исторіи, что тѣ времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени, путемъ мѣстныхъ или общихъ возстаній, были вмѣстѣ съ тѣмъ временами неожиданно быстрого развитія хозяйственнаго и политическаго.

Мы видимъ это во времена независимыхъ городовъ, настолько двинувшихъ человѣчество впередъ, въ какіе-нибудь двѣсти или триста лѣтъ, въ наукахъ, искусствѣ, ремеслахъ, архитектурѣ, что раньше того времени, за пять, десять вѣковъ не совершалось такого прогресса; видимъ на крестьянскомъ возстаніи, совершившемъ Реформацію и грозившемъ уничтожить папскую власть, на свободномъ (въ теченіе нѣкотораго времени) обществѣ, создавшемся по ту сторону атлантическаго океана, въ Америкѣ, недовольными элементами старой Европы.

И если мы присмотримся къ современному развитію образованныхъ народовъ, то мы ясно увидимъ, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе растетъ движеніе съ цѣлью ограничить область дѣйствія правительства

и предоставить личности все бóльшую и бóльшую свободу. Въ этомъ именно направленіи совершается современное развитіе, хотя ему и мѣшаетъ весь хламъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, учреждений и предрасудковъ. Какъ всякая эволюція, она только ждетъ революціи, чтобы разрушить стоящія на пути ветхія постройки и свободно проявиться въ новомъ, возрожденномъ обществѣ.

Долго люди пытались разрѣшить неразрѣшимую задачу: „найти такое правительство, которое могло бы заставить личность повиноваться, причемъ само не выходило бы изъ повиновенія обществу“. Теперь же человѣчество старается освободиться вовсе отъ правительства и удовлетворять свои потребности путемъ свободнаго соглашенія между личностями и группами, стремящимися къ одной цѣли. Независимость каждой территоріальной, земельной единицы, т. е. деревни, города, области, страны, становится настоятельною потребностью; взаимное соглашеніе замѣняетъ собою понемногу законодательство и направляетъ отдѣльные частные интересы къ одной общей цѣли, независимо отъ государственныхъ границъ.

Всѣ отправления, которыя недавно еще считались исключительно принадлежностью государства, теперь оспариваются у него: безъ его вмѣшательства люди устраиваются легче и удобнѣе. И, рассматривая успѣхи, сдѣланные уже въ этомъ направленіи, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что человѣчество стремится свести дѣятельность правительства къ нулю и уничтожить государство — это олицетвореніе несправедливости, притѣсненія и всевозможныхъ монополій въ рукахъ капиталистовъ.

Мы уже можемъ предвидѣть такое общество, въ которомъ личность, не связанная законами, будетъ руководиться исключительно привычками общественности, которая сама есть слѣдствіе испытываемой каждымъ изъ насъ потребности искать поддержки, сотрудничества и сочувствія у другихъ людей.

Представленіе объ обществѣ безъ государства вызоветъ, конечно, по меньшей мѣрѣ, столько же возраженій, какъ и представленіе о такомъ хозяйственномъ строѣ, въ которомъ отсутствуетъ частный капиталъ. Мы всѣ выросли на цѣлой кучѣ предрасудковъ относительно государства, играющаго роль Провидѣнія въ отношеніяхъ людей между собою. Все наше воспитаніе, начиная съ преподаванія римскихъ преданій, извѣстныхъ подъ названіемъ римской исторіи, и кончая византійскими законами Юстиніана, которые изучаются подъ названіемъ римскаго права, а также всевозможными науками „о правѣ“, преподаваемыми въ нашихъ университетахъ, — все пріучаетъ насъ вѣрить

въ правительство и въ достоинства вездѣсущаго всемогущаго государства.

Цѣльми философскія системы были выработаны и стали предметомъ преподаванія, съ цѣлью поддержанія этого предразсудка. Съ тою же цѣлью были созданы различныя теоріи права. Вся политика основана на этомъ началѣ, и каждый политическій дѣятель, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ, всегда обращается къ народу со словами: „Дайте мнѣ въ руки власть, и я васъ избавлю отъ гнетущихъ васъ бѣдствій: я имѣю возможность это сдѣлать!“

Отъ колыбели до могилы, всѣ наши дѣйствія управляются этими же началами повиновенія государству и всемогущества правительствъ. Откройте любую книгу по общественной наукѣ (соціологін), или по юриспруденціи, и вы увидите, что правительство, его организація и его дѣйствія всегда занимаютъ въ этихъ книгахъ такое важное мѣсто, что мы, учащіяся по нимъ, привыкаемъ думать, будто внѣ правительства и государственныхъ людей ничего не существуетъ.

То же самое повторяется на всѣ лады и въ газетахъ. Цѣлые столбцы посвящаются парламентскимъ преніямъ и политическимъ кознямъ, въ то время какъ вся огромная ежедневная жизнь народа, идущая своимъ путемъ внѣ государственной рамки, едва затрагивается въ нѣсколькихъ строкахъ, — и то только по поводу какого-нибудь экономическаго явленія, или по поводу какого-нибудь новаго закона, или же по случаю какого-нибудь пропшества, сообщеннаго полиціею. И когда вы читаете эти газеты, вы совершенно забываете думать о безчисленномъ множествѣ существъ — т. е., собственно говоря, обо всемъ человѣчествѣ, — которыя растутъ и умираютъ, страдаютъ, трудятся и потребляютъ, думаютъ и творятъ, помимо этихъ навязчивыхъ людей, кѣторыхъ мы до того возвеличили, что ихъ тѣнь, разросшаяся благодаря нашему невѣжеству, заслонила собою все человѣчество.

А между тѣмъ, какъ только мы перейдемъ отъ печатной бумаги къ самой жизни, какъ только мы взглянемъ на окружающее насъ общество, мы будемъ поражены тѣмъ, что правительство играетъ такую незначительную роль. Еще Бальзакъ замѣтилъ, что милліоны крестьянъ живутъ всю свою жизнь, не зная относительно государства ничего, кромѣ того, что они вынуждены платить ему большіе налоги. Милліоны торговыхъ и всякихъ другихъ сдѣлокъ совершаются ежедневно безъ всякаго вмѣшательства правительства, и самыя крупныя изъ нихъ — коммерческія и биржевыя сдѣлки — заключаются такъ неформально, что правительство и не могло бы вмѣшаться въ нихъ, если бы одна изъ сторонъ возмѣшла намѣреніе не исполнить принятаго обязательства. Поговорите съ любымъ человѣкомъ, свѣдующимъ въ

коммерческихъ дѣлахъ, и онъ вамъ скажетъ, что торговля операціи, происходящія ежедневно между коммерсантами, были бы совершенно невозможны, если бы громадное большинство изъ нихъ не основывалось на взаимномъ довѣрїи. Простая привычка держать слово, боязнь потерять кредитъ, оказываются болѣе чѣмъ достаточными для поддержанія той относительной честности, которая называется коммерческою честностью. Даже такіе люди, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣсти стануть отравлять своихъ покупателей негоднымъ товаромъ, считаютъ долгомъ чести исполнять свои обязательства по отношенію къ другимъ купцамъ. Но если эта относительная честность могла развиваться, даже при теперешнихъ условіяхъ, когда обогащеніе составляетъ единственный двигатель и единственную цѣль, то можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что ея развитіе пойдетъ несравненно быстрѣе, какъ только присвоеніе чужого труда перестанетъ служить основою общественной жизни?

Другой поразительный фактъ, очень характерный для современной жизни, еще краснорѣчивѣе говоритъ въ томъ же направленїи. Это — постоянное увеличеніе области предпрїятій, основанныхъ на частномъ починѣ и необычайное развитіе свободныхъ союзовъ для всевозможныхъ цѣлей. Мы остановимся на этомъ подробнѣе въ главахъ, посвященныхъ свободному соглашенію; здѣсь же достаточно будетъ сказать, что этого рода факты такъ многочисленны и такъ обычны, что самую существенною чертою второй половины нашего вѣка слѣдуетъ признать развитіе вольныхъ союзовъ, хотя социалистическіе и политическіе писатели не замѣчаютъ ихъ и предпочитаютъ постоянно говорить намъ о благодѣтельной роли правительства въ будущемъ.

Эти свободныя, до безконечности разнообразныя организаціи, представляютъ собою настолько естественное явленіе; онѣ растутъ такъ быстро, группируются такъ легко и составляютъ такой неизбѣжный результатъ постояннаго возрастанія потребностей образованнаго человѣка; и наконецъ, онѣ такъ легко и выгодно замѣняютъ собою правительственное вмѣшательство, что мы неизбѣжно должны признать въ нихъ явленіе, котораго значеніе въ жизни обществъ неизбѣжно должно расти съ каждымъ годомъ.

Если такіе вольные союзы еще не распространились на всѣ общественныя и жизненныя явленія, то это зависить только отъ того, что они встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ бѣдности рабочихъ, въ дѣленїи современнаго общества на касты, въ частной собственности — и въ особенности — въ государствѣ. Уничтожьте эти

препятствія и вы увидите, что они быстро покроютъ все необозримое поле дѣятельности образованныхъ людей.

Исторія послѣдняго пятидесятилѣтія служитъ также живымъ доказательствомъ того, что никакое конституціонное правительство не способно къ исполненію тѣхъ отравленій, которыя государство захватило въ свои руки. На девятнадцатый вѣкъ будутъ когда-нибудь указывать, какъ на эпоху крушенія парламентаризма.

Это безсиліе такъ очевидно для всѣхъ, ошибки парламентаризма и прирожденные недостатки такъ-называемаго представительнаго правленія настолько бросаются въ глаза, что тѣ немногіе мыслители, которые занялись критикою этой формы правленія (Дж. Ст. Милль, Лавердэ), были лишь выразителями общаго недовольства. Не желъпо ли, въ самомъ дѣлѣ, избрать нѣсколькихъ человѣкъ и сказать имъ: „Пишите для насъ законы относительно всѣхъ проявленій нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете объ этихъ проявленіяхъ“? Люди начинаютъ понимать, что такъ называемое „правленіе большинства“ на дѣлѣ значить — отдать всѣ дѣла страны въ руки тѣхъ немногихъ, которыми составляется большинство во всякой Палатѣ, — т. е. въ руки „болотныхъ жабъ“, какъ ихъ называли во время французской революціи, или людей, которые не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, а пристають то къ „правой“ то къ „лѣвой“ партіи, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ и съ кого можно больше сорвать. Конституціонное правленіе конечно было шагомъ впередъ противъ неограниченнаго правленія дворцовыхъ партій, но человѣчество не можетъ закиснуть на немъ: оно ищетъ уже новыхъ выходовъ — и находитъ ихъ.

Всемирный почтовый союзъ, общества желѣзныхъ дорогъ, различныя ученныя общества представляютъ собою примѣры предпріятій, основанныхъ на свободномъ соглашеніи, замѣнившемъ собою законъ.

Въ настоящее время, когда какія-нибудь группы, разсѣяныя въ различныхъ концахъ земного шара, хотять организовать съ какою-нибудь цѣлью, они уже не выбираютъ интернаціональнаго парламента изъ „пригодныхъ на всякое дѣло депутатовъ“ и не говорятъ имъ: „Дайте намъ законъ и мы будемъ вамъ повиноваться“. Если нѣтъ возможности стовориться прямо, или при помощи переписки, онѣ посылаютъ на конгрессъ людей, спеціально изучившихъ данный вопросъ, которымъ говорить: „Постарайтесь стовориться относительно того-то и того-то и возвращайтесь къ намъ — не съ новыми законами въ карманѣ — они намъ не нужны, — а съ проентомъ соглашенія, которое мы можемъ принять. но можемъ и не принять“.

Такъ дѣлають, между прочимъ, вотъ уже полъ вѣка, англійскіе

рабочіе союзы. Они ничего не привозят со своихъ съѣздовъ, кромѣ **предложеній**, которыя разсматриваются каждымъ союзомъ порознь и либо принимаются имъ, либо отвергаются. Точно такъ же поступаютъ и крупныя промышленныя компаніи, ученыя общества и всевозможныя союзы, покрывающіе цѣлою сѣтью Европу и Сединенные Штаты. Такъ же станеть поступать и общество, освободившееся отъ государственной власти. Чтобы отнять землю, фабрики и заводы у тѣхъ, кто ими владѣеть теперь, парламенты окажутся совершенно негодными. Покуда общество было основано на крѣпостномъ правѣ, оно могло мириться съ неограниченной монархіей; а когда оно основалось на наемномъ трудѣ и эксплуатаціи массъ капиталистами, оно нашло лучшій оплотъ эксплуатаціи въ парламентаризмѣ. Но общество свободное, взявшее въ свои руки общее наследіе, — землю, фабрики, капиталы — должно будетъ искать новой политической организаціи, соотвѣтствующей новой хозяйственной жизни — организаціи, основанной на свободномъ союзѣ и вольной федераціи.

Каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни.

ЭКСПРОПРИАЦІЯ.

Разсказываютъ, что въ 1848 году, когда революція заставляла Ротшильда дрожать за свое состояніе, онъ выдумалъ слѣдующую штуку. — „Хорошо, сказала онъ, допустимъ, что мое богатство нажито на счетъ другихъ. Но если его раздѣлить поровну между всѣми жителями Европы, то на каждаго придется не больше одного пятифранковика (двухъ рублей). Чтожъ, я согласенъ выдать каждому его пятифранковикъ, если онъ его потребуетъ“.

Объявивши это и опубликовавши свои слова, богачъ сталъ спокойно разгуливать по улицамъ Франкфурга. Раза три или четыре къ нему подходили люди и просили вернуть имъ ихъ пятифранковики, что онъ и дѣлалъ, съ дьявольски-насмѣшливой улыбкой. Фокусъ, такимъ образомъ, удался, и потомство милліонера продолжаетъ до сихъ поръ владѣть своими милліонами.

Почти такъ же разсуждаютъ и тѣ буржуазные мудрецы, которые говорятъ намъ: „А, экспроприація! Понимаю! Это значитъ, взять у каждаго пальто, сложить ихъ всѣ въ кучу, а затѣмъ пусть каждый беретъ себѣ пальто изъ кучи и дерется за самое лучшее со всѣми остальными!“ Но въ дѣйствительности, эта болтовня — не болѣе, какъ глупая шутка.

Мы вовсе не хотимъ складывать въ кучу всѣ пальто, чтобы потомъ распредѣлять ихъ (хотя даже и при такой системѣ тѣ, которые дрожать теперь отъ холода безъ одежды, — все-таки остались бы въ выигрышѣ). Точно такъ же мы вовсе не хотимъ и дѣлить деньги Ротшильда. Мы хотимъ устроить такъ, чтобы каждому родящемуся на свѣтъ человѣческому существу было обезпечено, во-первыхъ, то что оно выучится какому-нибудь производительному труду и приобрѣтетъ въ немъ навыкъ, а во-вторыхъ, то что оно сможетъ заниматься этимъ трудомъ, не спрашивая на то разрѣшенія у какого-нибудь собственника или хозяина, и не отдавая львиной доли всего своего труда людямъ, захватившимъ въ свои руки землю и машины.

Что же касается до различныхъ богатствъ, находящихся во владѣніи Ротшильдовъ или Вандербильтовъ, то они только помогутъ намъ лучше организовать наше производство сообща.

Когда крестьянинъ сможетъ пахать землю, не отдавая царю и

помѣщику половину жатвы, когда всѣ машины, нужныя для того, чтобы всахать и удобрить землю будутъ въ изобиліи, въ распоряженіи самого пахаря; когда фабричный рабочій будетъ производить для общества, а не для тѣхъ, кто пользуется его бѣдностью, — тогда рабочіе перестанутъ ходить вироголодь, въ лохмотьяхъ; и ни Ротшильдовъ, ни другихъ эксплуататоровъ больше не будетъ. Разъ никто не будетъ вынужденъ продавать свою рабочую силу за такую плату, которая представляетъ лишь часть того, что онъ выработалъ, — тогда и Ротшильдамъ неоткуда взяться.

— „Ну, хорошо“, — скажутъ намъ. „Но вѣдь къ вамъ могутъ явиться Ротшильды извѣст. Можете ли вы помѣшать человѣку нажить милліоны гдѣ-нибудь въ Китаѣ, а затѣмъ пріѣхать и поселиться у васъ? Можете ли вы помѣшать ему окружить себя наемными слугами и рабочими, эксплуатировать ихъ и обогащаться на ихъ счетъ?“

„Не можете же вы произвести революцію на всемъ земномъ шарѣ въ одно время. Что же тогда? Ужъ не станете ли вы устранивать пограничныя таможи и обыскивать пріѣзжающихъ, чтобы конфисковать ввозимыя ими деньги? Жаандармы-анархисты, стрѣляющіе по путешественникамъ — вотъ будетъ любопытное зрѣлище!“

Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ одна крупная ошибка: люди не задаются вопросомъ о томъ, откуда происходитъ состояніе богачей? А между тѣмъ, стоитъ только немного подумать, чтобы увидать, что богатство однихъ зависитъ исключительно отъ бѣдности другихъ. Тамъ, гдѣ не будетъ бѣдныхъ, не будетъ и эксплуатирующихъ ихъ богачей. Только изъ нищеты народа и создаются богатства.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, средніе вѣка, въ ту пору, когда начали зарождаться крупныя состоянія. Какой-нибудь феодальный баронъ (а въ Россіи — бояринъ или князь) захватывалъ тогда цѣлую плодородную, незаселенную область. Но пока эта земля не была заселена, онъ совсѣмъ не былъ богатъ; земля ничего ему не приносила и имѣла для него не больше цѣны, чѣмъ какія-нибудь помѣстья на лупѣ. — Что же дѣлалъ нашъ баронъ, чтобы обогатиться? — Онъ искалъ крестьянъ, бѣдпону.

Но если бы у каждаго крестьянина былъ клочекъ земли, не обложенный никакими податями, если бы у него были, кромѣ того, нужныя орудія и скотъ, то кто же пошелъ бы работать на земли барона? Каждый несомнѣнно остался бы работать у себя, и баронъ оставался бы ни при чемъ. Но въ дѣйствительности, баронъ находилъ цѣлыя селенія бѣдняковъ, разоренныхъ войнами, засухами, чумой, надеждами, не имѣвшихъ ни лошади, ни плуга (железо въ средніе вѣка было дорого, дороги были и рабочія лошади).

Вездѣ были такіе бѣдняки, искавшіе возможности устроиться гдѣ-нибудь получше и бродившіе ради этого по дорогамъ. И вотъ они видѣли гдѣ-нибудь на перекресткѣ, на границѣ владѣній нашего барона, столбъ, на которомъ обозначено было различными крестами и другими понятными для нихъ знаками, что крестьянинъ, который поселится на этой землѣ, получитъ, кромѣ земли, соху, лѣсъ для избы, лошадь и сѣмена, никому ничего не платя столько-то лѣтъ. Число этихъ годовъ, скажемъ девять лѣтъ — и бывало отмѣчено на столбѣ девятью крестами, и крестьянинъ хорошо понималъ, что значать эти кресты.

И вотъ бѣднота шла селиться на земляхъ барона. Они прокладывали дороги, осушали болота, строили деревни, обзаводились скотомъ и сперва никакихъ податей не платили. Затѣмъ, черезъ девять лѣтъ, баронъ заставлялъ ихъ заключить съ нимъ арендный договоръ, а еще черезъ пять — заставлялъ платить себѣ оброкъ потяжеле, а тамъ опять увеличивалъ его, покуда у крестьянъ хватало силъ платить; и крестьянинъ соглашался на новыя условія, потому что лучшихъ онъ не могъ найти нигдѣ. И вотъ мало по малу, особенно при содѣйствіи законовъ, которые писались баронами, нищета крестьянина становилась источникомъ обогащенія помѣщика, и не одного только помѣщика, а еще и цѣлаго роя ростовщиковъ, которые набрасывались на деревню и все болѣе плодились по мѣрѣ того, какъ крестьянину становилось тяжелѣе платить. А тамъ, глядишь, крестьянинъ становится и крѣпостнымъ барона, и уже никуда не смѣлъ уйти съ земли.

Такъ было въ Средніе вѣка. Но не происходитъ ли то же самое и теперь? Если бы были свободныя земли, которыя крестьянинъ могъ бы свободно обрабатывать, развѣ онъ сталъ бы платить барину по сто рублей за десятину въ вѣчность? Развѣ онъ сталъ бы платить непосильную арендную плату, отнимающую у него треть, а не то и больше всей его жатвы? Развѣ онъ согласился бы сдѣлаться полонникомъ, т. е. отдавать собственнику половину своего урожая?

Но у него ничего нѣтъ, — а потому онъ и соглашается на все, лишь бы ему позволили кормиться съ земли, и своимъ потомъ и кровью онъ обогащаетъ помѣщика. Изъ мужицкой бѣдности — изъ нищеты — растутъ княжескіе, графскіе и купеческіе капиталы, въ нашемъ двадцатомъ вѣкѣ, точно также, какъ и въ Средніе Вѣка.

II.

Помѣщикъ богатѣетъ отъ мужицкой бѣдности; и точно также, отъ чужой бѣдности богатѣетъ хозяинъ фабрики и завода.

Вотъ, на примѣръ, буржуй, который тѣмъ или инымъ путемъ оказался обладателемъ суммы въ двѣсти тысячъ рублей. Онъ можетъ, конечно, проживать ихъ по двадцати тысячъ въ годъ, что при нынѣшней безумной роскоши, въ сущности не особенно много. Но тогда, черезъ десять лѣтъ у него ничего не останется. Поэтому, въ качествѣ человѣка „практическаго“, онъ предпочитаетъ сохранить свой капиталъ въ цѣлости и, кромѣ того, создать себѣ порядочный ежегодный доходецъ.

Добиться этого, въ нашемъ теперешнемъ обществѣ — очень просто, именно потому, что города и деревни кишатъ рабочимъ людемъ, которому не на что прожить даже одного мѣсяца, даже и недѣли. И вотъ нашъ буржуа находитъ подходящаго инженера и строитъ заводъ. Банкиры охотно даютъ ему займы еще двѣсти тысячъ рублей — особенно если онъ пользуется репутаціей продувнаго человѣка, — и съ помощью этого капитала онъ уже получаетъ возможность заставить работать на себя, ну хоть четыреста рабочихъ.

Но если бы кругомъ его, въ каждомъ городѣ и деревнѣ люди нимѣли обезпеченное существованіе, — кто же пошелъ бы работать къ нашему буржуа? Никто не согласился бы работать на него за рубль въ день, когда вслѣдствіе знаетъ, что если продать товаръ, сработанный въ одинъ день, за него можно получить три или даже пять рублей. Къ несчастью, какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, бѣдные кварталы городовъ и сосѣднія деревни полны голодающихъ семей, и не успѣтъ заводъ отстроиться, какъ рабочіе уже сбѣгаются со всѣхъ сторонъ. „Прими насъ, батюшка, Христа ради; ужъ мы рады на тебя стараться, а намъ лишь бы подати заплатитъ да ребятишекъ прокормить“. Ихъ было нужно, можетъ быть, триста, а явилась цѣлая тысяча. И, какъ только заводъ начнетъ работать, ховяинъ — если онъ только не совершенный дуракъ — будетъ получать съ каждаго работающаго у него рабочаго около двухъ или трехъ сотъ рублей ежегодно. У него составитъ, такимъ образомъ, порядочный доходецъ, и если онъ выбралъ выгодную отрасль производства, и обладаетъ при этомъ нѣкоторою ловкостью, то онъ будетъ расширять понемногу свой заводъ, удвоитъ число обираемыхъ имъ рабочихъ и еще увеличитъ свой доходъ.

Тогда онъ станетъ почтеннымъ лицомъ въ городѣ и сможетъ принимать у себя другихъ такихъ же почтенныхъ, чиновниковъ, а не то и губернатора; потомъ онъ постарается соединить свое состояніе съ другимъ большимъ сотояніемъ, обвѣнчавшись съ богатою невѣстою, выхлопочетъ выгодныя мѣстички для своихъ дѣтей, и, наконецъ, получитъ какой-нибудь заказъ отъ государства: ну, хоть поставку гни-

слухъ сапогъ для войска или гнилой муки для мѣстной тюрьмы. Тутъ онъ уже совѣмъ округлитъ свой капиталъ, а если на его счастье случится война, или пройдетъ просто слухъ о войнѣ, онъ уже не упуститъ случая: либо окажется подрядчикомъ, либо совершитъ какое-нибудь крупное биржевое мошенничество, и станетъ тузомъ.

Девять-десятыхъ тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, которыя мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ (какъ показала Генри Джорджъ въ своей книгѣ „Соціальные Вопросы“) какому-нибудь крупному мошенничеству, совершенному съ помощью государства. Въ Европѣ, во всѣхъ нашихъ монархіяхъ и республикахъ, девять-десятыхъ состояній имѣютъ то же происхожденіе: сдѣлаться миллионеромъ можно только такимъ путемъ.

Вся наука обогащенія сводится къ этому: найти бѣдняковъ, платить имъ треть или четверть того, что они смогутъ сработать и накопить такимъ образомъ состояніе; затѣмъ увеличить его посредствомъ какой-нибудь крупной операціи при помощи государства.

Стоитъ ли говорить послѣ этого о тѣхъ небольшихъ состояніяхъ, которыя экономисты приписываютъ „сбереженіямъ“, тогда какъ въ дѣйствительности „сбереженія“ сами по себѣ не приносятъ ничего, если только сбереженные деньги не употребляются на эксплуатацію бѣдняковъ.

Вотъ, напримѣръ, сапожникъ. Допустимъ, что его трудъ хорошо оплачивается, что у него всегда есть выгодные заказы и что, цѣною ряда лишеній, ему удастся откладывать по рублю въ день или двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Допустимъ, что ему никогда не случается болѣть, что, несмотря на свою страсть къ сбереженію, онъ хорошо питается, что онъ не женатъ, или что у него нѣтъ дѣтей, что онъ не умретъ въ концѣ концовъ отъ чахотки — допустимъ все, что вамъ угодно! Мечтать — такъ мечтать! И все-таки, къ пятидесяти годамъ онъ не накопитъ даже девяти тысячъ рублей, и съ этимъ запасомъ ему нечѣмъ будетъ прожить, когда онъ состарится и больше не сможетъ работать. Нѣтъ, большія состоянія, очевидно, наживаются не такъ.

Но представимъ себѣ другой случай. Какъ только нашъ сапожникъ накопитъ немного денегъ, онъ есейчасъ же снесетъ ихъ въ сберегательную кассу, которая дастъ ихъ взаймы какому-нибудь буржуа, — предпринимателю по эксплуатаціи бѣдняковъ. Затѣмъ, этотъ сапожникъ возьметъ себѣ ученика — сына какого-нибудь бѣдняка, который будетъ считать себя счастливымъ, если мальчикъ выучится черезъ пять лѣтъ ремеслу и сможетъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Ученикъ будетъ доставлять нашему сапожнику доходецъ и, если

только у него будутъ заказы, онъ возьметъ еще и второго и третьего ученика. Позднѣе онъ найметъ рабочихъ, — бѣдняковъ, которые будутъ очень рады получать рубль или полтинникъ въ день, за работу, которая стоитъ трехъ или четырехъ рублей. И если нашему саножнику „повезетъ“, т. е. если онъ окажется достаточно ловкимъ, его рабочіе и ученики будутъ доставлять ему около десяти рублей въ день дохода, помимо его собственнаго труда. Тогда онъ сможетъ расширить свое предпріятіе, начнетъ мало по малу обогащаться и не будетъ вынужденъ экономить на необходимой пищѣ. И, въ концѣ концовъ, онъ оставитъ своему сыну маленькое наслѣдство.

Вотъ что и называется „быть экономнымъ, сдѣлать сбереженія“. Въ сущности все это значитъ просто—умѣть наживаться трудомъ тѣхъ, кому ѣсть нечего.

Торговля, на первый взглядъ, кажется исключеніемъ изъ этого правила. — „Вотъ напримѣръ“, скажутъ намъ, „человѣкъ, который покупаетъ чай въ Китаѣ, привозитъ его во Францію и такимъ образомъ получаетъ тридцать процентовъ прибыли на свой капиталъ; онъ никого не эксплуатируетъ“.

А между тѣмъ, въ сущности, и въ торговлѣ все то же. Если бы нашъ торговецъ переносилъ чай на своей собственной спинѣ, тогда — другое дѣло! Въ былыя времена, въ началѣ Среднихъ Вѣковъ торговля именно такъ и велась. Поэтому такихъ чудовищныхъ состояній, какъ въ наше время, и нельзя было нажить: послѣ труднаго и опаснаго путешествія, кушцу едва-едва удавалось отложить небольшой барышъ. Люди занимались торговлей не столько ради барыша, сколько ради любви къ путешествіямъ и къ приключеніямъ.

Теперь же дѣло происходитъ гораздо проще. Купецъ, обладающій капиталомъ, можетъ обогащаться, не трогаясь съ мѣста. Онъ поручаетъ по телеграфу комиссіонеру купить сто тоннъ чая; зафрахтовываетъ корабль и черезъ нѣсколько недѣль — или черезъ три мѣсяца, если путешествіе совершается на парусномъ суднѣ — корабль привозитъ ему его товаръ. Онъ не рискуетъ даже возможными приключеніями въ путешествіи, такъ какъ и товаръ его и корабль застрахованы. Если онъ затратилъ пятьдесятъ тысячъ рублей, онъ получитъ теперь шестьдесятъ и, повторяя тѣ-же операціи раза три въ годъ, будетъ жить себѣ бариномъ. Рискъ, опасность будетъ только тогда, когда онъ захочетъ спекулировать на какомъ-нибудь новомъ товарѣ: тогда онъ можетъ или сразу удвоить свое состояніе или разомъ все потерять.

Но спрашивается, гдѣ же онъ нашелъ людей, которые за ничтожный матросскій заработокъ рѣшились пуститься въ плаваніе, совер-

шить путешествіе въ Китай и обратно, рѣшились столько работать, утомляться, рисковать жизнью? Какъ могъ онъ найти въ докахъ разгрузчиковъ и нагрузчиковъ, которые работали на него, какъ вола, и которымъ онъ платилъ ровно столько, сколько нужно было чтобы они не умерли съ голоду? Какъ это все ему удалось? Отвѣтъ простъ. — Только благодаря тому, что бѣдноты вездѣ не оберешься! Пойдите въ любую гавань, обойдите тамъ кабаки, посмотрите на босяковъ, которые приходятъ туда напиматься и дерутся у воротъ лондонскихъ доковъ, осаждая ихъ съ ранняго утра, чтобы только получить возможность работать на корабляхъ. Посмотрите на этихъ моряковъ, которые радуются, когда послѣ дѣлхъ педѣль и мѣсяцевъ ожиданія имъ удастся наняться въ дальнее плаваніе! Всю свою жизнь они провели, переходя съ одного корабля на другой, и будутъ путешествовать еще на многихъ корабляхъ, пока, наконецъ, не погибнуть гдѣ-нибудь въ морѣ.

Войдите въ ихъ хижины, посмотрите на ихъ женъ и дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, живущихъ неизвѣстно какъ, въ ожиданіи возвращенія отца — и вы узнаете, какъ и почему богатѣетъ купецъ.

Возьмите примѣры откуда хотите и сколько хотите; подумайте сами надъ происхожденіемъ всѣхъ состояній, крупныхъ и мелкихъ, — чему бы они ни были обязаны своимъ происхожденіемъ: торговлѣ, банковымъ операціямъ, промышленности или владѣнію землею — и вы увидите, что повсюду богатство однихъ основывается на бѣдности другихъ. А разъ оно такъ, то анархическому обществу нечего будетъ бояться неизвѣстнаго Ротшильда, который явился бы вдругъ и поселился въ его средѣ. Если каждый членъ общества будетъ знать, что послѣ нѣсколькихъ часовъ производительнаго труда, онъ будетъ имѣть право пользоваться всѣми наслажденіями, доставляемыми цивилизаціей, всѣми удовольствіями, которыя даетъ человѣку наука и искусство, онъ не станетъ продавать за ничтожную плату свою рабочую силу. Для обогащенія такого Ротшильда не найдется нужной бѣдноты. Его деньги будутъ не больше какъ куски металла, пригодные для разныхъ поддѣлокъ, но плодиться и рожать новые золотые и серебряные кружки, они больше не смогутъ.

* * *

Этотъ отвѣтъ на возраженіе опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы экспроприаціи. Экспроприировать, — взять назадъ въ руки общества — нужно все то, что даетъ возможность кому бы то ни было — банкиру, промышленнику или землевладѣльцу — присвоивать себѣ чужой трудъ. Оно просто и понятно.

Мы вовсе не хотимъ отнимать у каждаго его пальто, но мы хотимъ отдать въ руки рабочихъ все, — рѣшительно все, что даетъ возможность кому бы то ни было ихъ эксплуатировать. И мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы никто не нуждался ни въ чемъ и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было ни одного человѣка, который былъ бы вынужденъ продавать свою рабочую силу, чтобы обезпечить существованіе свое и своихъ дѣтей.

Вотъ что мы понимаемъ подъ экспропріаціей и вотъ какъ мы смотримъ на наши обязанности во время революціи — революціи, до которой мы надѣемся дожить, не черезъ сто лѣтъ, а въ недалекомъ будущемъ.

III.

Анархическія идеи вообще и идея экспропріаціи въ частности встрѣчаютъ среди людей независимыхъ и среди людей, которые не считаютъ праздною высшею цѣлью жизни, гораздо больше сочувствія, чѣмъ быкновенно думаютъ. „Но берегитесь“, часто говорятъ намъ такіе друзья; „не заходите слишкомъ далеко; человѣчество не мѣняется въ одинъ день, и не слѣдуетъ слишкомъ торопиться съ вашими планами экспропріаціи и анархій. Вы рискуете такимъ образомъ не добиться никакихъ прочныхъ результатовъ“.

По отношенію къ экспропріаціи, если мы чего боимся, то уже во всякомъ случаѣ не того, чтобы — люди зашли слишкомъ далеко. Мы боимся наоборотъ, что экспропріація произойдетъ въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ для того, чтобы быть прочною; что революціонный порывъ остановится на полъ-дорогѣ, что онъ размѣняется на мелочи, на полумѣры. Полумѣры же никого не удовлетворяютъ, а только производятъ въ обществѣ очень сильное потрясеніе и нарушаютъ его обычное теченіе, но окажутся, въ сущности, мертворожденными, какъ всѣ полумѣры, и, не вызвавъ ничего кромѣ всеобщаго недовольства, приведутъ неизбѣжно къ торжеству реакціи.

Дѣло въ томъ, что въ нашемъ обществѣ существуютъ извѣстныя установившіяся отношенія, которыя совершенно невозможно измѣнять по частямъ. Всѣ части того механизма, который представляетъ собою наше хозяйственное устройство, такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно дотронуться до одной изъ нихъ, не затронувъ вмѣстѣ съ тѣмъ всего остальнаго. Въ этомъ убѣдятся революціонеры при первой же попыткѣ экспропріировать что бы то ни было.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности происходитъ такая частичная, ограниченная экспропріація; что экспропріируютъ,

папримѣръ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, не касаясь фабрикъ — какъ предлагалъ нѣкогда Генри Джорджъ; или представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь городѣ экспроприруютъ дома, не обращая въ то же время въ общую собственность съѣстныхъ припасовъ; или же, что въ какой-нибудь мѣстности экспроприруютъ фабрики, не трогая крупной поземельной собственности. Результатъ будетъ всегда одинъ и тотъ же; огромное потрясеніе во всей хозяйственной жизни, при отсутствіи возможности перестроить эту хозяйственную жизнь на новыхъ началахъ; приостановка въ промышленности и обмѣнѣ, безъ возвращенія къ принципамъ справедливости; невозможность для общества возстановить гармонию цѣлаго.

Если крестьянинъ освободится отъ барина, а въ то же время промышленность не освободится отъ власти капиталиста, кушца и банкира, то результата не получится никакого. Крестьянинъ страдаетъ въ настоящее время не только оттого, что ему приходится платить аренду собственнику земли, но и отъ всей совокупности современныхъ условий: отъ подати, которую съ него взимаетъ фабрикантъ, продающій ему за рубль заступъ, который стоитъ — сравнительно съ работою крестьянина — не больше полтинника; отъ налоговъ, которые взимаютъ съ него государство, существованіе котораго невозможно безъ цѣлой толпы чиновниковъ; страдаетъ онъ отъ издержекъ на содержаніе войска, которое нужно государству потому, что капиталисты всѣхъ народовъ ведутъ между собою непрерывную войну за рынки, и что изъ-за права обирать ту или другую часть Азіи или Африки каждый день можетъ вспыхнуть война. Крестьянинъ страдаетъ въ Западной Европѣ отъ обезлюденія деревень, изъ которыхъ молодежь уходитъ въ большіе города, куда ее привлекаетъ временно болѣе высокая заработная плата, получаемая на производствѣ предметовъ роскоши, или же удовольствія болѣе живой жизни; онъ страдаетъ, кромѣ того, отъ искусственнаго поощренія промышленности, въ ущербъ сельскому хозяйству; отъ торговой эксплуатаціи другихъ странъ; отъ биржевыхъ спекуляцій, отъ трудности улучшить почву и усовершенствовать свои орудія и т. д. и т. д. Словомъ, земледѣліе страдаетъ не только отъ того что приходится платить аренду (постоянно повышаемую) за землю, но отъ всей совокупности условий существованія нашихъ обществъ, основанныхъ на эксплуатаціи. И если бы даже экспроприація дала возможность каждому обрабатывать землю и пользоваться ея плодами, не платя никому земельной ренты, земледѣліе, хотя и почувствовало бы нѣкоторое временное облегченіе, но во всякомъ случаѣ, быстро бы вернулось назадъ къ тому же подавленному состоянію, въ

какомъ находитесь теперь. Все пришлось бы начинать сначала, только къ прежнимъ затрудненіямъ прибавились бы еще новыя.

То же самое и съ промышленностью. Попробуйте завтра передать фабрики въ руки рабочихъ, т. е. сдѣлайте то, что было сдѣлано для нѣкоторыхъ крестьянъ, ставшихъ собственниками земли; попробуйте уничтожить фабрикантовъ, но оставьте землю въ собственности помѣщиковъ, деньги въ собственности банкировъ, биржу — въ собственности торгашей. Сохраните, однимъ словомъ, всю массу тунеядцевъ, живущихъ на счетъ труда рабочаго, и всѣхъ существующихъ посредниковъ, живущихъ съ чужаго труда, а также — сохраните государство съ его безчисленными чиновниками — и вы увидите, что положеніе промышленности нисколько не улучшится. Не находя покупателей въ массѣ крестьянъ, оставшихся бѣдняками, не имѣя сырого матеріала и не обладая возможностью вывезти свои продукты — отчасти вслѣдствіе застоя въ торговлѣ, главное же благодаря тому, что промышленность распространяется повсюду — она неизбежно должна прозябать. Фабрики начнутъ закрываться, рабочіе окажутся выброшенными на улицу, и голодныя толпы ихъ будутъ готовы подчиниться первому встрѣчному политическому пройдохѣ, въ родѣ Наполеона III, или даже вернуться къ старому порядку, — лишь бы имъ обезпечили правильную плату за ихъ трудъ.

Или — попробуйте экспроприровать земельныхъ собственниковъ и передать фабрики въ руки рабочихъ, не касаясь при этомъ толпы посредниковъ, которые сбываютъ продукты нашихъ мануфактуръ и спекулируютъ въ крупныхъ городахъ на муку, на хлѣбъ, на мясо — на все! Обмѣнъ тогда приостановится, продукты перестанутъ двигаться по странѣ, Парижъ останется безъ хлѣба, а Лионъ не будетъ находить сбыта для своего шелка — и реакція воцарится опять съ ужасающей силой, на трупахъ рабочихъ, опустошая картечью города и деревни, среди оргій, казней и ссылокъ, какъ это и было въ 1815-мъ, 1848-мъ и 1871-мъ годахъ.

Въ нашемъ обществѣ все такъ тѣсно связано между собою, что невозможно коснуться одной какой-нибудь отрасли хозяйства, безъ того чтобы это не отозвалось на всѣхъ остальныхъ. Какъ только частная собственность будетъ уничтожена въ одной какой-нибудь формѣ — поземельной или промышленной — ее нужно будетъ уничтожить и во всѣхъ остальныхъ. Самый успѣхъ революціи сдѣлаетъ это необходимымъ.

Впрочемъ, мы не могли бы ограничиться частичной экспроприацией, даже если бы хотѣли этого. Какъ только самый принципъ „священной собственности“ будетъ поколебленъ, никакіе теоретики не

смогут помѣшать ея исчезновенію подъ ударами ея взбунтовавшихся рабовъ — земледѣльческихъ, промышленныхъ, желѣзно-дорожныхъ, торговыхъ. Если какой-нибудь большой городъ, на примѣръ Парижъ, возьметъ въ свою собственность дома или фабрики, то онъ, самою силою вещей будетъ вынужденъ отвергнуть и права банкировъ на взиманіе съ Парижа пятидесяти милліоновъ годового налога, въ видѣ процентовъ на прошлые займы. Точно также, вступивши въ сношенія съ земледѣльческими рабочими, ему придется побудить ихъ освободиться отъ поземельныхъ собственниковъ. Придется экспроприровать землю, хотя бы въ окрестностяхъ Парижа. Чтобы кормиться и работать, городу придется также экспроприровать желѣзныя дороги; и наконецъ, чтобы пищевые продукты не тратились зря, и чтобы не оставаться во власти спекуляторовъ на хлѣбъ — какъ это случилось съ коммуной 1793 года — самимъ гражданамъ Парижа придется заняться устройствомъ запасныхъ магазиновъ и распредѣленіемъ хлѣба и всякой пищи.

* *
*

Нѣкоторые социалисты, однако, попытались ввести еще одно различіе. — „Хорошо“, говорили они, „пусть экспроприруютъ землю, угольные копи, фабрики и заводы. Это — орудія производства и они должны по справедливости разсматриваться какъ общая собственность. Но, кромѣ этого, существуютъ еще предметы потребленія: пища, одежда, жилища, которые должны остаться въ частной собственности“.

Народный здравый смыслъ быстро порѣшилъ съ этимъ слишкомъ тонкимъ различіемъ. Во первыхъ, мы не дикари и не можемъ жить въ лѣсу, въ убѣжищѣ изъ вѣтвей; для работающаго европейца нужна комната, нуженъ домъ, нужна кровать, нужна печка. Для того, кто ничего не производитъ, кровать, комната, домъ — это среда для бездѣлья. Но для человѣка работающаго, отопленная и освѣщенная комната является такимъ же средствомъ производства, какъ какой-нибудь инструментъ или машина. Это — мѣсто, гдѣ возстановляются его мускулы и нервы, которые онъ завтра будетъ тратить на работѣ. Отдыхъ производителя это — подготовленіе машины къ дѣйствию.

По отношенію же къ пищѣ, это еще очевиднѣе. Тѣмъ якобы-экономистамъ, о которыхъ мы говоримъ, никогда не приходило въ голову утверждать, что уголь, сгорающій въ машинѣ не входитъ въ число предметовъ, столь же необходимыхъ для производства, какъ и сырой хлопокъ или желѣзная руда. Почему же пища, безъ которой человѣческая машина не способна ни на малѣйшее усиліе, исключается изъ

предметовъ необходимыхъ для производителя? Что это? Остатокъ религіозной метафизики?

Обильный и уточенный обѣдъ богача, конечно, представляетъ собою потребление предметовъ роскоши. Но обѣдъ производителя есть такое же необходимое условіе производства, какъ и сжигаемый паровою машиною уголь.

То же самое и по отношенію къ одеждѣ. Если бы экономисты, устанавливающіе это различіе между орудіями производства и предметами потребленія, ходили въ костюмѣ новогвинейскихъ дикарей, тогда это было бы еще понятно. Но людямъ, которые сами не могутъ написать ни строчки, не надѣвши рубашки, совсѣмъ не пригоже устанавливать такое рѣзкое различіе между рубашкою и перомъ. И если богатые туалеты ихъ женъ дѣйствительно предметы роскоши, то тѣмъ не менѣе существуетъ извѣстное количество полотна, бумажной и шерстяной ткани, безъ которыхъ производитель не можетъ производить. Блуза и обувь, безъ которыхъ рабочему нельзя идти на работу, одежда, которую онъ одѣнетъ по окончаніи своего рабочаго дня, и фуражка, которая у него на головѣ, такъ же необходимы ему, какъ молотъ или наковальня.

Къ счастью, народъ понимаетъ революцію именно такъ. Какъ только ему удастся смести различныя правительства, онъ прежде всего постарается обезпечить себѣ здоровое помѣщеніе, достаточное питаніе и достаточную одежду, не платя никому за это никакой дани. И онъ будетъ правъ. Его способъ дѣйствія будетъ несомнѣнно болѣе „научнымъ“, чѣмъ пріемъ ученыхъ экономистовъ, устанавливающихъ такія тонкія различія между орудіями производства и предметами потребленія. Народъ пойметъ, что революція должна начаться именно съ этого и положить такимъ образомъ основаніе единственной экономической наукѣ, которая дѣйствительно сможетъ претендовать на названіе науки и которую можно будетъ опредѣлить какъ изученіе потребностей человѣчества и средствъ къ ихъ удовлетворенію, безъ лишней траты силъ.

ЖИЗНЕННЫЕ ПРИПАСЫ.

Если будущая революція будетъ, дѣйствительно, революціей соціальной, она будетъ отличаться отъ предыдущихъ движеній не только по своимъ цѣлямъ, но и по своимъ приѣмамъ. Новая цѣль потребуетъ и новыхъ средствъ .

Мы видѣли три крупныхъ народныхъ движенія во Франціи въ теченіе этого вѣка; они различались между собою во многихъ отношеніяхъ, но все три имѣли одну общую черту. Всякій разъ народъ смѣло боролся ради сверженія стараго порядка, проливалъ свою драгоценную кровь, но затѣмъ, употребивъ на это все силы, отступалъ самъ на задній планъ. Тогда образовывалось правительство изъ людей болѣе или менѣе честныхъ, которое и брало на себя задачу, или организовать Республику, какъ въ 1793 году, или организовать трудъ, какъ въ 1848, или организовать свободную коммуну, какъ въ 1871.

Проникнутое насъкозь яacobинскимъ идеямъ, это правительство заботилось, прежде всего, о вопросахъ политическихъ: о перестройкѣ правительственнаго механизма, объ улучшеніяхъ въ составѣ чиновниковъ, объ отдѣленіи Церкви отъ Государства, о политическихъ правахъ и т. под. Правда, рабочіе клубы зорко слѣдили за новыми правителями и часто заставляли ихъ дѣйствовать по своему; но даже и въ этихъ клубахъ — все равно, ораторствовали ли тамъ буржуа или рабочіе — преобладало буржуазное направленіе: въ нихъ говорилось очень много о политическихъ вопросахъ, и оставался въ сторонѣ вопросъ о хлѣбѣ.

Великія идеи, перевернувшія міръ, были высказаны въ эти революціонныя эпохи; впервые произнесены были слова, до сихъ поръ еще, черезъ сто лѣтъ, заставляющія биться наши сердца. Но въ рабочихъ кварталахъ народъ продолжалъ голодать!

Какъ только вспыхивали революціи, работа неизбѣжно приостанавливалась. Движеніе товаровъ прекращалось, капиталы скрывались. Фабриканту это было не важно; если онъ и не наживался съ чужой бѣдности, то жилъ на свою репуту; но рабочему приходилось перебиваться изо дня на день. Голодь закрадывался въ его конуру.

Народъ начиналъ бѣдствовать, и нужда, которую онъ терпѣлъ,

становилась даже сильнее, чѣмъ когда бы то ни было при старыхъ порядкахъ.

„Это жирондисты моряютъ насъ съ голоду“, говорили, въ 1793 году, рабочіе въ предмѣстьяхъ. Жирондистовъ гильотинировали и власть переходила въ руки Горы, въ руки Парижской Коммуны — Маратистовъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, заботились о хлѣбѣ и употребляли героическія усилія, чтобы прокормить Парижъ. Въ Лионѣ, Руше и Колло д'Эрбуа устроили запасные магазины, но они располагали слишкомъ незначительными средствами, чтобы наполнить ихъ. Городскіе совѣты дѣлали все возможное, чтобы достать хлѣба; торговцевъ, которые прятали муку, вѣшали — а хлѣба все таки не было!

Тогда взваливали вину на королевскихъ заговорщиковъ. Ихъ гильотинировали — по двѣнадцати, по пятнадцать человѣкъ въ день — служанокъ и герцогинь, — особенно служанокъ, такъ какъ герцогини были въ Кобленцѣ. Но еслибы даже гильотинировали по ста герцоговъ и графовъ въ день, то и это ничему бы не помогло.

Нужда все росла. Что могла помочь лишняя тысяча труповъ, когда для того, чтобы жить, нужно было получать плату за трудъ, а этой платы не было?

Тогда народъ начиналъ разочаровываться. — „Хороша ваша революція!“ нашептывали рабочимъ господа реакціонеры. „Такой нищеты прежде никогда не было!“ И вотъ, мало по малу, богачи приободрялись, выходили изъ своихъ убожищъ и еще болѣе раздражали бѣдняковъ видомъ своей роскоши. „Невозможные“, т. е. богатые щеголи, наряженные въ самые невѣроятные наряды, появлялись на улицѣ, смѣло вызывая революціонеровъ и твердили рабочимъ: „Полно, наконецъ, заниматься глупостями! Ну, что вы выиграли отъ Революціи? Пора все это бросить!“

Сердце сжималось у революціонеровъ. — „Опять революція погибла!“ говорили они между собой и уходили въ свои норы, представляя событіямъ идти своимъ чередомъ.

Тогда являлась реакція, открытая и высокомерная, и совершала свой государственный переворотъ. Революція была убита, оставалось только растоптать ея трупъ. И что только не дѣлали съ этимъ трупомъ! Кровь лилась ручьями, бѣлый терроръ рубилъ головы уже тысячами, наполнялъ тюрьмы, а оргіи богачей начинались, еще болѣе буйныя и вызывающія, чѣмъ когда-либо.

Таковъ былъ ходъ всѣхъ французскихъ революцій. Въ 1848-мъ году парижскій рабочій отдавалъ въ распоряженіе республики „три мѣсяца нужды“, а когда черезъ три мѣсяца ему уже не было возмож-

ности больше терпѣть, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе — и это усиліе было затоплено въ потокахъ крови.

Въ 1871 году Коммуна гнбла отъ отсутствія борцовъ за нее. Она не забыла провозгласить отдѣленіе Церкви отъ Государства, но слишкомъ поздно позаботилась о томъ, чтобы обезпечить для всѣхъ хлѣбъ. Въ самый разгаръ борьбы, богатые господа въ Парижѣ потѣшались надъ коммунарами, говоря имъ: „Чтожь, идите, глухие вы люди, защищать стѣны и рисковать жизнью за тридцать су (полтинникъ) въ день, пока мы будемъ себѣ кутить по моднымъ ресторанамъ!“ Только въ послѣдніе дни эта ошибка была понята и начали устраивать вольныя столовыя на средства Коммуны; но тогда уже было поздно: версальцы уже вступали въ парижскія укрѣпленія.

— „Хлѣба! Хлѣба, прежде всего! Революціи нуженъ хлѣбъ!“

Пусть занимается кто хочетъ разсылкой громкихъ циркуляровъ съ трескучими фразами! Пусть кто хочетъ надѣваетъ на себя сколько угодно галуновъ! Пусть кто хочетъ разсуждаетъ о политическихъ правахъ!.

Наше дѣло будетъ устроить такъ, чтобы съ первыхъ же дней революціи и во все время пока она будетъ продолжаться, на пространствѣ, охваченномъ возстаніемъ, не было ни одного человѣка, страдающаго отъ недостатка хлѣба, ни одной женщины, которой пришлось бы ждать своей очереди у булочныхъ, пока ей бросятъ, какъ милостыню, кусокъ хлѣба изъ отрубей, ни одного ребенка, у котораго бы не было того, чего требуетъ его слабый организмъ.

Задачею буржуазіи было разсуждать во время революцій о великихъ принципахъ, или, вѣрнѣе, о великихъ обманахъ. Задача же народа будетъ въ томъ, чтобы хлѣбъ обезпечить всѣмъ и каждому. Въ то время какъ буржуа и обуржуазившіеся рабочіе будутъ играть въ великихъ людей въ своихъ говорильняхъ, пока „практическіе люди“ будутъ вести безконечная разсужденія о формахъ правленія, — намъ „утопистамъ“, придется позаботиться о хлѣбѣ насущномъ.

Да, мы имѣемъ дерзость утверждать, что всякій долженъ и можетъ быть сытымъ, и что Революція побѣдитъ именно тѣмъ, что обезпечитъ хлѣбъ для всѣхъ.

II.

Что мы „утописты“ — это всѣмъ извѣстно. Мы, дѣйствительно, настолько утописты, что рѣшаемся утверждать, что революція должна и можетъ, обезпечить каждому помѣщеніе, одежду и хлѣбъ, — и это, конечно, очень не нравится всѣмъ — краснымъ и синимъ — буржуа,

которые отлично знают, что если народъ будетъ сытъ, то справиться съ нимъ будетъ очень трудно.

Да, мы упорно настаиваемъ на этомъ: возставшему народу нужно обезпечить хлѣбъ, и вопросъ о хлѣбѣ долженъ быть поставленъ прежде всего. Если онъ разрѣшится въ интересахъ народа, революція окажется на вѣрномъ пути, потому что для рѣшенія вопроса о пропитаніи необходимо будетъ признать принципъ равенства, помимо котораго никакого рѣшенія быть не можетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что будущая революція разразится — какъ было съ революціей 1848 года — во время какого-нибудь крупнаго промышленнаго кризиса. За послѣдніе тридцать лѣтъ, промышленность все время перебивается кое-какъ между тучныхъ и голодныхъ лѣтъ, и это положеніе можетъ только ухудшиться; все способствуетъ этому: — конкуренція молодыхъ странъ, выступающихъ на сцену въ борьбѣ за старые рынки, войны, все-растущіе налоги и государственные долги, неувѣренность въ будущемъ, крупныя предпріятія въ отдаленныхъ странахъ...

Милліоны европейскихъ рабочихъ постоянно находятся безъ работы, и въ тотъ моментъ, когда революція вспыхнетъ и начнетъ распространяться, какъ огонь вспыхнувшій въ порохѣ, общее положеніе промышленности можетъ только ухудшиться. Какъ только въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ появятся баррикады, число рабочихъ безъ работы удвоится. Что же дѣлать, чтобы прокормить всю эту массу людей?

Не знаю, задавался ли когда-нибудь этимъ вопросомъ, во всей его неумолимости, такъ называемые „практическіе“ люди? Но мы знаемъ навѣрное, что они хотятъ сохранить наемный трудъ, а потому, по всей вѣроятности, для доставленія хлѣба безработнымъ, они станутъ проповѣдывать какія-нибудь „національныя мастерскія“, или „общественныя работы“.

Національныя мастерскія открывали уже въ 1789 и 1793 году; къ тому же средству прибѣгли въ 1848 году; затѣмъ Наполеону III удалось, въ теченіе восемнадцати лѣтъ сдерживать парижскій пролетаріатъ, занимая его перестройкой Парижа, — чему Парижъ обязанъ своимъ двухмилліоннымъ долгомъ и городскимъ налогомъ въ 90 франковъ съ человѣка. Тѣмъ же прекраснымъ средствомъ для „обузданія звѣря“ пользовались еще въ Римѣ и даже въ Египтѣ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; наконецъ всѣ деспоты, короли и императоры, во всѣ времена, отлично умѣли во-время бросить народу кусокъ хлѣба, чтобы воспользоваться передышкой и, тѣмъ временемъ, снова взяться за хлысть. Совершенно естественно поэтому, что „практическіе“

люди будутъ проповѣдывать тотъ же самый излюбленный способъ, лишь бы сохранить наемный трудъ. Стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, ломать себѣ голову, когда подъ руками есть средство, которымъ пользовались еще египетскіе фараоны!

Но если только революція вступить на этотъ путь — она погшла.

Когда въ 1848-мъ году открыли, 27 февраля, національныя мастерскія, въ Парижѣ было всего восемь тысячъ рабочихъ безъ работы. Черезъ двѣ недѣли ихъ уже было 49.000 и было бы, вѣроятно, скоро сто тысячъ, не считая тѣхъ, которые сбѣгались въ Парижъ изъ провинціи.

Но въ 1848-мъ году промышленность и торговля не занимали во Франціи и половины того количества рабочихъ рукъ, которое онѣ занимаютъ теперь. Извѣстно, съ другой стороны, что во всякой революціи страдаютъ больше всего именно обмѣнъ и промышленность. Подумайте только, сколько рабочихъ работаютъ, прямо или косвенно, для вывоза, сколько рабочихъ рукъ занято въ производствѣ предметовъ роскоши, имѣющихъ сбытъ среди меньшинства буржуазіи.

Революція въ Европѣ, это — немедленное прекращеніе работы по крайней мѣрѣ половины всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Это — милліоны рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вмѣстѣ со своими семьями.

И вотъ этому-то поистинѣ ужасному положенію хотять помочь національными мастерскими, т. е. созданіемъ новыхъ промышленныхъ предпріятій для доставленія работы безработнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, — и это говорилъ еще Прудонъ, — что малѣйшій захватъ частной собственности произведетъ полную дезорганизацію всего нашего строя, основаннаго на частной собственности, частныхъ предпріятіяхъ и наемномъ трудѣ. Прятать голову, какъ страусъ, жить иллюзіями, воображать, что во время революціи фабрики будутъ работать по старому, и что къ нимъ будутъ приливать заказы по старому — просто постыдно. Ничего этого не будетъ, и общество будетъ **вынуждено** взять въ свои руки все производство, въ цѣломъ, и перестроить его соотвѣтственно **потребностямъ всего населенія**. Но такъ какъ эта перестройка не можетъ совершиться въ одинъ день или даже въ одинъ мѣсяць, а потребуетъ годъ или годы для приспособленія къ новымъ условіямъ — а въ это время милліоны людей будутъ лишены всякихъ средствъ къ существованію, — то является вопросъ: **Что дѣлать?**

При такихъ условіяхъ возможно только одно, дѣйствительно **практическое** рѣшеніе вопроса. Оно состоитъ въ томъ, чтобы признать всю трудность предстоящей задачи и, вмѣсто того, чтобы поддерживать положеніе вещей, которое сама революція сдѣлаетъ невоз-

возможным — заняться перестройкой производства на совершенно новых началах.

Чтобы поступить практически, нужно, следовательно, по нашему мнению, чтобы пароть немедленно же завладеть всеми продуктами, имеющимися в тех местностях, где вспыхнула революция, составить имь опись и чтобы оны устроены так, чтобы ничего не пропало даромъ, но чтобы все могли воспользоваться имеющимися накопленными продуктами и такимъ образомъ пережить критическій періодъ. И въ это время, — обезпечивъ существованіе всехъ на несколько мѣсяцевъ впередъ — нужно фабричнымъ рабочимъ доставить сырой матеріалъ, котораго у нихъ нѣтъ въ запасѣ, обезпечить такимъ образомъ ихъ существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и направить работу на производство предметовъ, настоятельно необходимыхъ массѣ крестьянъ. Не нужно, въ самомъ дѣлѣ забывать, что хотя Франція производитъ шелка для нѣмецкихъ банкпровъ и для императрицъ Россійскихъ и Сандвичевыхъ острововъ, и хотя Парижъ выдѣлываетъ всевозможныя бездѣлушки для богатей всего міра, у двухъ третей французскихъ крестьянъ нѣтъ ни порядочной лампы для освѣщенія ихъ хижины, ни усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, безъ которыхъ въ настоящее время, путное земледѣліе невозможно.

Наконецъ, нужно будетъ сдѣлать годными для обработки тѣ земли, которыя теперь ничего не производятъ (а такихъ земель еще очень много), и улучшить тѣ, которыя не производятъ даже четверти, даже десятой доли того, что ещѣ могли бы производить, если бы ихъ отдать подъ усиленную, огородную и садовую обработку.

Это — единственное практичное рѣшеніе вопроса, которое мы можемъ указать, рѣшеніе, которое волей-неволей придется принять — въ силу самаго хода вещей.

III.

Выдающеюся, отличительной чертою современнаго капиталистическаго строя является наемный трудъ.

Лицо, или группа лицъ, владеющихъ нужнымъ капиталомъ, основываютъ промышленное предпріятіе, берутъ на себя доставку сырого матеріала для фабрики или завода, организацию производства, продажу продуктовъ и платятъ рабочимъ извѣстную опредѣленную плату; сами же они получаютъ всю прибыль, подѣляя ее, по предложенью, что она представляетъ вознагражденіе за ихъ трудъ и управленіе, за ихъ рискъ и за колебанія рыночныхъ цѣнъ на данный товаръ.

Такова, въ немногихъ словахъ, вся система наемнаго труда.

Чтобы сохранить ее, современные владѣльцы капитала готовы пойти на нѣкоторыя уступки. напримѣръ подѣлнить съ рабочими часть прибыли, или устроить подвижную шкалу заработной платы, такъ чтобы плата рабочаго поднималась, когда поднимается доходъ предпріятія. Однимъ словомъ, они готовы согласиться на нѣкоторыя „жертвы“, лишь бы только имъ оставили право управлять промышленностью и получать съ нея доходъ.

Коллективизмъ, какъ извѣстно, вноситъ въ этотъ порядокъ существенныя измѣненія, но сохраняетъ, однако, наемный трудъ. Только на мѣсто частнаго хозяина становится Государство, т. е. выборное правительство — для всей націи, или городское. Во главѣ управления промышленностью становятся депутаты — представители націи или города и ихъ уполномоченные, — ихъ чиновники. Они же оставляютъ за собою и право расходовать въ интересахъ всѣхъ получаемую прибыль. Кромѣ того, въ этой системѣ коллективизма устанавливается очень тонкое различіе между трудомъ чернорабочаго и трудомъ человѣка, прошедшаго черезъ предварительное обученіе: трудъ перваго представляетъ собою, съ точки зрѣнія коллективиста, трудъ **простой**, тогда какъ ремесленникъ, инженеръ, ученый и т. п. занимаются трудомъ, который коллективисты называютъ трудомъ **сложнымъ**, и поэтому имѣютъ право на болѣе высокую заработную плату. Но всѣ они — чернорабочіе и инженеры, ткачи и ученые—наемники государства, „всѣ — чиновники“, какъ сказалъ недавно одинъ изъ коллективистовъ, — чтобы позолотить шилою.

Самая большая услуга, которую будущая Революція сможетъ оказать человѣчеству, будетъ заключаться именно въ томъ, чтобы создать такое положеніе вещей, гдѣ всякая форма наемнаго труда станетъ невозможной и неосуществимой, и гдѣ единственнымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса явится коммунизмъ, т. е. именно отсутствіе наемнаго труда.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже допустимъ, что въ спокойный періодъ измѣненіе въ коллективистическомъ направленіи возможно, (въ чемъ мы впрочемъ, даже при этихъ условіяхъ, сильно сомнѣваемся), то въ періодъ революціонный оно сдѣлается невозможнымъ, потому что, послѣ первой же схватки возникнетъ тотчасъ же необходимость прокормить милліоны человѣческихъ существъ. Революція политическая можетъ произойти не внося нарушеній въ ходъ промышленности, но революція, при которой народъ завладѣваетъ собственностью, неизбежно вызоветъ тотчасъ же пріостановку въ обмѣнѣ и производствѣ, и никакихъ милліоновъ государства не хватитъ для обезпе-

ченія заработной платы милліонамъ оставшихся безъ работы рабочихъ.

Повторяемъ: преобразование промышленности на новыхъ началахъ (а какъ обширна эта задача — мы увидимъ ниже) не можетъ произойти въ нѣсколько дней, а пролетаріатъ не сможетъ предложить цѣлые годы голодовки къ услугамъ теоретиковъ наемнаго труда. Чтобы пережить эту эпоху кризиса, онъ потребуеъ того, чего требовалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ: обращенія всѣхъ предметовъ потребления въ общую собственность, распредѣленія ихъ между всѣми.

Сколько бы ни проповѣдывали народу терпѣніе, онъ терпѣть не станетъ, и если все, что нужно для жизни — и хлѣбъ прежде всего — не будетъ обращено въ общую собственность, онъ начнетъ грабить булочные. И тогда, если народъ будетъ не въ силѣ, его начнутъ разстрѣливать.

Для того, чтобы коллективизмъ могъ сдѣлать попытку практическаго осуществленія, ему нуженъ прежде всего **порядокъ**, дисциплина, повиновеніе. А такъ какъ капиталисты быстро замѣтятъ, что заставить стрѣлять въ народъ людей, называющихъ себя революціонерами, есть самое лучшее средство возбудить въ народѣ вражду къ революціи, то они несомнѣнно будутъ поддерживать защитниковъ „порядка“; даже если они — коллективисты. Они увидятъ въ этомъ средство уничтожить въ послѣдствіи и самихъ коллективистовъ.

А разъ „порядокъ возстановленъ“, дальнѣйшія послѣдствія предвидѣть не трудно. Разстрѣливать будутъ не однихъ только „воровъ“: придется доискиваться и до „виновниковъ безпорядковъ“, возстановить судъ и гильотину, и самые горячіе революціонеры погибнутъ на эшафотѣ. Совершится повтореніе 1793 года.

Вспомнимъ, какимъ образомъ восторжествовала реакція въ прошломъ вѣкѣ. Прежде всего гильотинировали Эбертистовъ, самыхъ ярыхъ — тѣхъ, кого Минье, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы, называлъ „анархистами“. За нимъ скоро послѣдовали сторонники Дантона, а когда робеспьеровцы гильотинировали всѣхъ этихъ революціонеровъ, то и имъ самимъ пришла очередь входить на эшафотъ. И тогда, разочаровавшись во всемъ, и видя, что революція погибла, народъ предоставилъ поле дѣйствія реакціонерамъ.

И вотъ, разъ „порядокъ“ будетъ „возстановленъ“, коллективисты прежде всего гильотинируютъ анархистовъ, затѣмъ possibilists гильотинируютъ коллективистовъ, которые въ свою очередь будутъ гильотинированы реакціонерами. Революцію придется начинать сначала.

Но есть основаніе думать, что вліяніе народа окажется достаточно сильнымъ, и что къ тому времени, когда произойдетъ революція, идея анархическаго коммунизма успеетъ распространиться. Эта идея — не праздное измысленіе: ее подсказалъ намъ самъ народъ, и число коммунистовъ будетъ все рости по мѣрѣ того, какъ невозможность всякаго другого выхода будетъ становиться все болѣе очевидною. Если коммунистическое вліяніе окажется достаточно сильнымъ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ. Въмѣсто того, чтобы грабить булочные, а на другой день опять голодать, возставшій народъ возьметъ въ свои руки хлѣбныя склады, бойни, магазины съѣстныхъ припасовъ — однимъ словомъ все имѣющееся въ наличности пищевые запасы.

Сейчасъ же найдутся добровольцы, мужчины и женщины, чтобы составить опись, инвентарь всего, находящагося въ магазинахъ и хлѣбныхъ складахъ, и черезъ двадцать четыре часа возставшая Коммуна будетъ знать то, чего Парижъ не знаетъ до сихъ поръ, несмотря на все статистическіе комитеты, и чего они никогда не могъ узнать во время осады, а именно — сколько въ немъ находится съѣстныхъ припасовъ. А черезъ сорокъ восемь часовъ уже будутъ заданы въ миллионахъ экземпляровъ точные списки всехъ имѣющихся продуктовъ, указаны мѣста, гдѣ они находятся и способы ихъ распредѣленія.

Въ каждой группѣ домовъ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ организуются группы добровольцевъ для завѣдыванія съѣстными припасами. и они, конечно, сумеютъ столкнуться между собою и сообщить другъ другу о результатахъ своей работы. Пусть только яковинскіе штики не вмешиваются въ это дѣло, пусть только такъ-называемые „научные“ теоретики не пытаются вносить свою путаницу, или, вѣрнѣе — пусть себѣ запутываютъ мозги сколько угодно, лишь бы у нихъ не было права распоряжаться! Та удивительная способность къ свободной организаціи, которая свойственна въ высокой степени народу — особенно же народу французскому, во всехъ его общественныхъ слояхъ, и которой такъ рѣдко даютъ возможность проявиться, — создастъ, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ, и даже въ самый разгаръ революціоннаго возбужденія, цѣлую естественно выросшую организацію, имѣющую цѣлью доставить каждому необходимые припасы.

Пусть только предоставятъ народу свободу дѣйствія, и черезъ нѣдѣлю распредѣленіе припасовъ будетъ проходить съ удивительною правильностью. Сомнѣваться въ этомъ можетъ только тотъ, кто ни-

когда не видѣть рабочаго народа въ дѣйствиі, кто провелъ всю жизнь уткнувшись въ бумаги. Поговорите же объ организаторскомъ духѣ народа — этого великаго непривычнаго гения — съ тѣмъ, кто видѣлъ его въ Парижѣ въ дни баррикады, во время Коммуны, или въ Лондонѣ, во время большой стачки въ гавани, когда приходилось прокармливать полъ-милліона голодныхъ людей, и они скажутъ вамъ, насколько народъ стоитъ въ этомъ отношеніи выше всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ!

Но если бы даже пришлось пострадать, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль или мѣсяца, отъ нѣкотораго относительнаго безпорядка — то, что же изъ этого? Для массы народа это будетъ, во всякомъ случаѣ, лучше чѣмъ то, что существуетъ теперь; да кромѣ того, во время Революціи — лишь бы чувствовалось, что революція идетъ впередъ, а не топчется на мѣстѣ, — люди обѣдаютъ, не жалуясь на то, кускомъ черстватаго хлѣба, въ атмосферѣ ликовація или вѣриіе въ атмосферѣ горячихъ разсужденій! Во всякомъ случаѣ, то, что создается само собою, подъ давленіемъ непосредственныхъ потребностей, будетъ несравненно лучше того, что выдумаютъ гдѣ-нибудь въ четырехъ стѣнахъ, за книгамъ, или въ канцеляріяхъ Городской Думы.

IV.

Силою вещей, такимъ образомъ, населеніе большихъ городовъ вынуждено будетъ завладѣть всѣми припасами и, переходя отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, вынуждено будетъ взять на себя удовлетвореніе потребностей всѣхъ жителей. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше: тѣмъ меньше будетъ нужды и внутренней борьбы.

Но затѣмъ совершенно естественно является вопросъ: на какихъ именно основаніяхъ организуется люди для пользованія сообща этими продуктамъ?

Для того, чтобы распредѣленіе было справедливо, существуетъ только одинъ способъ — единственный, отвѣчающій чувствамъ справедливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно практичный. Это — та система, которая принята и теперь въ поземельныхъ общинахъ всей Европы.

Возьмите крестьянскую общину, гдѣ бы то ни было, даже во Франціи, хотя въ ней яковинцы сдѣлали все возможное, чтобы уничтожить общинные обычаи. Если, наприимѣръ, община имѣетъ въ своемъ владѣніи лѣсъ, то, пока мелкаго лѣса достаточно, всякій имѣетъ право брать его сколько хочетъ, безъ всякаго другого учета, кромѣ общественнаго мнѣнія своихъ односельчанъ. Что же касается крупнаго

лѣса, котораго никогда не бываетъ достаточно, то право каждаго жителя на крупныя лѣсины ограничено, т. е. въ каждомъ случаѣ мѣръ долженъ рѣшить, сколько деревьевъ можно вырубить на каждый дворъ.

То же самое происходитъ и съ общинными лугами. Пока луговъ достаточно для всей общины, никто не учитываетъ того, сколько съѣли коровы каждаго или сколько коровъ пасется на лугу. Къ дѣлежу или къ ограниченію правъ каждаго жителя, прибѣгаютъ лишь тогда, когда луга оказываются въ недостаточномъ количествѣ. Эта система практикуется во всей Швейцаріи и во многихъ общинахъ Франціи и Германіи — повсюду, гдѣ существуютъ общинные луга.

Если же вы обратитесь къ странамъ Восточной Европы — напри- мѣръ къ Россіи, гдѣ и крупнаго лѣса достаточно въ лѣсныхъ областяхъ, и земли еще много (напр. въ Сибири), вы увидите, что крестьяне рубятъ и крупныя деревья въ лѣсу въ такомъ количествѣ, какое имъ нужно, и обрабатываютъ столько земли, сколько для нихъ необходимо, не думая объ ограниченіи права на лѣсъ или о дѣлежѣ земли. Но какъ только лѣса и земли становится мало, право каждаго на лѣсъ бываетъ ограничено, а земля дѣлится по потребностямъ каждой семьи.

Однимъ словомъ: пусть каждый беретъ сколько угодно всего, что имѣется въ изобиліи и получаетъ ограниченное количество только того, что приходится считать и дѣлить! На 350 милліоновъ людей, населяющихъ Европу, двѣсти милліоновъ и по сію пору слѣдуютъ этимъ двумъ, вполне естественнымъ приемамъ.

Замѣтимъ еще одно. Та же самая система господствуетъ и въ большихъ городахъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному продукту, который находится тамъ въ изобиліи: къ проведенной въ дома водѣ.

Пока воды въ водопроводахъ достаточно для всѣхъ домовъ и нечего бояться недостатка, никакой компаніи не приходится въ голову издавать законы насчетъ пользованія водою въ каждой семьѣ. Берите, сколько вамъ угодно! Если же является опасеніе, что воды въ Парижѣ не хватитъ, какъ это бываетъ во время сильной жары, компанія очень хорошо знаетъ, что достаточно выпустить предостереженіе въ нѣсколькихъ строкахъ въ газетахъ, чтобы парижане тотчасъ-же, безъ всякаго закона, сократили свое потребленіе воды и не тратили ее попусту.

Но что сдѣлали бы, если бы воды дѣйствительно не хватило? Тогда прибѣгли бы къ распредѣленію ея въ ограниченныхъ количествахъ. Это — такая естественная, такая понятная мѣра, что во время двухъ осадъ Парижа въ 1871-мъ году два раза требовали ея примѣненія ко всѣмъ жизненнымъ припасамъ. — „Le rationnement!“ „Все по порціямъ!“ требовалъ тогда рабочій Парижъ.

Стоитъ ли входить въ подробности, описывать, какимъ образомъ эта мѣра могла бы дѣйствовать? доказывать, что она — справедлива, несравненно справедливѣе всего, что существуетъ теперь? Эти подробности и эти описанія все равно не убѣдятъ тѣхъ буржуа — и, къ несчастю, не только буржуа, но и обуржуазившихся рабочихъ, — которые смотрятъ на народъ, какъ на стадо дикарей, готовыхъ тотчасъ же перегрызться, какъ только правительство перестанетъ охранять ихъ своимъ бдительнымъ окомъ. Но всякій, кто хоть когда-нибудь видѣлъ, какъ народъ рѣшаетъ свои собственныя дѣла, особенно когда надъ нимъ не тяготитъ палка исправника и податнаго инспектора, ни минуты не усомнится въ томъ, что разъ только ему будетъ вполнѣ предоставлено распредѣленіе продуктовъ, онъ будетъ руководиться въ этомъ дѣлѣ самымъ простымъ чувствомъ справедливости.

Попробуйте сказать въ какомъ-нибудь народномъ собраніи, что жареныхъ рябчиковъ нужно предоставить избалованнымъ бездѣльникамъ изъ аристократіи, а черный хлѣбъ употребить на прокормленіе больныхъ въ больницахъ, и вы увидите, что васъ освищутъ. Но скажите въ томъ же самомъ собраніи, проповѣдуйте на всѣхъ перекресткахъ, что лучшая пища должна быть предоставлена слабымъ и прежде всего больнымъ; скажите, что, если бы во всемъ городѣ было всего десять рябчиковъ и одинъ ящикъ малаги, ихъ слѣдовало бы отнести выздоравливающимъ больнымъ, скажите это только...

Скажите, что за больными слѣдуютъ дѣти. Имъ пусть поидеть коровѣ и козѣ молоко, если его недостаетъ для всѣхъ. Пусть ребенокъ и старикъ получаютъ послѣдній кусокъ мяса, а взрослый здоровый человекъ удовольствуется сухимъ хлѣбомъ, если уже дѣло дойдетъ до такой крайности.

Скажите, однимъ словомъ, что если какихъ-нибудь припасовъ не имѣется въ достаточномъ количествѣ, и ихъ придется распредѣлять, то послѣднія оставшіяся доли должны быть отданы тѣмъ, кто въ нихъ болѣе всего нуждается; скажите это — и вы увидите, что съ вами всѣ согласятся.

То, чего не понимаютъ сытые господа, отлично понимаютъ и всегда понималъ народъ; но и сами пресыщенные, если они завтра окажутся на улицѣ и придутъ въ соприкосновеніе съ массой, поймутъ это такъ же хорошо.

Теоретики, для которыхъ солдатская казарма и солдатскій котелокъ составляютъ послѣднее слово науки, потребуютъ, вѣроятно, немедленнаго введенія національной кухни и общей чечевичной похлебки, ссылаясь на то, сколько топлива и провизіи можно выгодать

въ огромной казарменной кухнѣ, откуда каждый будетъ получать свою порцію похлебки и хлѣба.

Мы, съ своей стороны, не отрицаемъ этихъ преимуществъ. Мы знаемъ, какъ много топлива и труда сберегло человечество, отказавшись сначала отъ ручной мельницы, а затѣмъ и отъ печи, гдѣ каждый пекъ свой хлѣбъ. Мы понимаемъ, что было бы экономнѣе сварить сразу щи на сто семействъ, чѣмъ разводять для этого сто отдѣльныхъ огней. Мы знаемъ точно такъ же, что, хотя есть множество различныхъ способовъ приготовленія картофеля, картофель все-таки будетъ нѣсколько не хуже, если его сварить предварительно въ одномъ котлѣ на всѣ сто семей.

Мы понимаемъ, наконецъ, что разнообразіе кухни состоитъ, главнымъ образомъ, въ индивидуальномъ характерѣ приготовленія блюда каждой хозяйкой, и что, если вся масса картофеля будетъ сварена вмѣстѣ, это нѣсколько не помѣшаетъ хозяйкамъ приготовить его затѣмъ, каждой по своему вкусу. Точно также изъ одного бульона можно приготовить сто различныхъ суповъ, на сто различныхъ вкусовъ.

Мы знаемъ все это и тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что никто не имѣетъ права заставить хозяйку получать свой картофель варенымъ, если она предпочитаетъ сварить его въ своемъ котелкѣ, на своемъ огнѣ, и что лучше сжечь лишніе дрова, чѣмъ заводить казарму, которая противна всякому свободномыслящему человѣку. Главное же, мы хотимъ, чтобы каждый могъ съѣсть свой обѣдъ гдѣ и какъ хочетъ — въ своей семьѣ, съ пріятелями, или же въ общей столовой, если ему это лучше нравится.

На мѣсто ресторановъ, въ которыхъ теперь отравляютъ поѣстителей всякою дрянью, несомнѣнно возникнутъ большія кухни. Въ Парижѣ, хозяйки уже и теперь привыкли покупать бульонъ у мясника и затѣмъ готовить изъ нихъ какой хотять супъ; точно также въ Лондонѣ хозяйка знаетъ, что она можетъ дать закарить кусокъ мяса или свой пирогъ съ яблоками или ревенемъ въ булочной, заплативъ за это нѣсколько копѣекъ и сберечь такимъ образомъ и время, и уголь. А когда общія кухни, которыя будутъ въ будущемъ соотвѣтствовать существовавшимъ въ былое время „общественнымъ печамъ“*), перестанутъ быть мѣстомъ обмана, поддѣлки и отравленія поѣстителей, то выработается и привычка брать изъ этихъ кухонь го-

*) Four banal. Во Франціи, до сихъ поръ, въ деревняхъ, гдѣ сохранились общинные порядки, встрѣчается общественная печь, гдѣ хозяева по очереди пекутъ хлѣбъ, другая общественная печь для стирки, общинный прессъ для выдавливанія вина изъ винограда и т. д.

товыми всё существенныя части общаго, а затѣмъ уже только готовить ихъ окончательно по своему вкусу.

Но стѣлать изъ этого законъ, вѣлнть каждому въ обязанность получать пищу въ годовомъ видѣ, значило бы навязать человѣку девятнадцатаго вѣка порядки, столь же противные ему, какъ и порядки казармъ и монастырей. Такія мысли роются только въ умахъ людей, въ корнѣ испорченныхъ правомъ командованія надъ другими или духомъ религіознаго подчиненія.

Но кто же будетъ имѣть право пользоваться принадлежащими общинѣ продуктами? Всѣ, или только часть гражданъ? Этотъ вопросъ возникнетъ, конечно, на первыхъ же порахъ. — Пусть только каждый городъ отвѣтитъ на это по своему, — и если народъ, масса, самъ рѣшитъ этотъ вопросъ, мы убѣждены, что его отвѣты будутъ внушены чувствомъ справедливости. Пока различныя отрасли труда не организованы, пока еще продолжается періодъ волненій, и нельзя отличить лѣниваго бездѣльника отъ человѣка не работающаго пожеловѣ, — всѣ имѣющіеся въ наличности продукты принадлежать всѣмъ безъ исключенія. Тѣ, кто сопротивлялся побѣдѣ народа съ оружіемъ въ рукахъ или устраивалъ противъ него тайныя заговоры, сами поспѣшатъ исчезнуть съ возставшей территоріи. Но мы думаемъ, что народъ — всегда врагъ мести и всегда великодушный, будетъ дѣлиться хлѣбомъ со всѣми тѣми, кто будетъ находиться въ его средѣ — будутъ ли то экспроприаторы или экспропрированные. Революція отъ этого ничего не потеряетъ, а когда работа вновь начнется, недавніе враги встрѣтятся въ однихъ и тѣхъ же мастерскихъ. Обществу, гдѣ трудъ будетъ свободенъ, нечего будетъ бояться тунеядцевъ.

— „Но такимъ образомъ всѣ припасы истощатся въ теченіе мѣсяца“, слышатея уже намъ возраженія нашихъ критиковъ.

„И отлично!“ отвѣтимъ мы. Это только послужитъ доказательствомъ, что пролетарій, въ первый разъ въ жизни ѣлъ до-сыта. Что же касается способовъ пополнить израсходованные припасы, то именно этимъ вопросомъ мы и займемся теперь .

V.

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ обезпечить свое продовольствіе городъ, въ которомъ социальная революція находится въ полномъ разгарѣ?

Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, хотя очевидно, что средства, къ которымъ нужно будетъ прибѣгнуть, будутъ зависѣть отъ характера, который приметъ революція въ сосѣднихъ мѣстностяхъ и

въ сосѣднихъ странахъ. Если бы вся страна, или, еще лучше, вся Европа, могла произвести социальную революцію одновременно и сразу перейти къ коммунизму, то вопросъ рѣшился бы такимъ-то образомъ. Если же попытка установленія коммунистическаго строя будетъ сдѣлана изъ всей Европы лишь нѣсколькими городами, тогда придется избрать иные пути. Средства будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Поэтому, прежде чѣмъ идти дальше, бросимъ общій взглядъ на Европу и посмотримъ, — вовсе не имѣя въ виду пророчествовать — каковъ можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, ходъ Революціи.

Было бы, конечно, очень желательно, чтобы вся Европа возстала одновременно, чтобы повсюду произошла экспроприация, чтобы повсюду революціонеры руководились принципами коммунизма. Такое общее возстаніе значительно облегчило бы задачу, стоящую передъ нашимъ вѣкомъ.

Но, по всей вѣроятности, этого не будетъ. Что революція охватитъ всю Европу — въ этомъ мы не сомнѣваемся. Если какая-нибудь изъ четырехъ главныхъ континентальныхъ столицъ — Парижъ, Вѣна, Брюссель или Берлинъ — возстанетъ и свергнетъ свое правительство, то можно почти навѣрное сказать, что черезъ нѣсколько недѣль то же самое сдѣлаютъ и три остальные. Очень вѣроятно также, что революція не заставитъ себя долго ждать и въ Италіи, и въ Испаніи, и даже въ Лондонѣ и Петербургѣ. Но будетъ ли она имѣть повсюду одинъ и тотъ же характеръ — въ этомъ можно сильно сомнѣваться.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что повсюду будетъ происходить экспроприация, въ болѣе или меньшихъ размѣрахъ и что то, что совершится въ этомъ направленіи въ любой изъ большихъ европейскихъ странъ окажетъ вліяніе на всѣ остальные. Но начало революціи будетъ очень различно въ различныхъ мѣстностяхъ, точно также какъ и ея дальнѣйшее развитіе не пойдетъ одинаково въ различныхъ странахъ. Въ 1789—93 годахъ потребовалось четыре года для того, чтобы французскіе крестьяне могли окончательно избавиться отъ выкупа феодальныхъ правъ, а буржуазія — свергнуть королевскую власть. Будемъ помнить это и будемъ готовы къ тому, что социальная революція потребуетъ для своего развитія нѣкотораго времени, и что она будетъ развиваться не вездѣ съ одинаковою скоростью.

Что же касается того, приметъ ли она съ самаго же начала во всѣхъ европейскихъ странахъ дѣйствительно социалистическій характеръ, то въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Вспомнимъ, что Германія находится въ самомъ разгарѣ періода единой имперіи, и что ея самыя передовыя партіи мечтаютъ еще объ якобинской республикѣ 1848 года

и объ „организаціи труда“ Луи Блана, тогда какъ во Франціи народъ требуетъ по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ Коммунъ.

Что Германія пойдетъ въ будущей революціи дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1884 году, это тоже очень вѣроятно. Когда въ восемнадцатомъ вѣкѣ Франція сдѣлала свою буржуазную революцію, она пошла дальше, чѣмъ Англія въ семнадцатомъ вѣкѣ потому что, вмѣстѣ съ королевской властью, она уничтожила и власть поземельной аристократіи, которая въ Англіи и теперь еще пользуется громаднѣйшею силою. Но если даже Германія пойдетъ нѣсколько дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, и осуществитъ больше, чѣмъ тогда удалось осуществить во Франціи, то въ началѣ революціи руководящія идеи всетаки будутъ идеями 1848 года, точно также, какъ идеи, которыя будутъ руководить русской революціей, будутъ идеями 1789-го года, видоизмѣненными до извѣстной степени умственными теченіями нашего вѣка.

Не приписывая впрочемъ этимъ догадкамъ бóльшого значенія, чѣмъ они заслуживаютъ, мы можемъ тѣмъ не менѣе сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ: революція приметъ въ различныхъ европейскихъ странахъ различный характеръ, и уровень, котораго она достигнетъ по отношенію къ социализаціи продуктовъ, не будетъ вездѣ одинаковымъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что страны болѣе передовыя должны приспособляться въ своемъ движеніи къ странамъ болѣе отсталымъ, какъ думаютъ нѣкоторые? Нужно ли ждать, пока идея коммунистической революціи созрѣетъ у всѣхъ народовъ? Конечно, нѣтъ! Да если бы мы даже этого хотѣли, это было бы невозможно: исторія не ждетъ запоздавшихъ.

Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы даже въ одной и той же странѣ революція произошла съ такою стройностью, о какой мечтаютъ нѣкоторые нѣмецкіе и русскіе социалисты. Очень вѣроятно, что если одинъ или два изъ большихъ городовъ Франціи — Парижъ, Ліонъ, Марсель, Лиль, Сентъ-Этьенъ или Бордо, — провозгласятъ Коммуну, то другіе тотчасъ же послѣдуютъ ихъ примѣру, и то же самое произойдетъ еще въ нѣсколькихъ, менѣе крупныхъ, городахъ. Нѣкоторые каменноугольные и промышленные центры, точно также, вѣроятно, не замедлятъ отпустить своихъ хозяевъ и организовать въ свободныя группы.

Но по деревнямъ многія мѣстности еще не дошли до этой ступени развитія: рядомъ съ возставшими общинами будутъ и такія, которыя останутся въ выжидательномъ положеніи и будутъ продолжать жить при индивидуалистическихъ порядкахъ. Но когда крестьяне увидятъ, что ни судебный приставъ, ни сборщикъ податей не являются требо-

вать съ нихъ налоговъ. они не будутъ относиться къ революціонерамъ враждебно (какъ это было при Республикѣ, въ 1848 году), а напротивъ того, извлекутъ все, что смогутъ, изъ новаго положенія и начнутъ сводить свои счеы съ мѣстными эксплуататорами. Со свойственнымъ всѣмъ крестьянскимъ возстаніямъ практическимъ смысломъ (вспомнимъ только, съ какимъ усердіемъ крестьяне, въ 1792-мъ году, обрабатывали земли, отнятыя ими у помѣщиковъ, заграбившихъ мірскія земли), они примутся за обработку земли, своей и отнятой у мѣстныхъ богачей, монастырей и т. д., которая станетъ имъ тѣмъ болѣе дорога что надъ ней не будетъ тяготѣть никакихъ налоговъ и закладныхъ процентовъ.

Что касается внѣшнихъ сношеній съ другими странами, то повсюду въ Европѣ и Америкѣ будетъ царить революція, но революція въ различныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ унитарная, въ другомъ федералстическая и повсюду, болѣе или менѣе, социалистическая. Единообразія, конечно, не будетъ и быть не можетъ.

VI.

Но вернемся къ нашему возставшему городу и посмотримъ, при какихъ условіяхъ придется ему заботиться о своемъ продовольствіи.

Прежде всего является вопросъ, гдѣ взять нужные припасы, если вся нація еще не пришла къ коммунистическому строю?

Возьмемъ какой-нибудь большой французскій городъ, хотя бы столицу Франціи. Парижъ потребляетъ ежегодно миллионы пудовъ хлѣба, 350.000 быковъ и коровъ, 200.000 телятъ, 300.000 свиней и больше 2.000.000 барановъ, не считая другой живности. Кромѣ того, ему требуется еще около полумилліона пудовъ масла и до двухъ сотъ милліоновъ яицъ и все остальное въ соответственныхъ количествахъ.

Мука и хлѣбъ привозятся изъ Франціи, изъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Россіи, изъ Венгріи, изъ Италіи, изъ Египта, изъ Индіи; скоть — изъ Германіи, Италіи, Испаніи, даже изъ Румыніи и изъ Россіи. Что же касается до бакалейныхъ товаровъ, то нѣтъ страны въ мірѣ, которая не присылала бы въ Парижъ свою дань.

Посмотримъ прежде всего, какимъ образомъ можно будетъ устроить доставку въ Парижъ или во всякій другой большой городъ, тѣхъ припасовъ, которые выращиваются въ французскихъ деревняхъ, и которые крестьяне съ величайшей охотой пустятъ въ обращеніе.

Для государственниковъ этотъ вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Они прежде всего ввели бы сильно централизованное правительство, вооруженное всѣми принудительными средствами:

полиціей, арміей, гильотиной. Это правительство распорядилось бы составить списокъ всего, что производится во Франціи, раздѣлило бы всю страну на известное число продовольственныхъ округовъ и повелѣло бы, чтобы такой-то продуктъ, въ такомъ-то количествѣ, былъ привезенъ въ опредѣленный день въ опредѣленное мѣсто, на опредѣленную станцію, былъ принятъ такимъ-то чиновникомъ, сложенъ въ такой-то складъ и т. д.

Мы же вполне убѣждены въ томъ, что такое рѣшеніе вопроса не только не желательно, но и совершенно неосуществимо, что оно не болѣе какъ чистая фантазія, — утопія. Можно мечтать о такомъ порядкѣ вещей, сидя у себя дома, съ перомъ въ рукахъ, но на практикѣ онъ оказывается физически невозможнымъ, такъ какъ совершенно забывается живущій въ человѣкѣ духъ независимости. Послѣдствіемъ такого, яко-бы порядка былъ бы всеобщій бунтъ: не только одна Вандея, но цѣлыхъ три или четыре. — война деревень противъ городовъ, возстаніе всей Франціи противъ того города, который осмѣлился бы навязать ей подобные приказы*).

Довольно съ насъ якобинскихъ утопій! Посмотримъ, нельзя ли устроиться какъ-нибудь иначе.

Въ 1793-мъ году, деревня морпла голодомъ больше города и убила этимъ революцію. А между тѣмъ известно, что урожай хлѣбовъ во Франціи въ 1792 — 93 годахъ не былъ меньше обыкновеннаго; и есть основаніе думать (Мпшле), что онъ былъ даже больше. Но, завладѣвъ значительною частью помѣщичьихъ земель и собравъ съ нихъ урожай, деревенская буржуазія не хотѣла продавать свой хлѣбъ за ассигнаціи, которыя Революція пустила въ обращеніе, а держала его у себя въ ожиданіи повышенія цѣны или появленія золотой монеты. И никакія, самыя строгія мѣры, принимавшіяся Конвентомъ съ цѣлью заставить продавать хлѣбъ, никакія казни не могли ничего подѣлать съ этой стачкой крестьянъ противъ городовъ. Между тѣмъ комиссары Конвента, какъ известно, не церемонясь, гильотинировали спекуляторовъ, а народъ вѣшалъ ихъ на фонаряхъ; и все таки хлѣбъ оставался въ деревняхъ, тогда какъ городское населеніе голодало.

Но что предлагали въ то время крестьянскому населенію въ вознагражденіе за его тяжелый трудъ?

*) Якобинскіе историки рассказываютъ, что Вандейское возстаніе было всецѣло дѣломъ поповъ и королевцевъ. Но правда насчетъ этого далеко еще не выяснена. Несомнѣнно, что Вандейскіе крестьяне поднялись, главнымъ образомъ, противъ военныхъ наборовъ, противъ закона, въ силу котораго общинныя, мірскія земли, имѣвшіяся въ каждой деревнѣ, должны были быть подѣлены поголовно, между одними „лошадными“ хозяевами, — вообще противъ города, глупо распоряжавшагося деревней.

Ассигнаціи! Клочки бумаги, цѣна на которые падала съ каждымъ днемъ, на которыхъ стояла цифра въ пятьсотъ ливровъ, когда они въ дѣйствительности не стоили и десяти. За билетъ въ тысячу ливровъ нельзя было купить даже пару сапогъ, и очень понятно, что крестьянинъ не хотѣлъ отдавать трудъ цѣлаго года за кусокъ бумаги, который не далъ бы ему даже возможности купить нобую блузу.

И до тѣхъ поръ, пока крестьянину будутъ предлагать не имѣющіе цѣнности клочки бумаги — будутъ ли это ассигнаціи или „трудовые чеки“, — будетъ повторяться то же самое. Припасы будутъ оставаться въ деревняхъ, и городъ ихъ не получить, сколько бы не пилотинировали и не топили крестьянъ.

Крестьянину нужно предлагать не бумаги, а такіе предметы, въ которыхъ онъ непосредственно нуждается: вѣялку и косилку, въ которыхъ онъ теперь отказывается себѣ, скрѣпя сердце; одежду, которая защитила бы его отъ непогоды; лампу и керосинъ, чтобы замѣнить его лучину; заступъ, грабли, плугъ,—однимъ словомъ все то, чего онъ лишень теперь, не потому, чтобы онъ не чувствовалъ потребности въ этомъ, а потому что въ его жизни, полной лишеній и тяжелаго труда, множество предметовъ недоступны для него по своей цѣнѣ.

Пусть городъ примется точась же за производство того, что необходимо крестьянину, вмѣсто того, чтобы выдѣлывать разныя бездѣлушки для украшенія дамскихъ туалетовъ. Пусть парижскія швейныя машины шьютъ, вмѣсто приданныхъ для куколъ, рабочія и праздничныя одежды для крестьянина; пусть заводы займутся выдѣлкой земледѣльческихъ машинъ, заступовъ и грабель, вмѣсто того, чтобы ждать, пока англичане пришлютъ эти вещи въ обмѣнъ на французское вино!

Пусть городъ пошлетъ въ деревню не комиссара, оюясаннаго краснымъ или разноцвѣтнымъ шарфомъ, съ приказомъ везти припасы въ такое-то мѣсто, а пусть пошлетъ туда друзей, братьевъ, которые скажутъ крестьянину: „Привозите намъ свои продукты и берите изъ нашихъ складовъ все, что хотите“. Тогда жизненные припасы будутъ стекаться въ городъ со всѣхъ сторонъ. Крестьянинъ оставитъ себѣ то, что ему нужно для собственнаго существованія, а остальное отошлетъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ онъ — въ первый разъ во всей исторіи — увидитъ не эксплуататоровъ, а братьевъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что это требуетъ полнаго переустройства общества. Для нѣкоторыхъ отраслей несомнѣнно такъ. Но есть множество такихъ отраслей, которыя смогутъ очень быстро приспособиться къ тому, чтобы доставлять крестьянину одежду, часы, мебель, утварь и простыя машины, за которыя теперь городъ заставляетъ

такъ дорого платить. Ткачи, портные, сапожники, жестяники, столяры и многіе другіе могутъ безъ всякаго затрудненія оставить производство предметовъ забавы и роскоши, ради труда полезнаго. Нужно только, чтобы люди прониклись мыслью о необходимости такого преобразования, чтобы они смотрѣли на него какъ на дѣло справедливое и прогрессивное и перестали предаваться любимымъ мечтаніямъ теоретиковъ — о томъ, что „революція должна ограничиться завладѣніемъ прибавочною стоимостью, оставивъ въ прежнемъ видѣ производство и торговлю“.

Именно въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, весь вопросъ — въ томъ, чтобы предложить крестьянину въ обмѣнъ на его продукты не клочки бумаги, — что бы ни было на нихъ написано — а самые предметы потребленія, въ которыхъ онъ нуждается. Если это будетъ сдѣлано, жизненные припасы будутъ отовсюду стекаться въ города. Если этого не будетъ — мы будемъ имѣть въ городахъ голодь со всѣми его послѣдствіями: реакціей и подавленіемъ революціоннаго движенія.

VII.

Мы уже видѣли, что всѣ большіе города получаютъ хлѣбъ, муку, мясо, не только изъ провинціи, но и изъ за-границы. Въ Парижъ изъ за-границы присылаются бакалейные товары, пряности, рыба, различные продукты, составляющіе предметъ роскоши, и значительное количество хлѣба и мяса.

Но во время Революціи на заграничный ввозъ нельзя будетъ рассчитывать, или, по крайней мѣрѣ, придется полагаться какъ можно меньше. Если теперь русскій хлѣбъ, итальянскій или индійскій рисъ, а также испанскія и венгерскія вина наполняютъ западно-европейскіе рынки, то это происходитъ не оттого, что въ странахъ, вывозящихъ ихъ, этихъ продуктовъ слишкомъ много, или что они растутъ тамъ сами безъ труда, какъ сорная трава въ полѣ. Въ Россіи, напримѣръ, крестьянинъ работаетъ по шестнадцати часовъ въ сутки и голодаетъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ въ году, чтобы продать свой хлѣбъ на вывозъ и заплатить подати помѣщику и государству. Какъ только хлѣбъ собранъ, полиція уже является въ русскія села и продаетъ у крестьянина послѣднюю корову, послѣднюю лошадь, въ уплату недоимокъ и выкупныхъ платежей — если только крестьянинъ самъ уже не продалъ своего урожая скупщику, на вывозъ за границу. Такимъ образомъ крестьянинъ оставляетъ себѣ хлѣба на девять, на шесть мѣсяцевъ, а остальное продаетъ, чтобы его корову не продали чиновники за три рубля. А

затѣмъ, чтобы прожить до новаго урожая — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ хорошей годъ и полгода въ плохой годъ — онъ примѣшиваетъ лебеду въ свой хлѣбъ, въ то время какъ въ Лондонѣ лакомятся бисквитами изъ его муки. Теперь хорошо извѣстно изъ самихъ казенныхъ статистикъ, что если бы изъ Европейской Россіи не вывозили ни одного пуда ржи и пшеницы, то ихъ было бы ровно столько, сколько нужно на прокормленіе населенія.

Но какъ только произойдетъ революція въ Россіи, русскій крестьянинъ оставитъ свой хлѣбъ для себя и для своихъ дѣтей. Итальянскіе и венгерскіе крестьяне сдѣлаютъ то же самое и будемъ надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и индусы. Даже въ Америкѣ производство пшеницы сократится, если только и тамъ начнется рабочее движеніе. Слѣдовательно на привозъ хлѣба и кукурузы изъ заграницы плохой будетъ расчетъ.

Вся наша буржуазная цивилизація основана на эксплуатаціи низшихъ расъ и странъ съ отсталюю промышленностью, и первымъ благодѣяніемъ революціи будетъ то, что она позволитъ освободиться этимъ, такъ-называемымъ, низшимъ расамъ, отъ ихъ, яко-бы цивилизованныхъ благодѣтелей. Но это освобожденіе будетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе притока жизненныхъ припасовъ въ большіе западно-европейскіе города.

* *
*
* *

Относительно внутреннихъ дѣлъ, предсказать что-нибудь оказывается труднѣе.

Съ одной стороны, крестьянинъ несомнѣнно воспользуется революціей, чтобы распрямить свою спину, согнутую надъ землею. Въмѣсто того, чтобы работать по четырнадцати и шестнадцати часовъ, какъ теперь, онъ совершенно справедливо захочетъ отдыхать половину этого времени, что можетъ повести къ уменьшенію производства главныхъ жизненныхъ продуктовъ — хлѣба и мяса.

Но съ другой стороны, производство, наоборотъ, усилится отъ того, что крестьянину не придется больше работать на тунеядцевъ. Будутъ расчищены новыя земли, будутъ пущены въ ходъ новыя, болѣе совершенныя машины. — „Никогда еще земля не была такъ хорошо вспахана, какъ въ 1792 году, когда крестьянинъ получилъ ту землю, которой такъ давно желалъ“, говоритъ Мишле въ своей исторіи Великой Революціи.

Черезъ очень короткій промежутокъ времени, когда усовершенствованныя машины и химическое и всякое другое удобреніе ста-

путь доступны общинамъ, каждый крестьянинъ сможетъ вести усовершенствованную, ускоренную, интензивную культуру. Но въ началѣ есть основаніе думать, что, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, произойдетъ уменьшеніе количества земледѣльческихъ продуктовъ.

Благоразуміе поэтому предпологать, что привозъ продуктовъ, какъ изъ мѣстностей внутри страны, такъ и изъ за-границы, въ общемъ уменьшится.

Какъ же пополнишь этотъ недостатокъ?

Очень просто: Заменить недостающее собственными силами! Нечего искать въ туманѣ разрывенія воздуха, когда оно такъ просто.

Большіе города должны заняться обработкой земли, подобно деревнямъ. Нужно вернуться къ тому, что называется въ біологіи „интеграціей функций“. Послеъ того какъ установлено раздѣленіе труда, приходится „интегрировать“, соединять; таковъ ходъ вещей во всей природѣ.

Впрочемъ, помимо всякой философіи, самое теченіе событий несомнѣнно приведетъ къ этому. Если только Парижъ узнаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ долженъ остаться безъ хлѣба, онъ займется обработкой земли.

Но откуда взять землю? — Въ землѣ недостатка не будетъ. Большіе города, а Парижъ въ особенности — окружены парками богатыхъ собственниковъ, миллионами десятинъ, которые только и ждутъ того, чтобъ разумный трудъ земледѣльца превратилъ ихъ въ плодородныя поля, гораздо болѣе плодородныя, чѣмъ южно-русскія степи, покрытыя черноземомъ, но выжженные солнцемъ.

Рабочія руки? Но чѣмъ же будутъ заниматься два миллиона парижанъ, когда имъ не нужно будетъ больше наряжать и занимать русскихъ князей, румынскихъ бояръ и жёнъ берлинскихъ финансистовъ?

Благодаря созданнымъ нашимъ вѣкомъ машинамъ, благодаря уму и техническимъ знаніямъ рабочихъ, опытныхъ въ дѣлѣ пользованія усовершенствованными орудіями, имѣя къ своимъ услугамъ изобрѣтателей, химиковъ, ботаниковъ, профессоровъ въ Jardin des Plantes и огородниковъ изъ Gennevilliers*), пользуясь всеми средствами для увеличенія числа существующихъ машинъ и испробованія новыхъ; наконецъ, благодаря организаторскому духу, энергіи и предприимчивости парижскаго населенія — земледѣльческій трудъ парижской анар-

*) Gennevilliers — громадныя поля около Парижа, орошаемыя водою изъ водосточныхъ трубъ, на которыхъ тысячи огородниковъ разводятъ всевозможныя овощи, сбываемыя въ Парижѣ и вывозимыя даже въ Англію.

хической коммуны будетъ совершенно иной, чѣмъ работа современныхъ крестьянъ гдѣ-нибудь въ Арденахъ.

Царь, электричество, солнечная теплота и сила вѣтра очень скоро будутъ пущены въ дѣло. Паровые плуги, машины для очистки земли отъ камней быстро выполнять всю подготовительную работу, и земля, размягченная и удобренная, будетъ только ждать разумнаго труда человѣка — особенно женщины — чтобы покрыться тщательно выращенными растеніями, которыхъ будутъ снимать по три и по четыре жатвы въ годъ.

Учась садоводству, подъ руководствомъ опытныхъ специалистовъ, имѣя возможность пробовать на специально отведенныхъ мѣстахъ всевозможные способы обработки, соперничая между собою для достиженія наилучшихъ результатовъ и при этомъ черпая въ физическомъ трудѣ — не въ непосильномъ и чрезмѣрномъ трудѣ — тѣ силы, которыхъ такъ часто не хватаетъ жителямъ большихъ городовъ, мужчины, женщины и дѣти съ радостью займутся полевыми работами, которыя перестанутъ быть каторжнымъ трудомъ и превратятся въ удовольствіе, въ праздникъ, въ обновленіе человѣческаго существа.

„Безплодныхъ земель нѣтъ! Чего стоитъ человѣкъ, того стоитъ земля!“ — таково послѣднее слово современнаго земледѣлія. Земля даетъ все, чего отъ нея потребуютъ; нужно только требовать умѣючи.

На практикѣ, даже такой небольшой территоріи, какъ два округа — Сены и Сены съ Уазой — было бы достаточно для того, чтобы пополнить недостачи, вызванныя революціей, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ.

Коммунистическая община, если она рѣшительно станетъ на путь экспроприаціи, несомнѣнно приведетъ насъ къ этому соединенію земледѣлія съ промышленностью, — къ тому, что человѣкъ будетъ заниматься и тѣмъ и другимъ одновременно.

Пусть только она вступить на этотъ путь: съ голоду она уже навѣрное не погибнетъ! Опасность лежитъ вовсе не въ этомъ: она лежитъ въ умственной трусости, въ предразсудкахъ, въ полумѣрахъ.

Опасность тамъ, гдѣ ее видѣлъ Дантонъ, когда говорилъ Франціи: „Смѣлости, смѣлости, больше смѣлости!“ — особенно смѣлости умственной, за которой не замедлитъ послѣдовать и смѣлость воли.

Ж И Л И Щ А .

Всякій, кто внимательно присматривался къ настроенію умовъ у рабочихъ, несомнѣнно замѣтилъ, что есть одинъ важный вопросъ, по которому во Фраціи мало по малу устанавливается общее соглашеніе. Это — вопросъ о жилыхъ домахъ. Въ большихъ французскихъ городахъ (и даже во многихъ маленькихъ) рабочіе приходятъ понемногу къ убѣжденію, что жилые дома, въ дѣйствительности, нисколько не составляютъ собственности тѣхъ, кого государство признаетъ ихъ собственниками, и на дѣлѣ должны бы принадлежать всѣмъ жителямъ города. Такой поворотъ въ умахъ несомнѣнно совершается, такъ что увѣрить народъ въ справедливости права собственности на жилые дома теперь уже трудно.

Не собственникъ строилъ домъ; его строили, украшали и отдѣлывали сотни рабочихъ, которыхъ голодъ толкалъ на работу, а необходимость существовать заставляла довольствоваться жалкимъ заработкомъ.

Деньги, затраченныя этимъ, якобы, собственникомъ, точно также не были продуктомъ его труда. Онъ накопилъ ихъ такъ, какъ накапливаетъ всякое богатство, т. е. уплачивая рабочимъ всего двѣ трети или даже половину того, что ими сработано.

Наконецъ — и здѣсь нелѣпость права собственника всего очевиднѣе — цѣнность дома зависитъ отъ дохода, который получить съ него хозяинъ дома; доходъ же зависитъ отъ того, что данный домъ выстроенъ въ городѣ съ мощеными улицами, освѣщенномъ газомъ, имѣющемъ правильныя сообщенія съ другими городами; что въ этомъ городѣ находятся различныя промышленныя заведенія, и существуютъ учрежденія, служащія наукѣ и искусству; что въ немъ есть мосты, набережныя, конки, которые доставляютъ жителямъ множество удобствъ, совершенно неизвѣстныхъ въ деревнѣ, есть театры, музеи, гулянья, которые служатъ источниками удовольствія; однимъ словомъ, доходъ дома зависитъ отъ того, что двадцать или тридцать поколѣній работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать этотъ городъ обитаемымъ, здоровымъ и красивымъ центромъ промышленной и умственной жизни.

Въ нѣкоторыхъ кварталахъ Парижа каждый домъ стоитъ миліонъ или болѣе рублей, не потому, чтобы въ его стѣнахъ заключалось на

милліонъ работы, а потому, что онъ находится именно въ Парижѣ, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ поколѣнія рабочихъ, артистовъ, мыслителей, ученыхъ и литераторовъ содѣйствовали тому, чтобы сдѣлать Парижъ тѣмъ, что онъ представляетъ теперь, т. е. промышленнымъ, торговымъ, политическимъ, артистическимъ и научнымъ центромъ; потому что у этого города есть прошлое, что его улицы извѣстны, благодаря литературѣ, какъ въ провинціи, такъ и за границей, что онъ — продуктъ труда восемнадцати вѣковъ, пятидесяти поколѣній всей французской націи. То же самое справедливо относительно всякой другой столицы.

Кто же имѣетъ право, въ такомъ случаѣ, присвоить себѣ хотя бы малѣйшій клочекъ этой земли, или самую ничтожную изъ этихъ построекъ, не совершая тѣмъ самымъ вопиющей несправедливости? Кто имѣетъ право продавать кому бы то ни было хотя бы малѣйшую долю этого общаго наслѣдія?

Какъ мы уже говорили, среди рабочихъ въ этомъ отношеніи устанавливается мало по малу соглашеніе, и идея дароваго жилища обнаружилась уже во время первой осады Парижа (фѣмцами въ 1871-мъ году), когда населеніе требовало, чтобы съ него были прямо сложены всѣ долги хозяевамъ квартиръ. Та же мысль проявилась и во время Коммуны 1871 года, когда рабочіе ждали отъ Совѣта Коммуны рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью упраздненія квартирной платы. И когда снова вспыхнетъ революція, та же самая мысль будетъ первой заботой бѣдняка.

Въ революціонное ли, въ мирное ли время — рабочему всегда нуженъ кровъ, нужно жилище. Но какъ бы плохо и какъ бы нездорово это жилище не было, всегда есть хозяинъ, который можетъ его отсюда выгнать. Правда, во время революціи въ распоряженіи хозяина не будетъ судебного пристава, не будетъ полицейскихъ, которые выбросятъ вашъ скарбъ на улицу. Но кто знаетъ, — не захочетъ ли завтра новое правительство — какимъ бы революціоннымъ оно себя не заявляло — вновь возстановить эту силу и вновь отдать ее въ распоряженіе домохозяина? Правда, Коммуна объявила уничтоженіе всѣхъ долговъ за квартиры по 1-ое апрѣля — но только по 1-ое апрѣля*). А затѣмъ опять-таки пришлось бы платить, несмотря на то, что въ Парижѣ все было перевернуто вверхъ дномъ, что промышленность приостановилась, и у революціонера не было ничего кромѣ тридцати су (пятидесяти копѣекъ) въ день, выплачиваемыхъ ему Коммуной!

*) Декретъ отъ 30-го марта; въ силу этого закона прощались платежи, слѣдовавшіе съ квартирантовъ въ октябрѣ 1870-го года, а также 1-го января и 1-го апрѣля 1871-го года.

А между тѣмъ нужно, чтобы рабочій зналъ, что если онъ не платитъ за квартиру, то не только изъ поущенія. Нужно, чтобы онъ зналъ, что даровое жилище признано за нимъ, какъ право, — что оно установлено общимъ согласіемъ, какъ право, открыто провозглашенное народомъ.

Неужели же мы будемъ ожидать, чтобы эта мѣра, всецѣло отвѣчающая чувству справедливости всякаго честнаго человѣка, была принята тѣми социалистами, которые войдутъ вмѣстѣ съ буржуа въ новое временное правительство? Долго прождали бы мы такимъ образомъ — до самаго возврата реакціи!

Вотъ почему искренніе революціонеры, которые откажутся отъ всякихъ оффиціальныхъ шарфовъ и фуражекъ съ галунами, отъ всякихъ знаковъ власти и подчиненія — и останутся среди народа, какъ часть его, будутъ вмѣстѣ съ народомъ работать для того, чтобы экспроприація домовъ стала совершившимся фактомъ. Они постараются создать движеніе въ этомъ направленіи и примѣнить эту мѣру на практикѣ; т. е., когда эти мысли созрѣютъ, народъ произведетъ экспроприацію домовъ, наперекоръ всѣмъ теоріямъ вознагражденія собственниковъ и тому подобной чепухѣ, которою всякіе охотники до теорій постараются затормозить дѣло.

Въ тотъ день, когда экспроприація домовъ совершится, — рабочій пойметъ, что дѣйствительно настали новыя времена, что ему уже не придется склонять голову передъ богатыми и сильными, что Равенство открыто провозглашено, что Революція совершается на дѣлѣ, а не останется простою перемѣною государственныхъ декорацій, какъ это не разъ бывало раньше.

II.

Если только мысль о необходимости отобрать дома созрѣетъ въ народѣ, ея осуществленіе на практикѣ вовсе не встрѣтитъ тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыми насъ обыкновенно пугаютъ.

Правда, люди, которые нарядятся въ мундиры и займутъ вакантные мѣста въ министерствахъ и въ Городской Думѣ, постараются увеличить число такихъ препятствій. Они начнутъ толковать о вознагражденіи собственниковъ, о необходимости точнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній и начнутъ составлять длиннѣйшіе доклады — такіе длинные, что дѣло могло бы протянуться до того времени, пока подавленный нуждою и безработицею народъ, не видя ничего впереди и потерявъ всякую вѣру въ революцію, не представитъ полной свободы дѣйствія реакціонерамъ.

Объ этот подводный камень, дѣйствительно, можетъ разбиться вся живая сила. Но если народъ не поддастся на этого рода увѣщанія, если онъ пойметъ, что новый строй жизни требуетъ новыхъ средствъ, и возьметъ дѣло въ свои руки — тогда экспроприація сможетъ осуществиться безъ особыхъ затрудненій.

„Но какъ именно? Какимъ образомъ можно ее осуществить?“ спросятъ у насъ. — Мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ, но съ одной предварительной оговоркой. Мы не хотимъ рисовать плановъ экспроприаціи въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ; мы знаемъ заранѣе, что жизнь опередитъ все, что могутъ предложить въ настоящее время личности или группы. Она, какъ мы уже говорили, сдѣлаетъ дѣло лучше и проще, чѣмъ всѣ наши заранѣе прописанныя программы.

Поэтому, когда мы намѣчаемъ способъ, которымъ можно было бы осуществить экспроприацію безъ государственнаго вмѣшательства, мы хотимъ только отвѣтить тѣмъ, кто заранѣе объявляетъ это невозможнымъ. Но мы предупреждаемъ, что ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ въ виду проповѣдывать тотъ или другой способъ организаціи дѣла какъ наилучшій. Все, чего мы хотимъ, это — показать, что экспроприація можетъ быть дѣломъ народной инициативы и не можетъ быть ничѣмъ другимъ.

По всей вѣроятности, съ самыхъ первыхъ шаговъ народной экспроприаціи создадутся въ каждомъ кварталѣ, въ каждой улицѣ, въ каждой группѣ домовъ, группы добровольцевъ, которые предложатъ свои услуги для собранія нужныхъ справокъ о числѣ свободныхъ квартиръ, о такихъ квартирахъ, въ которыхъ тѣснятся большія семьи, о квартирахъ нездоровыхъ и квартирахъ слишкомъ просторныхъ для живущихъ въ нихъ, а слѣдовательно могущихъ быть занятыми тѣми, кто тѣснится въ лачугахъ. Въ нѣсколько дней эти добровольцы составятъ для данной улицы или для даннаго квартала полные списки этихъ квартиръ, здоровыхъ и нездоровыхъ, тѣсныхъ и просторныхъ, жилищъ, которыя служатъ источниками заразы и жилищъ роскошныхъ.

Они сообщать другъ другу эти списки и черезъ короткій промежутокъ времени составятъ такимъ образомъ полныя статистическія таблицы. Ложныя статистическія свѣдѣнія можно сочинять, сидя въ канцеляріи, но статистика правдивая и полная можетъ быть только дѣломъ каждой отдѣльной личности; и въ этомъ нужно, слѣдовательно, опять-таки идти отъ простаго къ сложному.

Ничего ни откуда не ожидая, эти граждане отправятся, вѣроятно, къ товарищамъ, живущимъ по трущобамъ и скажутъ имъ: „Ну, на этотъ разъ, товарищи, — настоящая революція. Приходите сегодня вече-

ромъ въ такое-то мѣсто. Тамъ будетъ весь кварталъ: будутъ дѣлать квартиры. Если вы не хотите оставаться въ своей лачугѣ, вы выберите себѣ одну изъ квартиръ въ четыре или пять комнатъ, которыя окажутся свободными. А когда вы переѣдете, это будетъ дѣло конченное и тотъ, кто вздумаетъ васъ оттуда выгонять, будетъ имѣть дѣло съ вооруженнымъ народомъ!“

— „Но, въ такомъ случаѣ, каждый захочетъ имѣть квартиру въ двадцать комнатъ!“ — скажутъ намъ.

Вовсе нѣтъ! Хотя бы уже по той простой причинѣ, что малой семьѣ большая квартира не съ руки. Чистить и топить двадцать комнатъ можно только, когда есть куча рабовъ. Но — помимо того — народъ никогда не требовалъ невозможнаго. Напротивъ, всякій разъ, когда мы видимъ, что дѣлается попытка возстановить справедливость между людьми, намъ приходится удивляться здравому смыслу и чувству справедливости народной массы. Слышали-ли мы когда-нибудь во время революціи неисполнимыя требованія народа? Случалось-ли когда-нибудь, чтобы въ Парижѣ, во время выдержанныхъ имъ осадъ, люди дрались изъ за своей порціи хлѣба или дровъ? Наоборотъ, они ждали своей очереди съ терпѣніемъ, которому не могли надивиться корреспонденты иностранныхъ газетъ, а между тѣмъ всѣ знали, что тотъ, кто придетъ послѣднимъ, не получитъ въ этотъ день ни хлѣба, ни топлива.

Конечно, въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ нашемъ обществѣ, живеть предостаточное количество себя-любивыхъ наклонностей, и мы это отлично знаемъ. Но мы знаемъ точно также и то, что поручить квартирный вопросъ какой-нибудь канцеляріи, было бы лучшимъ средствомъ пробудить и усилить эту жадность. Тогда, дѣйствительно, всѣ дурныя страсти получили бы полный просторъ; всѣ стали бы бороться за то, кому выпадетъ въ канцеляріи наибольшая доля вліянія. Малѣйшее неравенство вызвало бы крики негодованія, малѣйшее преимущество, отданное одному передъ другимъ, заставило бы — и не безъ основанія — кричать о взяткахъ.

Но если самъ народъ возьметъ, сгруппировавшись по улицамъ, по кварталамъ, по округамъ, за переселеніе обитателей трущобъ въ слишкомъ просторныя квартиры богатыхъ людей, мелкія неудобства или незначительныя неравенства будутъ приниматься очень легко. Къ хорошимъ инстинктамъ массъ обращались очень рѣдко. Это случалось, впрочемъ, иногда, во время революцій — когда нужно было спасать тонущій корабль — и никогда еще этотъ призывъ не оставался тщетнымъ: рабочій всегда отзывался на него съ самоотверженіемъ.

То же произойдетъ и въ будущей революціи.

Несмотря на все это, будутъ однако, по всей вѣроятности и нѣкоторыя проявленія несправедливости, и избѣжать ихъ невозможно. Въ нашемъ обществѣ есть такіе люди, которыхъ никакое великое событіе не можетъ вывести изъ ихъ эгоистической колеи. Но вопросъ не въ томъ, будутъ ли случаи несправедливости или нѣтъ: вопросъ въ томъ, — какъ уменьшить по возможности ихъ число?

И вотъ на этотъ-то вопросъ вся исторія, весь опытъ человѣчества, точно также, какъ и вся психологія обществъ, отвѣчаютъ, что наилучшее средство, это — поручить дѣло самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Только они одни могутъ принять во вниманіе и устроить тысячи различныхъ подробностей, неизбѣжно ускользающихъ отъ какой бы то ни было бюрократической регламентаціи. Всѣ мы знаемъ, какъ сельскія общины дѣлятъ землю между тяглами. Несправедливости бывають; но что было бы, если бы этотъ дѣлежъ представленъ былъ чиновникамъ? — Онъ просто сталъ бы невозможенъ.

III.

Къ тому же рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы квартиры были распределены совершенно поровну. Но тѣ мелкія неудобства, которыя еще придется терпѣть нѣкоторымъ семьямъ, будутъ легко устранимы въ обществѣ, гдѣ происходитъ экспроприація. Разъ только каменщики, каменотесы и другіе рабочіе строительнаго дѣла будутъ знать, что ихъ существованіе обезпечено, они съ удовольствіемъ согласятся приняться за привычную для нихъ работу. Они передѣлають большія квартиры, для которыхъ требовалась цѣлая армія прислуги и въ нѣсколько мѣсяцевъ воздвигнуть дома, гораздо болѣе здоровые чѣмъ тѣ, которые существуютъ теперь. Тѣмъ же, которые устроятся не вполне удобно, анархическая община сможетъ сказать: „Потерпите, товарищи! Здоровые, удобные и красивые дворцы, превосходящіе все, что строили когда-нибудь капиталисты, будутъ скоро воздвигнуты на землѣ нашего свободнаго города. Они будутъ въ распоряженіи тѣхъ, кто въ нихъ наиболѣе нуждается. Анархическая община строить не съ цѣлью получать доходъ; зданія, которыя она воздвигаетъ для своихъ гражданъ и которыя составляютъ продуктъ коллективнаго духа, послужатъ образцомъ всему человѣчеству, — и они будутъ принадлежать вамъ!“

Если возставшій народъ экспроприруетъ дома и провозгласить принципъ дароваго жилища, общую собственность на жилища помещенія и право каждой семьи на здоровую квартиру, это будетъ значить, что революція приняла съ самаго начала коммунистическій ха-

рагерь и вступила на такой путь, съ котораго ее свести будетъ не легко. Частной собственности будетъ нанесенъ навсегда смертельный ударъ.

Экспроприация домовъ заключаетъ, такимъ образомъ, въ зародышѣ всю социальную революцію. Отъ того, какъ она произойдетъ, будетъ зависеть дальнѣйшій характеръ событій. Или мы откроемъ широкой путь анархическому коммунизму, или мы застрянемъ еще на полъ-вѣка въ государственномъ индивидуализмѣ.

Легко предвидѣть многочисленныя возраженія, которыя намъ станутъ дѣлать — одни теоретическаго характера, другія — чисто практическія.

Такъ какъ все эти возраженія будутъ клониться къ поддержанію, во что бы то ни стало, несправедливаго порядка вещей, то намъ, конечно, будутъ возражать во имя справедливости. „Не возмутительно ли, скажутъ намъ, что парижане захватятъ все хорошіе дома, а крестьянамъ предоставятъ одні лачуги?“ Но не будемъ смущаться этимъ: эти ярые сторонники крайней справедливости забываютъ, благодаря особенному, свойственному имъ, способу разсужденія, о той вопиющей несправедливости, защитниками которой они являются. Они забываютъ, что и въ самомъ Парижѣ рабочій, со своей семьей, задыхается въ труппѣ, пѣз она которой ему виденъ дворець богача. Они забываютъ, что въ слишкомъ густо населенныхъ кварталахъ цѣлыя поколѣнія гибнутъ отъ недостатка воздуха и солнца, и что устраненіе этой несправедливости должно быть первою обязанностью Революціи.

Но не будемъ останавливаться на этихъ не безкорыстныхъ возраженіяхъ. Мы знаемъ, что то неравенство, которое еще будетъ продолжаться существовать между Парижемъ и деревней, — неравенство такого рода, что оно будетъ съ каждымъ днемъ уменьшаться. Какъ только крестьянинъ перестанетъ быть вьючнымъ животнымъ фермера, фабриканта, ростовщика и Государства, деревня точно также не замедлитъ устроить себѣ болѣе здоровыя помѣщенія, чѣмъ существующія теперь. Неужели же, для избѣжанія временной и поправимой несправедливости мы удержимъ несправедливость цѣлыхъ вѣковъ?

Не болѣе сильны и такъ-называемыя практическія возраженія. „Вотъ, напримѣръ“, говорятъ намъ, „какой-нибудь бѣднякъ, которому удалось, цѣною ряда лишеній пріобрѣсти домъ, достаточно просторный для него и для его семьи. Онъ виолнѣ счастливъ въ немъ; неужели же вы выгоните его на улицу?“

— Конечно, нѣтъ! Если его дома хватаетъ только для помѣщенія его семьи, пусть себѣ и живетъ въ немъ на здоровье; пусть копаются въ своемъ садикѣ! Въ случаѣ надобности наши же молодцы помогутъ

ему. Но если въ его домѣ есть квартира, которую онъ сдаетъ какому-нибудь жильцу, то народъ скажетъ этому жильцу: „Вы знаете, товарищъ, что вы больше ничего не должны вашему старикъ? Живите въ своей квартирѣ и не платите больше ничего: теперь нечего бояться, что полиція вышвырнетъ васъ на улицу; теперь — социальная революція!“

И если хозяинъ дома занимаетъ одинъ двадцать комнатъ, а въ томъ же кварталѣ есть мать съ пятью дѣтьми, живущая въ одной комнатѣ, то народъ пойдетъ и посмотритъ, не найдется ли среди этихъ двадцати комнатъ нѣсколько такихъ, изъ которыхъ, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ, могла бы выйти порядочная квартирка для этой матери. Развѣ это не будетъ справедливѣе, чѣмъ оставить ее въ ея труппѣ, а откормленнаго богача — въ его дворцѣ? Этотъ послѣдній скоро, впрочемъ, привыкнетъ къ своему новому положенію, а его жена будетъ даже очень рада избавиться отъ половины своей квартиры, когда у нея не будетъ больше пяти-шести служанокъ.

— „Но вѣдь это будетъ полный хаосъ!“ кричатъ защитники порядка. „Это значитъ переѣзды безъ конца! Ужъ лучше прямо выгнать всѣхъ на улицу и затѣмъ брать квартиры по жребію!“ Мы увѣрены, однако, что если въ это дѣло не вмѣшается никакое правительство, а все будетъ предоставлено группамъ, свободно образовавшимся съ этою цѣлью, то число переѣздовъ съ квартиры на квартиру будетъ меньше, чѣмъ число людей, которые теперь переѣзжаютъ въ теченіе одного года вслѣдствіе жадности собственниковъ домовъ.

Во-первыхъ, во всѣхъ большихъ городахъ есть столько свободныхъ квартиръ, что ихъ, можетъ быть, хватило бы для помѣщенія всѣхъ обитателей труппъ. Что касается дворцовъ и роскошныхъ квартиръ, то многія рабочія семьи даже вовсе не захотятъ ихъ, потому что ими можно пользоваться только тогда, когда для ихъ уборки существуетъ многочисленная прислуга. Ихъ обладателямъ скоро пришлось бы, поэтому, искать себѣ менѣе роскошныхъ помѣщеній, въ которыхъ разныя банкирши сами готовили бы себѣ кушанье. Мало по малу, такимъ образомъ, населеніе размѣстится въ существующихъ квартирахъ, совершенно мирно и по возможности безъ лишнихъ непріятностей, — причемъ не будетъ никакой надобности переселять банкира, подъ конвоемъ, на чердакъ, а обитателя чердака — во дворецъ банкира. Развѣ крестьянскія общества не распредѣляютъ свои поля съ такимъ незначительнымъ безпокойствомъ для владѣтелей отдѣльных дѣлянокъ, что остается только удивляться здравому смыслу и разумности употребляемыхъ для этого пріемовъ? Русская община — какъ доказываютъ цѣлыя томы изслѣдованій — производитъ меньше

перемѣщеній съ одного участка земли на другой, чѣмъ частная собственность съ ея судебными разбирательствами. Отчего-же жители большого города должны непременно оказаться глупѣе или неспособнѣе къ организаціи, чѣмъ русскіе или индійскіе крестьяне!

Всякая революція, впрочемъ, неизбѣжно предполагаетъ нѣкоторое нарушеніе хода ежедневной жизни, и если кто-нибудь надѣется пережить крупный общественный кризисъ, ни разу не нарушивъ своего обѣда, то ему, конечно, грозитъ разочарованіе. Можно измѣнить форму правленія такъ, чтобы буржуа ни разу не пропустилъ часть своего обѣда, но такъ не исправивъ вѣкового преступленія общества по отношенію къ его кормильцамъ.

Что извѣстное безпокойство будетъ, это — несомнѣнно; нужно только, чтобы оно не было напраснымъ и чтобы оно было доведено до возможнаго минимума. И опять-таки — напомнимъ объ этомъ еще разъ — для того, чтобы сумма неудобствъ оказалась наименьшей, нужно обратиться не ко всякимъ канцеляріямъ, а къ самимъ заинтересованнымъ лицамъ.

Когда народу приходится подавать голоса за всякихъ пройдохъ, добивающихся чести быть его представителями и претендующихъ на то, что они все знаютъ, все сдѣлаютъ и все устроятъ, онъ, конечно, дѣлаетъ ошибку за ошибкою. Но когда ему приходится организовывать то, что онъ знаетъ и что его непосредственно касается, онъ исполняетъ это лучше всякихъ чиновниковъ. Развѣ мы не видѣли этого во время парижской Коммуны, или во время недавней лондонской стачки въ гавани? И не видимъ ли мы того же самаго ежегодно въ каждой крестьянской общинѣ?

О Д Е Ж Д А .

Если дома станут общою собственностью города, а въ пользованіе пищевыми продуктами будетъ введено распредѣленіе, то придется сдѣлать и еще одинъ шагъ впередъ. Неизбѣжно явится вопросъ объ одеждѣ и снять-таки единственный способъ разрѣшить его, это — завладѣть, отъ имени народа, всеми магазинами одежды, открыть настежь ихъ двери, предоставивъ каждому брать все, что ему нужно. Общая собственность на одежду, право для каждаго брать изъ магазиновъ или изъ мастерскихъ то, въ чемъ онъ нуждается, станетъ неизбежнымъ послѣдствіемъ приложенія коммунистическаго принципа къ домамъ и съѣстнымъ припасамъ.

Само собою разумѣется, что для этого намъ не будетъ надобности отбирать у всѣхъ гражданъ ихъ пальто, а затѣмъ складывать ихъ въ кучу и тянуть жребій — какъ увѣряютъ наши остроумные и пзобрѣтательные критики. Пусть у каждаго остается его пальто — если оно у него есть, и очень вѣроятно, что если даже у него ихъ окажется десять, никто не подумаетъ отнять ихъ у него. Каждый предпочтетъ новую одежду той, которую буржуа уже обносилъ, и новой одежды окажется столько, что не будетъ надобности прибѣгать къ поношенному платью.

Если бы мы собрали свѣдѣнія о количествѣ одежды, сложенной въ магазинахъ большихъ городовъ, то мы, вѣроятно, увидѣли бы, что въ Парижѣ, Лионѣ, Бордо и Марсели ея находится достаточно для того, чтобы Коммуна могла доставить пужную одежду каждому изъ своихъ гражданъ и гражданокъ. Но если бы готоваго платья не хватило, если бы часть гражданъ не нашла подходящаго для себя платья, общинныя мастерскія быстро пополнили бы этотъ пробѣлъ. Мы знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, съ какою невѣроятною скоростью работаютъ теперь мастерскія, снабженныя усовершенствованными машинами и организованныя для производства въ большихъ размѣрахъ.

— „Но тогда всѣ захотятъ имѣть соболью шубу, и каждая женщина потребуеъ бархатнаго платья!“ воскликнуть, конечно, наши противники.

Искренно говоря, мы этого не думаемъ. Не всякій любитъ бар-

хоть, и не всякій мечтаетъ о собольей шубѣ. Даже если бы мы теперь предложили каждой изъ парижанокъ выбрать себѣ платье, то навѣрное нашлось бы много такихъ, которыя предпочли бы простую одежду всѣмъ необыкновеннымъ украшеніямъ модныхъ барынь.

Притомъ-же вкусы мѣняются соответственно данной минутѣ и несомнѣнно, что въ моментъ революціи господствовать будутъ вкусы простые. Общество, какъ и отдѣльныя личности, переживаетъ времена полнаго упадка нравовъ, но у него бываютъ также и минуты героизма. Какъ бы низко оно не падало въ такія времена, когда оно погрязаетъ, какъ теперь, въ преслѣдованіи мелкихъ и ограниченныхъ личныхъ интересовъ, — въ великія эпохи оно мѣняетъ свою физиономію. У него бываютъ минуты благородства, минуты увлеченія. Пскренніе люди приобрѣтаютъ тогда вліяніе, которое теперь принадлежитъ плутамъ и ловкимъ дѣльцамъ. Совершаются акты самоотверженія, великіе примѣры находятъ себѣ подражателей, даже эгоистамъ совѣстно становится оставаться позади другихъ и они волею-неволею присоединяются къ общему хору людей великодушныхъ и смѣлыхъ.

Великая революція 1793 года избиваетъ примѣрами этого рода. Въ такіе-то именно кризисы нравственнаго возрожденія — настолько же естественные для общества, какъ и для отдѣльныхъ личностей — и обнаруживаются тѣ высокіе порывы, которые двигаютъ человѣчество впередъ на пути прогресса.

Мы вовсе не хотимъ преувеличивать вѣроятную роль прекрасныхъ чувствъ и не на нихъ мы основываемъ нашъ общественный идеалъ. Но нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что подъемъ этихъ чувствъ поможетъ намъ пережить первые, наиболѣе трудные, моменты. Мы не можемъ рассчитывать на продолжительность такихъ порывовъ самоотверженія въ ежедневной жизни, но мы можемъ ожидать ихъ въ началѣ, а это — все, что нужно. Именно въ ту минуту, когда придется расчищать почву отъ навоза, накопленнаго вѣками рабства и угнетенія, именно тогда анархическому обществу и понадобится этотъ подъемъ братскихъ чувствъ. Впоследствии оно сможетъ существовать и не обращаясь ни къ чему самопожертвованію, потому что оно уже успеетъ уничтожить угнетеніе и создать новое общество, дающее просторъ всѣмъ чувствамъ солидарности, а экономически — направленное на удовлетвореніе потребностей всѣхъ.

Кромѣ того, если революція приметъ именно то направленіе, о которомъ мы говоримъ, свободный личный начинъ поможетъ намъ избѣгнуть всякихъ помѣхъ со стороны эгоистовъ. На каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ, смогутъ организоваться группы, которыя возъ-

мутъ на себя заботу объ одеждѣ. Онѣ составлять инвентарь всего, имѣющагося въ возставшемъ городѣ и будутъ приблизительно знать, какими ресурсами онѣ въ этомъ отношеніи располагають. И очень вѣроятно, что граждане примутъ относительно одежды то же правило, какъ и относительно пищевыхъ продуктовъ: „право свободно брать все, что находится въ изобиліи, и распределеніе того, что имѣется лишь въ ограниченномъ количествѣ“.

Не имѣя возможности доставить каждому гражданину соболью шубу и каждой гражданкѣ — бархатное платье, общество установитъ, вѣроятно, различіе между излишнимъ и необходимымъ, и зачислитъ — по крайней мѣрѣ временно — бархатныя платья и соболій мѣхъ въ число предметовъ излишнихъ, откладывая на будущее вопросъ о томъ, нельзя ли сдѣлать предметомъ всеобщаго потребленія то, что теперь составляетъ предметъ роскоши. Обеспечивъ каждому изъ жителей анархическаго города необходимое, можно будетъ затѣмъ предоставить дѣятельности частныхъ лицъ заботу о томъ, чтобы дать слабымъ и больнымъ то, что временно будетъ считаться предметомъ роскоши, доставитъ менѣе крѣпкимъ то, что не можетъ быть предметомъ ежедневнаго употребленія всѣхъ*).

„Но вѣдь это значить подвести всѣхъ подъ одинъ уровень, надѣть на всѣхъ сѣрую монашескую одежду!“ скажутъ намъ. „Это — исчезновеніе всѣхъ предметовъ роскоши, всего, что только украшаетъ жизнь!“

— Вовсе нѣтъ! Мы покажемъ ниже, опять-таки основываясь на томъ, что существуетъ теперь, что анархическое общество сможетъ удовлетворить всѣ артистическіе вкусы своихъ гражданъ, не надѣляя ихъ для этого миллионными состояніями.

*) Тутъ, человѣчеству открывается невѣроятно-широкое поприще для изобрѣтенія. Возьмите, напримѣръ, шолкъ. Впродолженіе тысячелѣтій шолкъ (а слѣдовательно и бархатъ) считался предметомъ высокой роскоши. Страны, гдѣ растутъ шелковица, ограничены извѣстною полосой; уходъ за шелковичнымъ червемъ труденъ, и т. д. Теперь дѣлаютъ шолкъ изъ древесной массы на фабрикахъ; необозримые канадскіе лѣса даютъ шолкъ, и шелка, которые теперь дѣлаются въ Америкѣ изъ древесной массы, до того хороши, что не уступаютъ лучшимъ лондонскимъ шелкамъ, ни въ цвѣтахъ, ни въ упругости ткани, ни въ прочности. Ихъ носятъ уже самыя отчаянныя модницы. — Ну, а на счетъ брилліантовъ, — есть тысячи и тысячи женщинъ, которыя, узнавши, какъ въ Африкѣ, въ Мафекингѣ, мучають негровъ, чтобы добывать ихъ, навсегда закаялись носить брилліанты. Но придетъ время — и брилліанты будутъ добывать въ мастерской.

I.

ПУТИ И СРЕДСТВА.

Если только какое-нибудь общество, городъ или область твердо рѣшится обезпечить своимъ членамъ все необходимое (а мы увидимъ ниже, какъ понятіе объ этомъ необходимомъ можетъ расширяться до роскоши), ему неизбежно придется завладѣть всѣмъ, что служить для производства, т. е. землю, машинами, заводами, средствами передвиженія и т. д. Оно непременно экспроприруетъ современныхъ собственниковъ капитала, чтобы передать этотъ капиталъ въ руки общества.

Въ самомъ дѣлѣ, главное зло буржуазнаго строя заключается не только въ томъ, что капиталистъ получаетъ съ cadaго промышленнаго или коммерческаго предпріятія значительную часть барышей, доставляющихъ ему возможность жить не работая: оно лежитъ, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что все производство, взятое въ цѣломъ, идетъ по совершенно ложному пути, такъ какъ его цѣль — отнюдь не обезпеченіе благосостоянія для всѣхъ. — Оно ведется наудачу, — ради барышей, а вовсе не ради общественныхъ нуждъ.

Мало того: капиталистическое производство и не можетъ быть въ интересахъ всѣхъ. Стремиться къ этому, значитъ требовать отъ капиталиста, чтобы онъ вышелъ изъ своей роли и исполнялъ такое отправленіе въ обществѣ, котораго онъ не можетъ принять на себя, не переставши быть самимъ собою, т. е. частнымъ предпринимателемъ, стремящимся къ собственному обогащенію. Капиталистическая организація, основанная на личномъ интересѣ cadaго предпринимателя, дала обществу все, что отъ нея можно было ожидать: она увеличила производительную силу рабочаго. Воспользовавшись переворотомъ, произведеннымъ въ техникѣ паромъ, быстрымъ развитіемъ химіи и механики, а также всѣми открытіями нашего вѣка, капиталистъ постарался, въ своихъ собственныхъ интересахъ, развить производительность человѣческаго труда; и достигъ онъ этого въ очень значительной степени. Но было бы вполне неразумно, возлагать на него какую-нибудь другую миссію. Желать, напримѣръ, чтобы онъ употребилъ эту увеличенную производительность труда на пользу всего общества,

значило бы требовать от него благотворительности, а капиталистическое предприятие не может быть основано на благотворительности.

Дать полное распространение, во всех отраслях, этой высокой производительности труда, существующей в настоящее время лишь в некоторых отраслях промышленности, — теперь уже дело общества. А для того, чтобы общество могло обеспечить благосостояние всех своим членам, оно очевидно должно завладеть всеми средствами производства.

Политико-экономы отвѣтить намъ, можетъ быть, (какъ они часто это дѣлаютъ), указывая на сравнительное благосостояніе некоторыхъ категорій рабочихъ — молодыхъ, сильныхъ и обладающихъ специальными знаниями, въ известныхъ отрасляхъ промышленности. Намъ всегда съ гордостью указываютъ на это меньшинство. Но можетъ ли даже это благосостояніе — привилегія немногихъ, — считаться за нимъ обезпеченнымъ? Завтра, благодаря безпечности, непредусмотрительности или корыстолюбію хозяина, эти привилегированные рабочіе будутъ, можетъ быть, выброшены на улицу и заплачатъ цѣлыми мѣсяцами и годами нужды и лишеній за то временное довольство, которымъ они пользовались раньше. Сколько разъ мы видѣли, что даже крупныя отрасли промышленности (производство тканей, желѣза, сахара и проч.), не говоря уже о производствахъ болѣе эфемерныхъ отраслей, одна за другою приостанавливались и медленно влчили свое существованіе, то влѣдствіе различныхъ спекуляцій, то влѣдствіе естественныхъ перемѣнъ труда, то благодаря создаваемой самими же капиталистами конкуренціи. Все главныя отрасли выдѣлки тканей и механики пережили недавно (въ 1886 — 1889 году) такой кризисъ; что же сказать, въ такомъ случаѣ, о тѣхъ производствахъ, для которыхъ періодическая приостановка работъ является вообще необходимостью?

А что сказать о цѣнѣ, какою покупается это сравнительное благосостояніе некоторыхъ категорій рабочихъ? Вѣдь оно достигается благодаря разоренію земледѣлія, безовѣстной эксплуатаціи крестьянина и бѣдности народныхъ массъ. Рядомъ съ этимъ незначительнымъ меньшинствомъ, пользующимся некоторымъ довольствомъ, сколько человеческихъ существъ живутъ изо дня въ день, безъ обезпеченнаго заработка, готовые направиться всюду, гдѣ только въ нихъ окажется надобность! Сколько крестьянъ работаютъ по четырнадцать часовъ въ день пзъ-за самаго скуднаго пропитанія! Капиталь вызываетъ обезлюденіе деревень, разоряетъ колоніи и страны съ мало-развитою промышленностью, осуждаетъ громадное большинство рабочихъ на

отсутствіе всякаго техническаго образованія, на невозможность получить даже плохонькое знаніе своего ремесла. Цвѣтущее состояніе одной отрасли промышленности постоянно покушается раззореніемъ десяти другихъ .

И это не случайность: это — результатъ того условія капиталистическаго строя. Чтобы швейцарскія фабрики рабочихъ могли получать въ настоящее время нормальное жалованье, нужно, чтобы крестьянничъ былъ какъ бы выючимъ животнымъ общества; нужно, чтобы населеніе деревни оставило ее и уходило въ города; нужно, чтобы мелкія ремесла скоплялись въ бѣдныхъ предместьяхъ большихъ городовъ и выдѣлывали тамъ почти за ничто, множество предметовъ, за которые покупатель, получающій скудную заработную плату, и не можетъ платить больше. Для того, чтобы плохое сумно находило себѣ сбытъ у скуднооплачиваемыхъ рабочихъ, портной долженъ довольствоваться заработкомъ, едва дающимъ ему возможность не умереть съ голоду. Нужно, точно также, чтобы отсталыя восточныя страны эксплуатировались западными, негры — европейцами, итальянскіе земледѣльцы — англичанами и т. д., чтобы въ нѣкоторыхъ привлеченныхъ отрасляхъ промышленности рабочіи могъ пользоваться, при капиталистическомъ строѣ, нѣкоторымъ, хотя бы ограниченнымъ, благосостояніемъ.

Зло современнаго строя заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что „прибавочная стоимость“ производства идетъ капиталу, какъ говорили Родбертусъ и Марксъ, влѣдъ за Томсономъ, — служивая такимъ образомъ социалистическую идею и ея общее пониманіе капиталистическаго строя. Сама прибавочная стоимость является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ. Зло заключается въ томъ, что вообще можетъ быть какая бы то ни было „прибавочная стоимость“, вмѣсто простаго излишка, не потребленнаго даннымъ поколѣніемъ; потому что для существованія этой „прибавочной стоимости“ нужно, чтобы мужчины, женщины и дѣти были вынуждены потреблять меньше, чѣмъ они производятъ; чтобы голодъ и невозможность найти другое приложеніе своихъ силъ вынуждали ихъ продавать свою рабочую силу за малую долю того, что она производитъ и особенно того, что она можетъ произвести.

И это зло будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока все, что необходимо для производства, останется собственностью немногихъ. Пока человѣкъ будетъ вынужденъ платить дань собственнику, чтобы имѣть право обрабатывать землю или пустить въ ходъ какую-нибудь машину, а собственникъ сможетъ производить не наибольшее количество нужныхъ для существованія предметовъ, а то, что обѣщаетъ ему наибольшія барыши. — до тѣхъ поръ благосостояніе будетъ обезвечено лишь

ничтожному меньшинству, и то лишь временно, и всякій разъ цѣною раззоренія другой части общества. Въ самомъ дѣлѣ, вовсе не достаточно еще раздѣлить поровну прибыль, получаемую тѣмъ или другимъ частнымъ предпріятіемъ, если при этомъ, для полученія прибыли нужно непременно эксплуатировать тысячи другихъ рабочихъ. То, къ чему нужно стремиться, это — производить съ наименьшей возможной тратой человѣческихъ силъ наибольшую сумму продуктовъ, наиболѣе необходимыхъ для благосостоянія всѣхъ.

Частный собственникъ не можетъ рѣшить этой задачи, и вотъ почему все общество, въ цѣломъ, будетъ вынуждено, во имя этой необходимости, экспроприровать все то, что составляетъ его богатство и что можетъ обезпечить всѣмъ довольство. Оно должно будетъ завладѣть землей, заводами, копиями, путями сообщеній, домами, магазинами и т. д. и, кромѣ того, заняться изученіемъ того, что именно нужно производить въ интересахъ всѣхъ, какими путями, и какими средствами для этого нужно пользоваться.

II.

Сколько часовъ въ день придется работать человѣку для того, чтобы обезпечить своей семьѣ обильную пищу, удобное жилище и необходимую одежду? Соціалисты часто задавались этимъ вопросомъ и приходили обыкновенно къ заключенію, что для этого достаточно было бы четырехъ или пяти часовъ въ день — при условіи, конечно, если всѣ будутъ работать. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Франклинъ останавливался на пятичасовомъ рабочемъ днѣ, и если потребности удобствъ возросли съ тѣхъ поръ, то возросло также — въ гораздо большей степени — и производительность труда.

Ниже, говоря о земледѣліи, мы увидимъ, что можетъ дать человѣку земля, если онъ будетъ обрабатывать ее разумно, вмѣсто того, чтобы бросать сѣмя наугадъ въ плохо распаханную землю, какъ это дѣлается теперь. Въ большихъ фермахъ американскаго Запада, устроенныхъ на гораздо менѣ плодородной землѣ, чѣмъ обработанная земля цивилизованныхъ странъ, съ десятины получается всего отъ 6½ до 9½ четвертей пшеницы, т. е. половина того, что даютъ фермы европейскія и восточно-американскія. И все таки, благодаря машинамъ, которыя даютъ возможность двумъ человѣкамъ вспахать въ день двѣ съ половиною десятины, сто человѣкъ успѣваютъ производить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все, что нужно для обезпеченія хлѣбомъ, на годъ, десяти тысячъ человѣкъ.

Изъ этого видно, что каждому было бы достаточно, при такихъ

условіяхъ проработать въ теченіе тридцати часовъ, т. е. шести полу-дней по пяти часовъ каждый, чтобы имѣть хлѣба на цѣлый годъ, а тридцати полу-дней было бы достаточно, чтобы обезпечить хлѣбомъ семью въ пять человѣкъ.

Эти данныя, взятыя изъ современной намъ жизни, доказываютъ, что при усиленной обработкѣ земли, меньше чѣмъ шестидесяти полу-дней было бы довольно, чтобы доставить цѣлой семьѣ хлѣбъ, овощи и даже фрукты, нынѣ составляющіе предметъ роскоши.

Если, съ другой стороны, мы посмотримъ, во сколько обходятся въ настоящее время дома, выстраиваемые въ большихъ городахъ для рабочихъ, то мы увидимъ, что для того, чтобы имѣть въ англійскомъ городѣ отдѣльный домикъ, въ родѣ тѣхъ, которые стоятъ въ Англии для рабочихъ, потребовалось бы не больше, чѣмъ отъ 1400 до 1800 пяти-часовыхъ рабочихъ дней. А такъ какъ подобный домъ держится, въ среднемъ, около пятидесяти лѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что отъ 28 до 36 полу-дней въ годъ достаточно было бы для того, чтобы доставить семьѣ здоровое помѣщеніе, довольно красивое и снабженное всѣми необходимыми удобствами. Между тѣмъ, нанимая такую же квартиру у хозяина, рабочій отдаетъ за нее теперь отъ 75 до 100 полныхъ рабочихъ дней въ годъ, въ теченіе всей своей жизни.

Замѣтимъ, что эти цифры представляютъ максимумъ стоимости рабочаго жилища въ Англии, при всѣхъ недостаткахъ нашей общественной организаціи. Въ Бельгіи, напримѣръ, дома для рабочихъ выстраивались по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что въ хорошо устроенномъ обществѣ, тридцати или сорока полу-дней въ годъ достаточно было бы для того, чтобы устроить вполне удобныя и красивыя жилища.

Остается одежда. Здѣсь расчетъ сдѣлать почти невозможно, потому, что барышъ, получаемый при продажѣ одежды, цѣлою кучею посредниковъ, ускользаетъ отъ всякой оцѣнки. Возьмите, напримѣръ, сукно и подсчитайте все, что получаютъ на каждой штукѣ сукна собственникъ луга, собственникъ барановъ, продавецъ шерсти и различные посредники между ними, затѣмъ компаніи желѣзныхъ дорогъ, хозяева прядильныхъ и суконныхъ фабрикъ, хозяева портняжныхъ заведеній и продавцы готоваго платья, — и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, сколько переплачивается съ каждой одежды цѣлой кучѣ разныхъ буржуа. Вотъ почему совершенно невозможно опредѣлить, сколько рабочихъ дней представляетъ собою пальто, которое вы покупаете, скажемъ за двадцать пять рублей въ большомъ магазинѣ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: это — что современные

машинъ даютъ возможность производить положительно невѣроятныя количества матерій. Чтобы показать это, достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ на 751 хлопчатобумажной фабрикѣ (пряильной и тканой) 175,000 рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, производятъ до 3,000,000,000 аршинъ бумажныхъ тканей и кромѣ того значительное количество пряжи. Она только бумажная матерія представляетъ собою въ среднемъ около 14,500 аршинъ въ 300 рабочихъ дней въ 9½ часовъ каждый, т. е. 52 аршина въ десять часовъ. Если мы примемъ, что каждая семья употребляетъ въ годъ 260 аршинъ миткаля и ситца (что будетъ очень много), то это будетъ соответствовать пятидесяти часамъ работы, т. е. десяти полу-днямъ по пяти часовъ каждый. А кромѣ того, ситца вывита бы и пряжа для получения нитокъ для вышивки, для тканей для куртокъ и для выдѣлки шерстяныхъ матерій, перешивавшихся съ сукнаго.

Что касается результатовъ, достигаемыхъ въ одномъ ткацкомъ ремеслѣ, то изъ оффиціальной статистики Соединенныхъ Штатовъ мы узнаемъ, что въ то время какъ въ 1870 году рабочей работель по 13 и 14 часовъ въ день и производилъ 12,350 аршинъ белой бумажной матеріи въ годъ, т. е. тридцать лѣтъ спустя (въ 1886 г.), онъ выработывалъ уже 80,000 аршинъ, работая только по 55 часовъ въ недѣлю. Даже прѣтканая бумажная ткань получается въ годъ, считая ткань и окраску, 87,800 аршинъ въ 2,360 часовъ труда, т. е. приблизительно 14 аршинъ въ часъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы получить нужные 260 аршинъ белой и прѣтканой бумажной ткани, достаточно было бы работать меньше двадцати часовъ въ годъ.

Нужно замѣтить при этомъ, что строй машинъ доставляется на фабрику почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ получается съ поля, и что въ эти же двадцать часовъ совершаются всѣ превращенія, черезъ которыя хлопокъ долженъ пройти, прежде чѣмъ сдѣлаться матеріей. Но для того, чтобы купить эти 260 аршинъ въ лавкѣ, хорошо снабжаемому рабочему пришлось бы отдать, по крайней мѣрѣ, отъ 10 до 15 рабочихъ дней, по 10 часовъ каждый, т. е. отъ 100 до 150 часовъ. Что же касается англійскаго крестьянина, то ему пришлось бы трудиться цѣлымъ мѣсяцемъ, чтобы доставить себѣ эту роскошь.

Уже изъ этого примѣра видно, что пятьдесятъ полу-дней работы въ годъ могли бы, въ хорошо организованномъ обществѣ, дать возможность всей семьѣ одѣваться лучше, чѣмъ одѣвается теперь мелкая буржуазія.

Такимъ образомъ, намъ понадобилось всего шестьдесятъ полу-дней труда по 5 часовъ для того, чтобы получить продукты земледѣль-

ческаго труда, сорокъ — для жилища, и пятьдесятъ — для одежды, что составляетъ только половину года, такъ какъ за вычетомъ праздниковъ, годъ представляетъ собою триста рабочихъ дней.

Остается еще полтораста рабочихъ полу-дней, которые можно употребить для добыванія другихъ необходимыхъ предметовъ: вина, сахара, кофе или чаю, мебели, средствъ передвиженія и проч.

Всѣ эти расчеты, конечно, сдѣланы приблизительно, но ихъ можно обосновать еще и иначе. Если мы сочтемъ, сколько есть въ каждой цивилизованной націи людей, ничего не производящихъ, затѣмъ — людей, занятыхъ въ производствахъ вредныхъ, осужденныхъ на исчезновеніе, и наконецъ — бесполезныхъ посредниковъ, то мы увидимъ, что въ каждой такой націи число производителей въ собственномъ смыслѣ слова легко могло бы быть вдвое больше. А если бы, вмѣсто каждыхъ десяти человекъ, производствомъ необходимыхъ предметовъ занимался бы двадцать, и если бы общество больше заботилось объ экономіи человѣческихъ силъ, то эти двадцать человекъ могли бы работать по пяти часовъ въ день, нисколько не уменьшая этимъ размѣровъ производства. Если только уменьшить напрасную трату человѣческихъ силъ на службѣ у богатыхъ семей и на государственной службѣ, гдѣ насчитывается одинъ чиновникъ на десять жителей, и употребить эти силы на увеличеніе производства всей націи, то продолжительность работы унала бы до четырехъ или даже трехъ часовъ въ день — при условіи, конечно, если мы удовлетворимся существующими размѣрами производства.

Вотъ почему, основываясь на всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами соображеніяхъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ.

Вообразите себѣ общество, состоящее изъ нѣсколькихъ миллионъ жителей, занимающихся какъ земледѣіемъ, такъ и разнообразными отраслями промышленности — напримѣръ Парижъ съ департаментомъ Сены и Уазы. Представьте себѣ, что въ этомъ обществѣ всѣ дѣти выучиваются, какъ уметвенному, такъ и физическому труду. Допустимъ, наконецъ, что всѣ взрослые люди, за исключеніемъ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, обязуются работать по пяти часовъ въ день, отъ двадцати или двадцати двухъ лѣтъ до сорока пяти или пятидесяти, и что они занимаются дѣломъ по своему выбору, въ любой изъ тѣхъ отраслей человѣческаго труда, которыя считаются необходимыми. Такое общество могло бы, взаимно, обезпечить благосостояніе всѣмъ своимъ членамъ, т. е. доставить имъ довольство гораздо болѣе дѣйствительное, чѣмъ то, которымъ пользуется теперь

буржуазія. И каждый рабочій такого общества располагалъ бы, кромѣ того, по крайней мѣрѣ пятью свободными часами въ день, которые онъ могъ бы посвящать наукѣ, искусству и тѣмъ личнымъ потребностямъ, которыя не вошли бы въ разрядъ необходимаго; причемъ въ послѣдствіи, когда производительность человѣческаго труда еще увеличилась бы въ разрядъ необходимаго можно было бы ввести и то, что теперь считается недоступнымъ предметомъ роскоши.

ПОТРЕБНОСТИ, СОСТАВЛЯЮЩІЯ РОСКОШЬ.

I.

Человѣкъ не можетъ жить только для того, чтобы ѣсть, пить и имѣть пристанище. Какъ только его насущныя потребности удовлетворены, въ немъ пробудятся еще съ большею силою тѣ потребности, которыя мы могли бы назвать художественными. Такихъ потребностей можно насчитать почти столько же, сколько существуетъ различныхъ людей; и чѣмъ образованнѣе общество, чѣмъ развитѣе въ немъ личность, тѣмъ разнообразнѣе эти желанія.

Даже и теперь намъ случается встрѣчать людей, отказывающихъ себя въ необходимомъ, ради того, чтобы пріобрѣсти какой-нибудь пустякъ и доставить себѣ какое-нибудь удовольствіе, или же умственное или матеріальное наслажденіе. Съ христіанской, аскетической точки зрѣнія, это стремленіе къ роскоши можно осуждать, но въ дѣйствительности именно эти мелочи нарушаютъ однообразіе жизни и дѣлаютъ ее привлекательной. Стоитъ ли жить и переносить неизбѣжныя жизненныя горести, если человѣкъ никогда не можетъ доставить себѣ, помимо своей ежедневной работы, ни одного удовольствія, никогда не можетъ удовлетворить свой личный вкусъ?

Конечно, теперь, когда мы стремимся къ соціальной революціи, мы хотимъ, прежде всего, обезпечить всѣмъ хлѣбъ; мы хотимъ измѣнить этотъ возмутительный порядокъ вещей, при которомъ намъ каждый день приходится видѣть сильныхъ и здоровыхъ работниковъ, сидящихъ безъ дѣла, только потому, что нѣтъ хозяина, желающаго эксплуатировать ихъ, — „порядокъ“, при которомъ кучи женщинъ и дѣтей проводятъ ночи безъ крова, и цѣлыя семьи вынуждены бывать питаться сухимъ хлѣбомъ, — порядокъ, при которомъ и дѣти, и мужчины, и женщины умираютъ, если даже и не прямо отъ недостатка пищи, то отъ недостатка ухода. Именно для того, чтобы положить конецъ этой возмутительной несправедливости, мы и стремимся къ революціи.

Но мы ждемъ отъ революціи еще и другого. Мы видимъ, что, вынужденный къ тяжелой борьбѣ за существованіе, рабочій осужденъ

навсегда оставаться чуждымъ всёмъ высшимъ наслажденіямъ, доступнымъ человѣку: наукѣ, особливо научному открытію, и искусству, особенно артистическому творчеству. Именно для того, чтобы всёмъ дать доступъ къ этимъ наслажденіямъ, которыя извѣстны теперь лишь немногимъ, для того, чтобы доставить каждому досугъ и возможность умственного развитія, революція и должна обезпечить каждому хлѣбъ насущный. Послѣ хлѣба, досугъ является ея высшею цѣлюю.

Конечно, теперь, когда сотни тысячъ человѣческихъ существъ нуждаются въ хлѣбѣ, топливѣ, одеждѣ и жилищѣ, роскошь есть преступленіе, потому что, для того, чтобы она могла существовать, дѣти рабочихъ должны умирать съ голоду. Но въ обществѣ, гдѣ всё будутъ сыты, стремленіе къ тому, что мы называемъ роскошью, проявится еще сильнѣе чѣмъ теперь. А такъ какъ всё люди не могутъ и не должны быть похожи другъ на друга (разнообразіе вкусовъ и потребностей есть главное условіе человѣческаго развитія), то всегда найдутся люди, — и это вполне желательно, — потребности которыхъ будутъ, въ томъ или другомъ направленіи, подниматься выше средняго уровня.

Не всякому, напримѣръ, можетъ быть нуженъ телескопъ, потому что даже тогда, когда образованіе получить широкое распространеніе, найдутся люди, которые предпочтутъ работу съ микроскопомъ изученію звѣзднаго неба. Одинъ любитъ статуи, другой — картины; одному страстно хочется имѣть хорошее пианино, тогда какъ другой удовлетворяется шарманкой. Крестьянинъ теперь украшаетъ свою комнату любочными картинками, но если бы его вкусъ развился, онъ захотѣлъ бы имѣть хорошія гравюры. Правда, въ настоящее время человѣкъ не можетъ удовлетворить своихъ артистическихъ потребностей, если онъ не унаслѣдовалъ большого состоянія; но при усиленномъ трудѣ, и если, кромѣ того, онъ приобрѣлъ такой запасъ знаній, который даетъ ему возможность избрать какую-нибудь свободную профессію, — онъ все таки можетъ надѣяться хоть когда-нибудь, болѣе или менѣе удовлетворить свои художественныя наклонности. Поэтому, нашъ коммунистическій идеалъ часто обвиняютъ въ томъ, что онъ заботится только объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей человѣка и забываетъ его художественныя склонности. „Вы, можетъ быть, доставите всёмъ хлѣбъ“, говорятъ намъ, „но въ вашихъ общественныхъ складахъ не будетъ ни хорошихъ картинъ, ни оптическихъ инструментовъ, ни изящной мебели, ни украшеній — однимъ словомъ, ни одного изъ безчисленныхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію безконечнаго разнообразія человѣческихъ вкусовъ. Вы уничтожаете, такимъ

образомъ, всякую возможность приобрести что бы то ни было помимо того дѣла и т. д. и т. д. разоблачаясь, съ жгучею ревностью, до того стѣснено и до того въ тѣснѣ, что не можетъ выдти съ границъ.

Съ этой верою въ то, что не только въ семь коммунистическихъ теорій, но и во всемъ, что не выдти съ границъ коммунистическаго общества, устроены въ американскихъ стенахъ. Они думали, что если обинивъ удалось заставить достаточно сукна, чтобы одѣть всѣхъ своихъ членъ въ два въстрѣчь въ концертную залу, въ которой „братья“ могутъ съ каждымъ временемъ болѣе или менѣе плохо сыграть что-нибудь или устроить разоруженный театръ, то этого уже совершенно достаточно. Они забывали, что артистическое чувство существуетъ, какъ у буржуа, такъ и у крестьянина, и что если форма его измѣняется соответственно культурному уровню, то сущность остается та же. Въ результатѣ выходило то, что хотя эти общества и доставляли всѣмъ прѣпитаніе, хотя онѣ тщательно устранили изъ воспитанія все то, что могло послужить къ развитію личности, а нѣтъ даже дѣлали библию единственно дозволенной книгой для чтенія, личные вкусы всегда обнаруживались, а съ ними являлось и удовольствие: возникали мелкія ссоры по вопросу о покупкѣ рояля, или физическихъ инструментовъ, или мелкіхъ туалетныхъ украшеній; а вмѣстѣ съ тѣмъ, то, что позволяло бы такому обществу развиваться многосторонне, печезало, такъ какъ такое развитіе невозможно, если подавляется всякій личный вкусъ, всякое артистическое стремленіе, всякое личное особое развитіе.

Но, — пойдетъ ли по этому пути и анархическая община?

Конечно, вѣтъ! Она, конечно, пойметъ, что кромѣ заботъ объ обезпеченіи всего, что необходимо для матеріальнаго существованія, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять и всѣ запросы человѣческаго ума и чувства.

II.

Мы откровенно сознаемся, что когда мы вспоминаемъ объ окружающихъ насъ безконечной нуждѣ и безконечныхъ страданіяхъ, когда мы слышимъ раздражающіе душу голоса рабочихъ, идущихъ по улицѣ съ мольбой о работѣ — намъ становится противно разсуждать о томъ, что сдѣлаетъ такое общество, гдѣ всѣ будутъ сыты, для того, чтобы удовлетворить желанія лицъ, которымъ захочется имѣть севскій фарфоръ или бархатную одежду. У насъ является желаніе сказать тогда: „Убійте вы съ вашимъ фарфоромъ. Прежде всего обезпечимъ

хлѣбъ для всѣхъ; что же касается до вашего фарфора и бархата, то это мы разберемъ потомъ!“

Но все таки необходимо признать, что, помимо пропитанія, человѣкъ имѣетъ еще и другія потребности, — и сила анархизма именно въ томъ и состоитъ, что онъ считается со **всѣми** человѣческими способностями, со **всѣми** стремленіями, не оставляя безъ вниманія ни одного изъ нихъ. Поэтому мы скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ можно было бы устроиться такъ, чтобы обезпечить удовлетвореніе умственныхъ и артистическихъ запросовъ человѣка.

Мы уже видѣли, что, работая по четыре или по пяти часовъ въ день, до 45-ти или 50-ти лѣтъ, люди могутъ легко производить все, что необходимо для доставленія обществу полного довольства.

Но въ настоящее время, рабочій день человѣка, привыкшаго работать, состоитъ не изъ пяти часовъ, а изъ десяти, дней триста въ году, и притомъ эта работа продолжается всю жизнь. Его здоровье такимъ образомъ портится, а умъ притупляется. Между тѣмъ, когда человѣкъ можетъ разнообразить свою работу, особенно если онъ можетъ дѣлать такъ, чтобы физическій трудъ чередовался съ умственнымъ, онъ охотно работаетъ по десяти и по двѣнадцати часовъ, не чувствуя усталости. Оно совершенно естественно. Мы можемъ поэтому сказать, что, если человѣкъ будетъ занятъ въ теченіе четырехъ или пяти часовъ физическимъ трудомъ, необходимымъ для жизни, ему останется еще пять или шесть часовъ, которые онъ сможетъ употребить по своему вкусу; и если онъ соединится съ другими людьми, то эти пять или шесть часовъ дадутъ ему возможность получить, — помимо того, что необходимо для всѣхъ, — еще и то, что удовлетворяетъ его личнымъ вкусамъ.

Прежде всего, онъ выполнить — въ видѣ ли земледѣльческаго, въ видѣ ли промышленнаго труда, — тотъ трудъ, который онъ долженъ отдать обществу, какъ свою долю участія въ общемъ потребленіи. Затѣмъ онъ употребить вторую половину дня, недѣли или года на удовлетвореніе своихъ артистическихъ или научныхъ потребностей.

Для удовлетворенія этихъ различныхъ вкусовъ и стремленій возникнутъ тысячи различныхъ обществъ. Люди, напримѣръ, желающіе посвящать свой досугъ литературѣ, образуютъ группы писателей, наборщиковъ, типографщиковъ, граверовъ, чертежниковъ, рисовальщиковъ, стремящихся къ одной общей цѣли: къ распространенію дорогихъ имъ идей.

Въ наше время писатель знаетъ, что гдѣ-то есть вьючное животное — рабочій, которому онъ можетъ поручить, за ничтожную плату, печатаніе своихъ произведеній; но онъ совершенно не интересуется

тѣмъ, что такое типографское дѣло. Если наборщика отравляютъ свинцовою пылью, а ребенокъ, смотрящій за машиною, гибнетъ отъ малокровія, — то развѣ на ихъ мѣсто не найдется другихъ несчастныхъ?

Но когда больше не будетъ бѣдняковъ, готовыхъ продавать свои руки за ничтожное пропитаніе, когда вчерашній рабочій будетъ самъ получать полное образованіе и у него будутъ свои собственные идеи, которыя онъ захочетъ передать бумагѣ и сообщить другимъ, тогда литераторамъ и ученымъ поневолѣ придется соединиться между собою для печатанія своихъ прозы и стиховъ.

До тѣхъ поръ, пока писатель будетъ смотрѣть на рабочую блузу и на ручной трудъ какъ на признакъ низшей породы, ему будетъ казаться невозможнымъ, чтобы авторъ самъ набиралъ свою книгу свинцовыми буквами. Самъ онъ, если ему захочется отдохнуть, отправляется теперь въ гимнастическую залу или занимается игрой въ карты. Но когда ручной трудъ потеряетъ свой униженный характеръ, когда всѣ должны будутъ работать своими руками, такъ какъ имъ не на кого будетъ свалить работу — о, тогда господа писатели, а равно и ихъ почитатели и почитательницы быстро выучатся наборному дѣлу и узнаютъ, какое наслажденіе, собираться всѣмъ вмѣстѣ, — всѣмъ цѣнителямъ даннаго произведенія, — набирать его и вынимать еще свѣжимъ и чистымъ изъ-подъ типографскаго станка. Эти великолѣпныя машины — составляющія орудія пытки для ребенка, который теперь съ утра до ночи смотритъ за ними — сдѣлаются источникомъ наслажденія для тѣхъ, кто будетъ пользоваться ими съ цѣлью распространять мысли любимаго автора.

Потеряетъ ли отъ этого что-нибудь литература? Перестанетъ ли поэтъ быть поэтомъ отъ того, что онъ займется полевыми работами или приложитъ руки къ распространенію своихъ произведеній? Потеряетъ ли романистъ свое знаніе человѣческаго сердца отъ того, что придетъ въ соприкосновеніе съ другими людьми, гдѣ-нибудь на фабрикѣ, въ лѣсу, при проложеніи дороги или въ мастерской? Уже сама постановка этихъ вопросовъ даетъ отвѣтъ на нихъ. — Конечно, нѣтъ!

Можетъ быть нѣкоторыя книги окажутся отъ этого менѣе объемистыми, но за то въ меньшемъ числѣ страницъ будетъ высказано больше мыслей. Можетъ быть, печатать будутъ меньше лишняго вздора; но то, что будетъ печататься, будетъ лучше читаться и лучше оцѣниваться. Книга будетъ имѣть въ виду болѣе обширный кругъ читателей — читателей болѣе образованныхъ и болѣе способныхъ о ней судить.

Кромѣ того, печатное искусство, сдѣлавшее такъ мало успѣховъ

со времени Гутенберга, находитея еще въ періодѣ дѣтства. До сихъ поръ еще требуется два часа, чтобы набрать то, что было написано въ десять минутъ. Поэтому люди ищутъ болѣе быстрыхъ способовъ распространенія человеческой мысли и, конечно, найдутъ ихъ*).

И нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы каждый писатель уже долженъ былъ участвовать въ печатаніи своихъ сочиненій, — типографское дѣло сдѣлало бы уже и теперь огромные успѣхи, и мы не удовлетворялись бы до сихъ поръ подвижными буквами ХVІІ-го вѣка.

Можно ли сказать, что все это — одна мечта? Для тѣхъ, кто наблюдаетъ и думаетъ, это, конечно, не такъ. Сама жизнь толкаетъ насъ въ этомъ направленіи.

III.

Можно ли назвать мечтою представленіе о такомъ обществѣ, гдѣ всѣ участвуютъ въ производствѣ, всѣ получаютъ образованіе, дающее имъ возможность заниматься наукою или искусствомъ, и гдѣ люди соединяются между собою, чтобы издавать свои труды, вкладывать въ это дѣло и свою долю физической работы?

Уже теперь научныя, литературныя и другія общества насчитываются тысячами, и эти общества — ничто иное, какъ добровольныя группы, образуемая людьми, интересующимися той или иной областью знанія и соединяющимися для напечатанія своихъ произведеній. Авторы, сотрудничающимъ въ научныхъ изданіяхъ, не платятъ за работу; самыя изданія не продаются, а рассылаются даромъ во всѣ страны свѣта, другимъ обществамъ, занимающимся тѣми же самыми отраслями науки. Одни члены общества печатаютъ въ этихъ сборникахъ всего одну страницу, резюмирующую какое-нибудь одно наблюденіе; другіе помѣщаютъ въ нихъ цѣлыя объемистыя труды — плоды работы долгихъ лѣтъ; третьи, наконецъ, просто читаютъ эти изданія, прежде чѣмъ начать новыя изслѣдованія. Такимъ образомъ мы уже имѣемъ соглашеніе между авторами и читателями для изданія интересующихъ ихъ произведеній.

Правда, въ настоящее время ученое общество — совершенно такъ же, какъ и газета, принадлежащая какому-нибудь банкиру — находитъ себѣ типографщика, который принимаетъ, для исполненія типографскаго труда, рабочихъ. Люди, занимающіеся свободными про-

*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, уже выдумана машина позволяющая писателю, самому дѣлать наборъ. Для писателя, привыкшаго писать на писальной машинѣ, (а въ Америкѣ это становится обычнымъ дѣломъ), нѣтъ абсолютно никакого затрудненія, самому набирать свое произведеніе.

фессиями, презирають ручной трудъ, который, дѣйствительно, выношается въ настоящее время при самыхъ притупляющихъ условіяхъ. Но человеческое общество, которое дастъ каждому изъ своихъ членовъ широкое, философское и научное образованіе, сумѣетъ организовать и этотъ трудъ такъ, чтобы онъ сталъ гордостью человечества; ученое общество превратится тогда въ союзъ изслѣдователей, любителей и рабочихъ, — въ союзъ, всѣ члены котораго будутъ знать какое-нибудь ручное ремесло, и всѣ будутъ интересоваться наукою.

Если, напримеръ, ихъ заинтересуетъ геологія, они будутъ всѣ помогать изслѣдованію земныхъ слоевъ, всѣ внесутъ въ это дѣло свою лепту. Десять тысячъ изслѣдователей сдѣлаютъ въ годъ больше, чѣмъ теперь дѣлаютъ сто геологовъ въ двадцать лѣтъ. А когда нужно будетъ печатать эти труды, то найдутся десять тысячъ мужчинъ и женщинъ, знакомыхъ съ различными ремеслами, которые будутъ чертить карты, гравировать рисунки, набирать и печатать текстъ. Они съ радостью будутъ, всѣ вмѣстѣ, отдавать свой досугъ, лѣтомъ — на изслѣдованія, а зимой — на работу въ мастерскихъ. И когда ихъ труды появятся въ свѣтъ, они найдутъ уже не сто, а десять тысячъ читателей, заинтересованныхъ въ общемъ дѣлѣ.

Самый ходъ прогресса указываетъ намъ на этотъ путь. Когда англичане захотѣли издать свой большой словарь (подъ редакціей Murray), они не стали ждать, пока явится какой-нибудь новый Литтре, который посвятитъ этому дѣлу всю свою жизнь. Они стали искать желающихъ, и на ихъ призывъ откликнулось нѣсколько болѣе тысячи человекъ, которые изъявили готовность по собственной инициативѣ и бесплатно рыться въ бібліотекахъ, съ цѣлью закончить въ нѣсколько лѣтъ такой трудъ, на который не хватило бы цѣлой жизни одного человека. Тотъ же духъ обнаруживается и во всѣхъ другихъ отрасляхъ умственного труда, и нужно очень мало знать человечество, чтобы не видѣть въ этихъ попыткахъ совмѣстнаго труда, который понемногу замѣняетъ собою трудъ отдѣльнаго человека, — предвѣстниковъ будущаго.

Но для того, чтобы этого рода предпріятія были дѣйствительно коллективными, нужно было бы организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы пять тысячъ добровольцевъ — писателей, бібліографовъ, наборщиковъ и корректоровъ — работали сообща. Этотъ шагъ впередъ сдѣланъ уже социалистической прессой, въ которой мы находимъ примѣры такого соединенія труда ручного и умственного. Въ нашихъ боевыхъ газетахъ часто случается видѣть, что авторъ самъ набираетъ свою статью. Правда, это еще лишь незначительная, пожалуй — ми-

кроскопическая, попытка, но она указывает путь, по которому несомненно пойдет будущее.

Этот путь — путь свободы. Когда в будущем человек захочет высказать какую-нибудь полезную мысль, идущую дальше среднего уровня идей его времени, ему не придется искать издателя, который согласился бы положить в издание необходимый капитал. Он будет искать товарищей для своей работы среди людей, знающих соответственные ремесла и понимающих значение нового дела. И вместе с ними он предпримет издание данной книги или газеты. Литература и журналистика перестанут тогда быть средством обогащения, средством жить на чужой счет. — Найдется ли среди людей, знающих положение литературы и журналистики, хоть один, кто бы мечтал о том времени, когда литература освободится, наконец, как от людей, которые прежде покровительствовали ей, а теперь ее эксплуатируют, так и от „улицы“, которая за немногими редкими исключениями, ценит литературу тем выше, чем она пошлае и чем она легче приспособляется к испорченному вкусу большинства?

И литература, и наука тогда только займут надлежащее место в деле человеческого развития, когда освободится от денежного и чиновничьяго рабства и будут разрабатываться исключительно теми, кто их любит, для той публики, которая их любит.

IV.

Литература, наука и искусство должны быть в руках желающих ими заниматься. Только на этом условии они смогут освободиться от давящаго их ига Государства, Капитала и буржуазной посредственности.

Какими средствами обладает в настоящее время ученый для того, чтобы заниматься интересующим его вопросом? Он может только обратиться к помощи государства, которая оказывается одному человеку из ста желающих, и которой нельзя добиться иначе, как обязавшись не отступать от протореннаго пути, от намеченной колеи! Вспомним, что французская академия осудила Дарвина, что петербургская академия не признала Менделѣева, а Лондонское Королевское общество отказалось напечатать, как „мало научный“, труд Джоуля, в котором было сделано определение механическаго эквивалента теплоты*).

*) Этот фактъ былъ обнаруженъ извѣстнымъ ученымъ Пляйферомъ, который рассказалъ объ этомъ послѣ смерти Джоуля.

Потому-то всё великія изслѣдованія, всё перевернувшія науку открытія были сдѣланы помимо академій и университетовъ, — или людьми достаточно богатыми чтобы быть независимыми, какъ Дарвинъ или Лайелль, или людьми, которые надрывали свое здоровье, работая среди лишеній и часто среди нищеты, не имѣя лабораторіи, тѣряя массу времени изъ-за отсутствія инструментовъ и книгъ, — людьми, которые упорно продолжали свое дѣло, несмотря на его безнадѣжность и часто платились за это жизнью. Имя имъ — легионъ.

Кромѣ того, система государственныхъ пособій такъ вредна для истиннаго прогресса науки, что во всё времена истинные ученые старались избавиться отъ нея. Именно съ этою цѣлью создались въ Европѣ и Америкѣ тысячи ученыхъ обществъ, организованныхъ и поддерживаемыхъ добровольцами. Нѣкоторыя изъ нихъ разрослись такъ широко, что для покупки ихъ сокровищъ не хватило бы всѣхъ средствъ казенныхъ учреждений, ни всѣхъ богатствъ банкротовъ. Ни одно правительственное учрежденіе не обладаетъ такими богатствами, какія имѣетъ Лондонское Зоологическое Общество, создавшееся исключительно добровольными взносами.

Оно не покупаетъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя тысячами наполняютъ его зоологическій садъ: множество присылаютъ ему отовсюду другія общества, а также коллекціонеры всего міра. То оно получаетъ слона, — подарокъ зоологическаго общества въ Бомбѣѣ, то гиппопотама или носорога, котораго присылаютъ ему египетскіе естествоиспытатели, и эти постоянно возобновляющіеся подарки — птицы, пресмыкающіяся, коллекціи насѣкомыхъ — стекаются къ нему ежедневно со всѣхъ концовъ свѣта.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ подарковъ нельзя было бы купить ни за какія деньги въ мірѣ, — напримѣръ то животное, которое какой-нибудь путешественникъ поймалъ съ опасностью жизни, или къ которому онъ привязался, какъ къ ребенку, и которое онъ отдаетъ обществу въ увѣренности, что ему тамъ будетъ хорошо. И для содержанія всего этого огромнаго звѣринца хватаетъ тѣхъ суммъ, которыя платятъ за входъ безчисленные посѣтители.

Единственное, чего не хватаетъ, какъ лондонскому зоологическому саду, такъ и другимъ подобнымъ обществамъ, это — чтобы участіе въ общемъ дѣлѣ выражалось въ добровольномъ трудѣ: чтобы всѣ сторожа и безчисленные служащіе этого огромнаго учрежденія считались членами общества, и чтобы не было такихъ членовъ, которые вступаютъ въ общество исключительно для того, чтобы имѣть возможность поставить на своихъ визитныхъ карточкахъ таинственныя буквы F. Z. S. (Fellow Zoological Society — Членъ Зоологическаго Об-

щества). Однимъ словомъ, въ немъ недостаетъ духа братства и солидарности.

То, что мы говоримъ объ ученыхъ, можно сказать вообще и объ изобрѣтателяхъ. Кто не знаетъ, цѣною сколькихъ страданій явилось на свѣтъ большинство изобрѣтеній! Бессонныя ночи, недоѣдающая семья, недостатокъ инструментовъ и матеріаловъ для опытовъ — такова исторія жизни, почти всѣхъ тѣхъ, кто доставилъ промышленности все, что составляетъ гордость нашей цивилизаціи — единственную справедливую ея гордость.

Что же предстоитъ сдѣлать для того, чтобы выйти изъ этого положенія, недостатки котораго признаются всѣми? Введена была ради этого система патентовъ — и извѣстно, какіе она дала результаты. Голодный изобрѣтатель продаетъ свой патентъ за нѣсколько рублей, а тотъ, кто не далъ ничего, кромѣ капитала, получаетъ всѣ барыши съ изобрѣтенія — часто очень большіе. Кромѣ того, патентъ заставляетъ изобрѣтателя работать въ одиночку и скрывать свой трудъ, который часто кончается вслѣдствіе этого неудачно, тогда какъ самаго простого совѣта со стороны какого-нибудь другого члвчка, менѣе поглощенного одною основною мыслью, было бы иногда достаточно для того, чтобы сдѣлать его изобрѣтеніе плодотворнымъ и примѣнимымъ. Какъ и всякое другое проявленіе власти, патентъ только мѣшаетъ развитію промышленности.

Въ теоріи онъ представляетъ собою возмутительную несправедливость, такъ какъ на мысль нельзя взять привилегіи; на практикѣ же онъ оказывается однимъ изъ крупныхъ препятствій быстрому развитію изобрѣтеній.

Для того, чтобы развить духъ изобрѣтательности, нужно, во-первыхъ, чтобы пробудилась мысль; нужна смѣлость ума, которую все наше воспитаніе, наоборотъ, ослабляетъ; затѣмъ нужно широкое распространеніе знаній, которое увеличло бы во сто разъ число изобрѣтателей; нужно, наконецъ, сознаніе, что, благодаря данному изобрѣтенію, человѣчество сдѣлаетъ шагъ впередъ, потому что именно энтузіазмъ, или иногда даже иллюзія будущаго блага вдохновляли всѣхъ великихъ благодѣтелей человѣчества.

Только социальная революція можетъ дать этотъ толчекъ мысли, эту смѣлость ума, это знаніе, это убѣжденіе въ томъ, что работа послужить на общую пользу.

Тогда возникнутъ огромныя мастерскія, снабженныя всевозможными инструментами и двигателями, огромныя промышленныя лабораторіи, открытыя для всѣхъ изобрѣтателей. Исполнивъ свои обязанности по отношенію къ обществу, люди будутъ приходить сюда ра-

богаты для осуществления въ машинѣ съ своихъ идей; здѣсь они будутъ проводить свои свободные часы или шесть часовъ въ день, здѣсь будутъ производить свои опыты, и, — а будутъ встрѣчаться съ другими товарищами, специалистами въ другихъ отрасляхъ промышленности, также приходящими сюда для развѣдчій съ иль въ взрослых; они смогутъ помогать другъ другу, сообщать другъ другу свѣдѣнія, смогутъ получать, наконецъ, изъ своихъ извѣстій различныя изобрѣтѣнія и соображенія, желаемый результатъ. И это опять-таки не мечта! Солиной Городель въ Петербургѣ уже прѣбывала однажды осуществить это, — но крайней мѣрѣ по отношенію къ техникѣ. Здѣсь была, одно время, хорошо обставленная мастерская, открытая для всѣхъ, гдѣ можно было располагать даромъ, и инструментами и двигательной силой, и только за дерево и металл приходилось платить то, во что они обходятся. Но рабочіе приходили туда только по вечерамъ, уже истомленные цѣлымъ днемъ работы въ своихъ мастерскихъ. Кромѣ того, каждый изобрѣтатель старательно скрывалъ свои изобрѣтенія отъ постороннихъ взглядовъ, изъ боязни патента и капитализма — этого проклятія современнаго общества, этого подводнаго камня, лежащаго на пути ко всякому умственному и нравственному прогрессу.

V.

А искусство? Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на паденіе искусства, и мы дѣйствительно далеки отъ великихъ художниковъ эпохи Возрожденія. Техника всѣхъ искусствъ сдѣлала за послѣднее время громадныя успѣхи; тысячи людей, обладающихъ невѣроятнымъ талантомъ, разрабатываютъ различныя его отрасли, — но искусство какъ будто обжигаетъ изъ цивилизованнаго міра! Техника совершенствуется, но вдохновеніе, меньше чѣмъ когда бы то ни было, посѣщаетъ мастерскія художниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, откуда ему взяться? Только великая идея можетъ вдохновлять искусство. Искусство есть творчество, оно должно смотрѣть въ будущее; а между тѣмъ, за немногими, очень рѣдкими исключеніями, профессиональный артистъ слишкомъ невѣжественъ, слишкомъ буржуазенъ для того, чтобы видѣть какіе-нибудь новые горизонты.

Вдохновеніе не можетъ быть почерпнуто изъ книгъ: оно должно исходить изъ жизни, а современная жизнь дать его не можетъ.

Рафаэль и Микеланджело писали въ то время, когда искапіе новаго идеала еще могло уживаться съ старыми религіозными преданіями. Они работали для украшенія большихъ церквей — церквей, которыя

представляли собою дѣло рукъ нѣсколькихъ поколѣній вѣрующихъ. И эти таинственные, величавыя зданія, жившія жизнью окружающаго ихъ города, могли вдохновлять художника. Онъ работалъ для общенароднаго памятника; онъ обращался къ толпѣ и изъ нея же черпалъ свое вдохновеніе. Онъ говорилъ съ ней въ томъ же духѣ, въ какомъ говорило вѣрующему все церковное зданіе — его величавыя пилястры, расцвѣченные окна, покрытыя скульптурою двери. Теперь-же самая бѣлая честь, къ какой только стремится художникъ, это — чтобы его картина была вставлена въ золоченную раму и повѣшена въ какомъ-нибудь музеѣ. Но что представляетъ современный музей? — Нѣчто вродѣ лавки старьевщика, гдѣ, какъ на примѣръ въ Мадридскомъ музеѣ Прадо, „Вознесеніе“ Мурильо виситъ напротивъ „Нищаго“ Веласкеза и напосокотъ отъ его же собакъ Филиппа II-го. Бѣдные Веласкезъ и Мурильо! Бѣдныя греческія статуи, которыя жили въ акрополяхъ своихъ городовъ, а теперь задыхаются среди красныхъ суконныхъ обоевъ Лувра!

Когда греческій скульпторъ рѣзалъ свой кусокъ мрамора, онъ старался вложить въ него умъ и сердце своей общины, своего города, республики. Въ его произведеніи воскресали всѣ страсти, всѣ славныя преданія прошлаго. Въ настоящее время городъ, какъ цѣлое, пересталъ существовать. Между его жителями нѣтъ никакого духовнаго общенія. Городъ — не болѣе какъ случайное сборище людей, не знающихъ другъ друга, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ желанія обогатиться на счетъ другихъ; общей родины, общей отчизны, которую представлялъ городъ Древней Греціи или средне-вѣковой, не существуетъ... Какую, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть общую родину банкиръ, занимающійся международными спекуляціями, и фабричный рабочій?

Только тогда, когда данный городъ, данная мѣстность, данный народъ или группа народовъ снова будутъ имѣть единую общественную жизнь, только тогда искусство сможетъ черпать свое вдохновеніе изъ общей идеи, одухотворяющей данный городъ или данную федерацію. Тогда архитекторъ сможетъ создать общественное зданіе — не церковь, не тюрьму и не крѣпость; тогда художникъ, скульпторъ, рѣзчикъ, орнаменталистъ будутъ знать, куда помѣстить свои картины, статуи или украшенія, будутъ черпать силу изъ одного общаго жизненнаго источника и будутъ идти рука объ руку къ славному будущему.

А до тѣхъ поръ искусство можетъ только прозябать.

Изъ всѣхъ произведеній современныхъ художниковъ, самыя лучшія все-таки тѣ, которыя изображаютъ природу — деревню и ея мирныя поля и долины, море съ его опасностями, горы съ ихъ величавыми ви-

дами. Но какъ можетъ художникъ выразить поэзію деревни и полевыхъ работъ, если онъ только **смотрѣлъ** на эту поэзію, только создавалъ ее въ своемъ воображеніи и никогда не испытывалъ ее самъ; если онъ знаетъ ее только такъ, какъ перелетная птица знаетъ страну, надъ которой пролетаетъ; если въ цвѣтѣ своей молодости онъ не ходилъ на зарѣ за плугомъ, не зналъ наслажденія косца, скашивающаго траву широкими взмахами косы, рядомъ съ другими сильными товарищами — косцами, состязующимися въ работѣ, не шелъ съ косьбы съ дѣвушками, наполняющими воздухъ своимъ смѣхомъ и пѣніемъ? Любовь къ **землѣ** и къ тому, что на ней произрастаетъ, не приобретається, глядя на землю и нивы съ кистью въ рукахъ; ее можно приобрести только служа ей, — а какъ изображать природу не любя ее? Вотъ почему все, сдѣланное въ этой области даже нашими лучшими художниками, такъ несовершенно и часто такъ невѣрно: въ ихъ произведеніяхъ почти всегда преобладаетъ сентиментализмъ, но нигдѣ въ нихъ не видно настоящей силы.

Чтобы пережить впечатлѣніе великолѣпнаго заката солнца, нужно видѣть его, возвращаясь съ работы, нужно жить съ крестьянами такъ, какъ живутъ они. Для того, чтобы понять всю поэзію рыбной ловли, нужно быть въ морѣ вмѣстѣ съ рыбаками, во всякія часы дня и ночи, бороться съ волнами, спорить съ бурей, испытать наслажденіе при видѣ тяжело нагруженной сѣти и — разочарованіе, когда приходится возвращаться домой съ пустою лодкой. Для того, чтобы знать, что такое сила человѣка и умѣть передать ее въ произведеніи искусства, нужно побывать на фабрикѣ, испытать утомленіе и муки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслажденіе творческой работы, нужно самому ковать металлъ при ослѣпительномъ свѣтѣ плавильной печи, нужно самому почувствовать какъ **живетъ** машина. Нужно, наконецъ, погрузиться самому въ народную жизнь, прежде чѣмъ рѣшиться ее изображать.

Произведенія художниковъ будущаго, которые будутъ также жить жизнью народа, какъ жили ею художники прошлаго, не будутъ, очевидно, предназначаться для продажи. Они будутъ предназначаться для всякаго рода общественныхъ общинныхъ зданій, гдѣ каждая картина для скульптора будетъ неотдѣлимою частью живого цѣлаго, которое утратило бы свою цѣлость безъ данной картины или статуи, подобно тому какъ картина или статуя утратили бы свой смыслъ, если выдѣлить ихъ изъ зданія. Туда-то и будутъ приходить люди, чтобы любоваться ими и тамъ-то ихъ гордая и ясная красота будетъ производить свое благодѣтельное дѣйствіе на человѣческіе умы и сердца.

Для развитія искусства нужно, чтобы оно было связано съ про-

мышленностью тысячами промежуточных ступеней, которые сливали бы ихъ въ одно цѣлое, какъ справедливо говоритъ Рёскинъ и великій социалистическій поэтъ Моррисъ. Все, что окружаетъ человѣка — дома и ихъ внутренняя обстановка, улица, общественное зданіе внутри и снаружи — все должно обладать прекрасной художественной формой.

Но это будетъ возможно только въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ будутъ пользоваться довольствомъ и досугомъ. Тогда создадутся художественныя общества, въ которыхъ каждый сможетъ примѣнить свои способности, такъ какъ искусство не можетъ обойтись безъ цѣлаго ряда побочныхъ работъ, чисто ручныхъ или техническихъ. Эти художественныя общества возьмутъ на себя заботу объ украшеніи жилищъ своихъ членовъ, какъ это сдѣлали молодые эдинбургскіе художники, добровольно взявшіеся за украшеніе стѣнъ и потолковъ мѣстной большой больницы для бѣдныхъ.

Если художникъ или скульпторъ создастъ произведеніе, вытекающее изъ чисто личнаго чувства, онъ подаритъ его любимой женщиной или любимому другу. И не будетъ ни такое произведеніе, созданное съ любовью, несравненно выше тѣхъ картинъ, которыя пишутся и статуи, которыя лѣнятся теперь для удовлетворенія тщеславія всякихъ буржуа и банкировъ, только потому, что они могутъ заплатить за нихъ много денегъ?

Тоже будетъ и со всѣми другими удовольствіями, которыхъ человѣкъ ищетъ помимо необходимаго. Тотъ, кому захочется имѣть рояль, войдетъ въ общество людей, фабрикующихъ музыкальные инструменты. Тамъ онъ будетъ отдавать этому дѣлу часть остающейся у него свободной половины дня. Какое бы ремесло онъ не зналъ, лишь бы зналъ его въ совершенствѣ, онъ сумѣетъ приложить свою руку къ фабрикаціи рояля, — и черезъ нѣсколько времени онъ получитъ желанный рояль. Если его привлекаетъ изученіе астрономіи, онъ присоединится къ обществу астрономовъ, въ которое будутъ входить и философы, и наблюдатели, и вычислители, и фотографы и артисты, выдѣлывающіе астрономическіе инструменты, и ученые, и любители, — и онъ получитъ нужный ему телескопъ, а самъ въ свою очередь внесетъ свою долю труда въ общее дѣло, потому что астрономическая обсерваторія также нуждается въ работѣ камешника, столяра, литейщика, механика, какъ и въ работѣ мастера-художника, завершающаго выдѣлку оптического инструмента нарѣзкою дѣлений.

Однимъ словомъ, тѣхъ пяти или шести часовъ, которыми будетъ располагать каждый, послѣ того, какъ онъ отдастъ нѣсколько часовъ производству необходимаго, будетъ болѣе чѣмъ достаточно для удо-

влетворенія всѣхъ, безконечно-разнообразныхъ потребностей, составляющихъ роскошь. Тысячи обществъ возьмутъ на себя эту обязанность. То, что теперь является привилегіей ничтожнаго меньшинства, станетъ доступнымъ для всѣхъ. Роскошь перестанетъ быть глунымъ и кричащимъ удовлетвореніемъ тщеславнаго буржуа и станетъ удовлетвореніемъ дѣйствительно художественнаго вкуса.

Счастіе всѣхъ отъ этого только увеличится. Въ трудѣ сообща, съ легкимъ сердцемъ и въ виду достиженія желанной цѣли — книги, произведенія искусства, или предмета роскоши — человекъ найдетъ ту побудительную силу, тотъ необходимый отдыхъ, который дѣлаетъ жизнь пріятной.

Когда мы работаемъ для уничтоженія различія между господами и ихъ рабами, мы работаемъ, слѣдовательно, для счастья какъ тѣхъ, такъ и другихъ — для счастья всего человѣчества.

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ТРУДЪ.

I.

Когда социалисты говорятъ, что общество, освободившееся отъ капитала, можетъ сдѣлать трудъ пріятнымъ и уничтожить всякую работу, внушающую отвращеніе или вредную для здоровья, надъ ними обыкновенно смѣются. А между тѣмъ мы уже теперь видимъ поразительные успѣхи въ этомъ направленіи, причемъ вездѣ, гдѣ были введены такого рода улучшенія, хозяевамъ оставалось только радоваться происходящему влѣдствіе этого сбереженію силъ.

Заводъ и фабрику можно, несомнѣнно, сдѣлать такимъ-же здоровымъ и привлекательнымъ какъ любую научную лабораторію; и нѣтъ сомнѣнія также, что сдѣлать это бываетъ выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ просторномъ помѣщеніи, при хорошемъ воздухѣ, работа идетъ лучше, и легче находятъ себѣ примѣненіе различныя мелкія усовершенствованія, ведущія къ сбереженію времени и труда. И если въ наше время помѣщенія бѣльшей части фабрикъ такъ грязны и нездоровы, то это происходитъ отъ того, что при постройкѣ ихъ рабочій совершенно не принимается во вниманіе, и человѣческія силы тратятся въ нихъ самымъ нелѣпымъ образомъ.

Однако уже и теперь — хотя пока еще въ видѣ рѣдкаго исключенія — можно видѣть кое-гдѣ фабрики, настолько хорошо обставленныя, что работать тамъ было бы вполне пріятно, если бы только работа не продолжалась больше четырехъ или пяти часовъ въ день и если бы каждый могъ вносить въ нее нѣкоторое разнообразіе, сообразно своимъ наклонностямъ.

Мы можемъ указать, на примѣръ, на одинъ заводъ — къ сожалѣнію занимающійся изготовленіемъ военныхъ снарядовъ и орудій, — который въ смыслѣ разумной санитарной организаціи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ занимаетъ площадь въ двадцать десятинъ, изъ которыхъ пятнадцать покрыты стеклянной крышей. Полъ сдѣланъ изъ огнеупорнаго кирпича и такъ же чистъ, какъ въ домикѣ какого-нибудь рудокопа, а стеклянную крышу тщательно моютъ спеціально занимающіеся этимъ рабочіе. На этомъ заводѣ выковываютъ стальные слитки вѣсомъ до 1200 пудовъ, но присутствіе огромной печи, внутри

которой температура доходить до тысячи градусовъ, не чувствуется даже въ тридцати шагахъ отъ нея: вы замѣчаете ее только тогда, когда раскаленная стальная масса выходитъ изъ пасти чудовища. И этимъ чудовищемъ управляютъ всего трое или четверо рабочихъ, которые открываютъ то одинъ, то кругой кранъ, причѣмъ силою давленія воды въ трубахъ, приводятся въ движеніе огромные рычаги.

Вы входите въ этотъ заводъ, ожидая, что васъ сейчасъ же оглушитъ стукъ молотовъ, и видите, что молотовъ вовсе нѣтъ: огромнѣйшія пушки, вѣсомъ въ 6000 пудовъ и оси большихъ пароходовъ выковываются просто давленіемъ молотовъ, приводимыхъ въ движеніе давленіемъ воды въ трубахъ. Для сдавливанія металлической массы, рабочей, вмѣсто того, чтобы ковать, просто поворачиваетъ кранъ. И при такой гидравлической ковкѣ металлическая масса становится болѣе ровною и безъ изломовъ, какова бы ни была ея толщина.

Вы ждете ужаснаго лязга и грохота машинъ, а между тѣмъ видите, что машины разрѣзываютъ металлическія массы въ пять сажень длиною также беззвучно, какъ будто онѣ рѣзали кусокъ сыра. А когда мы подѣлялись нашимъ впечатлѣніемъ съ сопровождавшимъ насъ инженеромъ, то онъ спокойно отвѣтилъ:

„Для насъ это вопросъ экономіи. Вотъ эта машина, напримѣръ, строгающая сталь, служитъ намъ уже сорокъ два года, а если бы ея части были плохо подобраны или слишкомъ слабы, и оттого трещали и скрипѣли бы при каждомъ движеніи, она не прослужила бы и десяти лѣтъ!“

„Васъ удивляютъ плавильные печи? Къ чему же терять теплоту, вмѣсто того, чтобы ею пользоваться для самой же печи? Это былъ бы совершенно лишній расходъ: въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заставлять кочегаровъ жариться, когда тераемая путемъ лучеиспусканія теплота представляетъ собою цѣлыя тонны угля?“

„Такою же лишнею тратою были бы и молоты, заставлявшіе прежде дрожать всѣ зданія на двадцать верстъ въ окружности. Ковка давленіемъ гораздо лучше чѣмъ ударомъ, и стоитъ она дешевле, потому что потери меньше.“

„Просторное помѣщеніе вокругъ станковъ? хорошее освѣщеніе? чистота? — все это чистѣйшій расчетъ. Человѣкъ работаетъ лучше, когда онъ хорошо видитъ и когда ему не тѣсно. Вотъ, въ нашемъ прежнемъ помѣщеніи, въ городѣ, у насъ дѣйствительно все было очень скверно. Тѣснота — ужасная. Вы знаете, какъ страшно дорого стоить тамъ земля, изъ-за жадности землевладѣльцевъ“.

То же самое можно сказать и объ угольныхъ коняхъ. Всякій знаетъ, хотя бы изъ романа Золя или изъ газетъ, что представляютъ

собою теперь угольные копи. Между тѣмъ въ будущемъ, когда копи будутъ хорошо провѣтриваться, температура въ нихъ будетъ такая же ровная, какъ теперь въ рабочей комнатѣ; не будетъ въ нихъ лошадей, осужденныхъ всю жизнь прожить и умереть подъ землей, такъ какъ вагонеты съ углемъ будутъ передвигаться, либо по безконечному стальному канату, приводимому въ движеніе у входа въ копь, либо электричествомъ; вездѣ будутъ вентиляторы и взрывы станутъ невозможными. И это также не мечта; въ Англии уже существуютъ нѣсколько такихъ копей, и одну изъ нихъ, гдѣ все устроено именно такъ, намъ удалось осмотрѣть. И здѣсь такъ же, какъ на заводѣ, хорошее, санитарное устройство привело къ громадной экономіи въ расходахъ. Несмотря на свою большую глубину (210 сажень), эта копь даетъ тысячу тоннъ угля въ день, всего съ двумя стами рабочихъ, т. е. пять тоннъ (300 пудовъ) въ день на каждаго рабочаго, между тѣмъ какъ во всѣхъ двухъ тысячахъ копей Англии среднее количество добываемаго каждымъ рабочимъ угля едва доходитъ до 300 тоннъ въ годъ, т. е. всего 60 пудовъ въ день.

Можно было бы привести еще много другихъ примѣровъ въ доказательство того, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ устройству матеріальной обстановки, мысль Фурье о „привлекательномъ трудѣ“ далеко не составляетъ неосуществимую мечту. Но социалисты такъ много уже писали объ этомъ, что въ настоящее время всѣ признаютъ, что заводы, фабрики или копи возможно сдѣлать такими же чистыми, какъ лучшія лабораторіи современныхъ университетовъ, и что чѣмъ лучше они будутъ устроены въ этомъ отношеніи, тѣмъ производительнѣе будетъ человѣческій трудъ.

Неужели же послѣ этого можно сомнѣваться въ томъ, что въ обществѣ равныхъ, въ обществѣ, гдѣ „рабочія руки“ не будутъ продаваться изъ-за куска хлѣба, трудъ станетъ на самомъ дѣлѣ отдыхомъ и удовольствіемъ? Всякая нездоровая или противная работа исчезнетъ, потому что при этихъ новыхъ условіяхъ она несомнѣнно окажется вредной для всего общества, въ цѣломъ. Такой работой могутъ заниматься рабы; свободный же человѣкъ создастъ новыя условія труда,— труда привлекательнаго и несравненно болѣе производительнаго.

То же будетъ и съ домашними работами, которыя теперь общество взваливаетъ на женщину — этого страдальца за все человѣчество.

II.

Общество, возрожденное Революціей, съумѣетъ уничтожить и домашнее рабство — послѣднюю форму рабства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и самая упорная, потому что она самая старин-

ная. Но это пример а за это надо, чѣмъ мечтали организаторы фаланстеръ, и они не члѣны въ государственные коммунисты — «общественный трудъ» — «общественными трудами».

Милліоны человѣковъ никогда не согласятся на жизнь въ фаланстерѣ. Правда, идеальнѣе общительный человѣкъ не знаетъ, чѣмъ предпочесть потребовать встрѣчаться съ другими людьми для общаго труда — труда, въ который становится болѣе привлекательнымъ, если человѣкъ чувствуетъ себя при этомъ частью одного огромнаго цѣлаго. Но часы досуга, посвящаемые отдыху и близкимъ людямъ — дѣло гораздо болѣе личное. А между тѣмъ фаланстеры и даже фамилстеры не считаются съ этой потребностью, или, если и считаются, то пытаются удовлетворить ее искусственнымъ образомъ.

Фаланстеръ, который, въ сущности, представляетъ не что иное, какъ огромную гостиницу, можетъ правиться нѣкоторымъ, или даже всѣмъ въ извѣстные періоды ихъ жизни; но огромное большинство людей все-таки предпочитаютъ жизнь семейную (конечно, семейную жизнь будущаго). Оно больше любитъ отдѣльныя квартиры, а норманская и англо-саксонская раса предпочитаютъ даже отдѣльные домики изъ четырехъ, пяти или болѣе комнатъ, въ которыхъ можно жить своѣй семьей или въ тѣсномъ кружкѣ друзей.

Фаланстеръ можетъ быть хорошъ иногда, но онъ оказался бы очень плохъ, если бы сталъ общимъ правиломъ. Человѣческая природа требуетъ чтобы часы, проводимые въ обществѣ, чередовались съ часами одиночества. Одно изъ самыхъ ужасныхъ мученій въ тюрьмѣ состоитъ именно въ невозможности остаться одному, точно такъ же какъ одиночное заключеніе становится въ свою очередь пыткой, когда оно не чередуется съ временами, проводимыми въ обществѣ другихъ.

Намъ говорятъ, иногда, что жизнь въ фаланстерѣ экономнѣе, но это — самая мелочная и пустая экономія. Настоящая, единственно-разумная экономія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь пріятной для всѣхъ, потому что, когда человѣкъ доволенъ жизнью, онъ производитъ неизмѣримо больше, чѣмъ когда онъ проклинаетъ все окружающее*).

*) Коммунисты Молодой Икаріи поняли, повидимому, какъ важно предоставить людямъ свободу выбора въ ежедневномъ общеніи ихъ между собою, помимо работы. Идеаль религіозныхъ коммунистовъ былъ всегда связанъ съ общей трапезой; первые христіане именно въ общей трапезѣ выражали свое присоединеніе къ христіанству, и слѣды этого до сихъ поръ сохранились въ причастіи. Молодые Икарійцы порвали съ этой религіозной традиціей. Они обѣдаютъ все въ одной комнатѣ, но за отдѣльными столиками, гдѣ люди усаливаются, смотря по своимъ личнымъ симпатіямъ. Коммунисты, живущіе въ Анамѣ, имѣютъ свои отдѣльные домики и обѣдаютъ у себя, хотя всю нужную имъ провизію берутъ въ общинныхъ магазинахъ — сколько кто хочетъ.

Другіе соціалісты отрицають фаланстеры, но когда ихъ спрашиваютъ, какъ устроить домашнія работы, они отвѣчаютъ: „Всякій будетъ дѣлать свою работу самъ. Управляется же моя жена съ домашней работой, ну и барыни будутъ дѣлать то же самое“. А если вы имѣете дѣло съ играющими въ социализмъ буржуа, то онъ обращается съ пріятной улыбкой къ женѣ и говоритъ: „Не правда ли, душечка, — ты отлично обошлась бы безъ прислуги въ социалистическомъ обществѣ? Ты, конечно, стала бы работать, какъ жена нашего пріятели Павла Иваныча или браваго столяра Ивана Петровича?“ На что жена отвѣчаетъ съ кисло-сладкой улыбкой: „Конечно, дружокъ“, а про себя думаетъ въ то же время, что, къ счастью, это будетъ еще не такъ скоро.

Будь то служанка или жена, мужчина всегда рассчитываетъ взвалить всѣ домашнія работы на женщину. Но женщина, съ своей стороны, тоже начинаетъ требовать, наконецъ, своей доли въ освобожденіи человѣчества. Она больше не хочетъ быть вьючнымъ животнымъ своего дома; довольно съ нея и того, что она столько лѣтъ своей жизни отдаетъ на воспитаніе дѣтей. Она не хочетъ больше быть въ домѣ кухаркой, судомойкой, горничной! Впереді всѣхъ другихъ идутъ въ своихъ требованіяхъ американки, и въ Соединенныхъ Штатахъ слышатся повсюду жалобы на недостатокъ женщинъ, готовыхъ заниматься домашними работами. Барыни предпочитаютъ искусство, политику, литературу или какія-нибудь забавы; работницы съ своей стороны, дѣлаютъ то же самое и повсюду слышатся охи да вздохи, насчетъ невозможности найти „прислугу“. Въ Соединенныхъ Штатахъ мало встрѣчаешь американокъ, которыя согласились бы на рабство домашней прислуги.

Рѣшеніе вопроса подсказывается, впрочемъ, самую жизнью, и это рѣшеніе, какъ водится, очень просто. Машина беретъ на себя три четверти всѣхъ хозяйственныхъ работъ.

Вы чистите сами свою обувь и знаете, какое это нелѣпое занятіе? Водить двадцать или тридцать разъ щеткой по сапогу — что можетъ быть глупѣе этого? Только потому, что милліоны европейцевъ, мужчинъ и женщинъ, вынуждены продавать себя для исполненія этой работы, за какое-нибудь логовище и скудное пропитаніе, только потому, что женщина чувствуетъ себя рабою, возможно, чтобы цѣлые милліоны рукъ продѣлывали каждодневно эту глупѣйшую операцію.

А между тѣмъ у парикмахеровъ уже имѣются машинныя круглыя щетки для приглаживанія какъ ровныхъ, такъ и взъерошенныхъ волосъ. Почему же, въ такомъ случаѣ, не приложить того же приѣма и къ другой оконечности человѣческаго тѣла? Отчего же нѣтъ? И дѣйствительно такъ и дѣлаютъ. Въ большихъ американскихъ и евро-

пейскихъ гостинницахъ уже входитъ въ употребленіе такая машина для чистки сапогъ, и эта машина распространяется и помимо гостинницъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, въ нѣкоторыхъ большихъ школахъ, гдѣ мальчики живутъ по пятидесяти и даже по двѣсти человѣкъ у учителей, начальники этихъ пансіоновъ сдаютъ чистку сапогъ особому предпринимателю, который беретъ на себя вычистить каждое утро на машинѣ тысячу паръ сапогъ. И это оказывается, конечно, выгоднѣе, чѣмъ держать сотни служанокъ, специально для этого глупѣйшаго занятія. Одинъ знакомый мнѣ бывшій сапожникъ собираетъ съ вечера всю эту груду сапогъ, а утромъ разсылаетъ ихъ вычищенными на машинѣ.

А возьмите мытье посуды. Есть ли гдѣ-нибудь такая хозяйка, которая любила бы эту работу — скучную и грязную, которая только потому исполняется руками, что трудъ домашней рабыни считается ни во что?

Въ Америкѣ и этотъ рабскій трудъ начинаетъ поемногу замѣняться болѣе осмысленнымъ трудомъ. Есть города, гдѣ горячая вода также проведена въ дома, какъ у насъ холодная, и это уже облегчаетъ рѣшеніе вопроса. А одна женщина, г-жа Кокрэнъ, разрѣшила его на половину: изобрѣтенная ею машина моетъ, вытираетъ и сушитъ двадцать дюжинъ тарелокъ или блюдъ меньше чѣмъ въ три минуты. Такія машины производятся въ Иллинойсѣ и продаются по цѣнамъ доступнымъ для болѣе многочисленныхъ семействъ. Что же касается маленькихъ семей, то онѣ со временемъ будутъ отдавать свою посуду въ мойку такъ же, какъ теперь отдаются уже башмаки для чистки — причеиъ, вѣроятно, обѣ эти функціи будетъ брать на себя одно и то же учрежденіе.

Женщины чистятъ ножи, сдираютъ себѣ кожу съ рукъ, выжимая бѣлье, метутъ полы и чистятъ ковры, поднимая облака пыли, которую потомъ нужно съ большимъ трудомъ удалять изъ всѣхъ щелей, куда она садится — но все это дѣлается такъ по сію пору только потому, что женщина продолжаетъ быть рабыней. Между тѣмъ, вся эта работа уже могла бы выполняться, гораздо лучше машиной. А когда во всѣ дома будетъ проведена двигательная сила, тогда всевозможныя домашнія машины, упрощенныя такъ, чтобы онѣ занимали немного мѣста, вступать въ свои права.

Замѣтимъ, что сами по себѣ всѣ такія машины стоить очень недорого, и если теперь мы платимъ за нихъ такъ много, то это зависитъ отъ того, что онѣ мало распространены, а главное — что всевозможныя господа, спекулирующіе на землѣ, на сыромъ матеріалѣ, на фабрикаціи, на продажѣ, на налогахъ и т. д., берутъ съ насъ по край-

пей мѣръ въ три или четыре раза дороже дѣйствительной стоимости, наживаясь, каждый, на всякой вновь возникающей потребности.

Но маленькия машины, которыя можно имѣть въ каждомъ домѣ и квартирѣ, не есть еще послѣднее слово въ освобожденіи домашняго труда. Семья должна выйти изъ своей теперешней обособленности, соединиться въ артель съ другими семьями, чтобы сообща дѣлать ту работу, которая теперь дѣлается въ каждой семьѣ порознь.

Въ самомъ дѣлѣ, будущее вовсе не въ томъ, чтобы въ каждой семьѣ была одна машина для чистки сапогъ, другая для мытья тарелокъ, третья для стирки бѣлья и т. д. Будущее принадлежитъ одной общей печи, которая отапливаетъ все комнаты цѣлаго квартала и такимъ образомъ избавляетъ отъ необходимости разводить сотни огней. Такъ и дѣлается уже въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ: изъ общей печи проводится по трубамъ во все дома и во все комнаты горячая вода, и чтобы измѣнить температуру комнаты, достаточно повернуть кранъ. Если же вы хотите развести въ какой-нибудь комнатѣ огонь, то вы можете зажечь газъ или электрическую печь въ вашемъ каминѣ. Вся огромная работа чистки каминновъ и поддержанія въ нихъ огня, которая поглощаетъ миллионы рабочихъ рукъ въ Англии, понемногу, такимъ образомъ, исчезаетъ, а женщины хорошо знаютъ, сколько времени каминны отнимаютъ у нихъ теперь.

Свѣча, лампа и даже газъ уже отживаютъ свой вѣкъ. Существуютъ цѣлые города, гдѣ достаточно нажать пуговку, чтобы получить свѣтъ, и весь вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи сводится теперь на то, какъ отдѣлаться отъ цѣлой арміи монополистовъ, повсемѣстно захватившихъ (при помощи государства) электрическое освѣщеніе въ свои руки.

Наконецъ — опять-таки въ Америкѣ — идетъ уже рѣчь объ образованіи такихъ обществъ, которыя почти вполне могли бы устранить домашнюю работу. Для этого достаточно было бы одного такого учрежденія для каждой группы домовъ. Особая повозка пріѣзжала бы за корзинами подлежащихъ чисткѣ сапогъ, за грязной посудой, за бѣльемъ, за мелкими вещами, которыя нужно чистить (если это стоить того), за коврами — и на другой день привозила бы уже исполненную, и хорошо исполненную, работу. А въ часъ утренняго завтрака на вашемъ столѣ могъ бы появиться горячій чай или кофе и весь завтракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, что дѣлается теперь. Между двѣнадцатю и двумя часами дня миллионы тридцать американцевъ и миллионы двадцать англичанъ съѣдаютъ кусокъ жареной говядины или баранины или вареной свинины — изрѣдка курицы или рыбы — и порцію картофеля и тѣхъ или другихъ овощей, смотря по времени

СВОБОДНОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

Унаслѣдованные нами предрасудки и все наше совершенно ложно поставленное воспитаніе и образованіе такъ приучили насъ видѣть повсюду правительство, законъ и судъ, что въ концѣ концовъ мы начинаемъ думать, что если бы не постоянная бдительность полиціи и властей, то люди перегрызлись бы какъ дикіе звѣри, и что, если бы государственная власть вдругъ рухнула бы, то на землѣ водворился бы полный хаосъ. Такъ насъ учили; а мы, какъ добрые школяры, такъ и твердимъ во слѣдъ за „большими“. А между тѣмъ, мы проходимъ, совершенно не замѣчая того, мимо тысячъ различныхъ учреждений, созданныхъ людьми безъ всякаго вмѣшательства закона — учреждений, которыя достигаютъ гораздо болѣе значительныхъ результатовъ, чѣмъ все то, что происходитъ подъ правительственной опекой.

Откройте любую ежедневную газету. Ея страницы посвящены почти исключительно дѣйствіямъ правительства и политическимъ соображеніямъ. Прочти ее какой-нибудь китаецъ, — и онъ подумаетъ, что въ Европѣ ничего не дѣлается безъ приказанія свыше. Но попробуйте найти въ такой газетѣ что-нибудь касающееся тѣхъ учреждений, которыя возникаютъ, растутъ и развиваются помимо правительственныхъ предписаній — и вы не найдете ничего или почти ничего. Если въ ней и есть отдѣлъ „Разныхъ происшествій“, то только потому, что они имѣютъ касательство къ полиціи. О какой-нибудь семейной драмѣ или о какомъ-нибудь актѣ протеста упоминается только въ томъ случаѣ, если въ дѣло вмѣшалась полиція.

Триста-пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ живутъ изо дня въ день, любя или ненавидя другъ друга, работаютъ или прокучиваютъ свои „доходы“, страдаютъ или наслаждаются жизнью, но ихъ жизнь (если не считать литературы, театра и спорта) остается совершенно неизвѣстна для газетъ, покуда въ нее, такъ или иначе, не вмѣшаются правительства.

То же самое можно сказать и объ исторіи. Мы знаемъ до мельчайшихъ подробностей жизнь какого-нибудь короля или парламента; исторія сохранила для насъ всѣ, хорошія или дурныя, рѣчи, произносившіяся въ разныхъ говорильняхъ и — какъ замѣтилъ мнѣ одинъ

старый парламентарный англійскій политикъ, никогда еще не повліявшія при голосованіи ни на одинъ „голосъ“. Визитъ, сдѣланный однимъ королемъ другому, хорошее или дурное расположеніе духа того или иного министра, его остроты и его „интрижки“ — все это тщательно сохраняется исторіею для потомства. Но попробуйте возстановить повседневную жизнь средневѣковаго города, или познакомьтесь съ механизмомъ того громаднаго обмѣна товаровъ, который происходилъ между ганзейскими городами, или узнать, какъ городъ Руанъ строилъ свой соборъ, не имѣя на то казенныхъ милліоновъ — и вы увидите, какъ это трудно. Исторіи извѣстно, въ какіе дни у такого-то великаго короля былъ насморкъ, но созидательною дѣятельностью народа, въ Ратуши и Парламента, она не любитъ заниматься. Если даже какой-нибудь ученый и посвящаетъ свою жизнь этимъ вопросамъ, то его труды остаются неизвѣстными, между тѣмъ какъ исторіи политическія, которыя невѣрны уже потому, что говорятъ только объ одной сторонѣ жизни общества, „плодятся годъ-отъ-году“, читаются и преподаются въ школахъ.

И, устремивъ все свое вниманіе на парламенты, министровъ и королей, мы даже не замѣчаемъ той громадной работы, которая совершается ежедневно повсюду, свободными группами людей, и которая именно и составляетъ заслугу нашего вѣка.

Вотъ почему мы стараемся отмѣтить, хотя нѣкоторые изъ наиболѣе яркихъ проявленій этой созидательной работы и показать, что безъ всякихъ правительствъ люди отлично умѣютъ, — если только ихъ интересы не совершенно противоположны — приходитъ къ соглашенію для совмѣстнаго дѣйствія, даже въ очень сложныхъ вопросахъ.

Конечно, въ современномъ обществѣ, основанномъ на частной собственности, т. е. на грабежѣ, и на узкомъ, слѣдовательно бессмысленномъ, индивидуализмѣ, этого рода явленія должны быть очень ограничены. Соглашеніе между людьми не всегда бываютъ совершенно свободно и часто имѣетъ въ виду мелочную или даже вредную цѣль. Но мы ищемъ не примѣровъ для слѣпонаго подражанія, которыхъ современное общество и не могло бы намъ дать: мы хотимъ показать, что несмотря на гнетущій насъ индивидуализмъ, въ нашей жизни все-таки находится обширное поле для свободнаго соглашенія, и что обойтись безъ правительства гораздо легче чѣмъ кажется. Если люди, которыхъ основное начало жизни выражается словами: „каждый — для себя“, могутъ вступать въ соглашенія и вести крупныя дѣла, не назначая надъ собою капрала, — то не легче ли согласиться людямъ, имѣющимъ общую — общественную цѣль?

Мы уже разъ указывали на примѣры желѣзныхъ дорогъ; но остановимся иѣсколько на немъ. Какъ извѣстно, Европа покрыта сѣтью желѣзныхъ дорогъ около 300.000 верстъ длиною, и по этой сѣти можно путешествовать теперь съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, отъ Мадрида до Петербурга, и отъ Кала до Константинополя, безъ всякой остановки, и часто даже не пересаживаясь изъ вагона въ вагонъ (если ѣхать со скорымъ поѣздомъ). Мало того: посылка, едущая на какомъ бы то ни было вокзалѣ, дойдетъ до человѣка, которому она предназначена, гдѣ бы онъ не былъ, въ Турціи или въ Азіи; отправителю достаточно написать мѣсто назначенія на клочкѣ бумаги.

Этихъ результатовъ можно было достигнуть двоякимъ путемъ. Какой-нибудь Наполеонъ, Бисмаркъ, или другой вонпель могъ завоевать всю Европу и, сидя гдѣ-нибудь въ Парижѣ, въ Берлинѣ или въ Римѣ, начертать на картѣ линіи желѣзныхъ дорогъ и распорядиться порядкомъ движенія поѣздовъ. Коронованный идіотъ, Николай I-ый, мечталъ поступить именно такъ. Когда ему представили различные проекты желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ, онъ взялъ линейку, провелъ по картѣ Россіи прямую линію между обѣими столицами и сказалъ: „Вотъ вамъ линія желѣзной дороги“. Дорогу такъ и построили — по прямой линіи, засыпая овраги, воздвигая мосты, которые черезъ иѣсколько лѣтъ пришлось бросить, и потративъ такимъ образомъ непотомыя деньги на каждую версту пути.

Это одинъ изъ возможныхъ способовъ; но на дѣлѣ, желѣзныя дороги, почти вездѣ, создались совершенно иначе. Онѣ строились по частямъ; затѣмъ эти части связывались между собою, и наконецъ, многочисленныя компаніи, которымъ принадлежали эти части, стоваривались относительно того, какъ согласовать часы прихода и отхода поѣздовъ такъ, чтобы можно было перевозить товары по всевозможнымъ направленіямъ, не выгружая ихъ каждый разъ, когда приходится переѣзжать съ одной сѣти на другую.

И все это было устроено путемъ свободнаго соглашенія, — путемъ обмѣна писемъ и предложеній, путемъ сѣздовъ, на которые представители являлись не для того, чтобы написать законъ, обязательный для всѣхъ, а для того, чтобы, обсудивши разные вопросы, вернуться затѣмъ каждый, къ своей компаніи, съ проектомъ соглашенія, которое можно было принять или отвергнуть.

Конечно, были и затрудненія; встрѣчались упорные люди, которыхъ трудно было убѣдить. Но общій интересъ въ концѣ концовъ примирилъ всѣхъ, причемъ для покоренія упорствующихъ не оказалось никакой надобности призвать на помощь начальство и солдатъ.

Эта гигантская желѣзнодорожная сеть и происходящее по ней огромное движеніе товаровъ представляютъ собою, несомнѣнно, самую характерную черту нашего вѣка, и все это — дѣло свободнаго соглашенія. Если бы кто-нибудь предсказалъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что сеть итеніе совершится такимъ путемъ, наши дѣла приняли бы его за помѣшаннаго. — Чинь-да, воскликнули бы они, вамъ не удастся привести въ соглашенію это акціонерныхъ козвизаній! Это — сказка, утопія! Установить единство дѣйствія можно только при помощи центральнаго управленія, съ директоромъ, умѣющимъ заставить себя виновататься!“

И вотъ, всего интереснѣе въ этомъ дѣлѣ именно то, что для европейскихъ желѣзныхъ дорогъ не существуетъ ничего подобнаго центральному управленію: ни министра европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, ни директора, ни европейскаго парламента, ни даже управляющаго комитета! Все дѣлается путемъ договора.

Когда какой-нибудь государственныйкъ говоритъ намъ, что „никогда нельзя будетъ обойтись безъ центральнаго правительства, хотя бы для управленія движеніемъ товаровъ“, мы можемъ поэтому спросить его:

„А какъ же обходится безъ него европейскія желѣзныя дороги? Какимъ образомъ имъ удается перевозить по всей Европѣ миллионы путешественниковъ и дѣлами горы товаровъ? Если желѣзнодорожныя компаніи могли столкнуться между собою, то почему же не смогутъ столкнуться такимъ же образомъ и рабочіе, когда они завладѣютъ желѣзнодорожными линіями? И если петербургско-варшавская и парижско-бельфорская компаніи могутъ дѣйствовать съ необходимымъ единствомъ безъ всякаго начальства надъ ними, то почему же такое начальство непременно должно существовать въ обществѣ, состоящемъ изъ группъ свободныхъ работниковъ? Неужели, по вашему, мошенникамъ легче вступить въ соглашеніе, чѣмъ честнымъ людямъ?“

II.

Когда мы стараемся показать на примѣрахъ, что даже и теперь, несмотря на несправедливость, лежащую въ основѣ современнаго общественнаго устройства, люди отлично могутъ, если только ихъ интересы не прямо противоположны, придти къ соглашенію безъ всякаго вмѣшательства власти, то мы отлично знаемъ, какого рода возраженія намъ выставятъ противъ этого.

Все эти примѣры, конечно, имѣютъ одинъ общій недостатокъ, потому что теперь нельзя указать ни одной организаціи, которая не осно-

ывалась бы на эксплуатаціи слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Вотъ почему государственники не преминутъ возразить намъ, со своей стороны имъ логичностью: „Вы видите, что для того, чтобы положить конецъ этой эксплуатаціи, необходимо государственное вмѣшательство!“

Но они забываютъ уроки исторіи; они не говорятъ о томъ, насколько само государство содѣйствовало ухудшенію положенія, создавъ пролетаріатъ и отдавая этотъ пролетаріатъ во власть эксплуататоровъ. Они забываютъ также рѣшить вопросъ о томъ, — возможно ли прекратить эксплуатацію, пока не исчезнутъ ея основныя причины: частная владѣніе капиталомъ и бѣдность, на двѣ трети созданная государствомъ?

Мы легко можемъ предвидѣть, поэтому, что по поводу соглашения между желѣзнодорожными компаніями, намъ скажутъ: „Развѣ вы видите, какъ эти компаніи грабятъ пассажировъ, какъ онѣ угнетаютъ своихъ служащихъ? Должно же государство вмѣшаться и взять подъ свою защиту публику!“

Но мы уже много разъ повторяли, что всѣ эти злоупотребленія будутъ существовать до тѣхъ поръ пока существуютъ капиталисты. Между тѣмъ это якобы благодѣтельное государство само дало въ руки компаніямъ ту страшную силу, которой онѣ теперь пользуются. Не оно ли давало имъ концессіи и гарантіи? Не оно ли посылало войска противъ начинающихъ стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ? А въ началѣ (въ Россіи это бываетъ еще и до сихъ поръ), развѣ оно не вводило желѣзнодорожную монополію до того, что запрещало говорить въ печати о несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, чтобы понижать цѣну на гарантированныя имъ акціи? Развѣ не оно содѣйствовало той монополіи, которая сдѣлала разныхъ Вандербилтовъ, Поляковыхъ и директоровъ Парижско-Ліонско-Средиземной дороги и дороги Сенъ-Готардской „королями нашего времени“?

Поэтому, когда мы приводимъ въ примѣръ соглашеніе, молчаливо установившееся между желѣзнодорожными компаніями, мы вовсе не считаемъ его экономическимъ идеаломъ или хотя бы даже идеаломъ промышленнымъ. Мы этимъ хотимъ только показать, что если капиталисты, не имѣющіе никакой другой цѣли, кромѣ увеличенія своихъ личныхъ доходовъ на чужой счетъ, могутъ эксплуатировать желѣзныя дороги, не создавая для этого никакого международнаго начальства, почему же общества, состоящія изъ рабочихъ, не смогутъ сдѣлать то же самаго, и даже устроиться лучше, не прибѣгая къ назначенію министра европейскихъ желѣзныхъ дорогъ?

Существуетъ еще одно возраженіе, повидимому болѣе серьезное. Намъ могутъ сказать, что соглашеніе, о которомъ мы говоримъ, нельзя назвать вполне свободнымъ, потому что крупныя компаніи всегда навязываютъ свою волю мелкимъ. Можно, напримѣръ, указать на одну изъ такихъ богатыхъ компаній, которая заставляетъ пассажировъ, направляющихся изъ Берлина въ Базель, ѣхать черезъ Кельнъ вмѣсто Лейпцига, или отправляетъ товары такъ, что имъ приходится дѣлать кругъ въ сто или двѣсти верстъ (при большихъ разстояніяхъ) ради выгоды могущественныхъ акціонеровъ; или же, наконецъ, прямо раззоряетъ другія, второстепенныя линіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ пассажирамъ, такъ и товарамъ приходилось иногда слѣдовать самымъ невѣроятнымъ маршрутомъ, ради того, чтобы доллары попали въ карманы какого-нибудь Вандербилта.

Но отвѣтъ на это возраженіе тотъ же самый. До тѣхъ поръ, пока существуетъ капиталъ, крупный капиталъ будетъ всегда подавлять мелкій. Однако слѣдуетъ помнить, что это угнетеніе происходитъ не только благодаря капиталу: въ дѣйствительности крупныя компаніи могутъ угнетать мелкія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе поддержки со стороны государства, создающаго монополіи въ ихъ пользу. Половина, если не двѣ-третьи власти крупнаго капитала состоятъ въ настоящее время въ его власти надъ правительствами, не только у насъ въ Россіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ.

Марксъ очень хорошо показалъ, какъ англійское законодательство сдѣлало все возможное для того, чтобы раззорить мелкое производство, довести до нищеты крестьянина и предоставить въ распоряженіе крупныхъ промышленниковъ цѣлыя арміи бѣдняковъ, вынужденныхъ работать за какую угодно плату. Совершенно то же можно сказать и о законодательствѣ, касающемся желѣзныхъ дорогъ. Стратегическія линіи, линіи получающія субсидію, линіи имѣющія монополію перевозки международной корреспонденціи — все было пущено въ ходъ въ интересахъ крупныхъ финансистовъ. Когда Ротшильдъ — которому должны всѣ европейскія государства — вкладываетъ свои капиталы въ ту или въ другую желѣзную дорогу, то его вѣрноподанные — министры, короли и президенты республикъ — немедленно дѣлаютъ все, чтобы доставить этой линіи возможно большіе барыши. Безъ этой прислуги, Ротшильдъ потерялъ бы девять-десятыхъ своей силы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ (въ этой демократической странѣ, которую социаллисты-государственники иногда выставляютъ намъ какъ идеаль), во всемъ, что касается желѣзныхъ дорогъ, царствуетъ самое наглое мошенничество. Безпрестанно приходится читать, что та или

другая компанія убиваетъ своихъ конкурентовъ очень низкими тарифами, потому что она получаетъ, съ другой стороны, выгоды отъ земель, которыя она, при помощи взятокъ, получила отъ государства. Недавно изданныя свѣдѣнія относительно перевозки американской пшеницы показываютъ во-очію насколько велико, въ этой эксплуатаціи слабаго сильнымъ, участіе государства.

Государство и здѣсь увеличило въ десять, во сто разъ силу крупнаго капитала. И когда мы видимъ, что синдикатамъ желѣзнодорожныхъ компаній (опять-таки представляющимъ собою результатъ свободнаго соглашенія) удается иногда защитить мелкія компаніи отъ крупныхъ, то мы можемъ только удивляться, какой внутренней силой должно обладать само по себѣ свободное соглашеніе, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, несмотря на всемогущество крупнаго капитала, которому при этомъ помогаетъ государство.

Въ самомъ дѣлѣ, мелкимъ компаніямъ постоянно удается существовать, несмотря на пристрастное отношеніе со стороны государства къ крупнымъ компаніямъ. Во Франціи мы находимъ, благодаря ея централизаци, всего пять или шесть крупныхъ компаній, но въ Великобританіи существуетъ болѣе 110 компаній, которыя несомнѣнно гораздо быстрѣ перевозятъ товары и пассажировъ, чѣмъ французскія и нѣмецкія желѣзныя дороги.

Кромѣ того, вопросъ вовсе не въ томъ. Крупный капиталъ всегда можетъ — съ помощью государства — подавить мелкій, если только ему это выгодно; но насъ интересуетъ въ этомъ самый фактъ соглашенія между сотнями компаній, владѣющихъ европейскими желѣзными дорогами, — соглашенія, которое установилось непосредственно, помимо всякаго вмѣшательства центральнаго правительства, которое издавало бы законы для различныхъ обществъ. Оно создало посредствомъ съѣздовъ, на которые собирались представители компаній, гдѣ они обсуждали между собою дѣло и откуда возвращались къ своимъ довѣрителямъ не съ законами, а съ проектами соглашеній. Это совершенно новый принципъ, противоположный принципу правительственному — и монархическому, и республиканскому, и самодержавному, и представительному. Это — нововведеніе, которое пока еще робко проникаетъ въ европейскіе нравы, но которое имѣетъ за собою великое будущее.

III.

Сколько разъ намъ случалось встрѣчаться въ произведеніяхъ социалистовъ-государственниковъ съ такого рода восклицаніями: „А кто

ке возьметъ въ будущемъ обществѣ урегулированіе движенія товаровъ по каналамъ? Что, если кому-нибудь изъ вашихъ анархистовъ придетъ въ голову поставить свою баржу поперекъ канала и преградить дорогу цѣлой тысячи пароходовъ? Кто же его образумить?"

Нужно сознаться, что это — предположеніе довольно фантастическое. Но намъ могутъ сказать еще вотъ что: „А что, если какая-нибудь община или группа захочетъ, чтобы ея баржа шла впереди всѣхъ остальныхъ? Эти люди займутъ въ такомъ случаѣ весь каналъ, причемъ они, можетъ быть, везутъ камни, въ то время какъ какой-нибудь хлѣбный грузъ, предназначенный для другой общины, не сможетъ двигаться. Кто же, какъ не правительство, внесетъ порядокъ въ движеніе судовъ?“

Дѣйствительная жизнь показала однако, опять-таки, что и здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, вполне возможно обойтись безъ правительства. Свободное соглашеніе, свободная организація отлично замѣняютъ дорого стоящій и вредный государственный механизмъ и выполняютъ ту же задачу лучше его.

Извѣстно, какое большое значеніе имѣютъ каналы для Голландіи: они замѣняютъ для нея дороги. Извѣстно также, какое количество товаровъ перевозится по нимъ: все то, что у насъ перевозится по жѣзнымъ или шоссейнымъ дорогамъ, перевозится тамъ по каналамъ. Вотъ ужъ гдѣ люди могли бы драться между собою изъ-за того, чья баржа пройдетъ первая! Вотъ гдѣ правительство должно бы непремѣнно вмѣшаться для внесенія въ дѣло порядка!

Однако это не такъ. Практическіе голландцы давно уже нашли способъ устроиться иначе, образовавъ рядъ гильдій или синдикатовъ перевозчиковъ, — рядъ свободныхъ ассоціацій, созданныхъ подъ вліяніемъ потребностей судоходства. Суда записываются въ извѣстномъ порядкѣ и идутъ одно за другимъ поочередно. Ни одно изъ нихъ не должно перегонять остальныхъ, подъ угрозой исключенія изъ общества. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ права останавливаться въ гаваняхъ больше чѣмъ на извѣстное число часовъ въ день, и если за это время оно не найдетъ себѣ груза — все равно, оно должно сняться пустымъ и уступить свое мѣсто слѣдующимъ. Такимъ образомъ устраняется слишкомъ большое скопленіе судовъ. Замѣтимъ при этомъ, что состязаніе между предпринимателями — неизбежное послѣдствіе частной собственности — остается въ полной силѣ, и что если это состояніе устранить, то соглашеніе сдѣлается еще болѣе дружественнымъ, еще болѣе основаннымъ на справедливости.

Само собою разумѣется, что всякій собственникъ парохода имѣетъ право пристать или не пристать къ артели судохозяевъ: это — его

дѣло. Большинство, однако, предпочло присоединиться. И так рода артели представляют столько выгодъ, что онѣ распространились теперь и на Рейнѣ, на Везерѣ, на Одерѣ, до самаго Берлина. Перевозчики не стали ждать, пока какой-нибудь Бисмаркъ присоединитъ Голландію къ Германіи и назначитъ своего „Ober-Haupt-Generals-Staats-Canal-Navigations-Rath'a“, съ соответственнымъ количествомъ нашивокъ на мундирѣ. Они предпочли прибѣгнуть къ международному соглашенію. Мало того: многіе изъ собственниковъ пароходовъ, путешествующихъ между нѣмецкими, скандинавскими и русскими портами, также пристали къ этимъ синдикатамъ, чтобы упростить перевозку товаровъ по Балтійскому морю и внести нѣкую гармонію въ движеніе кораблей. И всѣ эти артели, свободно принявшія и принимающія лишь добровольно присоединяющихся къ нимъ членовъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ какими правительствами.

Возможно, и даже очень вѣроятно, что и здѣсь крупный капиталъ угнетаетъ мелкій. Возможно также, что у самаго синдиката существуетъ стремленіе обратиться въ монополію — особенно при благосклонномъ покровительствѣ государства, которое не замедлитъ вмѣшаться въ это дѣло. Но не нужно забывать, что въ настоящее время члены этихъ синдикатовъ не имѣютъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ чисто личныхъ. Если же каждый перевозчикъ будетъ вынужденъ, силою обобществленія производства, потребления и обмѣна, состоять членомъ цѣлой сотни другихъ ассоціацій, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей; если сами суда будутъ принадлежать цѣлымъ общинамъ, городамъ и союзамъ, — то дѣло будетъ обстоять совершенно иначе. Группа перевозчиковъ, сильная пока рѣчь идетъ о водныхъ сообщеніяхъ, почувствуетъ себя слабой на сушѣ и долгие годы будетъ умѣрять свои требованія, чтобы войти въ сношенія съ желѣзными дорогами, а также съ производительными, потребительными и всякими другими группами.

Какъ бы то ни было, даже не заглядывая въ будущее, мы видимъ здѣсь еще одинъ примѣръ добровольно возникшей ассоціаціи, обходящейся безъ правительства. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Разъ мы уже говоримъ о судахъ, то укажемъ и на одну изъ лучшихъ организацій, создавшихся въ нашъ вѣкъ — одну изъ лучшихъ организацій, которыми мы по справедливости можемъ гордиться, а именно на англійское общество для спасенія на водахъ (Lifeboat Association).

Какъ извѣстно, больше тысячи судовъ ежегодно оказываются р

битыми бурей у англійскихъ береговъ. Въ открытомъ морѣ хорошео судно мало боится бурь: главныя опасности ждутъ его, когда оно подходить къ берегамъ: быстрыя теченія, которыя лишаютъ возможности управлять судномъ, туманы, подводные камни, мели.

Даже въ тѣ времена, когда прибрежные жители нарочно зажигаю огни съ цѣлью завлечь корабли на подводные камни, а затѣмъ завладѣть ихъ грузомъ, — даже и тогда они дѣлали все возможное, чтобы спасти людей. Замѣтивши гибнущій корабль, они пускались въ море на своихъ лодкахъ, на помощь потерпѣвшимъ крушеніе, часто сами погибая въ волнахъ. У каждой прибрежной деревушки есть свои преданія о героическихъ усиліяхъ мужчинъ и женщинъ, рисквавшихъ жизнью для спасенія погибающихъ.

Конечно, государство и ученые также сдѣлали кое-что для уменьшенія числа кораблекрушеній. Маяки, сигналы, карты, метеорологическія предсказанія — все это, несомнѣнно, уменьшило число крушеній. Но все таки и теперь каждый годъ приходится спасать около тысячи кораблей, — слѣдовательно нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней.

И вотъ, нѣсколько человѣкъ, добровольцевъ, взялись за дѣло. Будучи сами хорошими моряками, они изобрѣли такія лодки для спасенія погибающихъ, которыя могутъ бороться съ бурей, не опрокидываясь и не будучи залиты волнами; а затѣмъ они начали вести агитацію, чтобы заинтересовать въ своемъ предпріятіи публику: найти нужныя деньги, построить спасательныя лодки и распредѣлить ихъ по тѣмъ береговымъ пунктамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Эти люди были люди дѣла, а потому не были якобинцами и слѣдовательно не обратились къ правительству. Они поняли, что для успѣха предпріятія имъ нужно содѣйствіе мѣстныхъ моряковъ, рыбаковъ; нужно ихъ знаніе мѣстности, а въ особенности — ихъ самоотверженіе. А для того, чтобы нашлись люди, готовые по первому сигналу пуститься среди ночи въ бушующее море, не останавливаясь ни передъ темнотой, ни передъ волнами, бороться иногда въ теченіе пяти, шести, десяти часовъ, прежде чѣмъ имъ удастся подойти къ тонущему кораблю, — люди, готовые рисковать своей жизнью для спасенія жизни другихъ, — для этого нужно чувство человѣческаго братства, нужно самопожертвованіе, которыя не покупаются ни чинами, ни „приказами по арміи“.

Все это дѣло создалось, такимъ образомъ, добровольцами, исключительно путемъ свободнаго соглашенія и личнаго почина. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ возникли сотни мѣстныхъ группъ, причемъ начинатели дѣла обнаружили настолько здраваго смысла, что не во-

образили себя непогрѣшимыми, а стали искать совѣта у мѣстныхъ рыбаковъ. Какой-нибудь богачъ посылалъ, напримѣръ, въ одну изъ прибрежныхъ деревень 10.000 рублей для постройки спасательной лодки. Его пожертвованіе принимали, но выборъ мѣста, гдѣ поставить лодку, и какого типа лодку построить въ данномъ мѣстѣ, предоставлялся мѣстнымъ рыбакамъ и морякамъ.

Планы новыхъ судовъ не были составлены въ адмиралтействѣ. „Въ виду того“, читаемъ мы въ докладѣ Общества, „что необходимо чтобы люди, пускающіеся въ море, вполне довѣряли своей лодкѣ, Комитетъ особенно стремится къ тому, чтобы въ каждомъ пунктѣ строилась лодка того типа и той оснастки, которые будутъ выбраны или выработаны самою мѣстною группою“. Потому-то въ это дѣло каждый годъ вносятся новыя усовершенствованія.

И все это дѣлается добровольцами, организующимися въ мѣстные комитеты и группы; все происходитъ на началахъ взаимной поддержки и взаимнаго соглашенія! Настоящіе анархисты! И дѣлается все это громадное дѣло, не взимая никакихъ налоговъ — что не могло мѣшало между прочимъ Спасательной Ассоціаціи получить въ прошломъ году 430.040 рублей добровольныхъ взносовъ.

Что касается достигнутыхъ результатовъ, то вотъ они:

Ассоціація имѣла въ 1891 году 293 судна; она спасла въ этотъ годъ 601 человекъ и 33 корабля, а въ общемъ, со времени основанія ея были спасены 32.671 человѣческая жизнь.

Въ 1886 году, когда три судна Ассоціаціи погибли въ волнахъ со всѣми находящимися на нихъ людьми, въ нее записались сотни новыхъ добровольцевъ, образовавшихъ мѣстныя группы, и результатомъ этой агитаціи была постройка болѣе двадцати новыхъ лодокъ и основаніе двадцати новыхъ спасательныхъ станцій.

Замѣтимъ мимоходомъ, что та же ассоціація посылаетъ ежегодно рыбакамъ и морякамъ прекрасные барометры по цѣнамъ въ три раза меньшимъ ихъ дѣйствительной стоимости. Она распространяетъ метеорологическія знанія и сообщаетъ заинтересованнымъ лицамъ всѣхъ внезапныхъ буряхъ, предсказываемыхъ учеными.

И опять-таки, повторяемъ, въ организаціи этихъ сотенъ мелкихъ комитетовъ и мѣстныхъ группъ нѣтъ абсолютно никакой іерархіи, никакого начальства: они состоятъ исключительно изъ добровольцевъ, берущихъ на себя обязательство выходить въ море по данному сигналу, который почти всегда дается на берегу, съ общаго согласія съ ними гребцовъ и часто — собравшагося на берегъ населенія, и изъ людей, интересующихся этимъ дѣломъ. Центральный Комитетъ

представляющій собою центр для переплскп, совершенно въ это не вмѣшивается.

Едва ли нужно прибавить, что, когда въ рабочей деревнѣ, гдѣ держать спасательную лодку, происходитъ голосованіе, — напримѣръ по вопросу о школахъ или о мѣстныхъ налогахъ, то мѣстные лодочные комитеты не принимаютъ участія въ немъ, какъ таковые, — скромность, которой не отличаются, къ несчастью, члены городскихъ думъ. Но за то, съ другой стороны, люди входящіе въ эти комитеты не допускаютъ также, чтобы ими распоряжались въ ихъ дѣлѣ спасенія погибающихъ тѣ, кто самъ въ жизни никогда не боролся съ бурей. По первому сигналу объ опасности, они являются, стовариваются другъ съ другомъ куда и какъ держать курсъ и отправляются въ путь. У нихъ нѣтъ ни мундировъ, ни петличекъ; но есть за то полная готовность рисковать жизнью для общаго дѣла.

Возьмемъ другое подобное же общество — Красный Крестъ. Оставимъ въ сторонѣ его названіе и посмотримъ, что оно собою представляетъ.

Представьте себѣ, что было бы, если бы лѣтъ двадцать-пять тому назадъ кто-нибудь сказалъ бы слѣдующее: „Государство очень хорошо знаетъ, какъ убивать людей. Убить двадцать тысячъ въ одинъ день и ранить пятьдесятъ тысячъ, — ему ни по чемъ. Но оно совершенно неспособно оказать помощь своимъ собственнымъ жертвамъ. Поэтому, — разъ ужъ существуютъ войны — въ это дѣло долженъ вмѣшаться частный починъ. Нужно, чтобы добровольцы взяли за дѣло и создали для этой гуманной цѣли международное общество“.

Сколько насмѣшекъ посыпалось бы на голову того, кто осмѣлился бы, поль-вѣка тому назадъ, сказать нѣчто подобное! Его прежде всего назвали бы утопистомъ, а затѣмъ, если бы его удостоили отвѣтомъ, то навѣрное сказали бы: „Глупый вы человекъ! Именно тамъ, гдѣ помощь будетъ всего нужнѣе, добровольцевъ-то не окажется! Ваши свободные госпитали сосредоточатся всѣ въ безопасныхъ мѣстахъ, а на перевязочныхъ пунктахъ, на полѣ битвы, никого не будетъ. Кромѣ того, подумайте о соперничествѣ между различными національностями! Дѣло кончится тѣмъ, что несчастные солдаты будутъ умирать безъ всякой помощи“. И у каждаго нашлось бы свое разочарывающее возраженіе. Кто изъ насъ не слыхалъ подобнаго рода рѣчей!

И вотъ мы теперь знаемъ, что изъ этого вышло. Вездѣ, въ каждой странѣ, въ тысячахъ мѣстностей организовались общества Краснаго Креста, и когда вспыхнула война 1870-71 г., его добровольцы могли приняться за работу. Явились во множествѣ люди, — мужчины и женщины, которые предложили свои услуги; госпитали и перевязоч-

вочные пункты организовывались сотнями: цѣлые поѣзда перевозили все нужное для госпиталей: жизненные припасы, бѣлье, лѣкарства для раненныхъ. Англійскіе комитеты посылали даже цѣлые транспорты припасовъ, одежды, лопать, сѣмянъ для обсемененія полей, рабочій скотъ, — даже паровые плуги съ работавшими при нихъ людьми, чтобы помочь обрабатывать землю въ мѣстностяхъ, раззоренныхъ войною. Загляните только въ сочиненіе Густава Моннье „Красный крестъ“—и вы будете поражены размѣрами того, что было сдѣлано.

Что же касается до пророковъ, всегда готовыхъ отрицать въ другихъ людяхъ всякій здравый смыслъ и всякій умъ, и считающихъ только самихъ себя способными управлять міромъ по своему произволу, то ни одно изъ ихъ пророчествъ не сбылось.

Самоотверженіе добровольцевъ Краснаго Креста оказалось выше всякихъ похвалъ. Они стремились занять именно самые опасные пункты, и въ то время, какъ французскіе врачи, находившіеся на службѣ государства убѣгали при приближеніи пруссаковъ со всѣмъ своимъ штатомъ, — добровольцы Краснаго Креста продолжали свое дѣло подъ пулями, вынося всѣ грубости, какъ бисмарковскихъ, такъ и наполеоновскихъ офицеровъ и ухаживая одинаково за ранеными, къ какой бы національности они не принадлежали. Голландцы и итальянцы, шведы и бельгійцы, даже японцы и китайцы, отлично уживались между собою. Они размѣщали свои госпитали и амбулаторіи, смотря по надобности данной минуты, и если въ чемъ соперничали, то въ гигиеничности своихъ больницъ. Сколько французовъ, до сихъ поръ, еще вспоминаютъ съ чувствомъ глубокой благодарности о той заботливости, съ которою ухаживали за ними въ амбулаторіяхъ Краснаго Креста какая-нибудь сестра милосердія, голландка или нѣмка!

Но для сторонниковъ распространенія государственной власти все это не имѣетъ никакого значенія! Ихъ идеаль, это — полковой военный врачъ, состоящій на службѣ государства. И пусть пропадаетъ весь Красный Крестъ со всѣми его гигиеническими госпиталиями, разъ только его докторъ — добровольцы, а не чиновники!

Вотъ, слѣдовательно, передъ нами организація, недавно только возникшая и уже насчитывающая своихъ членовъ сотнями тысячъ, — организація, которая имѣетъ свои амбулаторіи, свои больницы, свои поѣзда, вырабатываетъ новые приемы для лѣченія ранъ, и которая зародилась, благодаря иниціативѣ нѣсколькихъ человѣчныхъ личностей.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что и государства, во всякомъ случаѣ, тоже приняли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое участіе. Это правда. Къ

сожалѣнію, государство уже наложило свою руку на „Красный Крестъ“, чтобы завладѣть имъ, сдѣлать изъ него чиновничій департаментъ. Центральные комитеты „Краснаго Креста“ состоятъ уже подъ предѣлательствомъ тѣхъ, кого лакеи зовутъ „принцами крови“, а мѣстные комитеты теперь уже пользуются покровительствомъ различныхъ губернаторовъ и генераловъ. Но развѣ отъ этого покровительства зависѣлъ успѣхъ организаціи во время франко-прусской войны? Опъ зависѣлъ отъ тысячи мѣстныхъ комитетовъ, въ каждой странѣ, отъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, отъ самоотверженія десятковъ тысячъ мужчинъ и женщинъ, стремившихся облегчить страданія жертвъ войны. И это самоотверженіе было бы еще сильнѣе, если бы государство вовсе не вмѣшивалось въ дѣло.

Во всякомъ случаѣ, не отъ распоряженій какого-нибудь центрального международнаго комитета зависѣло то, что въ 1871 году англичане и японцы, шведы и китайцы поспѣшили на помощь къ раненымъ. Не распоряженія какого-нибудь интернаціональнаго министерства заставляли выстраивать госпитали на занятой войсками территоріи и устраивать перевязочные пункты на поляхъ сраженія. Все это сдѣлалось благодаря почину добровольцевъ изъ каждой страны, которые, явившись на мѣсто войны, вовсе не сдѣлились между собою, какъ предсказывали якобинцы, а принялись за работу безъ всякаго различія національностей.

Мы можемъ, конечно, сожалѣть о томъ, что столько успѣій употреблено на такое дѣло и спросить, какъ спрашиваетъ ребенокъ въ стихотвореніи Виктора Гюго: „Зачѣмъ же ихъ ранять, если потомъ ихъ лѣчатъ?“ Стремясь уничтожить силу капитала и власть буржуазіи, мы тѣмъ самымъ работаемъ для прекращенія этихъ убійствъ, и намъ, конечно, было бы гораздо пріятнѣе, если бы добровольцы Краснаго Креста употребили свои силы, вмѣстѣ съ нами на то, чтобы уничтожить войны вообще.

Но мы должны все таки указать на эту огромную организацію, какъ на одно изъ доказательствъ плодотворныхъ результатовъ, достигаемыхъ свободнымъ соглашеніемъ и свободною взаимопомощью.

Если бы мы захотѣли искать примѣровъ даже въ искусствѣ истребленія людей, то и тутъ мы нашли бы ихъ. Достаточно будетъ указать на тѣ многочисленныя общества, которымъ нѣмецкая армія обязана, главнымъ образомъ, своей силой — силой, которая вовсе не зависитъ, какъ обыкновенно думаютъ, отъ одной дисциплины. Общества, имѣющія цѣлью распространеніе военныхъ знаній, чрезвычайно распространены въ Германіи, и на одинъ изъ послѣднихъ конгрессовъ нѣмецкаго военнаго союза (Kriegerbund) явились делегаты отъ 2452

обществъ, насчитывающихъ въ общемъ 151.712 членовъ и связанныхъ между собою въ одну федерацію.

Техническія знанія нѣмецкой арміи вырабатываются вовсе не въ казармахъ, а въ безчисленныхъ обществахъ стрѣлковъ, обществахъ для военныхъ и стратегическихъ игръ, для топографическихъ занятій и т. д. Это — цѣлая огромная сѣть всевозможныхъ обществъ, охватывающихъ военныхъ и штатскихъ, географовъ и гимнастовъ, охотниковъ и техниковъ, — обществъ самостоятельно возникающихъ, организуемыхъ, соединяющихся въ федераціи, обсуждающихъ интересующіе ихъ вопросы, устранивающихъ экскурсіи, съемки и изслѣдованія. Именно этимъ добровольнымъ, свободнымъ обществамъ обязана нѣмецкая армія своею умственной силою.

Эти общества преслѣдуютъ очень скверную цѣль — поддержаніе военной имперіи. Но въ настоящую минуту намъ важно лишь отмѣтить то, что само государство, для котораго организація военного дѣла составляетъ самую высшую цѣль, поняло, что это дѣло разовьется лучше, если оно будетъ предоставлено свободному соглашенію группъ и вольному почину отдѣльныхъ людей.

Въ настоящее время къ свободному соглашенію обращаются даже въ дѣлѣ войны: укажемъ, въ подтвержденіе этого, на триста тысячъ англійскихъ волонтеровъ, на англійскую національную артиллерійскую ассоціацію и на образующееся теперь общество для защиты англійскихъ береговъ — общество, которое, если оно создастся, окажется навѣрное гораздо болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ морское министерство съ его постоянно взлетающими на воздухъ броненосцами и гнущимися, какъ свинець, штыками.

Повсюду государство отказывается отъ своей привилегіи и уступаетъ свои „священныя“ функціи частнымъ лицамъ. Повсюду въ его область вторгается свободная организація. Указанные нами факты представляютъ собою, однако, лишь ничтожную долю того, что готовитъ намъ свободное соглашеніе въ будущемъ, когда государство перестанетъ существовать.

НѢКОТОРЫЯ ВОЗРАЖЕНІЯ.

Разберемъ теперь главныя возраженія противъ коммунизма. Большинство изъ ихъ зависитъ отъ простаго недоразумѣнія, но нѣкоторыя затрагиваютъ очень важныя вопросы и заслуживаютъ поэтому нашего полнаго вниманія.

Мы не будемъ возражать на аргументы, направленные противъ государственнаго коммунизма: мы сами признаемъ ихъ справедливость. Цивилизованнымъ націямъ пришлось слишкомъ много выстрадать въ борьбѣ за освобожденіе личности, чтобы онѣ могли отречься отъ своего прошлаго и примириться бы съ правительствомъ, вмѣшивающимся въ малѣйшія подробности жизни гражданъ — даже если бы это правительство не руководилось никакой другой цѣлью, кромѣ общаго блага. Если бы общество, основанное на государственномъ коммунизмѣ, когда нибудь возникло, оно не могло бы продержаться, и должно было бы, подъ вліяніемъ всеобщаго недовольства, или распасться, или перестопиться на началахъ свободы.

Мы займемся здѣсь анархическимъ коммунистическимъ обществомъ, т. е. обществомъ, которое признаетъ полную свободу личности, не создаетъ никакой власти и не прибѣгаетъ ни къ какому принужденію для того, чтобы заставить человѣка работать. Посмотримъ же, ограничиваясь экономической стороною вопроса, можетъ ли развиваться и продержаться такое общество — состоящее изъ людей такихъ, какими мы видимъ ихъ теперь: не лучшихъ и не худшихъ, ни болѣе и ни менѣ трудолюбивыхъ?

Мы знаемъ, что на это возражаютъ: „Если существованіе каждаго будетъ обезпечено, и необходимость зарабатывать себѣ хлѣбъ не будетъ вынуждать человѣка работать, то работать никто не станетъ. Всякій постарается взвалить работу на другого, если она не будетъ для него обязательна“. Замѣтимъ, во-первыхъ, какъ необдуманно это возраженіе: въ немъ совершенно упускается изъ виду, что весь вопросъ сводится здѣсь на сравненіе. А именно, — дѣйствительно ли наемный трудъ даетъ такіе плодотворные результаты, и не бываетъ ли уже и теперь добровольный трудъ болѣе производительнѣе, чѣмъ трудъ изъ-за задѣльной платы? Это — вопросъ, который требуетъ внимательнаго изученія; но въ то время какъ въ точныхъ на-

убахъ. даже гораздо менѣе важныя и сложныя вопросы рѣшаются лишь послѣ серьезнаго изслѣдованія фактовъ и ихъ взаимныхъ отношеній. — здѣсь, для того, чтобы высказать безапелляціонное рѣшеніе, люди довольствуются однимъ какимъ-нибудь фактомъ, напримѣръ неудачей какого-нибудь коммунистическаго обществія въ Америкѣ, не изучая даже дѣйствительныхъ причинъ неудачи. Они поступаютъ какъ адвокатъ, который видитъ въ защитникѣ противной стороны—не представителя другихъ интересовъ или взглядовъ, а простого соперника въ ораторскомъ состязаніи. Если удастся найти удачный отвѣтъ на возраженіе, то ему рѣшительно все равно, правъ ли онъ по существу дѣла, или нѣтъ. Вотъ почему изученіе того, что составляетъ самую основу политической экономіи, т. е. условий наиболѣе благоприятныхъ тому, чтобы общество получало наибольшее количество полезныхъ продуктовъ съ наименьшей затратой силъ, такъ медленно подвигается впередъ. Люди ограничиваются повтореніемъ общихъ мѣствъ или же просто отдѣлываются молчаніемъ на этотъ основной вопросъ.

Такое легкомысліе тѣмъ поразительнѣе, что даже въ капиталистической политической экономіи уже можно встрѣчать людей, высказывающихъ, подъ вліяніемъ силы фактовъ, нѣкоторое сомнѣніе въ той установленной основателями ихъ науки аксіомѣ, что боязнь голода составляетъ лучшее средство, чтобы понудить людей къ производительному труду. Они начинаютъ замѣчать, что въ производствѣ играетъ роль коллективный элементъ — работа сообща, — которую слишкомъ пренебрегали до сихъ поръ и которая играетъ, можетъ быть, гораздо большую роль, чѣмъ перспектива задѣльной платы. Низкое качество наемнаго труда, огромная трата человѣческихъ силъ во всемъ современномъ земледѣліи и во всей промышленности, все растущее число тунеядцевъ, старающихся въ настоящее время взвалить свою работу на плечи другихъ, все яснѣе и яснѣе обнаруживающееся отсутствіе жизни въ производствѣ — все это наводитъ раздумье даже на экономистовъ „классической“ школы. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ подумывать о томъ, не ошиблись ли они, построивъ все свое разсужденіе на воображаемомъ существѣ, преувеличенно дурномъ, которое руководится исключительно жаждой наживы или заработка? Эта ересь проникаетъ даже въ университеты и изрѣдка пробивается даже на страницахъ сочиненій правовѣрныхъ политико-экономовъ. Но все это не мѣшаетъ очень многимъ социалистическимъ реформаторамъ, оставаясь сторонниками личнаго вознагражденія за трудъ, — задѣльной платы — и они продолжаютъ защищать старую крѣпость наемнаго труда, хотя даже сами ея защитники уже сдаютъ свою крѣпость камень за камень.

И такъ, эти господа боятся, что народъ не будетъ работать, если только онъ не будетъ къ этому вынужденъ голодомъ. Но развѣ мы не слышали тѣхъ же опасеній уже два раза въ продолженіе жизни нашего поколѣнія: отъ американскихъ рабовладѣльцевъ передъ освобожденіемъ негровъ, и отъ русскихъ помѣщиковъ передъ освобожденіемъ крестьянъ? „Если надъ негромъ не стоять съ кнутомъ, онъ не будетъ работать“, говорили рабовладѣльцы. „Если за крестьяниномъ не смотрѣть, онъ оставитъ поля необработанными“, говорили русскіе крѣпостники. Эту старую пѣсню французскихъ дворянъ 1789 года, пѣсню средневѣковыхъ помѣщиковъ — пѣсню старую какъ мѣръ (ее пѣли уже при Фараонахъ) мы слышимъ всякій разъ, когда дѣло идетъ объ уничтоженіи какой-нибудь несправедливости въ человѣчествѣ. И всякій разъ, дѣйствительность блистательно опровергаетъ ее. Освобожденный крестьянинъ 1792 года работалъ съ такой энергіей, какой не знали его предки; освобожденные негры работаютъ больше, чѣмъ ихъ отцы, едва только они могутъ заполучить кусокъ земли; а русскій крестьянинъ, ознаменовавши медовый мѣсяцъ своего освобожденія празднованіемъ Святой Пятницы наравнѣ съ воскресеньемъ, принялся слѣдующимъ же лѣтомъ за работу, съ тѣмъ бѣльшимъ усердіемъ, чѣмъ полиће было его освобожденіе. Тамъ, гдѣ у него нѣтъ недостатка въ землѣ, онъ работаетъ буквально съ остервенѣніемъ. Эта рабовладѣльческая пѣсня можетъ имѣть значеніе только для самихъ рабовладѣльцевъ; что же касается рабовъ, то они отлично знаютъ ей цѣну и ради чего она поется.

Кромѣ того, кто же какъ не сами экономисты учили насъ, что, если наемный рабочій исполняетъ съ грѣхомъ пополамъ свою работу, то дѣйствительно напряженнаго и производительнаго труда можно ждать только отъ человѣка, который видитъ, что его собственное благосостояніе возрастаетъ по мѣрѣ его усилій? Вѣдь всѣ хвалебные гимны въ честь частной собственности сводятся именно къ этой аксіомѣ. Въ самомъ дѣлѣ: когда экономисты, стремясь доказать благотѣльность собственности, показываютъ намъ, какъ невоздѣланная земля — какое-нибудь болото или какая-нибудь каменистая почва — покрывается, орошаемая потомъ крестьянина-собственника, богатыми жатвами, они показываютъ какъ разъ противное своему вышеприведенному взгляду. Когда они утверждаютъ — что совершенно вѣрно, — что единственный способъ для экономной траты труда, это — если производитель владѣетъ ерудіями труда, то не доказываютъ ли они этимъ самымъ, что трудъ бываетъ дѣйствительно производителенъ только тогда, когда человѣкъ работаетъ совершенно свободно; когда онъ можетъ до известной степени самъ выбирать себѣ занятіе; когда

за нимъ нѣтъ стѣснительнаго надзора; и наконецъ, когда онъ знаетъ, что его трудомъ воспользуются онъ самъ и другіе, подобно ему трудящіеся люди, а не какой-нибудь тунеядецъ. Это — единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ ихъ словъ, — и съ этимъ выводомъ согласны и мы.

Что же касается до формы владѣнія орудіями труда, то въ ихъ разсужденіяхъ собственность представляется только какъ наилучшій путь для обезпеченія за земледѣльцемъ продуктовъ его труда и результатовъ вводимыхъ имъ улучшеній. Чтобы доказать однако, преимущество **личной частной собственности** передъ всякой другой формой владѣнія, экономисты должны были бы показать намъ, что при общинномъ землевладѣніи и трудъ земля никогда не даетъ такихъ обильныхъ урожаевъ, какъ при частномъ. Въ дѣйствительности же это не такъ; опытъ показываетъ противное.

Возьмите, напримѣръ, какую-нибудь общину Ваадтскаго кантона въ Швейцаріи, зимой, когда всѣ жители деревни отправляются рубить лѣсъ, принадлежащій имъ всѣмъ въ силу общиннаго владѣнія. Именно въ эти-то „праздники труда“ и проявляется наибольшее рвеніе къ работѣ, наибольшее напряженіе человѣческихъ силъ. Никакой наемный трудъ, точно такъ же какъ и никакія личныя усилія собственника, не могутъ сравниться съ нимъ.

Или возьмите русскую деревню, когда всѣ выходятъ косить лугъ, принадлежащій общинѣ, или же взятый міромъ въ аренду—и вы увидите, что **можетъ сдѣлать человѣкъ**, когда онъ работаетъ сообща для общаго дѣла. Косцы стараются другъ передъ другомъ захватить своей косою какъ можно большій кругъ; женщины поспѣваютъ за ними, спѣша перетряхивать накошенную траву. Это — настоящій праздникъ труда, во время котораго сто человѣкъ успѣваютъ въ нѣсколько часовъ больше, чѣмъ они сдѣлали бы въ нѣсколько дней, если бы каждый работалъ отдѣльно. **И** какое печальное зрѣлище представляетъ рядомъ съ этимъ трудъ одинокаго собственника!

Можно было бы указать, наконецъ, на тысячи другихъ примѣровъ въ жизни американскихъ пионеровъ, швейцарскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ деревень, русскихъ артелей каменьщиковъ, плотниковъ, перевозчиковъ, рыболововъ, которые прямо дѣлаютъ между собою получаемые продукты или вознагражденіе, не прибѣгая къ посредничеству подрядчиковъ. Можно было бы указать еще и на общую охоту кочевыхъ племенъ и на безчисленное множество другихъ, вполне успѣшныхъ общинныхъ предпріятій; повсюду мы увидали бы одно и то же: **безспорное превосходство общиннаго труда надъ трудомъ наемнымъ, или надъ трудомъ единичнаго собственника.**

Лучшимъ побужденіемъ къ труду всегда было благосостояніе, т. е. удовлетвореніе физическихъ, нравственныхъ и художественныхъ потребностей человѣка, и увѣренность въ возможности этого удовлетворенія. И въ то время какъ наемникъ едва производитъ то, что ему существенно необходимо произвести, свободный рабочій, который видитъ, что по мѣрѣ его усилій возможность благосостоянія и роскоши растетъ, и для него самого и для другихъ, — прилагаетъ гораздо больше ума и энергій и получаетъ прекрасные продукты въ несравненно большемъ изобиліи. Одинъ чувствуетъ себя на вѣки прикованнымъ къ нуждѣ; другой не можетъ разсчитывать въ будущемъ на досугъ и на всѣ связанныя съ нимъ удовольствія.

Въ этомъ лежитъ весь секретъ. И вотъ почему общество, которое поставитъ себѣ цѣлью общее благосостояніе и возможность для всѣхъ пользоваться жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, получить съ помощью добровольнаго труда несравненно лучшіе и гораздо болѣе обильные продукты, чѣмъ всѣ тѣ, которые получались до сихъ поръ въ производствѣ основанномъ на рабствѣ, барщинѣ и наемномъ трудѣ.

II.

Въ настоящее время всякій, кто только можетъ взвалить на другого необходимый для жизни трудъ, спѣшитъ это сдѣлать; потому многіе господа думаютъ, что такъ будетъ продолжаться вѣчно. Самый необходимый трудъ есть, главнымъ образомъ, трудъ ручной. Кто бы мы ни были — художники ли, ученые ли — никто изъ насъ не можетъ обойтись безъ предметовъ добытыхъ этимъ трудомъ: хлѣба, одежды, дорогъ, пароходовъ, освѣщенія, тепла и т. д. Мало того: какой бы высоко-художественный или утонченно-метафизическій характеръ не носили наши наслажденія, всѣ они безъ исключенія основаны на ручномъ трудѣ. И вотъ отъ этого то труда, лежащаго въ основѣ всей жизни, и старается всякій избавиться.

Это вполне понятно, и въ наше время такъ и быть должно. Заниматься физическимъ трудомъ значить теперь — быть запертымъ въ теченіе десяти или двѣнадцати часовъ въ день въ нездоровой мастерской и быть прикованнымъ къ одной и той же работѣ десять, тридцать лѣтъ — всю жизнь. Это значить — осудить себя на ничтожный заработокъ, на неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, на безработицу, очень часто — на нужду, еще чаще — на смерть въ больницѣ; и все это, послѣ того, какъ человѣкъ въ теченіе сорока или болѣе лѣтъ работалъ для прокормленія, одѣванія, развлеченія и обученія — не себя самого или своихъ дѣтей, а другихъ. Это значить — нести на себѣ

всю жизнь въ глазахъ людей печать низкаго уровня, и самому сознавать, что стоишь ниже другихъ, потому что — что бы ни говорили объ этомъ господа, восхваляющіе „мозолистую руку“ въ застольныхъ своихъ рѣчахъ — рабочаго, занимающагося ручнымъ трудомъ, всегда ставить ниже ученаго писателя, художника — хоть плохонькихъ. И дѣйствительно, человѣкъ, проработавшій десять часовъ въ мастерской, не имѣетъ ни времени, ни возможности доставлять себѣ высшія научныя и художественныя наслажденія; мало того, онъ не можетъ и подготовиться къ тому, чтобы цѣнить многія изъ нихъ, требующія подготовки; поневолѣ ему приходится, такимъ образомъ, довольствоваться крохами, падающими со стола привилегированныхъ сословій.

Мы вполне понимаемъ поэтому, что физическій трудъ, при такихъ условіяхъ, считается проклятіемъ судьбы; мы вполне понимаемъ, что всѣ мечтаютъ только объ одномъ: выйти самимъ, или вывести своихъ дѣтей, изъ этого униженнаго состоянія и создать себѣ „независимое“ положеніе, т. е. иными словами — жить самимъ на счетъ труда другихъ! И это будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать классъ людей, обреченныхъ на ручной трудъ, а рядомъ съ нимъ другой классъ, именующій себя „работниками мысли“ — классъ черно-рабочихъ и классъ бѣлоручекъ.

Какой, въ самомъ дѣлѣ интересъ можетъ представлять этотъ отупляющій трудъ для рабочаго, который заранѣе знаетъ, что отъ колыбели до могилы проживетъ онъ среди лишеній, бѣдности и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ? Когда видишь, что каждое утро громадное большинство людей принимается вновь за свой печальный трудъ, то остается только удивляться ихъ силѣ воли, ихъ вѣрности своей работѣ, ихъ привычкѣ, которая позволяетъ имъ, подобно пущенной въ ходъ машинѣ, вести изо дня въ день эту нищенскую жизнь, жизнь — безъ всякой надежды на завтрашній день, даже безъ всякаго, хотя бы смутнаго предвидѣнія, что если не они, то, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти войдутъ когда-нибудь въ составъ мыслящаго человѣчества; что хоть они наслаждаются сокровищами природы, всею прелестью знанія и творчества, научнаго и художественнаго, доступнаго теперь лишь ничтожному привилегированному меньшинству.

Именно для того, чтобы положить конецъ этому раздѣленію между умственнымъ и физическимъ трудомъ, мы и хотимъ уничтоженія наемнаго труда. Ради этого мы и стремимся къ соціальной революціи. Трудъ перестанетъ тогда быть проклятіемъ судьбы и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. свободнымъ правленіемъ всѣхъ человѣческихъ способностей.

Пора, наконецъ, подвергнуть серьезной критикѣ эту старую басню,

будто бы трудъ лучшаго качества получается изъ-подъ палки, изъ-за боязни потерять свой заработокъ. Стоитъ только посмотрѣть на любую фабрику или заводъ — не на тѣ образцовые заводы, которые можно изрѣдка встрѣтить кое-гдѣ — а на заводъ обыкновенный, такой какъ все, чтобы увидать ту странную, невѣроятную трату человеческихъ силъ, которой отличается вся современная промышленность. На одну, болѣе или менѣе разумно организованную фабрику приходится сто или даже больше такихъ, которыя тратятъ драгоценную силу человеческого труда — изъ-за того только, чтобы доставить хозяину на нѣсколько копѣекъ больше прибыли въ день — буквально на нѣсколько копѣекъ.

Вотъ, напримѣръ, передъ вами молодые парни, лѣтъ двадцати, двадцати пяти, сгняшіе цѣлые дни на скамьѣ, согнувшись, и лихорадочно встряхивающіе головой и всѣмъ тѣломъ, чтобы связывать, съ быстротой фокусниковъ, концы остатковъ бумажныхъ нитей, возвращающихся къ нимъ со станковъ на которыхъ ткуть кружева. Я просто съ ужасомъ отшатнулся, когда увидалъ эту ужасную картину на одной изъ большихъ фабрикъ въ Ноттингамѣ. За что губится такъ человеческая жизнь? За что люди, молодые, полные силъ, доводятся до этого позорнаго состоянія? — Буквально изъ-за грошей! Какое потомство оставить послѣ себя эти дрожащіе, остоцалые, полу-призрачные люди? Но... „они занимаютъ на фабрикѣ такъ мало мѣста, а между тѣмъ каждый изъ нихъ приносить мнѣ около двадцати копѣекъ, чистыхъ, въ день“, — отвѣчаетъ хозяинъ. „Они съ дѣтства стоятъ на этомъ“.

Въ другихъ мѣстахъ, — напримѣръ въ одной изъ громадныхъ лондонскихъ спичечныхъ фабрикъ, — которая и патріотизмъ эксплуатируетъ въ своихъ объявленіяхъ — „мы, дескать, покровители національнаго труда“ — вы видите молодыхъ дѣвушекъ, ставшихъ лысыми въ семнадцать лѣтъ оттого, что онѣ на головѣ носятъ изъ одной залы въ другую подносы со спичками, — между тѣмъ какъ самая простая машина могла бы подвозить эти спички къ ихъ столамъ. Но... „трудъ женщинъ, не имѣющихъ опредѣленнаго ремесла, такъ дешевъ! Къ чему тутъ машина! Когда эти женщины не смогутъ больше работать, ихъ такъ легко будетъ замѣнить, — ихъ столько толчется на улицѣ!“

На крыльцѣ богатаго дома въ Брайтонѣ, въ Ньюкастлѣ, вы увидите въ холодную зимнюю ночь ребенка, уснувшаго съ пакетомъ газетъ въ рукахъ. Снѣгъ и слякоть бьютъ на его рубище... Въ Ньюкастлѣ онъ ходитъ босоногій. — Но... „дѣтскій трудъ такъ дешевъ! Вѣдь если онъ продастъ двѣ дюжины нумеровъ, онъ принесетъ мнѣ шиллингъ (полтинникъ), и самъ заработаетъ восемь копѣекъ“ — го-

ворять вамъ. — „У нихъ въ семьѣ и восемь копѣекъ деньги“. — Восемь копѣекъ, вмѣсто того, чтобы обучить его полезному ремеслу!..

Или вотъ здоровый и крѣпкій человѣкъ ходитъ безъ дѣла — никому онъ не нуженъ, — а его дочь чахнетъ и гибнетъ въ ашпретурной, гдѣ держать температуру русской бани, чтобы покрывать бумажную рѣднину густою смазкой и продавать ее потомъ за плотную матерію, а сынъ накладываетъ ваксу въ жестянки, тогда какъ самая пустяшная машина сдѣлала бы это въ десять разъ лучше, и въ сто разъ быстрѣе..

И такъ оно идетъ повсюду, отъ Санъ-Франциско до Москвы и отъ Неаполя до Стокгольма. Безполезная, ненужная, глупая трата человѣческихъ силъ составляетъ преобладающую, отличительную черту нашей промышленности, — не говоря уже о торговлѣ, гдѣ она достигаетъ еще болѣе колоссальныхъ размѣровъ.

Какая горькая насмѣшка звучитъ въ самомъ названіи политической экономіи! Вѣдь это — наука о безполезной тратѣ силъ при системѣ наемнаго труда!

И это еще не все. Поговорите съ директоромъ какой-нибудь благоустроенной фабрики. Онъ непременно начнетъ плакаться передъ вами, самымъ наивнымъ образомъ, о томъ, какъ трудно найти въ настоящее время умѣлаго, сильнаго и энергичнаго рабочаго, который бы отдавался своей работѣ съ увлеченіемъ. „Если бы среди тѣхъ двадцати или тридцати человѣкъ, которые приходятъ къ намъ каждый понедѣльникъ просить работы, нашелся бы хоть одинъ такой“, скажетъ онъ вамъ, „то онъ былъ бы навѣрное принятъ, даже если бы вообще мы въ это время уменьшали число своихъ рабочихъ. Такого рабочаго всегда можно узнать съ перваго взгляда и его вездѣ примутъ; впоследствии, всегда можно будетъ отдѣлаться отъ лишняго рабочаго — какого-нибудь старика, или человѣка менѣе умѣлаго“. И вотъ человѣкъ, лишившійся такимъ образомъ работы, — какъ и всѣ другіе, которые завтра окажутся въ такомъ же положеніи, — вступаетъ въ огромную запасную армію капитала: въ ряды „рабочихъ безъ работы“, которыхъ призываютъ къ машинамъ и станкамъ только въ моменты спѣшныхъ заказовъ, или въ случаѣ, если нужно сломить сопротивленіе стачечниковъ. Или же онъ попадаетъ въ ту громадную армію пожилыхъ или посредственныхъ рабочихъ, которая околачивается около второстепенныхъ, плохонькихъ фабрикъ и заводовъ — тѣхъ, которые едва-едва покрываютъ свои расходы и держатся только всевозможными урѣзываньями рабочей платы и обманомъ покупателей, особенно въ далекихъ странахъ.

Если, затѣмъ, вы поговорите съ рабочимъ, то вы узнаете, что въ англійскихъ мастерскихъ и фабрикахъ принято рабочими за прави-

ло, — никогда не производить всей той работы, на которую онъ способенъ. Горе тому рабочему, который не послушается этого совѣта своихъ товарищей, получаемаго при поступленіи! Въ самомъ дѣлѣ, рабочіе отлично знаютъ, что если они въ моментъ великодушія уступить настояніямъ хозяина и согласятся работать болѣе энергично ради исполненія какихъ-нибудь срѣзныхъ заказовъ, то эта напряженная работа будетъ впоследствии всегда требоваться съ нихъ при установленіи размѣровъ задѣльной платы. Въ силу этого, на девяти фабрикахъ изъ десяти, они предпочитаютъ никогда не производить столько, сколько они способны произвести. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе ограничиваютъ производство, чтобы удержать цѣну на производимый ими товаръ на извѣстной высотѣ; въ другихъ же прямо передаютъ другъ другу нарочь: *go sanny* („полегоньку“)! „За плохую плату — плохая работа“.

Наемный трудъ — трудъ подневольный, который не можетъ и не долженъ давать всего того, на что онъ способенъ. Пора уже покончить съ этой сказкой о заработной платѣ, какъ лучшемъ средствѣ для полученія производительнаго труда. Если промышленность даетъ въ наше время во сто разъ больше чѣмъ во времена нашихъ дѣдовъ, то мы обязаны этимъ быстрому развитію физики и химіи въ концѣ прошлаго вѣка; это произошло, не благодаря капиталистической системѣ наемнаго труда, а **несмотря на нее.**

III.

Тѣ, кто серьезно занимался изученіемъ этого вопроса, не отрицаютъ всѣхъ преимуществъ коммунизма — при условіи, конечно, если это будетъ коммунизмъ совершенно свободный, т. е. анархическій. Они признаютъ что трудъ, оплачиваемый деньгами — даже если эти деньги облекутся въ форму „рабочихъ чековъ“ — и производимый въ рабочихъ ассоціацияхъ, находящихся подъ руководствомъ государства, будетъ все-таки нести на себѣ печать труда наемнаго и сохранить всѣ его недостатки. Они признаютъ, что въ концѣ концовъ это дурно отзовется и на всемъ порядкѣ вещей, даже въ томъ случаѣ, если общество станетъ обладателемъ средствъ производства. Они соглашаются и съ тѣмъ, что при всестороннемъ образованіи, которое станетъ доступнымъ для всѣхъ дѣтей, при привычкѣ къ труду, существующей въ цивилизованныхъ обществахъ, при свободѣ въ выборѣ и перемѣнѣ рода занятій и при той привлекательности, которою обладаетъ трудъ обща, равныхъ между собою людей, на общую пользу, коммунистическое общество не будетъ чувствовать недостатка въ производителе-

ляхъ, и что эти производители скоро увеличатъ вдвое и втрое плодородіе почвы и дадутъ промышленности сильный толчекъ.

Въ этомъ наши противники съ нами согласны; „но вся опасность говорятъ они, лежитъ въ томъ меньшинствѣ лѣнтяевъ, которые не хотятъ работать, несмотря на прекрасныя условія, которыя сдѣлаютъ трудъ пріятнымъ, или-же будутъ работать неправильно и безпорочно. Въ настоящее время перспектива голода заставляетъ даже самыхъ упорныхъ не отставать отъ другихъ; рабочій, не приходящій на работу во-время, скоро теряетъ мѣсто. Но паршивая овца и стадо портитъ и — достаточно трехъ или четырехъ небрежныхъ и упрямыхъ рабочихъ, чтобы совратить всѣхъ остальныхъ и внести ихъ средѹ духъ безпорядка и возмущенія, который сдѣлаетъ работу невозможной; въ концѣ концовъ придется, такимъ образомъ, прибѣгнуть къ системѣ принужденія, которая заставила бы такихъ зачинщиковъ ступешаваться. И тогда окажется, что единственная система, которая даетъ возможность оказывать такое давленіе, не оскорбляя въ то же время чувствъ рабочаго, есть система вознагражденія сообразно исполненному труду. Всякое другое средство потребовало бы постоянного вмѣшательства власти, которое для свободнаго человѣка быстросдѣлалось бы нестерпимымъ“.

Таково противопоставляемое намъ возраженіе — какъ мы делаемъ, во всей его силѣ.

Оно, какъ читатель видитъ, входитъ въ разрядъ тѣхъ доходовъ, которыми стараются оправдать существованіе государства, уголовного закона, судей и тюремщиковъ.

„Въ виду того, что есть люди — значительное меньшинство, которые не хотятъ подчиняться привычкамъ общежитія“, говоря намъ сторонники существованія власти, „приходится сохранить государство, какъ бы дорого оно намъ не обходилось, приходится сохранить и власть, и судъ, и тюрьму, несмотря на то, что эти учрежденія становятся сами источниками всевозможныхъ новыхъ золъ“.

Мы могли бы ограничиться тѣмъ отвѣтомъ, который мы много разъ уже давали на вопросъ о власти вообще: „чтобы избѣгнуть возможности зла, — говоримъ мы — вы прибѣгаете къ средству, которое само по себѣ составляетъ зло еще большее, и которое становится источникомъ тѣхъ самыхъ злоупотребленій, которыя вы хотите устранить. Не забывайте, что именно существованіе наемнаго труда, т. е. невозможность жить иначе, какъ продавая свою рабочую силу, создаетъ современный капиталистическій строй. Недостатки котораго вы начинаете признавать“.

Мы могли бы замѣтить, кромѣ того, что разсужденіе нашихъ противниковъ есть въ сущности ничто иное какъ защита существующаго порядка. Современный наемный трудъ вовсе не былъ созданъ ради устранения неудобствъ коммунизма. Его происхожденіе, какъ и происхожденіе государства и собственности, совершенно иное. Этого рода аргументы имѣютъ, поэтому, не больше значенія чѣмъ тѣ, которыми стараются оправдать существованіе собственности и государства. Мы разберемъ, тѣмъ не менѣе, это возраженіе и посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть справедливо.

Во первыхъ, если бы даже обществу, основанному на принципѣ свободнаго труда, дѣйствительно угрожала опасность со стороны ту-неядцевъ, оно могло бы, несомнѣнно, защититься отъ нихъ, не прибѣгая ни къ власти, ни къ наемному труду. Представимъ себѣ группу изъ нѣсколькихъ добровольцевъ, соединившихся для какого-нибудь общаго дѣла и ревностно работающихъ для него, — за исключеніемъ одного члена, часто пренебрегающаго своими обязанностями. Неужели они изъ-за него распускаютъ всю группу, или выберутъ какого-нибудь предсѣдателя, который будетъ налагать штрафы, или, наконецъ, заведутъ, какъ въ французской академіи наукъ, жетоны для раздачи присутствующимъ членамъ, по которымъ потомъ получаютъ плату? Нѣтъ сомнѣнія, что они не сдѣлаютъ ни того, ни другого, а просто скажутъ какъ-нибудь тому товарищу, поведеніе котораго грозитъ благополучному ходу дѣла: — „Другъ мой, мы очень охотно работали бы съ тобою вмѣстѣ, но такъ какъ ты часто не исполняешь своихъ обязанностей и относишься къ дѣлу небрежно, то намъ приходится разстаться. Ищи себѣ другихъ товарищей, которые бы примирились съ твоей небрежностью!“

Это — такое естественное средство, что къ нему и теперь прибѣгаютъ повсюду, и во всѣхъ отрасляхъ промышленности оно успѣшно конкурируетъ съ всевозможными штрафами, вычетами и мѣрами надзора. Рабочій можетъ являться на работу въ положенный часъ, но если онъ работаетъ плохо, если своею небрежностью или другими недостатками онъ мѣшаетъ товарищамъ, если онъ съ ними ссорится, — его выживаютъ изъ мастерской. Обыкновенно, люди мало знакомые съ дѣломъ, думаютъ, что доброкачественность труда на фабрикахъ поддерживается всевѣдущимъ хозяиномъ и его надсмотрщиками; въ дѣйствительности же, во всякомъ болѣе или менѣе сложномъ учрежденіи, вездѣ, гдѣ товаръ долженъ, прежде чѣмъ быть законченнымъ, пройти черезъ нѣсколько рукъ, необходимыя условія труда поддерживаются самими рабочими. Вотъ почему на лучшихъ англійскихъ частныхъ заводахъ такъ мало надсмотрщиковъ — несравненно меньше,

въ общемъ, чѣмъ на заводахъ французскихъ, и несравненно меньше чѣмъ на тѣхъ англійскихъ заводахъ, которые принадлежатъ государству.

Здѣсь происходитъ то же самое, что и въ дѣлѣ поддержанія и обществѣ извѣстнаго нравственнаго уровня. Обыкновенно думаютъ, что онъ поддерживается, благодаря судьямъ и полиціи, тогда какъ въ дѣйствительности онъ существуетъ, **несмотря** на ихъ присутствіе. „Чѣмъ больше законовъ, тѣмъ больше преступленій“, говорили люди еще задолго до насъ.

И такой приемъ практикуется не только въ промышленныхъ учрежденіяхъ, но повсюду и постоянно, и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что только одни книгоѣды могутъ выражать сомнѣнія на этотъ счетъ. Когда какая-нибудь желѣзнодорожная компанія, входящая въ союзъ нѣсколькихъ компаній, нарушаетъ свои обязательства, когда она опаздываетъ со своими поѣздами и допускаетъ, чтобы товары заложивались на станціяхъ, остальные компаніи грозятъ порвать съ нею контрактъ, и этой угрозы обыкновенно бываетъ достаточно. Обыкновенно думаютъ — или, по крайней мѣрѣ, говорятъ — что если въ торговыхъ дѣлахъ люди большею частью исполняютъ свои обязательства, то это только благодаря боязни суда; но въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, коммерсантъ, который нарушитъ данное имъ слово, вовсе не рискуетъ попастьъ подъ судъ. Въ особенно дѣятельныхъ торговыхъ центрахъ, какъ напримеръ въ Лондонѣ, уже одного того факта, что приходится обращаться въ судъ, достаточно для огромнаго большинства купцовъ, чтобы не имѣть больше никакихъ дѣловыхъ отношеній съ человѣкомъ, который ихъ принудилъ къ этому.

Почему же то, что дѣлается въ настоящее время между товарщиками по работѣ, между купцами и между желѣзнодорожными компаніями, оказалось бы невозможнымъ въ обществѣ, основанномъ на добровольномъ трудѣ?

Коммунистическая Община смѣло могла бы поставить своимъ членамъ хотя бы слѣдующее условіе: „Мы готовы обезпечить вамъ пользование нашими домами, магазинами, улицами, средствами передвиженія, школами, музеями и т. д., съ условіемъ, чтобы отъ двадцати до сорока-пяти или пятидесяти лѣтъ вы посвящали бы четыре или пять часовъ въ день труду, необходимому для жизни. Выберите сами, если хотите, тѣ группы, къ которымъ вы желали бы присоединиться, или составьте какую-нибудь новую группу, лишь бы только она взяла на себя производство предметовъ, признанныхъ нами необходимыми. Что же касается остального времени, то соединяйтесь съ кѣмъ угодно

для какихъ угодно удовольствій, для какихъ угодно наслажденій искусствомъ или наукой.

„Все, чего мы требуемъ отъ васъ это — тысячу двѣсти или тысячу пятьсотъ часовъ въ годъ работы, въ одной изъ группъ производящихъ пищевые продукты, одежду, жилища, или занимающихся общественной гигиеной, средствами передвиженія и проч. — взаменъ чего мы обеспечиваемъ вамъ пользованіе всѣмъ, что производится, или уже произведено этими группами. Но если — по какимъ бы то ни было причинамъ — ни одна изъ тысячъ группъ нашей общины не захочетъ васъ принять, если вы совершенно неспособны ни къ какому полезному труду, или же отказываетесь отъ него — тогда вамъ остается только жить особнякомъ, или такъ, какъ живутъ у насъ больные, т. е. на счетъ общины. Если мы окажемся на столько богатыми, чтобы дать вамъ все необходимое, то мы съ удовольствіемъ сдѣлаемъ это: вы — человѣкъ и имѣете право на существованіе. Но разъ вы сами ставите себя въ исключительное положеніе и выходите изъ рядовъ своихъ согражданъ, то это, по всей вѣроятности, отзовется и на вашихъ отношеніяхъ съ ними. На васъ будутъ смотрѣть, какъ на пришельца изъ другого міра — изъ буржуазнаго общества; развѣ только какіе-нибудь друзья, которые признаютъ васъ гениемъ, поспѣшатъ снять съ васъ всякое нравственное обязательство, взявъ на себя исполненіе вашей доли необходимаго для жизни труда.

„Если, наконецъ, вамъ все это не нравится, ищите себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ иныхъ условій жизни, или найдите себѣ товарищей и создайте новую общину, основанную на новыхъ началахъ. Что же касается до насъ, то мы предпочитаемъ наши“.

Вотъ какъ могло бы поступить коммунистическое общество, если бы число тунеядцевъ сдѣлалось въ немъ такъ велико, что отъ нихъ пришлось бы защищаться.

IV.

Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы эта опасность грозила обществу, дѣйствительно основанному на полной свободѣ личности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то поощреніе лѣности, которое создается теперь частной собственностью, дѣйствительно лѣнливые люди, если только они не больные, встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Въ рабочей средѣ очень часто говорится, что буржуа — бездѣльники: такіе дѣйствительно бываютъ, но въ сущности они являются исключеніемъ. Напротивъ, въ каждомъ промышленномъ предпріятіи

всегда можно найти одного или нѣсколькихъ буржуа, которые очень много работаютъ. Правда, что они въ большинствѣ случаевъ пользуются своимъ привилегированнымъ положеніемъ для того, чтобы взять на себя наименѣе тяжелую работу и окружаютъ себя такими благопріятными условіями въ отношеніи питанія, хорошаго воздуха и т. д., что работа не является для нихъ особенно утомительной. Но вѣдь это — именно тѣ условія труда, которыхъ мы требуемъ для **всѣхъ** рабочихъ безъ исключенія. Правда, что благодаря ихъ привилегированному положенію, богатые часто занимаются трудомъ совершенно бесполезнымъ или даже вреднымъ для общества. Императоры, министры, директора департаментовъ, директора различныхъ фабрикъ, купцы, банкиры и проч. — всѣ они принуждаютъ себя продѣлывать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ день работу, которую они находятъ болѣе или менѣе непріятной: каждый изъ нихъ предпочитаетъ свои часы досуга этому обязательному дѣлу. И если въ большинствѣ случаевъ эта работа оказывается вредной, то вѣдь для нихъ она не дѣлается отъ этого менѣе утомительной. Если буржуазіи удалось побѣдить помѣщичье дворянство, если ей до сихъ поръ удается владычествовать надъ массою народа, то этимъ она обязана именно той энергіи, съ которой она дѣлаетъ (сознательно или безсознательно) свое вредное дѣло и защищаетъ свое привилегированное положеніе. Если бы буржуа были дѣйствительно бездѣльниками, то они давно уже перестали бы существовать, давно исчезли бы, какъ исчезли дворянчики въ камзолахъ и на красныхъ каблукѣхъ.

Въ обществѣ, которое потребовало бы отъ нихъ всего четыре или пять часовъ въ день полезнаго, пріятнаго и гигіенично обставленнаго труда, они, теперешніе буржуа, несомнѣнно исполнили бы это, и несомнѣнно не стали бы работать въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ благодаря имъ, порисходитъ работа теперь. Если бы Пастёру или Тиндаллю довелось провести хотя бы пять часовъ на чисткѣ водосточныхъ трубъ, то они навѣрное нашли бы способъ измѣнить обстановку этой работы такъ, чтобы она была нисколько не непріятнѣе работы въ химической или бактериологической лабораторіи.

Что же касается лѣности огромнаго большинства рабочихъ, то объ этомъ могутъ говорить только политико-экономы или филантропы. Поговорите объ этомъ съ какимъ-нибудь умнымъ предпринимателемъ, — и онъ вамъ скажетъ, что если бы рабочіе забрали себѣ въ голову лѣниться, то оставалось бы только закрыть всѣ фабрики. Никакія строгія мѣры, никакая система шпіонства и штрафовъ не могли бы помочь дѣлу. Нужно было видѣть въ какой ужасъ пришли англійскіе промышленники, когда нѣкоторые агитаторы начали проповѣдывать

теорію го саму, т. е. „за плохую плату — плохой труд; работайте себѣ по легоньку, не утруждайте себя и портите все, что только возможно“. „Это — деморализація рабочаго, это — убійство нашей промышленности!“ кричали тѣ самые люди, которые раньше гремѣли противъ безнравственности рабочихъ и дурного качества ихъ труда. Если бы рабочій въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, чѣмъ изображаютъ его экономисты, т. е. лѣнтяемъ, которому нужно постоянно грозить лишеніемъ работы, то какой смыслъ имѣло бы это самое слово „деморализація“?

Итакъ, когда говорятъ о возможности тунеядства, нужно всегда имѣть въ виду, что рѣчь идетъ лишь о меньшинствѣ, о незначительномъ меньшинствѣ всего общества. И прежде чѣмъ записаться изданіемъ законовъ для этого меньшинства, не лучше ли выяснитъ себѣ самое его происхождение?

Всякій человекъ, умѣющій наблюдать, очень хорошо знаетъ, что часто ребенокъ, котораго въ школѣ считаютъ лѣнливымъ, просто плохо понимаетъ то, что ему плохо объясняютъ. Очень часто также это зависитъ отъ анеміи мозга — результата бѣдности и нездороваго воспитанія. Иной мальчикъ, лѣнливый въ изученіи латыни и греческаго языка, работалъ бы, можетъ быть, какъ волъ, если бы его учили естественнымъ наукамъ, въ особенности при посредствѣ ручного труда. Иная дѣвочка, считающаяся неспособной къ математикѣ, становится самой лучшей ученицей по математикѣ, въ своемъ классѣ, если ей удастся напасть на кого-нибудь, кто сумѣлъ схватить и объяснить ей то, что казалось ей непонятнымъ въ основахъ арифметики. Иной рабочій, небрежный къ своему фабричному труду, копаетъ свой садикъ съ самаго разсвѣта и до позднихъ сумерекъ, когда онъ можетъ работать на волъ, на открытомъ воздухѣ.

Кто-то сказалъ, что пыль — это ничто иное, какъ частицы вещества, попавшія не на свое мѣсто. То же опредѣленіе приложимо въ девяти случаяхъ изъ десяти и къ тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ лѣнливыми. Это — люди, попавшіе на такой путь, который не соответствуетъ ни ихъ характеру, ни ихъ способностямъ. Читая біографіи великихъ людей, положительно удивляешься, сколько среди нихъ оказывается „лѣнтяевъ“. Они были „лѣнтяями“, пока не попали на свой настоящій путь, и, наоборотъ, сдѣлались крайне трудолюбивыми съ тѣхъ поръ. Дарвинъ, Стефенсонъ и многіе другіе принадлежали къ числу такихъ лѣнтяевъ.

Очень часто лѣнтяемъ является человекъ, которому противно выдѣлывать всю жизнь какую-нибудь восемнадцатую долю булавки, или сотую долю карманныхъ часовъ, въ то время какъ онъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ энергіи, которую хотѣлъ бы приложить въ иной

области. Часто бывает также, что это — человек, котораго возмущает мысль, что онъ долженъ оставаться всю жизнь прикованнымъ къ своему станку и работать для того, чтобы его хозяинъ могъ пользоваться всевозможными удовольствіями, когда онъ знаетъ, что онъ нисколько не глупѣе его, и что единственная его мина заключается въ томъ, что онъ родился на свѣтъ не въ замкѣ, а въ хижинѣ.

Очень значительное число „лѣнтяевъ“, наконецъ потому лѣнтяи, что не знаютъ хорошо того ремесла, которымъ они должны зарабатывать себѣ пропитаніе. Они видятъ все несовершенство выходящей изъ ихъ рукъ работы, тщетно стараются сдѣлать ее лучше и, убѣдившись, что имъ это никогда не удастся, благодаря приобретеннымъ уже раньше плохимъ приемамъ въ работѣ, начинаютъ ненавидѣть свое ремесло; а такъ какъ они не знаютъ никакого другого, — то съ нимъ вмѣстѣ и всякій трудъ вообще. Множество рабочихъ и неудачниковъ артистовъ находится именно въ такомъ положеніи.

Напротивъ того, человекъ, который съ дѣтства привыкъ хорошо играть на рояли, хорошо владѣть рубанкомъ, рѣзцомъ, кистью или напильникомъ, такъ чтобы чувствовать, что то, что выходитъ изъ его рукъ красиво, никогда не броситъ ни рояли, ни рѣзца, ни напильника. Онъ будетъ находить въ своей работѣ удовольствіе, и она будетъ казаться ему утомительной — если конечно не будутъ заставлять его работать до полного утомленія.

Такимъ образомъ, подъ общимъ названіемъ лѣни, обозначаютъ, въ сущности, цѣлый рядъ послѣдствій разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ каждая могла бы сдѣлаться источникомъ пользы для общества, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ зла. Какъ и въ вопросѣ о преступности, какъ вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся человѣческихъ способностей, здѣсь сваливаютъ въ кучу явленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Люди употребляютъ слова „лѣнь“ и „преступленіе“, не давши себѣ труда разобраться въ ихъ причинахъ, а затѣмъ спѣшатъ наказывать, не задавъ себѣ вопроса о томъ, не составляетъ ли самое наказаніе именно поощренія этой „лѣни“ или этого „преступленія“ *).

Вотъ почему, если бы въ свободномъ обществѣ начало возрастать число тунеядцевъ, то общество, вѣроятно, постаралось бы прежде всего отыскать причины ихъ лѣни и попыталось бы ихъ устранить, прежде чѣмъ прибѣгать къ какимъ бы то ни было карательнымъ мѣрамъ. Вотъ передъ нами, напримѣръ, простой случай малокровія, — какъ тотъ, о

*) См. нашу брошюру о тюрьмахъ („Les prisons“, Парижъ, 1889).

которомъ мы говорили выше. Прежде чѣмъ набивать голову реебнѣа знаніями, дайте ему крови; укрѣните его, а чтобы онъ не терялъ времени, отправьтесь съ нимъ въ деревню или куда-нибудь на берегъ моря. Тамъ начните учить его геометрію на открытомъ воздухѣ — не по книжкамъ, а измѣряя съ нимъ вмѣстѣ разстояніе до ближайшей скалы; учите естественной исторіи, собирая цвѣты и ловя рыбу, физикѣ — помогая стропть ту лодку, на которой онъ поѣдетъ на рыбную ловлю. Но прежде всего, — не набивайте его мозгъ пустыми фразами и древними языкамъ: не дѣлайте изъ него лѣнтяя!“

Другой ребенокъ, напримѣръ, не привыкъ къ порядку и правильности въ работѣ; противъ этого есть одно средство, — чтобы дѣти сами вырабатывали, другъ въ другѣ эту привычку: чтобы сама жизнь школы помогала этому. Впослѣдствіи, когда этому ребенку придется работать въ лабораторіи или въ мастерской — вообще въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ нужно имѣть дѣло съ разнообразными приборами и инструментами, — это приучитъ его къ извѣстнымъ приѣмамъ порядка. Только не дѣлайте вы изъ него сами безпорядочнаго человѣка вашей школой, въ которой порядокъ выражается лишь въ правильномъ расположеніи скамеекъ, а самое преподаваніе представляетъ собою настоящей хаосъ, который никому не можетъ внушить любви къ гармоніи, послѣдовательности и методичности въ трудѣ.

Неужели вы не видите, что съ вашими методами преподаванія, выработанными министерствомъ сразу для милліоновъ учениковъ, представляющихъ собою столько же милліоновъ различныхъ способностей, вы только навязываете имъ всѣмъ систему, годную для посредственной, и созданную посредственностями. Ваша школа становится школой лѣни, точно такъ же какъ ваши тюрьмы представляютъ школы преступности. Сдѣлайте же школу свободной, уничтожьте всѣ ваши ученыя стени, обратитесь къ добровольцамъ въ дѣлѣ преподаванія — сдѣлайте все это, прежде чѣмъ изобрѣтать противъ лѣни законы, которые послужатъ только къ тому, чтобы заключить лѣнь въ установленныя рамки.

Дайте рабочему, которому противно выдѣлывать всю жизнь ничтожную часть какой-нибудь булавки, котораго тоска беретъ около своей мишны и въ концѣ концовъ становится ненавистью, — дайте ему возможность обрабатывать землю, рубить деревья въ лѣсу, бороться съ бурей на морѣ, нестись въ пространствѣ на локомотивѣ. Но не дѣлайте сами изъ него лѣнтяя, заставляя его всю свою жизнь наблюдать за машиной, оттачивающей какой-нибудь кончикъ винта или продѣлывающей ушко въ иголкѣ!

Уничтожьте сперва причины, которыя создают лѣнтяевъ — и поверьте, что людей, дѣйствительно ненавидящихъ трудъ, особенно трудъ добровольный, почти не останется, и что для рѣшенія вопроса о нихъ совершенно не нужно будетъ ни вашего арсенала законовъ, ни вашей задѣльной платы съ угрозою голода.

НАЕМНЫЙ ТРУДЪ ВЪ КОЛЛЕКТИВИСТСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Въ своихъ планахъ перестройки общества, коллективисты впадаютъ, по нашему мнѣнію, въ двоякую ошибку: они хотятъ уничтоженія капиталистическаго строя, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся сохранить тѣ два учрежденія, которыя составляютъ самую его подкладку: представительное правленіе и наемный трудъ.

Что касается такъ-называемаго представительнаго правленія, то намъ часто приходилось уже говорить о немъ*). Для насъ остается совершенно непонятнымъ, какъ могутъ умные люди — а въ таковыхъ нѣтъ недостатка въ коллективистской партіи — оставаться сторонниками національных и городскихъ парламентовъ, послѣ всѣхъ тѣхъ уроковъ, которые намъ дала въ этомъ отношеніи исторія, — и во Франціи, и въ Англии, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Мы видимъ, что повсюду парламентаризмъ приходитъ въ упадокъ, и что повсюду поднимается критика — не только примѣненій этой системы, но и самыхъ основныхъ ея положеній; какимъ же образомъ могутъ социалисты-революціонеры защищать этотъ, осужденный на смерть образъ правленія?

Выработанное буржуазіей, съ одной стороны — для противодѣйствія королевской власти, а съ другой — съ цѣлью расширенія и упроченія своего господства надъ рабочими, представительное правленіе является въ исторіи политической формою, по преимуществу буржуазнаго строя. Защитники этой системы никогда и не утверждали серьезно, чтобы парламентъ или городской совѣтъ дѣйствительно представлялъ собою націю или городъ: наиболѣе умные изъ нихъ знаютъ, что это — невозможно. Представительное правленіе просто послужило буржуазіи для того, чтобы воздвигнуть плотину противъ захватовъ королевской власти — не давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободы народу. Но по мѣрѣ того, какъ народъ все лучше сознаетъ свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и разнообразіе самихъ интересовъ,

*) См. между прочимъ „Распаденіе Современнаго Строя“.

эта система оказывается негодной. Потому-то демократы всѣхъ странъ и занимаются теперь тщетными поисками за различными подправками: пробуютъ, въ Швейцаріи, всенародное голосованіе законовъ (referendum), и находятъ, что оно тоже нигдѣ не годится; говорятъ въ Бельгійи о пропорціональномъ представительствѣ, или о представительствѣ меньшинства, т. е. опять-таки о разныхъ парламентскихъ утопіяхъ, — однимъ словомъ, ищутъ того, чего найти нельзя. Въ концѣ-концовъ имъ приходится, все таки, признаться, что они пошли по ложному пути, и вѣра въ представительное правленіе все болѣе и болѣе подрывается въ народѣ.

То же самое происходитъ и съ наемнымъ трудомъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ мы провозгласили необходимость уничтоженія частной собственности и коллективное владѣніе орудіями труда, — требовать въ той или иной формѣ, сохраненія системы наемнаго труда? А между тѣмъ, проповѣдуя рабочіе чеки, коллективисты поступаютъ именно такъ.

Что эту систему предлагали англійскіе социалисты въ началѣ вѣка (Робертъ Оуэнъ) — вполне понятно: они въ то время, хотѣли примирить трудъ съ капиталомъ и отказывались отъ всякой мысли нарушить насильственнымъ путемъ собственность капиталистовъ. Понятно и то, что эту мысль принялъ впоследствии Прудонъ: въ своей системѣ взаимнаго кредита онъ стремился сдѣлать капиталъ менѣе вреднымъ, при сохраненіи частной собственности, которую онъ ненавидѣлъ въ душѣ, но считалъ необходимой гарантіей для личности противъ государства.

Что рабочіе чеки признаютъ и болѣе или менѣе буржуазные экономисты — это также не удивительно. Для нихъ безразлично, будетъ ли получать рабочій свою плату въ этой формѣ, или въ формѣ денегъ съ изображеніемъ республики или имперіи. Имъ нужно спасти отъ грозящаго имъ погрома частную собственность на жилые дома, на землю, на фабрики, во всякомъ случаѣ — собственность на жилые дома и на капиталъ, нужный для фабричнаго производства. А для этой цѣли введеніе рабочихъ чековъ оказалось бы какъ нельзя болѣе подходящимъ.

Лишь бы только такой чекъ можно было обмѣнять на всякія драгоценности — и всякій хозяинъ дома охотно приметъ его въ уплату за квартиру. А до тѣхъ поръ, пока жилые дома, земля и заводы будутъ принадлежать отдѣльнымъ собственникамъ, рабочему поневолѣ придется такъ или иначе платить имъ, чтобы имѣть возможность работать въ ихъ поляхъ, или на ихъ заводахъ, и жить въ ихъ домахъ.

Но — какъ можно защищать рабочіе чеки — эту новую форму наемнаго труда — разъ мы установили, что дома, поля и заводы не составляютъ больше частной собственности, а принадлежать общинѣ или всей націи? Этого мы не понимаемъ.

II.

Присмотримся ближе къ этому способу вознагражденія труда, проповѣдуемому французскими, нѣмецкими, англійскими и итальянскими коллективистами*).

Онъ сводится приблизительно къ слѣдующему: Всѣ работаютъ — въ поляхъ, на заводахъ, въ школахъ, въ больницахъ и т. д. Продолжительность рабочаго дня устанавливается государствомъ, которому принадлежитъ земля, заводы, пути сообщенія и проч. Каждый рабочій день вознаграждается рабочимъ чекомъ, на которомъ значится, скажемъ: „восемь часовъ труда“. За этотъ чекъ рабочій можетъ пріобрѣсти въ магазинахъ, принадлежащихъ государству или различнымъ корпораціямъ, всевозможные товары. Этотъ чекъ можетъ также дробиться, какъ деньги, такъ что, напримѣръ, можно купить на рабочій часъ мяса, на десять минутъ спичекъ или на полъ-часа табаку. Въмѣсто того, чтобы говорить: „дайте мнѣ на пять копѣекъ мыла“, послѣ коллективистской революціи станутъ говорить: „дайте мнѣ на пять минутъ мыла“.

Большинство коллективистовъ, кромѣ того, остаются вѣрными раздѣленію, установленному буржуазными экономистами (и Марксомъ) между трудомъ сложнымъ, требующимъ предварительнаго обученія, и трудомъ простымъ, и говорятъ намъ, что трудъ сложный, т. е. профессиональный, долженъ оплачиваться въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ трудъ простой. Такъ напримѣръ, одинъ часъ труда врача будетъ считаться соответствующимъ двумъ или тремъ часамъ труда больничной сидѣлки, или тремъ часамъ труда землекопа. „Профессиональный или квалифицированный трудъ будетъ имѣть цѣнность въ нѣсколько разъ большую, чѣмъ трудъ простой“, говоритъ коллективистъ Гренлундъ,

*) Испанскіе анархисты, еще продолжающіе называться коллективистами, иначе понимаютъ это слово. Они поразумѣваютъ подъ нимъ общее владѣніе орудіями труда, а затѣмъ, — предоставленіе каждой группѣ свободы распределять продукты, какъ она хочетъ — на основаніи ли коммунистическихъ принциповъ, или какихъ бы то ни было другихъ.

потому что этот родъ труда требуетъ болѣе или менѣе долгаго обученія*).

Другіе коллективисты, — напримѣръ французскіе марксисты, — не признаютъ этого различія и провозглашаютъ „равенство заработной платы“. Врачъ, учитель, профессоръ — будутъ получать (въ видѣ рабочихъ чековъ) такое же вознагражденіе, какъ и землекопъ. Восемь часовъ, проведенные за осмотромъ больныхъ въ больницѣ, будутъ стоить столько же, сколько восемь часовъ работы землекопа, или работы на фабрикѣ.

Нѣкоторые дѣлаютъ еще одну уступку и допускаютъ, что работа неприятная или вредная для здоровья — напримѣръ, работа въ сточныхъ трубахъ, — должна оцѣниваться выше, чѣмъ трудъ пріятный. Часъ работы въ сточныхъ трубахъ соответствовалъ бы, напримѣръ, двумъ часамъ работы профессора.

Прибавимъ, наконецъ, что нѣкоторые коллективисты принимаютъ также вознагражденіе по группамъ, по корпораціямъ. Артель литейщиковъ сказала бы напримѣръ: „Вотъ сто тоннъ стали. Когда мы работали надъ ней, чтобы добыть руду, выливать желѣзо и т. д., насъ было сто человекъ и мы употребили на это десять дней. А такъ какъ каждый рабочій день заключаетъ въ себѣ восемь часовъ, то это составляетъ восемь тысячъ рабочихъ часовъ для полученія ста тоннъ стали, т. е. восемьдесятъ часовъ на тонну“. Тогда государство выдало бы имъ восемь тысячъ рабочихъ чековъ, по одному часу каждый, и эти восемь тысячъ чековъ были бы затѣмъ распределены, по ихъ усмотрѣнію, между работающими на данномъ заводѣ.

Съ своей стороны сто углекоповъ, употребили, напримѣръ, двадцать дней на добываніе восьми тысячъ тоннъ угля; поэтому тона угля стоила бы два часа, а шестнадцать тысячъ чековъ, по часу каждый, полученные всей артелью, были бы распределены между ея членами по ихъ собственной оцѣнкѣ.

Если бы углекопы стали протестовать и сказали бы, что тонна стали должна стоить всего шестьдесятъ часовъ труда, вмѣсто восьмидесяти, или если бы врачъ захотѣлъ, чтобы за часъ его труда платил

*) Противъ этой фразы мнѣ возражалъ кто-то изъ нѣмецкихъ социаль-демократовъ, ссылаясь на одно длинное примѣчаніе Маркса въ концѣ VI главы Капитала (французскій текстъ; стр. 143 русскаго перевода, изд. 1872 года). Между тѣмъ въ этомъ примѣчаніи Марксъ говоритъ только, что часто (souvent) различіе между сложнымъ и простымъ трудомъ на практикѣ бываетъ неосновательно. Оно ничѣмъ не опровергаетъ теоріи, развитой раньше въ VI-ой главѣ (стр. 115 русск. перевода) и замѣчанія на счетъ коллективизма въ I-ой главѣ, а только указываетъ, что въ практикѣ различіе нерѣдко устанавливается совершенно произвольно. Такъ же какъ мною, Марксъ былъ понятъ многими изъ своихъ послѣдователей.

какъ за два часа труда сидѣлки, то тогда въ дѣло вмѣшалось бы государство и разрѣшило бы ихъ разногласія.

Такова, въ немногихъ словахъ, организація, которую коллективисты хотѣли бы установить послѣ социальной революціи. Какъ видно изъ сказаннаго, ихъ принципъ — коллективная собственность на орудія труда и — личное вознагражденіе каждаго, сообразно потраченному имъ на производство времени, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе и производительность его труда. Что касается до политическаго строя, рекомендуемаго коллективистами, они принимаютъ парламентаризмъ, видоизмененный введеніемъ опредѣленнаго обязательнаго полномочія депутатамъ (*mandat impératif*), и *referendum*'а, т. е. всенароднаго голосованія (плебисцита), въ которомъ каждый отвѣчаетъ на поставленный вопросъ да или нѣтъ.

Замѣтимъ, прежде всего, что этотъ порядокъ кажется намъ совершенно неосуществимымъ.

Коллективисты начинаютъ съ провозглашенія революціоннаго принципа — уничтоженія частной собственности, — а затѣмъ сейчасъ же отрицаютъ его, оставляя безъ измѣненія такой способъ организаціи производства и потребленія, который сложился именно вслѣдствіе существованія частной собственности на орудія производства.

Они провозглашаютъ революціонный принципъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчаютъ послѣдствій, къ которымъ онъ неизбѣжно долженъ привести. Они забываютъ, что уже самый фактъ уничтоженія частной собственности на орудія труда (землю, фабрики, пути сообщенія, капиталы и проч.) долженъ заставить общество выступить на совершенно новый путь; что онъ долженъ вызвать полный переворотъ во всемъ производствѣ — какъ въ его цѣляхъ, такъ и въ его средствахъ; что какъ только земля, машины и все остальное станетъ считаться общою собственностью, всѣ ежедневныя отношенія между людьми будутъ подвергнуты глубокому существенному измѣненію.

„Пусть не будетъ частной собственности“, говорятъ они, и тотчасъ же стараются удержать частную собственность въ ея ежедневныхъ проявленіяхъ. „Въ отношеніи производства, вы будете составлять Коммунистическую Общину: поля, орудія, машины, все, что произведено было до сихъ поръ, фабрики, желѣзныя дороги, гавани, кони и т. д. — все это будетъ ваше, общее. Относительно доли участія каждаго въ этой общей собственности не будетъ подниматься никакого вопроса.

„Но лишь только дѣло дойдетъ до вознагражденія за трудъ, вы, на другой-же день начните оспаривать другъ у друга долю каждаго изъ васъ въ производствѣ новыхъ машинъ, въ разработкѣ новыхъ

копей. Старайтесь въ точности взвѣсить часть, приходящуюся на долю каждаго. Считайте минуты вашей работы и ревниво слѣдите за тѣмъ, чтобы минута труда вашего сосѣда не могла купить бѣльшее количество продуктовъ чѣмъ ваша минута.

„А такъ какъ часами ничего измѣрить нельзя, потому что на одной фабрикѣ рабочій можетъ смотрѣть одновременно за шестью ткацкими станками, тогда какъ на другой онъ можетъ смотрѣть только за двумя, то вы начните взвѣшивать также, потраченную каждымъ изъ васъ мышечную силу и умственную и первную энергію. Въ точности высчитывайте годы, употребленные на обученіе каждаго работника, чтобы опредѣлить долю каждаго въ будущемъ производствѣ — и всѣ это послѣ того, какъ вы сами же заявите, что въ производствѣ прежнихъ лѣтъ вы совершенно не намѣрены принимать во вниманіе, какъ ково было участіе того или другого изъ васъ!“

Намъ кажется очевиднымъ, что никакое общество не можетъ сложиться на основаніи двухъ, совершенно противоположныхъ, постоянно противорѣчащихъ другъ другу началъ. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацію, очень скоро была бы вынуждена, или вернуться къ частной собственности, или превратиться въ общество коммунистическое.

III.

Мы уже видѣли, что нѣкоторые коллективисты требуютъ установленія различія между трудомъ сложнымъ и трудомъ простымъ. Они считаютъ, что часъ труда инженера, архитектора или врача долженъ считаться за два часа труда кузнеца, каменщика или больничной сестрички, и что то же различіе должно быть установлено, съ одной стороны — между всѣми ремеслами, требующими болѣе или менѣе долгаго обученія, а съ другой — трудомъ простыхъ поденщиковъ.

Но установить такое различіе значитъ сохранить цѣликомъ неравенство, существующее въ современномъ обществѣ. Это значитъ — провести заранѣе черту между рабочими и тѣми, которые претендуютъ на управленіе ими. Это значитъ — раздѣлить общество на два ясныя обособленные класса — аристократію знанія и стоящую подъ ней толпу съ мозолистыми руками, — два класса, изъ которыхъ одинъ будетъ служить другому, будетъ работать для того, чтобы кормить и одѣвать людей, которые конечно воспользуются полученнымъ такимъ образомъ досугомъ, чтобы учиться господствовать надъ тѣми, кто его кормитъ. Мало того: это значитъ взять одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ современнаго буржуазнаго общества и усилить ее авторите

томъ соціальной революціи; это значить — возвестить въ основное начало то зло, на которое мы нападаемъ въ старомъ, разрушающемся обществѣ.

Мы раньше знаемъ, что намъ отвѣтить. Намъ станутъ говорить о „научномъ социализмѣ“; будутъ ссылаться на буржуазныхъ экономистовъ — а также и на Маркса, чтобы доказать, что установленная градація заработной платы имѣетъ разумныя причины, потому что „рабочая сила“ инженера стоила обществу больше, чѣмъ „рабочая сила“ землекопа. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ экономисты не старались доказать намъ, что если инженеру платять въ двадцать разъ больше чѣмъ землекопу, то это происходитъ только потому, что издержки, „необходимыя“ для подготовленія инженера, больше тѣхъ, которыя требуются для подготовленія землекопа? И развѣ Марксъ не говорилъ, что то же самое различіе должно логически существовать и между различными отраслями ручного труда — развѣ трудъ становится товаромъ? Онъ долженъ былъ неизбежно придти къ этому выводу, развѣ только онъ принялъ теорію цѣнности Рикардо и утверждалъ, вслѣдъ за нимъ, что товары обмѣниваются пропорціонально общественно-необходимому для производства ихъ труду*).

Но мы знаемъ, какъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности. Мы знаемъ, что если въ настоящее время инженеръ, ученый или врачъ получаютъ въ десять или въ сто разъ больше чѣмъ рабочій, и что если ткачъ получаетъ втрое больше чѣмъ крестьянинъ и въ десять разъ больше, чѣмъ работница на спичечной фабрикѣ, то это зависитъ вовсе не отъ „издержекъ на ихъ производство“, а отъ монополіи на знаніе или въ пользу промышленности. Инженеръ, ученый и врачъ просто эксплуатируютъ извѣстный капиталъ — свой дипломъ, — подобно тому какъ заводчикъ эксплуатируетъ свой заводъ, или какъ помѣщикъ-дворянинъ эксплуатируетъ свой дворянскій титулъ.

Что же касается собственника завода, который платитъ инженеру въ двадцать разъ больше, чѣмъ рабочему, то онъ поступаетъ такъ вовсе не ради оцѣнки „издержекъ производства“, а изъ простаго разсчета. Если инженеръ можетъ сберечь ему на производствѣ тридцать тысячъ рублей въ годъ, онъ платитъ ему пять тысячъ; если онъ най-

*) Въ этомъ отношеніи весьма поучительно у Маркса начало XXIV-ой главы французскаго, пересмотрѣннаго имъ текста „Капитала“ (въ русскомъ переводѣ Лопатина, стр. 504-5, и слѣдовательно въ нѣмецкомъ изданіи, съ котораго онъ переводилъ, ничего этого нѣтъ), гдѣ доказывается, что при капиталистическомъ обмѣнѣ, рабочая сила покупается „по своей дѣйствительной цѣнѣ (à son juste prix)“. „Все, что послѣдній (т. е. рабочій) требуетъ, и вправѣ требовать, это — чтобы капиталистъ уплатилъ ему цѣнность его рабочей силы“. Это онъ и получаетъ. Замѣчу мимоходомъ, что безъ этого допущенія (Нундманъ отлично это понялъ) нельзя было бы основать теорію прибавочной стоимости.

деть такого надсмотрщика за рабочими, который ловко съумѣетъ прижимать ихъ поможетъ съэкономить три тысячи рублей на платѣ за трудъ, хозяинъ охотно дастъ надсмотрщику восемьсотъ рублей въ годъ. Онъ охотно затратитъ лишнихъ нѣсколько сотъ рублей, чтобы выгнать себѣ тысячи, и въ этомъ существенная черта капиталистическаго строя. То же самое можно сказать и о различіяхъ между разными ручными ремеслами.

Какъ же можно говорить въ такомъ случаѣ объ „издержкахъ производства“, будто бы опредѣляющихъ стоимость рабочей силы? Неужели студентъ, весело проведеншій свою молодость въ университетѣ, имѣетъ право на плату въ десять разъ бѣльшую, чѣмъ сынъ углекопа, который съ одиннадцати лѣтъ чахнулъ въ угольной шахтѣ? И неужели ткачъ имѣетъ право на заработокъ въ три или четыре раза бѣльшій, чѣмъ заработокъ крестьянина и крестьянки? Издержки, необходимыя на производство ткача, вовсе не въ три или четыре раза больше издержекъ на производство крестьянина: ткачъ просто пользуется тѣми выгодными условіями, въ которыя поставлена европейская промышленность по отношенію къ странамъ земледѣльческимъ, въ которыхъ промышленность еще не развита.

Никто никогда еще не вычислялъ этихъ издержекъ производства; и если, вообще говоря, туеядець стѣитъ обществу больше, чѣмъ рабочей, то, когда мы сравним сильнаго поденщика съ ремесленникомъ, то еще вопросъ, не окажется ли, если принять во вниманіе всѣ условія (смертность дѣтей рабочихъ, пзнуряющее ихъ малокровіе и преждевременную смерть), что первый обходится обществу дороже, чѣмъ второй.

Можно ли, напримѣръ, допустить, что тѣ пятьдесятъ копѣекъ, которыя получаетъ въ день парижская работница, или шесть пенсовъ (двадцать четыре копѣйки) зарабатываемыхъ въ день лондонскою швею, или тотъ рубль, который платятъ въ день крестьянину, представляютъ собою „издержки производства работницы, швен и крестьянина?“ Мы отлично знаемъ, что человѣку часто приходится работать и за еще меньшую плату, но мы знаемъ также, что это происходитъ исключительно отъ того, что при нашемъ великолѣпномъ общественномъ устройствѣ, безъ этой ничтожной платы работникъ и работница умерли бы съ голоду.

Мы думаемъ, поэтому, что различныя ступени въ заработной платѣ представляютъ собою сложный результатъ цѣлаго ряда условій: налоговъ, государственной опеки, капиталистическаго захвата, монополіи — однимъ словомъ, государства и капитала. Потому-то мы и говоримъ что всѣ теоріи относительно этой шкалы въ заработной

платѣ изобрѣтены были уже послѣ ея установленія, чтобы оправдать существующую несправедливость, и что поэтому намъ совершенно не нужно принимать въ расчетъ тѣ тонкія теоріи, которыми ее стараются оправдать.

Намъ замѣтить, вѣроятно, что коллективистская лѣстница въ заработной платѣ будетъ, какъ бы то ни было, нѣкоторымъ шагомъ впередъ. „Пусть лучше нѣкоторые разряды рабочихъ — скажутъ намъ — получаютъ плату вдвое или втрое больше другихъ разрядовъ, чѣмъ чтобы министры получали въ одинъ день столько, сколько рабочихъ не зарабатываетъ и въ годъ. Это во всякомъ случаѣ шагъ впередъ въ смыслѣ равенства“.

Мы думаемъ, что это будетъ, наоборотъ, шагъ назадъ. Ввести въ новое общество различіе между трудомъ простымъ и трудомъ профессиональнымъ, значило бы, какъ мы уже говорили, узаконить Революціею и возвести въ основное начало тотъ грубый фактъ, которому мы подчиняемся теперь, но который мы тѣмъ не менѣ находимъ несправедливымъ. Это значило бы — поступить подобно тѣмъ, которые 4-го августа 1789 года провозгласили съ громкими фразами отмѣну феодалныхъ правъ, а 8-го августа узаконили эти самыя права, заставивъ крестьянъ выкупать ихъ у помѣщиковъ и поставивъ послѣднихъ подъ охрану Революціи. Это значило бы поступить такъ, какъ поступило русское правительство, которое, въ день освобожденія крестьянъ, объявило, что земля будетъ принадлежать помѣщикамъ, тогда какъ раньше считалось злоупотребленіемъ распорядиться надѣлами крѣпостныхъ крестьянъ.

Или же, возьмемъ другой извѣстный примѣръ. Когда въ 1871 году Парижская Коммуна рѣшила платить членамъ своего Совѣта по пятнадцати франковъ (около пяти рублей) въ день, тогда какъ рабочіе, дравшіеся на укрѣпленіяхъ, получали всего тридцать су (около пятидесяти копѣекъ), это рѣшеніе привѣтствовали какъ высшее проявленіе демократическаго равенства. Въ дѣйствительности же Коммуна только подтвердила старое неравенство между чиновникомъ и солдатомъ, между управляющимъ и управляемымъ. Со стороны какого-нибудь парламента, такая мѣра могла бы показаться очень прекрасною, но для Коммуны это было измѣной своему революціонному принципу, а слѣдовательно осужденіемъ его. Не наемную плату, на которую, между прочимъ, и прожить было невозможно, даже рабочей семьѣ, должна была платить Коммуна тѣмъ рабочимъ, которые сражались за нее. Она должна была счесть своимъ первымъ, святымъ долгомъ, обезпечить существованіе своихъ борцовъ и ихъ семей.

Въ современномъ обществѣ, когда мы видимъ, что министръ за-

ставляетъ платить себѣ по тридцати тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ рабочій долженъ довольствоваться тремя стами рублями, или даже меньше, когда мы видимъ, что надсмотрщику надъ рабочими платятъ вдвое или втрое больше чѣмъ рабочему, и что даже среди самихъ рабочихъ существуютъ разныя платы — отъ трехъ или четырехъ рублей въ день до двѣнадцати копѣекъ, зарабатываемыхъ крестьянкой, — мы негодуемъ. И негодуемъ мы не только на высокое жалованіе министра но и на такое различіе въ заработкѣ рабочаго и крестьянки. Мы говоримъ: „Пусть привиллегіи, связанныя съ образованіемъ, исчезнутъ такъ же, какъ и привиллегіи связанныя съ происхожденіемъ!“ Рабочіе потому именно и становятся революціонерами, что всякія привиллегіи ихъ возмущаютъ.

Но если онѣ возмущаютъ насъ въ современномъ обществѣ, — то какъ же сможемъ мы терпѣть ихъ въ обществѣ, которое начнетъ свое существованіе съ провозглашенія равенства?

Вотъ почему нѣкоторые коллективисты, понимающіе, что ступени въ заработной платѣ не смогутъ удержаться въ обществѣ, прикнутомъ духомъ Революціи, снѣшать провозгласить, что заработная плата будетъ для всѣхъ одинакова. Но здѣсь они наталкиваются на новое затрудненіе, которое дѣлаетъ изъ ихъ равенства заработной платы такую же неосуществимую утопію, какъ и ступенчатая плата предлагаемая другими.

Общество, которое овладѣетъ всѣмъ общественнымъ богатствомъ и громко провозгласитъ, что **всѣ** имѣютъ на него право, какова бы она была въ прошломъ доля участія каждаго въ созданіи этого богатства — такое общество должно будетъ отказаться отъ всякой мысли о неравной платѣ, въ какой бы формѣ она не представлялась: въ видѣ денегъ, или въ видѣ рабочихъ чековъ.

IV.

„Каждому — сообразно его труду“, говорятъ коллективисты, т. е. другими словами — сообразно его долгу въ услугахъ, оказываемыхъ обществу. И этотъ принципъ намъ предлагаютъ приложить на практикѣ, послѣ того какъ Революція обратитъ въ общую собственность орудія труда и все необходимое для производства!

Если бы Соціальная Революція дѣйствительно провозгласила это начало, она этимъ самымъ поставила бы преграду дальнѣйшему развитію человѣчества и оставила бы нерѣшенной ту громаднѣйшую общественную задачу, которую мы получили въ наслѣдство отъ прежнихъ вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ мы видимъ, что чѣмъ больше человѣкъ работаетъ, тѣмъ меньше онъ получаетъ,— такое начало можетъ казаться, съ перваго взгляда, выраженіемъ справедливости. Въ дѣйствительности же оно только освящаетъ всю несправедливость прошлыхъ временъ. Наемный трудъ началъ свое существованіе именно съ этого принципа — „каждому по его трудамъ“, — и привелъ онъ насъ понемногу къ самому явному неравенству и ко всѣмъ возмутительнымъ явленіямъ современнаго общества. Съ того дня, когда люди начали мѣрять услуги оказываемыя обществу, платя за нихъ деньгами или какой бы то ни было другой формой заработной платы, — съ того дня, когда было заявлено, что каждый будетъ получать столько, сколько онъ сможетъ заставить себѣ платить за свои услуги — съ этого дня вся исторія капиталистическаго общества была (при содѣйствіи государства) написана заранѣе. Она вся цѣликомъ находилась въ зародышѣ въ этомъ основномъ началѣ.

Неужели же мы должны теперь опять вернуться къ этому исходному пункту и вновь пройти черезъ то же развитіе? Наши теоретики стремятся къ этому, но, къ счастью, это невозможно. Какъ мы уже видѣли, революція должна будетъ обратиться къ коммунизму; иначе она будетъ потоплена въ крови, и ее придется начинать съизнова.

Услуги, оказываемыя обществу — будь то работа на фабрикѣ или въ полѣ, или услуги нравственнаго характера — не могутъ быть оцѣнены въ монетныхъ единицахъ. Беря мануфактурное производство, точной мѣры цѣнности — ни того, что неправильно называютъ мѣнзовою цѣнностью, ни цѣнности, разсматриваемой съ точки зрѣнія полезности, — нѣтъ возможности установить. Если мы видимъ двухъ человѣкъ, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ работаютъ по пяти часовъ въ день на общую пользу въ различныхъ, однаково имъ правящихся областяхъ, то мы можемъ сказать, что ихъ трудъ приблизительно равноцѣненъ; но дробить этого труда нельзя; нельзя сказать, что продуктъ каждаго дня, каждаго часа, каждой минуты труда одного изъ нихъ равноцѣненъ продукту минуты, часа или дня другого.

Можно сказать, въ общемъ, что человѣкъ, который всю свою жизнь лишалъ себя досуга въ теченіе десяти часовъ въ день, далъ обществу больше, чѣмъ тотъ, который отнималъ у себя всего пять часовъ, или не отнималъ вовсе ничего. Но нельзя взять продуктъ, который онъ произвелъ въ теченіе двухъ часовъ и сказать, что этотъ продуктъ стоить вдвое больше, чѣмъ продуктъ одного часа труда другого человѣка, и вознаграждать трудъ обоихъ соотвѣтственно этому расчету. Это значило бы

закрѣтъ глаза на всю сложность промышленности, земледѣлія и вообще всей жизни современнаго общества; это значило бы не замѣчать, до какой степени всякій трудъ каждой отдѣльной личности является результатомъ всего прошедшаго и настоящаго труда всего общества. Это значило бы думать, что мы живемъ въ каменномъ вѣкѣ тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы живемъ въ вѣкѣ стали.

Войдите, напримѣръ, въ угольную копь и посмотрите на рабочаго стоящаго возлѣ огромной машины, заставляющей ходить вверхъ и внизъ клѣтку, въ которой поднимають изъ шахты уголь. Въ рукахъ у него рычагъ, который останавливаетъ машину, или заставляетъ ее дѣйствовать въ обратную сторону: стоить ему только двинуть рычагъ, и клѣтка мгновенно измѣняетъ направленіе своего движенія, взлетая вверхъ или опускаясь вглубь съ головокружительной быстротой. Весь вниманіе онъ съ напряженіемъ слѣдитъ глазами за указателемъ, который показываетъ ему, въ какомъ мѣстѣ находится въ каждую данную минуту шахтовая клѣтка; и какъ только указатель достигъ извѣстнаго уровня онъ мгновенно останавливаетъ движеніе машины, — ни на одинъ аршинъ ниже или выше требуемаго уровня. А какъ только изъ клѣтки выкатятъ вагонетки полныя угля и толкнутъ на ихъ мѣсто пустые онъ вновь повертываетъ рычагъ, не теряя ни секунды — и вновь клѣтка летитъ въ глубь шахты.

Въ теченіе восьми или десяти часовъ онъ находится въ этомъ состояніи усиленно напряженнаго вниманія. Если бы умъ его отвлекся на полъ-минуты отъ указателя, клѣтка влетѣла бы въ потолокъ, дробила колеса и давя людей, и вся работа въ рудникѣ была бы остановлена. Стоить ему потерять три секунды при каждомъ поворотѣ рычага — и количество добываемаго угля сократится (въ усовершенствованныхъ современныхъ копяхъ) на двадцать пять или пятьдесятъ тоннъ въ день.

Въ такомъ случаѣ, — признаемъ ли мы его самымъ полезнымъ человѣкомъ въ рудникѣ? Или, можетъ быть, того, кто подаетъ ему снизу сигналъ къ поднятію клѣтки? или-же того углекопа, который ежеминутно рискуетъ своей жизнью въ глубинѣ копи и рано или поздно будетъ убитъ рудничнымъ газомъ? Или, можетъ быть, инженера, который, вслѣдствіе простой ошибки въ сложеніи при своихъ вычисленіяхъ, могъ бы потерять угольный пласть и повести штольню въ пустомъ камнѣ? Или, наконецъ, хозяина, который вложилъ въ это дѣло все свое имущество и вопреки всѣмъ совѣтамъ говорилъ, можетъ быть когда рыли шахту: „Ройте здѣсь, ройте глубже, и мы найдемъ прекрасный уголь?“ Или — какого-нибудь старика, углекопа, который уговаривалъ хозяина продолжать дѣло?

Всѣ, работающіе въ этой кони содѣйствуютъ, по мѣрѣ своихъ силъ, своей энергій, своихъ знаній, своего ума, своего умѣнья, добыванію угля; и мы дѣйствительно можемъ сказать, что всѣ они имѣютъ право жить и удовлетворять свои потребности (и даже свои фантазіи, какъ только необходимое для всѣхъ будетъ обезпечено). Но какимъ образомъ можемъ мы оцѣнить деньгами, платой, участіе каждаго изъ нихъ?

Да и самый уголь, который они добываютъ, — развѣ это ихъ продуктъ, добытый ими одними? Развѣ онъ не продуктъ также и тѣхъ людей, которые построили желѣзную дорогу, ведущую къ кони, и тѣ другія дороги, которыя, какъ лучи, расходятся отъ нея ко всѣмъ станціямъ? Развѣ онъ также не дѣло тѣхъ, кто пахалъ и засѣивалъ поля, рубилъ деревья въ лѣсу, строилъ машины, въ которыхъ будетъ горѣть этотъ уголь? и такъ далѣе безъ конца!

Между дѣломъ одного и дѣломъ другого не можетъ быть установлено никакого различія. Если мы будемъ мѣрить ихъ заслуги по ихъ результатамъ, то это приведетъ насъ къ несправедливости, и то же самое получится, если мы станемъ дробить ихъ заслуги и мѣрить ихъ часами труда.

Остается только одно: поставитъ потребности людей выше ихъ дѣлъ, и признать сначала право на жизнь, а затѣмъ и право на довольство, за всѣми тѣми, кто принимаетъ какое бы то ни было участіе въ производствѣ.

Возьмите какую хотите другую отрасль человѣческой дѣятельности, возьмите всю совокупность жизненныхъ проявленій и скажите: Кто изъ насъ имѣетъ право претендовать на большее вознагражденіе: врачъ, который угадалъ болѣзнь, или сидѣлка, которая обезпечила выздоровленіе своимъ тщательнымъ уходомъ? Изобрѣтатель ли первой паровой машины, или тотъ мальчикъ, которому въ одинъ прекрасный день надоѣло тянуть веревку, служившую прежде для открыванія клапана, впускавшаго паръ подъ поршень, и который онъ догадался разъ привязать извѣстнымъ образомъ къ коромыслу машины, а самъ побѣждалъ играть съ товарищами, не подозрѣвая, что онъ открылъ этимъ самымъ необходимую часть всякой современной паровой машины — механической клапанъ? Изобрѣтатель ли локомотива или тотъ ньюкастльскій рабочій, который подалъ мысль замѣнить деревянными шпалами тѣ камни, на которые раньше клали рельсы и которые, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ упругости, заставляли поѣзда все время сходить съ рельсовъ? Машинистъ ли на локомотивѣ, или тотъ человѣкъ, который подаетъ сигналъ, чтобы остановить поѣздъ, или же стрѣлочникъ, открывающій путь?

Кому мы обязаны существованіемъ телеграфнаго сообщенія черезъ Атлантическій океанъ? Тому ли инженеру, который упорно утверждалъ, что проволочный канатъ будетъ передавать депеши, въ то время какъ почти всѣ самые ученые спеціалисты по электричеству заявляли, что это невозможно? Тому ли ученому, Мори, который посоветовалъ замѣнить толстые канаты тонкими, — не толще обыкновенной трости? Или, наконецъ, тѣмъ, не извѣстно откуда явившимся добровольцамъ, которые проводили дни и ночи на палубѣ Грѣтъ Истерна и тщательно разсматривали каждый футъ каната, вынимая изъ него гвозди, которые втыкались кѣмъ-то (говорятъ — акціонерами морскихъ компаній) въ изолирующій слой, съ цѣлью сдѣлать канатъ негоднымъ къ употребленію?

А въ болѣе широкой области — въ области настоящей человѣческой жизни, съ ея радостями, ея горестями и ея случайностями, — развѣ каждому изъ насъ не случалось встрѣтиться съ человѣкомъ, который оказалъ ему въ жизни такую услугу, что самая мысль о денежной ея оцѣнкѣ показалась бы оскорблительной? Иногда эта услуга ничто иное, какъ — просто слово, сказанное во-время, иногда же это — цѣлые мѣсяцы и годы самоотверженной преданности. Неужели же и эти „неоцѣнимыя“ услуги мы тоже станемъ расцѣнивать въ рабочихъ чекахъ?

„Каждому — по его дѣламъ!“ Но человѣческія общества не могли бы просуществовать и двухъ поколѣній подрядъ, если бы каждый не давалъ иногда другимъ гораздо больше, чѣмъ онъ получалъ отъ нихъ въ видѣ денегъ, рабочихъ чековъ или какихъ-нибудь наградъ. Человѣчеству пришелъ бы конецъ, если бы мать не давала свою жизнь для сохраненія жизни своихъ дѣтей, если бы каждый человѣкъ не давалъ, хоть иногда, не считая если бы онъ не давалъ въ особенности именно тогда, когда онъ не ждетъ никакого вознагражденія.

И если буржуазное общество гибнетъ, если мы находимся въ настоящую минуту въ тупикѣ, изъ котораго мы не можемъ выйти иначе, какъ разрушая топоромъ и огнемъ учрежденія прошлаго, то это происходитъ именно отъ того, что мы слишкомъ много считали; отъ того, что мы приучили себя давать только съ цѣлью получить; отъ того, что мы захотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію, основанную на приходѣ и расходѣ.

Коллективисты, впрочемъ, знаютъ это и сами. Они смутно понимаютъ, что никакое общество не могло бы просуществовать, если бы оно строго провело до конца свое правило: „каждому по его дѣламъ“; они тоже понимаютъ, что потребности личности — мы не говоримъ о

капризахъ — не всегда совпадаютъ съ ея дѣлами. Такъ, напримѣръ, Де Папъ пишетъ:

„Этотъ, чисто индивидуалистическій принципъ будетъ, впрочемъ, смягчаться общественнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло воспитанія дѣтей и молодыхъ людей (включая сюда пищу и все ихъ содержаніе) и въ дѣло общественной организаціи помощи калѣкамъ и больнымъ, пенсій для старыхъ рабочихъ и т. под.“

Они понимаютъ, повидному, что у сорокалѣтняго человѣка, отца троихъ дѣтей, больше потребностей чѣмъ у двадцатилѣтняго юности; что женщина, которая кормитъ ребенка и проводитъ около него бессонныя ночи, не можетъ дѣлать столько же дѣлъ, какъ человѣкъ, спокойно выспавшійся. Они понимаютъ, повидному, что люди — мужчины или женщины — изнуренные, можетъ быть, на службѣ обществу, могутъ оказаться неспособными сдѣлать столько же „дѣлъ“, какъ тѣ, которые проводили время спокойно и получали свои „чеки“, занимая привилегированное положеніе государственныхъ статистиковъ.

Поэтому они спѣшатъ смягчить свой принципъ. „Конечно“, говорятъ они, „общество возьмется кормить и воспитывать дѣтей, будетъ помогать старикамъ и больнымъ! Конечно, потребности послужатъ въ данномъ случаѣ мѣрпломъ издержекъ, которыя возьметъ на себя общество, чтобы смягчить свое основное правило; „каждому по его дѣламъ“.

Однимъ словомъ, получается опять-таки благотворительность, все та же христіанская благотворительность, но на этотъ разъ организованная государствомъ! Стоитъ только усовершенствовать Воспитательныя Дома и организовать страхование отъ старости и болѣзни — и основной принципъ смягченъ! Все та же система: „Сначала ранить, а потомъ лѣчить!“

Такимъ образомъ, начавъ съ отрицанія коммунизма и съ насмѣшливаго отношенія къ принципу „каждому по его потребностямъ“, они, эти великіе экономисты, въ концѣ концовъ замѣчаютъ, что забыли-таки одну вещь, а именно потребности производителей. Они спѣшатъ ихъ признать. Но только оцѣнивать эти потребности должно государство; государство должно проверять, соразмѣрны ли онѣ съ дѣлами каждого? Подать ли милостыню или нѣтъ?

Государство, стало-быть, возьметъ на себя благотворительность — призрѣніе хромыхъ и слѣпыхъ нищихъ, а отъ этого до англійскаго закона о бѣдныхъ и до англійскихъ рабочихъ домовъ, т. е. тюремъ для немущихъ — всего одинъ шагъ. Вѣдь и то безжалостное современное общество, противъ котораго мы возмущаемся, тоже оказалось вынужденнымъ смягчить свой индивидуализмъ; оно тоже должно было сдѣлать

нѣкоторыя уступки въ направленіи коммунизма и точно также въ формѣ благотворительности: оно также завело Воспитательные и „рабочіе дома“!

Оно точно также раздаетъ дешевыя обѣды — изъ боязни, какъ бы голодные не разграбили его лавокъ. Оно также устраняетъ больницы, очень часто плохія, но иногда и великолѣпныя, чтобы помѣшать распространенію заразныхъ болѣзней: неравно и самъ заразишься! Оно также оплачиваетъ сначала часы труда, а затѣмъ беретъ на себя воспитаніе дѣтей тѣхъ, кого довело до крайней нищеты. Оно также принимаетъ во вниманіе потребности и дѣлаетъ это въ формѣ Казеннаго Попечительства о Бѣдныхъ.

Бѣдность послужила, какъ мы видѣли, первымъ источникомъ обогащенія; она создала перваго капиталиста. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ явилась та „прибавочная стоимость“, о которой такъ любятъ говорить, нужно было, чтобы существовали бѣдняки, которые согласились бы продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть съ голоду. Ихъ бѣдность сдѣлала возможнымъ существованіе богатыхъ. И если она такъ сильно развилась къ концу Среднихъ Вѣковъ, то это благодаря тому, что завоеванія и войны, послѣдовавшія за образованіемъ государствъ и обогащеніемъ вслѣдствіе эксплуатаціи Востока, порвали связи, существовавшія раньше между земельными и городскими общинами и заставили ихъ, вмѣсто той солидарности, которая практиковалась прежде, ввести у себя драгоцѣнный для эксплуататоровъ принципъ наемнаго труда.

Неужели же этотъ самый принципъ долженъ явиться теперь результатомъ революціи? Неужели мы назовемъ этотъ жалкій результатъ именованъ „соціальной революціи“ — этимъ именованъ, дорогимъ для всѣхъ голодныхъ, приниженныхъ и оскорбленныхъ?

Нѣтъ, этого не будетъ. Въ тотъ день, когда старыя учрежденія начнутъ падать подъ ударами пролетаріевъ, — раздадутся голоса, требующія „хлѣба, убѣжища и довольства для всѣхъ!“

И эти голоса будутъ слышаны. Народъ скажетъ: „Удовлетворимъ прежде всего ту жажду жизни, радости и свободы, которой никогда мы еще не могли утолить! А когда мы испытаемъ это счастье, тогда мы примемъ за дѣло: за уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ буржуазнаго общества, его нравственности, почерпнутой изъ бухгалтерскихъ книгъ, его философіи „прихода и расхода“, его учреждений, устанавливающихъ различіе между „твоимъ и моимъ“. И „разрушая, мы будемъ создавать“, какъ говорилъ Прудонъ — будемъ создавать во имя коммунизма и анархизма.

ПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО.

Исходя изъ понятія о свободной личности и переходя затѣмъ къ свободному обществу — вмѣсто того, чтобы начинать съ государства, а затѣмъ спускаться къ личности, — разсматривая, слѣдовательно, общество и его политическую организацію съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ школы сторонниковъ государственной власти, мы и въ вопросахъ экономическихъ слѣдуемъ тому же методу. Мы изучаемъ потребности личности и средства, которыми она пользуется для ихъ удовлетворенія, а затѣмъ уже обсуждаемъ вопросы производства, обмена, налоговъ, правительства и т. п.

Съ перваго взгляда это различіе можетъ показаться неважнымъ; но въ дѣйствительности оно перевертываетъ всѣ понятія оффиціальной политической экономіи.

Откройте сочиненіе любого изъ экономистовъ. Вы увидите, что онъ начинаетъ съ **производства**: разбираетъ средства, употребляемые въ настоящее время для созданія богатствъ: раздѣленіе труда, мануфактуры, роль машинъ, накопленіе капитала. Начиная съ Адама Смита и кончая Марксомъ, всѣ экономисты поступали именно такъ. Только во второй или третьей части своего труда начинаетъ экономистъ говорить о **потребленіи**, т. е. объ удовлетвореніи потребностей личности; да и то ограничивается онъ описаніемъ того, какъ распредѣляются теперь богатства между всѣми тѣми, кто предъявляетъ на нихъ права.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что это вполнѣ логично, что прежде, чѣмъ удовлетворять потребности, нужно создать то, что требуется для этого удовлетворенія; что, прежде чѣмъ **потреблять**, нужно **произвести**. Но прежде чѣмъ произвести что бы то ни было, развѣ не нужно почувствовать **потребность** въ данномъ предметѣ? Что, какъ не необходимость, заставило прежде всего человѣка охотиться, выводить скотъ, обрабатывать землю, выдѣлывать орудія, а позднѣе — изобрѣтать и строить машины? И чѣмъ, какъ не изученіемъ потребностей должно было бы руководствоваться производство? Было бы, поэтому, по меньшей мѣрѣ одинаково логично начать именно съ того, что побуждаетъ **человѣка** работать, а затѣмъ уже перейти къ разсмотрѣнію средствъ удовлетворенія потребностей посредствомъ производства.

Именно так мы и дѣлаемъ. Но оказывается, что какъ только мы посмотримъ на политическую экономію съ этой точки зрѣнія, она принимаетъ совершенно иной видъ. Изъ простаго описанія фактовъ она превращается въ настоящую науку, стоящую наравнѣ съ физиологіей, — науку, которую можно опредѣлить какъ изученіе потребностей человѣчества и средствъ удовлетворенія ихъ съ наименьшей бесполезной потерей человѣческихъ силъ. Ее слѣдовало бы назвать физиологіей общества. Она является параллелью физиологій животныхъ и растений, которая точно также разсматриваетъ потребности растенія или животнаго и наиболѣе выгодные способы ихъ удовлетворенія. Въ ряду общественныхъ наукъ экономія человѣческихъ обществъ занимаетъ такимъ образомъ мѣсто, на которомъ, въ ряду наукъ о жизни (біологическихъ), стоитъ физиологія живыхъ существъ.

Мы говоримъ: „Вотъ передъ нами люди, соединившіеся въ общество. Хижина дикаря перестала ихъ удовлетворять, и они требуютъ прочнаго и болѣе пли менѣе удобнаго дома. И вотъ мы хотимъ знать, можетъ ли, при данномъ состояніи производительности человѣческаго труда, каждый изъ нихъ имѣть свой домъ? А, если нѣтъ, то что именно мѣшаетъ этому?“

Но разъ мы поставимъ такой вопросъ, мы сейчасъ же увидимъ, что всякая европейская семья вполне могла бы обладать удобнымъ небольшимъ домомъ, вродѣ тѣхъ, которые строятся для рабочихъ въ Англии, въ Бельгій или въ Пульмановскомъ поселеніи, пли же соотвѣтственной квартирой. Извѣстнаго и сравнительно небольшого числа рабочихъ дней было бы вполне достаточно для того, чтобы построить для семьи въ семь пли восемь человѣкъ хорошенькій домикъ, гдѣ было бы много воздуха и свѣта, удобно расположенный, здоровый и освѣщенный газомъ.

Между тѣмъ, девять-десятыхъ европейцевъ никогда не жили въ здоровомъ помѣщеніи, потому что всегда человѣкъ изъ народа работалъ изо дня въ день, и почти безъ перерыва, для удовлетворенія потребностей правящихъ классовъ; и никогда не имѣлъ онъ ни времени, ни денегъ, чтобы выстроить пли заказать себѣ этотъ желанный домикъ. И до тѣхъ поръ, пока современныя условія не измѣнятся, у него никогда не будетъ дома, и всегда будетъ онъ жить въ какой-нибудь трущобѣ.

Мы принимаемъ, такимъ образомъ, методъ разсужденія, совершенно обратный тѣмъ экономистамъ, которые устанавливають якобы вѣчные законы производства, затѣмъ подводятъ счетъ всѣмъ домамъ, которые строятъ теперь ежегодно, и доказываютъ посредствомъ статистическихъ данныхъ, что такъ какъ этихъ новыхъ домовъ не хва-

таетъ для удовлетворенія всѣхъ требованій, то девять десятыхъ европейскаго населенія должны жить въ труппахъ.

Или же, возьмемъ вопросъ о пищѣ. Перечисливъ всѣ благодѣянія раздѣленія труда, эконоmistы приходятъ къ тому заключенію, что оно требуетъ чтобы одни люди занимались земледѣліемъ, а другіе — фабричною промышленностью. Земледѣльцы производятъ столько-то, фабрички — столько-то, обмѣвъ происходитъ такъ-то; затѣмъ, они разсматриваютъ продажу, прибыль, чистый доходъ или прибавочную стоимость, заработную плату, налоги, банки и т. д.

Но изучивъ все это по ихъ книгамъ, мы все таки нисколько не подвинулись впередъ, и если мы спросимъ у нихъ: „Какимъ же образомъ существуетъ столько семей, не имѣющихъ хлѣба, когда каждая семья могла бы производить достаточно хлѣба, чтобы накормить десять, двадцать, или даже сто человѣкъ въ годъ?“, то они, въ отвѣтъ, заговариваютъ сызнова, какъ въ сказкѣ о бѣломъ бычкѣ, о раздѣленіи труда, заработной платѣ, прибавочной стоимости, капиталѣ и т. п., придутъ къ тому заключенію, что произведенныхъ продуктовъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей — заключеніе, которое, если бы даже оно было справедливо, все таки не даетъ никакого отвѣта на вопросъ: „Можетъ ли, или не можетъ человѣкъ произвести при помощи своего труда нужный для него хлѣбъ? А если не можетъ, то что ему мѣшаетъ въ этомъ?“

Вотъ передъ нами триста пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ. Ежегодно имъ требуется столько то хлѣба, столько то мяса, столько то вина, столько то молока, яицъ и масла. Имъ нужно столько то домовъ, столько то одежды. Это — минимумъ ихъ потребностей. Могутъ ли они произвести все это, или нѣтъ? И если да, — то останется ли у нихъ еще свободное время для того, чтобы пользоваться нѣкоторою роскошью, произведеніемъ искусства, наукой и развлечениями, — однимъ словомъ, для всего того, что не входитъ въ разрядъ существенно-необходимаго? Если отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ утвердительный, то что же, въ такомъ случаѣ, мѣшаетъ имъ? Какъ устранить существующія препятствія? Если, наконецъ, для того чтобы достигнуть такой производительности, нужно время, нужно преобразовать промышленность, завести лучшія машины и т. п., — прекрасно, дадимъ на это, сколько окажется нужнымъ времени; но, во всякомъ случаѣ, не будемъ же терять изъ виду цѣли всякаго производства — удовлетвореніе потребностей.

Если самыя существенныя потребности человѣка остаются неудовлетворенными вслѣдствіе малой производительности труда — то посмотримъ, что нужно сдѣлать, чтобы увеличить эту производитель-

ность? Но нѣтъ ли этому также и другихъ причинъ? Не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что производство совершенно потеряло изъ виду потребности и приняло ложное направленіе? И если мы увидимъ, что именно въ этомъ лежитъ причина нашихъ недостатковъ, то пошлемъ же средства преобразовать производство такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ удовлетворяло потребностямъ.

Такова — единственная вѣрная, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія; она одна даетъ возможность политической экономіи дѣйствительно стать наукой — наукой общественной физиологіи — наукой экономіи общественныхъ силъ.

Разумѣется, когда этой наукѣ придется имѣть дѣло съ тѣми формами производства, которыя существуютъ въ настоящее время въ цивилизованныхъ націяхъ, или съ формами встрѣчающимися въ индусской общинѣ или у дикарей, то она будетъ излагать факты такъ же, какъ это дѣлаютъ современные экономисты. Это будетъ отдѣлъ описательный, подобный описательнымъ отдѣламъ зоологіи или ботаники. Замѣтимъ однако, что если бы и эта часть науки разрабатывалась съ точки зрѣнія экономіи силъ въ удовлетвореніи потребностей, то и она много выиграла бы, и въ ясности и въ научной цѣнности. Она съ очевидностью показала бы, къ какой ужасающей тратѣ человѣческихъ силъ приводитъ современный порядокъ, и она доказала бы то, что мы утверждаемъ, — то есть, что пока этотъ убійственный порядокъ будетъ существовать, человѣческія потребности никогда не будутъ удовлетворены.

Точка зрѣнія на хозяйственныя явленія оказалась бы, такимъ образомъ, совершенно иной. За станкомъ, производящимъ столько-то аршинъ миткаля, за машиною, пробивающею столько то стальныхъ досокъ, за сундукомъ, въ который стекаются такіе то барыши, мы увидали бы человѣка, — производителя, — по большей части исключеннаго изъ того пиршества, которое онъ prepares для другихъ. Мы поняли бы также, что такъ называемые законы цѣнности, обмѣна и т. п. суть ничто иное, какъ выраженіе — часто очень невѣрное, вслѣдствіе ошибочности самого исходнаго пункта — тѣхъ явленій, которыя происходятъ теперь, но которыя могли бы, и будутъ происходить совершенно иначе въ обществѣ, гдѣ производство будетъ организовано съ цѣлью удовлетворенія всѣхъ его нуждъ.

II.

Нѣтъ ни одного принципа въ политической экономіи, который бы не принялъ совершенно другого вида, если стать на нашу точку зрѣнія.

Возьмемъ хотя бы перепроизводство. Вотъ слово, которымъ намъ

уже прожужжали уши! Есть ли хоть одинъ экономистъ, хоть одинъ академикъ, или кандидатъ въ таковыя, который бы не утверждалъ, что экономическіе кризисы происходятъ отъ перепроизводства, что въ извѣстный моментъ производится больше ситца, сукна или часовъ, чѣмъ требуется! При этомъ, капиталистовъ, упорно стремящихся производить свыше возможнаго потребленія, обыкновенно, обвиняютъ въ излишней „жадности“.

Но все это, при ближайшемъ изученіи вопроса, оказывается совершеннымъ вздоромъ. Дѣйствительно, назовите хоть одинъ товаръ (изъ числа общеупотребляемыхъ), который бы производился въ количествѣ, превышающемъ потребность въ немъ. Переберите всѣ предметы, вывозимые странами, ведущими большую виѣшнюю торговлю, — и вы увидите, что почти всѣ эти товары производятся въ количествахъ, недостаточныхъ, даже для жителей той самой страны, которая ихъ вывозитъ.

Тотъ хлѣбъ, напримѣръ, который русскій крестьянинъ отсылаетъ въ Европу, вовсе не составляетъ излишка: даже самыя лучшія урожаи ржи и пшеницы въ Европейской Россіи едва-едва даютъ столько, сколько нужно для ея населенія. Вообще, когда крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ, чтобы уплатить налоги и выкупныя, или аренду за землю, онъ лишаетъ себя и дѣтей самага необходимаго.

Точно также не излишекъ угля посылаетъ во всѣ страны свѣта Англія: ей остается для домашняго потребленія всего 47 пудовъ въ годъ на cadaго жителя, и миллионы англичанъ оказываются зимою лишенными огня, или зажигаютъ огонекъ лишь постолько, поскольку это необходимо, чтобы сварить немного овощей. Въ сущности (если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя предметы роскоши) въ Англіи — этой странѣ наибольшаго вывоза — существуетъ одинъ только общеупотребляемый товаръ, производимый въ количествѣ, можетъ быть, превышающемъ потребности: это — бумажныя ткани. Но когда мы вспомнимъ, какія лохмотья носить на себѣ по крайней мѣрѣ одна треть населенія Соединеннаго Королевства, то мы склонны думать, что по всей вѣроятности, все количество производимыхъ въ Англіи бумажныхъ тканей соответствовало бы, какъ разъ, дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Излишекъ оказался бы самый ничтожный, если бы всѣ стали носить нужное бѣлье и одежду.

Вообще „вывозъ“ обыкновенно представляетъ изъ себя вовсе не „излишекъ“ — даже если въ началѣ вывозная торговля и имѣла дѣйствительно это происхожденіе. Басня о босомъ сапожникѣ и оборванномъ портномъ такъ же справедлива по отношенію къ народамъ, какъ была когда-то справедлива по отношенію къ ремесленнику. Выво-

зять вообще **необходимое**, нужное самой странѣ, и происходить это отъ того, что рабочіе не могутъ купить на свою заработную плату того, что они произвели, разъ имъ приходится, покупая товаръ, платить и ренту и прибыль, и проценты капиталисту и банкиру*).

Неудовлетворенной остается не только все растущая потребность благосостоянія, но очень часто и потребность въ самомъ необходимомъ. А поэтому и перепроизводства (по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ) не существуетъ: оно есть не что иное, какъ изобрѣтеніе теоретиковъ политической экономіи.

Экономисты единогласно увѣряютъ насъ, что изъ всѣхъ экономическихъ „законовъ“ наиболѣе твердо установленный, это — тотъ, что „человѣкъ производитъ больше, чѣмъ потребляетъ“, т. е., что послѣ того, какъ онъ потратитъ на свою жизнь продукты своего труда, у него остается еще нѣкоторый излишекъ. Одна семья земледѣльцевъ, на примѣръ, производитъ достаточно, чтобы прокормить нѣсколько семей.

Эта часто повторяемая фраза кажется намъ тоже лишенной всякаго смысла. Если бы она означала, что каждое поколѣніе оставляетъ что-нибудь послѣдующимъ поколѣніямъ, то она была бы справедлива. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ сажаетъ дерево, которое проживетъ тридцать, сорокъ или сто лѣтъ и съ котораго его внуки все еще будутъ рвать плоды. Если онъ расплатился клочекъ нови, онъ увеличилъ этимъ наслѣдство грядущихъ поколѣній. Дорога, мостъ, каналъ, домъ и находящаяся въ немъ мебель, все это — богатства, завѣщанныя слѣдующимъ поколѣніямъ.

Но рѣчь идетъ не объ этомъ. Намъ говорятъ, что крестьянинъ производитъ больше хлѣба, чѣмъ потребляетъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что такъ какъ государство всегда брало съ него значительную долю его жатвы въ видѣ налоговъ, духовенство — въ видѣ десятины, а баринъ — въ видѣ оброка или арендной платы, то создался цѣлый классъ людей, которые въ былыя времена потребляли то, что производили (за исключеніемъ того что оставалось ими въ запасъ, или того что они дѣлали въ прокъ, для своихъ же дѣтей и внуковъ), но которые теперь принуждены кормиться съ грѣхомъ пополамъ и не доѣдать, потому что львиную долю того, что они выращиваютъ, берутъ у нихъ государство, землевладѣлецъ, священникъ и ростовщикъ.

Мы предпочитаемъ поэтому сказать, что **крестьянинъ потребляетъ**

*) Съ тѣхъ поръ какъ это было написано, Соединенные Штаты стали дѣйствительно производить излишекъ пшеницы и особенно маиса. Но за то, цѣлой массы другихъ продуктовъ земледѣлія еще производится недостаточно. Хлѣбъ въ Соединенныхъ Штатахъ и нѣсколько милліоновъ аршинъ мяткаля въ Англии — вотъ все, что производится излишекъ, свыше мѣстныхъ потребностей.

меньше, чѣмъ производить, потому что его заставляютъ продавать все что у него есть лучшаго, а себѣ оставлять ровно столько, сколько крайне необходимо на скудное пропитаніе. И всякій пойметъ, что такъ сказать несравненно вѣриѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнѣе, потому что заставляютъ задуматься надъ причиною крестьянской нищеты.

Замѣтимъ также, что если принять за исходную точку потребности людей, то неизбежно должны придти къ коммунизму, т. е. къ тому общественному устройству, которое наиболѣе полнымъ и наиболѣе экономнымъ образомъ обезпечиваетъ удовлетвореніе этихъ потребностей. Напротивъ того, если исходить изъ современнаго производства, имѣть въ виду только прибыль и прибавочную стоимость, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько производство даетъ удовлетворенія потребностямъ, экономнѣе неизбежно приходится къ капитализму, или, самое бѣльшее, къ коллективизму, — во всякомъ случаѣ, къ той или другой формѣ наемнаго труда.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на потребности личности и общества, и на тѣ средства, которыми человекъ пользовался на различныхъ ступеняхъ своего развитія для ихъ удовлетворенія, то мы убѣдимся въ необходимости согласовать единичныя усилія людей и направлять ихъ къ общей цѣли — удовлетворенію нуждъ **всѣхъ** членовъ общества, — а не представлять удовлетвореніе этихъ нуждъ всѣмъ случайностямъ разрозненнаго производства, какъ это происходитъ теперь. Мы поймемъ, что присвоеніе небольшимъ меньшинствомъ всѣхъ богатствъ, которыя остались непотребленными въ одномъ поколѣніи, и должны были бы перейти къ слѣдующему поколѣнію, отнюдь не соответствуетъ интересамъ общества. Потребности трехъ-четвертей общества остаются въ такомъ случаѣ неудовлетворенными, а бесполезная трата человеческихъ силъ становится еще болѣе бессмысленной и еще болѣе жестокой.

Мы поймемъ, наконецъ, что самое выгодное употребленіе продуктовъ, это — удовлетвореніе, прежде всего, **наиболѣе настоятельныхъ потребностей**, и что цѣнность предмета, по отношенію къ его полезности зависитъ не отъ простаго каприза, какъ часто говорятъ экономисты, а отъ той степени, въ которой онъ нуженъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ и наиболѣе настоятельныхъ нуждъ.

Коммунизмъ — т. е. общественный взглядъ на потребленіе, производство и обмѣнъ — и общественный строй, соответствующій этому взгляду — является, такимъ образомъ, прямымъ выводомъ изъ такого способа пониманія вещей — единственнаго, по нашему мнѣнію, дѣйствительно научнаго пониманія жизни общества.

Общество, которое удовлетворить потребности всѣхъ и сѣумѣетъ устроить ради этого свое производство, должно будетъ, кромѣ того покончить и съ нѣкоторыми предрасудками, установившимися относительно промышленности, и прежде всего — съ прославленной экономистами теоріей раздѣленія труда, которою мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

РАЗДѢЛЕНІЕ ТРУДА.

Политическая экономія всегда ограничивалась тѣмъ, что перечисляла факты, происходящіе въ обществѣ, а затѣмъ истолковывала ихъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Точно такъ же поступила она и съ раздѣленіемъ труда въ промышленности: она нашла его выгоднымъ для капиталистовъ и потому возвела его въ принципъ, въ законъ.

Посмотрите на этого деревенскаго кузнеца, говорилъ Адамъ Смитъ — основатель современной политической экономіи. Если онъ не привыкъ дѣлать гвозди, то онъ съ трудомъ сдѣлаетъ ихъ двѣсти или триста въ день, и то они будутъ плохіе. Но если тотъ же кузнецъ будетъ дѣлать всю свою жизнь одни только гвозди, то онъ легко сможетъ произвести ихъ до двухъ тысячъ трехсотъ въ теченіе одного дня. И Смитъ смѣшил вывести изъ этого заключеніе, что надо подраздѣлять трудъ и все специализировать и специализировать. Въ концѣ концовъ у насъ будутъ кузнецы, не умѣющие дѣлать ничего кромѣ шляпки или острія гвоздя, и мы такимъ образомъ произведемъ гораздо больше и обогатимся.

Что же касается того, — не потеряетъ ли кузнецъ, осужденный всю свою жизнь дѣлать только шляпки гвоздей, всякій интересъ къ работѣ? не окажется ли онъ, зная только одну эту частицу своего ремесла, цѣликомъ во власти хозяина? не придется ли ему сидѣть безъ работы по четыре мѣсяца въ году? не падетъ ли его заработная плата, когда окажется, что его легко можно замѣнить мальчикомъ-ученикомъ, — объ этомъ Адамъ Смитъ не думалъ, когда восклицалъ: „Да здравствуетъ раздѣленіе труда! Вотъ гдѣ золотая россыпь, обогащающая націю!“ И всѣ стали восклицать вслѣдъ за нимъ то же самое.

Даже впоследствии, когда Сисмонди и Ж. Б. Сэй стали замѣчать, что, вмѣсто того, чтобы обогащать націю, раздѣленіе труда обогащаетъ только богатыхъ, а рабочій, вынужденный всю свою жизнь выдѣлывать какую-нибудь восемнадцатую долю булавки, тушеть и доходитъ до нищеты, даже тогда, предложили ли официальные политико-экономы какія-нибудь мѣры противъ этихъ послѣдствій раздѣленія труда? Никакихъ. Имъ и не приходило въ голову, что, занимаясь всю жизнь одною и тою же машинальною работою, рабочій потеряетъ умъ и изоб-

рѣтательность, и что производительность націи падеть вслѣдствіе этого, тогда какъ разнообразіе занятій, наоборотъ, сильно увеличило бы производительность даннаго народа и развило бы изобрѣтательность. И вотъ теперь, передъ нами возстаетъ именно этотъ вопросъ.

Если бы, впрочемъ, раздѣленіе труда — постоянное раздѣленіе, на всю жизнь, а иногда и передающееся даже по наслѣдству отъ отца къ сыну — проповѣдывали одни только экономисты, то мы бы предложили имъ говорить что хотятъ. Но дѣло въ томъ, что идеи этихъ ученыхъ мужей проникаютъ въ умы публики и извращаютъ ихъ. Слыша постоянно о раздѣленіи труда, о процентѣ, о рентѣ, о кредитѣ и т. п., какъ давно рѣшенныхъ вопросахъ, всѣ — въ томъ числѣ и сами рабочіе — начинаютъ разсуждать такъ же, какъ и экономисты, и преклоняться передъ тѣми же идолами.

Мы видимъ, напримѣръ, что многіе социалисты, даже тѣ, которые не боялись напасть на заблужденія буржуазной науки, относятся съ уваженіемъ къ принципу раздѣленія труда. Если вы заговорите съ ними о томъ, какъ бы слѣдовало обществу организоваться во время Революціи, они скажутъ вамъ, что раздѣленіе труда нужно конечно сохранить; что если вы дѣлали булавочныя головки до Революціи, то вы будете дѣлать тѣ же головки и послѣ. Правда, вы будете заниматься этимъ всего пять часовъ въ день, но все таки всю свою жизнь вы будете дѣлать однѣ только булавочныя головки; другіе будутъ изобрѣтать машины или проекты машинъ, которые дадутъ вамъ возможность удесятенить ваше производство булавочныхъ головокъ; третьи, наконецъ, специализируются въ высокихъ сферахъ литературнаго, научнаго и художественнаго труда. Вы же родились выдѣльвателемъ булавочныхъ головокъ, — все равно какъ Пастеръ родился прививателемъ бѣшенства, и Революція оставитъ обоихъ васъ на вашихъ теперешнихъ мѣстахъ: его — въ лабораторіи, васъ — за выдѣлкой булавочныхъ головокъ.

Вотъ этотъ-то именно ужасный принципъ, безконечно вредный для общества и притупляющій для личности, — этотъ источникъ цѣлаго ряда золъ, мы и хотимъ разобрать теперь въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ.

Послѣдствія раздѣленія труда извѣстны. Въ современномъ обществѣ мы раздѣлены на два класса: съ одной стороны — производители, которые потребляютъ очень мало и избавлены отъ труда думать, потому что имъ нужно работать, и въ то же время работаютъ плохо, потому что ихъ мозгъ бездѣйствуетъ; съ другой стороны — потребители, которые производятъ мало, или не производятъ вовсе ничего, но пользуются привилегіей думать за другихъ, и думаютъ; но думаютъ

плохо, потому что существуетъ цѣлый міръ — міръ работниковъ физическаго труда, который остается имъ неизвѣстнымъ. Работники земледѣльческаго труда не имѣютъ никакого понятія о машинѣ, а тѣ, которые работаютъ у машинъ, не знаютъ ничего о работахъ полевыхъ. Идеаль современной промышленности, это — ребенокъ, смотрящій за машиной, въ которой онъ ничего не понимаетъ и не долженъ понимать; рядомъ съ нимъ — надсмотрщикъ, налагающій на него штрафы, если его вниманіе хоть на минуту ослабѣетъ, а надъ нимъ обрѣмни — инженеръ, который выдумываетъ машину, за которой человекъ останется только подкладывать, подталкивать и смазывать. Земледѣльческаго рабочаго стремятся даже совсѣмъ уничтожить: идеаль современнаго сельскаго хозяйства, это — работникъ, напятый на три мѣсяца и управляющій паровымъ плугомъ или молотилкой, и отпускаемый, какъ только онъ вспахалъ или обмолотилъ. Раздѣленіе труда, это значитъ, что на человекъ наклеивается на всю жизнь извѣстный ярлыкъ, который дѣлаетъ изъ него завязчика узелковъ на фабрикѣ, подталкивателя тачки въ такомъ то мѣстѣ штольни, но не имѣющаго ни малѣйшаго понятія ни о машинѣ въ ея цѣломъ, ни о данной отрасли промышленности, ни о добычѣ угля — человекъ, который вслѣдствіе этого теряетъ ту самую охоту къ труду и ту самую изобрѣтательность, которыя создали въ началѣ развитія современной промышленности всѣ машины, которыми мы такъ гордимся.

То же раздѣленіе труда, которое установили между людьми, хотѣли установить и между народами. Человѣчество полагалось раздѣлить, такъ сказать, на національныя фабрики, имѣющія каждая свою особую специальность. Россія, говорили намъ, предназначена природой выращивать хлѣбъ; Англія — выдѣлывать бумажныя ткани; Бельгія — производить сукна, а Швейцарія — поставлять нянекъ. Затѣмъ, внутри каждой націи должна произойти новая спеціализація: Ліонъ будетъ производить шелкъ, Овернь — кружева, Парижъ различныя мелкія вещи; Вознесенскъ будетъ дѣлать миткали, Харьковъ — сукна, а Петербургъ — чиновниковъ. Если вѣрить экономистамъ, то такое „раздѣленіе труда“ должно было открыть человѣчеству безграничное поле, какъ для производства, такъ и для потребленія — цѣлую новую эру труда и громаднѣйшаго богатства для всѣхъ.

Но всѣ эти обширныя надежды рушатся нынѣ, по мѣрѣ того какъ техническія знанія начинаютъ распространяться повсемѣстно. Пока Англія одна производила бумажныя ткани и обрабатывала въ большихъ размѣрахъ металлы, а Парижъ одинъ производилъ артистическія мелочи и модныя вещи — все шло хорошо, и о благодѣяніяхъ того, что

называли раздѣленіемъ труда, можно было говорить, не боясь опроверженія.

Но вотъ начинается новое теченіе, подъ вліяніемъ котораго всѣ образованныя націи пытаются завести, каждая у себя, всевозможныя отрасли промышленности, такъ какъ онѣ находятъ, что имъ выгоднѣе производить самимъ то, что онѣ раньше покупали по очень дорогой цѣнѣ отъ другихъ, платя имъ дань за свое невѣжество; даже колоніи, какъ Индія, Канада, Австралія, стремятся освободиться отъ своихъ метрополій. Наука распространяетъ повсюду технику всѣхъ производствъ, и люди замѣчаютъ, что имъ совсѣмъ не зачѣмъ платить непомѣрно высокія цѣны за англійское желѣзо, за французскій шелкъ, когда они сами могутъ производить у себя — въ Германіи, въ Россіи, въ Австріи, въ Соединенныхъ Штатахъ то же желѣзо и тѣ же шелка.

Создать у себя промышленность обрабатывающую, во всевозможныхъ ея отрасляхъ, становится стремленіемъ рѣшительно всѣхъ народовъ. И является вопросъ: если раздѣленіе труда между различными народами, которое еще недавно выставлялось намъ экономической необходимостью — закономъ — исчезаетъ, то не такъ же ли ложенъ былъ законъ о необходимости раздѣленія труда, спеціализаціи, между отдѣльными личностями*).

*) Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ книгѣ, *Fields, Factories and Workshops*, 1-ое изданіе въ 1900 году, слѣдующія въ 1901-мъ году.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Къ концу наполеоновскихъ войнъ Англія почти вполне удалось раззорить крупную промышленность, пародившуюся во Франціи въ концѣ всезнадцатаго вѣка. Она стала владычицей морей и не имѣла серьезныхъ конкурентовъ. Воспользовавшись этимъ, чтобы монополизировать обрабатывающую промышленность и заставляя своихъ сосѣдей покупать по какой ей угодно было цѣнѣ товары, производившіеся ею одною, она стала накапливать богатства за богатствами и сумѣла извлечь изъ этого привилегированнаго положенія и связанныхъ съ нимъ преимуществъ большую выгоду.

Но когда буржуазная революція прошлаго вѣка уничтожила крѣпостное право и создало во Франціи пролетаріатъ, крупная промышленность, временно приостановленная въ своемъ ростѣ, начала развиваться съ новой силой и уже со второй половины девятнадцатаго вѣка Франція перестала зависѣть отъ Англіи въ отношеніи продуктовъ фабричнаго производства. Въ настоящее время она въ свою очередь сама ведетъ вывозную торговлю, продавая за границу больше чѣмъ на полтора миллиарда товаровъ, изъ которыхъ двѣ трети состоятъ изъ матерій. Число французовъ, работающихъ на вывозъ или живущихъ внѣшнюю торговлю, опредѣляется приблизительно въ три милліона.

Такимъ образомъ, Франція перестала быть зависимою отъ Англіи и въ свою очередь начала стремиться монополизировать нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли, какъ напр. торговлю шелковыми матеріями и готовымъ платьемъ. Она получила отъ этого огромную выгоду, но въ настоящее время ей уже грозитъ опасность утратить навсегда эту монополию, подобно тому какъ Англія теряетъ монополию производства бумажныхъ тканей и даже бумажной пряжи.

Въ своемъ движеніи по направленію къ востоку, промышленность остановилась затѣмъ на Германіи. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Германія получала бѣольшую часть продуктовъ крупной промышленности изъ Англіи и изъ Франціи. Теперь дѣло стоитъ совершенно иначе: въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, особенно же со времени войны, Германія совершенно преобразовала свою промышленность. Фабрики ея снабжены самыми лучшими машинами и даютъ самыя но-

выя произведенія промышленнаго искусства — манчестерскія бумажныя ткани и лионскіе шелка. Тогда какъ для изобрѣтенія и усовершенствованія какой-нибудь современной машины, въ Лионѣ или въ Манчестерѣ потребовалось два или три поколѣнія рабочихъ, Германія беретъ эту машину уже готовою. Техническія школы, приспособленныя къ потребностямъ, промышленности, доставляютъ для ея фабрикъ цѣлую армію знающихъ рабочихъ, инженеровъ практиковъ, умѣющихъ работать какъ руками, такъ и теоретически. Нѣмецкая промышленность начинаетъ свое развитіе съ той точки, до которой Манчестеръ и Лионъ дошли лишь послѣ пятидесятилѣтнихъ усилій, опытовъ и исканій, а потому быстро развивается.

Въ результатъ, имѣя возможность производить то же самое у себя дома, Германія съ каждымъ годомъ уменьшаетъ свой ввозъ товаровъ изъ Франціи и Англіи. Она уже соперничаетъ съ ними въ вывозѣ въ Азію и Африку и даже болѣе того: на самомъ парижскомъ и лондонскомъ рынкахъ. Близорукіе люди могутъ, конечно, возмущаться франкфуртскимъ договоромъ (между Франціею и Германіею), могутъ объяснять нѣмецкую конкуренцію маленькой разницей въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, или тѣмъ, что нѣмецъ работаетъ „за-даромъ“ — т. е. останавливаться на второстепенныхъ сторонахъ вопроса; но при этомъ они упускаютъ изъ виду великіе историческіе факты. Несмѣннымъ остается то, что крупная промышленность составлявшая когда-то привилегію Англіи Франціи, подвинулась по направленію къ востоку. Въ Германіи она встрѣтила молодой и полный силъ народъ и буржуазію, умную и жаждущую обогатиться въ свою очередь путемъ ви́шней торговли.

Въ то время, какъ Германія освобождалась отъ французской и англійской опеки и начинала сама выдѣлывать и бумажныя и другія ткани, и машины — однимъ словомъ, всѣ продукты фабричнаго производства — крупная промышленность пускала корни также и въ Россіи, гдѣ мы видимъ развитіе фабрикъ тѣмъ болѣе быстрое, что оно началось очень недавно.

Въ 1861 году, въ моментъ уничтоженія крѣпостнаго права, промышленности въ Россіи почти не существовало. Всѣ нужныя машины, рельсы, локомотивы, дорогія матеріи — все это получалось съ Запада. Двадцать лѣтъ спустя, въ ней было уже больше 85.000 фабрикъ и общая стоимость товаровъ, выходявшихъ изъ этихъ фабрикъ, возросла въ четыре раза. Старыя машины цѣлкомъ замѣнились новыми. Почти вся сталь, три четверти желѣза, двѣ трети угля, потребляемыхъ теперь, всѣ локомотивы, всѣ вагоны, всѣ рельсы, почти всѣ пароходы изготовляются уже въ самой Россіи.

Изъ страны, предназначенной, по словамъ экономистовъ, всегда оставаться земледѣльческою, Россія превратилась въ промышленную. Она уже весьма мало фабрикатовъ получаетъ изъ Англiи и очень немного изъ Германiи.

Экономисты объясняютъ эти факты покровительственными пошлинами; между тѣмъ продукты фабричнаго производства продаются въ Россiи почти по тѣмъ же цѣнамъ, что и въ Лондонѣ. Капиталь не имѣетъ родины: нѣмецкіе и англійскіе капиталисты отлично привозятъ своихъ инженеровъ и надсмотрщиковъ за работами и устраняютъ въ Россiи и въ Польшѣ фабрики, нисколько не уступающія по качеству своихъ продуктовъ, лучшимъ фабрикамъ Англiи. Если завтра ввозныя пошлины будутъ уничтожены, фабрики отъ этого не погибнутъ, а только выиграютъ. Въ настоящую минуту англійскіе инженеры сами наносятъ послѣдній ударъ ввозу сукна и шерсти съ Запада: они устраняютъ на югъ Россiи громадныя шерстяныя фабрики, снабженныя самыми усовершенствованными брадфордскими машинами, и черезъ десять лѣтъ Россія будетъ ввозить лишь очень небольшое количество англійскихъ суконъ и французскихъ шерстяныхъ тканей, и то только въ качествѣ образчиковъ.

Крупная промышленность распространяется не только на востокъ, но и на югъ. Туринская выставка 1884 года показала намъ, какіе успѣхи сдѣлала итальянская промышленность, и ненависть между французской и итальянской буржуазіей имѣетъ единственнымъ источникомъ промышленное соперничество между ними. Италія освобождается отъ французской опеки и конкурируетъ съ французскими купцами въ бассейнѣ Средиземнаго моря и на востокѣ. И вотъ почему, рано или поздно, на границѣ между Франціей и Италіей произойдетъ кровопролитіе, — если только трата этой драгоцѣнной крови не будетъ предотвращена Революціей.

Мы могли бы указать также на быстрые успѣхи Испанiи въ развитiи крупной промышленности. Но возьмемъ лучше Бразилію. Политико экономы осудили ее на то, чтобы вѣчно выращивать хлопокъ, вывозить его въ сыромъ видѣ, а затѣмъ получать изъ Европы бумажныя ткани, и дѣйствительно тридцать лѣтъ тому назадъ въ Бразилiи было всего девять несчастныхъ маленькихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ, съ 385 веретенами. Въ 1890-омъ году ихъ уже было сорокъ шесть; въ пяти изъ нихъ имѣлось 40.000 веретенъ и онѣ выносили на рынокъ тридцать милліоновъ метровъ бумажной ткани въ годъ. За послѣдніе годы успѣхи были еще быстрѣе.

Даже въ Мексикѣ начали выдѣлывать бумажныя ткани у себя, вмѣсто того, чтобы привозить ихъ изъ Европы, и въ 1894 году англій-

скій консуль доносилъ, что въ Оризабѣ выдѣлываютъ ситцы, которымъ едва ли есть равные среди привозныхъ. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то они уже освободились отъ европейской опеки. Крупная промышленность торжествуетъ тамъ вполне. Они уже ищутъ рынковъ.

Но страна, которая ярче всѣхъ опровергаетъ теорію сторонниковъ спеціализаціи національныхъ промышленностей, это — Индія. Мы знаемъ, что намъ всегда говорятъ въ учебникахъ: „Крупнымъ европейскимъ націямъ нужны колоніи. Эти колоніи будутъ посылать въ метрополию сырые продукты: хлопокъ, шерсть, пряности и т. д. За то метрополія будетъ посылать имъ продукты своихъ фабрикъ: матеріи, (дрянные, не пахотящія сбыта дома), старое желѣзо, въ видѣ отсталыхъ уже машинъ — однимъ словомъ все то, что ей самой не нужно, что ей стоитъ мало, но въ колоніи можетъ быть продано по высокой цѣнѣ.

Такова была теорія и такова же была, въ теченіе долгаго времени, практика. Въ Лондонѣ и Манчестрѣ наживались громаднѣйшія состоянія, а Индія раззорялась. Пройдите только по Индійскому Музею въ Лондонѣ и вы увидите, какія неслыханныя, невѣроятныя богатства накопили въ Калькуттѣ и Бомбѣ английскіе торговцы.

Но вотъ другимъ, также английскимъ, торговцамъ и капиталистамъ, пришла въ голову совершенно естественная мысль, что гораздо выгоднѣ эксплуатировать жителей Индіи непосредственно и выдѣлывать бумажныя ткани въ самой Индіи, вмѣсто того, чтобы ввозить ихъ на двѣсти съ лишкомъ милліоновъ рублей въ годъ изъ Англій.

Вначалѣ имъ пришлось потерпѣть рядъ неудачъ. Индійскіе ткачи, артисты своего ремесла, не могли примириться съ фабричными порядками. Машинны, присланныя изъ Ливерпуля, оказались негоднымъ старьемъ; кромѣ того нужно было принять во вниманіе условія климата, приспособиться къ новымъ условіямъ. Въ настоящее время все это уже пережито, и Английская Индія становится все болѣе и болѣе опасной соперницей для мануфактуръ метрополиі. Въ ней существовало въ 1895-омъ году 147 большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, на которыхъ работало около 146.000 рабочихъ. Каждый годъ, Индія вывозитъ въ Китай, въ Голландскую Индію и въ Африку больше чѣмъ на 50 милліоновъ рублей той самой бѣлой бумажной матеріи, которую считали прежде спеціальностью Англій, а въ 1897 году бумажныхъ тканей уже вывезено было изъ Индіи на 140 милліоновъ рублей. И въ то время, какъ англійскіе рабочіе сидятъ безъ работы, индусскія женщины, получающія по 24 копѣйки въ день, выдѣлываютъ на машинѣ тѣ бумажныя ткани, которыми нынѣ начинаютъ наводнять портовые города Крайняго Востока. Джутовое же дѣло развивается еще быстрѣе.

Однимъ словомъ, недалекъ день, — и умные фабриканты отлично это знаютъ (ради этого и Африку рѣшили завоевать), когда въ Англіи не будутъ знать, куда дѣвать тѣ „рабочія руки“, которыя раньше занимались тканьемъ бумажныхъ матерій на вывозъ. Мало того: есть очень серьезныя основанія думать, что черезъ двадцать лѣтъ Индія не будетъ покупать у Англіи ни одной тонны желѣза. Первые препятствія, которыя встрѣчала эксплуатація угля и желѣза въ Индіи, уже успѣли преодолѣть и на берегахъ Индійскаго океана уже возвышаются заводы, соперничающіе съ англійскими.

Колоніи, конкурирующія съ метрополіями продуктами своихъ фабрикъ — вотъ поразительное явленіе экономической жизни девятнадцатаго вѣка.

И почему бы имъ и не конкурировать? Чего имъ не хватаетъ? Капитала? Но капиталъ пойдетъ всюду, гдѣ только есть несчастные, которыхъ можно эксплуатировать. Знаній? Но знаніе не признаетъ національныхъ границъ. Техническихъ знаній у рабочихъ? Но чѣмъ индусскій рабочий хуже тѣхъ 92.000 мальчиковъ и дѣвочекъ моложе пятнадцати лѣтъ, которые заняты теперь въ Англіи въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ?

II.

Мы бросили бѣглый взглядъ на промышленность отдѣльныхъ странъ; теперь было бы интересно сдѣлать такой же обзоръ нѣкоторыхъ специальныхъ отраслей промышленности.

Возьмемъ, напримѣръ, шелкъ, который въ первой половинѣ этого вѣка былъ чисто-французскимъ продуктомъ. Извѣстно, что Лионъ сталъ одно время центромъ обработки шелка, который сначала собирали въ долинѣ Роны, а затѣмъ стали покупать въ Италиі, Испаниі, Австріи, на Кавказѣ и въ Японіи. На десять миллионновъ фунтовъ шелка-сырца, превращеннаго въ 1875 году въ матерію въ Лионѣ и окрестностяхъ, французскаго шелка приходилось всего 800.000 фунтовъ.

Но разъ Лионъ сталъ обрабатывать ввозный шелкъ, то почему было не дѣлать того же самаго Швейцаріи, Германіи, Россіи? Мало по малу тканье шелковыхъ матерій развилось въ деревняхъ цюрихскаго кантона. Базель сдѣлался крупнымъ центромъ шелковаго производства. Кавказская администрація обратилась къ марсельскимъ работницамъ и лионскимъ рабочимъ съ приглашеніемъ пріѣхать на Кавказъ обучать грузинъ усовершенствованнымъ приѣмамъ разведенія шелковичнаго червя, а кавказскихъ крестьянъ — искусству превращать шелкъ въ матерію. Этому же примѣру послѣдовала и Австрія. Германія устро-

пла, при содѣйствіи самихъ же ліонскихъ рабочихъ, огромныя шелковыя фабрики. Соединенные Штаты сдѣлали то же самое въ Патерсонѣ...

И вотъ теперь шелковое производство уже перестало быть спеціальною Франціи. Шелковыя матеріи выдѣлываются и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Англіи, и въ Россіи. Кавказскіе крестьяне ткуть по зимамъ фуляры за такую плату, при которой ліонскому ткачу пришлось бы умирать съ голоду. Италія посылаетъ свои шелка во Францію, а Ліонъ, вывозившій въ періодъ времени за 1870—74 года на 150 милліоновъ рублей шелка, теперь вывозитъ его всего на 75 милліоновъ. Скоро онъ будетъ посылать за границу исключительно матеріи высшихъ сортовъ, или же какія-нибудь новыя ткани, которыя могутъ послужить образцомъ для нѣмцевъ, русскихъ и японцевъ.

То же самое происходитъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Бельгія вполнѣ утратила уже монополію выдѣлки суконъ, которыя производятся теперь и въ Германіи, и въ Россіи, и въ Австріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ. Швейцарія и французская Юра потеряли монополію производства часовъ: часы теперь дѣлаютъ повсюду. Шотландія уже не рафинируетъ сахара для Россіи, а русскій сахаръ ввозится въ Англію; Италія, несмотря на то, что у нея нѣтъ ни желѣза, ни угля, сама строитъ свои броненосцы и паровыя машины для своихъ пароходовъ; производство химическихъ веществъ перестало быть монополіей Англіи; сѣрную кислоту и соду приготавливаютъ всюду. На парижской выставкѣ 1889 года обращали на себя особое вниманіе всевозможныя машины, построенныя въ окрестностяхъ Цюриха, и оказалось, что Швейцарія, удаленная отъ морей, не имѣющая ни угля, ни желѣза — ничего, кромѣ прекрасныхъ техничесткихъ школъ — производитъ теперь машины лучше и дешевле, чѣмъ Англія. Вотъ какъ сошла на-нѣтъ старая теорія спеціализаціи націй для обмѣна.

Такимъ образомъ въ промышленности, какъ и во всемъ остальномъ, наблюдается то же стремленіе, т. е. стремленіе къ децентрализаціи.

Каждая нація находитъ болѣе выгоднымъ соединить у себя земледѣліе съ возможно болѣе разнообразными фабриками и заводами. Та спеціализація, о которой намъ говорили политико-экономы, годилась, можетъ быть, для ообгащенія нѣсколькихъ капиталистовъ, но она совершенно бесполезна вообще: гораздо выгоднѣе, наоборотъ, чтобы каждая страна, каждая географическая область могла воздѣлывать у себя нужные ей хлѣбъ и овощи и производить сама бѣльшую часть предметовъ, которые она потребляетъ. Это разнообразіе — лучшій

залогъ развитія промышленности, посредствомъ взаимодействія различныхъ ея отраслей, развитія и распространенія техническихъ знаній, и вообще движенія впередъ; тогда какъ социализація, это, наоборотъ, — остановка всякаго прогресса.

Земледѣліе можетъ процвѣтать только рядомъ съ промышленностью. А какъ только гдѣ-нибудь появится хоть одинъ заводъ, вокругъ него обязательно должно вырасти множество другихъ заводовъ, которые поддерживаютъ и поощряютъ другъ друга своими изобрѣтеніями и развиваются параллельно.

III.

Въ самомъ дѣлѣ, вывозить хлѣбъ — и ввозить муку, вывозить шерсть — и ввозить сукна, вывозить желѣзо — и ввозить машины — беземысленно не только потому, что съ перевозкой связаны ненужные расходы, но еще въ особенности потому, что страна, въ которой отсутствуетъ промышленность, неизбежно окажется отсталой и въ земледѣліи. Страна, въ которой нѣтъ большихъ заводовъ для обработки стали, останется позади и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности; и, наконецъ, потому, что такимъ образомъ значительное число промышленныхъ и техническихъ способностей, существующихъ среди народа, остается безъ употребленія.

Въ мірѣ производства все, въ настоящее время, начинаетъ связываться одно съ другимъ. Обработка земли стала невозможной безъ машинъ, безъ спальной поливки, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ искусственнаго удобренія. А для того, чтобы имѣть приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ машины, желѣзныя дороги, снаряды для поливки, фабрики удобренія и т. п., требуется извѣстная изобрѣтательность, извѣстное техническое умѣніе, которыя даже не могутъ проявиться, пока единственнымъ земледѣльческими орудіями остаются заступъ и соха.

Для того, чтобы оно давало тѣ роскошные урожаи, которыхъ человѣкъ вправе отъ него требовать, вблизи его должны находиться фабрики и заводы — много фабрикъ и заводовъ, точно также какъ рядомъ съ фабриками и заводами должно жить зажиточное крестьянское населеніе, которое потребляло бы фабричныя продукты. Иначе страна должна захирѣть, какъ хирѣетъ теперь Англія, вынужденная пускаться въ очень дорого стоющія завоеванія, чтобы сбывать свои товары, и отставать отъ другихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ главный ея доходъ сталъ теперь — отрѣзаніе купоновъ у акцій и банковое дѣло, т. е. ростовщичество.

Не въ спеціалізаціи, а въ разнообразіи занятій, въ разнообразіи способностей, соединяющихся ради одной общей цѣли — лежитъ главная сила экономическаго прогресса.

Представимъ себѣ теперь территорію — крупную или мелкую, дѣлающую первые шаги на пути къ Соціальной Революціи.

„Никакого измѣненія не произойдетъ“, говорятъ намъ иногда коллективисты въ своихъ утопіяхъ. „Фабрики, заводы и мастерскія экспроприруютъ и провозгласятъ ихъ національною или общинною собственностью, а затѣмъ каждый вернется къ своему обычному труду. Соціальная Революція будетъ произведена“.

Но этого, конечно, не будетъ. Соціальная Революція такъ просто не совершится. Мы уже говорили, что, если завтра гдѣ бы то ни было: въ Парижѣ, въ Лионѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ вспыхнетъ революція, если завтра, въ Парижѣ или гдѣ бы то ни было, народъ завладѣетъ заводами, домами и банками — все современное производство должно будетъ совершенно измѣнить весь свой видъ, въ силу одного этого факта.

Внѣшняя торговля и подвозъ хлѣба изъ-за границы прекратятся; движеніе товаровъ и съѣстныхъ припасовъ будетъ приостановлено. Чтобы имѣть все необходимое, возставшему народу или возставшей территоріи придется поэтому преобразовать все свое производство. Если они не сумѣютъ этого сдѣлать — они должны будутъ погибнуть. Если же они восторжествуютъ, то это значитъ, что они совершатъ полную революцію во всей экономической жизни страны, во всемъ производствѣ и распредѣленіи.

Подвозъ жизненныхъ припасовъ приостановится, а потребление, между тѣмъ, возрастетъ; три милліона французовъ, работающіе на вывозъ, останутся безъ работы; множества предметовъ, которые Франція привыкла получать изъ дальнихъ или изъ сосѣднихъ странъ, не будетъ; производство предметовъ роскоши временно приостановится; — что же дѣлать тогда жителямъ, чтобы обезпечить себѣ возможность жизни хоть на годъ?

По нашему мнѣнію, отвѣтъ ясенъ и неизбѣженъ. Когда запасы начнутъ истощаться, большинство вынуждено будетъ обратиться за пищей къ землѣ. Придется воздѣлывать землю, придется соединить въ самомъ Парижѣ и въ его окрестностяхъ земледѣліе съ промышленностью и оставить пока многія мелкія ремесла, занимающіяся предметами роскоши, чтобы позаботиться о самомъ насущномъ — о хлѣбѣ.

Горожанамъ придется заняться земледѣліемъ, — но очевидно не такимъ, которое теперь выпало на долю крестьянъ, изнуряющихъ себя за плугомъ и едва получающихъ чѣмъ себя прокормить, а земледѣліемъ,

опирающимся на усиленную, садово-огородную обработку земли, примененную въ широкихъ размѣрахъ и пользующуюся всѣми машинами, какія уже изобрѣлъ и изобрѣтетъ человекъ. Они будутъ обрабатывать землю, но не такъ какъ подобный выючному животному крестьянинъ — на что, между прочимъ, парижскій ювелиръ и не пойдетъ. Нѣтъ, они преобразуютъ земледѣліе и сдѣлаютъ это не черезъ десять лѣтъ, а сейчасъ же, въ разгарѣ революціонной борьбы, потому что иначе имъ не устоять передъ врагомъ.

Они должны будутъ заняться землею, какъ люди сознательные, вооружившись знаніемъ и собираясь для привлекательнаго труда въ веселыя группы, подобныя тѣмъ, которыя сто лѣтъ тому назадъ работали на Марсовомъ полѣ, приготовляя его къ празднику Федерациі. И дѣйствительно, трудъ земледѣльческій доставляетъ множество наслажденій, когда онъ не продолжается свыше мѣры, когда онъ организованъ научно, когда человекъ улучшаетъ и изобрѣтаетъ орудія, когда онъ сознаетъ себя полезнымъ членомъ общества.

Итакъ, нужно будетъ заняться обработкой земли. Но нужно будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, производить и множество вещей, которыя мы вообще привыкли получать изъ-за границы; а не слѣдуетъ забывать, что для жителей возставшей территоріи „за-границей“ будетъ все, что не послѣдуетъ за ними въ ихъ революціонномъ движеніи. Въ 1793 и 1871 году „за-граница“ начиналась для возставшаго Парижа у самыхъ воротъ города. Спекуляторъ на хлѣбъ, жившій въ сосѣднемъ городѣ, уже морилъ съ голоду парижскихъ санъ-кюотовъ („оборванцевъ“), точно также и даже больше, чѣмъ нѣмецкія войска, приведенныя на французскую территорію версальскими заговорщиками. Нужно будетъ сдумать обойтись безъ этой „за-границы“ — и безъ нея обойдутся. Когда, вслѣдствіе континентальной блокады, Франція оказалась лишенной тростниковаго сахара, она выдумала свекловичный. Когда неоткуда было взять селитры для пороха, Парижъ нашелъ ее у себя въ погребахъ. Неужели же мы, вооруженные современнымъ знаніемъ, окажемся ниже нашихъ дѣдовъ, которые еще только знакомилсъ съ первыми начатками науки?

Дѣло въ томъ, что революція есть нѣчто бѣльшее, чѣмъ уничтоженіе того или другого строя. Она является также пробужденіемъ человеческого ума, она представляетъ развитіе изобрѣтательности; она — заря новой науки, науки Лапласовъ, Ламарковъ, Лавуазье, созданной революціей 1789—1793 года. Она — революція въ умахъ, еще болѣе значительная, чѣмъ революція въ учрежденіяхъ.

А намъ говорятъ, чтобы мы вернулись въ свои мастерскія, точно

рѣчь идетъ о томъ, чтобы придти къ себѣ домой послѣ прогулки въ какомъ-нибудь загородномъ лѣсу, или къ избирательнымъ урнамъ!

Уже одинъ фактъ разрушенія буржуазной собственности предполагаетъ неизбежно полное переустройство всей экономической жизни — и въ мастерской, и въ домахъ, и на заводахъ.

И Революція совершитъ это переустройство! Пусть только Парижъ, охваченный соціальной Революціей, окажется на годъ или на два отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра успіями царей, — лакеевъ буржуазнаго порядка; и парижане, еще не забытые, къ счастью, на крупныхъ фабрикахъ, и привыкшіе изощрять свою изобрѣтательность на всевозможныхъ мелкихъ ремеслахъ, покажутъ міру, чего можетъ достигнуть человѣческой умъ, не требуя ни откуда ничего, кромѣ двигательной силы освѣщающаго насъ солнца и уносящаго наши нечистоты вѣтра, да тѣхъ силъ, которыя работаютъ въ нѣдрахъ попираемой нами земли!

Люди увидятъ, что можетъ сдѣлать скопленіе на одномъ пунктѣ земного шара этихъ безконечно-разнообразныхъ и взаимно-дополняющихъ другъ друга ремеслъ, вмѣстѣ съ оживляющимъ духомъ революціи, — для того, чтобы прокормить, одѣть, помѣстить и окружить всею возможною роскошью два милліона разумныхъ существъ.

И это вовсе не фантастическій вымыселъ; для осуществленія его достаточно будетъ того, что уже извѣстно, испробовано и найдено пригоднымъ. Пусть только это, извѣстное намъ, оживится и оплодотворится смѣлымъ дуновеніемъ Революціи и самостоятельнымъ порывомъ народныхъ массъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Политической экономіи часто ставили въ упрекъ, что она выводитъ всѣ свои заключенія изъ того, несомнѣнно ложнаго, положенія, что единственнымъ двигателемъ, заставляющимъ человѣка увеличивать свою производительную силу, является узко понятая личная выгода.

Упрекъ этотъ вполне справедливъ. Эпохи самыхъ великихъ промышленныхъ открытій и настоящихъ успѣховъ промышленности всегда были, наоборотъ, эпохами, когда люди мечтали о всеобщемъ счастьи и всего менѣе заботились о личномъ обогащеніи. Великіе изслѣдователи и изобрѣтатели думали, главнымъ образомъ, объ освобожденіи человѣчества, и если бы Уаттъ, Стефенсонъ или Жакаръ (изобрѣтатели паровой машины, паровоза и ткацкаго станка) могли предвидѣть, до какой пужды доведутъ рабочаго результаты ихъ безсонныхъ ночей, они вѣроятно сожгли бы всѣ свои планы и изломали бы свои модели.

Также ложень и другой существенный принципъ политической экономіи, а именно молчаливо подразумѣваемая мысль, что если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и бываетъ часто перепроизводство, то, вообще говоря, общество никогда не будетъ обладать достаточнымъ количествомъ продуктовъ, чтобы удовлетворить потребности всѣхъ; что, поѣтому, никогда не придетъ такое время, когда никто не будетъ вынужденъ продавать свою рабочую силу за заработную плату. Молчаливое признаніе этого лежитъ въ основѣ всѣхъ теорій, всѣхъ такъ-называемыхъ „законовъ“, которымъ насъ учатъ экономисты.

А между тѣмъ сомнѣнія, что какъ только какое-нибудь цивилизованное общество поставитъ себѣ вопросъ о томъ, каковы потребности всѣхъ, и каковы средства для ихъ удовлетворенія, оно увидитъ, что, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, есть полная возможность удовлетворить всѣ потребности, если только умѣло приложить выработанныя уже средства къ удовлетворенію потребностей, дѣйствительно существующихъ.

Что это вѣрно по отношенію къ промышленности, никто не станетъ этого отрицать. Достаточно присмотрѣться къ способамъ производства въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, для извлеченія угля и руды, для полученія и обработки стали, для производства различныхъ частей одежды и т. п., чтобы убѣдиться, что по отношенію къ продуктамъ мануфактуръ, заводовъ и угольныхъ копей, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Мы могли бы уже теперь увеличить наше производство въ нѣсколько разъ и притомъ сберечь еще на суммѣ потраченного труда.

Но мы идемъ еще дальше. Мы утверждаемъ, что въ томъ же положеніи находится и земледѣліе: что земледѣлецъ, какъ и промышленникъ, уже имѣетъ въ рукахъ средства, чтобы увеличить свое производство пищевыхъ продуктовъ вчетверо, если не въ десятеро; и что онъ сможетъ это сдѣлать, сейчасъ же, какъ только почувствуетъ въ этомъ надобность. Учетверить производство хлѣба, овощей, фруктовъ можно въ годъ или въ два, какъ только трудъ станетъ общественнымъ, вмѣсто капиталистическаго.

Когда говорятъ о земледѣліи, то при этомъ всегда представляютъ себѣ крестьянина, согнушагося надъ плугомъ, наугадъ бросающаго въ землю зерно плохого качества и съ тревогой ожидающаго, что дастъ ему хорошій или плохой годъ; думаютъ всегда о крестьянской семьѣ, работающей съ утра до вечера и получающей въ видѣ вознагражденія лишь плохую избу или хижину, хлѣбъ да квасъ, — однимъ словомъ, представляютъ себѣ все того же „дикаго звѣря“, котораго Ла-Брюеръ описалъ въ прошломъ столѣтіи.

Самое бѣльшее, чего желаютъ для этого забитаго нуждой чело-вѣка — это нѣкоторое облегченіе платимыхъ имъ налоговъ, или уменьшеніе аренды, которую онъ платитъ за землю. Никто даже не рѣшается себѣ представить такого крестьянина, который выпрямилъ бы, наконецъ, свою спину, пользовался бы досугомъ и производилъ бы въ нѣсколько часовъ въ день все, что нужно для прокормленія, не только его семьи, но, по крайней мѣрѣ, еще сотни чело-вѣкъ. Даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ социалисты не рѣшаются идти дальше американскаго крупнаго фермерства, которое въ дѣйствительности представляетъ лишь дѣтское развитіе настоящаго земледѣлія, или „армій труда“, согнанныхъ начальствомъ на теперешнія же поля.

А между тѣмъ, у современнаго земледѣльца особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, уже зарождаются болѣе широкія понятія, болѣе грандіозныя представленія. Чтобы вырастить всю растительную пищу, нужную для цѣлой семьи, оказывается достаточнымъ, на дѣлѣ, меньше

десятины. Для прокормленія двадцати пяти головъ рогатаго скота нужно въ дѣйствительности не больше земли, чѣмъ прежде требовалось для одного быка или коровы, т. е. трехъ десятинъ. Современный земледѣлецъ уже стремится теперь самъ сдѣлать себѣ почву и не зависѣть ни отъ засухъ, ни даже, до нѣкоторой степени, отъ климата, такъ какъ можно согрѣвать вокругъ молодого растенія и воздухъ и почву. Однимъ словомъ, идеаль современнаго земледѣлія, это — принять приемы садовода и огородника и выращивать на пространствѣ одной десятины столько, сколько не собирали прежде и съ двадцати десятинъ; и при этомъ, не истощать себя чрезмѣрной работой, а, наоборотъ, значительно сократить сумму труда. Однимъ словомъ, въ отдѣльныхъ, благопріятно поставленныхъ мѣстностяхъ, а также среди огородниковъ возлѣ большихъ городовъ уже вырабатываются такіе приемы земледѣлія, что отдавая обработкѣ земли ровно столько труда, сколько каждый изъ насъ можетъ отдать съ полнымъ удовольствіемъ, мы уже имѣемъ полную возможность доставить всѣмъ обильную пищу. Вотъ куда идетъ, чего добывается современное земледѣліе.

Въ то время, какъ ученые, во главѣ съ Либихомъ — создателемъ химической теоріи земледѣлія — увлекаясь теоріями, часто впадали въ очень серьезныя ошибки, неграмотные земледѣльцы открыли совершенно новые пути для обезпеченія благосостоянія въ обществѣ. Огородники изъ подѣ Парижа, Труа и Руана, англійскіе садовники, фламандскіе фермеры, Джерзейскіе и Геризейскіе крестьяне и огородники островковъ Силли открыли намъ такіе широкіе горизонты, которыхъ взоръ даже не въ силахъ сразу охватить.

Прежде, крестьянской семьѣ, чтобы прожить одними только продуктами земли — а извѣстно, какъ живутъ крестьяне — требовалось не меньше семи или восьми десятинъ. Теперь же невозможно даже сказать, какъ мало земли нужно для того, чтобы доставить семьѣ все, — и необходимое, и то, что теперь считается роскошью, — такъ много можетъ дать земля, если только ее обрабатывать согласно правиламъ усиленнаго земледѣлія. Десять лѣтъ тому назадъ мы сказали бы, что двухъ десятинъ любой земли достаточно, чтобы вырастить хлѣбъ, картофель, овощи и превосходные фрукты, въ изобиліи, для семьи въ пять или шесть душъ. Теперь же можно уже смѣло сказать, что для этого и двухъ десятинъ — много. Предѣлы необходимаго пространства съ каждымъ днемъ суживаются, и если бы насъ спросили, сколько человѣкъ можетъ прожить въ полномъ довольствѣ на пространствѣ одной квадратной версты, не получая никакихъ земледѣльческихъ продуктовъ извнѣ, мы бы затруднились отвѣтомъ, такъ какъ по мѣрѣ успѣ-

ховъ земледѣлія число это на нашихъ глазахъ, быстро растетъ за послѣдніе годы.

Уже десять лѣтъ тому назадъ можно было съ увѣренностью сказать, что продуктами одной только французской почвы могло бы свободно прокормиться, не ввозя ничего, населеніе въ сто милліоновъ человѣкъ. Теперь же, во Франціи, въ Бельгій, въ Голландіи, на островахъ Джерзеѣ и Гернзеѣ, а также и въ восточныхъ штатахъ Америки, земледѣліе сдѣлало за послѣдніе годы такіе громадныя успѣхи, и передъ нами открываются каждый годъ такіе новые горизонты, что мы можемъ сказать, что и для ста милліоновъ населенія, территоріи Франціи было бы слишкомъ много. Если бы земля обрабатывалась такъ, какъ она уже обрабатывается въ многихъ мѣстахъ, даже при самой неплодородной почвѣ, то сто милліоновъ людей, на пространствѣ въ пятьдесятъ милліоновъ десятинъ французской территоріи составило бы лишь малую долю того населенія, которое эта почва могла бы прокормить. Возможность прокормить данное населеніе съ даннаго пространства земли растетъ по мѣрѣ того, какъ самъ человѣкъ требуетъ отъ земли все больше и больше плодовъ.

Какъ бы то ни было, можно считать **вполнѣ доказаннымъ**, — мы увидимъ это ниже — что, если бы Парижъ и два департамента (Сены и Сены съ Уазой) организовались завтра же въ анархическую общину, гдѣ всѣ занимались бы физическимъ трудомъ, и если бы весь міръ рѣшилъ не посылать имъ ни одной мѣры зерна, ни одной головы скота, ни одной корзины плодовъ, и при томъ не оставилъ бы имъ никакой другой земли, кромѣ территоріи этихъ двухъ департаментовъ, — то и тогда они могли бы сами производить, не только необходимый имъ для всего городского и сельскаго населенія этихъ двухъ департаментовъ хлѣбъ, мясо и овощи, но и всѣ плоды, составляющіе теперь предметъ роскоши.

Мы утверждаемъ, кромѣ того, что общее количество затраченнаго человѣческаго труда было бы при этомъ гораздо меньше, чѣмъ сколько его тратится теперь, когда это населеніе кормится хлѣбомъ, привезеннымъ изъ Оверни или изъ Россіи, овощами, выращиваемыми въ различныхъ мѣстахъ при помощи полевого хозяйства, и фруктами, при возимыми съ юга.

Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что нужно устранить всякій обмѣнъ и что каждая мѣстность должна стараться производить все и именно то, что при данныхъ условіяхъ ея климата, можетъ расти только благодаря болѣе или менѣе искусственной культурѣ. Мы хотимъ только показать, что теорія обмѣна, въ томъ видѣ, въ какомъ она про-

новѣдуются теперь, сильно преувеличена, и что многіе изъ пыгѣ совершающихся „обмѣновъ“ бесполезны и даже вредны. Мы думаемъ, кромѣ того, что до сихъ поръ совершенно не принимался въ расчетъ весь тотъ трудъ, который употребляютъ напиримѣръ южане, чтобы воздѣлывать виноградъ, или русскіе и венгерскіе крестьяне, воздѣлывающіе хлѣбъ, какъ бы ни были плодородны ихъ степи. При ихъ теперешнихъ пріемахъ хозяйства, большею частью ручного, они, конечно, тратятъ на это несравненно больше успій, чѣмъ потребовалось бы для полученія тѣхъ же продуктовъ при хозяйствѣ успленномъ, даже въ менѣе благоприятномъ климатѣ и съ менѣе плодородною отъ природы почвою.

II.

Мы не можемъ привести здѣсь всѣхъ многочисленныхъ фактовъ, на которыхъ мы основываемся, и для болѣе подробныхъ свѣдѣній намъ придется отослать читателя къ книгѣ, издаваемой нами на англійскомъ языкѣ*), а главнымъ образомъ — посоветовать тѣмъ, кто серьезно интересуется этимъ вопросомъ, прочесть нѣкоторыя очень хорошія сочиненія, вышедшія во Франціи и списокъ которыхъ мы здѣсь даемъ**).

Что же касается жителей большихъ городовъ, которые еще не имѣютъ никакого дѣйствительнаго представленія о томъ, что такое земледѣліе, то мы советуемъ имъ походить пѣшкомъ по окрестностямъ своего города и пзучить хозяйство подгородныхъ огородниковъ. Пусть

*) *Fields, Factories and Workshops*; дешевыя изданія въ 1901-омъ году, (французскій переводъ готовился тогда къ печати).

Замѣчу, что когда я напечаталъ эти взгляды въ Англии, въ 1888-мъ году въ *Nineteenth Century*, они не только не встрѣтили никакихъ возраженій, но получили подтвержденіе со стороны редактора „Журнала Садоводства“ — практическаго садовода — который пошелъ еще дальше меня, доказывая, что „гдѣ уголь дешевле, тамъ и виноградъ дешевле“. Я увѣренъ также, что со мною вполне согласятся и французскіе огородники.

**) См. „*Répartition métrique des impôts*“ А. Toubeau (2 тома, изданные у Guillaumin въ 1880-мъ году. Мы нисколько не раздѣляемъ заключеній автора, но его книга — настоящая энциклопедія, съ указаніемъ источниковъ, откуда можно узнать, чтó способна намъ дать земля. Затѣмъ: Ponce: „*La culture maraîchère*“ (1869 г.), „*Le Potager Gressent*“ (Парижъ 1885 г.) — прекрасное, вполне практическое руководство, которое я смѣло рекомендую всякому практическому огороднику; Risler: „*Physiologie et culture du blé*“ (Парижъ, 1886 года); Lecouteux: „*Le blé, sa culture intensive et extensive*“ (Парижъ, 1883 г.); Eugène Simon: „*La cité Chinoise*“; „*Dictionnaire d'agriculture*“; Wm. Fream: „*The Rothamstead experiments*“ (Лондонъ, 1888) (обработка безъ уваживанія).

они присмотрятся и потолкуютъ съ огородниками — и передъ ними откроется цѣлый новый міръ. Они увидятъ до извѣстной степени, чѣмъ будетъ европейское земледѣліе въ двадцатомъ вѣкѣ, и поймутъ, какая сила окажется въ рукахъ у Соціальной Революціи, когда люди научатся получать изъ земли все то, что они отъ нея требуютъ.

Нѣсколькихъ фактовъ достаточно будетъ, чтобы показать, что мы нисколько не преувеличиваемъ. Мы должны сдѣлать только одно предварительное замѣчаніе.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находится теперь европейское земледѣліе. Если крестьянина не грабятъ земельный собственникъ, то его разоряетъ Государство. Если послѣднее дѣлаетъ это въ скромныхъ размѣрахъ, то крестьянина поработаетъ ростовщикъ, и своими векселями и залоговыми свидѣтельствами дѣлаетъ изъ него простого арендатора земли, которая на дѣлѣ принадлежитъ уже банкирамъ-закладчикамъ. Такимъ образомъ, крестьянина разоряютъ и земельный собственникъ, и Государство, и банкиръ; одинъ — арендной платой, другой — налогами, третій — процентами. Сумма всего этого грабежа различна въ разныхъ странахъ, но нигдѣ она не бываетъ меньше четверти, а очень часто достигаетъ и половины всего того, что выраститъ крестьянинъ. Во Франціи, земледѣліе недавно платило государству до сорока-четыреухъ сотыхъ валового продукта. Въ Италіи бываетъ и того хуже.

Мало того: доля земельного собственника и государства постоянно возрастаетъ. Какъ только, цѣною невѣроятныхъ усилій, изобрѣтательности и предпріимчивости, крестьянину удастся получить нѣсколько бѣльшій урожай — сейчасъ же дань, которую онъ платитъ собственнику, государству и банкамъ, увеличивается соотвѣтственно. Если онъ удвоитъ число четвертей, получаемыхъ имъ съ десятины, то сейчасъ же возрастетъ арендная плата, а слѣдовательно—обязательно—и налоги, которые государство будетъ повышать и дальше, если только крестьянинъ ухитрится получать еще лучшую жатву. „Платежная способность“ вездѣ, во всемъ мірѣ — единственный предѣлъ грабежу государства и землевладѣльца. Повсюду, однимъ словомъ, крестьянинъ работаетъ по 12-ти, по 16-ти часовъ въ день; и повсюду эти три коршуна отнимаютъ у него все то, что онъ могъ бы сберечь и употребить на дальнѣйшія улучшения. Повсюду они лишаютъ его именно того, что могло бы послужить для улучшения его хозяйства. Въ этомъ и лежитъ причина застоя въ земледѣліи.

Лишь при случайныхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ—напримѣръ, если эти три пѣявки перессорятся между собою, или же

при особенныхъ успіяхъ изобрѣтательности и особенно напряженномъ трудѣ, можетъ удасться крестьянину, на время, незамѣченно ими, сдѣлать шагъ впередъ. При этомъ, мы еще не имѣли въ виду той дани, которую всякій земледѣлецъ платитъ промышленнику: каждую машину, каждый заступъ, каждую бочку химическаго удобренія ему продаютъ втрое или вчетверо дороже, чѣмъ они стоятъ. Не нужно забывать также и цѣлой тучи посредниковъ, которые берутъ съ продуктовъ земли львиную долю, — особенно, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ, при продажѣ земледѣльческихъ продуктовъ, грабежъ фермеровъ желѣзными дорогами и посредниками доходитъ просто до колоссальныхъ размѣровъ, сплошь да рядомъ, англійскій фермеръ не получаетъ и трети, а на овощахъ — и десятой доли того, что платятъ покупатели). Вотъ почему въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка — вѣка прогресса и изобрѣтеній — земледѣліе могло развиваться лишь въ очень небольшомъ числѣ отдѣльныхъ мѣстностей, и то — только случайно и временно.

Къ счастью, кое-гдѣ оказывались всегда маленькіе оазисы, которые господа коршуны временно оставляли безъ вниманія, и вотъ на этихъ то клочкахъ мы узнаемъ, что можетъ дать человѣчеству успешное хозяйство. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ американскихъ степяхъ (которыя, между прочимъ, даютъ лишь очень небольшіе урожаи, въ $3\frac{1}{2}$ до 6-ти четвертей съ десятины, причемъ имъ часто вредятъ также засухи) пятьсотъ человѣкъ производятъ, работая всего восемь мѣсяцевъ въ году, все, что нужно для прокормленія въ теченіе года пятидесяти тысячъ человѣкъ. Результатъ этотъ достигается, здѣсь, благодаря большой экономіи труда. На этихъ обширныхъ равнинахъ распаханіе, жатва и молотба бываетъ организовано на очень большихъ фермахъ почти по военному: нѣтъ ни напраснаго хожденія взадъ и впередъ, ни напрасной траты времени — все происходитъ съ правильностью военного парада.

Это — крупное экстенсивное хозяйство, практикующееся тамъ, гдѣ землю берутъ въ такомъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ природы, не стремясь ее улучшить. Когда она дастъ все, что можетъ, ее оставляютъ и уходятъ дальше, искать дѣвственной земли, которую истощаютъ такимъ же образомъ. Но уже въ настоящую минуту это хищническое хозяйство исчезаетъ и въ Америкѣ. Громадныя „мамонтвыя“ фермы въ Огайо и въ Канадской Манитобѣ закрыты; земля ихъ разбита на участки, по 200, 100 и даже 50 десятинъ, и продана фермерамъ, которые пашутъ лошадьми, и только складываются, обыкновенно вчетверомъ, чтобы купить въ долгъ жнею-вязалку; молотба же, пар-

вая, производится предпринимателемъ, который ѣздитъ съ своею машиною съ фермы на ферму, по очереди, чтобы въ одно утро, или въ одинъ день, обмолотить весь хлѣбъ. Но и при этой обработкѣ, также оказывается, что благодаря разнымъ мелкимъ улучшениямъ (дренажъ, ссыпка хлѣба въ элеваторы и т. д.) работа десяти человѣкъ даетъ въ Чикаго муну, пужную для годового потребленія ста человѣкъ.

Рядомъ съ этимъ растетъ все больше и больше усиленное хозяйство, которому помогаютъ, и все больше будутъ помогать, машины: оно стремится главнымъ образомъ хорошо обработать ограниченное пространство земли, удобрить его, сосредоточить весь трудъ на немъ одномъ и получить такимъ образомъ возможно бѣльшій продуктъ. Этотъ родъ хозяйства распространяется съ каждымъ годомъ во всемъ мѣрѣ — въ томъ числѣ и въ восточныхъ и даже западныхъ Штатахъ Америки, — и въ то время, какъ въ крупныхъ хозяйствахъ южной Франціи и на плодородныхъ степяхъ американскаго Запада довольствуются среднимъ урожаемъ отъ пяти до шести четвертей съ десятины, на Сѣверѣ Франціи мелкіе фермеры получаютъ постоянно отъ 15-ти до 19-ти и даже до 26-ти четвертей, а иногда и до 28-ми четвертей. То, что нужно для годового, сытаго прокормленія одного человѣка, получается, такимъ образомъ, съ пространства въ одну-двѣнадцатую часть десятины.

И что поразительно, это то, что чѣмъ усиленнѣе хозяйство, тѣмъ меньше приходится тратить труда для полученія каждой четверти пшеницы. Машина, въ такомъ случаѣ, замѣняетъ человѣка во многихъ предварительныхъ работахъ, а нѣкоторыя улучшения, дающія возможность удвоить урожай въ будущемъ, — напимѣръ, осушеніе (дренированіе) почвы или очистка ея отъ камней — производятся разъ навсегда. Иногда одно то, что земля глубоко распахивается, даетъ возможность получать безъ всякаго удобренія, даже при посредственной почвѣ, изъ году въ годъ прекрасные урожай. Такъ дѣлалось въ теченіе двадцати лѣтъ въ Ротхамстэдѣ въ Англій. Того же результата стали достигать недавно, тоже въ Англій (въ Southend-on-Sea), при помощи парового разрыхлителя, который работаетъ, подражая работѣ крота, копающаго лапами землю.

Но не станемъ уходить въ область земледѣльческаго романа: остановимся на урожаѣ въ 21 четверть съ десятины, не требующемъ никакой исключительной почвы и никакихъ необыкновенныхъ машинъ, а только — разумной обработки. Посмотримъ, что означаетъ такой урожай.

Тѣ 3.600.000 жителей, которые населяютъ два департамента,

Сены и Сены съ Узой, — т. е. Парижъ и окрестности — потребляютъ въ пищу ежегодно около четырехъ милліоновъ четвертей всякаго зерна, — главнымъ образомъ пшеницы. При упомянутомъ сейчасъ урожаѣ, чтобы получить это количество, намъ нужно было бы, слѣдовательно, обработать около 180.000 десятинъ изъ тѣхъ 555.000 десятинъ „удобной“ земли, которыя находятся въ ихъ распоряженіи.

Несомнѣнно, они не будутъ обрабатывать ихъ заступомъ: для этого потребовалось бы слишкомъ много времени (260 дней по пяти часовъ каждый на десятину). Они предпочитаютъ улучшить почву развѣ навсегда: осушить то, что требуетъ осушенія, сравнять то, что нужно сравнять, очистить землю отъ камней — хотя бы для этой предварительной работы потребовалось, скажемъ, пять милліоновъ пятичасовыхъ дней, т. е. въ среднемъ 26-27 дней на десятину.

Затѣмъ, они вспашутъ землю, или по крайней мѣрѣ большую ея часть паровымъ плугомъ, что возьметъ 4 дня на десятину, и посвятятъ еще 4 дня на вторую перенашку и боронованіе. Сѣмянъ не будутъ, конечно, брать на угадъ, а предварительно сортируютъ ихъ паровой сортировочной машиной. Сѣмена эти также не станутъ бросать на вѣтеръ, а посѣять рядами, какъ это уже дѣлается вездѣ. И все это не возьметъ у нихъ даже 25-ти дней, по 5 часовъ каждый, если только работа будетъ производиться обдуманно и при надлежащихъ условіяхъ. Если же въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ они рѣшатся посвятить хорошему веденію земледѣльческаго хозяйства около 10 милліоновъ дней, то впоследствии они смогутъ легко получать урожай въ 25 и 30 четвертей съ десятины, отдавая этому дѣлу всего половину упомянутого сейчасъ времени.

Такимъ образомъ, для того, чтобы доставить хлѣбъ всему населенію, въ 3.600.000 человекъ, потребовалось бы не больше **пятнадцати милліоновъ рабочихъ дней**. И всѣ эти работы будутъ таковы, что заниматься ими сможетъ всякій, даже если обладаетъ лишь слабыми мускулами, и раньше никогда не работалъ на землѣ. Инициатива и общее распредѣленіе работъ будетъ принадлежать тѣмъ, кто знаетъ, чего требуетъ земля; что же касается самой работы, то нѣтъ такого слабого парижанина или такой захирѣлой парижанки, которые бы не могли выучиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ управлять машиною, отгребать солому, или вообще выполнять такъ или иначе свою долю земледѣльческаго труда.

Если же мы вспомнимъ, что при теперешнемъ безобразномъ общественномъ строѣ насчитывается, постоянно, въ Парижѣ и окрестностяхъ, — даже оставляя въ сторонѣ записныхъ бездѣльниковъ выс-

шаго общества, до ста тысячъ человѣкъ разныхъ ремесль, сидящихъ временно безъ работы, то мы увидимъ, что однихъ тѣхъ силъ, которыя теряются по-пусту при нашей современной общественной организаціи, было бы достаточно, чтобы произвести, при разумной обработкѣ, всю пищу, необходимую для трехъ или четырехъ миллионовъ жителей обоихъ департаментовъ. И это, повторяемъ мы, не сказка. О дѣйствительно-усиленномъ хозяйствѣ, дающемъ гораздо болѣе поразительные результаты, мы еще не ведемъ рѣчь. Мы не упоминали, напримѣръ, до сихъ поръ объ опытахъ Галлета (въ Брайтонѣ), который, проработавъ надъ этимъ три года, сталъ получать такой хлѣбъ, что одно зерно даетъ кустъ пшеницы, на которомъ родится до 600 и до 1000 зеренъ (а иногда и гораздо больше), такъ что весь хлѣбъ, необходимый для семи въ пять человѣкъ, можно было бы вырастить на пространствѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ сажень. Мы основываемъ свои расчеты не на галлетовской обработкѣ хлѣба, а только на томъ, что уже существуетъ у очень многихъ фермеровъ, во Франціи, въ Англіи, въ Бельгіи, во Фландріи, въ Ломбардіи и т. д., и что можно осуществить во всякое время, при томъ опытѣ и знаніи, которые уже выработаны и проверены, не на саженныхъ участкахъ, а въ крупныхъ полевыхъ хозяйствахъ.

Но безъ Революціи ничего этого не будетъ еще много лѣтъ спустя, потому что это совершенно не выгодно для тѣхъ, кто владѣетъ землею и капиталомъ; крестьяне же, для которыхъ это было бы дѣйствительно выгодно — если бы не выше-названные три коршуна, — не обладаютъ для этого ни необходимыми знаніями, ни деньгами, ни временемъ.

Современное общество еще не дошло до этого. Но пусть только парижане порвозгласятъ у себя анархическую коммуну — и они будутъ вынуждены силою обстоятельствъ дойти до этого, потому что не окажутся же они, въ самомъ дѣлѣ, на столько глупыми, чтобы продолжать выдѣлывать всякія мелочи для украшенія комнатъ (которыя, между прочимъ, такъ же хорошо дѣлаютъ и въ Вѣнѣ, и въ Варшавѣ, и въ Берлинѣ), а тѣмъ временемъ — сидѣть безъ хлѣба.

Кромѣ того, земледѣльческій трудъ съ помощью машинъ сталъ бы скоро самымъ привлекательнымъ и самымъ веселымъ изъ всѣхъ видовъ труда.

„Довольно съ насъ ювелирной дрянн, выдѣлываемой въ Парижѣ, довольно костюмовъ для куколъ!“ скажутъ себѣ парижскіе рабочіе. „Идемъ въ поле — набираться тамъ свѣжихъ силъ, свѣжихъ впечатлѣній природы, и той „радости жизни“, которую люди забыли въ своихъ мрачныхъ мастерскихъ, въ рабочихъ кварталахъ“.

Въ средніе вѣка альпійскія пастбища лучше помогли швейцарцамъ избавиться отъ помѣщиковъ и королей, чѣмъ конья и пшеница. Современное земледѣліе дастъ точно также возставшему городу отстоять свою свободу противъ буржуазіи всѣхъ странъ, которая несомнѣнно ополчится противъ Коммунистической Коммуны.

III.

Мы видѣли, какимъ образомъ, три съ половиной милліона жителей двухъ департаментовъ (Сены и Сены съ Уазой) могли бы доставить себѣ въ изобиліи необходимый хлѣбъ, воздѣлавши подъ хлѣбъ всего треть своей земли. Перейдемъ теперь къ скотоводству.

Англичане, которые вообще ѣдятъ много мяса, потребляютъ, въ среднемъ, немного меньше 200 фунтовъ мяса въ годъ, на каждаго взрослого человѣка. Если считать, что все это — бычачье мясо, то выйдетъ немного менѣе трети быка. Такимъ образомъ, если взять одного быка въ годъ на пятерыхъ (считая въ томъ числѣ дѣтей), то получится уже предостаточная порція. На три съ половиной милліона жителей это составитъ ежегодное потребление около 700.000 головъ скота.

При теперешней системѣ пастбищъ, для прокормленія 700.000 головъ скота требуется по крайней мѣрѣ два милліона десятинъ. Но даже при очень скромномъ орошеніи луговъ водой изъ источниковъ (какое практикуется съ недавняго времени въ широкихъ размѣрахъ въ юго-западной Франціи), было бы достаточно уже 500.000 десятинъ, а при усиленномъ хозяйствѣ, при употребленіи на кормъ свеклы, брюквы и т. п., и при травосѣяніи, требуется не болѣе четверти этого пространства, т. е. 125.000 десятинъ. Если же употреблять въ дѣло кукурузу и практиковать „сплосованіе“ (свѣже-срѣзанный кормъ укладывается въ особыя ямы и прессуется), то весь необходимый кормъ можно получить съ площади въ 85.000 десятинъ.

Въ окрестностяхъ Милана, гдѣ для орошенія луговъ пользуются сточными трубами, на пространствѣ 8100 орошаемыхъ такимъ образомъ десятинъ получается съ каждой десятины достаточно корма для 4-6 головъ рогатаго скота: а на нѣкоторыхъ, особенно благопріятно поставленныхъ лугахъ удавалось собирать до 49 тоннъ (около 3100 пудовъ) сухого сѣна съ десятины, т. е. ежегодный кормъ для десяти дойныхъ коровъ. Три десятины земли на каждую голову пасущагося рогатаго скота, съ одной стороны, а съ другой стороны — десять бы-

ковъ или коровъ, кормящихся съ десятинами — таковы крайнія точки современнаго земледѣлія.

На островѣ Джерзеѣ изъ 3600 десятинъ удобной и обрабатываемой земли, около половины (1730 десятинъ) покрыты пашнями и огородами, и всего 1910 десятинъ остаются для луговъ. Но на нихъ кормятся: 1480 лошадей, 7260 головъ скота, 900 барановъ и 4200 свиней, что составляетъ больше трехъ головъ рогатаго скота на десятинину, не считая еще лошадей, барановъ и свиней. Нечего и говорить о томъ, что плодородіе этой почвы развиваютъ искусственно, удобряя ее водорослями и особенно химическимъ удобреніемъ.

Если мы теперь вернемся къ нашимъ тремъ съ половиною милліонамъ жителей Паризжа съ окрестностями, то мы увидимъ, что площадь необходимая для выращиванія скота, который имъ нуженъ для пищи, сводится съ двухъ милліоновъ десятинъ на 80.000. Но не станемъ брать самой низкой цифры: возьмемъ цифру, которую даетъ обыкновенное хорошо-веденное хозяйство, и прибавимъ даже больше чѣмъ нужно земли для мелкаго скота. Положимъ, такимъ образомъ, на выращиваніе скота 160.000, пожалуй даже 180.000 десятинъ, изъ тѣхъ 400.000, которыя остались у насъ, послѣ того, какъ мы снабдили хлѣбомъ все населеніе. Будемъ щедры, и положимъ на обработку этого пространства пять милліоновъ рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, употребивъ въ теченіе года двадцать милліоновъ рабочихъ дней, — изъ которыхъ половина приходится на постоянныя улучшенія, — мы будемъ обеспечены хлѣбомъ и мясомъ, не включая сюда всей той добавочной мясной пищи, которую можно получить отъ птицы, откормленныхъ свиней, кроликовъ и проч., и не принимая во вниманіе того, что населеніе, имѣющее въ своемъ распоряженіи прекрасныя овощи и фрукты, будетъ потреблять гораздо меньше мяса, чѣмъ англичане, которые пополняютъ животной пищей недостатокъ растительной.

Двадцать милліоновъ дней по пяти часовъ въ день, сколько же это составитъ на cadaго жителя? Въ сущности, очень немного. Населеніе въ три съ половиною милліона должно заключать въ себѣ по крайней мѣрѣ 1.200.000 взрослыхъ мужчинъ и столько же женщинъ, способныхъ работать; слѣдовательно для доставленія всѣмъ хлѣба и мяса потребуетъ всего, — считая однихъ только мужчинъ, — 17 рабочихъ дней въ годъ. Прибавимъ еще три милліона дней для того, чтобы имѣть молоко, затѣмъ накинemъ еще столько же на всякій случай, — и мы все-таки еще не получимъ даже 25-ти дней по пяти часовъ каждый, т. е. просто нѣсколько дней въ году, пріятно проведен-

ныхъ въ деревнѣ, для полученія трехъ главныхъ продуктовъ; хлѣба, мяса и молока. А между тѣмъ, это продукты, которые, послѣ квартиры, составляютъ главную и неустанную заботу девяти-десятихъ человѣчества.

Повторяемъ, однако, еще разъ, — мы нигдѣ еще не заходили въ область фантазій; мы только рассказывали о томъ, что **существуетъ**, что уже широко практикуется и подтверждено въ крупныхъ размѣрахъ опытомъ. Чтобы достигнуть только этого, земледѣліе можно было бы преобразовать **хоть завтра**, если бы только этому не мѣшали законы о собственности и общее невѣжество.

Въ тотъ день, однако, когда Парижъ пойметъ, что знать, чѣмъ кормятся люди, и какъ производятся нужные имъ пищевые продукты — обязательно для всѣхъ, и когда парижане сообразятъ, наконецъ, что вопросъ о хлѣбѣ несравненно важнѣе всѣхъ возможныхъ преній въ Парламентѣ или въ муниципальномъ совѣтѣ, — въ тотъ день Революція совершится. Парижъ возьметъ тогда въ свои руки земли обонхъ департаментовъ и начнетъ ихъ обрабатывать. Парижанинъ, отдававшій въ продолженіе всей своей жизни треть своего существованія на то, чтобы заработать на что купить недостаточную по количеству и плохую по качеству пищу, будетъ теперь производить ее самъ, подъ самыми стѣнами города, внутри черты своихъ фортовъ (если только они уже не будутъ срыты) и будетъ получать ее цѣною всего нѣсколькихъ дней здороваго и привлекательнаго труда.

Перейдемъ теперь къ фруктамъ и овощамъ. Выйдемъ изъ предѣловъ Парижа и посмотримъ одно изъ тѣхъ огородническихъ заведеній, которыя, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ разныхъ академій, продѣлываютъ чудеса, неизвѣстныя ученымъ политико-экономамъ. Остановимся, напримѣръ, у г. Понса, автора извѣстнаго сочиненія объ огороднической культурѣ (*culture maraîchère*), — огородника, не скрывающаго, сколько приноситъ ему земля и подробно рассказавшаго и свое хозяйство и свои приходы и расходы. Нужно сказать, что г. Понсъ, а въ особенности его рабочіе, работаютъ, какъ волю. Ихъ восемь человѣкъ и они обрабатываютъ немногимъ больше одного гектара—т. е. ровно десятину земли. Работаютъ они по двѣнадцати и по пятнадцати часовъ въ день, т. е. втрое больше чѣмъ нужно; такъ что, если бы ихъ было двадцать четыре человѣка вмѣсто восьми, то не было бы ни одного лишняго. Конечно, Понсъ, вѣроятно скажетъ намъ на это, что за свои 11,000 квадратныхъ метровъ земли (десятину) онъ платитъ ежегодно, въ видѣ аренды собственнику земли и налоговъ милому государству, чудовищную сумму въ 2500 франковъ, т. е. ты-

сячу рублей (вотъ они, коршуны, о которыхъ говорилось выше); затѣмъ навозъ, покупаемый имъ въ казармахъ, обходится ему около 2500 франковъ, т. е. тоже около 1000 рублей. „Такимъ образомъ, скажетъ онъ, мнѣ поневолѣ приходится быть эксплуататоромъ; меня эксплуатируютъ и я эксплуатирую въ свою очередь“. Обзаведеніе стоило ему тоже 30,000 франковъ, изъ которыхъ несомнѣнно больше половины пошло разнымъ тунеядствующимъ промышленнымъ баронамъ и добрая доля спекуляторамъ на деньги. Въ общемъ, его обзаведеніе представляетъ, однако, навѣрное не больше 3.000 рабочихъ дней, а по всей вѣроятности даже гораздо меньше.

Посмотримъ же теперь на его урожай. Онъ получаетъ въ годъ 670 пудовъ моркови, 610 пудовъ лука, редиски и другихъ мелкихъ овощей, 6.000 кочановъ капусты, 3.000 кочановъ цвѣтной капусты, 5.000 корзины томатъ (помедоровъ), 5.000 дюжинъ отборныхъ фруктовъ, 154.000 корней салата — однимъ словомъ, въ общемъ 7625 пудовъ овощей и фруктовъ на пространствѣ почти одной десятины: 50 сажень въ длину и 46 сажень въ ширину. Это составляетъ больше 125 тоннъ овощей съ десятины!

Но человекъ не съѣдаетъ больше 600 фунтовъ овощей и фруктовъ въ годъ; а слѣдовательно каждая десятина такого огорода даетъ въ изобиліи все, что нужно по части фруктовъ и овощей для стола 380 взрослыхъ людей въ теченіе цѣлаго года. Такимъ образомъ, 24 человекъ, работая цѣлый годъ надъ обработкой десятины земли, но посвящая на это всего по пяти часовъ въ день, произвели бы количество овощей, достаточное для 380 взрослыхъ людей, что соответствуетъ, по крайней мѣрѣ, 500 душамъ населенія.

Иначе говоря, при такой обработкѣ, какъ у Понса — а въ другихъ мѣстахъ пошли уже гораздо дальше — 380 взрослыхъ людей должны были бы отдать, каждый немного больше 100 часовъ въ годъ (103 часа), чтобы получить всѣ овощи и фрукты, нужные для 500 душъ населенія.

Замѣтимъ при этомъ, что такая обработка — вовсе не исключеніе: 5000 огородниковъ занимаются въ предмѣстьяхъ Парижа на пространствѣ 800 десятинъ точь въ точь такимъ же огородничествомъ. Дѣло только въ томъ, что эти огородники доведены до состоянія вычуженныхъ животныхъ, благодаря необходимости платить ренту, среднимъ числомъ въ двѣ тысячи франковъ съ гектара, т. е. 880 рублей съ десятины.

Не доказываютъ ли однако эти факты (которые каждый можетъ самъ проверить), что 6400 десятинъ (изъ тѣхъ 190.000 десятинъ, ко-

торыя у насъ оставались) было бы достаточно для того, чтобы дать нашимъ тремъ съ половиною миллионамъ жителей всевозможные овощи и значительное количество фруктовъ?

Что же касается до количества труда, необходимаго для полученія этихъ фруктовъ и овощей, то оно составитъ, (если мы примемъ за мѣрило трудъ этихъ огородниковъ), 50 миллионъ пятничасовыхъ рабочихъ дней, т. е. около пятидесяти рабочихъ дней на каждого взрослого мужчину. Но мы увидимъ сейчасъ, что этотъ трудъ можно значительно сократить, если прибѣгнуть къ приемамъ, обычнымъ на стровахъ Джерзеѣ и Геризеѣ. Мы напомнимъ только, что если огороднику приходится теперь такъ много работать, то это зависитъ отъ того, что онъ выращиваетъ главнымъ образомъ раннія овощи и фрукты, — землянику въ январѣ, персики въ началѣ лѣта, и т. п., продажа которыхъ по высокимъ цѣнамъ и даетъ ему возможность выплачивать баснословно-высокую арендную плату за землю. Кроме того, самые его приемы хозяйства заставляютъ его работать больше, чѣмъ нужно въ дѣйствительности. Не имѣя возможности затратить крупныхъ суммъ на первоначальное устройство, (при которомъ онъ платитъ очень дорого и за стекло, и за дерево, и за желѣзо, и за уголь), онъ вынужденъ получать нужную ему искусственную теплоту при помощи навоза, тогда какъ ту же теплоту можно получить гораздо дешевле съ помощью угля и теплицъ.

IV.

Для полученія этихъ баснословныхъ урожаевъ огородникамъ приходится, какъ мы выдѣли, обращаться въ машины и отказываться отъ всѣхъ радостей жизни; но во всякомъ случаѣ эти труженики оказали человѣчеству громадную, неоцѣнимую услугу тѣмъ, что они научили насъ, **дѣлать самимъ себѣ нужную почву**. Они употребляютъ для этого навозъ, уже отслужившій для доставленія нужной теплоты молодымъ растеніямъ въ парникахъ, и количество легкой садовой земли, получаемой ими, такъ велико, что часть ея имъ приходится продавать каждый годъ, иначе уровень ихъ огородовъ повышался бы ежегодно на одинъ дюймъ или больше. Огородникъ такъ хорошо понимаетъ это, что за послѣднее время, въ контракты, заключаемые огородниками съ землевладѣльцами, сталъ вводиться пунктъ, въ силу котораго огородникъ имѣетъ право **увезти съ собою всю свою землю**, когда онъ оставитъ обрабатываемый имъ участокъ (этотъ фактъ упоминается, между прочимъ, въ статьѣ *Maraichers* „Земледѣльческаго Словаря“ Баррала). Земля, увозимая на телегахъ, вмѣстѣ съ мебелью и тепличными рамами, — вотъ отвѣтъ земледѣльцевъ-практиковъ на со-

ображенія Рикардо, который представлялъ земельную ренту какъ средство уравнивать послѣдствія **природныхъ** преимуществъ той или другой почвы. У французскихъ же огородниковъ идетъ поговорка: „Чего стоитъ человекъ, того стоитъ земля“.

И при всемъ этомъ, парижскіе и руанскіе огородники работаютъ, для полученія тѣхъ же результатовъ, втрое больше, чѣмъ ихъ гернзейскіе собратья. Эти послѣдніе прилагаютъ къ земледѣлію промышленныя приемы и дѣлаютъ искусственно не только почву, но также и климатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все огородническое хозяйство сводится къ слѣдующимъ двумъ началамъ:

I. Сѣять подь стекломъ; пересадить и выращивать молодые отсадки въ богатой почвѣ, на ограниченномъ пространствѣ, гдѣ за ними можно тщательно ухаживать. Затѣмъ, когда ихъ корни хорошо разрастутся въ ишныя пучки, пересадить ихъ туда, гдѣ растеніе должно достигнуть полнаго роста. Однимъ словомъ, — поступать съ ними, какъ поступаютъ съ молодыми животными, т. е. окружать ихъ заботами съ самаго ранняго возраста.

II. Чтобы урожаи посѣвали во время — нагрѣвать почву и воздухъ, покрывая растенія рамами со стекломъ или стеклянными колпаками и развивая въ землѣ теплоту брожениемъ навоза.

Пересадка и температура, болѣе высокая чѣмъ температура окружающаго воздуха — такова вся сущность огороднической культуры, разь почва уже приготовлена искусственно. Первое изъ этихъ условий, какъ мы видѣли, уже осуществляется и требуетъ лишь нѣкоторыхъ мелкихъ усовершенствованій. Для осуществленія же второго, нужно нагрѣвать землю и воздухъ, замѣняя навозъ теплой водой, проходящей по трубамъ, проведеннымъ или въ землѣ, подь рамами, или же отоплениемъ теплицъ.

И это уже дѣлается. Парижскій огородникъ уже получаетъ при помощи **термо-сифона** ту теплоту, которую раньше ему давалъ навозъ, а англійскій, т. е. джерзеевскій и геризеевскій, а также бельгійскій огородникъ прибѣгаютъ къ постройкѣ теплицъ.

Теплица была прежде роскошью, доступною лишь богатому человеку, который пользовался ею для выращиванія тропическихъ или, вообще, составляющихъ предметъ роскоши растеній. Но теперь она становится общераспространенной: на островахъ Джерзеѣ и Геризеѣ цѣлыя десятины земли покрыты стекломъ, не говоря уже о тѣхъ ма-

лелькихъ теплицахъ, которыя можно встрѣтить на Геризеѣ въ каждой фермѣ, въ каждомъ огородѣ. Въ окрестностяхъ Лондона, а также въ Уорзингѣ и другихъ мѣстахъ, начинаютъ также покрывать стекломъ цѣлыя поля, и съ каждымъ годомъ въ предметахъ столицы воздвигаются тысячи новыхъ маленькихъ теплицъ. Эти теплицы бываютъ самыя разпобразныя, начиная отъ роскошнаго зданія съ гранитными стѣнами и кончая скромной досчатой постройкой съ стекляною крышею, которая даже при всѣхъ существующихъ капиталистическихъ цѣнахъ стоить не больше 7-9 рублей за квадратную сажень. Ихъ отопляютъ (или даже не отопляютъ, потому что, если только не стремиться получать очень ранніе продукты, то достаточно уже просто закрытаго пространства) и выращиваютъ тамъ уже не виноградъ и не тропическія растенія, а картофель, морковь, горохъ или бобы.

Такимъ образомъ огородникъ избавляется отъ вліянія климата. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ избѣгаетъ тяжелой работы накладыванія слоевъ навоза, и не имѣетъ нужды покупать столько навоза, который дорожаетъ по мѣрѣ того, какъ спросъ на него растетъ; часть человѣческаго труда устраняется: для того, чтобы обработать десятину земли подъ стекломъ и получить тѣ же результаты, что у Понса, требуется уже не больше семи или восьми человѣкъ. Дѣйствительно, на Джерзеѣ семь человѣкъ, работая по 60 часовъ въ недѣлю, получаютъ съ десятины такіе урожаи, для которыхъ прежде нужны были десятки десятинъ земли. Мы могли бы указать на многіе замѣчательные примѣры, но ограничимся однимъ изъ нихъ. Вотъ что получаютъ на Джерзеѣ изъ года въ годъ 34 человѣка рабочихъ, подъ руководствомъ одного огородника, обрабатывающіе тепличнымъ способомъ немного больше трехъ съ половиною десятинъ (будемъ считать, что если бы они работали всего по пяти часовъ въ день, на это потребовалось бы 70 человѣкъ): 1525 пудовъ винограда, который собираютъ уже въ началѣ мая, 4880 пудовъ томата, 1830 пудовъ картофеля (въ апрѣлѣ), 366 пудовъ горошка и 122 пуда фасоли, собираемыхъ въ маѣ, — т. е. въ общемъ 8723 пуда фруктовъ и овощей, не считая получаемого въ нѣкоторыхъ теплицахъ второго, очень значительнаго урожая, не считая ни огромной теплицы для растеній, составляющихъ предметъ роскоши, ни сбора съ различныхъ растеній, посаженныхъ на открытомъ воздухѣ между теплицами.

Восемь тысячъ семьсотъ двадцать три пуда овощей и фруктовъ! Этого достаточно, чтобы обезпечить обильной пищей на цѣлый годъ больше чѣмъ 1.500 человѣкъ, а для полученія ея потребовалось бы всего 21.000 рабочихъ полу-дней, т. е. **210 часовъ въ годъ**, если счи-

тать, что изъ всего взрослога населенія этой работой займутся 500 человекъ. Прибавьте къ этому приблизительно 1000 тоннъ угля (ежегодный расходъ на отопленіе такихъ теплицъ для пространства около 4-хъ десятинъ), которыя составятъ, для этихъ пятисотъ человекъ, добавочный трудъ въ 6-7 часовъ въ годъ на каждого, такъ какъ въ Англии одинъ рабочій легко добываетъ въ теченіе десятичасоваго рабочаго дня 3 тонны.

Такимъ образомъ, если бы половина всего взрослога населенія посвящала выращиванію фруктовъ и овощей, внѣ обычнаго рабочаго времени, ежегодно около пятидесяти полу-дней, то всѣ могли бы имѣть въ изобиліи круглый годъ продукты, составляющіе теперь предметъ роскоши, хотя ихъ и пришлось бы выращивать въ теплицахъ. При этомъ, второй урожай въ тѣхъ же самыхъ теплицахъ, давалъ бы еще значительное количество обыкновенныхъ овощей, которыя въ такихъ заведеніяхъ, какъ у Понса, требуютъ, какъ мы видѣли, пятидесяти рабочихъ дней.

Все это — намъ замѣтять, можетъ быть, — продукты, составляющіе предметъ роскоши. Это такъ, но теплица уже, все больше и больше превращается въ простой огородъ подъ стекломъ, и самой несложной стеклянной постройки, слегка отапливаемой въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, оказывается достаточно для полученія баснословныхъ урожаевъ овощей: въ концѣ апрѣля получаютъ, напримѣръ, около 300 четвертей картофеля съ десятины; затѣмъ землю удобряютъ, и съ мая до конца октября собираютъ съ нея, благодаря высокой, почти тропической температурѣ, установившейся подъ стеклянной крышей, рядъ новыхъ урожаевъ.

Теперь, для полученія тѣхъ же 300 четвертей картофеля придется ежегодно вспахивать около 20 десятинъ или даже больше, сажать и впоследствии окапывать молодыя растенія, полоть сорныя травы и т. д. Все это стоитъ очень много труда. Между тѣмъ, при существованіи теплицъ, для начала придется, можетъ быть, употребить приблизительно по два дня работы на квадратную сажень, но за то когда эта предварительная работа будетъ окончена, въ будущемъ можно будетъ сберечь по крайней мѣрѣ половину, если не три четверти, труда.

Все это — факты, все это — уже достигнутые, установленные, хорошо извѣстные результаты, въ которыхъ каждый можетъ самъ удостовѣриться, если только потрудится осмотрѣть огородническія хозяйства. И этого намъ уже достаточно для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что можетъ дать человекъ землѣ, если только онъ будетъ умѣло съ нею обращаться.

V.

Мы говорили до сихъ поръ исключительно о методахъ уже принятыхъ и осуществленныхъ на практикѣ. П усиленная обработка полей, и орошеніе ихъ изъ сточныхъ трубъ, и огородническое хозяйство, и огородныя теплицы — все это уже существуетъ въ дѣйствительности. Леонсъ де Лавернь былъ совершенно правъ, когда еще тридцать лѣтъ тому назадъ предсказалъ, что земледѣліе будетъ стремиться все больше и больше уменьшить обрабатываемую площадь земли, создавать искусственно нужную почву и нужный климатъ, сосредоточивать на данномъ пространствѣ все больше и больше труда, и такимъ образомъ осуществлять всѣ условія, благопріятныя для жизни растений.

Первоначальный толчекъ къ этому данъ былъ стремленіемъ выручить какъ можно больше денегъ изъ продажи раннихъ овощей и фруктовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ найдены приемы усиленной обработки земли, они распространяются все шире и шире и примѣняются теперь даже къ самымъ обыкновеннымъ овощамъ, потому что они даютъ возможность получать **большій** урожай съ **меньшимъ** трудомъ и **рискомъ**.

Въ самомъ дѣлѣ, въ дешевыхъ досчатыхъ оранжереяхъ, устраиваемыхъ на Гернзеѣ, мы видимъ, что въ общемъ требуется **гораздо** меньше труда для того, чтобы вырастить картофель подь стекломъ къ апрѣлю, чѣмъ чтобы получить его тремя мѣсяцами позднѣе, съ открытаго поля въ пять разъ **большихъ** размѣровъ, которое нужно вспахивать, полоть и т. д. Это совершенно то же самое, что происходитъ съ орудіями и машинами: болѣе совершенное орудіе даетъ намъ возможность выиграть на сберегаемомъ трудѣ, хотя бы для покупки этого орудія потребовался значительный предварительный расходъ.

У насъ нѣтъ еще пока достаточныхъ данныхъ относительно разведенія подь стекломъ обыкновенныхъ овощей; этотъ родъ хозяйства введенъ еще очень недавно и практикуется лишь на небольшихъ пространствахъ. Но у насъ есть цифры, относящіяся къ разведенію (практикующемуся уже въ теченіе тридцати лѣтъ) одного предмета роскоши, а именно винограда, и эти цифры очень краснорѣчивы.

На сѣверѣ Англій, на шотландской границѣ, гдѣ уголь стѣбитъ, вблизи самихъ каменноугольныхъ копей, всего два рубля тонна, уже давно выращиваютъ виноградъ въ теплицахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ этотъ виноградъ, созрѣвавшій въ январѣ, продавался огород-

никами по 10 рублей фунтъ, а затѣмъ перепродавался для стола Наполеона III по 20 рублей фунтъ. Теперь же тотъ же самый огородинкѣ продается его всего по рублю двадцати копеекѣ фунтъ — какъ онъ самъ недавно сообщилъ въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ специальномъ огородническомъ журналѣ. Зависитъ это отъ того, что другіе конкуренты также посылаютъ въ Лондонъ и Парижъ цѣлыя тонны винограда. Благодаря дешевизнѣ угля и умѣлой обработкѣ, виноградъ выращиваютъ зимою на сѣверѣ и, въ противоположность другимъ фруктамъ, посылаютъ съ сѣвера на югъ. Въ маѣ, англійскіе и джерзейскіе огородинки продаютъ фунтъ винограда по 80 копеекѣ, и то цѣна — какъ и цѣна въ двадцать рублей тридцать лѣтъ тому назадъ — держится только благодаря рѣдкости продукта. Въ октябрѣ виноградъ, выращиваемый въ огромныхъ количествахъ въ Англии и на Джерзеѣ — подъ стекломъ и при небольшомъ искусственномъ отопленіи — продается немногимъ дороже, чѣмъ виноградъ купленный гдѣ-нибудь въ швейцарскихъ или рейнскихъ виноградникахъ, т. е. по 6 пенсовъ (25 коп.) за фунтъ. И эта цѣна еще по крайней мѣрѣ на двѣ трети выше чѣмъ слѣдовало бы; она устанавливается только потому, что тотъ, кто разводитъ виноградъ, платитъ слишкомъ большую арендную плату, и кромѣ того торговцы и посредники берутъ съ него слишкомъ большой процентъ со всѣхъ расходовъ по устройству и отопленію. Можно поэтому сказать, что получать виноградъ осенью, даже подъ широтою Лондона и подъ лондонскимъ туманнымъ небомъ, можно почти даромъ. Такъ, въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій ничтожная постройка изъ стекла и цемента длиною немногимъ больше чѣмъ въ 4 аршина и шириною около трехъ, прислоненная къ нашему домику, даетъ намъ возможность получать, вотъ уже три года, каждый октябрь, больше 50 фунтовъ прекраснаго винограда отъ шестилѣтней виноградной лозы*). А между тѣмъ постройка такъ плоха, что дождь льетъ черезъ крышу. Ночью въ ней всегда такая же температура какъ снаружи, и ее, конечно, не отопляютъ: это было бы все равно, что отоплять улицу. Уходъ ограничивается тѣмъ, что разъ въ годъ растеніе подстригаютъ (это беретъ полчаса), а затѣмъ привозятъ тачку навоза, которымъ обкладываютъ корень, посаженный внѣ постройки, въ глинистой почвѣ.

Припомнимъ, съ другой стороны, сколько труда кладется на виноградники на берегахъ Рейна или Женевского озера, гдѣ на склонахъ

*) Самое растеніе представляетъ собою продуктъ терпѣливаго труда цѣлыхъ двухъ или трехъ поколѣній садовниковъ. Это — гамбургская разновидность, очень хорошо приспособленная къ зимнимъ холодамъ. Чтобы ея дерево созрѣло, ей нужны морозы зимою.

горь приходится строить камень за камнем террасы, а навозъ и иногда землю — носить на плечах на высоту двухсотъ или трехсотъ футовъ, — и мы поймемъ, что въ общемъ требуется больше труда для разведенія виноградниковъ въ Швейцаріи или на берегахъ Рейна, чѣмъ подъ стекломъ въ лондонскихъ предместьяхъ.

Съ перваго взгляда это можетъ показаться невѣроятнымъ, потому что мы привыкли думать, что на югѣ виноградъ растетъ самъ собою, и что трудъ воздѣлывающихъ его людей ничего не стоитъ. Но спеціаллисты, садовники и огородники, наоборотъ, подтверждаютъ наше заключеніе. „Въ Англій самый выгодный родъ земледѣлія, это — разведеніе винограда“, говоритъ одинъ садоводъ-практикъ, издатель англійскаго садоводнаго журнала. То же можно вывести впрочемъ и изъ сравненія цѣнъ.

Переводя это на коммунистическій языкъ, мы можемъ сказать, что посвящая какихъ-нибудь двадцать часовъ въ годъ изъ своего досуга на уходъ — въ сущности очень пріятный — за нѣсколькими виноградными лозами, посаженными подъ стекломъ, въ любомъ европейскомъ климатѣ каждый изъ насъ могъ бы получать столько винограда, сколько онъ можетъ стѣсть въ своей семьѣ или съ друзьями. И то же можно сказать не только о виноградѣ, но и обо всѣхъ плодахъ, растущихъ въ нашемъ климатѣ.

Если бы, поэтому, какая-нибудь община примѣнила приемы мелкаго огородничества и плодоводства въ крупныхъ размѣрахъ, она могла бы получать въ изобиліи всевозможные овощи и всевозможные туземные и иностраные фрукты, причемъ каждый изъ ея членовъ посвящалъ бы на это не больше нѣсколькихъ десятковъ часовъ въ годъ.

Все это можно провѣрить когда угодно на опытѣ. Для этого стоило бы только небольшой группѣ рабочихъ прекратить на время производство тѣхъ или иныхъ предметовъ роскоши и посвятить свой трудъ, хотя бы превращенію равнины Женевплѣ (въ окрестностяхъ Парижа) въ рядъ огородовъ, съ отопленными стеклянными постройками для защиты входовъ и молодыхъ растений, и кромѣ того, устроить на пространствѣ, десятины въ пятьдесятъ рядъ экономно построенныхъ теплицъ для фруктовъ — предоставивъ, конечно, подробности организаціи опытнымъ садовникамъ и огородникамъ.

На основаніи среднихъ данныхъ, которыя даетъ намъ Джерсей; т. е. припимая, что для ухода за растеніями подъ стекломъ нужно 7-8 человекъ на десятину, т. е. меньше 240.000 рабочихъ часовъ въ годъ, мы увидимъ, что для обработки 135 десятинъ понадобилось бы въ годъ

приблизительно 3.500.000 часовъ труда. Сто знающихъ огородниковъ могли бы отдавать этому дѣлу по пяти часовъ въ день; все остальное дѣлали бы не профессиональные огородники, но просто люди, умѣющие обращаться съ заступомъ, граблями или поливальной кншкой, или мотрѣть за печкой.

Эта работа дала бы — какъ мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ — по меньшей мѣрѣ все необходимые овощи и фрукты и даже всю возможную въ этомъ отношеніи роскошь для 75.000 или 100.000 человекъ. Допустимъ, что изъ нихъ 36.000 изъявили бы желаніе заниматься огородничествомъ. Каждому изъ нихъ пришлось бы тогда посвятить на это 100 часовъ въ годъ, распределенныхъ на протяжении всего года; и это время явилось бы для нихъ временемъ отдыха въ кругу друзей и дѣтей, въ прекрасныхъ садахъ — лучшихъ, по всей вѣроятности, чѣмъ сказочные сады Семирамиды*).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какое количество труда нужно для того, чтобы получить въ изобиліи и фрукты, которыхъ мы должны ли-

*) Резюмируя данныя, относящіяся къ земледѣлю и показывающія, что жители двухъ департаментовъ — Сены и Сены съ Уазой — вполне могутъ существовать на своей территоріи, отдавая ежегодно на свое пропитаніе очень незначительное количество времени, мы получимъ слѣдующія цифры:

Департаменты Сены и Сены съ Уазой:	
Число жителей въ 1886 году	3.600.000
Площадь, въ десятинахъ	549.000
Среднее число жителей на десятину	654

Пространство обрабатываемое для доставленія пищи жителямъ (въ десятинахъ):

Злаковыя растенія	180.000
Естественные и искусственные луга	180.000
Овощи и фрукты	отъ 6.300 до 9000
Все остальное (дома, пути сообщенія, парки, лѣса)	180.000

Количество труда, необходимое для улучшенія и обработки этихъ площадей (въ 5-ти часовыхъ рабочихъ дняхъ):

Злакъ (уходъ и сборъ)	15.000.000
Луга, молоко, разведеніе скота	10.000.000
Огородничество, фрукты, составляющіе предметъ роскоши и т. д.	33.000.000
Непредвидѣнныя работы	12.000.000
Въ общемъ	70.000.000

Если предположить, что земледѣіемъ захочетъ заниматься только половина сѣхъ взрослыхъ людей (мужчинъ и женщинъ), то эти 70 миллионовъ полу-дней придется распределить между 1.200.000 человекъ, что составитъ на каждого изъ работающихъ 58 рабочихъ дней по 5-ти часовъ.

нать себя теперь, и овощи, которые стольким матерям приходится осторожно дѣлить между членами своей семьи, чтобы выгадать гроши, служащіе для обогащенія капиталистовъ и вампировъ-домохозяевъ.

Пусть бы только человѣчество сознало, что оно **можетъ** сдѣлать, и пусть бы это сознаніе дало ему силу **захотѣть** этого! Пусть бы только оно поняло, что тотъ подводный камень, о который разбивались до сихъ поръ всѣ революціи, это — умственная трусость!

VI.

Нетрудно видѣть, какое будущее откроется тогда передъ соціальной революціей.

Всякій разъ, когда мы говоримъ о соціальной революціи съ серьезнымъ рабочимъ, которому приходилось видѣть въ своей жизни голодающихъ дѣтей, онъ нахмуривается и упорно ставитъ намъ вопросъ: „А откуда взять хлѣбъ? Хватить ли его всѣмъ, если каждый будетъ ѣсть до-сыта? А что если невѣжественная деревня, настроенная реакціонерами, захочетъ морить голодомъ горожанъ, какъ она морила ихъ въ 1793 году?“

Но пусть только деревня попробуетъ! Тогда, большіе города сумѣютъ обойтись безъ нея.

Куда, въ самомъ дѣлѣ, употребятъ свободное время тѣ сотни тысячъ рабочихъ, которые задыхаются теперь на фабрикахъ или въ мастерскихъ? Неужели они и послѣ революціи будутъ продолжать сидѣть взаперти? Неужели они будутъ продолжать выдѣлывать разные мелкіе предметы роскоши на вывозъ, даже когда они увидятъ, что хлѣбъ выходитъ, что мяса становится мало, что овощи исчезаютъ и замѣнить всего этого нечѣмъ?

Конечно, нѣтъ! Они несомнѣнно выйдутъ изъ города въ поле, а тамъ машины, даже самымъ слабымъ изъ нихъ дадутъ возможность принять участіе въ общемъ трудѣ; они внесутъ такимъ образомъ въ старое земледѣльческое хозяйство ту же революцію, которая уже будетъ совершена въ учрежденіяхъ и идеяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ сотни десятинъ покроются стеклянными кровлями, и какъ мужчины, такъ и женщины съ нѣжными руками будутъ ухаживать тамъ за молодыми растеніями. Въ другомъ вспашутъ сотни десятинъ паровымъ плугомъ и улучшатъ почву при помощи удобренія или размельченнаго графита и известняка. И подъ руками этой веселой толпы случайныхъ хлѣбопашцевъ, поля покроются богатыми жат-

вами; руководить работой будут конечно люди, знающие земледѣліе, главнымъ же образомъ — великій практическій умъ народа, пробудившагося отъ долгаго сна и идущаго впередъ по пути, освѣщенному яркимъ маякомъ всеобщаго счастья.

И вотъ, уже черезъ два три мѣсяца первая жатва удовлетворитъ насущнымъ потребностямъ и обезпечитъ пищу народу; послѣ столькихъ вѣковъ ожиданія онъ сможетъ впервые наѣсться до-сыта.

Въ то же время народный гений — гений народа, возставшаго и сознавшаго свои потребности — будетъ работать надъ введеніемъ новыхъ приѣмовъ земледѣлія, — приѣмовъ, которые мы предчувствуемъ уже и теперь, но которые еще требуютъ провѣрки на опытѣ. Тогда будутъ произведены опыты надъ вліяніемъ свѣта — этой неопѣненной еще въ земледѣліи силой, которая даетъ возможность ячменю созрѣвать въ 45 дней въ якутскомъ климатѣ; сконцентрированный солнечный свѣтъ, или искусственный свѣтъ будетъ соперничать съ теплотой въ дѣлѣ ускоренія роста молодыхъ растений. Какой-нибудь будущій Мушо изобрѣтетъ машину, которая сможетъ направлять и заставлять работать солнечные лучи, вмѣсто того, чтобы добывать изъ нѣдръ земли солнечную теплоту, заложенную тамъ въ видѣ угля. Будутъ сдѣланы опыты надъ орошеніемъ земли культурами микроорганизмовъ — мысль исполнѣ рациональная, но еще новая, осуществленіе которой дастъ вѣроятно возможность разводить въ землѣ живыя клѣточки, необходимыя растеніямъ какъ для питанія ихъ корешковъ, такъ и для разложенія составныхъ частей почвы.

Испробуютъ . . . но нѣтъ, лучше не будемъ вдаваться въ область фантазій. Останемся на почвѣ установленныхъ фактовъ. Уже тѣ приѣмы земледѣлія, которые существуютъ теперь, которые прилагаются въ крупныхъ размѣрахъ и успѣшно выдерживаютъ торговую конкуренцію, могутъ дать намъ и довольство и роскошь, требуя взаменъ лишь небольшое количество пріятнаго труда. Недалекое будущее покажетъ намъ, какія практическія примѣненія, которыя мы отчасти угадываемъ и теперь, скрыты въ недавнихъ научныхъ открытіяхъ.

Пока мы ограничимся тѣмъ, что намѣтили новый путь — путь изученія потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Единственное, чего можетъ не хватить революціи, это — смѣлаго почина. Забитые съ самой школы, рабы прошлаго въ зрѣломъ возрастѣ и до самой смерти, мы почти не смѣемъ думать. Когда появляется какая нибудь новая идея, мы, прежде чѣмъ выработать себѣ собственное мнѣніе о пей, справляемся съ книгами, писанными столѣтъ тому назадъ, чтобы узнать, что думали объ этомъ старые мудрецы.

Но если у революцій хватить смѣлости мысли и смѣлости почва, то въ жизненныхъ припасахъ она нужды терять не будетъ.

Изъ всѣхъ великихъ дней 1789-93 гг. Революція самымъ прекраснымъ, самымъ великимъ днемъ, который навсегда запечатлѣлся въ умахъ — былъ день, когда сообразившея со всѣхъ сторонъ участники праздника Федерациі работали, какъ землекопы, на Марсовомъ полѣ, приготовляя его къ празднеству. Въ этотъ день Франція дѣйствительно была едина: одухотворенная новыми вѣяніями, она какъ бы предвидѣла будущность, открывавшуюся передъ нею въ общемъ трудѣ надъ обработкой земли. Этотъ же общій трудъ на землѣ объединить и возродившееся общество, изглаживая въ немъ всѣ слѣды вражды и угнетенія, разбивающихъ его теперь на части.

Новое общество пойметъ, что такое солидарность — этотъ великій двигатель, увеличивающій во сто разъ энергію и творческую силу человека, и пойдетъ со всею энергіей молодости на завоеваніе будущаго. Оно перестанетъ производить на неизвѣстныхъ покушателей и обратиться къ потребностямъ и вкусамъ, существующимъ въ его собственной средѣ; оно обезпечитъ всѣмъ своимъ членамъ и существованіе, и довольство, и то нравственное удовлетвореніе, которое даетъ свободно избранный и свободно выполняемый трудъ, и наслажденіе жить, не мѣшая жить другимъ. Полные смѣлости, вдохновляемые чувствомъ взаимности, люди всѣ вмѣстѣ двинутся впередъ, на завоеваніе тѣхъ высокихъ наслажденій, которыя даетъ научное знаніе и художественное творчество.

Обществу, проникнутому такимъ духомъ, нечего будетъ бояться ни внутреннихъ раздоровъ, ни вѣшнихъ враговъ. Всѣмъ силамъ прошлаго оно противопоставитъ свою привязанность къ новому порядку вещей и смѣлую инициативу, какъ каждой личности въ отдѣльности, такъ и всѣхъ вмѣстѣ, — ту геркулесову силу, которую придастъ ему пробужденіе его генія.

И противъ этой непреодолимой силы никакіе „соединенные короли“ не смогутъ сдѣлать ничего. Имъ останется только преклониться передъ нею и впрячься въ свою очередь въ общую колесницу человечества, уносящую его къ новымъ горизонтамъ, открытымъ Соціальною Революціею.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Предисловіе къ русскому изданію	III
Предисловіе Элизе Ренлю	VII
Наши богатства	1
Довольство для всѣхъ	11
× Анархическій коммунизмъ	21
Экспропріація	32
Жизненные припасы	44
Жилища	67
Одежда	76
Пути и средства	79
Потребности, составляющія роскошь	87
× Привлекательный трудъ	102
× Свободное соглашеніе	110
Нѣкоторыя возраженія	125
Наемный трудъ въ коллективистскомъ обществѣ	143
Потребленіе и производство	159
Раздѣленіе труда	167
× Децентрализація промышленности	171
Сельское хозяйство	181

НОВОМІРСКИЙ.

G. J. J. J.

.....

ИЗ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНОГО АНАРХИЗМА.

1907

О Г Л А В Л Е Н І Е .

==

	СТР.
Предисловіе	3
I. Научный социализм	6
II. Два слова о производительных силах	10
III. Бунтовской дух и сознание.....	16
IV. В защиту свободы.....	21
V. Авторитет	29
VI. Коллективизм и коммунизм.....	37
VII. Преступление и наказание	49
VIII. О самодержавии народа	52
IX. Государство и собственность	61
X. Чѣм они хотят казаться и что они на дѣлѣ	66
XI. Либерализм, социализм и анархизм	88
XII. Классовый характер социалдемократіи	102
XIII. Захват власти.....	112
XIV. Двѣ диктатуры	122
XV. Реформы, парламентаризм и самостоятельности.....	130
XVI. Тред-юнионизм, социалдемократизм и революціон- ный синдикализм	142
XVII. Об экспроприации	153
XVIII. Анархизм, организациа и партія	162
XIX. Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма	169
XX. Что дальше?	180
XXI. Проект Программы Синдикальнаго Анархизма.....	188

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автор ставил себѣ двойную цѣль: во-первых, дать общую критику основных положеній социаль-демократіи; во-вторых, намѣтить общія черты того направленія в анархизмъ, которое французы называютъ синдикальнымъ а нѣмцы «Gewerkschaftlicher Anarchismus».

Важность обѣихъ этихъ задачъ—виѣ спора. Невозможно приступить к изложенію анархизма безъ критики нѣкоторыхъ положеній такъ называемаго «научнаго социализма», безъ предварительной расчистки авгіевыхъ конюшенъ социализма.

С другой стороны, я не могъ остаться в рамкахъ общихъ принциповъ анархизма по двумъ причинамъ. Во-первых, сочиненія Кропоткина, Жана Грера, Бакунина, Малатеста, Малато и другихъ анархистовъ достаточно выяснили сущность коммунизма и принципъ отрицанія власти. Не имѣя возможности заняться углубленіемъ и систематизированіемъ трудовъ вышеупомянутыхъ писателей, я вынужденъ былъ бы в сущности дѣлать переложенія старыхъ, всѣмъ извѣстныхъ работъ. Я считалъ это лишнимъ; и потому главы «Коллективизмъ и коммунизмъ», «Преступленіе и наказаніе», «Самодержавіе народа» трактуютъ свои вопросы крайне сжато. Интересующихся я для болѣе подробнаго ознакомленія отсылаю к упомянутымъ теоретикамъ анархизма, особенно к классическимъ работамъ Кропоткина: «Завоеваніе хлѣба», «Система наемнаго труда» («Le salariat The Wage System») и др. Во-вторыхъ, господствующее в анархистской литературѣ направленіе, ученіе Кропоткина, кажется мнѣ крайне расплывчатымъ, слишкомъ, изобилуетъ остатками чисто народническихъ предразсудковъ с ихъ крайнимъ субъ-

ективизмом, сентиментальностью и интеллигентским гуманитаризмом. Мы, русскіе анархисты, прошедшіе школу марксизма, не можем удовлетвориться тѣми туманными, чувствительными фразами, которыя у нашего дорогого стараго учителя часто занимают мѣсто аргументов. Мы хотим основать наше міровоззрѣніе на твердом реалистическом базисѣ борьбы классов, а не на туманной «взаимопомощи». Мы хотим свою тактику строго, послѣдовательно выводить из общих принципов нашего ученія, а не механически прицѣплять ее к ним. Мы расходимся особенно рѣзко с товарищем Кропоткиным и его сторонниками в Россіи, так называемыми «хлѣбовольцами» *) в цѣлом рядѣ тактических и организационных вопросов.

По всѣм этим причинам я счел необходимым говорить не от имени анархизма вообще (с которым почему-то отождествляют ученіе Кропоткина), а от имени того новаго направленія в русском анархизмѣ, которое с самаго начала называло себя синдикальным. Этому направленію была посвящена заграничная газета «Новый Мір», которая, — увы! — имѣла такое же эфемерное существованіе, как и большинство русских анархистских газет. Из перваго номера этой газеты в настоящей работѣ перепечатаны двѣ статьи автора: «Либерализм, социализм и анархизм» и «Бунтовскій дух и сознаніе». Здѣсь же напечатана моя статья, написанная для втораго номера той же газеты: «Классовый характер социаль-демократіи». Статья «Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма» была напечатана мною по просьбѣ редактора нью-іоркской газеты «Freie Arbeiter Stimme» и напечатана лѣтом 1906 г. Остальныя статьи писаны мною в различное время, в различных мѣстах, при различных обстоятельствах. Эти и другія «независящія от автора» обстоятельства не позволили мнѣ придать книгѣ настоящую систематичность и полноту. Читатель приглашается смотрѣть на эту работу не как на систематическое изложеніе синдикаль-

*) По имени их газеты, издававшейся за границей под названіем «Хлѣб и Воля».

наго анархизма, а как на общій очерк его. Полному и черняющему изложению нашего направления в связи с его исторіей в западно-европейских странах посвящена особая работа.

Считаю не лишним здѣсь прибавить, что основные принципы своего міровоззрѣнія мнѣ удалось набросить еще два года тому назад в брошюркѣ «Манифест Анархистов-коммунистов».

Новомірскій.

1.

Научный социализм.

Социал-демократія увѣряет, что ея программа обоснована научно. Поэтому она свое учение называет научным социализмом. Что разумѣют тут под словом «научность»? Очевидно, только одно: вѣрят, что учение социал-демократіи лишено элементов случайности, произвола, элементов утопизма и построено на реалистическом пониманіи жизни.

Утопическій социализм стоял на точкѣ зрѣнія абстрактной справедливости. Он не мог показать, почему его идеал должен по необходимости быть осуществлен, гдѣ та реальная сила, которая захочет и сможет взять на себя воплощеніе в жизнь социализма. Научный социализм старается доказать, что идеал новаго строя жизни не есть только благородная мечта, что его реализація не зависит от капризной воли отдѣльных филантропов, а, наоборот, даже помимо и вопреки волѣ всѣх господ современнаго общества, социализм восторжествует, потому что он необходим. Однако, как понимать эту необходимость? Нужно ли думать, что есть какая-то фатальная сила, которая неумолимо толкает капитализм к социализму? Так прежде думали всѣ социал-демократы. Полагали что мелкое производство, как в промышленности, так и в сельском хозяйствѣ, совершенно исчезает. Все производство переходит исключительно в руки крупных предприятий. Даже число этих крупных предприятий сокращается и сосредоточивается в руках непрерывно уменьшающагося числа «магнатовъ капитала». В это время производительныя силы достигают такой степени развитія; что господствующая кучка магнатов совершенно не в силах руководить производством. Кризисы довершают страшную картину хаоса и раззоренія. Становится абсолютною необходимостью измѣненіе формы собственности, так как она стала тѣсной для развившихся производительных сил. «Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ с

нею и под ея вліяніем. Сосредоточеніе средств производства и обобществленіе труда достигает такой степени что они не могут выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприирующих экспроприируют»^{*)}). Так говорит Маркс в своем Капиталѣ. В этой цитатѣ ярко выступает мысль, что социализм продукт преодолимаго противорѣчія между формой собственности и производительными силами, продукт долгаго экономического развитія, а не результат самой простой человеческой борьбы за жизнь, исход которой вовсе не зависит от степени развитія крупнаго производства, а всецѣло опредѣляется фактическим соотношеніем сил. Понятно, глупо думать, что Маркс представлял себѣ социальную революцію как чисто механическую эволюцію орудій производства. Но несомнѣнно вѣрно, что из двух факторов—работника и машины—он отдавал первенствующее мѣсто орудію, а не человѣку. Несомнѣнно, что социальная революція представлялась ему скорѣе конечным пунктом развитія техники, чѣм послѣдним боем между работниками и капиталистами.

Сильнѣе и рѣзче выразил эту мысль вѣрный ученик Маркса Карл Кауцкій. В своей «Аграрной политикѣ» он говорит: «Революція, к которой стремится социалистическая партія, не есть в послѣднем счетѣ революція в области права, а в области экономики; она ни есть ниспроверженіе формы собственности, а способа производства она стремится к уничтоженію первой только потому, что она может послужить средством покончить с послѣдним»^{**}).

В комментаріи к Эрфуртской Программѣ Кауцкій говорит: «Экономическое развитіе буржуазнаго общества с необходимостью закона природы приводит к гибели мелкое производство». Впослѣдствіи он должен был признать, что вытѣсненіе мелкаго производства не так абсолютно. При нѣкоторых обстоятельствах даже сам крупный капитал насаждает мелкія хозяйства, которыя представляют ему дешевую рабочую силу. «Нѣтъ ничего ошибочнѣе», говорит тот же Кауцкій в предисловіи к «Комментарію» 1904 г., «того взгляда, будто коллективистское производство станет возможным лишь послѣ того как совершенно исчезнет мелкая промышленность. Если бы это было так, то коллективизм не мог бы никогда осуществиться, так как концентрація капитала приводит

*) «Капитал» т. I, 673 стр. изд. 1898 г.

***) La politique agraire du P. Socialiste 1903, p. 5.

не к совершенному исчезновению мелких предприятий, а часто лишь к замѣнѣ старых видов мелкой промышленности новыми. Уничтоженіе этих новых пролетарских мелких предприятий станет возможным лишь послѣ того, как будет введено коллективистское производство» (стр. IX изд. «Молот», 1905 г.)

Итак, мелкое производство мѣняет свою форму и роль, но не погибает «с необходимостью закона природы». Теорія концентраціи капиталов также потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. По крайней мѣрѣ, Кауцкій должен признать, что эта пресловутая концентрація совершается далеко не так просто и далеко не так быстро, как это думали раньше. Кризисы тоже потеряли значительную долю своего мистическаго значенія с тѣх пор, как обнаружилось, что трэсты капиталистов могут играть немаловажную роль в дѣлѣ их предупрежденія путем регулированія производства и цѣны. Постепенно и незамѣтно и вся теорія, на которой зиждется необходимость социализма, приняла нѣсколько иной вид. «Эта теорія видит в капиталистическом способѣ производства фактор, который толкает пролетаріат на классовую борьбу против капиталистов; который все больше и больше увеличивает его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознаніе и политическую зрѣлость; который все больше и больше повышает его экономическое значеніе, дѣлает одинаково неизбѣжной как его организацію в политическую партію, так и его побѣду; но столь же неизбѣжно он обусловливает и возникновеніе коллективистскаго производства в результатѣ этой побѣды*»). Здѣсь нѣтъ уже ни слова о переворотѣ исключительно в области экономики. Соціальная революція поставлена в исключительную зависимость от побѣды организованнаго и сознательнаго пролетаріата над капиталистами. Серьезная эволюція марксизма очевидна. Нап-

*) К. Кауцкій «Нѣтъ больше социаль-демократія», изд. «Утро» 1906 г., стр. 17. «Но для побѣды социаль-демократіи вовсе нѣтъ надобности в том, чтобы мелкое производство совершенно исчезло; эта побѣда уже сдѣлается возможной, как скоро крупное производство настолько оттѣснит на задній план мелкое, что класс наемных рабочих, лишенных частной собственности на средства производства, составит рѣшительное большинство населенія и сдѣлается его экономически важнѣйшей частью. С того момента ея побѣда является только вопросом силы и политической зрѣлости немущих классов (пролетаріата). И эта побѣда ни в каком случаѣ не означает полнаго уничтоженія мелкаго производства и превращенія всѣх мелких предприятий в государственныя».

расно Кауцкій тратит свой ум, находчивость и знания на то, чтобы затушевать происшедшую перемену. Не смотря на всю нашу антипатию к буржуазно-благонамѣренному «критицизму», мы должны признать за Бернштейном в этом вопросе правоту. Он тысячу раз прав, что толкование Кауцкаго не чисто материалистическое. Вѣдь ставить социальную революцію в зависимость от зрѣлости и силы пролетаріата вовсе не значит дать этому перевороту экономически-материалистическое объяснение. «Зрѣлость пролетаріев не экономической, а этической фактор, их сила—фактор политическій или социально-политическій». «Чтобы считаться имманентной экономической необходимостью», совершенно вѣрно прибавляет Бернштейн, «тріумф социализма должен быть обоснован доказательством необходимости экономического крушения существующаго общественнаго строя. Но такая неизбежность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитие в нѣкоторых пунктах сошло с пути, по которому оно должно было бы направиться, чтобы крушение стало неизбежно по чисто экономическим причинам».

В этой главѣ мы не намѣрены дать критику марксизма. Мы хотим только показать, что социалистическая теорія может доказать необходимость торжества социализма двояким путем. Во-первых, можно думать, что неизбежно экономическое крушение капитализма благодаря механическому развитію экономического фактора—производительных сил. Так думали долгое время. Эта точка зрѣнія теперь оставлена даже такими ортодоксами, как Кауцкій. Во-вторых, можно доказывать, что в современном обществѣ растет и крѣпнет та общественная сила, которая хочет и сможет задушить капитализм. При таком пониманіи необходимость социализма носит характер социальный, а не экономической, ибо все зависит от чисто человеческого, социального фактора—пролетаріата, а экономическое развитие вліяет на наступление социализма только косвенно—путем содѣйствія развитію самого пролетаріата. И при таком пониманіи социализм остается научным, ибо основан на необходимости. Но эта необходимость не экономического, а социального характера. В основу социалистической программы кладется не политическая экономія, а социологія.

II.

Два слова о производительных силах.

В основѣ марксистскаго пониманія исторіи лежит теорія развитія производительных сил, или техники. Маркс полагает, что всякій общественный строй опредѣляется исключительно «достигнутой степенью развитія производительных сил». Поэтому всякая социальная революція есть продукт переворота в производительных силах. Эти двѣ простыя идеи дают марксисту ключ к пониманію всей исторіи.

Каково наше мнѣніе? Понятно, никто не станет отрицать глубокаго значенія производительных сил для всей жизни общества. Кто, напримѣр, станет отрицать значеніе физической среды для человѣка? Ну, а техника есть не что иное, как новая искусственная социальная среда. Всякая среда имѣет глубокое вліяніе на нашу психику, нельзя отрицать его и за средой социальной.

Несомнѣнно, люди стараются наилучше использовать свои орудія труда в борьбѣ с природою. Поэтому если-бы не было никаких других посторонних условий, экономическую организацію общества люди создали бы, сообразуясь с тѣми орудіями, которыми они работают. На этом основаніи можно принять как нѣчто весьма вѣроятное, что в первобытное, доисторическое время различныя отношенія, существовавшія в маленьких независимых общинах опредѣлялись характером их орудій труда. При различных системах техники, при прочих равных условиях, способ производства не может быть одинаковым. Но почему первобытная община распалась? Почему образовалось рабство? Чѣм были вызваны всѣ извѣстные нам крупныя социальныя перевороты? Чѣм будет вызвана грядущая социальная революція? На весь этот град вопросов марксист имѣет только один ничего не объясняющій отвѣтъ: производительныя силы. В этом обнаруживается полное безсиліе марксистской мысли. Дайте же присмотримся к этому дѣлу поближе.

На порогъ исторіи человѣчество нам представляется разбитым на громадное число отдѣльных небольших групп—охотников, рыболовов, скотоводов. Эти группы находятся в постоянной войнѣ друг с другом из-за главнаго фактора тогдашняго производства—земли. Вѣнцом побѣды является захват покоренной земли и полное истребленіе и даже сѣденіе побѣжденных. Но вот внезапно наступает крупная перемѣна. Побѣдители не уничтожают и не сѣдают побѣжденных, а порабощают их. Людоѣдство уступает мѣсто рабству. Дотолѣ равноправные члены первобытно-коммунистических групп распадаются на два класса: господ и рабов. К вѣшней войнѣ между группами присоединяется внутренняя война между классами. Чѣм была вызвана эта революція? «Развитіем производительных сил», невозмутимо отвѣчает марксист. Технический прогресс усложнил производство и сдѣлал необходимым строгое руководство, которое могло быть достигнуто только порабощеніем производителей*). Этот псевдо-научный, скорѣе фаталистическій отвѣтъ проникнут чисто метафизическим характером, что, впрочем, легко объясняется происхожденіем его. Маркс сам говорит, что его діалектическій метод есть перевернутое гегелианство. А как ни переворачивайте метафизика, хоть кладите его на бок, он остается метафизиком. Сущность метафизическаго пониманія не мѣняется от того, что Маркс вмѣсто гегелевской Абсолютной Идеи подставил столь же отвлеченное понятіе Техники. Гегель говорит, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Идеи, и объявляет поэтому все существующее разумным. Маркс также пытается увѣрить нас, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Техники и также выводит разумность всего существующаго. Вмѣсто одного отвлеченнаго понятія поставлено другое. Неудивительно, что и Гегель и Маркс приходят к чисто метафизическому оправданію всего существующаго вообще и рабства в частности.

Что говорим мы?

Несомнѣнно, возникновенію рабства должен был предшествовать нѣкоторый прогресс в развитіи техники. При очень низкой степени производительности труда, когда работник производит только самое безусловно необходимое для поддержанія своей жизни, никому нѣтъ

*) К. Кауцкій «Парламентаризм и народное представительство», стр. 16: «Источником господства жрецов и военнаго дворянства была все таки экономическая необходимость».

смысла поработать его. Побѣдители находят для себя болѣе выгодным уничтожать или сѣдять своих плѣнников. Появленіе так называемаго «прибавочнаго продукта» дѣлает рабство для господ впервые выгодным и возможным. Значит-ли это, что развитіе производительных сил вызвало или создало рабство? Я сорвал нѣсколько плодов с дерева—значит-ли, что я сдѣлал это потому, что существует плодовое дерево? Если-бы его не было, я, понятно, не мог-бы сорвать его плодов. Но плоды нисколько не принуждали меня срывать их. Я сорвал их потому, что хотѣл. Существованіе дерева было условіем, но не причиной моего дѣйствія. Так же обстоит и с возникновеніем рабства. Техническій прогресс был его необходимым условіем, но никоим образом не причиною. Дѣйствительной причиной было сознательное желаніе побѣдителей использовать наилучше свою побѣду. Высокая степень производительности труда была только почвой, на которой варварская жестокость звѣроподобных побѣдителей взростила ядовитое дерево рабства. Появленіе рабства не только не было вызвано никакими непреодолимыми силами, но было явно враждебно интересам прогресса, даже чисто экономическаго прогресса. Благодаря рабству производительность труда не только не возросла но значительно упала. За долгіе сумрачныя вѣка кошмарной ночи, которую историки называют періодом рабства, человѣчество не сдѣлало никаких замѣтных шагов вперед, а проживало то, что было создано раньше усиліями свободных людей. Со времени установленія рабства и его стражника—Государства, египетскій народ духовно умер и застыл, подобно высохшей муміи. Все, что мы называем теперь классической культурой, не было культурой греческих и римских народов, а достояніем маленьких кучек мародеров, сидѣвших на плечах этих народов. Эти жалкія кучки праздных паразитов ради забавы развивали поэзію, ваяніе, живопись, но производство их совершенно не интересовало и казалось им презрѣнным дѣлом презрѣнных рабов. Неудивительно, что якобы пышный расцвѣтъ классической культуры не только не сопровождался техническим прогрессом, но создал, может быть, регресс. Как же марксисты считали рабство необходимым? Как понимать эту необходимость? Мы понимаем ее в чисто человѣческом, реальном смыслѣ. Рабство было необходимо господам и они создали его, потому что были достаточно сильны для этого. Оно им нужно было для того, чтобы свалить с своих плеч тяжелое бремя труда и забот и самим заняться «политикой», т. е. немудрым искусством держать в повино-

веніи рабов и расширять свое могущество грабежами и убійствами. Могу увѣрить читателя, что рабы не предвидѣли, как марксисты объявят рабство необходимым и даже прогрессивным: иначе они не смѣли бы так страстно бороться за свое освобожденіе. Со времени введенія рабства общество превращается в настоящій военный лагерь. Открытыя вооруженныя столкновения смѣняются непродолжительным временем затишья, чтобы снова уступить мѣсто войнѣ, такой жестокой и истребительной, какой может быть только война гражданская, эта борьба за самое святое человѣческое благо—за свободу.

В кровавых схватках прошли цѣлые вѣка, истреблены были цѣлыя поколѣнія людей, уничтожены плоды долгаго ряда лѣтъ кровавого труда. И вот наступает новая переменна—рабство смѣняется крѣпостничеством, форма господства смягчается. Чѣм была вызвана эта новая социальная реформа? «Развитіем производительных сил», говорит марксист. Нисколько, отвѣчаем мы. Допустим, что техника в теченіе длиннаго періода рабства так или иначе немного пошла вперед. Все же нѣтъ никакой возможности приурочить освобожденіе именно к періоду какого нибудь техническаго прогресса. Скорѣе вѣрно обратное: именно, к концу эпохи рабства мы видим сильный техническій и культурный упадок. Именно этот всеобщій упадок заставил господ поспѣшить с освобожденіем рабов, чтобы сдѣлать труд производительнѣе и извлечь больше выгод из своих «звучащих орудій» *instrumenta vocalia*. Итак, смѣну рабства крѣпостничеством мы так же мало можем объяснить техническим прогрессом, как и предыдущую смѣну свободы рабством.

Крѣпостничество было компромиссом между рабством, которое отстаивали господа, и свободой, к которой рвались рабы. Для господ рабство потеряло прежнюю доходность, а рабы были слишком плохо организованы и вооружены, чтобы добиться полной свободы. Как видите, крѣпостничество в наших глазах такой же результат соотношенія борющихся сил, как и рабство.

Но строптивые крѣпостные были настолько «утопичны» и «реакціонны», *) так мало считались с интересами своих господ и доктриной марксизма, что не покладая рук боролись за свое полное освобожденіе. Крѣпостные, как и рабы, никак не хотѣли признать свое положеніе «необходимым». Крестьянскія возстанія явно шли под знаменем безгосударственнаго коммунизма. Этого

*) Выраженіе Лассалья в «Программѣ работников».

не могут отрицать даже самые ослаблен. марксисты, которые умудряются трубить побѣду даже там, гдѣ здраво-мыслящій человек видит полное поражение. Вѣковая борьба господ и крѣпостных снова закончилась социальным переворотом. Господствующему классу стало не в моготу сдерживать страстные порывы крѣпостных к свободѣ, усиліе поддерживать крѣпостничество не окупалось его доходностью—и крѣпостные получили личную свободу, но без орудій труда, созданных их кровью и без земли, напоенной их слезами и потом! Почему? Да потому, что помѣщики были лучше организованы и лучше вооружены, и силой заставили крѣпостных помириться на личной свободѣ. В Россіи они даже заставили крестьян выплачивать за освобожденіе громадныя суммы денег под названіем «выкупных платежей». Будь крестьяне достаточно сильны, мы теперь не имѣли бы всѣх прелестей капитализма, и жили бы, может быть, при иных, болѣе отрядных порядках. Как же вы увѣряете нас, господа марксисты, что смѣна крѣпостничества капитализмом была необходима? Кому нужен был капитализм, кромѣ богатых и сильных? вспомните всѣ жестокости, которыя учиняли богатые помѣщики, чтобы согнать крестьян с родной земли; вспомните подлые законы о бродягах, законы, с помощью которых они согнули крестьян под ярмо капитала. Да, капитализм, подобно рабству и крѣпостничеству, был необходим потому, что он нужен был богатым и сильным.

Теперь мы живѣм наканунѣ новой социальной революціи, которая должна, наконец, возвратитъ работнику то, что отняли у него жестокіе и сильные—орудіе его труда. Эта грандіозная революція возвратитъ человечество к исходной точкѣ его исторіи—к свободным общинам, но с цѣнным подарком—всеобщим миром и братством. Грядущая революція только разорветъ проклятыя цѣпи, которыми господская жадность и жестокость сковали побѣжденных на зарѣ человеческой исторіи. Когда же настанет этот момент—последній акт многовѣковой трагедіи порабощеннаго труда? Когда достаточно разовьются производительныя силы?

«Централизация средств производства и обобществленіе труда достигаютъ такой степени, что они не могут долѣе выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруютъ». Так говорит Маркс.

Что говорим мы? Мы говорим, что в сѣдую древ-

ность побѣжденные стали рабами, потому что побѣдители имѣли достаточно грубой физической силы, чтобы подчинить их себѣ, своим корыстным интересам. Рабы стали крѣпостными и потом наемными рабочими, когда эти перемены стали выгодны самим господам для сохранения их господства над трудом работника. До сих пор исторію творили богатые и сильные. Коммунистическая революція грянет тогда, когда работшки в городах и селах поймут необходимость разрушенія экономических, политических и нравственных устоев современного міра, необходимость разрушенія частной собственности, государства и церкви; когда они остановят производство во всем мірѣ и с оружіем в руках разрушат организацію господ и овладѣют міром.

Какова же наша теорія исторического развитія? Она не так проста, как ученіе марксистов. У нас нѣтъ таких магических талисманов, как «техника», «производительныя силы». Творцом исторіи мы считаем не орудіе, а владѣльца орудія—человѣка. Содержаніем исторіи нам кажется не борьба за матеріальные интересы, а борьба за жизнь, в которую входят и матеріальные умственные и нравственные, и художественные интересы. Оттого к борьбѣ за матеріальное освобожденіе рабочаго класса присоединялись часто и всегда будут присоединяться люди совершенно иных матеріальных интересов по самым разнообразным нематеріальным мотивам—чисто научным, нравственным или эстетическим.

Фактически общество еще на зарѣ исторіи, благодаря насилию сильных, распалось на классы. Оттого по формѣ, исторія наполнена борьбою классов. Эта классовая борьба исчезнет тогда, когда самый угнетенный из классов достаточно окрѣпнет, чтобы сломить свое иго. Борьба классов умрет, но не умрет борьба за жизнь, пока жива будет сама жизнь. Борьба потеряет только свой грубо-животный характер и превратится в чистую борьбу за истину, добро и красоту.

III.

Бунтовской дух и сознание.

В сочинениях товарища Кропоткина и других анархистов-коммунистов этот «бунтовской дух» играет довольно замѣтную роль: получается впечатлѣніе, как будто этот «дух» является каким-то особым историческим фактором. Из сочинения товарища Кропоткина мы узнаем, что «бунтовской дух» имѣет своим назначеніем будить самодѣтельность личности, воодушевлять борцов, двигать на дѣло пассивных.

Возникает вопрос: может-ли в этом смыслѣ «бунтовской дух» имѣть какое-либо самостоятельное значеніе? Всякій согласится, что гдѣ общественная среда не подготовлена предварительной пропагандой и агитаціей, гдѣ общественный класс лишен сознанія своих интересов, там всякіе «духи», бунтовскіе и небунтовскіе, совершенно безсильны. «Бунтовской» акт может мысль и чувство быстрѣ превратить в дѣло, но он не может их создать, сам вызвать. Террорист—бунтарь может вызвать подражаніе себѣ только в сходных с ним по сознанію, по настроенію, но он не создает и не может создать этого сознанія и этого настроенія: бунтарь показывает, но не объясняет.

Как можем мы, анархисты, объяснить рабочим наши цѣли, как можем мы помочь ему в развитіи его классового сознанія?

Раньше всего это дѣлает сама жизнь, которая повелительно толкает рабочих на борьбу с Капиталом и Государством. Мы, анархисты, своей пропагандой и агитаціей только ускоряем ход развитія этого сознанія. Когда борьба и пропаганда опредѣленным образом подготовили головы и сердца рабочих, нужен бунтовской дух, чтобы воодушевить их на революціонную, насильственную атаку на буржуазный строй жизни. Тогда являются на арену отдѣльные смѣльчаки, передовые бойцы рабочаго класса, и берут на себя дерзкій почин гражданской вой-

ны: бунт отдельных личностей является вѣнцомъ сознанія массъ.

Какъ видно «бунтовской духъ» и «сознаніе» не являются двумя различными факторами. Нѣтъ! это отдельные стадіи развитія одной и той же борьбы рабочаго класса. Почему же мы в сочиненіяхъ тов. Кропоткина и многих другихъ анархистов такъ часто встрѣчаемся съ «бунтовскимъ духомъ» и такъ рѣдко слышимъ о классовомъ сознаніи? Неужели это объясняется только желаніемъ избѣгнуть терминологіи, которую взяли на службу марксисты? Или это превознесеніе бунтарства имѣетъ своей цѣлью только подчеркнуть дѣйствительный, практической моментъ?

Какъ бы то ни было, излишнее подчеркиванье бунтарской стороны нашей тактики можетъ дать неясное представленіе о нашихъ цѣляхъ. Оно можетъ заставить думать, будто мы, анархисты, чистые теоретики бунтарства, что для насъ форма важнѣе содержанія, «бунт» важнѣе сознательной классовой борьбы.

Какъ извѣстно, такихъ взглядовъ придерживались русскіе «бунтари» начала 70-хъ годовъ. Они полагали, что крестьянин—инстинктивный коммунист, что онъ вполне готовъ къ возстанію: нужно только разбудить «бунтовской духъ» въ народѣ—и онъ подымется со всѣхъ сторонъ. Ихъ надежды оказались утопичными, ихъ вѣра оказалась мечтою, и реальная жизнь разбила мечты ихъ, надломила ихъ вѣру: «народъ» (т. е. крестьянство) вовсе не оказался коммунистомъ, одинъ «бунтовской духъ» славныхъ пропагандистовъ не могъ поднять его на борьбу, когда жизнь не подготовила его къ пониманію ученія бунтарей. «Бунтари» на горькомъ опытѣ убѣдились, что нужно раньше прояснить мысль, а потомъ звать къ дѣлу, раньше выработать сознаніе, а потомъ «бунтовской духъ» шевелить.

Неужели мы, русскіе анархисты, повторимъ роковую ошибку бунтарей-народниковъ? Неужели мы бесплодно растратимъ наши силы на шумныя, яркія, но часто безпольныя вспышки и не займемся своимъ главнымъ дѣломъ организаціей рабочаго класса?

А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ у части русскихъ анархистом-коммунистовъ *) замѣчается явная тенденція пренебречь нашей главной задачей—воспитаніемъ и развитіемъ рабочихъ массъ—ради шумнаго полусознательнаго, чисто интеллигентскаго бунтарства. Мы касаемся здѣсь вопроса о такъ называемыхъ «мятежныхъ шайкахъ» и рабочихъ синдикатахъ.

*) Напримѣръ у сторонниковъ «Безначалія».

Односторонніе приверженцы бунтарства полагают, что самая главная задача русских анархистов состоит в организации повсеместно групп террористов для партизанской войны с капиталом и государством. Они, очевидно, исходят из того предположения, что рабочія массы всегда достаточно сознательны и нужно только несколько террористических актов, чтобы поднять их на возстаніе. Организация рабочих профессиональных союзов, развитіе борьбы пролетаріата на почвѣ его экономических интересов кажется им дѣлом бесполезным или даже вредным.

Такое однобокое бунтарство может оказаться роковым для русскаго анархическаго движенія. Анархисты могут оказаться только орудіем в руках политических партій Россіи, добывать цѣною своей крови каштаны для російских политиканов, ибо они помогут социалистам убить самодержавнаго медвѣдя, но не будут в силах отстаивать свои интересы при дѣлежѣ его шкуры.

Вспомните вѣчной памяти «Народную Волю»! Сколько героизма обнаружила она в борьбѣ с царизмом! Ей удалось своими собственными силами загнать его в тупой угол, почти обезсилить его. И что же? «Народная Воля» исчезла как фантом, не только не добившись своей цѣли, но и внушив надолго отчаяніе и апатію борцам за свободу. Почему потерпѣла она такое поражение? Потому, что она вступила в битву, не приготовив себѣ батальонов, не создав рабочей партіи.

Русская социал-демократія добилась за короткое время значительных успѣхов только потому, что она здраво поняла свою задачу. Чтобы добиться политической свободы, социал-демократы пошли в рабочія массы, занялись кропотливой борьбой за мелкіе интересы, приобрѣли довѣріе рабочих и теперь пользуются пролетариатом, как пушечным мясом в борьбѣ с царизмом. Вот почему социал-демократам удастся то, что не удалось болѣе смѣлым, болѣе сильным народовольцам.

Тактика анархических бунтарей привела бы нас к полному безсилію, ибо оторвала бы от рабочаго класса. В самом дѣлѣ, чѣм отличается анархическое бунтарство от терроризма, хотя-бы «социалистов-революціонеров?» Рѣшительно ничѣм, и фактически мы служили бы только их дѣлу помогая им бить самодержавіе. Когда мы расшатаем царизм, что получим в награду за свои усилія? Либералы и социалисты совмѣстно образуют новую государственную власть и направят объединенныя силы против нас. Кто будет тогда за нас, кромѣ небольших куцек бунтарей? Рабочія массы теперь, во время своей

борьбы не привыкают видѣть в нас одних защитников своих интересов, своих постоянных, искренних представителей. Когда либералы и социалисты понаставят для нас гильотин и висѣлиц, мы пожнем только то, что посеяли мы окажемся оторванными от рабочих масс, которыя мы отдали в распоряженіе социал-демократов, социал-революціонеров и других социал-политиков и карьеристов; мы так же бесплодно погибнем, как погибли во Франціи Гебертисты во время Французской Революціи.

Нѣтъ! Не мятежными шайками дѣлается социальная революція: перевороты совершаются борьбою классов, а не отдѣльных личностей. Революціонное меньшинство может быть только застрѣльщиком в гражданской войнѣ, а чтобы одержать побѣду, оно нуждается в массах. К этим массам мы и должны пойти теперь, помочь им организоваться в густую сѣть профессиональных союзов и избавить от развращающаго вліянія законников и политиков. Каждый рабочій союз даст нам небольшую группу истинно сознательных и истинно революціонных личностей, т. е. убѣжденных анархистов. Эти маленькія группы рабочих борцов и составят с теченіем времени цѣлые отряды «бунтарей». Тогда эти «бунтари» не будут одинокими в борьбѣ с существующим строем. Онѣ будут только передовыми бойцами своего класса, только легкой кавалеріей, за которой медленно, но неуклонно идет тяжелая пѣхота. Эти мятежники-бунтари пойдут впереди борющихся рабочих масс, будут устранять с пути врагов, мстить за поруганных братьев: гдѣ рабочія массы будут достаточно сознательны, они пойдут впереди их, гдѣ рабочіе синдикаты не будут достаточно революціонны, «мятежники» возьмут на себя почин схватки и будут дѣйствовать на свой страх. Когда разные либералы и социалисты, политическіе жулики всѣх оттѣнков, свергнув силой рабочих масс царское самодержавіе, захотят пробраться в правительство и заявят, что революція кончена, мы объявим всему міру: революція начинается! Впереди батальонов рабочаго класса, испытанных в борьбѣ с капиталом и государством, и полных довѣрія к нам анархистам, мы направим оружіе свое против новых эксплуататоров, новых обманщиков народа...

Но синдикаты имѣют для нас громадное значеніе еще в другом отношеніи. Допустим, что «мятежныя шайки» добились самых счастливых результатов: им удалось разгромить военную силу царизма и разрушить всю правительственную организацію. Каким образом капитализм перейдет в коммунистическій анархизм? Неужели мы

будем настолько наивны, чтобы думать, что новый строй как-то сам собою сложится, что мы ничего не должны подготовить взамен разрушенного мира? А ведь люди не могли бы жить даже несколько недель без определенной организации производства и обмена.

Тут-то и выступает на сцену синдикат. Федерация синдикатов овладевает орудиями труда и организует производство и обмен на коммунистических началах. В недрах старого общества мы создали ядро нового строя жизни. Реакционные силы не смогут воспользоваться временем революционного брожения и всеобщей сумятицы, чтобы посеять раздоры в недрах рабочего класса: синдикаты постараются устранить возможность голода, снабжать воюющих оружием и одеждою.

Вот почему мы утверждаем, что пренебрегать теперь профессиональной борьбой рабочих преступно, если мы хотим быть продолжателями Интернационала.

IV.

В защиту свободы.

Французскіе матеріалисты XVIII в. любили часто апеллировать к так называемой «природѣ человѣка». Они вѣрили, что человѣкъ, по крайней мѣрѣ, в основных своих чертах, представляет нѣчто опредѣленное, неизмѣнное. Такой взгляд был вполне умѣстен в их чисто метафизической системѣ. Вѣдь каждый метафизик тѣм характерен, что он в основу всѣх своих построений полагает нѣчто неизмѣнное, постоянное—субстанцію. Называется ли эта субстанція «дух» или «матерія»—безразлично. В социологіи метафизик также нуждается в специальной общественной субстанціи. Эту роль играла у метафизиков XVIII в. «природа человѣка». Из этой «природы» они остроумно выводили всѣ свои планы преобразования общества, всѣ свои политическія теоріи, всѣ системы морали.

Раз природа человѣка есть нѣчто раз навсегда данное нѣчто, поддающееся точному вычисленію, словом, раз человѣкъ—машина (*l'homme machine*), то нѣтъ особеннаго труда придумать такую систему отношеній между людьми, при которой было-бы достигнуто не только полное благополучіе отдѣльной личности, но и благополучіе всѣх, всеобщее благополучіе («*le bienetre general*»). Отсюда вытекают всѣ системы общественных преобразований французских философов, отсюда же общественныя теоріи так называемых утопистов-соціалистов. Всѣ они, как истинные метафизики, вѣрили в существованіе этой «природы человѣка». Разногласія начинались только с пониманія того, в чем именно состоит эта природа.

Казалось-бы, что марксизм окончательно порвал со всѣми иллюзіями и утопіями французских матеріалистов и утопистов. Если это отчасти и вѣрно, то вѣрно только отчасти. Хотя марксистскій матеріализм, так называемый

экономическій матеріализм, и воспринял в свою систему элемент историчности, развитія, но он остался матеріализмом, стало быть, школой по существу метафизической. Это роковым образом и отражается, как в марксистской философїи, так и в Марксистской социологїи. Марксист не вѣрит, чтобы человек во всѣ времена, у всѣх народов был одинаков. Но зато само пониманіе человека осталось чисто метафизическим: человек для марксиста то же, чѣм он был для Гольбаха, машина. Что удивительнаго в том, что марксисты, не смотря на всю свою мнимую научность, приходят к добрым старым утопіям о всеобщем благополучїи? Читайте поэтов, журналистов и даже теоретиков социаль-демократїи—вы вездѣ наталкиваетесь на эту бессмысленную и мѣщанскую утопію всеобщаго благополучія. Даже такой серьезный и холодный человек, как Кауцкій, с увѣренностью заявляет, что коллективистское государство обеспечит благополучіе всѣм. Эту жалкую и смѣшную иллюзію, которую передали нам по наслѣдству буржуазные метафизики, вдумчивый человек должен раньше всего отвергнуть, если он хочет выработать себѣ ясное, стройное и цѣльное представленіе об основах будущаго міра, об идеалах свободнаго общежитія.

Что такое благополучіе отдѣльной личности? раньше всего задаю я вопрос. Повидимому, это такое душевное состояніе, когда внутри нас уничтожена борьба различных борющихся стремленій, когда достигнуто все желанное, когда в душѣ царит покой, довольство. Кто хоть сколько-нибудь вдумывался в смысл душевной жизни человека, тот понимает всю нелѣпность и утопичность такого стремленія к довольству.

Возможность такого благополучія предполагает цѣлый ряд необходимых условій. Во-первых, мы должны раньше допустить, что психическій мір человека представляет собою какую-нибудь опредѣленную систему потребностей, инстинктов, переживаній. Во-вторых, мы должны вѣрить, что эта система поддается точному и ясному изученію. В-третьих, мы должны быть убѣждены, что эта изученная нами система потребностей допускает полную возможность удовлетворенія, что всѣ наши стремленія, живущія и борющіеся в душѣ нашей, вполне достижимы. Отвергните одно из этих допущеній, и вы убили всякую возможность душевнаго довольства. Нужно поэтому внимательно анализировать эти три условія так называемаго счастья.

Что-сказали-бы вы о том ученом, который взялся бы опредѣлить вам всѣ качества, всѣ признаки того или иного тѣла? Вы сказали бы, что этот мнимый ученый не

усвоил себѣ основныхъ принциповъ современнаго научнаго метода мысленія; вы сказали бы, что такая цѣль недостижима, что немислимо открыть все признаки тѣла, потому что эти признаки не в тѣлахъ, не внѣ насъ, а в нашем собственномъ организмѣ, внутри насъ; что каждый шагъ въ развитіи науки состоитъ именно в томъ, что каждый разъ открывается все большее количество такъ называемыхъ признаковъ, которымъ наука не можетъ предвидѣть конца. Какъ же можемъ мы считать за нѣчто данное систему нашихъ душевныхъ переживаній? Человѣкъ не представляетъ собою чего-то замкнутаго, чего-то оторваннаго отъ остальнаго міра людей и міра природы. В его душевный міръ непрерывно и со всѣхъ сторонъ врывается внѣшній міръ, наша душа есть только своеобразная форма того-же такъ называемаго внѣшняго міра. Во всѣхъ порахъ нашего тѣла живетъ весь многообразный внѣшній міръ, такъ что трудно, невозможно опредѣлить, гдѣ кончается «я» и гдѣ начинается «не—я»: я таковъ, каковъ этотъ внѣшній міръ, и этотъ сложный, многообразный, причудливый внѣшній міръ таковъ, каковъ я самъ. Вотъ почему никто, никогда не разгадаетъ душевной тайны человѣка, какъ никто никогда не разгадаетъ тайны природы вообще, ибо душа наша, какъ и всякій предметъ, в сущности есть отраженіе всего остальнаго міра в цѣломъ, есть таинственный маленькій міръ столь же многообразный и столь же неразгаданный, какъ и весь большой міръ. Наука всегда будетъ знать неизмѣримо ничтожную долю того, что называется природою. Кто же возьмется теперь утверждать, что самый сложный микрокосм—человѣкъ представляетъ нѣчто данное, представляетъ какую-нибудь опредѣленную систему? Не только нѣтъ цѣлыхъ періодовъ, нѣтъ ни одного момента, когда бы душевная жизнь представляла нѣчто данное, нѣчто устойчивое: наша душа никогда не находится в состояніи хотя бы неустойчиваго равновѣсія, она больше чѣмъ все остальное непрерывный процессъ движенія. Измѣрить же движеніе можно только однимъ путемъ—опредѣлить количество развиваемой имъ работы, но не больше. А метафизикъ-матеріалистъ хочетъ самую сложную, самую таинственную форму движенія—душевную жизнь человѣка—влиять въ такія формы, которыя раскрыли-бы самую сущность этого движенія—задача вполне утопическая.

Можно болѣе или менѣе точно опредѣлить, чего хочу я больше и чего относительно хочу я меньше—опредѣлить такъ сказать энергію желанія. Но кто возьметъ на себя задачу раскрыть всю систему потребностей не только группы лицъ, но хотя бы одного человѣка, хотя бы самого себя? Наши потребности рождаются и живутъ не в

каком-нибудь определенном раз навсегда данным мѣстѣ, а текут к нам из безконечнаго внѣшняго міра, который непрерывно и непреодолимо влияет на всѣ точки нашего организма и непрерывно зарождает безконечное количество потребностей, желаній и стремленій? Наша воля идет к нам со всего внѣшняго міра и стремится обратно ко всему этому внѣшнему міру. Мое «я» есть только временная стоянка безконечнаго процесса безконечных движеній, временная комбинація безконечных разновидностей энергіи. Не только никто не может сказать, чего он—другой хочет, но я никогда не могу сказать, чего я хочу. Наше сознание обнимает только ничтожную долю нашей внутренней жизни; оно, подобно маяку среди безбрежнаго океана, освѣщает вокруг себя извѣстную область душевной жизни. Эту узенькую часть своей души человекъ называет своим «я». Он наивно думает, что он дѣйствительно есть то, что он знает и думает о себѣ, подобно тому, как сторож на маякѣ невольно признает существованіе только тѣх судов, которыя вторгаются в радіус маячнаго свѣта. Он может предположить в видѣ отвлеченнаго допущенія на основаніи предыдущаго опыта, что могут быть суда внѣ его поля зрѣнія, но это допущеніе, как и всякая абстрактная дѣятельность ума, крайне блѣдно, призрачно. Так же блѣдно и призрачно представленіе человекъ о той безднѣ міров переживаній, которыя находятся за завѣсой сознания, во мракѣ океана бессознательности. Можно смѣло сказать, что человекъ никогда не является тѣм, чѣм он сам себѣ кажется, что он всегда нѣчто иное.

Что же такое это мнимое «довольство»? Это пресловутое благополучіе? Мы удовлетворили микроскопическую долю сознанных потребностей, и что же? Удовлетворен ли наш внутренній мір? Достигнуто ли хоть на один момент внутреннее равновѣсіе? Увы!—нѣтъ. За вышедшими из рядов в сферу нашего сознания врываются цѣлыя толпы новых потребностей и желаній. Никто не звал их, никто не знает, откуда они, но они шумно и дерзко располагаются в душѣ моей, дают назойливо и грубо на мое сознаніе. Я не знаю этих странных непрошенных гостей, но я должен подчиниться им, потому что—как ни странно—«я» это собственно онѣ—эти чуждыя мнѣ мятежныя силы, которых я не предполагал за одну минуту раньше, но которыя теперь не только близки мнѣ непонятно почему, но и суть «я» сам. Куда дѣлось мое довольство? Я добился того, чего хотѣл, но какая-то коварная сила вырывает у меня плоды моей желанной побѣды. Покой, гармонія, довольство есть только лукавая

приманка, которое выставляет миѣ то темное, странное непонятное, что пришло ко миѣ откуда-то и живет временно за портьерой моего сознанія. Едва я против воли покорился этой приманкѣ и пустился в путь, начав дѣйствовать,—из за порога появляется мой вѣчный незнакомец—бессознательное и сует миѣ новыя потребности, новыя желанія, новыя цѣли, новые порывы к дѣятельности. Кто не согласится, что стремленіе к довольству есть мираж, иллюзія нашего сознанія? что не покой, не гармонія составляют сущность жизни, а вѣчное движеніе, вѣчная дисгармонія?

Человѣкъ не только не поддается настоящему, точно-му опредѣленію, которое дало бы возможность хоть приблизительно знать, что ему нужно для его благополучія, но ни одна потребность не удовлетворима, ни одна цѣль не достижима в той формѣ и в той степени, как рисует себѣ это человѣкъ, пока живет в нем это желаніе и эта цѣль. Возьмите любое желаніе, проанализируйте его до конца и вы убѣдитесь, что оно безконечно и что оно переплетается неразрывно с неизмѣримой массой других желаній, из которых ни одно не достижимо.

Ко всему этому присоединяется еще одно, в высшей степени замѣчательное обстоятельство. Наши потребности не только не поддаются правильному учету, не только недостижимы цѣликом, но часто дисгармоничны, противорѣчивы: нам часто хочется противоположных вещей. Я имѣю в виду здѣсь не случайное столкновеніе временных капризных вождельній, но говорю о постоянных взаимно-противоположных стремленіях, выработанных историческим развитіем. Укажу на один примѣр.

Никто не станет оспаривать теперь того поразительнаго факта, что так называемыя соціальныя инстинкты глубоко укоренились в современном человѣкѣ вообще, не говоря уже о народных массах. Для современнаго человѣка нѣтъ болѣе ужаснаго наказанія, как насильственное лишеніе общенія с подобными ему. Как ни стар этот инстинкт, нужно признать, что он теперь несравненно сильнѣе, чѣм был когда-то, не смотря на ряд враждебных ему вліяній, которыя приуготовила долготѣящая исторія внутриобщественной борьбы. Косвенным доказательством этому служит то, что теперь совершенно невозможно то повальное стремленіе к отшельничеству, которое мы встрѣчаем в былыя времена. Однако, странное дѣло, рядом с ростом соціальных инстинктов, с ростом потребности общенія с другими растет потребность как раз противоположнаго характера: в настоящее время человѣкъ гораздо больше, чѣм когда бы то ни было, чув-

ствует свою индивидуальность и потребность, по крайней мѣрѣ, на время уединяться от своей социальной среды, потребность в одиночествѣ. Если лишеніе общества является для лишенной личности жестокой карой, то едва-ли не болѣе жестоким наказаніем является для нея полное лишеніе одиночества. Не даром многіе ученые видят большое преимущество городского пролетаріата перед сельским в том, что послѣдній лишен великой привилегіи—имѣть свое жилье и стало быть возможность хоть отчасти жить своей собственной индивидуальной жизнью, возможность одиночества. Рядом друг с другом в душѣ современнаго человѣка выросли противоположные инстинкты, которые в своей полной развитой формѣ называются коммунизм и индивидуализм. Какому из них отдать преимущество? Буржуа-либерал высказывается за торжество индивидуализма, ради котораго он готов пожертвовать глубокими коммунистическими стремленіями современнаго человѣка, готов оставить частную собственность со всей свирѣпой борьбой за хлѣб. Интеллигент-демократ, «стоящій на пролетарской точки зрѣнія», настолько ослѣплен яркостью социальных стремленій рабочих масс, что видит в «пролетарской дисциплинѣ» источник всякой радости и готов ради казарменнаго благополучія пожертвовать драгоценной личностью. Мы свободны от предрасудков и буржуазіи, и интеллигенціи —мы признаем одинаковое право за обѣими противоположными потребностями. Мы не хотим добиться гармоніи путем исключенія одного из борющихся элементов, для нас гармонія является совсѣм не заманчивой мечтой. Если внутренняя борьба доставляет горе, она же и единственным источником радостей. Мы констатируем факт, что историческое развитіе создало в нас противоположные инстинкты, которые имѣют однакож одинаковое законное право на удовлетвореніе. Оттого мы и хотим на почвѣ общественной солидарности дать полную возможность развитію личности...

Пусть же вдумчивый человѣкъ поймет, какая нелѣпость эта утопія о всеобщем благополучіи!..

Мы приходим таким образом к выводу, что душевное состояніе покоя и довольства, которое обычно называется счастьем, совершенно невозможно. Значит ли это, что мы идем на встрѣчу пессимизму—к философіи отрицанія жизни. Нѣтъ. Мы не скажем вслѣд за Шопенгауэром «лучшая судьба это не быть рожденным, никогда не видѣть дня и его сіяющаго свѣтила». Полная гармонія невозможна там, гдѣ в одной и той же душѣ живут противоположные элементы. Во всяком случаѣ такая гармонія

возможна только моментами, которые являются только случайностью. Но из этого далеко до вывода, что жизнь одно сплошное страдание, что радость является чѣм-то отрицательным— «отсутствием страданія». В наших глазах страданіе и радость одинаково реальны: радость невозможна там, гдѣ ей не предшествовало страданіе и наоборот. Можно смѣло сказать, что чѣм глубже страданіе, тѣм глубже будет радость, подобно тому, как чѣм сильнѣе электрическій ток в электродах, тѣм ярче будет искра... Мѣщанской утопіей звучит для нас желаніе избавить человѣка от горя, водворить на землѣ благополучіе и гармонию. Такой же иллюзіей кажется нам отрицаніе радости. Кто не знает, что привычное горе незамѣтно превращается в тайный источник радости? Человѣкъ обладает безконечной способностью приспособленія: в самой неблагоприятной средѣ он всегда найдет какой-нибудь источник радости. Что же нужно ему для этого? Только одно—нужно дать возможность его внутренним душевным процессам идти своим чередом. Как бы ни была среда безотраднa, как бы ни было вокруг сѣро и пустынно, душа постепенно приспособится к окружающему и направит свои внутреннія силы в наиболѣе благоприятную сторону. Чтобы дать человѣку возможно больше радости, есть только один путь: ставить возможно меньше препятствій нашему внутреннему міру, сдѣлать возможно шире сферу соприкосновенія нашего внутренняго міра с внѣшним. Оттого самое ужасное горе для человѣка наступает там, гдѣ он искусственно изолирован от всего богатаго и многообразнаго міра людей и природы и насильственно вдавлен в узенькую рамку тюремной жизни. Оттого же величайшая масса радостей выпадет на человѣческую личность, когда совершенно будут уничтожены всѣ искусственныя принудительныя сферы, окружающія человѣка помимо или против его воли, т. е. тогда, когда он перестанет быть принудительным членом семьи, когда он сбросит с себя насильственныя узы гражданства в отечествѣ, когда он сбросит с себя цѣпи обязательной, внѣшне-принудительной религіозной и даже общественной солидарности, словом, когда человѣкъ вездѣ и всегда будет сталкиваться со своимже братом—человѣком и своей матерью—природой. Наш вывод ясен: величайшая радость, величайшая сумма наслажденій создается не уничтоженіем тѣх или иных «дисгармоничных» элементов и не реакціонной попыткой примиренія борющихся противоположностей, а, наоборот, возможно большей свободой борьбы. Стсюда наш другой вывод: оставьте всякое попечительство о чужом благополучіи, никто в нем не

нуждается: горе и радость всегда внутри нас. Дайте же человеку полную возможность самому стремиться к тому что он называет своей радостью. Своим непрошеным вмешательством вы не только не приближаете его к цѣли, но ослабляете, омрачаете эту самую радость. Мы приходим к полному отрицанію какого бы то ни было внѣшняго авторитета, безразлично какими бы прекрасными фразами он ни оправдывался и в какія мантіи ни драпировался.

Классу. В...

V.

А в т о р и т е т .

Отрицаііе всякаго внѣшняго авторитета ставит нам важный вопрос: возможно ли неавторитарное общество?

Всякое общество, по существу, в объективном отношеніи есть ни что иное как опредѣленная форма сотрудничества. А всякое сотрудничество предполагает одновременную коллективную дѣятельность. Эта коллективная дѣятельность однако не принадлежит одному какому-нибудь организму (ибо общество не есть само по себѣ ничто цѣлое, органическое), а составляется из комбинированных дѣйствій отдѣльных личностей. Возникает проблема: каким образом вызвать комбинированную коллективную дѣятельность, когда каждая личность мыслит и дѣйствует индивидуально и когда общество не имѣет одинаго мыслящаго органа, который мог-бы непосредственно вызвать желанные коллективные акты. Проблема рѣшается двояко.

Можно создать над сотрудничающими личностями какой-нибудь опредѣленный орган, одаренный единой-волей, единым сознанием и этому органу дать право толкать сотрудничающих к опредѣленным актам, независимо от тѣх умственных, волевых процессов, которые происходят в психикѣ индивидов. Это обстоятельство разрѣшает вполнѣ противорѣчіе, которое вызывается индивидуальностью мышленія и коллективностью работы. Но противорѣчіе это, собственно говоря, не примиряется, не гармонируется, а достигается чисто искусственным путем — уничтоженіем одного из противорѣчивых элементов, а именно: индивидуальнаго мышленія. Индивидуальное мышленіе стоит на пути коллективному сотрудничеству и его просто на просто стирают. Борьба, понятно, исчезает, но за то извращается весь нормальный естественный ход органической жизни индивида. Опыт и наука учат нас, что акты индивидов могут быть прямым слѣдствіем сознательных или несознательных процессов, т. е. могут

прямо вытекать из нашей сознательной воли или совершаться внѣ ея, помимо ея, но не против нея. Акты, явно противорѣчащіе волѣ дѣйствующаго, разрушают основу нормальной органической дѣятельности и являются поэтому чѣм-то безусловно отрицательным для развитія жизни. Что такое в сущности смерть? Вѣдь процессы, совершавшіеся в организмѣ, элементы, составлявшіе его, не уничтожились, не исчезли, исчезла только та внутренняя связь, та комбинація процессов, которая создавала нѣчто опредѣленное, цѣлостное, индивидуальное... Смерть есть только уничтоженіе этого индивидуальнаго. Вмѣшательство внѣшней воли во внутреннюю жизнь индивида совершает аналогичную работу: оно рѣзывает внутреннюю необходимую связь между волей и дѣятельностью, разрушает в настоящем смыслѣ слова индивидуальность подобно смерти: оно приносит поэтому частичную смерть. Если представить себѣ мысленно такую организацию сотрудничества, при которой такое вмѣшательство внѣшней организованной волей совершается непрерывно и повсемѣстно, то можно смѣло сказать, что оно произвело бы тѣ же результаты, как и настоящая физическая смерть. На самом дѣлѣ немислимо такое абсолютное подчиненіе индивидуальности коллективному органу, оттого и частична разрушительная работа внѣшняго механическаго давленія на нашу волю со стороны внѣшней воли, организующей сотрудничество.

Исторія и подтверждает вполнѣ нашу мысль, что авторитарное рѣшеніе проблемы сотрудничества есть вѣчная угроза развитію жизни. Авторитарныя общества всегда являли образец неподвижности и полной неспособности развитія. Авторитет может использовать болѣе или менѣе цѣлостно имѣющуюся к данному обществѣ массу энергіи, может наилучшим способом приспособить, комбинировать уже имѣющіяся индивидуальныя силы, но он безсилен развивать общество, так как он убивает основной источник всякаго развитія—индивидуальное сознаніе, индивидуальность.

Но кромѣ авторитарнаго типа организациі сотрудничества возможен и другой, противоположный тип. Вмѣсто того, чтобы достигнуть чисто механическаго единства дѣйствія путем полного или частичнаго уничтоженія противорѣчія между индивидуальными сознаніями, индивидуальными волями, можно, наоборот, стремиться к гармонизированью этих волей постольку, поскольку это необходимо для коллективной работы. Вмѣсто того, чтобы одной внѣшней волѣ предоставить возможность подавлять всѣ остальные индивидуальныя воли,

можно самим этим волям дать возможность изнутри самих себя создать дѣйствительную коллективную волю, т. е. выдѣлить то общее, что было во всѣх индивидуальностях, участвующих в сотрудничествѣ. Результат—коллективный акт—будет тот же, но способ принципиально противоположный. Свободное соглашеніе, в противоположность авторитету, не только не убивает личности, не только не уничтожает возможности развитія, но и строится на личности и является постоянным импульсом к развитію.

Авторитет и свободное соглашеніе суть два принципа, лежащіе в основѣ всѣх исторических обществ. Общество, основанное на авторитетѣ, есть государство. Общество, построенное на свободном соглашеніи, есть анархія. Каков характер будущаго общества? На этот вопрос мы сможем отвѣтить только тогда, когда мы объясним себѣ, почему всѣ историческія общества были болѣе или менѣе авторитарными. Если окажется, что авторитарный принцип поддерживался опредѣленными условіями жизни, отсутствія которых для нас в будущем обществѣ несомнѣнно, этим самым будет рѣшен глубокий и важный вопрос: идем ли мы к государственной или анархической организаціи жизни.

Авторитарные органы никогда не являются органами простого голаго насилія. Хотя в основѣ всякаго авторитета всегда лежит это самое механическое насиліе над волею личности, все-таки всякій авторитет нуждается в нѣкоторых болѣе или менѣе опредѣленных рамках дѣйствія. Авторитарная регламентація всей жизни личности невысказана. Оттого интересы самого авторитета требуют хотя бы нѣкотораго разграниченія сферы своего вмѣшательства и области индивидуальной свободы. Выражаясь юридическим языком, всякій авторитет для обезпеченія своего нормальнаго функціонированья нуждается в опредѣленной системѣ права.

Чтож такое право *)? Современныя юридическія школы отвѣчают: право есть норма, разграничивающая интересы. Наши потребности направляются всегда на какую-нибудь опредѣленную вещь или на какую-нибудь услугу. Так как на вещи или услугѣ часто сталкиваются потребности различных индивидов, то неизбежна борьба. Эта борьба за интерес и создает право. В этом смыслъ всякая правовая норма является как бы пограничной

*) Здѣсь вездѣ рѣчь идет о правѣ не в субъективном, а в объективном смыслѣ, о так называемом положительном правѣ.

линіей между враждующими, борющимися интересами. Право ставит себѣ цѣлью как бы поддерживать дружественный нейтралитет воюющих интересов.

Но отдѣльные мелкіе однородные интересы всегда вытекают из какого-нибудь одного общаго болѣе крупнаго интереса. Борьба за болѣе широкую сферу интересов создает цѣлостную группу правовых норм—то, что юристы называют правовым институтом.

Наконец, всѣ болѣе или менѣе широкія группы интересов во всяком обществѣ вытекают из какого-нибудь одного основного интереса. Борьбу за этот послѣдній и выражает собою система права в цѣлом.

Исторія права дает нам ряд таких систем права, болѣе или менѣе отличающихся друг от друга. Классическое право было построено на фундаментѣ рабства. Перед нами феодальное право с крѣпостничеством в основѣ. Наконец современное буржуазное право построено на фундаментѣ частной собственности. Всѣ эти системы права довольно рѣзко отличаются одна от другой. Авторитарный мыслитель может на этом основаніи рассуждать так: всѣ донинѣ бывшія историческія общества строились на какой-нибудь правовой системѣ, которая служила, так сказать, рамками, в которых развивалась экономическая жизнь даннаго общества. Когда эти рамки становились слишком узкими для развитія экономической жизни общества, старая правовая система замѣнялась новою. Отсюда сторонник авторитета сдѣлает вывод, что и современное буржуазное право подлежит замѣнѣ его болѣе широкой правовой системой, которая могла бы болѣе точно вмѣстить развившіяся производительныя силы современнаго міра. Но право само по себѣ должно остаться, потому что без права, без системы общих и обязательных норм невозможно никакое сотрудничество. Необходим поэтому и авторитет, как внѣшнее конкретное выраженіе абстрактнаго права; необходим авторитет, как дамоклов меч, висящій над всякой попыткой перешагнуть через порог священнаго права. Так дѣйствительно рассуждают всѣ послѣдовательные авторитаристы, «от папы до Маркса», по выраженію Ньювенгейса, от господъ россійскихъ министров до господъ россійскихъ «революціонныхъ» социал-демократов.

Но так ли это? Нужно раньше всего внимательно всмотрѣться в условія жизни всѣх исторических авторитарных обществ и спросить себя: какой основной фактъ лежит в их жизни, какое основное обстоятельство породило, стало быть, необходимость той или иной опредѣленной системы права. Если мы с этой точки зрѣнія про-

смотрим всю исторію человѣчества со времени первобытных общин, мы вездѣ наталкиваемся на один и тот же глубокой по своей важности и трагизму фактъ: производитель вездѣ отдѣлен от своего орудія. Вот этот-то основной фактъ и только он, а не интересы развитія производительных сил, до сих пор лежал в основѣ права. Всѣ разновидности общественных организацій представляют только различныя проявленія одного и того же немолимаго факта—разрыва между работником и его орудіем труда. Всѣ историческія системы права только выражают и санкціонируют этот разрыв.

Было время, когда человѣческія орудія были крайне примитивны, когда главным фактором производства был сам человѣкъ. Тогда, чтобы овладѣть фактором, нужно было овладѣть личностью самого работника, необходимо было порабощеніе самого трудящагося. В такія эпохи работник и раб синонимы, работник есть только «звучащее орудіе (*instrumentum vocale*)». Система права, которая в таком обществѣ желает санкціонировать отдѣленіе работника от его орудія, должна санкціонировать и рабство этого работника, потому что в таком обществѣ рабство и работа неразрывны при сохраненіи принципа эксплуатаціи. Оттого-то древніе философы, которые всѣ были членами эксплуататорскаго класса, не могли найти никакого исхода из заколдованнаго круга.

С теченіем времени, когда пріобрѣтает большое значеніе в качествѣ фактора производства земли, эксплуатирующій класс находит возможным добиться той же цѣли другим путем. Нѣтъ надобности теперь привязать работника к самой личности хозяина, достаточно оторвать его юридически от главнаго средства производства—земли и в то же время не дать работнику права оставлять мѣстожителство своего господина. В крѣпостническом обществѣ право должно принять форму феодализма.

Наконец, настает совершенно новая эпоха: разрослись до грандіозных размѣров производительныя силы, земля перестала быть господствующим фактором—это мѣсто заняла машина. Что нужно теперь для охраны интересов эксплуатаціи? Теперь бессмысленно и излишне не только привязать работника к личности хозяина, бесполезно даже навязывать ему опредѣленное мѣстожителство, вполне достаточно оторвать работника от земли и машины и дать ему «волю»... Нечего опасаться, что рабочей человѣкъ «разлѣзнится» оттого, что сорваны рабскія и крѣпостническія цѣпи: им на смѣну буржуа выковал болѣе жестокія и болѣе подлыя цѣпи новаго раб-

ства, которыя по всей тягости превосходят все, что до сих пор пережил многострадальный рабочій народ... За-чѣмъ прямо и грубо принуждать работника к труду, когда невидимая и беспощадная сила все равно толкает его в каторжную мастерскую? Эта сила—царь голод. Чтобы голод заставлял работника служить интересам эксплуатаціи, а не собственной личности, нужно только умѣло провести тонкую линію, подобно заколдованному кругу между работником и средствами его труда. Эта круговая линія и называется буржуазным правом, правом частной собственности.

Спрашивается развѣ будущее общество не представляет собою рѣзкаго разрыва со всей «предварительной» исторіей человечества? развѣ не убивается на смерть та гидра, которая до сих пор всегда была причиной всѣх соціальных бѣдствій человѣка, гидра, отдѣлявшая работника от его орудія? Раз работник становится собственником своих орудій труда, спрашивается, что выпадает на долю права? Что должна дѣлать будущая система права, когда основа ея—борьба за противоположные интересы совершенно исчезает? Вдумаемся хотя бы в общественный строй первобытных коммунистических общин. Почему тогда не чувствовать потребность в какой нибудь данной правовой системѣ? На этот вопрос нѣтъ, кажется, другого отвѣта, кромѣ одного: производитель не был отдѣлен от средств производства, не было основной причины всякой борьбы за интересы, не было почвы и для права. Что касается необходимых для коллективной дѣятельности болѣе или менѣе опредѣленных, болѣе или менѣе постоянных актов, то потребности борьбы за существованіе сами естественно и незамѣтно соотвѣтственным образом вліяли на психику индивидов, создавались обычаи, которые связывали членов общины болѣе тѣсно, чѣм самые жестокіе драконовскіе законы.

Сторонники авторитета нам могут сказать дѣйствительно исчезнет тот основной антагонизм, который до сих пор был основою права—антагонизм между работником и владѣльцем орудія труда. Зато рождается новый антагонизм между личностью и обществом. Это новое противорѣчіе породит новую борьбу, которую необходимо уложить в извѣстныя рамки. Потребность в системѣ общих и болѣе или менѣе постоянных, обязательных норм неизбѣжно так или иначе создаст новую систему права.

Это возраженіе имѣет только внѣшній характер научности. В самом дѣлѣ: в чем может состоять антагонизм между личностью и обществом? Если дѣло в том, что в

свободном обществѣ особенно сильно разовьются личные вкусы, личныя потребности, которыя будут непрерывно сталкиваться, то развѣ в этом заключается какая-нибудь угроза для существованія общества? Очевидно, не в духовной области лежит опасность столкновенія между личностью и обществом: рѣчь, очевидно, идет о матеріальной области жизни, о производствѣ. Но и здѣсь возраженіе наших противников совершенно несостоятельно. Они всецѣло находятся под влияніем чисто буржуазныхъ понятій, созданныхъ современными условіями жизни. В глубокую древность, даже сравнительно дальновидные люди полагали, что уничтоженіе рабства есть уничтоженіе самой общественной жизни. Значительно позже крѣпостники болѣе или менѣе искренно вѣрили, что освобожденіе крѣпостныхъ есть уничтоженіе всякой общественной работы, так как «разлѣнившіеся» крестьяне, освободившись от спасительной палки помѣщика, совершенно откажутся работать. Тѣ же рѣчи повторяются и теперь по поводу освобожденія работника от буржуазнаго рабства. Люди с узким кругозором, неспособные понять дѣйствительные мотивы человѣческой дѣятельности, боятся оторваться от современныхъ общественныхъ отношеній, выйти из рамокъ современнаго міра. Они не смѣютъ спросить себя: неужели палка и плеть дѣйствительно абсолютно необходимы для существованія общества, для коллективной работы? Нѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ мотивовъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ страхъ наказанія? Еслибы они глубже и свободнѣе отнеслись къ этимъ важнымъ вопросамъ, они пришли бы къ совсѣмъ иному рѣшенію; они увидѣли бы, что работа сама по себѣ никогда не отталкивала человѣка. Что такое, собственно, работа, какъ не инстинктивное, необходимое проявленіе внутреннихъ психическихъ процессовъ? Что такое наслажденіе, какъ не та или иная трата, в той или иной формѣ накопившейся энергіи? Величайшія муки происходятъ не от самой работы, а от слишкомъ долгой, нежеланной работы. иногда же еще больше от отсутствія желанной работы. Наслаждаться, собственно говоря, значитъ дѣйствовать, работать, т. е. преобразовывать внѣшнюю среду соотвѣтственно внутреннимъ потребностямъ. Не будь этого вѣчнаго внутренняго импульса къ работѣ, никакіе авторитеты не могли бы сдерживать узы общественной жизни. До сихъ поръ дѣятельность авторитарныхъ органовъ состояла, собственно, не в томъ, что они создавали какіе-нибудь новые человѣческіе мотивы къ работѣ, нѣтъ! они только своеобразно эксплуатировали естественные мотивы, заложенные в органической жизни человѣка.

ка. Въмѣсто того, чтобы дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка направлялась его собственными личными мотивами, ее подчинили властной волѣ авторитета; но дѣятельность самих носителей авторитета опредѣлялась все таки их личными мотивами. Отрицатели всякаго авторитета, анархисты, не имѣют претензій создать, сочинить какой-нибудь новый импульс к работѣ. Наоборот, они хотят уничтожить тот искусственный мотив, который господствующій класс навязывает трудящимся, мотив страха наказанія, и хотят распространить на всѣх трудящихся тот принцип, который лежит в основѣ дѣятельности привилегированных классов,—принцип личного самоопредѣленія. Таким образом уничтоженіе взякой власти нисколько не посягает на тѣ естественные, неискоренимые инстинкты, которые толкают человѣка к работѣ. Всѣ люди, как и всѣ живыя существа, желают жить. Жить же—значит работать. Поэтому и в будущем обществѣ основой общественной жизни будет коллективная работа. Но подобно тому как общественный труд создается из свободнаго об'единенія личных работ, так и общественная воля создается из свободнаго сліянія личных воль. Общество по прежнему будет сотрудничеством, но свободным сотрудничеством.

VI.

Коллективизм и коммунизм.

Нелѣно заниматься подробным разрисовываніем картины будущаго: Не только трудно, но и невозможно предвидѣть частности будущей идеальной организаціи человѣчества. Но так же нелѣно думать, что полное невѣжество относительно основ будущей жизни является добродѣтелью. Мы не можем и не должны загадывать обо всѣх подробностях и мелочах грядущаго міра, но мы можем и должны изучить его основныя, крупныя черты. Я скажу болѣе: без точнаго и яснаго пониманія основ будущаго свободного общества невозможно никакая плодотворная революціонная дѣятельность. Мирные реформаторы и оппортунисты всѣх мастей могут презрительно пожимать плечами, когда от них требуют болѣе яснаго опредѣленія их идеала: такая работа для них бесполезная роскошь, ибо вся их практическая дѣятельность только муравьиное реформированіе частных частей современнаго міра. Они не разрушают и не стремятся разрушить фундамента капитализма и классового деспотизма, они хотят только придать ему новую, болѣе мягкую форму. Зачѣм же заниматься таким «соціалистам» анализом будущаго общества? Зачѣм им тратить время на эту бесполезную «музыку будущаго»?

Иной характер носит положеніе революціонных соціалистов, т. е. анархистов. Кто стремится к полному и немедленному разрушенію современнаго экономическаго, политическаго и духовнаго рабства, обязан ясно указать во имя чего осудил он современную цивилизацію и куда хочет он вести человѣчество. Сдѣлать это не только его моральная обязанность, но и политическая необходимость. Как можно выработать дѣльную тактику, не зная, куда она должна привести нас? Остановимся же на основных чертах будущаго рабочаго общества.

Раньше всего мы должны поставить себѣ вопрос: какова будет грядущая форма собственности? Трудно

переоцѣнить значеніе этого вопроса, ибо форма собственности есть краеугольный камень всякаго общественнаго строя. Ни одно общество не может жить, не опредѣлив точно и ясно, кто должен владѣть орудіями труда, ибо владѣлец орудіями труда есть руководитель производства и распорядитель народнаго богатства. Иначе говоря, всякое общество должно установить свою форму собственности.

Современная частная форма собственности гласит, что орудія производства и продукты труда принадлежат частным лицам. Когда производство было мелким, когда каждый ремесленник работал один у себя на дому, принцип частной собственности был умѣстным и относительно справедливым. Он давал возможность каждому трудящемуся наслаждаться дѣлом собственных рук. Когда люди работают отдѣльно, в одиночку, они, естественно, владѣют своими орудіями так же врозь, и неизмѣнно продукты становятся частной собственностью производителей. Должно ли это так быть — трудно сказать. Но факт таков: во всем мірѣ, у всѣх народов торжество мелкаго, мнѣ хотѣлось бы сказать, частнаго производства вызвало к жизни частную форму собственности.

Но с тѣх пор круто измѣнились обстоятельства. Не только исчезли одиночки-ремесленники, но и мелкія мастерскія давно уступили первенствующее мѣсто крупным фабрикам и заводам; маленькія лавочки вытѣсняются громадными магазинами с тысячами наемных служащих. Можно смѣло сказать, что никогда не исчезнет совершенно мелкое производство и мелкая торговля, как это думал Маркс. Крупное машинное производство никогда не сможет совершенно замѣнить ручной труд, крупный магазин не сможет цѣликом вытѣснить маленькую лавочку. Но тѣм не менѣе, всякій должен признать, что производство и обмѣн пережили рѣзкую перемѣну: они получили общественный характер. Общество не состоит уже из отдѣльных одиноких ремесленников и одиноких лавочников-посредников. Оно распадается теперь на громадное количество групп работников, ассоціацій: вѣдь каждая фабрика, завод, мастерская, магазин, копь желѣзная дорога, почта, контора есть не что иное, как ассоціація работников. И всѣ эти неисчислимыя массы рабочих ассоціацій тѣснѣе связаны друг с другом, чѣм в прежнія времена одинокіе ремесленники. Ни одна ассоціація не может обойтись без всѣх остальных. Это значит, что, по существу всѣ ассоціаціи составляют одну грандіозную Ассоціацію Работников. И что же? Труд стал общественным, ассоціативным, а частная форма собственности ос-

талась. Во главѣ каждой рабочей ассоціаціи стоит частное лицо—капиталист и деспотически грабит у нея продукт ея труда. Продукт всеобщаго труда, продукт всей всемірной Рабочей Ассоціаціи становится собственностью не всей Ассоціаціи, а совершенно посторонняго лица, ненужнаго и вреднаго в производствѣ. Устранить это безуміе и спасти общество от вырожденія и смерти есть первая и главная задача рабочаго человѣчества. Но тут то возникает наш вопрос: чѣм именно замѣнить частную собственность? Какова должна быть грядущая форма собственности? На этот вопрос социал-демократы и анархисты дают два различных отвѣта. Одни говорят: средства производства должны быть переданы Государству, другіе хотят сдѣлать собственником всѣх богатств само общество. Одни, стало быть, хотят замѣнить частную собственность государственной, другіе хотят ввести общественную (или коммунистическую) собственность. Между этими двумя взглядами такая же бездна, как между правительством и обществом, между бюрократіей и народом.

Сдѣлать государство собственником средств производства это значит, на первом планѣ, сдѣлать правительство распорядителем производства и распредѣленія. По плечу ли ему такая задача? В настоящее время есть одна область, которая несомнѣнно является спеціальной задачей государства—это военное дѣло. И что же? Дадим себѣ труд всмотрѣться в то, как справляется оно со своей исключительной обязанностью. Примите во вниманіе, что в военном дѣлѣ государство абсолютно устранило частную конкуренцію и потому является неограниченным хозяином своей отрасли промышленности. Вспомните также, что государство своей неограниченной властью над страной пользуется такими исключительно благоприятными условіями, какія и сниться не могут самому сильному капиталисту. Ко всему этому прибавьте ту желѣзную дисциплину, которая наложена на органы государства. Теперь спросите себя: как справляется оно со своим дѣлом? Пусть честный человѣкъ, сколько-нибудь знакомый с военным дѣлом, скажет, есть ли какая-нибудь отрасль промышленности, которая была бы в таком дурном состояніи? Военная техника безконечно отстает всегда и вездѣ и обходится так непомерно дорого, что самый могучій трэст раззорился бы; государство же способно выдержать бремя только благодаря своей неограниченной тиранической власти над трудом и свободой граждан. Представим себѣ теперь на минуту, что государство должно заботиться не об одном производствѣ

военных принадлежностей, а должно производить всё необходимые продукты жизни: пищу, одежду, жилище, пути сообщения, сырые продукты, машины, предметы роскоши, доставлять освещение и отопление, завѣдывать наукой и искусством и т. д., и т. д. Но производить мало — нужно распределить продукты. Миллиарды продуктов должны быть доставлены миллионам людей. Оставим пока в сторону вопрос, по силам ли такая грандиозная задача какому бы то ни было правительству, даже гениальнейшим и честнейшим людям. Теперь мы рассмотрим только экономическую сторону вопроса: мы спрашиваем всякаго вдумчиваго пролетарія: выгодно ли нашему классу ввести такую систему собственности? Не разорит ли она общество? Представляет ли она значительный прогресс в сравнении с современной системой капитализма?

Когда социал-демократам ставят эти неумолимые вопросы, они, понятно, не находят никакого прямого ответа и тотчас же ссылаются на то, что будущее государство должно быть всеобщего характера, чем современное. С этим мы охотно согласимся. Буржуазное государство сильно отличается от феодальнаго, которое в свою очередь далеко не совпадало с классическим или восточным. Без сомнѣнія, социалистическое государство потеряет многія черты, характерныя для буржуазной эпохи и приобретет новыя особенности. Но государство под всеми формами сохраняет опредѣленныя черты. 1) Оно всегда есть организациа власти, т. е. принудительный орган, издающій законы, судящій на их основаніи и карающій за их нарушеніе. 2) Оно всегда стремится к строжайшей централизаци. 3) Оно всегда по необходимости опирается на бюрократію т. е. цѣлую армию государственных агентов. Именно послѣдняя черта, его бюрократизм, нас и интересует здѣсь. Мы и утверждаем, что какова бы ни была организациа бюрократіи, она не может справляться с такой широкой, непосильной задачей, как организациа многосложнаго производства. Исключительно с точки зрѣнія экономической цѣлесообразности мы говорим, что государственная форма собственности тягостна и обременительна для рабочаго класса едва ли не до такой же степени, как современная частная собственность. Не только бюрократіа крайне плохой и расточительный хозяин, но она по необходимости в численном отношеніи достигнет небывалаго развитія. Подумайте только, сколько миллионов чиновников понадобилось бы социалистической странѣ, когда каждая фабрика, каждая мастерская, каждая контора, каждый

магазины, каждая ячейка экономического организма должна была бы иметь своего чиновника и даже, быть может, не одного. Теперь бюрократия владеет несколькими только, сравнительно незначительными отраслями промышленности; а цифра чиновников положительно достигает уже подавляющих размеров. До какой же фантастической степени дорастет бюрократия, когда она должна будет регулировать решительно все стороны жизни? Не трудно представить себе, какую громадную долю народного труда будет уничтожать эта бюрократическая саранча. Будет ли это подать, подать народа безполезной и неспособной банде правителей—меньше той прибавочной ценности, которую теперь взимает буржуазия,—очень серьезный и трудный вопрос. Бросьте взгляд на историю экономической роли государства, и вы убедитесь, как расточительно и бездарно его хозяйничанье. За примерами нам не захочется отправляться ни в таинственный Восток, который задох в тяжелых тисках государственной команды, ни в шумную Элладу, которая стремительно шла в бездну ничтожества, бессилия и бедности параллельно росту экономического значения государства; ни в холодный Рим, который пал под тяжестью государственного бремени. Даже средние века нам не захочется звать на суд, хотя история городских общин показывает с поразительной яркостью, какую мертвящую роль сыграло государство в истории культуры. Нет! Возьмем более близкие и более прозаические примеры из доступной нам современности: присмотримся к экономическим результатам так называемых государственных монополий. Для всех не завядомо слышимых и не завядомо продажных людей в настоящее время ясно, что сделать какую-нибудь отрасль промышленности государственной монополией значит почти неизбежно довести ее до самой низкой степени состояния. Поразительные примеры доставляют табачная монополия во Франции, водочная монополия в России, спичечная монополия во многих странах. Общая характерная черта государственной монополии: самая дорогая цена за самый плохой продукт. В этом отношении государственная монополия гораздо хуже монополии капиталистического треста. Трест все таки гонится за прибылью, стало быть, должен считаться с интересами публики и никогда почти не может совершенно устранить конкуренцию. Государство же прикрыто недоступным щитом авторитета, власти и абсолютного господства. Против треста можно бороться посредством бойкота или стачек, а в отношении государства такая борьба есть и по необходимости всегда будет государ-

ственным преступлением. Иногда указывают в защиту бюрократического социализма на почты, железные дороги, лесоводство. Несомненно, что капиталистическое хозяйничанье иногда сопровождается таким безсовестным хищничеством, что даже бюрократическая опека может представляться некоторым шагом вперед. Но такие примѣры говорят против капитализма, но не за государственный социализм. Если же присмотрѣться ближе, то не трудно и тут замѣтить, как дорого обходится народу это благодѣтельное начальство. По серьезным вычисленіям ученых пересылка письма государственной почтой стоит по меньшей мѣрѣ в три-четыре раза дороже того, *) сколько она стоила бы при свободной конкуренціи даже в капиталистическом обществѣ. А непоимѣрная высота железнодорожных тарифов—общеизвѣстный факт. При этом нужно замѣтить, что железнодорожное дѣло есть одна из исключительных отраслей промышленности, которая допускает только ограниченную конкуренцію. Ясно, как мало говорят даже эти ничтожные примѣры в пользу государственнаго социализма.

Против всего этого социал-демократы иногда пускают в дѣло очень находчивый аргумент: они прячутся под щит исторической необходимости. Они пытаются увѣрить нас, что они и сами то не рады чудовищному росту государственной машины, но что подѣлаешь? Такова историческая необходимость: государство должно стать на мѣсто современной буржуазіи. Рабство было прогрессом сравнительно с прежним людоѣдством и войной всѣх против всѣх. Крѣпостничество смягчило положеніе рабов. Капитализм является новым шагом вперед. Почему же не допустить коллективизма, как опредѣленной ступени в историческом развитіи? Может быть коллективизм впоследствии и смѣнится анархизмом, но теперь он историческая необходимость. Эта пресловутая «историческая необходимость» сбивает с толку не одного простодушнаго пролетарія. О ней стоит сказать нѣсколько слов.

«Научные» социалисты увѣряют нас, профанов, что крѣпостничество было исторической необходимостью. Представьте себѣ, ученые товарищи наши, что вы случайно живете в эпоху паденія Римской Имперіи в ту эпоху, когда рабство переходило в крѣпостничество. Что вы дѣлали бы тогда? Перед вами двѣ дороги: вы можете опираясь на вашу историческую необходимость крѣпостничества, приглашать рабов мирно и законно эмансипи-

*) "A Plea for Liberty" edited by Thomas Mackay, pp. 305-329

роваться от рабства посредством перехода в крѣпостное состояніе; но вы можете также стать на классовую точку зрѣнія рабов и требовать полной и немедленной воли со всѣми средствами производства в придачу. По какой дорогѣ вы пошли бы? Есть много шансов за то, что ваше народолюбіе, революціонность и прочее спасовали бы перед «исторической необходимостью» помочь «бѣдным» рабовладѣльцам и спасти от раззоренія «народное» хозяйство, хотя бы на счет свободы, здоровья и счастья трудящихся масс. В пользу нашей догадки говорит ваша тактика в современную нам Русскую Революцію. Развѣ вы не отказались от социализма и не стали на защиту буржуазной революціи во имя той же исторической необходимости демократіи? Развѣ вы нас анархистов не клеймите самой грязной клеветой только за то, что мы не хотѣли считаться с «исторической необходимостью» господства буржуазіи со дня второго пришествія, когда вы окажетесь парламентским большинством? за то, что мы твердо, неуклонно и до конца отстаивали интересы наемных рабов? Но допустим, что у вас не хватило бы безстыдства бороться за установленіе крѣпостничества. Допустим, что вы разсуждали бы так. В интересах рабовладѣльцев смѣнить устарѣлое и невыгодное рабство болѣе выгодным крѣпостничеством, но за то интересы рабов идут в сторону полного освобожденія труда на основѣ общественной собственности. Как представители труда, мы будем звать рабов к полному освобожденію. Возможно, что ваша проповѣдь нашла бы такой живой отклик в сердцах рабов, что их грандіозная армія совершенно разбила бы цѣпи рабскія и крѣпостническія. Возможно, что класс рабов вынужден был бы послѣ яростной битвы помириться на личной свободѣ без средств производства. Возможны сотни различных исходов борьбы, но каждый из них одинаково исторически необходим. Выходит, стало быть, что историческая необходимость есть не что иное как фактическій результат дѣйствительной борьбы классов, а не нѣчто фатальное, наперед предназначенное Верховным существом—божественной исторіей. Возвратимся к нашему вопросу.

Есть ли коллективизм историческая необходимость? Это предположеніе основано на том незначительном фактѣ, что нѣкоторыя отрасли промышленности в нѣкоторых странах перешли из рук частных капиталистов в руки коллективнаго капиталиста—буржуазнаго государства. Но что доказывает этот факт? Только одно: что общіе интересы буржуазіи в цѣлом иногда противо-

рѣчат частным интересам отдѣльных буржуа, и потому буржуазное государство должно иногда положить предѣлы ненасытной и безразсудной алчности частнаго капиталиста в таких, напримѣр, отраслях труда, как лѣсоводство. Возможно, что с теченіем времени таких отраслей будет все больше и больше. Это покажет, что интересы буржуазіи как класса требуют расширенія власти государства, все большаго огосударствленія производства. Но таковы-ли интересы рабочих городских и сельских? вот вопрос. Мы говорим открыто и ясно: интересы пролетаріата состоятъ только в одном—в полном и немедленном ниспроверженіи всякаго господства челоуѣка над челоуѣком. Мы и должны звать работников на рабочую, т.е. коммунистическую и анархическую революцію. Какую конкретную форму примет общество послѣ борьбы,—зависит от соотношенія сил борющихся. Чѣм энергичнѣе будет наша дѣятельность, чѣм сознательнѣе и организованнѣе будет пролетаріат, тѣм ближе мы подойдем к чистому коммунизму и к полной анархіи. Тогда и видно будет, какова была «историческая необходимость». Но как открыть ее теперь? Можно ли найти равнодѣйствующую двух непрерывно и совершенно неравномѣрно измѣняющихся общественных сил?

Итак, коллективизм мы отвергаем всецѣло. Каков же наш идеал? Наша программа отвѣчает: общественная собственность или коммунизм. При капитализмѣ экономическая власть в руках отдѣльных частных лиц, при коллективизмѣ ею распоряжается правительство,—в том и другом случаѣ орудія труда во владѣніи группы, чуждой самим работникам. Коммунизм передает средства производства самим рабочим ассоціаціям. Вообразим на время, что удачная революція городских и сельских пролетаріев смела с лица земли всю банду чиновников, полицейских и капиталистов. Работники оказываются единственными хозяевами жизни. На первых порах работники каждой фабрики, завода, мастерской, магазина, копи, желѣзной дороги образуют свою ассоціацію и продолжают производство. Разница только та, что отнынѣ они свободны от тираніи корыстолюбиваго капиталиста и могут учредить у себя такіе порядки, как это им за благоразсудитъ. Капиталист устранен. Но нѣкоторыя функціи, которыя он прежде исполнял, скорѣе, эксплуатировал, не могут быть устранены. Возникает вопрос: кто теперь будет связывать одну ассоціацію с другой? Отвѣтъ ясенъ: то, что капиталисты прежде осуществляли косвенно, теперь сами рабочія ассоціаціи будут проводить прямо. При капитализмѣ единеніе, напримѣр, са-

пожников и портных осуществлялось посредством их капиталистов; в коллективистском обществѣ этим посредником является чиновник; коммунизм передает дѣло гармонизированія отдѣльных отраслей производства самим рабочим ассоціаціям. Конкретно это должно выразиться в том, что всѣ рабочія ассоціаціи даннаго города или деревни составляют одну федерацію, т. е. свободный союз равноправныхъ организацій. Всѣ организаціи одинаково представлены в Федеративномъ Комитетѣ Коммуны, в которомъ послы отдѣльныхъ ассоціацій, по порученію своихъ товарищей, составляютъ общія росписи необходимыхъ продуктовъ, ихъ количества, качества и пр. Отдѣльные рабочія коммуны вступаютъ в дальнѣйшіе союзы—напр., національныя и международныя федераціи. Какихъ широкихъ грандіозныхъ размѣровъ будутъ достигать и какъ разнообразны будутъ организаціи, немислимо предвидѣть теперь, в эпоху всесторонняго рабства—экономическаго, политическаго и духовнаго. Одно ясно: общество распадается на безконечное количество свободныхъ ассоціацій, объединенныхъ в болѣе или менѣе широкія федераціи. Каждая такая федерація и является собственницей ея земли, ея орудій, ея продуктовъ. С теченіемъ времени эта федерація станетъ всемірной тогда,--всѣ средства труда станутъ собственностью всего человѣчества. На первыхъ порахъ союзы будутъ уже; по необходимости уже будетъ и фундаментъ собственности. Но во всякомъ случаѣ она общественная: орудія производства и обмѣна принадлежатъ самимъ рабочимъ обществамъ, а не какому-нибудь внѣшнему агенту—капиталисту или государству. Мы должны совершенно оставить в сторонѣ разсмотрѣніе подробностей: занятіе не только трудное, но и бесполезное для политическаго дѣятеля. Но мы должны отвѣтить на нѣкоторыя изъ серьезныхъ возраженій.

Не разъ приходится слышать отъ социалистовъ: бесспорно коммунизмъ болѣе полно удовлетворяетъ потребности человѣка и больше совпадаетъ с интересами работниковъ, но возможна ли коммунистическая форма собственности? Хватитъ ли продуктовъ для всѣхъ? Можно ли организовать производство безъ всякаго принужденія? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы не станемъ тратить попусту время и силы на вычисленія. Намъ достаточно указать на несмѣтныя богатства, накопленные в нашихъ большихъ городахъ, на милліоны бездѣльниковъ—королей, законодателей, чиновниковъ, солдатъ, шпіоновъ, капиталистовъ, посредниковъ и пр. и пр. Намъ достаточно напомнить о томъ, какое широкое распространеніе дано будетъ электричеству. А затѣмъ пусть честный человѣкъ осмѣлитъ

ся твердо и открыто заявить, что современные производительныя силы не вполнѣ в состояніи накормить всѣх голодных, одѣть всѣх голых, приютить всѣх бездомных. Пусть же попытаются доказать нам это! Но допустим на минуту, что производительныя силы еще не так развились, чтобы немедленно послѣ революціи стало возможным полное и всестороннее удовлетвореніе всѣх потребностей. Чѣм же лучше коллективизм? Или под бдительным оком социалистической полиціи даже производительныя силы внезапно выростут? Далѣе. Пусть при коммунизмѣ мы не в силах будем доставить всѣм работникам такія удобства, которыми теперь наслаждается высшая буржуазія. Но несомнѣнно, однако, что положеніе трудящихся масс подымется очень значительно на счет привилегій паразитов. Что же—пусть об этом пожалѣет буржуазія. Не даром во всем мірѣ преслѣдует она анархистов исключительными законами, лишеніем всѣх политических прав.

Но почему об этом так хлопочут «научные» социалисты, эти (запомните!) «единственные» представители рабочаго класса, «единственные» защитники интересов труда? Мы можем построить только одну догадку: согласно Гегелю все развивается противорѣчіями и отрицаніями. Поэтому, чтобы лучше защитить интересы пролетаріата, нужно вступить в союз с буржуазіей; чтобы освободить личность, нужно укрѣпить государство; чтобы возвратить народу ограбленные у него богатства, нужно передать их чиновникам под флагом коллективизма. И вся эта галиматія называется «наукой», вѣроятно, как «отрицаніе» всего научнаго...

Гораздо серьезнѣе другой вопрос: возможно ли гармоническое производство без принудительнаго органа? Мы отвѣчаем: да, возможно, и в свидѣтели зовем исторію и логику. Мы знаем цѣлый обширный період—так называемый первобытный, когда человѣчество вело самую суровую борьбу с природою, когда тѣм не менѣе мы не видим никаких слѣдов принудительной власти, организующей производство: единственными руководителями были обычай и общественное мнѣніе. Научные социалисты, которые так любят возвращаться к первобытному обществу, когда ссорятся с либералами, удивительно забывают эту интересную эпоху, когда сражаются с нашим братом-анрхистом. Они охотно напоминают буржуазіи, что на зарѣ своей жизни человѣчество не знало частной собственности, но они всегда забывают сказать пролетаріату, что оно не знало также власти. Человѣчество начало общественную жизнь не с государственнаго социа-

лизма, а с анархического коммунизма. Нам скажут, что первобытный период не чета современному, что в то время именно простота орудий диктовала сама солидарность работников, а бедность, слабая производительность труда создавала первобытный коммунизм.

Мы ответим языком наших добрых товарищей марксистов, что человечество путем «отрицания отрицания» пришло к исходному пункту. Станет ли кто-нибудь уверять, что наши машины меньше повелительно диктуют солидарность производителей, чем примитивные орудия первобытного человека? Благодаря современной технике все общество превращается в одну могучую фабрику, в которой ни одна часть не может действовать без других. А производительные силы достигли такой высокой степени, что делят коммунизм потребления так же возможным, как на самой низкой степени.

Но оставим в покое коммунизм, первобытной эпохи и посмотрим в первые столетия средних веков. Что представляют тогда города, как не добровольные союзы промышленных групп—цехов и гильдий? Именно та эпоха, когда доступ в цехи был свободен и когда совершенно отсутствовали принуждение и монополия, была эпоха самого блестящего расцвета, а рост принудительной власти внутри и вне цехов привел к полному упадку. Но тогда, в средние века, городские общества представляли союз мастеров и купцов, а будущая анархическая коммуна—союз рабочих ассоциаций. Но добровольный союз и тех, и других одинаково приспособлен к гармонизированию производства без присмотра попа, жандарма и парламента.

Ну, а современное общество? Какова экономическая роль государства? Нужно быть слепым, чтобы не видеть ничтожества значения его деятельности сравнительно с тем, что творится свободной инициативой. Государство не только не руководит, но и часто мешает нормальному ходу экономической жизни. Его истинное назначение—быть сторожем эксплуатирующего класса, а не экономическим фактором. Какая же эпоха, кроме Египта, Индии и Китая дала научным социалистам примеры благотворительной экономической деятельности государства? Мы ждем ответа на этот вопрос. А пока мы смеем утверждать, на основании всего исторического опыта, что свободные исторические организации смогут организовать производство без правительства не хуже первобытных общин, средневековых цехов и современных капиталистических трэстов.

Нам нужно сказать здесь хоть несколько слов о так

называемой «анархія в производствѣ». Соціал-демократы никогда не упускают случая пустить в ход это словечко. Они дѣлают вид, что эта «анархія в производствѣ» есть причина кризисов и всѣх бѣдствій. Удивительно умно! «Анархія» так рѣшительно дѣйствует на самих капиталистов, ставит в опасное положеніе всю буржуазію, а она и в ус себѣ не дует и нисколько не заботится об устраненіи этой чумы. Почему бы капиталистам не об'единиться в один союз, в одно акціонерное общество и не регулировать сообща производство? В нѣкоторых крупных отраслях капиталисты это и дѣлают, образуя грандіозные трэсты.

Значит, даже на почвѣ капитализма возможно было бы устраненіе этой пресловутой «анархія в производствѣ». Устраните частную собственность и гармоническое производство естественно выростет из желѣзной экономической солидарности, которая теперь связывает всѣ отрасли промышленности и всѣ передовыя страны. Лучшее средство создать дѣйствительно вѣчную, дѣйствительную «анархію» в экономической жизни—это передать распоряженіе таким сложным дѣлом, как современное производство, такому безтолковому хозяину, как бюрократія. Но к этой «анархія» худшаго сорта стремятся не анархисты, а наши противники—коллективисты. Мы не хотим хаоса, мы не хуже других понимаем необходимость гармоніи между потребленіем и производством. Мы хотим только, чтобы эта гармонія основана была не на внѣшнем, механическом подавленіи работника, а вытекала из добровольных соглашеній рабочих ассоціаций. Мы хотим приспособить производство к потребленію, а не наоборот, и сдѣлать работника хозяином, а не рабом машины.

Пусть же сами работники заботятся о своих интересах и посредством взаимных договоров устраняют дисгармонію в производствѣ. Власть создает только внѣшній порядок, гармонія создается только свободой.

VII.

Преступленіе и наказаніе.

Мы бросили бѣглый взор на экономическія отношенія буржуазнаго строя жизни и старались показать возможность и необходимость передачи средств производства в руки не государства, а свободных рабочих ассоціацій. Возможно, что даже в лагерь наших противников найдутся люди, которые согласятся с нашей аргументаціей. Но зато они могут выдвинуть другой довод. Они могут сказать нам: «допустим, что вы правы в вопросѣ об организаціи производства, обмѣна и распредѣленія. Допустим, что в этой области государственная власть бесполезна и потому вредна. Но как быть с преступниками? Как быть с регулированьем отношеній политических, нравственных? Неужели вы настолько наивны, что вѣрите во внезапное чудесное превращеніе современных грубых эгоистов в безгрѣшных ангелов?» Как ни тошно отвѣчать на эти вопросы в тысячу первый раз, мы для полноты изложенія должны коснуться и этой темы и рассмотреть подробно политическую форму будущей организаціи. Я начну с откровеннаго заявленія: мы не вѣрим, что люди внезапно под наптіем анархизма превратятся в ангелов. Мы не только не вѣрим в такую чудесную метаморфозу, но и не хотим ея, потому, что порядком скучно должно быть человѣку жить в обществѣ ангелов. Анархическій коммунизм так же мало нуждается в ангельской добродѣтели, как и коллективизм. Мы отличаемся от наших буржуазных и многих социал-демократических критиков только тѣм, что так же мало вѣрим в исключительно звѣрскую, животное-грубую натуру человѣка. Человѣк на всѣх ступенях культуры обнаруживал такія трогательныя, истинно человѣческія черты, что воспоминаніе о них волнует даже современнаго человѣка. С другой стороны на самой высокой ступени развитія, у самых лучших индивидов мы видим такія отвратительныя черты, что мы живо чувствуем, как человѣк

вѣчно далек будет от совершенства. Отчего зависит эта смѣсь высокаго и низменнаго в характерѣ человѣка? От двойственнаго характера наших общественных отношеній чуть ли не с первых шагов человѣческой культуры. С одной стороны совмѣстная борьба и общность интересов развивали в людях благородные инстинкты общественной солидарности, дружбы и любви. С другой стороны, разнь интересов, групповая борьба внутри общества создавали и поддерживали злобу, недоувѣріе, грубость. Буржуазной культурѣ выпала на долю незавидная честь вызвать наружу все, что исторія создала низменнаго и грязнаго, всѣ грубые инстинкты своекорыстія, тщеславія и подлости. Оттого таким гадким кажется современный человѣкъ. Но отвлекитесь от поверхности явленій, всмотритесь глубже, глубже в душу человѣческую, и вы согласитесь, что человѣкъ добр и великодушен, что нѣтъ по природѣ абсолютно преступных людей, что в самой грубой, точнѣе огрубѣлой натурѣ есть что-то хорошее и трогательное. Кто жил в тюрьмѣ среди тѣх, кого буржуазія толкнула на самые грубые акты, знает, как много отраднаго даже в темной безднѣ души профессиональнаго убійцы, как внутри озвѣрѣлаго человѣка всегда живет и сіяет что-то истинно человѣческое. Мы и утверждаем, что для осуществленія анархическаго коммунизма вовсе не нужно превращенія современных людей в богов, нужно только нѣсколько развить, вызвать наружу тѣ благородные инстинкты, которые живут в трудящемся народѣ.

Но пойдѣм дальше. Допустим, что в будущем обществѣ будут «преступники», т. е. будут люди, жизнь которых будет приходиться в столкновение с установившимся строем жизни. Нужно допустить, что анархическій коммунизм, который может казаться идеалом нам—людям буржуазной эпохи—далеко не будет удовлетворять людей будущаго. Будут люди, стоящіе выше средняго уровня; будут люди, стоящіе ниже массы; и тѣ и другіе будут нарушать обычаи, привычки, которые будут казаться громадной массѣ средних людей священными,—стало быть, будут своего рода «преступники». Как же поступит с ними общество? В прежнее время отвѣтъ на подобный вопрос был ясен. Вѣрили, что міром руководит единая божественная воля, что в каждом человѣкѣ частица этой воли—душа, которая толкает человѣка только к добру, т. е. к тому, что поны называют добром. Кто переступал границы дозволеннаго, был сознательный преступник против міровой воли, против провидѣнія; таким извергом, которому не могло быть мѣста среди живых. С этой

точки зрѣнія нам понятны отвратительныя жестокости древних наказаній. Нам понятен также отвѣтъ буржуа. Он исходит из того убѣжденія, что современный міръ самый идеальный, самый лучший из міров. Человѣкъ, нарушающій законы буржуазіи, есть сознательный враг всего хорошаго, всего человѣческаго, враг культуры. Наказаніе, по мнѣнію буржуа, должно сломить злую волю преступника, заставить его отказаться от желанія идти на перекор интересам общества. И темный поп, и просвѣщенный буржуа сходятся на том, что преступниками руководит сознательный расчет, сознательное желаніе нарушить заповѣдь божества или государственный закон. Отсюда логичность наказаній. Наказаніе и страх должны убить преступную непокорность богу, или закону. Но как быть нам? Мы всё давно потеряли вѣру в божества, божественное провидѣніе, душу, добрые и злые духи и прочій поповскій вздор. Мы хорошо понимаем, что никто не правит міром, что никто не руководит нашими поступками. Всякое явленіе физическаго или психическаго міра нам кажется вызванным опредѣленными причинами, а не доброй или злой волей какого бы то ни было метафизическаго духа. Зачѣм же будем мы карать преступника? Первобытнѣйшій дикарь неистово бьет вѣтку, ударившую его по лицу: он наивно вѣрит, что она это сдѣлала сознательно, и надѣется своими ударами проучить ее на будущее время. Столь же разумны наши наказанія за так называемыя преступныя дѣянія. Когда чувство голода достигло извѣстной интенсивности, никакія кары не удержат человѣка от присвоенія чужой пищи, если к этому есть малѣйшая физическая возможность. Так же обстоит со всѣми остальными нуждами и потребностями. Эта мысль так очевидна, что даже буржуазный суд должен был начать считаться с так называемыми аффектами. Мы утверждаем, что всё преступленія—результат болѣе или менѣе сильных аффектов. Если вы не хотите имѣть преступников, измѣните тѣ условія, которыя вызывают преступныя потребности, без которых не будет и преступленій. Не наказывать нужно, а улучшать социальныя условія человѣка. Преступник не звѣрь, а больной или несчастный,—вот наш взгляд, который стал трюизмом со времени Роберта Овена. Анархическій коммунизм не будет, стало быть, имѣть ни преступленій, ни наказаній, ни карательных законов, ни судей, ни палачей.

VIII.

О самодержавіи народа.

Самодержавіе народа несомнѣнно одно из наиболѣе распространенных и одновременно одно из наиболѣе неясных понятій. Что такое самодержавіе народа? Самым простым и ясным был бы отвѣтъ, что при народном самодержавіи сам народ держит в своих руках всю власть. Это значит, что само общество должно быть носителем всѣх политических функций: само должно быть законодателем, судьей и исполнителем. Отнимите какую-нибудь функцию у народа, и вы уничтожили полноту власти, уничтожили самодержавіе народа, суверенитет его. Но может-ли сам и весь народ быть своим законодателем, судьей и исполнителем? Есть только одна эпоха, которая дает нам нѣкоторое представление о таком самодержавіи: это эпоха первобытнаго коммунизма. Никакая видимая воля не навязывала народу ни законов, ни судебных, приговоров, никаких рѣшеній. Никто виѣ народа не обладал даже частицей власти. Но был ли поэтому народ самодержавным в настоящем смыслѣ слова? Никто не навязывал народу законов—это правда, но это потому, что тогда не было законов вообще. Не было независимых от народа ни судей, ни чиновников вообще. Первобытная община была не демократіей, а анархіей*). Первобытная эпоха—единственное время, когда от имени народа выступал сам народ, а не какая-нибудь частица

*) Эта мысль нуждается в маленькой оговоркѣ. Если, на мой взгляд политическая организація первобытно-родовой общины была близка к анархической, то это не значит, что личная свобода была тогда дѣйствительно—так велика, как это предполагает такая политическая форма. В тогдальнюю эпоху политическій строй не был источником угнетенія. Но его с лихвой замѣняла природа, которая дѣлала первобытнаго человѣка почти абсолютным рабом окружающих природных условий.

его—бюрократія, духовенство, дворянство, какой-нибудь класс или даже народное большинство. Но народ сам не является личностью, а есть союз личностей. Стало быть, если народ абсолютно свободен, это значит, что абсолютно свободна человеческая личность. Если народ действительно, а не на словах самодержавен, то самодержавна человеческая личность. Поэтому послѣдовательная, нелицемѣрная демократія (по смыслу, а не по этимологии) есть анархія... Вот источник того страннаго недоразумѣнія, что многіе крайніе противники современной демократіи называли себя демократами, республиканцами. Всѣ они понимали демократію, как политическій строй, при котором народ абсолютно свободен и самодержавен и при котором, стало быть, абсолютно свободна и самодержавна человеческая личность. Для них демократія, республика сливались с анархіей *). Понятно, что ни один демократ, даже самый послѣдовательный, именно социал-демократ, не примет такого опредѣленія самодержавія народа и демократіи.

Он скажет, что демократія есть господство не всѣх, а большинства. Он прибавит, что иное толкованіе даже невозможно: большинство—естественный представитель всего цѣлаго. Нужно отдать ему справедливость: новѣйшія теоріи демократіи всегда стояли на этой точкѣ зрѣнія. Но тут нам хочется поставить социал-демократу серьезный вопрос: почему теорія господства большинства получила такое широкое распространеніе в новое время, а не в средніе вѣка? Почему тогда, если я не ошибаюсь, не было и разговоров о естественном господствѣ большинства? Напримѣр, польскій сейм принимал рѣшенія не иначе, как единогласно, генеральные штаты голосовали по сословіям. Общим явленіем был принцип, что каждый должен повиноваться лишь тѣм мѣрам (как плата налогов), в выработкѣ которых он сам участвовал. В политической жизни господствовал несомнѣнно принцип федераціи: личности, цехи, гильдіи, города—все объединилось снизу вверх на основѣ свободнаго договора. Почему же современная демократія считает естественным такое бессмысленное, ничѣм не оправдываемое подчиненіе меньшинства? Почему меньшинство должно жертвовать своими интересами для большинства? Вѣдь подчиненіе тому, с чѣм мы не согласны есть именно жертва, а развѣ жертва может быть когда-либо обязательной? Если жертва обязательна для спасенія общества, то по-

*) Так, между прочим, понимают многіе максималисты свою «трудую республику».

чему же именно меньшинство своими жертвами почему-то спасает общество? Развѣ с таким же правом нельзя этого любезно предложить большинству? На эти вопросы никакой демократ (даже «соціальный») не может дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Единственная теорія, которая берется объяснить и оправдать новую демократію, развита и прекрасно изложена Ж. Ж. Руссо в его «Общественном договорѣ». Он исходит из фантастическаго предположенія, что общество произошло из договора царящим между людьми, которые рѣшили положить конец царящим междоусобіям. Но когда он доходит до теоріи большинства, он попадает в крайне затруднительное положеніе. Оказывается, что даже нелѣпый вымысел о каком-то доисторическом договорѣ не дает никакого ключа к вопросу о большинствѣ и меньшинствѣ. В самом дѣлѣ, общество создано для «всеобщаго благополучія», и потому все должно рѣшаться «всеобщей волей» («la volonté générale»). Как же подчинить меньшинство большинству? Ж. Ж. Руссо идет на хитрость. Он утверждает, что во всяком политическом вопросѣ в демократіи каждый человек не подает своего мнѣнія по данному дѣлу, а утверждает только, каково в данном случаѣ мнѣніе народа, какова всеобщая воля. Когда, напримѣр, разсматривается вопрос о введеніи налога и гражданин отвергает его или принимает, то он высказывает не свое личное отношеніе к нему, а предполагаемое им отношеніе всеобщей воли. Если в результатѣ голосованій оказалось, что большинство за, а меньшинство против, то, по мнѣнію Руссо, это не значит, что меньшинство против самого проекта. Нѣтъ! это якобы только показывает, что меньшинство разошлось с большинством в опредѣленіи всеобщей воли. Естественно предположить, что большинство ближе к знанію того, что хочет всеобщая воля.

Понятно, что в наше время, когда демократія из области фантазій перешла в область реальной жизни, ни один здравомыслящій человек не станет поддерживать этой дѣтской нелѣпости. Мы знаем, что и рѣчи нѣтъ никогда ни о какой мифологической всеобщей волѣ. Но если даже допустить, что таков философскій характер голосованій независимо от сознанія голосующих, даже это метафизическое предположеніе не избавляет Руссо из не ловкаго положенія. Мы спрашиваем, почему большинство может скорѣе знать эту таинственную «всеобщую волю»? Развѣ не ясно, что каждый будет считать всеобщей волей именно свою личную волю? Тогда мы возвращаемся к нашему старому вопросу ни с чѣм.

На этот вопрос есть однакож очень простой отвѣт.

Современная демократія не основана на той или иной теоріи, а наоборот, все старья и новья толкованія народовластія созданы для объясненія и оправданія ея. Демократія возникла в виду исторической необходимости, а не для осуществленія фантазіи Руссо. В этом ключ рѣшенія загадки.

Демократическія теоріи выросли на почвѣ критики феодальнаго абсолютизма. При крѣпостнически-абсолютистском режимѣ общество видимо распадается на два лагеря: С одной стороны громадное большинство населенія работающих, торгующих, занимающихся науками и искусствами и политически безправных; с другой— жалкая кучка изжившихся паразитов, распоряжающихся политической властью. Эта нелѣпость бросалась в глаза и давала себя прекрасно чувствовать на горбах непривилегированных членов большинства. Какой вывод должны были дѣлать они? Их было два. Угнетенные могли поставить себѣ цѣлью совершенное устраненіе привилегированнаго меньшинства—дворянства и духовенства—и самим об'единится в свободный союз на подобіе средних вѣков, включив на этот раз не только города, но и деревни. Это означало тогда упраздненіе государства, уничтоженіе всякой власти. Эта цѣль была тогда недостижима, потому что она была выгодна только сравнительно небольшой группѣ городских пролетаріев. Вся остальная масса «третьяго сословія» состояла из крупной, средней и мелкой буржуазіи. Как ни сталкивались эти слои, все они сходились в одном—на необходимости сохраненія частной собственности. Вожди третьяго сословія, самые радикальные вожди,—представители крестьянства и городского мѣщанства назначили смертную казнь за пропаганду даже не уничтоженія, а опредѣленнаго ограниченія частной собственности*). А для охраны частной собственности так же необходима государственная власть, как и для феодальной. Народ эпохи Французской Революціи стоял поэтому не за упраздненіе, а за преобразование государства. Вопрос состоялъ только в том, кому предоставить право назначать государственную власть. Из этой потребности и вытекает вся новѣйшая демократія.

Дворянство и духовенство могли командовать самолично. Они составляли небольшую кучку богатых, которые легко могли столкываться и так или иначе проявлять свое вліяніе на верховную власть. Многочисленное

*) «Аграрный закон» имѣлъ цѣлью опредѣлить высшій размѣръ земельной собственности для отдѣльнаго гражданина.

третье сословіе могло использовать свое верховенство только косвенно—называя своих уполномоченных. Отсюда представительная система. Далѣе. Так как среднее сословіе составляло подавляющее большинство, то для оправданія его претензій всего проще было бы выставить требованіе назначенія представителей большинством. Этим привилегированное меньшинство сводилось к нулю. Сводились к нулю и требованія тогдашняго революціоннаго меньшинства городских рабочих, сельских пролетаріев. Современная демократія выросла как оплот против феодальной реакціи и против рабочей революціи. Этот мелко-буржуазный характер современной демократіи в настоящее время должен быть ясен даже слѣпому. Самый бѣглый взгляд на демократію должен убѣдить нас в этом. Демократія держится только там, гдѣ сильна мелкая буржуазія. Демократія невозможна, гдѣ преобладающее вліяніе принадлежит крупному и среднему землевладѣнію. Демократія изуродована, вырождается или существует только на бумагѣ там, гдѣ преобладаніе получает крупный капитал, организованный в трэсты. К первому разряду принадлежат обѣ европейскія демократическія республики—Швейцарія и Франція. Это единственныя государства, гдѣ еще господствуют радикалы; онѣ же страны с самым многочисленным мелкобуржуазным населеніем в городах и селах. В обѣих же странах крупная буржуазія явно враждебна демократіи и ждет не дождется возможности низвергнуть демократическій режим. В таких странах, как Германія и Австрія, истинная демократія даже не имѣла еще своего крещенія: реакціонная сила прошлаго—юнкера об'единились с новѣйшими реакціонерами—крупными капиталистами, чтобы закрыть доступ истинной демократіи. Этим, между прочим, об'ясняются успѣхи социал-демократіи в самых реакціонных странах. В странах с болѣе либеральным строем жизни безсиліе демократіи в разрѣшеніи социальнаго вопроса становится так ясно, что трудно увлечь народ демократическими приманками. Во всяком случаѣ дѣйствительность скоро разрушает эти политическія иллюзіи. Иное дѣло в таких полуконституціонных странах, как Германія, Австрія, и в такой совершенно лишенной конституціи странѣ как Россія. Здѣсь рабочей классу еще долго может тѣшить себя самыми дѣтскими мечтами о благодѣтельной власти и народных конституціях. Вот почему самая отсталая в политическом отношеніи страны имѣют самую сильную социаль-демократическія партіи. Великая заатлантическая республика--Соединенные Штаты Америки--является лучшим образцом того, чѣм явля-

ется народное самодержавіе при господствѣ крупнаго капитала. Русскіе рабочіе потеряли бы весь свой демократическій пылъ, еслибы получили хоть малѣйшее представленіе о политическихъ отношеніяхъ в этой странѣ. Парламентъ, судъ, пресса, университетъ, даже главари рабочихъ — на службѣ у крупнаго капитала. При каждомъ удобномъ случаѣ буржуазія объявляетъ военное положеніе и совершенно отмѣняетъ конституцію. Революціонеры годами содержатся в тюрьмахъ за пропаганду революціонныхъ идей. Подкупленные провокаторы устраиваютъ фиктивные покушенія, чтобы дать правительству предлогъ к настоящему террору. Крупные капиталисты имѣютъ свои вооруженныя дружины, которыя попросту избиваютъ, грабятъ и разоряютъ стачечниковъ... И все это несмотря на то, что форма правленія республиканская, что существуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе, что всѣ должности избираемы, что существуетъ самое широкое самоуправленіе, признаны закономъ всѣ свободы. Гдѣ же причина этого вопіющаго факта? Причина только одна: кто владѣетъ экономической силой, непремѣнно будетъ командовать политически. Если этому господству мѣшаютъ официальные законы, они превратятся в пустую фикцію, рядомъ с ними создастся не писанный, тайный, но реальный законъ. Поэтому демократія держится тамъ, гдѣ широкія массы народа не подпали еще экономической тираніи крупнаго капитала.

Поэтому же демократія была однимъ только определеннымъ этапомъ в развитіи политической жизни человѣчества. Она явилась орудіемъ в борьбѣ мелкой буржуазіи противъ феодализма. Ея торжество было неизбежно, гдѣ строптивость феодаловъ исключала возможность компромиссовъ. Но разложеніе мелкой буржуазіи копаетъ могилу демократіи. Кто зоветъ рабочихъ к завоеванію демократической республики, превращаетъ пролетаріатъ в пушечное мясо для борьбы за интересы мелкой буржуазіи.

Но тутъ насъ ожидаетъ серьезное возраженіе. Намъ скажутъ, что каково бы ни было происхожденіе и предназначеніе современной демократіи, ничто не исключаетъ возможности настоящей народной республики в будущемъ, гдѣ не будетъ классової розни и классової борьбы. Мыѣ напомнимъ, что социаль-демократическіе теоретики не разъ указывали на крупныя отличія будущей социальной демократіи отъ ея буржуазной тезки. Долженъ признать, что кое-гдѣ у социаль-демократовъ видимъ дѣйствительно попытку, вызванную анархической критикой, дать нѣсколько болѣе точное представленіе о будущей демократіи.

Рабочая демократія отличается от буржуазной уже самой сущностью своей: послѣдняя есть политическая организація, цѣль которой поддерживать незыблемыя основы собственности и порядка, т. е. иначе говоря, поддерживать господство буржуазіи, а первая есть экономическая организація для регулированья производства и обмена. Это отличіе всегда выставлялось теоретиками социаль-демократіи. Маркс и Энгельс называли современное государство—комитетом для завѣдыванія дѣлами буржуазіи. Бебель в своем сочиненіи «Женщина и социализм» повторяет и распространяет выраженіе Энгельса, что на другой день послѣ социальной революціи «государство упраздняется». Кауцкій в своих сочиненіях (напримѣр «Республика и с-д-і-я во Франціи») нисколько не щадит буржуазной республики. Еще яснѣе эта мысль нашла себѣ выраженіе в брошюрѣ Эмиля Вандервельда («Коллективизм»). В этой брошюрѣ он показывает, что уже в современном государствѣ оказалось необходимым отдѣлить полицейскія функціи от его немногих экономических. Так, для завѣдыванія желѣзными дорогами и другими государственными промышленными предпріятіями создаются автономные комитеты специалистов этих областей. Будущее государство, по его мнѣнію, будет совершенно лишено перваго разряда функцій, т. е. полицейско-принудительных. Оно будет исключительно большою «коопераціей».

Но это крупное отличіе не единственное. Чисто экономическій характер будущаго государства исключает необходимость принудительнаго его характера. Современная полиція и армія нужны не для правильности экономической жизни общества, а для охраненія интересов буржуазіи. В социалистическом государствѣ, гдѣ нѣтъ мѣста классовой розни, нѣтъ больше мѣста и орудіям классового господства, нѣтъ больше современнаго полицейскаго государства. Поэтому социаль-демократы нерѣдко утверждают, что вся наша анархическая критика есть только просто недоразумѣніе: мы критикуем современное буржуазное государство и полагаем, что критикуем будущее социалистическое государство, которое с ним ничего общаго не имѣет. «Послѣ того, говорит Поль Луи как современное государство с его средствами притѣсненія, с его полицейскими методами, его приѣмами захвата, его системой приказов и запрещеній разрушится одновременно с правом частной собственности и послѣ того как правительство отдѣльных личностей в полном смыслѣ этого слова исчезнет в развалинах всего существующаго,—общество должно будет заботиться только о

чисто экономических интересах государства»^{*)}). Эти поправки мы охотно принимаем, но позволяем себѣ сдѣлать нашимъ противникамъ нѣсколько серьезныхъ замѣчаній.

Вы увѣряете, что ваше государство промышленная, а не политическая организація. Вы должны сдѣлать неизбежный выводъ об уничтоженіи всѣхъ органовъ полицейскаго принужденія, об уничтоженіи всѣхъ формъ полиціи, арміи, суда, об уничтоженіи всего того аппарата, который выросъ исключительно для защиты классовыхъ привилегій и который называется Государствомъ. Вы увѣряете, что ваше государство экономическая организація производства и обмѣна, кооперація. Вы обязаны принять и нашъ выводъ, что организація производства в обществѣ безъ классовъ есть собственно организація производителей, т. е. организація работников. Вы должны согласиться также с нами, что единственная целесообразная форма организаціи производителей — работников, при современной техникумѣ, есть организація по профессіямъ, т. е. профессиональные союзы, объединенные между собою. Иначе говоря, ваше «государство» превращается в профессиональный союз работников, владѣющій средствами труда, организующій работу и обмѣнъ. Споръ у насъ еще можетъ возникнуть относительно одного важнаго пункта. Вы всякій союзъ представляете себѣ не иначе, какъ в видѣ безгласной и безпомощной массы, увѣнчанной бюрократическимъ центральнымъ органомъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ. Мы стоимъ за свободное объединеніе равныхъ людей в союзы и сліяніе всѣхъ союзовъ в одну федерацію. Словомъ, вы стоите за принудительное механическое объединеніе сверху внизъ, мы боремся за свободное и естественное объединеніе снизу вверхъ. Вы вѣрите в спасительность начальства, декретовъ, уставовъ, циркуляровъ,—мы строимъ всѣ свои надежды на солидарности интересовъ и глубокихъ социальныхъ инстинктахъ человѣка. Пока рѣчь идетъ о современномъ обществѣ, вы еще кое какъ защищаете свой бюрократическій централизмъ ссылкой на исключительность современныхъ условій. Вы увѣряете насъ, что современные профессиональные организаціи, какъ военныя организаціи, должны быть организованы по военному: с дисциплиной, генеральнымъ штабомъ, исключеніями, штрафами и прочими прелестями изъ военнаго кодекса. Мы отвѣчаемъ вамъ, что ваши сердечныя симпатіи къ централизму отчасти глубоко выѣдены в ваши души казарменнымъ воспитаніемъ, отчасти имѣютъ цѣлью дать возможность

^{*)} «Соціализмъ в современномъ государствѣ».

господства ничтожной кучкѣ «вождей» над одураченной «толпой» наивных и довѣрчивых рабочих.

Но оставим на время наш спор о типѣ современных рабочих организаций. Какова должна быть форма организации будущаго великаго союза работников? Помните великій Интернаціонал Маркса и Энгельса и скажите: неужели вы считаете возможным и полезным, чтобы какой-то центр из Петербурга указывал рабочим Самарканда, Томска, Батума, Одессы, как и когда производить им необходимые продукты? Неужели вы не видите, что 9/10 продуктов каждая маленькая область может производить сама и потому совершенно не нуждается ни в каком опекающем начальствѣ? Что касается обмѣна тѣх продуктов, которых областныя автономныя федерации не могут производить сами, кто мѣшает им регулировать свой обмѣн на основаніи договоров на періодических с'ѣздах делегатов? Извращенным прототипом этих с'ѣздов могут служить теперешніе конгрессы капиталистов. Эти конгрессы не могут имѣть должнаго благотѣльнаго вліянія на общество, потому что оно раскалывается на враждующіе классы. Но в грядущем мірѣ, когда работники будут сами организаторами своего труда, такіе с'ѣзды стали бы по необходимости прекрасным органом для устранения хаоса в производствѣ и для регулированія обмѣна.

Выходит, стало быть, что так называемое «соціалистическое государство» во-первых, лишено полицейских принудительных функций; во-вторых, представляет не что иное, как Рабочую Ассоціацію; в третьих, оно организовано снизу вверх, как свободная федерация. Проще говоря, оно не имѣет ни одного из признаков государства и является только свободной федерацией Рабочих Ассоциаций.

Какой странный вывод! Не правда ли? Нѣтъ-ли тут какого-нибудь недоразумѣнія в наших разсужденіях? Да, к сожалѣнію, таковое имѣется: мы приняли на вѣру тѣ фразы, которыми дипломат соціаль-демократ желает успокоить свободолобнваго и пытливаго пролетарія, разбуженнаго страстной критикой анархистов. А эти фразы не глубокое убѣжденіе «научных» соціалистов, а пустая и жалкая демагогія. Этими дряненькими и жиденькими фразами о «самоупраздненіи государства», о «завѣдываніи вещами», а не людьми, хотят удержать пролетаріев от полнаго уничтоженія того вампира, который именуется Государством и существованіе котораго увѣковѣчивает рабство труда.

IX.

Государство и собственность.

Нам часто приходится слышать: «Зачѣм вы так рѣзко выступаете против государства? Зачѣм вы из борьбы против государства дѣлаете какой-то особый догмат? Развѣ вы не допускаете, что политическая форма общества опредѣляется его экономической организаціей? Если нѣтъ, то вы вступаете в противорѣчіе со взглядом, который в настоящее время получил силу аксіомы. Если же да, то почему вы не допускаете, что уничтоженіе современнаго экономического строя есть в то же время и уничтоженіе политическаго рабства рабочих? Будем же бороться за уничтоженіе частной собственности и не будем спорить из-за догадок, какова политическая надстройка в будущем. Так и поступает (якобы) социаль-демократизм.

Это мнѣніе имѣет большую выгоду: оно дает возможность примиренія крайних элементов социалистической партіи с умѣренным крылом анархизма. Слабые умы охотно прибѣгают к механическому соединенію противоположностей там, гдѣ они не в силах примкнуть к одной из них. Вмѣсто, того, чтобы разрѣшать крайности, они стараются примирить их. Сидя между двумя стульями, они не только не понимают всей комичности и неприличности их положенія, но покровительственно улыбаются то направо, то налево и считают себя выразителями самой науки. Такіе люди из социаль-демократов охотно заявляют нам, что по идеалу они—анархисты, но по тактикѣ они—социаль-демократы; в будущем—они анархисты, но в настоящем—социаль-демократы. Есть и среди анархистов люди, и даже очень видные теоретики, которые на словах непримиримые враги государства, а на дѣлѣ преклоняются перед буржуазной революціей и отличаются от социаль-демократов только отсутствіем

откровенности и пустыми революціонными фразами. Такіе недоношенные и непослѣдовательные анархисты или не могут понять или не могут проводить в жизнь наше принципиальное отрицаніе государства, Дайте же при-смотреться к вопросу.

Мы, дѣйствительно признаем, что политическій строй опредѣляется экономическими отношеніями. Это признает даже т. Кропоткин—страстный противник матеріалистическаго пониманія исторіи. «Затѣм, говорит он, мы утверждаем и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежит выработать свою новую форму политических отношеній. Так было в исторіи и так будет несомнѣнно в будущем: новыя формы еще намѣчаются».

В чем же наше разногласіе с марксистами? Они видят в политическом строѣ простое отраженіе экономических отношеній, а всякое отраженіе немедленно исчезает вмѣстѣ с отражаемым предметом. Они могут поэтому говорить о механическом самоупраздненіи государства, как отраженіи экономикки. Мы утверждаем, что государство есть орган, вырастающій из потребностей господствующей группы— которая сознательно придает ему ту или иную форму, в зависимости от ея экономического положенія, от ея экономических отношеній к другим группам. Как и всякій орган, государство поэтому с теченіем времени пріобрѣтает самостоятельное значеніе. Дѣло доходит иногда до того, что сама буржуазія не в силах справиться со своим собственным орудіем и должна терпѣть пинки от своих собственных лакеев. Ничего нѣтъ невозможнаго в том, что политическій строй переживает на цѣлые вѣка экономической строй, вызвавшій его к жизни. «Общество, говорит Кауцкій, является гибким, легко приспособляющимся организмом, развитіе котораго совершается медленно по законам, которые можно познать заранѣе, государство же болѣе неподвижно; его формы, правда, обусловлены общественным развитіем, но зачастую онѣ лишь с большим трудом и послѣ упорнаго сопротивленія приспособляются к нему; эта неподвижность в общем тѣм больше, чѣм централизованѣе государственная власть*)». Так, в Англіи абсолютизм сошел со сцены почти своевременно, а в Франціи, Германіи, особенно же в Россіи он пережил самого себя на цѣлые вѣка. Нѣтъ ничего невѣроятнаго в том, что буржуазный политическій строй может на цѣлые вѣка пережить

*) К. Кауцкій «Республика и социаль-демократія во Франціи». стр. IV (Предисловіе).

буржуазную частную собственность и изуродовать всю жизнь будущего общества. Это особенно вѣроятно в виду того, что господствующее теперь течение в рабочем классѣ открыто выступает под знаменем государственности и вступают в безпрерывныя сдѣлки даже с современным государством. Не нужно закрывать глаза, что во главѣ социаль-демократіи стоят почти исключительно адвокаты, профессора, инженеры, журналисты, служащіе, словом, та общественная группа, которую даже К. Кауцкій называет «новым средним сословіем». Однако, говорит он*), нельзя смѣшивать новое среднее сословіе со старым. Это новое сословіе покоится на совершенно иных основаніях, имѣет совершенно иные интересы. Прежде всего, оно вовсе не заинтересовано в сохраненіи частной собственности на средства производства, которых оно так или иначе лишено. Желѣзные дороги, напр., могуче способствовали образованію новаго средняго сословія, создав многочисленный штат желѣзнодорожных служащих. Но развѣ послѣдніе заинтересованы хоть сколько-нибудь в том, чтобы противиться переходу желѣзных дорог в собственность государства, предпочитая такое положеніе, когда онѣ составляют частную собственность?» К. Кауцкій совершенно прав: это новое среднее сословіе никоим образом не против передачи средств производства в руки государства. Их громадный наплыв в социаль-демократію и мода на социалистическія клички в средѣ прежних радикалов доказывают это неопровержимо. Кауцкій прав также в том, что ухудшеніе матеріальнаго положенія этой группы еще быстрѣ толкает ее в ряды социаль-демократіи. Эта группа начинает понимать, что хозяйничаніе капиталистов не может доставить ей обезпеченнаго, устойчиваго матеріальнаго положенія, какое может дать ей социаль-демократическое государство, т. е. такое государство, которое владѣет всѣми средствами производства и во главѣ котораго будут стоять ея же члены-техники, инженеры, управляющіе и т. д. Что удивительнаго в том, что это новое среднее сословіе все больше стоит за уничтоженіе частной собственности и радуется Кауцкаго своим радикализмом? Но мы позволяем себѣ теперь поставить вопрос: как относится эта могущественная, вліятельная группа к государству? Выгодно ли ей даже упраздненіе государства, выражаясь мягким языком Энгельса и Бебеля? Страдает ли она, подобно пролетаріату, от государства столько же сколько от частной собственности? Может ли честный

*) «Нѣтъ больше социаль-демократіи».

человѣкъ отрицать, что эта группа не только не будет страдать от сохраненія государства в будущем обществѣ, но даже выиграет в своем вліяніи, ибо станет госпожею положенія? Как же нам вѣрить в социаль-демократическія фразы об упраздненіи государства, когда во главѣ социаль-демократіи стоит и направляет движеніе группа которая не только всѣм складом своего ума, но и материально крѣпко связана с существованіем бюрократическаго централизованнаго государства? Да, мы имѣем всѣ основанія бить тревогу: Рабочіе- Свобода в опасности! Рабочіе! Не вѣрьте шарлатанам и разрушьте государство!

Наш метод критики государства не сочинен нами Мы только послѣдовательно примѣняем прекрасное орудіе, оточенное социаль-демократіей в борьбѣ с крупной буржуазіей. Вспомним, что говорит социаль-демократія либерализму! Послушайте просвѣщеннаго умнаго либерала, такого, как Спенсер, Молилари, Мэкэй. Думаете ли вы, что они так таки защищают современный порядок? Нѣтъ! Они частенько не жалуют для него очень крѣпких слов. Они только не видят никакой надобности в устраненіи частной собственности. Они мечтают о том, чтобы устранить невыгоды капитализма без социальн. революціи. По их мнѣнію, прибыль может настолько пасть, чтобы превратиться в «справедливое» вознагражденіе капиталиста за трудности веденія промышленнаго предпріятія. С другой стороны, рабочая плата возвысится настолько, что едва ли будет отставать от прибыли. Кризисы, безработица, голод, войну либерал обѣщает устранить цѣлым рядом серьезных реформ*). И все это без пролитія единой капли крови... Не соблазнительно ли?

Что отвѣчает ему социаль-демократ? Он говорит ему просто и ясно: «Допустим даже, что твоя либеральная мечта не утопія, я и теперь недоволен твоей идиллией. Ты сократишь прибыль и повысишь плату. Но что из этого? Власть капиталиста сохранена, классы по прежнему существуют, экономическое иго не только не облегчится, но, может быть, еще возрастет. Развѣ в развитых капиталистических странах, гдѣ прибыль на капитал ниже, а плата выше (Америка, Англія) рабочій не угнетенъ экономически больше, чѣм в отсталых экономических странах? Есть-ли что-нибудь равное ужасам американской капиталистической эксплуатаціи? Нѣтъ, господин либерал, палліативы не могут помочь горю: частная собственность есть опредѣленное общественное отноше-

Свѣдѣніе болше, вышше
*) De Molimari: "La societe future".

ніе. Кто хочет устранить бѣдствія этого института, должен устранить самый институт, их неизбѣжно порождающій». Так возражает или должен возразить социаль-демократ. Также возражаем мы социаль-демократу по вопросу о государствѣ.

Социаль-демократ обѣщает нам в будущем государствѣ всѣ самоновѣйшія прелести демократіи: референдум, инициативу, пропорціональное представительство, ежегодный парламент. и пр. и пр. Допустим, что всѣ эти реформы дѣйствительно будут проведены в жизнь. Допустим, что они не будут так извращены, как многіе демократическія институты в современном буржуазном мірѣ. Что дают всѣ эти реформы? Только одно: онѣ увеличивают зависимость законодателей от народа, смягчают безстыдство и безграничный произвол власти. Но развѣ в этом причина политическаго рабства рабочих? Нѣтъ, друзья! Государство есть такое же общественное отношеніе, как и частная собственность. Палліативы в области политики так же безсильны, как и в области экономки. Вы можете хищнику нѣсколько обрѣзать когти, но обрѣзанные когти отрастут. Вы не спасены, пока не убьете самого хищника. Всегда орган, владѣющій властью, найдет возможность обойти официальные преграды. Особенно не трудно это будет такому сильному правительству, как социаль-демократическое, которое будет владѣть всѣми производительными силами народа. Вспомнитѣ, что говорит Кауцкій «...владѣльцы средств производства властвуют над производством, и, слѣдовательно над обществом»^{*)}). Вы хотите устранить бѣдствія политическаго рабства, смягчая его результаты, вы не уничтожаете принципа, не устраняете общественнаго отношенія. Мы же открыто выставляем новый принцип в политической области—свободу. От того мы никогда не устанем взывать: Разрушите Государство! Убейте хищника! Убейте его!

^{*)} К. Кауцкій «Классовые интересы».

X.

Чѣм они хотят казаться и что они на дѣлѣ.

Соціалъ-демократы не любят останавливаться на описаніях будущаго общества. Такое занятіе «научные» соціалисты считают праздным дѣлом. Однако, критика анархистов заставляла и их изрѣдка выступать хоть с блѣдными скупыми очерками того строя жизни, который они хотѣли бы воздвигнуть на мѣстѣ капитализма. Тут обнаруживается вполне понятное явленіе: такая обширная партія, как соціалъ-демократія, вмѣщающая самые разношерстные элементы, не может имѣть одинаковаго представленія о будущем строѣ жизни. Однако, как ни значительны колебанія между противоположными полюсами соціалъ-демократической партіи, в основных чертах, несомнѣнно, замѣчается большое сходство. Всѣ теоретики коллективизма рисуют себѣ будущее общество в видѣ демократическаго государства на почвѣ государственной собственности.

Кто хочет получить мало-мальски ясное представленіе о будущих общественных отношеніях, должен раньше всего отвѣтить себѣ на основной вопрос: какова будет самая сущность этих отношеній? Иными словами, что будет лежать в основѣ этих отношеній: свобода или власть? Будет ли будущій строй жизни свободной ассоціаціей работников, или новою формою государства, рабочей демократіей?

Этим вопросом особенно много занимается один из лучших и наиболѣе радикальных коллективистов—Пап, который посвятил этому вопросу спеціальную работу под заглавіем: «Организація общественных учреждений в будущем обществѣ». Эта-то работа одного из лучших теоретиков коллективизма доказывает всю спутанность и сбивчивость понятій у радикальнаго крыла международной соціалъ-демократіи. Пап непрерывно противорѣчит себѣ на каждом шагу. Послушаем его самого.

В одном мѣстѣ он говорит: «мы должны были упомянуть о судѣ*) и вообще о судопроизводствѣ, понесясь за это, потому что стоим за суд присяжных и хотим подчинить ему все судебныя дѣла»**). Ясно, что в будущем обществѣ Пап оставляет по меньшей мѣрѣ одну из самых главных форм власти — власть судебную.

В другом мѣстѣ он прибавляет: «государство завѣдует также исправительными колоніями и психіатрическими лечебницами и вообще всеми дѣлами касающимися благотворительности и богадѣлен, суда и уголовных наказаній. Конечно, эти учрежденія должны быть реорганизованы на основаніи новых юридических и антропологических данных»***). Очевидно, что, суд не единственный авторитет, необходимость котораго предвидит коллективизм. Как и слѣдовало ожидать, за судом идет родная сестра его — тюрьма, которую Пап стыдливо прикрывает фиговым листком «исправительной колоніи». Стыдливость — черта, которая очень нравится буржуазным романтикам, но в общественных науках она просто-на-просто титулуется «лицемѣріем». Что «исправительная колонія» Папа есть не что иное как реформированная буржуазная тюрьма, выдает нам сам автор упоминаніем об «уголовных наказаніях» и «новых юридических началах». Наконец, мы узнаем, что коллективисты мечтают об общинѣ, «самостоятельно избирающей свою администрацію, созидающей свои законы и свою полицію». Оказывается, что в будущем обществѣ пролетаріат будет имѣть удовольствіе встрѣчаться со всеми своими добрыми старыми знакомыми: Законом, Судом, Полиціей, Исправительной колоніей, Уголовным наказаніем и всеми другими прелестями современной государственной власти. Пусть г. Пап не утѣшает нас тѣм, что все эти учрежденія будут «реорганизованы на новых началах» — сущность их остается той же, — над рабочим обществом создается специальный орган, издающій обязательныя для всех постановленія, карающій их нарушеніе, словом обладающій правом «предупрежденія», «пресѣченія» и наказанія. Однако, Пап впадает в полное противорѣчіе с самим собою, когда приступает к болѣе подробной характеристикѣ функцій будущаго государства. Он заявляет, что будущее государство будет основано «на добровольной группировкѣ рабочих», что мѣстная администрація не будет имѣть ни законодательной, ни

*) Стр. 24.

**) Стр. 36.

судебной власти»^{*)}). Он пытается даже нарисовать картину постепенного распада современного авторитарного строя и замены его свободным обществом.

«Исходя из того положения о государствѣ (говорит Пап) которое нам дала исторія всѣх стран, т. е. о государствѣ деспотическом, представлявшем до настоящаго времени организацію господства семьи, касты или класса над экономически и юридически безправной массой, большинство социалистов заявляет: долой государство! Они не хотят слышать о государствѣ, какую бы форму оно ни принимало. Они вполне опредѣленно настаивают на окончательном уничтоженіи всякаго государства, а наиболѣе послѣдовательные из них, замѣтив, что коммуна представляет лишь маленькое государство с меньшей территоріей, котораго функціи не так обширны, как функціи обыкновеннаго государства, заявляют, что от нея нечего ждать большаго, чѣм от государства в собственном смыслѣ слова. Они выставили на своем знамени: анархія. Анархія не в смыслѣ безпорядка, потому что они надѣются водворить истинный порядок посредством добровольной организаціи экономических сил, но «анархія», соотвѣтствующая опредѣленію Прудона и представляющая отсутствіе власти, начальства, т. е. по их мнѣнію,—полное уничтоженіе государства, так как в их глазах «власть», «начальство являются синонимами государства». Из этих слов Папа видно, что он прекрасно понимает, что анархизм стремится не к безпорядку, не к хаосу, как об этом услужливо кричит хулиганская пресса. Анархическая коммуна даже в пониманіи Папа есть добровольная экономическая организація производителей, свободная рабочая ассоціація. Характерными чертами являются два обстоятельства: во-первых, анархическая коммуна есть организація экономическая и потому не знает ничего подобнаго полиціи, суду и какому бы то ни было другому политическому учрежденію; во-вторых, анархическая коммуна есть организація профессиональная, объединяющая производителей извѣстной отрасли промышленности, а не жителей той или иной территоріи,—она объединяет не граждан, а работников. Спрашивается: как относится Пап к такому строю и чѣм коллективизм, по его пониманію, должен отличаться от анархическаго строя общества? Послушаем его самого. «Они (социалисты) видѣли, что в главных отраслях современнаго производства крупныя предпріятія уничтожают мелкія и что централизація капиталов, все расши-

^{*)} Стр. 24.

ряющееся примѣненіе совмѣстнаго труда и раздѣленіе его, непрекращающееся введеніе громаднх паровых машин, приводящих в движеніе орудія труда, необходимое вслѣдствіе этого скопленіе рабочих масс в обширных фабриках,— все это с каждым днем увеличивает размѣры крупной промышленности. Отдѣльный рабочий—ремесленник уступает мѣсто совмѣстно работающим товарищам. Они видѣли, что эти рабочіе, сталкиваясь с организованными капиталистами, интересы котрых діаметрально противоположны их собственным интересам, обязательно соединяются для борьбы в профессиональные союзы, увлекая даже в это движеніе рабочих мелкой промышленности и что таким образом группировка по профессіям дѣлается всеобщей. И они пришли к заключенію, что эта естественная организція рабочаго класса должна служить основаніем новой общественной группировкѣ, напоминающей добровольную группировку средневѣковых общин. Обширность интересов должна неизбежно привести профессиональныя организціи к союзам о взаимной поддержкѣ, которые перейдут к федераціям, вначалѣ мѣстным, потом областным и наконецъ международным. Затѣм, не ограничиваясь этими теоретическими наблюденіями, они начали проводить их в жизнь. Подобно англійским рабочим, они основывали трэд-юніоны, устраивали между ними федераціи и надѣются на таких же экономических федеративных началах создать международную ассоціацию. Таким образом, эту группировку профессиональных союзов, имѣющую свои корни в глубинѣ современной экономической жизни, они противопоставляют искусственной и устарѣвшей политической группировкѣ коммун и государств и предсказывают в будущем полное исчезновеніе послѣдних»*) Прибавим к этому, что, по мнѣнію Папа, статистика «в хорошо организованном обществѣ будет играть роль регулятора общественных явленій и особенно снабжать данными, необходимыми для управленія производством, сообразно с нуждами потребителей и для поддержки равновѣсія между количеством населенія и средствами к существованію**»). Прибавим также, что, по мнѣнію Папа, государство и общины должны будутъ передавать всѣ сколько-нибудь важныя общественныя работы со-

*) Стр. 17, 18, 19.

**) Стр. 17.

юзам рабочих*). Спрашивается: чѣм такая точка зрѣнія отличается от анархической? Чѣм коллективизм Папа отличается от синдикальнаго анархизма? Повидимому, только тѣм, что Пап подчиняет федерацію профессиональных союзов контролю какой-то другой инстанціи, чему-то вродѣ рабочаго сената. Зачѣм понадобилась эта бюрократическая затѣя—рѣшительно непонятно. Раз эта высшая инстанція не будет имѣть в своих руках карательной власти, то она вѣдь будет находиться в полной зависимости от профессиональных союзов и будет, таким образом, служить не средством контроля, а источником постоянных недоразумѣній и треній. Если же эта инстанція будет подкрѣплена организованной силой, то становится ясно, что вершителем судеб в будущем обществѣ будет именно она. Профессиональные союзы будут служить только так сказать профессиональными департаментами промышленности в руках социаль-демократической бюрократіи. Что Пап склоняется несмотря на видимую путаницу в понятіях, именно к такому бюрократическому пониманію будущаго общества, видно из того, что послѣ блестящей критики государственнаго деспотизма, послѣ того, как он сам доказал «искусственность» государственной группировки и необходимость новой «добровольной группировки» людей по профессіям, послѣ того, как он сам убѣждал нас в том, что эта добровольная профессиональная группировка «коренится» в основах современаго способа производства, он неожиданно приходит к выводу, что пролетаріату собственно говоря, нечего много измѣнять в государственной организации. «Завладѣвъ ею (государственной машиной); говорит Пап, они увидят, что государственная машина не требует больших измѣненій для того, чтобы работать на общее благо: нужно будет только выкинуть колесики, поставленныя эксплуататорами—буржуа и вставить другія, которыя им больше не нужны. Они увидят, что со сѣм не придется всецѣло перестраивать эту машину на новых основаніях. Когда все это будет сдѣлано, мы можем смѣло сказать: рабочіе, государственная машина в ваших руках!»**). Выходит, что всѣ прежніе длинные разговоры о «добровольной группировкѣ», об «устарѣлости политической организаціи» и о других умных вещах были только пустой болтовней, которая должна была пустить пыль в глаза недовѣрчивому пролетарію.

*) Стр. 14 и др.

**) Стр. 22.

Оказывается, что не только не предвидится необходимость полного разрушения той машины, которая в течение тысячелетий своей истории всегда неизменно была самым наглым орудием угнетения, порабощения и всеяческой эксплуатации рабочих классов, что эта государственная машина, полученная в наследство от разбойничьих банд древних греческих и римских рабовладельцев и средневековых грабителей—баронов и служащая в настоящее время послушным и гибким оружием в руках современных кровопийц-буржуев для охраны частной собственности и для подавления всякой попытки к освобождению труда, — словом, что современная государственная организация не только не должна быть разрушена до тла как самое дьявольское изобретение, созданное для увѣковѣченія рабства и эксплуатации, но и не должна быть даже перестроена на новых основаниях. Это ужаснѣйшее орудіе пытки сразу трогательно превращается в благотѣльную производительную машину. Как всѣ эти вздорные выводы примирить со всѣм тѣм, что было сказано раньше, и с простым здравым смыслом, отвѣчать не берусь. Ясно только одно, что даже Пап, который лучше многих других коллективистов понял тенденцію развитія современного способа производства, все таки приходит к выводу, что государственная власть должна остаться неизблемой, будущее общество должно быть авторитарным, т. е. принудительным. Так же понимают основу будущаго строя жизни всѣ остальные теоретики коллективизма, хотя Карл Маркс, послѣ опыта Парижской Коммуны, нѣсколько колебался в этом взглядѣ. Так, напримѣр, в письмѣ к Кугельману, помѣченномъ 12 апрѣля 1871 г., Маркс между прочимъ говоритъ: «Если ты просмотришь послѣднюю главу «18 Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнѣнію, ближайшій подѣм французской революціи будетъ имѣть задачей не передачу бюрократически—военной машины изъ однихъ рукъ в другія какъ это бывало до сихъ поръ, а разрушеніе этой машины. Именно таково предварительное условіе всякой дѣйствительно народной революціи на континентѣ*)». Какъ бы то ни было, современные теоретики коллективизма, которые видятъ научность в томъ, чтобы упорно отстаивать взгляды, которые самъ «учитель» призналъ устарѣлыми, видятъ в авторитетѣ со всѣми милыми украшениями в видѣ закона, суда, полиціи и даже арміи необходимое условіе соціальной жизни.

*) № 11 «Вѣстникъ Жизни».

Рѣшив вопрос о том, как социаль-демократы представляют себѣ основной характер будущих организационных отношеній, мы должны поставить теперь другой вопрос: как социаль-демократы думают совершить переход от капитализма к коллективизму? Так как политическую организацию современнаго строя они оставляют нетронутой, то для социаль-демократа вопрос звучит так: как передать средства производства в руки государства? как совершить экспроприацию?

Этим вопросом в послѣднее время вынуждены были заниматься всѣ видные теоретики коллективизма. Удѣлил ему свое вниманіе и самый видный из них—Карл Кауцкій. В своей брошюрѣ «На другой день послѣ социальной революціи» он ставит себѣ вопрос: каким образом будет совершена экспроприациа,—путем ли выкупа или путем конфискаціи. Казалось бы, что такой вопрос не может существовать для партіи, которая считает собственность буржуазіи продуктом организованнаго грабежа и с гордостью называет себя «революціонной». Навивный читатель, пожалуй, не поймет, зачѣм нужно именовать себѣ социалистом и к тому же «революціонным», «научным» социалистом, чтобы проповѣдывать выкуп рабочим классом им самим созданных общественных богатств. Неужели «научный» революціонизм состоит в том, чтобы идти навстрѣчу интересам собственников и тѣм продолжить страданія рабочаго класса? Интересно поэтому послушать самого Кауцкаго. У него, понятно, не хватает смѣлости откровенно заявить, что социаль-демократія принципиально отказывается от конфискаціи во избѣжаніе революціоннаго столкновенія с буржуазіей и с буржуазным государством. Ему приходится поэтому, пытаться всякими изворотами раздобыть аргументы в пользу выкупа. Читая его, невольно вспоминаешь об аргументаціи наших россійских министров, которые с удивительной тонкостью всегда доказывали, что расширеніе землевладѣнія крестьян только принесет вред послѣдним и что безземелье и малоземелье есть чуть ли не благодать для русскаго крестьянства. Такою же благодатью оказывается для пролетаріата в устах г. Кауцкаго и выкуп в сравненіи с конфискаціей, т. е. бесплатным возвращеніем народу ограбленных у него богатств. По его словам, цѣлый ряд соображеній говорит за то, что пролетарскій режим постарается избрать путь выкупа, т. е. вознагражденія капиталистов и землевладѣльцев за отходя-

щую от них собственность*). «Ибо, прибавляет он, раз пролетаріат не прибѣгнет к конфискаціи, то нас могут спросить—какая же будет польза рабочему классу от экспроприаціи? Экспроприація приведет только к тому, что всякій капитал превратится в денежный капитал, в долговья обязательства государства, общин и товариществ и что прибавочная стоимость, которую капиталисты выжимали до сих пор непосредственно, станут теперь брать с рабочаго государство, общины и товарищества и передавать ее капиталистам. Измѣнится ли от этого хоть чѣмнибудь положеніе рабочаго класса?***).

«Такой вопрос вполне умѣстен (спасибо за признаніе!) Однако, если бы даже пролетарскій режим стал доставлять капиталу такую же массу прибыли, какую получал капитал и прежде, то экспроприація все таки представляла бы ту огромную выгоду, что всякое дальнѣйшее увеличеніе эксплуатаціи сдѣлалось бы невозможным. Уничтожена была бы возможность всякаго новаго помѣщенія капитала, а, слѣдовательно, и всякаго увеличенія его равно как и всякаго возвышенія земельной ренты. Одно уже это было бы грандіозным результатом пролетарской революціи (Ой-ли!). Всякое дальнѣйшее увеличеніе общественнаго богатства шло бы отнынѣ на благо всего общества» ***). Так рассуждает ученый «соціалист».

Что говорят нам эти разсужденія? Нас хотят увѣрить, что превращеніе всего капитала в денежный, так сказать, кристаллизація современной собственности, было бы «грандіозным результатом пролетарской революціи». Так ли это? Вѣдь в сущности говоря, это просто-на-просто значит искусственно остановить развитіе классовых противорѣчій и фиксировать их в той стадіи, которой они достигли теперь. Если, на примѣр, в настоящее время прибавочная цѣнность составляет приблизительно двѣ трети продукта, то социаль-демократическая, с позволенія сказать, «экспроприація» кристаллизует эту норму эксплуатаціи, узаконяет ее на долгое время вперед, впредь до полнаго погашенія всего капитала. Выгода, которую получает пролетаріат, выражается только в том, что дальнѣйшій рост эксплуатаціи невозможен. Это было бы дѣйствительно утѣшительно, если бы теперешняя «норма» грабежа была бы хоть сколько-нибудь сносной. Но при теперешнем положеніи вещей социаль-

*) Стр. 121.

**) Стр. 122.

***) Стр. 123.

демократическая реформа сводится к тому, чтобы драть с рабочего только одну шкуру, а не три. Эта спасительная реформа которая именуется по «научному» «экспроприация», гораздо лучше и проще может быть достигнута и без «диктатуры пролетариата» и без разных социальных революций. Достаточно для этого профессиональным рабочим союзам добиться подходящих «подвижных тарифов», регламентировать введение новых машин, установить более строгий контроль над условиями об ученичества, о приеме новых рабочих, расширении предприятий и т. д., и т. д. Это и делают давно уже тихо, скромно и без шума самые мирные, даже самые реакционные трэд-юнионы, не заявляя никаких претензий ни на какие «диктатуры», «революции» и «экспроприации». Что нового дает «научный» социализм? Во-первых, ряд ученых терминов, которые имеют назначение затуманить и сбить с толку простодушного рабочего. Во-вторых, то, что трэд-юнионы стремятся сделать собственными усилиями на почве экономической борьбы, то социаль-демократия мечтает совершить на политической арене путем декретов и полицейских предписаний. Изменяет ли это сущность вещей? Разве не ясно, что такая «экспроприация» является чисто буржуазной реформой, которая далека от идеала рабочего, как небо от земли? Ведь эта реформа не затрагивает принципа собственности, не является вторжением в существующую систему права, а наоборот, признает существующую форму собственности, построена на почве существующего буржуазного права.

Сам Кауцкий, видимо, чувствует неловкость своего положения и пытается спастись путем хитрости. «Там, где силой взять нельзя, там нужно лукавить», говорит старик Крылов. И вот наш «ученый» социалист пускается во все тяжкие, чтобы придумать лукавый исход. Для спасения ему является (чтобы вы думали?) прямой налог. Оказывается, что «пролетарское» правительство обложит капиталистов прямым налогом на доход, причем лукавые министры социаль-демократической республики постараются так организовать этот налог, чтобы поглотить часть выкупной суммы и приближаться таким образом к конфискации. Кауцкий однако чувствует, что и эта хитрость не вполне спасает его, ибо бросает его в новую неловкость: невольно возникает вопрос—какой смысл имеет одной рукой выкупать собственность, а другой посредством налога конфисковать выкупные платежи. На этот вопрос у него есть два ответа. Во-первых, благодаря налогу, по его мнению, есть возможность не трогать мелких собственников. Во-вторых, «прямая кон-

фискація совершилась бы очень быстро, может быть, даже сразу, между тѣм как конфискація посредством обложения налогом позволяет придать уничтоженію капиталистической собственности характер болѣе или менѣе длительного процесса, который подвигается вперед по мѣрѣ того, как крѣпнет и обнаруживает свое благотворное вліяніе новый порядок вещей. Она дает возможность растянуть операцію на десятки лѣтъ... Он прибавляет, что «чѣм лучше он (пролетаріат) организован и чѣм выше стоит по своему умственному развитію, тѣм скорѣе можем мы ожидать, что он отдаст предпочтеніе утонченной формѣ конфискаціи пред примитивной». Иначе говоря, чѣм организованнѣе и сознательнѣе будет пролетаріат ко времени соціальной революціи, тѣм большим уваженіем будет он проникнут к карманам своих нѣжных хозяев и предпочтет «утонченно» и «научно» выкупать и облагать налогами свои собственные имущества, растянув собственное рабство на «десятки лѣтъ» чѣм совершить «рѣзкую» и «болѣзненную» конфискацію, которая сразу подорвала бы корни эксплуатаціи. Так ли это? Посмотрим.

Раньше всего, сознательный пролетаріи спросит г. Кауцкаго: замѣм вы, г. «учитель», так боитесь конфисковать мелкій капитал? Вѣдь всѣ эти мелкія сбереженія имѣют в глазах мелкаго собственника только ту цѣнность, что они спасают его от ужасов голодной смерти. Раз соціалистическое общество уничтожает безработицу бѣдность, нищету и другія соціальныя бѣдствія, раз таким образом устранен страх голода и голодной смерти, зачѣм нужны мелкому собственнику или пролетарію его грошевыя сбереженія, которыя только в видѣ насмѣшки можно назвать «капиталом»? Развѣ соціалистическое общество не в правѣ сказать владѣльцам этих ничтожных сбереженій: «Вы скопили свои ничтожныя экономіи с цѣлью обезпечить себѣ право на извѣстную, хотя бы ничтожную долю общественнаго богатства. Мы теперь признаем такое право за всяким членом общества, стало быть, и за вами. Зачѣм же нужны вам ваши бумажки, которыя имѣют смысл в обществѣ основанном на всеобщем грабежѣ, но является чѣм-то вродѣ талисманов в обществѣ, основанном на общей человѣческой солидарности. В соціалистическом обществѣ всякій человек в одинаковой степени собственник, независимо от приобретенных или наслѣдственных прав, потому что собственником является все общество в цѣлом, весь союз работников». Думает ли г. Кауцкій, что такое заявленіе соціалистическаго общества менѣе «научно» и менѣе

«утончено», чѣм его остроумные проекты о выкупѣ и обложеніи налогом. Вдумчивый пролетарій позволит себѣ усомниться.

Затѣм, странныя размышленія возбуждает Кауцкій своею заботою о том, «чтобы растянуть операцію на десятки лѣтъ». Если экспроприація «болѣзненный процесс, то какой же умный врач захочет растянуть, продолжить болѣзненное состояніе? Развѣ медицина не преслѣдует противоположной цѣли—по возможности сократить время недуга, болѣзни? Если же экспроприація есть фактъ глубокой исторической необходимости, фактъ вызываемый переходом капитализма къ социализму, то почему бы рабочему классу, по крайней мѣрѣ, не стараться по возможности ускорить этотъ неизбѣжный и желанный переход отъ каторги капитализма въ свѣтлый міръ свободы и равенства? Разсужденія Кауцкаго производятъ впечатленіе, какъ будто пролетаріатъ долженъ всѣми силами стремиться замедлить моментъ наступленія своего собственнаго освобожденія. Неужели Кауцкій предчувствуетъ, что у рабочаго класса нѣтъ особыхъ мотивовъ слишкомъ торопиться въ царство коллективизма? Только это предположеніе могло бы въ нашихъ глазахъ придать нѣкоторый смыслъ совершенно безсмысленной болтовнѣ о «выкупѣ с налогомъ», об «утонченныхъ» и «примитивныхъ» методахъ экспроприаціи, о «болѣзненныхъ» и «рѣзкихъ» формахъ и другихъ пустякахъ. Но зачѣмъ же не сказать это прямо, откровенно? Зачѣмъ вводить въ заблужденіе простодушнаго читателя, не искушеннаго въ тонкостяхъ гегельянской діалектики?

Работа Кауцкаго отвлечена и даетъ только общіе штрихи социаль-демократическаго пониманія социалистическаго общества. Чтобы получить болѣе конкретное представленіе о коллективизмѣ мы должны обратиться къ работѣ другого социаль-демократическаго писателя г. Атлантикуса, сочиненіе котораго переведено на русскій языкъ («Производство и потребленіе въ будущемъ социалистическомъ государствѣ»). Что въ этой работѣ Атлантикусъ выражаетъ въ общемъ не только свои личныя взгляды, но и воззрѣнія, общепринятыя въ «высшихъ сферахъ» социаль-демократіи, видно изъ предисловія Кауцкаго, которое заканчивается слѣдующими словами: мои возраженія не затрагиваютъ существеннаго содержанія книги и не касаются статистическаго разсчета, который данъ авторомъ. Этотъ разсчетъ заслуживаетъ, по моему мнѣнію, глубокаго вниманія. И такъ пожелаемъ этой книгѣ полнаго успѣха». Если Кауцкій рекомендуетъ нашему «глубокому вниманію» книгу Атлантикуса, мы имѣемъ всѣ основанія, по

крайней мѣрѣ, в общем считать ее выраженіем средняго социаль-демократическаго взгляда на данный вопрос. Мы далеки от мысли, что цифровые расчеты Атлантикуса обязательны для всѣх коллективистов, что коллективизм примет как ту конкретную форму, которую дает ему автор. Коллективизм есть извѣстный общественный принцип, а не раз навсегда данная форма организациі общества, с раз навсегда данным бюджетом, с постоянными рабочими платами и т. д. Впрочем, не это нас интересует. Мы хотим знать не то, каково в точности, дѣйствительно будет коллективистское государство, а то, каким хочет его видѣть г. Атлантикус, каким он себя рисует его.

Раньше чѣм перейти к наиболее интересующему нас пункту, к вопросу об общественных отношеніях при коллективизмѣ не мѣшает сдѣлать ряд предварительных замѣчаній. В одном мѣстѣ своего «Введенія» автор говорит: «Если переход к социализму должен произойти мирным путем и в ближайшем будущем, то необходимо прежде всего уничтожить то пугало, которое превращает самага мирнаго гражданина, имѣющаго хотя бы ничтожную собственность, в отъявленнаго врага социаль-демократіи,—я говорю о безвозмездной экспроприациі имущих. Даже безпроцентный выкуп (Кауцкій, Шефле) или выкуп с высокими платами в погашенія (Флюршейн) как бы они не были правильны с теоретической точки зрѣнія, с практической рѣшительно неудобны и встрѣтили бы самое упорное сопротивленіе»*) Кауцкій, выражаясь вульгарно, еще виляет по поводу «рѣзкости», «болѣзненности», «примитивности» конфискаціи и пытается скрыть от нас испытанный мотив предпочтенія выкупа. Атлантикус болѣе откровенно объясняет нам сущность этого явленія. Он совершенно отвергает в сторону разныя лукавыя изобрѣтенія генерала от марксизма и просто заявляет нам, что выкупать пролетаріат должен потому, что это необходимо для успокоенія собственников. Такая откровенность только говорит в пользу Атлантикуса. Дальше он прибавляет: «На мой взгляд, необходимо составить предварительную смѣту с таким расчетом, чтобы огосударствленіе средств производства состоялось на условіях достаточно (?) выгодных для собственников, которые должны получать вѣчную ренту, равную удостовѣренной величинѣ получаемаго ими дохода (по реальной его цѣнности), при этом слѣдует, конечно (!) установить или очень (?) небольшую амор-

*) Страница 24.

тизацію ренты (около 1/10 ежегодно) или незначительный налог на наследство. Для тѣх, которые владѣют естественной монополіей, слѣдовательно, прежде всего земельными угодьями, можно было бы установить ренту, которая превышала бы вычисленный чистый средний доход на 20—25%».

Итак, не только оказывается необходимым выкуп всѣх имуществ, но г. Атлантикус ревниво оберегает всѣ интересы капиталиста: по его мысли, владѣлец имущества должен быть обезпечен вѣчным доходом. При этом землевладѣльцы не только получают право на увѣковѣченіе своего теперешняго дохода, чего даже капитализм не в состояніи сдѣлать, но и награждается солидной надбавкой в 20—25%. На каком основаніи дѣлает это г. Атлантикус? Почему капиталист имѣет вѣчное право на тот доход, котрый он теперь, благодаря современной системѣ эксплуатаціи и насилія высасывает из рабочаго класса? Очевидно, этот ученый «соціалист» полагает, что современный доход капитала есть нѣчто весьма естественное, вытекающее из «производственных отношеній» и он хотѣл бы это милое положеніе вещей увѣковѣчить. Не об'яснит ли это нѣжное отношеніе к имуществу природной сердечной добротой г. Атлантикуса? Это покажет дальнѣйшее. Теперь-же мы позволим себѣ процитировать еще нѣсколько интересных мѣст из того же предисловія.

Наградив «по царски» крупных помѣщиков и крупных капиталистов, г. Атлантикус, кокетливо заигрывает с другой привилегированной группой. «Что же касается, говорит он, крупных собственников из крестьян. сельских управляющих, а отчасти и земельных собственников, словом—всѣх тѣх, которые теперь выполняют функцію правителей, то большая часть из них останется и в будущем при своих занятіях, с той лишь разницей, что вознагражденіе будет им повышено*). Как видите, даже сельскіе управляющіе не только не потерпят от соціального переворота, но и выиграют от него. Какой разврат должны такіе взгляды вносить в рабочую среду! Вот это-то и называется «стоять на пролетарской точкѣ зрѣнія»...

Разбрасывая дальше плѣнительныя улыбки в сторону тѣх общественных групп, которыя стоят над рабочим классом, наш автор подходит к интеллигенціи. Оказывается, что безобидный коллективизм не может понятно обидѣть и эту общественную группу, которая играет такую видную роль в общественной жизни буржу-

*) Стр. 27.

азнаго общества. Во-первых, мы узнаем, что люди, которые выберут интеллигентную карьеру, будут совершенно освобождены от обязательных работ. Во-вторых, эти так называемые умственные работники получают гораздо больше обезпеченное и привилегированное положение, чем теперь. «Вѣдь в таком случаѣ, говорит он, им нечего опасаться, что их милые родственники, т. е. дѣти современной интеллигенціи, перейдут при наденіи ренты в ряды обыкновеннаго (!) (какой ужас, как подумаешь) рабочаго класса. В будущем социалистическом государствѣ этот класс будет к тому же стоять выше как в духовном, так и в матеріальном отношеніях» *). Теперь г. Атлантикус нам открыл новую поразительную вещь. Вѣдь до сих пор социаль-демократія увѣряла, что она стремится к полному уничтоженію классов. Из уст г. Атлантикуса мы слышим, что новое общество представляет собою в сущности только новую перетасовку, а не разрушеніе классов. Во главѣ общества оказывается современный класс капиталистов, положеніе которых не только не измѣнилось к худшему, но сильно упрочилось. Капиталисты и землевладѣльцы получают свою прибыль и ренту как и раньше, но без прежней борьбы, безпокойств и неудобств. За классом капиталистов слѣдует другой класс—интеллигенція, которой создается такое же привилегированное и прочное положеніе. Атлантикус откровенно обѣщает ей, что ей не грозит опасность упасть в ряды «обыкновеннаго рабочаго класса», хотя и положеніе послѣдняго улучшится.

Чтобы вполне охарактеризировать коллективизм этого социаль-демократическаго ученаго, мнѣ остается указать еще только нѣсколько черточек. Во-первых, он предлагает социаль-демократіи не стремиться к отдѣленію церкви от государства и не воевать с духовенством вообще, так как этим социаль-демократія упускает случай привлечь к себѣ «вѣрующих»**). Во-вторых, он считает необходимым сохранить современную форму семьи: ему кажется «непонятным, почему современные брачныя нормы подлежат измѣненію». Тут же он прибавляет, что «о полном искорененіи проституціи в ближайшем будущем не может быть и рѣчи» и считает совершенно лишней «свободную любовь». В третьих, по его мнѣнію, монархія весьма легко может удержаться, «если она готова проводить всѣ мѣропріятія, которых требует народ и если она признает волю народа высшим законом»***). Наконец,

*) Стр. 29.

***) Стр. 30.

***) Стр. 31.

мнѣ остается только прибавить для полноты картины, что в будущем обществѣ не только будут «преступники», но и будет оставлено по необходимости войско с 25,000 офицеров во главѣ. Эти общіе штрихи не нуждаются в комментаріях. Перейдем лучше к разсмотрѣнію бюджета коллективистскаго государства. Въдѣ именно в бюджетѣ, по справедливому мнѣнію Кауцкаго, вскрывается истинный классовый характер всякаго государства.

Раньше всего, нам остается выяснить, какова общая сумма доходов коллективистскаго государства. Так как при коллективизмѣ доходы государства в сущности совпадают с цѣнностью всѣх продуктов національнаго производства, то раньше всего нам приходится открыть, сколько сможет произвести весь рабочій класс Германіи, когда населеніе возрастет приблизительно до 60.000.000... Атлантикус дает для Германіи слѣдующій болѣе или менѣе правильный подсчет, предполагая, что все населеніе до 17-тилѣтнаго возраста освобождено от всяких обязательныхъ работ, а всѣ взрослые люди, кромѣ имущих и интеллигенціи, обложены всеобщей рабочей повинностью в теченіе 10 лѣт, от 17 до 27.

«Общая цѣна, говорит он, всего того, что дает государству установленная всеобщая рабочая повинность, представится в слѣдующих цифрах:

	В милліонах марок*)
Пищевые продукты	М. 22.420
Одежда и бѣлье	„ 6.600
Обувь	„ 1.000
Мыло и свѣчи	„ 500
Прочіе товары	„ 320

М. 30.840

Если сюда прибавить доходы государства с продажи желѣзно-дорожныхъ билетов, с морскихъ поѣздов, с почты и телеграфа, плату за отопленіе, за театральные билеты, то г. Атлантикус исчисляетъ общую сумму доходов социаль-демократическаго государства в 33.140 милліоновъ марок. Не будемъ входить в разбор того, возможно ли, чтобы в рабочемъ обществѣ пользованіе такими необходимыми учрежденіями как театр, почта, телеграфъ и желѣзная дорога, было поставлено в зависимость от какой бы то ни было платы. Такія учрежденія стали для современнаго человѣка абсолютно необходимыми, подобно воздуху и водѣ. Взимать за нихъ плату значитъ просто на просто

*) Стр. 116.

продолжать старую систему монополий и привилегий. Но пока оставим в стороне этот спор и посмотрим, как социаль-демократический теоретик распределяет эти государственные доходы.

Раньше всего, пужно, попятно, вознаградить номѣщиков и г. Атлантикус постѣ длиннаго ряда разеужденій о цѣнности современных номѣщичьих имуществ говорит: «Итак, если мы, достаточно соблюдая интересы землевладѣльцев (как трогательно это звучит в устах «соціалиста!»), положим на уплату за земельную собственность 10 милліардов, если мы даже насчитаем еще 10 милліардов на прирост капитала (предполагая, что огосударствленіе произойдет через 10 лѣт), то мы получим еще 125 милліардов или круглым счетом, в видах нанвозможно меньшаго нарушенія интересов собственников, 130 милліардов. В настоящее время обычный размѣр дохода с солидных цѣнностей едва ли выше 3-3¼%. Мы, однако, примем во вниманіе, что придется платить полных 3½%. Тогда мы получим 4550 милліонов марок ежегоднаго процентнаго вознагражденія за экспроприованныя цѣнности»). В этих словах характерно звучит предупредительное отношеніе к собственникам: к современной настоящей цѣнности имуществ социаль-демократическое правительство прибавляет собственникам 10 милліардов, так сказать, на чай, а норму повышает чуть ли не на ½%. В результатѣ кучка народных эксплуататоров обезпечивается вѣчным доходом в 4550 милліонов марок. И это называется экспроприаціей... По-рыцарски наградив собственников г. Атлантикус оплачивает услуги интеллигенціи. Раньше всего идут учителя. «Средній размѣр жалованья, помимо даровой квартиры при школьном зданіи, мы можем принять слѣдующій: для учителя 3500 марок (низшій оклад 2500 марок, а высшій 4500 марок), для учительницы 2500 марок**).

Нѣсколько большую плату получает сельско-хозяйственный управляющій: на содержаніе 3500 марок+1500 марок наградных, всего 4500 марок в год.

«Что касается правительственных чиновников в тѣсном смыслѣ слова, то на первом планѣ стоят управляющіе 30.000 государственных товарных складов, которые возьмут на себя и завѣдыванье кассой, т. е. выплату пенсіи рабочим. Кромѣ того потребуется еще около 20.000 человекъ судей и иных правительственных чинов-

*) Страница 118.

**) Страница 118.

ников»^{*)}). Здѣсь обращает наше вниманіе странный намек на «иных правительственных чиновников». Невольно возникает вопрос: кого это разумѣет Атлантикус под «иными правительственными чиновниками», кромѣ учителей, «чиновников в тѣсном смыслѣ слова», судей и всяких промышленных управляющих, о которых он говорит отдѣльно? Остается не упомянутой только одна категорія правительственных чиновников—так называемые чины жандармскаго вѣдомства... Неужели их разумѣет г. Атлантикус? Зачѣм же не сказать прямо? К чему это зловѣщее выраженіе «иные правительственные чиновники»? Кто разгадает? Во всяком случаѣ управляющим складами, судьям и «иным чиновникам» назначается недурной оклад в 5000 марок на человѣка.

Особенно распинается ученый «соціалист» за высших правительственных чиновников. «Для высших правительственных чиновников, говорит он, необходимо, разумѣется (великолѣпное разумѣется!), так же, как и теперь установить жалованье от 6 до 10 или даже от 15 до 25 тысяч марк»^{**)}).

Нѣкоторую нѣжность обнаруживает автор и к завѣдующим и к директорам фабрик. «Завѣдующіе фабриками и директора должны, разумѣется, получать большое вознагражденіе—от 10 до 12 тысяч марок и кромѣ того еще премій за лучшіе успѣхи»^{***)}).

Зато врачам, техникам, химикам, инженер-механикам, инженерам путей сообщенія и учителям средне-учебных заведеній назначается плата только в 5000 марок. Профессор получает, понятно, больше—8000 марок в год.

Наградив и оплатив собственность, государственные «труды», организаторскій труд и науку, г. Атлантикус не обходит своею милостью и искусство. Вѣдь в «благоустроенном государствѣ» рядом с полиціей, духовенством, судьями и «иными правительственными чиновниками» необходимы чиновники по департаменту искусства. Театральным чиновникам (артистам, музыкантам, декораторам) назначается жалованье в 4000 марок в год. Г. Атлантикус сознает при этом, что искусство нужно развивать. Но, что могло бы в будущем обществѣ наиболѣе содѣйствовать этому развитію? Может быть, вы думаете, что в будущем обществѣ, когда с человѣка будут сняты всѣ путы, связывающія его духовную личность,

^{*)} Страница 119.

^{**)} Страница 119.

^{***)} Страница 119.

когда человек освободится от каторги долгаго и подневольнаго труда, высокій под'ем духовных потребностей челоу'чества ярким образом отразится и на искусствѣ? Может быть, вы вѣрите, что из глубины народа выйдут многія могучія личности, которыя до сих пор были задавлены тяжким трудом и позорным рабством, и в захирѣвшее, сѣрое искусство буржуазнаго міра внесут новыя, свѣжія и яркія струи жизни? Может быть, на этом основаніи вы дерзнете предсказать, что именно этот необычайный духовный под'ем создаст такое искусство, котораго до сих пор не зналъ еще мір, на котором вѣчно лежало проклятіе братоубійственной борьбы и клеймо позорнаго рабства? Если вы так думаете, то вы только жалкій «утопист»... «Научный социализм» имѣет другое, болѣе рѣшительное и болѣе простое средство развитія и обновленія искусства: назначить болѣе высокій оклад лучшим артистам,—и дѣло с концом. А для того, чтобы первоклассные артисты могли получать болѣе значительное вознагражденіе, извѣстное число театров должно имѣть большіе бюджеты и взимать поэтому болѣе высокую входную плату. «Средняя цѣна билетов, при условіи полнаго сбора, не должна превышать 60, 80 пфеннигов (30, 40 копеек), и можно быть увѣренным, (спѣшит он успокоить артистов, встревоженных такой высокой входной платой), что при таких цѣнах незанятых мѣст будет очень мало»*). Как просто рѣшаются всѣ вопросы, если «стать на пролетарскую точку зрѣнія»!

Так щедро и великодушно воздав должное всѣм сильным міра сего, г. Атлантикус вспоминает, что он забылъ еще о двух категоріях умственных «работников»: о духовенствѣ и арміи. Он просто и откровенно декретирует: «На 3000 духовных лиц государству придется расходовать 100,000,000 марок», а 25,000 офицеров, которые должны исполнять благородную службу защиты отечества, он назначает, разумѣется, не менѣе высокую плату—5000 марок в год. «Пока существует нынѣшнее натянутое отношеніе, глубокомысленно разсуждает «научный социалист», между государствами, нечего и думать (sic!) о том, чтобы распустить войско и забросить профессиональное военное образованіе. Необходимо, конечно, (милое словечко!) сохранить хотя бы однолѣтнюю воинскую повинность. Прямо перейти к милиціонной системѣ было бы во всяком случаѣ рискованно (почему, мудрый Эдип)? Для военной подготовки было бы, конечно, достаточно одного года обязательной службы, так как в

*) Стр. 121.

будущем все молодые люди получают такое школьное образование, которое требуется теперь от вольноопределяющегося 1-го разряда; помимо того, и сама школа может дать некоторую военную подготовку»). Больше надежды на будущее над всеми идеалами рабочего класса трудно было бы себе представить. Если до сих пор «ученый» социалист строил на наших глазах форменный грабеж народного труда, чтобы подкупить крупных собственников, интеллигенцию, судей и «иных» чиновников, грязью все, что есть светлого в социализме. Не только остается духовенство—этот вечный источник мракобесия, не только сохраняется постоянная армия с военной повинностью и, стало быть, с ее притупляющей казарменной жизнью, но и будущая школа, на которую направлено столько трогательных надежд всех свободомыслящих, от которой все передовое человечество ждет действительного духовного обновления и полного искоренения всех грубых человеконенавистнических инстинктов военщины и низкопоклонства,—эта самая социалистическая школа будет, под руководством социаль-демократических авантюристов, давать военную подготовку подростающему социалистическому поколению. Слишком долго комментировать такие взгляды было бы величайшим оскорблением для читателя. Но может быть, не лишнее прибавить еще одну многопоучительную цитату. «Как социальное государство, прибавляет г. Атлантикус, Германия могла бы выставить значительно большие силы, чем теперь»... «Когда средства перейдут к государству, придется тратить на военные суда только материал и труд. Если каждый мужчина будет работать $\frac{1}{4}$ года сверх установленного срока, то мы получим для постройки военных кораблей 12,500 рабочих дней, что вполне достаточно для того, чтобы в течение 3—4 лет построить такой флот, который будет могущественнее английского флота». Вместо долгих бесполезных комментариев невольно хочется задать вопрос: чем отличается г. Атлантикус, развивающий теорию коллективизма, от г. Генцоллерна, управляющего Германской Империей? Идеалы те же, средства различны...

Оставим в стороне длинные рассуждения Атлантикуса о разных пенсиях и наградах для выслужившихся интеллигентов и посмотрим в общих чертах, как вознаграждается «в идеальном» обществе труд работников. Читатель будет поражен, когда узнает, что после гро-

мальных тысячных окладов, которые так щедро расточались имущим и чиновникам, работникам и работницам назначается довольно скромная плата: первым 800 марок в год, последним только 700. Понятно, что на такую плату совершенно немисливо жить. Г. Атлантикус хочет по-этому нѣсколько задобрить читателя. Первым должн, оказывается, что «каждый рабочій и работница должны имѣть по меньшей мѣрѣ одну*) отдѣльную комнату». Если читатель все еще скептически настроен и скажет, что даже при даровой комнаткѣ, которую даст рабочему попечительное начальство, на 700 марок в год (350—400 руб.) роскошной жизни не устроишь, г. Атлантикус заявляет: «Как из практических, так и из физиологических соображеній нельзя высказаться за то, чтобы рабочіе (а интеллигенты и имущіе?) вступали в брак до окончанія своего срока всеобщей обязательной повинности. При нашем климатѣ мужчина достигает полной физической зрѣлости не раньше 25 лѣт, женщина не раньше 20. Не было бы, разумѣется, вреда (для кого? очевидно, для г. Атлантикуса), еслибы мужчина вступал в брак 27 лѣт, а женщина послѣ 22»**)). Тут в высшей степени истересно обратить вниманіе на 2 момента. Во-первых, человек, который имѣет дерзость называть себя «соціалистом», считает возможным дозволить соціаль-демократическому государству наложить свою грязную лапу на одну из наиболѣе интимных сторон личной жизни,—дѣло, на которое до сих пор не рѣшалось еще ни одно правительство***). Во вторых, в обществѣ, состоящем из работников, построенном на господствѣ труда, такое ограниченіе смѣют наложить именно на рабочих и только на рабочих, потому что имущіе и представители интеллигентных профессій свободны от «всеобщей рабочей повинности», в продолженіе которой и существует это достойное ограниченіе.

Однако, указанная выше плата относится только ко времени рабочей повинности, от 17 до 27 лѣт. По отбытіи этой повинности работник и работница получают извѣстную пенсію: мужчина 800 марок, а женщина «соот-

*) Характерно, что интеллигентам обѣщана просто хорошая квартира, а рабочему комната. Хватит, мол, этой еволочи и одной комнаты...

***) Стр. 123.

***) Только одно предположеніе могло бы пролить свѣтъ на эту безсмысленную затѣю: именно, что запрещается законный брак и соціаль-демократическое начальство вводит государственную проституцію, разумѣется, на новых «научных началах», прямо вытекающих из основ марксизма... Отчего бы в «будущем обществѣ» рядом с духовенством, офицерами, судьями и «иными» чиновниками не фигурировать и проституткѣ.

вѣтственно меньшей производительности» только 500 марок. Спрашивается: каким образом можно жить на такую сумму, которой едва может хватать на порядочную квартиру? Г. Атлантикус раскрывает нам эту тайну: «Работа по выслугѣ пенсїи, всякій будет в состоянїи приобрести себѣ или отдѣльный домик или же право на часть городского дома. Необходимые плоды, зелень и т. д. каждая семья может разводить у себя, получая даже излишек для продажи имущим (!). Можно даже с увѣренностью сказать—за участіе в производствѣ предметов роскоши и тому подобное рабочіе получают около $\frac{1}{2}$ из тѣх 8875 милліонов, которые приходятся на долю имущих» *). Дѣйствительно, загадка рѣшается очень просто: рабочій дополняет свое скудное государственное жалованье «услугами» и за это получает об'ѣдки со стола имущих. Да будет стыдно ученому коллективисту!

Мы могли бы оставить теперь отвратительную работу дальнѣйшаго разбора той грязи, которую нам преподносит теоретик коллективизма в видѣ плана коллективистскаго государства, но нам интересно подвести итог всему сказанному. Оказывается, что общая сумма доходов государства—М. 33.140 милліонов.

I. Из них тратится:

	в милліонах
На плату работникам и работницам . . .	М. 6.520
На пенсїи всѣм отбывшим рабочую повинность „	16.170
Всего рабочему классу . . .	М. 22.690

II.

Учителям	М. 1.080 мил.
С.-Хозяйств. управляющ. . . „	450 „
Государствен. чиновникам . . „	260 „
Техникам	200 „
Машинистам	120 „
Преп. сред. и высш. уч. зав. „	150 „
Театральному персоналу . . „	540 „
Духовенству и офицерам . . „	225 „
На стипендіи учащимся . . „	50 „
Пенсїи	950 „
Всего интеллигенціи . . „	4335 „
Имущим	М. 4550 мил.
Рабам—неграм за работу в колонїях . . „	450 „

*) Стр. 124.

Стало быть прибавочная цѣнность равняется:

Плата индустриг. + плат. имущ.	4335 + 4550	<u> </u>	38,4%
Плата раб. + пенсіи + плат. рабам	6520 + 16170 + 450		

В заключеніе, повторяю еще раз, что я далек от мысли, что коллективизм непременно должен принять такую безобразную форму. Что выкладки г. Атлантикуса дѣйствительно доказывают, так это то, что составляет тенденцію коллективизма — поставить над рабочим классом новую аристократію, аристократію умственного труда, которая в союзѣ с остатками буржуазіи будет, под видом «организации производства», командовать трудом не лучше дворян и капиталистов. Соціал-демократы хотят казаться выразителями интересов рабочего класса, но на дѣлѣ они только представители «новаго средняго сословія» — буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенціи. Они хотят казаться социалистами, но они только болѣе послѣдовательные демократы.

XI.

Либерализм, социализм и анархизм.

Никогда человечество не видало еще такого грандиозного развитія матеріальной культуры, как эпоха господства буржуазіи. За один вѣкъ техника сдѣлала болѣе поразительные успѣхи, чѣм во всю предшествовавшую исторію человечества. Но едва ли не болѣе поразительны еще успѣхи культуры умственной—этой грандіозной смѣны потоковъ идей.

Всѣ идеи, всѣ идеалы, которыми человечество жило вѣками, как будто внезапно поблекли, отжили. Философія, наука, нравственность, искусство подобно всему экономическому и политическому укладу жизни, понесли коренную ломку. С какой-то необъяснимой любовью и страстью отдалась передовая интеллигенція передового класса, интеллигенція буржуазіи, суровому и великому дѣлу безпощаднаго разрушенія строя крѣпостничества и мракобѣсія. Этот грандіозный порыв разрушенія называется Великой Революціей.

Какая же идея руководила интеллигенціей в ея борьбѣ с феодализмом? На чем хотѣла она построить новое общественное зданіе на мѣстѣ старых феодальныхъ развалин? Во имя чего вела она свою разрушительную работу?

Этой руководящей идеей была идея политической свободы. Буржуазная интеллигенція объявила, что она не видитъ никакихъ разумныхъ причинъ для существованія крѣпостничества и не можетъ найти никакого оправданія для существованія кастовыхъ привиллегій. Только в безпросвѣтномъ невежествѣ видѣла она источникъ дикихъ общественныхъ учреждений средне-вѣковья. Отмѣну крѣпостничества она назвала «свободой», отмѣну кастовыхъ привиллегій она признала «равенствомъ» и мечтала о том, что «братство»

будет вѣщом этой свободы и этого равенства. Она не лгала, не лицемерила и не скрывала своих цѣлей перед врагом: оттого-то она до сих пор окружена каким-то ореолом величія и славы. Когда враг оказался упорным и не захотѣлъ уступить поля без кровавой битвы, она не поблѣднѣла, не отступила, а шла вперед с античным мужеством: она отточила топор для врагов внутренних и объявила дерзкую войну всѣм врагам вѣшним. И она из гигантской борьбы вышла поблѣдительницею. Она окончательно сломла или навсегда подлѣмила страшныя силы мрачнаго прошлаго и создала новую жизнь, ту жизнь о которой она мечтала. Так родился, воевал и поблѣдил либерализм.

Но еще раньше, чѣм полный триумф увѣнчал борьбу буржуазной интеллигенціи, раздоры начали разрушать ея прежнее единство. Одна часть ея сочла достаточным добытое и хотѣла помириться с остатками прошлаго, чтобы обезпечить за собою настоящее и предохранить себя от грядущих бурь темнаго будущаго. Это умѣренное крыло интеллигенціи имѣло за собою крупную буржуазію, которая по своему общественному положенію могла быть наименѣе взыскательной. Что нужно крупному капиталисту? Ему нужен «вольный» и голодный пролетарій, как владѣлец и продавец рабочей силы: освобожденіе крестьян доставило ему вдоволь этого живого матеріала. Ему нужна хорошая полиція для охраны «порядка» и «собственности»: революція с первых шагов создала ее. Капиталисту нужно еще возможно дешевое правительство: монархическая конституція вводит извѣстный порядок в систему государственных доходов и расходов. И крупный капиталист скоро утомился революціей и с удовольствіем поддерживал умѣренную, конституціонно-монархическую интеллигенцію. Крупный капиталист не может быть послѣдовательным либералом. Поэтому вездѣ, гдѣ дворянство и духовенство благоразумно уступали революціонному напору и дѣлали частичныя уступки либерализму, крупная буржуазія охотно бросала непривычный фригійскій колпак и вступала в союз с реакціонными силами стараго міра. Так было в Германіи, в Австріи... Вздорная глупость, будто в этих случаях крупная буржуазія «измѣняет народу», «продает дѣло свободы». Наоборот, она измѣняет себя, своим кровным интересам, когда она пялит на себя революціонно-демократическій плащ и рядится в тогу народнаго трибуна. Неудивительно, что вскорѣ послѣ первых успѣхов революціи она охотно пошла за самыми умѣренными интеллигентными представителями своего класса.

Рядом с этим умѣренным течением в буржуазной интеллигенціи обнаружилось другое направление которое своей революціонностью внушило страх всей остальной интеллигенціи. Чтобы сломить упорное сопротивление реакціи, нужны были крупныя общественныя силы: их могли доставить только народныя низы. Чтобы привлечь на сторону революціи крестьянство и всю мелкую буржуазію, интеллигенція должна была сдѣлать все крайніе выводы буржуазнаго либерализма: их освятила конституція 93 года.

Но вмѣстѣ с мелкой буржуазіей поднялись и городскіе рабочіе, на авансценѣ появился пролетаріат. И вот среди буржуазнаго шикования раздался первый грубый пролетарскій свист, который заставил всполошиться всю буржуазію, и жестокія кары обрушились на головы первых туманных идеологов рабочаго класса. Но все же рядом с ликующим либерализмом появился страшный призрак—соціализм.

Напрасны были все усилія буржуазіи задержать рост соціализма. Ни замалчиванье, ни суровая критика новаго ученія, ни жестокая расправа с первыми соціалистическими обществами не остановили развитія соціалистической идеи. Идея крѣпла, от туманных грез она перешла к положительному ученію, соціалистическая партія из утопической секты сложилась в международную соціальную демократію. Ученіе соціализма широко распространилось в народных массах и даже в средѣ господствующаго класса. Соціаль-демократія проникла в парламенты, ландтаги, муниципалитеты, из которых нѣкоторые цѣликом завоеваны соціалистами.

Но странное дѣло! Соціаль-демократія стала грозной силой в цѣлом рядѣ европейских стран, господствующій класс боится ея и зангрызает с ней, были даже попытки приглашенія соціалистов на министерскіе посты, а между тѣм реальная сила соціаль-демократіи видимо падает. В ея собственных рядах чувствуется какое-то смятеніе: повсюду расколы, часто из-за пустяков, как в нашей отечественной соціаль-демократіи, разногласія растут, количество ея членов, т. е. сознательных соціаль-демократов, а не голосующих, крайне туго растет даже в Германіи и сильно падает во Франціи, Голландіи, Италіи и др. странах. Замѣчательно, что в самых свободных странах соціаль-демократія не может укрѣпиться и теряет почву там, гдѣ кое-как пустила корни. Напрасны заклинанія, которыя в изобиліи творят разные сѣзды в видѣ многошумных резолюцій: соціаль-демократія, видимо,

страдает, от какой-то внутренней болѣзни, загадочной и неизлѣчимой.

В то же время пускает все болѣе глубокіе корни новая идея, которая долго, почти незамѣтно жила и развивалась. Эта идея вездѣ вытѣсняет социализм, неуклонно подрывает к нему довѣріе в рабочих массах и становится новым символом вѣры рабочего люда. Как некогда либерализм нестово враждовал с социализмом, так послѣдній теперь свирѣпо преслѣдует своего могильщика. Клевету, ложь и насиліе социалисты считают вполне достойными средствами для борьбы с этим новым ученіем. Его сторонники подобно первым социалистам, должны прятаться в подземельях и вдали от зоркаго ока вездѣсущей власти ковать оружіе для борьбы с врагом. Для них нѣтъ пощады, нѣтъ законов, для них восстановлена в Испаніи инквизиція, они населяют тюрьмы «республиканской» Франціи и других «свободных» стран, в которых социалисты считаются почтенными гражданами и принимают участие в изданіи законов и управленіи страной. Они настоящіе отщепенцы современнаго общества, но к ним же все больше обращается вниманіе всѣх; их ненавидят, но их боятся; их ученіе презирают современные рабовладельцы, но оно льет бальзам в измученныя сердца современных рабов... Кто же эти люди, окруженные таинственным ореолом величія и героизма? Как зовут они свое ученіе? Этих заклятых врагов современнаго строя зовут теперь анархистами и их идеал—Анархія. Идея анархій—вот то ученіе, которое идет на смѣну социализму, подобно тому как социализм когда-то смѣнил либерализм.

В чем же причины этой смѣны идей? Какія силы подорвали корни социализма и непрерывно питают всѣм ненавистный анархизм. Каково классовое содержаніе этих двух великих ученій?

Мы без труда отвѣтим на эти вопросы, внимательно разсмотрѣвъ содержаніе и взаимное отношеніе либерализма, социализма и анархизма.

Либерализм отрицает кастовыя привиллегіи, но отстаивает экономическое неравенство, т. е. классовыя противорѣчія. Он отрицает родовую аристократію, но признает денежную. Он ненавидит меч дворянина, но преклоняется перед мѣшком банкира.

Социализм идет дальше и требует уничтоженія современнаго дѣленія общества на классы имущих и неимущих, на буржуазію и пролетаріат. Он стремится к уничтоженію той пропасти, которая теперь существует между отдѣльными общественными классами. Но хочет-

ли социализм добиться полного экономического равенства? Хочет ли он добиться полной политической свободы? Нѣтъ и нѣтъ: социализм оставляет наемный труд и неравенство заработков; а, главное, он оставляет государственную власть и тѣм сохраняет послѣднюю антагонистическую форму дѣленія людей на управляющих и управляемых, правителей и подданных. Он готов наложить свою руку на частнаго капиталиста, но почтительно отстанивается передъ полицейскимъ и чиновникомъ.

Анархизм дѣлаетъ послѣдній шагъ по пути къ освобожденію личности: онъ добивается полного уничтоженія власти во всѣхъ ея видахъ, уничтоженія государства, хотя бы въ видѣ демократіи. Его идеалъ не жандармъ, охраняющій рабочаго, а полное уничтоженіе самаго института жандармеріи, уничтоженіе всѣхъ организацій насилія, превращеніе буржуазнаго государства не въ социальную республику, а въ рабочее общество, въ свободный союзъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій.

Наивному человѣку можетъ показаться, что эти три ученія отличаются другъ отъ друга только большею послѣдовательностью и логичностью. Но этотъ дѣтскій взглядъ не выдерживаетъ никакой критики. Классы борются не для защиты оскорбленной священной логики, а для охраны своихъ интересовъ. Если какая-нибудь общественная группа хочетъ остаться «нелогичной», «непослѣдовательной», «трусливой», то въ этомъ скрывается тайна ея групповыхъ интересовъ, тайна, благодаря которой кажущіеся « пороки », превращаются въ классовыя « добродѣтели ». Смѣшно, поэтому, бичевать ее за эти « пороки », глупо читать ей лекціи о морали и смѣшить ее тошнымъ повтореніемъ законовъ логики. Въмѣсто этихъ бесполезныхъ комическихъ усилій, которыя такъ сильно напоминаютъ басню о добродѣтельномъ и глупомъ поварѣ и порочномъ, но хитромъ котѣ, лучше поставить себѣ вопросъ: почему же данный классъ дѣйствуетъ именно такъ, а не иначе? Какіе интересы сознательно или безсознательно руководятъ его тактикой, диктуютъ ему опредѣленные симпатіи, создаютъ опредѣленные взгляды?

С этой точки зрѣнія классовое содержаніе либерализма теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія. Теперь уже никто не станетъ отрицать, что либерализмъ есть чистѣйшее выраженіе интересовъ буржуазіи въ цѣломъ. Либерализмъ сыгралъ великую революціонную роль въ борьбѣ съ мракомъ среднихъ вѣковъ, но онъ глубоко реакціоненъ, какъ только заходитъ рѣчь о преобразованіи капитализма.

Но какому общественному классу служитъ современный социализмъ, который такъ гордится самозваннымъ чи-

нам научности? Чьи интересы выражает этот «научный социализм»?

Спросим раньше всего самих социалистов: какой класс представляете вы в современном обществѣ? Они с гордостью дают нам отвѣтъ: «мы единственные представители рабочего класса. Только мы боремся за его полное освобожденіе и только мы охраняем его интересы всегда и вездѣ».

Но так ли это, господа? Не ошиблись ли вы? Вы сами нас учите, что о партіях и классах нужно судить не по тому, что они говорят, а по тому что они дѣлают. Развѣ либерализм не клянется до сих пор, что он защитник интересов всего человѣчества, что он храбрый, постоянный защитник культуры, прогресса, свободы и других великих общественных сокровищ? И хотя либерализм, дѣйствительно, оказал грандіозные услуги освобожденію человѣка, хотя он когда-то с'умѣл так глубоко и сильно воодушевлять борцов и создал цѣлую плеяду титанов с крѣпким умом и гордым сердцем, мы бросаем ему в лицо дерзкій окрик: «Ты лжешь, ты лжешь! Ты чванишься тѣм, будто бы защищаешь «культуру». Но ты благоразумно умалчиваешь, что эта культура — буржуазная, что она служит кучкѣ бездѣльников и тунеядцев, а питается плотью и кровью забитых, обѣднѣвших рабочих масс. Ты кичишься охраной «свободы», но эта буржуазная свобода есть вѣрный залог вѣчнаго рабства тѣх святых труженников, которых ты безстыдно клеймишь «подлой чернью». Ты сторонник прогресса, но твой жалкій прогресс только звук пустой, ты прикрываешь им твое глубокое желаніе держать в вѣчном невѣжествѣ народ. Ты на дѣлѣ не защитник человѣчества, а вѣрный лакей буржуазіи».

Почему говорим мы так либералам? Развѣ потому, что они сознательно лгут? Нѣтъ! Но потому, что на дѣлѣ их слова противорѣчат их дѣйствіям, а только в тактикѣ обнаруживается тайна классового происхожденія.

Почему должны мы сдѣлать исключеніе для вас, социалистов? Почему мы должны вам вѣрить на слово? Гдѣ ваши великія дѣла, ради которых мы должны питать к вам исключительное довѣріе? Припомните всю ту массу грязи, которой вы покрыли себя во всѣх странах? В Германіи вы еще недавно вступили в союз с попами, а на Іенском с'ѣздѣ отказались рѣзко порицать даже тактику Бюлова этого германскаго Плеве, чтобы показать свою лояльность и патриотизм... В Бельгіи вы отказались дать женщинам избирательное право; посредством предательскаго союза с либералами в 1902 г. погубили

вы, генеральную стачку, когда она готовилась стать действительно революционной. В бельгийских социалистических кооперативах вы продаете житія святых, четки не меньше, чѣм монастырскія лавки. В Испаніи вы боролись против забастовавших рабочих и убѣждали англійских пролетаріев не помогать их несчастным братьям—испанским «вольным» рабочим. Во Франціи вы в течение цѣлых лѣтъ братаетесь с буржуазіей и часто предлагаете законы, которые кажутся реакціонными даже радикальным буржуа. В этой же Франціи, в Лиможѣ ваш муниципалитет официально отрекся от возставших рабочих, которые напали на оружейные магазины послѣ того, как солдаты стрѣляли в безоружных рабочих, женщин и дѣтей. Вы, что живете соками рабочих и засѣдаете в парламентах и муниципалитетах, вы заявили в Лиможѣ, что снимаете с себя отвѣтственность за печальныя событія по поводу рабочих беспорядков и назвали (поймите весь ужас ваших слов), этих героев-пролетаріев бандитами. В Голландіи вы так позорно измѣнили рабочим во время их всеобщей забастовки, что возбудили к себѣ лютую ненависть пролетаріата и только с большим трудом, по вашим собственным словам, немного утихомирили возмущенных рабочих... В Швейцаріи вы имѣете своих полицейских приставов... Религію вы объявили «частным дѣлом», чтобы не пугать отсталых масс и купить себѣ их довѣріе и голоса измѣной своим убѣжденіям. Вездѣ вы кичитесь своим патріотизмом и прививаете любовь к «отечеству» тѣм самым пролетаріям, которых это милое отечество кормит свинцом и кровью... А Мильеран? Вы забыли это имя и уже торопитесь въ Россію во «временное правительство»... Вы забыли, что у «пролетаріата нѣтъ отечества», вы забыли, что честный человек не может присягать на вѣчность экономическому и политическому строю, который он хочет уничтожить—только для того, чтобы получить парламентское кресло... Вы все забыли, все, что мѣшает на спинѣ пролетарія пролѣзть в парламент... Чтож, господа, продолжайте в этом духѣ, бросьте революціонную фразеологію и дѣйствуйте откровенно... Мы, анархисты, идем за вами слѣдом, зорко слѣдим за каждым вашим шагом, строим свои батальоны и... скоро настанет уже день, когда мы похороним вас со всѣми остатками рабства. лжи и бѣдности... Да здравствует Анархія!

Какому же классу служит современный социализм фактически, а не на словах? Мы отвѣчаем прямо и без обиняков: социализм есть выраженіе интересов не рабочаго класса, а так называемой разночинной, или деклассиро-

ванной интеллигенции. Объяснимся — что мы хотим сказать этим?

Интеллигенция не представляет однородного цѣлаго — она рекрутируется преимущественно из крупной и мелкой буржуазии. Выходцы из среды крупной буржуазии — профессора, высшіе чиновники, масса юристов, врачей и т. д. — ничѣм не отличаются от своей прежней среды: это чистые буржуа не только по образу жизни, но и по убѣжденіям; они теоретики и сторожевые псы буржуазнаго міра и самые заклятые, опасные враги рабочаго класса. Иное значеніе имѣет мелкобуржуазная интеллигенція. Она представляет из себя группу, далеко отличную от крупной буржуазии. Если для буржуазной интеллигенции ея знаніе является своего рода выгодно помѣщенным капиталом, приносящим часто весьма недурные проценты, — для мелкой буржуазии «образование стало товаром», который далеко не всегда находит себѣ полный сбыт и доставляет их владѣльцам часто полунищенское существованіе. Эту многочисленную группу мы и будем называть разночинной или деклассированной интеллигенціей, так как она не совпадает ни с одним классом. От буржуазии и от буржуазной интеллигенции она отдѣлена непроходимой стѣною и служит для них таким же предметом эксплуатаціи, как и рабочій класс; она далека и от пошлаго торгашества мелкой буржуазии и от чисто трудовой жизни наемнаго рабочаго крупной промышленности. Это — группа дѣйствительно деклассированная, разночинная. Психологию этой общественной группы и выражает современный социализм.

В самом дѣлѣ, каковы интересы разночинной интеллигенции? Разночинец раньше всего непримиримый враг деспотизма, искренній и беззавѣтный демократ — республиканец, ибо всякое стѣсненіе политической свободы ложится на него невыносимым бременем: его товар — образование может имѣть сносный сбыт только в политически свободной странѣ. Свобода печати и слова для него являются таким же непремѣнным условіем жизни, как свобода собраний и стачек для рабочаго. Всякій шаг на пути демократизированья государства является для него новым поприщем для приложенія его сил. Разсмотрите современные парламенты, муниципалитеты, всѣ представительныя учрежденія всѣх государств... Спросите: какой общественный элемент преобладает в них? Вы найдете, что вездѣ орудует все тот же нервный, шумливый и пронырливый разночинец. Не трудно понять, что «свобода» должна быть настоящим символом вѣры разночиннаго интеллигента: не легко найти того разночинца, у котора-

го сердце не забилося бы сладкой тревогой от этих двух музыкальных слов: политическая свобода.

На первых ступенях капитализма разночинец и был исключительно борцом за «свободу», исключительно демократом. Это он наложил свой рѣзкій отпечаток на Великую Французскую Революцію. Из среды разночинной интеллигенціи вышли—Камиль Демулен, Робеспьер, Дантон, Марат и др. Так как сама по себѣ она своей численностью никогда не представляла значительной силы, она всегда нуждалась в народной опорѣ. Понятно, что легче всего она могла найти серьезную помощь в рядах мелкой буржуазіи, с которой у нея тогда были во многом сходные интересы. Союз разночинца и мелкаго буржуа и создал европейскую демократію, которая господствовала повсемѣстно до второй половины XIX в. Пролетарій играл в ней незначительную, подчиненную роль.

Но развитіе капитализма подкосило устои мелкой буржуазіи. В испугѣ перед грозно наступающим капитализмом, она бросается в объятія реакціи—монархизма и антисемитизма. Разночинец, который до сих пор остался и не мог не остаться вѣрным демократом, «солдатом революціи», как любил называть себя типичный разночинец Либкнехт, почувствовал, что у него почва зашаталась под ногами. Он оказался без опоры, висящим в воздухѣ, старым генералом без арміи...

Что дѣлать? Как быть? Гдѣ найти силу для защиты старых идеалов? Кто возьмет на себя тяжелое дѣло искорененія и защиты Республики? С грустью глядит вокруг себя разночинец и привычным опытным взглядом он ищет. К кому он пойдет? Понятно, не в чинные салоны аристократіи, гдѣ прозябают послѣдніе жалкіе экземпляры когда-то могучей породы воинственнаго феодальнаго дворянства: его плохонькій пиджак там так же презирают, как крестьянскую сермягу и рабочую блузу... Нѣтъ, с этими беззубыми хищниками разночинец будет продолжать свою старую славную борьбу, борьбу за свѣтъ против мрака, против душнаго средневѣковья... Не пойти ли ему в богатую гостинную, гдѣ послѣ плотнаго обѣда в дружеской бесѣдѣ с «конкурентом» крупный буржуа рѣшает «рабочій вопрос». Там иногда так долго говорят о реформах, мѣрах, мѣропріятіях, проэктах... особенно послѣ сильных рабочих безпорядков, когда «подлая чернь» пытается взять себѣ с бою свое право на жизнь... Но нѣтъ! И в буржуазной гостинной не мѣсто разночинцу; тут смѣются над республикой и свободой так же искренно, как и в аристократических салонах: дворянин готов все промѣнять на хорошую «наслѣдственную» долж-

ность, а чего, чего порядочный капиталист не продаст за хорошую концессию? Только жиденькій, хитрый, умфреннй либерал может еще пойти опору в кошельках и умах круной буржуазии, но не он - - разночинец, этот честный радикал-демократ, который так много, так славно боролся за «свободу»...

Может быть, попытаться все таки сохранить за собою свою старую опору— мелкую буржуазию — и взять на себя охрану ея от убийственаго капитализма?.. Может быть, «черный передѣл» новое распределение вѣх земель между мелкими сельскими производителями, — мелкій кредит, кооперація смогут оживить еще раз когда-то горделивую мелкую буржуазию? И вот во вѣх странах разночинец старается вырвать мелкую буржуазию из рук реакції, без конца сыплет обѣщаніями, которых он никогда не сможет исполнить. Он идеализирует свой; «народ», строит планы, мечтает, организует свои «партии» или идет рядом с другими, родственными по духу... Во Франції эти разночинцы называют себя POSSIBILISTAMI (жоресисты и бруссисты), в Германіи ревизионистами, в Россіи социалистами-революционерами.

Но увы! Результаты усилій плачевны... Нельзя оживить труна; никакіе труды разночинной интеллигенції не воскресят стараго свободаго духа в жалкой душонкѣ мелкаго лавочника. Дух свободы ушел из среды мелкой буржуазии навсегда ушел из маленькой лавочки и крестьянской хижины в просторныя фабрики круных городов, чтобы там, под грохот машин, пѣть пролетарію великую, чудную пѣснь о счастьеѣ, о волѣ всего человечества.. Только один великодушный пролетарій является теперь самым смѣлым стражем свободы, человечности и правды... Круные, средние и мелкие буржуазные коршуны рвут на части его богатство, плоды его рук, а он—тот, кто все производит, хочет только одного: «жить работая или умереть сражаясь»... Это он-наивный пролетарій— выходил из своих предмѣстій умирать на баррикадах, как только ему чудилась блѣдная зоринька свободы... Это он объявил в 48 г., что он требует «права на труд», между тѣм как вѣ классы добиваются только права на праздность... Это он создал Коммуну. Есть ли хоть одно мѣстечко в мирѣ, необагренное твоей горячей кровью, брат наш рабочій? А ты по прежнему в рабствѣ.

Неудивительно, что и разночинец скоро разгадал, какую могучую силу представляет многочисленный и вѣчно растущій пролетаріат, и он сказал себѣ устами Плеханова: «революція не восторжествует никогда или восторжествует, как движеніе рабочих». Он увидѣл, что этот

мятежный пролетаріат куда-то идет, часто сам не сознает ясно куда, но никогда не становится на защиту реакціи — только там, гдѣ свѣтъ и свобода, борется и умирает пролетарій. Он увидѣл, как инстинктивно пролетаріат начал стремительно организовывать свои силы и вступил в неравную борьбу со своим хищным врагом — буржуазіей — и со всей ея страшной машиной — организованной властью. Разночинец, понял, что на смѣну старому народу средневѣковья явился новый народ, народ рабочій, пролетаріат, который носит в себѣ самом великую миссію — разсѣять мрак и уничтожить рабство, разорвать всѣ человѣческія и божескія цѣпи.

Разночинец взглянул на самого себя и почувствовал что его что-то связывает с этим вѣчным бунтарем-пролетаріем... Развѣ его интеллигентный труд не так же сильно убивает его силы, как труд рабочего? Развѣ его не эксплуатирует так же безстыдно буржуазія? Развѣ он, — вѣчно ищущій, свободолюбивый разночинец — может когда либо помириться с капитализмом, с этим наглым насиліем над трудом и личностью? Во что превратил буржуа его красивый, сіяющій девиз: свобода, равенство и братство! Эти слова звучат теперь только грубой насмѣшкой над поработанным, ограбленным и униженным рабочим народом. Развѣ свободен нищій пролетарій, который должен продавать свою шкуру, чтобы только дышать? Развѣ голодный рабочій, этот современный раб, может быть равен сытому капиталисту, господину буржуазнаго міра? А братство? Над ним откровенно смѣется буржуа: не даром он написал это слово на всѣх своих тюрьмах, куда он сажает своих «преступников», т. е. голодных и недовольных.

Что же дѣлать, чтобы наконец осуществить желанную свободу? спрашивает себя разночинный интеллигент и сам себѣ отвѣчает: нужно обезпечить каждого человѣка трудом и заработком, нужно дать пролетарію «право на труд» — нужно устроить так, чтобы каждый желающій работать, всегда находил работу: тогда исчезнет пропасть между людьми... Но это «право на труд» непримимо со свободной конкуренціей; нужно поэтому «организовать производство», т. е. отнять распоряженіе орудіями производства у маленькой монопольной группы капиталистов и передать его демократическому государству. Вот и все!

К чему сводится перемѣна? Государство рядом с полиціей, образованіем и почтой получает еще одну функцію — организацію производства и обмѣна. Рядом со всѣми «правами» гражданин получает еще одно право — пра

во на труд. Полиція и чиновничество получают новую обязанность — блюсти порядок не только на улицах, но и на фабриках и заводах. Республика — эта вѣчная возлюбленная разночинца с ея парламентами, в которых он так любит своею краснорѣчіем не умирает, а получает новые соки и достигает невиданной силы: она получает только новый эпитет «соціальная». А он, разночинец, нисколько не измѣнил своим старым, дорогим убѣжденіям, он по прежнему ярый демократ с тѣм же безобидным эпитетом «соціальный».

Но как же приблизить этот «рай земной»? Разночинец, который уже по своему соціальному положенію всегда склонен ставить все на голову, отвѣчает: современный строй держится властью парламента, овладѣть этим парламентом значит овладѣть государственной властью, сдѣлать буржуазное государство пролетарским. Но парламент носит свой теперешній ярко буржуазный характер потому, что он состоит из буржуазных интеллигентов... Нужно их замѣнить соціаль-демократами, т. е. разночинцами, и свирѣпая голова буржуазной Медузы превратится в прекрасную голову пролетарской Венеры...

С твердым видом выпрямляется разночинец: он нашел разгадку соціального сфинкса. Он нашел средство спасти пролетаріат от нищеты и смерти, не нанося тяжелаго удара буржуазіи; разрушить современное общество «развивая его», т. е. поддерживая и укрѣпляя его; «упразднить» государство, создавая новую государственную власть; добиться свободы личности, уничтожив святое святых личности — свободу труда, вдвинув личность в рамки планомѣрнаго (т. е. обязательнаго, принудительнаго производства*); а главное, уничтожить господство человѣка над человѣком, став самому организатором производства, т. е. настоящим господином... И для этого «рая» нужно так мало. Нужно только пролетарію оставить всякія «утопическія» мечтанія крѣпким ударом кулака свалить на землю своего буржуазнаго вампира, ждать, набраться терпѣнія и только каждая нѣсколько лѣтъ подать свой голос за того или иного разночинца интеллигента до тѣх пор, пока их не станет большинство, а тогда... тогда... Но что будет тогда, современный демократ считает лишним говорить; он чувствует, что он не может сказать всю правду рабочему человѣку.

Но тут возвышает свой голос анархист, этот вѣчный «грубіян» и природный мятежник. Он говорит рабочему люду: ты разрушил дворянскую Бастилію в 89 г., но толь-

*) К. Кауцкій «Соціальная революція» стр. 159.

ко для того, чтобы построить себя Бастилию буржуазную: по прежнему стонет рабочий в каждом городѣ, на каждой фабрикѣ, стонет от ига наемнаго труда. Почему ты ничего не добился во время Великой Французской Революціи? Потому, что ты боролся не за свое дѣло, потому, что шел под чужим знаменем, ты шел за буржуазіей добывать ей политическую свободу: ты убивал дворян и попов, чтобы обогатить своего хозяина—капиталиста, своего злѣйшаго врага. Что ты дѣлал в 48 и 71 г. во Франціи? Горьким опытом ты научился уже не довѣрять сытым буржуа, но ты нашел себя новых командиров-интеллигентов, которые в качествѣ социалистов через твои спины перелѣзли во временное правительство (в 48 г.) и Совѣтъ Коммуны (в 71 г.), но, повидимому, только для того, чтобы дать тебе новое разочарованіе, показать тебе, как ты довѣрчив и наивен и научить тебя простой и великой истинѣ—что рабочий класс нигдѣ не должен искать себя спасителей: ни в туманных облаках пустаго неба, ни в роскошных дворцах царей, ни в палатах богачей, ни в каких парламентах. А ты, русскій рабочий, повторяешь старую ошибку твоих братьев европейских рабочих. Во имя чего шел ты в Петербургѣ 9 января и падал от вѣроломной пули свирѣпаго казака? Во имя чего твои дѣти и жены обагрили кровью холодные камни столичных улиц? Во имя стараго жалкаго буржуазнаго обмана—во имя политической свободы, во имя буржуазной Бастилии—парламента, гдѣ будет командовать тобою твой хозяин-кровопийца.

За что умирал ты в Варшавѣ, Лодзи, Одессѣ, во всѣх городах нашей обширной родины-мачехи? За ту же лживую свободудохнуть с голоду на другой день послѣ побѣды. И все потому, что ты, наивный рабочий, вѣришь твоим новым благодѣтелям, социалистам, что вѣчно ждешь спасенія свыше, от начальства. А ты сам должен стать своим спасителем. «Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих».

Брат наш рабочий! прислушайся хорошенько к рѣчам твоих новых командиров-социалистов. Что обѣщают они тебе хотя бы в далеком будущем? Только новое рабство. Теперь ты работаешь на отдѣльных капиталистов, в социалистическом государствѣ ты будешь работать на свое начальство: парламент будет тебе указывать как, гдѣ, сколько работать, когда начать рабочий день, когда кончать его, какія машины употреблять и какія оставлять, какую плату давать тебе за твой тяжелый труд... Словом, ты опять будешь на фабрикѣ не распорядителем, не господином, а тѣм же подчиненным рабочим, той

же живой машиной, которою вертят другіе: теперь капиталист, а потом парламент. Ты не будешь имѣть права выбирать себѣ труд по душѣ; тебя погонят на работу, как когда-то гоняли на барщину, только без кнута, а по указу начальства—парламента.

Как ты в началѣ боролся за интересы буржуазіи и добивался для нея политической свободы, так ты борешься теперь за интеллигентов, чтобы создать им социалистическое общество, в котором они будут хозяевами жизни, ибо, подумай, брат наш, многіе ли из рабочих, задушенных нуждою, попадут в парламент, гдѣ нужны именно интеллигенты.

Нѣтъ! Нѣтъ! Ты должен взять судьбу свою в свои же руки. Ты должен уничтожить всякое господство Капитала и Государства. Рабочіе должны соединиться в вольные союзы свободных профессиональных обществ и не признавать над собою никакого начальства, никаких законов: ни бога, ни хозяина, ни власти! Да здравствует Анархія!

Так говорим мы, анархисты... Мы не знаем, поймет ли сейчас русскій рабочій народ святую правду наших слов... Может быть, он повѣрит лживой сказкѣ политиканов и честолюбцев и пойдет за них проливать свою кровь и ковать себѣ новыя цѣпи. Кто знает? Нельзя прознить теперь взглядом туманную даль... Но мы пойдем вперед с открытым забралом, твердой рукой и крѣпкой вѣрой в рабочій народ. Мы не знаем страха перед врагом и не дадим ему пощады: мы объявляем войну всѣм царям и парламентам, буржуа и социалистам—всѣм врагам рабочего люда.

Старый мір нищеты и насилія хотим мы разрушить до тла и создать новый мір—мір труда и свободы... С крѣпостных стѣн современнаго общества хотим мы сорвать, растоптать в пыли трехцвѣтное знамя буржуазіи и развернуть над всей землею черное знамя рабочего класса—знамя Анархіи.

ХІІ.

Классовый характер ссціаль-демократіи.

Соціалъдемократизм не есть выраженіе интересов рабочаго класса, а является идеологіей разночинной интеллигенціи или так называемаго «новаго средняго сословія». Присмотримся к этому положенію.

Одним из самых главных положеній «научнаго» соціализма является тот взгляд, что вершителем исторических судеб являются объективныя силы экономических отношеній, что роль личности ничтожна в сравненіи с могучими силами стихійнаго процесса. Из этого взгляда соціаль-демократы совершенно правильно дѣлают тот вывод, что соціальная революція не может быть сознательно сдѣлана, что революцій не совершают, ибо онѣ только совершаются.

Но за то—странное противорѣчіе! Когда рѣчь заходит о политическом переворотѣ, о буржуазной революціи, они откровенно измѣняют своим научным взглядам, они сознательно «готовят революцію, готовят революціонную армію», готовятся к временному правительству, словом готовят цѣлую программу революціи. Почему такая непослѣдовательность? Почему дворянско-поповско правительство нужно свергать сознательно-организованным насиліем, а буржуазное правительство может быть свергнуто только стихійными силами экономического развитія? Почему остатки крѣпостничества, остатки феодальнаго строя могут быть сознательно разрушены революціонным пролетаріатом, а обветшалое зданіе буржуазной эксплуатаціи может быть опрокинута только стихійным ростом объективных сил?

Почему пролетаріат может быть безпощадным, пока рѣчь идет о феодальных эксплуататорах, но должен почтительно трепетать перед буржуазной собственностью? Откуда происходит такая двойная мѣра по отношенію

к двум одинаково враждебным пролетариату эксплуататорам?

На все эти безконечные «почему» может быть только один ответ: социаль-демократия есть партия интеллигенции. Интеллигенция угнетена экономически, но она несколько не страдает от политического гнета в так называемых свободных странах. Поэтому в республиканских и конституционных государствах они должны бороться только за уничтожение современной формы капитализма и должны сопротивляться всеми силами уничтожению современного государства, которое является в ее руках таким могучим орудием власти.

Вот почему они должны всеми силами бороться за «политическую свободу». Где этой свободы нет или где ей угрожают, она должна, естественно, забыть о всяких объективных силах, исторических процессах и других пустяках. Когда речь идет о реальных интересах, реальные люди плюют на метафизику. Понятно, что социаль-демократическая интеллигенция готова на всякое усилие и насилие, чтобы раздобыть или сохранить политическую свободу. Русские социаль-демократы поэтому сознательно готовят революцию.

Даже самые умѣренные, т. е. самые последовательные из с.-демократов, люди, вроде Бернштейна, стоят за необходимость сознательно подготовленной революции, когда буржуазное правительство посягнет на главную опору интеллигенции, на всеобщее избирательное право. Но раз избирательное право добыто, с.-демократическая интеллигенция перестает быть непримиримым врагом существующего общества. Наоборот, она вступает в это общество законным сыном.

Она получает в свои руки орудие, с помощью которого она может или надѣется преобразовать существующий строй. Она перестает быть в прежней оппозиции ко всей буржуазии в цѣлом,—она становится только крайней лѣвой. Из презрѣннаго гонимаго пасынка она превращается в капризнаго и требовательнаго сына.

С буржуазией у социаль-демократии одна и та же почва—существующий политический режим—парламент, с той только разницей, что буржуазия хочет посредством парламента «упрочить господство капитализма»*), а социаль-демократия хочет «при помощи парламентаризма его разрушить», правильнѣе преобразовать.

Между тѣм феодальное правительство стремится совершенно уничтожить парламентаризм и хочет таким об-

*) Парвус. Пескра № 110.

разом отнять у интеллигенціи основныя условія ея жизни и господства. Отсюда: непримиримая война «феодалной реакціи» и кокетливая улыбка буржуазному либерализму. Бомбы, ружья, кинжалы и всякое насиліе для строитиваго и правительства дворян и рыцарская любезность буржуазному министерству, превознесеніе массовой политической стачки и пренебреженіе генеральной революціонной стачкой. Отсюда же вытекает и «научная» теорія революціи, которая подобно Янусу, имѣет два лица: одно мрачное, воинственное («суб'ективное»), направленное в сторону феодальнаго дворянства и другое нѣжное, миролюбивое («об'ективное»), ласково созерцающее буржуазію.

Но перейдем от разбора ученія к его исторіи. Что она говорит нам?

С первых страниц мы узнаем, что социаль-демократія далеко не всегда была такой, какой мы видим ее теперь,—и она умѣла быть революціонной. В пору своей юности, когда на ея молодых плечах еще не лежало бремя «государственных забот», когда она еще не была допущена в «хорошее общество», она тоже умѣла выпрямляться в весь свой рост и говорить таким тоном, что трепет охватывал бѣдных мирных буржуа.

«Коммунисты считают позорным скрывать свои цѣли. Они говорят откровенно, что их цѣль может быть достигнута только насильственным разрушеніем существующаго строя. Пусть господствующіе классы дрожат перед коммунической революціей. Пролетаріям нечего в ней терять, кромѣ своих цѣпей. Им предстоит приобрѣсти цѣлый мір. Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь!»

Это говорит не какой-нибудь невѣжественный утопист-анархист, который не понимает, что революціи нельзя совершать. Это говорит «сам» учитель Маркс. Может быть такой революціонный тон был только случайным явленіем далекаго прошлаго? Послушаем Либкнехта. В 1869 г. он сказал, что социализм не является болѣе вопросом теоріи, а есть «вопрос силы». Он не может быть рѣшен в парламентѣ, но на улицах, в битвѣ. Парламент полезен только мелким буржуа. Бебель сказал на партейтагѣ в Ганноверѣ: «кто хочет добиваться цѣли социализма посредством парламентаризма или не знает этой цѣли, или хочет обманывать».

В органѣ гедистов (французских ортодоксальных социаль-демократов) 21 января 1880 года мы читаем: «наше дѣло не в том, чтобы имѣть много депутатов в пар-

ламентъ, наше дѣло организовывать рабочих для революціи».

Поль Брусс — один из самых ярых выразителей современного оппортунизма, говорит в 1888 году: Единственное положеніе, которое должен принять народ во всякой странѣ состоит в том, чтобы разрушать свое правительство постоянно, но никогда в пользу новаго.

Как видите, социаль-демократы умѣли говорить не только почтительным тоном государственных людей, но и языком революціонеров.

Около 80 годов в одной странѣ раньше, в другой позже, в международной социаль-демократіи обнаруживается новое теченіе. Прежній революціонный язык совершенно исчезает, исчезает врезнее непримиримое отношеніе к буржуазному строю. Одни за другими наперерыв вожди социаль-демократіи не только вступают в сдѣлки с буржуазным режимом, но возводят их в принципі.

Либкнехт, тот самый Либкнехт, который с таким презрѣніем говорил о парламентской дѣятельности, написал цѣлую брошюру против всяких компромиссов и был ярым защитником насилія*), начинает толковать о реакціонном вліяніи насилія и революціонном значеніи легальности. Он не только, говорит, он дѣйствует! Он присягает на вѣрность экономическому и политическому строю, чтобы войти депутатом в саксонскій ландтаг. Еще рѣшительнѣе отказался от своего революціоннаго прошлаго Бебель. Ученый теоретик Карл Кауцкій взял на себя доблестную задачу обосновать научно эту измѣну революціонным принципам. Он нашел, что прежняя непримиримая революціонная тактика подобала социаль-демократам, пока они были слабы; когда же социаль-демократы стали силой, они должны заняться политической работой, т. е. дѣлать мелко-буржуазную работу по старому выраженію Либкнехта, обманывать рабочій класс, как любил когда-то выражаться Бебель. Скоро дѣло дошло до того, что начали отрицать всякое значеніе за самостоятельной дѣятельностью рабочаго класса, начали отрицать стачки и все спасеніе видѣли только в одном — в ростѣ числа депутатов.

Впервые рѣзко проявилось новое теченіе на Эрфуртском с'ѣздѣ. С одной стороны, впервые заговорили Фольмар и другіе оппортунисты, с другой стороны, громко возвысили свой голос так называемые «молодые», которые были представителями самаго крайняго лѣваго кры-

*) В брошюру «Без компромиссов» он говорит, что «сила есть оружіе не только королей, но и народов».

ла с-д-ін, предтечи современных революціонных синдикалистов, как они называют себя во Франціи, или анархо-соціалистов, как они называют себя в Германіи. Между двумя крайніми теченіями стояла громадная масса непослѣдовательных и нерѣшительных соціаль-демократов с Бебелем во главѣ. Эти так называемые ортодоксы хотѣли сохранить старую фразеологию и принять новую тактику. Так как дѣло важнѣе фраз, ортодоксы соединились с оппортунистами и с трогательным единодушіем исключили из партіи всѣх «молодых», т. е. самые свѣжіе революціонные элементы тогдашней соціаль-демократіи. Прошло 15 лѣтъ со времени Эрфуртскаго с'ѣзда, что дали эти долгіе годы борьбы и испытаній? Они показали только одно, что будущее принадлежит не Бебелю и Кауцкому, а Фольмару и Бернштейну. Теперь ни для кого не может быть сомнѣнія, что оппортунизм побѣждает вездѣ. Чѣм объясните вы это господа? Неужели вы и теперь станете утверждать, что оппортунизм временное явленіе, увлеченіе нѣскольких лиц? Посмотрите вокруг себя: можете ли вы отличить—по совѣсти говоря—ортодокса от реформиста? Вы безсильны отвѣтить на этот вопрос, потому что откровенный отвѣтъ обнаруживает классовую сущность соціаль-демократіи.

Кто хочет дѣйствительно понять характер и причины совершившейся эволюціи соціаль-демократіи, должен стать на мою точку зрѣнія. Нужно признать, что соціаль-демократія всегда была партіей интеллигенціи и потому всегда была авторитарной, т. е. стояла за власть, за авторитет. Пока она не была признана законом, пока она не имѣла доступа в парламент, она должна была искать опоры в рабочем классѣ. Как буржуазія в эпоху французской революціи самоотверженно шла на борьбу и браталась с рабочим людом, так и соціаль-демократическая интеллигенція пережила пору восторженной юности.

Когда она была политически угнетена, она естественно не церемонилась с буржуазіей, не страдала от положивности и искренно почти цѣликом переходила на «точку зрѣнія» рабочаго класса. Этим объясняется рѣзкій тон Манифеста «коммунистической партіи» и вызывающія выходки Либкнехта, Бебеля, Геда и др. ортодоксов. Когда всеобщее избирательное право открыло доступ в парламент интеллигентам, когда они почувствовали близость власти в своих руках благодаря росту партіи, они не могли сохранить старую тактику: безумно было рисковать карьерой, рисковать своею жизнью для революціонной пропаганды, когда им в руки попало

такое могучее орудіе, как государственная власть. Как буржуазія забыла всё свои прежнія революціонныя фразы, как только она сама стала у кормила правленія, так и соціаль-демократическая интеллигенція распростилась со своим прошлым едва она стала твердою ногой в парламентѣ. Теперь старая тактика, которая выдвинула столько славных самотверженных бойцов, кажется политикам только жалким донкихотством. Стыдитесь, господа, вы отрекаетесь от самаго лучшаго, самаго прекраснаго періода вашей исторіи! Дух революціи ушел от вас, как только вы стали «государственными людьми» и перешел к тѣм, которых вы теперь так величественно третируете «утопистами». Дух революціи ушел к анархистам. Для подтвержденія нашего взгляда на соціаль-демократію, мы можем указать еще хотя бы на исторію ея возникновенія в различных странах.

Вспомните, кто составил главное ядро соціаль-демократіи в Германіи. Развѣ не так называемые «эйзенахцы» с Бебелем во главѣ. А вѣдь они прямо, непосредственно, вышли из рядов буржуазной партіи. А Маркс? Энгельс? А весь союз коммунистов вслѣд за ними развѣ не шли долгое время под руководством буржуазіи? Развѣ они не издѣвались над всякой попыткой самостоятельной организаціи рабочих внѣ буржуазно-демократической партіи? Развѣ всё вожаки основатели соціаль-демократической партіи не вышли из рядов буржуазіи?

Но нѣтъ, я не буду останавливаться на всѣх этих фактах. Послушаем лучше немного самих соціаль-демократов. Понятно, что они в обыкновенное время не скажут нам всей правды. Мы должны разпросить их в такой момент, когда они болѣе склонны к откровенности, в особенности в моменты фракціонной полемики. В таких случаях они не останавливаются перед тѣм, чтобы выдать партійную тайну.

Одна брошюра, вышедшая под заглавіем: «Большинство и меньшинство» особенно интересна. Автор ея в борьбѣ с Лениным иногда настолько выбалтывает нѣкоторыя «конспираціи», что заставляет г. Дана дѣлать ему серьезныя внушенія в видѣ примѣчаній.

«Интеллигенція, говорит автор брошюры, страдает прежде всего от самодержавія, поэтому большинство интеллигентов больше всего интересуется политическими вопросами. Рабочій класс страдает главным образом от классового господства, поэтому его интересует соціальный вопрос в цѣлом—и экономическая и политическая стороны его. В этом кроются причины противоположности их стремленій».

«Большинство интеллигенции выставляет на первый план свержение самодержавия, всю тактику партии она направляет против крепости самодержавия, пренебрежительно относится к профессиональной борьбе и изгоняет ее из ведения социаль-демократической партии: профессиональная борьба, но лишь постольку, поскольку она служит средством политической агитации—вот в какую сторону направляет большинство интеллигентов партию пролетариата».

Автор, очевидно, не имеет никакого представления о тактике европейских социаль-демократических партий. Он наивно думает, что стреляет в одного Ленина, а на самом деле попадает во всю международную социаль-демократию. Он констатирует коренное различие в интересах между интеллигенцией и пролетариатом, он признает противоположность их стремлений и в то же время не замечает, что руководит всеми социаль-демократическими партиями именно эта интеллигенция, что социаль-демократия всей своей тактикой, всей своей деятельностью отстаивает именно политические интересы интеллигенции, что ее стремление торжествует повсеместно. Наивное недоразумение, которое выяснится автору, как только русская социаль-демократия войдет в обычное русло и получит наконец долгожданный парламент.

Наш грузинский социаль-демократ видит характерную черту интеллигентской психологии в пренебрежении к профессиональной борьбе. И опять таки наивный автор не знает, что его стрела попала в сердце самых ортодоксальных социаль-демократов, людей вроде Бебеля. Еще недавно Бебель говорил, что рабочие синдикаты не только не приносят пользы рабочему делу, но вредят освобождению рабочих, ибо отвлекают их внимание от самой главной, самой насущной задачи, от завоевания политической власти посредством парламента. Наш автор, повидимому, не подозревает, какую жестокую борьбу пришлось выдержать немецким синдикатам с германской социаль-демократией, которая стремилась всеми силами подчинить их себе, превратить в простые избирательные комитеты. Недаром немецкие синдикаты не хотят праздновать первое мая, которое выродилось только в пустую политическую манифестацию. Но не только в Германии, в Австрии, но и во Франции, Италии, Испании, в Америке, в Англии, словом везде только, где существует социаль-демократия, везде признается «профессиональная борьба», но «лишь постольку, поскольку она служит средством политической агитации». Значит, если верить нашему грузинскому социаль-демократу, везде торжеству-

ет интеллигентская психологія, вездѣ социаль-демократія по своей тактикѣ есть партія интеллигенціи.

Мнѣ скажут—цитируемый неизвѣстный не может быть выразителем социаль-демократіи. Обратимся же к такому видному, авторитетному теоретику, как г. Георгій Плеханов.

В 1888 году, когда русская социаль-демократія только зарождалась, заботы русских социаль-демократов естественно направлялись на то, чтобы организовать партію. Интересно поэтому послушать их в такой момент, узнать от них самих, на какіе общественные элементы они хотят опереться, каковы их главные задачи, в чем их идеал. В такой-то момент написана г. Плехановым статья: «Как добиться конституціи?» Уже само название характерно: социаль-демократическая партія организуется не для полного уничтоженія поработенія работника капиталом, а для того, чтобы «добиться конституціи».

Далѣе, к кому обращается этот будущій вождь русской социаль-демократіи? Не к русским рабочим, а к русским либералам. В одном мѣстѣ он так и говорит: «мы думаем, что еслибы наши либералы дѣйствительно хотѣли добиться политической свободы, то они в концѣ концов не могли бы придумать ничего лучшаго, как пристать к социалистам»^{*)}).

Итак «философ» социализма полагает, что социаль-демократія есть лучшее убѣжище для буржуазных либералов. Он доходит до того, что откровенно выставляет самой главной задачей социаль-демократіи — политическую свободу, ради которой он готов не только вступить в союз с либералами, но и отказаться от социализма.

«Если бы могли хоть немного приблизить его (т. е. политическій переворот) своим превращеніем в либералов, колебаться было бы недѣло и преступно. Мы не только могли бы, но мы обязаны были бы забыть обо всем на свѣтѣ, кромѣ этих двух слов: политическая свобода. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о социализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своим доктринерством они задержали бы его политическое развитіе. Бѣда лишь в том, что в дѣйствительности дѣло обстоит совсѣм иначе: превратившись в либералов, социалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи».

Обратите вниманіе на то, что теоретик русской социаль-демократіи считает бѣдой: «бѣда» для него в том, что он не имѣет возможности вполне превратиться в ли-

^{*)} «На два фронта» стр. 99.

берала, т. е. совершенно отказаться от клички социалиста. Плеханов—либерал не потому, что это необходимо для социализма, но он называет себя социалистом потому, что это необходимо для торжества либерализма. Можно ли болѣе ясно выразить мысль, что современный, так называемый «научный» социализм есть только послѣдовательный демократизм? Старые демократы опирались на мелкую буржуазию, преимущественно крестьянство и интеллигенцію, и их экономическая программа естественно, вращалась в области расширения мелкаго землевладѣнія, дешеваго кредита и т. д. Новая демократія поняла необходимость опереться на пролетарскія массы и потому внесла в свою программу ряд рабочих требованій и назвала себя социаль-демократіей. Но она плоть от плоти, кость от кости буржуазной демократіи.

Другое цѣнное призваніе дает нам другой видный лидер русской социаль-демократіи Ленин в своей прекрасной работѣ «Что дѣлать?» Он успѣшно приводит ту мысль, что социализм нисколько не вытекает из условій жизни и борьбы рабочаго класса, трэд—юніонизм ни ком-им образом не ведет к социализму. По его мнѣнію, социалистическое сознаніе приносится рабочим извнѣ интеллигенціей. Да и в самом дѣлѣ, какое отношеніе имѣет рабочій синдикат, созданный для непосредственной борьбы с капиталом, с грезами о «захватѣ» парламента? Профессиональная борьба есть борьба за долю продукта; логически развиваясь, она может и должна привести к борьбѣ за весь продукт, за коммунизм. Но каким образом она может привести к необходимости захвата власти посредством избирательной записки? Далѣе. Профессиональный союз есть организація работников, занимающих однородное положеніе в процессѣ производства, организація, которая самой жизнью толкается к участию в руководствѣ производством (норма рабочаго дня, гигиена, пріем и расчет рабочих и т. п.) Отсюда с теченіем времени может логически развиться идея о переходѣ всей организаторской роли по отношенію ко всему производству в руки исключительно свободных союзов работников. Это—анархизм и ничего общаго не имѣет с вождельніем социаль-демократов, чтоб руководство производством было передано в руки демократическаго начальства. Тысячу раз прав Ленин, когда он заявляет что социализм нисколько не вытекает из экономической борьбы работников, что социаль-демократы должны «свернуть» рабочих с экономики на политику.

Трудно ярче выразить ту мысль, что «научный» социализм есть продукт буржуазной интеллигенціи, кото-

рая свое кровное дѣтище хочет подбросить и навязать рабочему классу, чтобы «созратить» его с пути, который ведет к полному уничтоженію всѣх существующих общественных отношений, и толкнуть на путь буржуазнаго политиканства. Трудно точнѣе выразить мысль, что социаль-демократія есть организованная интеллигенція, которая ведет за собою одураченныя темныя массы рабочих:

ХІІІ.

Захват власти.

Я придаю громадное значеніе разногласіям в пониманіи идеала. Я даже пытался доказать, что пониманіем идеала опредѣляется сама тактика. Но все же я должен тут сказать, что партія не религіозная секта, а политическій союз, который ставит себѣ опредѣленныя чисто практическія задачи уже в настоящем, а не ко времени второго пришествія. Практическія задачи требуют опредѣленных практических дѣйствій. Именно эти дѣйствія, т. е. тактика, кладут непроходимые барьеры между партіями. Анархист может по чисто научным соображеніям считать болѣе осуществимым коллективизм, чѣм коммунизм. В Испаніи и до сихъ есть анархисты-коллективисты. Но анархист перестаетъ быть самим собою, когда под какой-либо формой становится на точку зрѣнія парламентаризма. Точно так же социаль-демократ может быть коммунистом, не переставая быть социаль-демократом, но он дѣлаетъ крупный шагъ в нашемъ направленіи, отвергнувъ парламент и признавъ революціонную всеобщую стачку. Слово, партіи, подобно людям, отличаются друг от друга больше своимъ повседневнымъ образомъ жизни, чѣм своими представленіями о далекомъ будущемъ.

Основная тактическая идея социаль-демократіи выражается двумя простыми словами: захватъ власти. Эрфуртская программа—этотъ классическій документъ международной социаль-демократіи—гласитъ такъ: «Онъ (рабочій классъ) не можетъ осуществить передачи средствъ производства в руки общества, не овладѣвши политической властью». В резолюціи, принятой на международномъ парижскомъ конгрессѣ 14—21 іюня 1889 г., мы читаемъ: «Парижскій международный конгрессъ постановляетъ:

Что во всѣхъ странах, гдѣ пролетаріи обладаютъ изби-

рательными правами, они должны вступить в ряды социалистической партіи, не идущей на компромиссы с другой политической партіей и пользуясь своими правами голоса, стремиться на почвѣ даннаго строя к завоеванію политической власти; что во всѣх странах, гдѣ пролетаріи лишены избирательнаго права и конституціонных прав, они должны бороться за право полученія голоса всѣми средствами, которыми располагаютъ.

На международном конгрессѣ в Лондонѣ 1896 г. резолюція о «политических дѣйствіях» выражается так:

«Под политическими дѣйствіями конгресс понимает борьбу, организованную во всѣх формах ея проявленія, для завоеванія рабочим классом политической власти с цѣлью своего освобожденія и для приложенія этой власти в законодательной и административной (?) работѣ в государствѣ и общинѣ;

2) «Конгресс об'являет, что завоеваніе политической власти есть лучшее средство для рабочих достигнуть полнаго освобожденія--человѣческой и гражданской свободы, благодаря которой они смогут установить социалистическую республику.

Он обращается к рабочим всѣх стран и призывает их об'единиться в одну, отличную от всѣх буржуазных партій, и выставить слѣдующія требованія:

Всеобщую подачу голосов всѣх взрослых;

Право быть выбранным для каждаго взрослоаго;

Избраніе путем баллотировки;

Право петицій и референдума, мѣстнаго и національнаго;

.

5) «Он (конгресс) призывает трудящихся всѣх стран бороться рука об руку с рабочим классом всѣх стран и организовать с ним, чтобы низвергнуть международный капитализм и установить господство социаль-демократіи».

Наконец, резолюція парижскаго конгресса 1901 года заключает слѣдующую важную мысль: «При современном демократическом правленіи завоеваніе политической власти пролетаріатом не может явиться результатом какого-нибудь смѣлаго нападенія, но как слѣдствіе долгой и трудной работы по организаціи пролетаріев на экономической и политической почвѣ, как результат физическаго и нравственнаго возрожденія рабочаго класса и постепеннаго завоеванія муниципалитетов и законодательных собраній».

Так говорят авторитетные официальные документы международной социаль-демократіи Сочиненія ея вы-

дающихся представителей раз'ясняют эти мысли на тысячу ладов. На партейтагѣ в Іенѣ Бебель выразился так: «По той самой логикѣ, по которой угнетенные классы в исторіи человечества до сих пор захватывали государственную власть, чтобы затѣм преобразовывать государство и общество в своих классовых интересах, и послѣдній угнетенный класс—пролетаріат, должен захватить политическую власть, чтобы с ея помощью создать тѣ социальныя установленія, которыя сдѣлают его мощь несокрушимой»^{*)}.

В одном мѣстѣ К. Кауцкій говорит: «пролетаріат освободит себя лишь тогда, когда он организуется в самостоятельную политическую партію, которая завоеует государственную власть»^{**)}. В другом мѣстѣ эту же мысль он выразил нѣсколько иначе.

«Уже теперь, говорит он, всѣм становится ясным, что истинно парламентскій режим может быть таким же орудіем диктатуры в руках пролетаріата, каким он сейчас является в руках буржуазіи». «Важнѣйшим шагом по пути пролетарской революціи является в истинно парламентских странах завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; в странах же конституціонных к этой задачѣ присоединяется еще другая—утвержденіе истинно парламентскаго режима»^{***)}.

Я очень подробно цитировал социаль-демократическіе источники потому что для пониманія теоріи «захвата власти», необходимо ея всестороннее освѣщеніе. Теперь она представляется нам довольно ясной во всѣх своих существенных чертах. Она, повидимому складывается из трех главных положеній: о роли государства, как фактора прогресса, о значеніи современнаго парламента и о цѣнности всеобщаго избирательнаго права.

Первородным грѣхом социаль-демократіи является ея глубоко ошибочное пониманіе характера государства. В социаль-демократической литературѣ вы найдете несчетное количество взаимно-противорѣчивых опредѣлений значенія государства в будущем. Но во всем, что касается прошлаго и настоящаго у всѣх социаль-демократических теоретиков несомнѣнно господствует одна идея что государство было и является носителем культуры. Отсюда, естественно, дѣлается вывод, что каждый угнетенный и прогрессивный класс должен стремиться овла-

^{*)} А. Бебель «О политической массовой стачкѣ». Изд. «Луч». стр. 26.

^{**)} К. Кауцкій «Республика и с-д-ія во Франціи». Издан. Алексѣевой 1906. стр. 28.

^{***)} К. Кауцкій «Парламентаризм и народное законодательство». Изд. «Демос» 1905. стр. 111.

дѣтъ этим орудіем прогресса-государственной властью. Взгляд этот не выработан марксистами, а заимствован у буржуазных революціонеров. С особенной силой развивали и примѣняли эту теорію французскіе якобинцы. Бабеф, вышедшій из их среды, унаслѣдовал этот взгляд цѣликом; от него он перешел к бланкистам, которые передали его Марксу. От послѣдняго это печальное наслѣдство перешло к современным социаль-демократам. Ортодоксальные социаль-демократы отличаются от якобинцев и бланкистов только пониманіем наилучшаго способа захвата власти, но не в оцѣнкѣ самого значенія этой власти. Бланкисты отстаивали необходимость тайной, конспиративной организаціи революціонеров, которая при благоприятных обстоятельствах вооруженным нападеніем на государство захватывает власть в свои руки. Социаль-демократы считают мирный, легальный, парламентскій способ болѣе вѣрным и болѣе близким. Бланкисты—конспираторы и революціонеры, марксисты—легалисты и эволюціонисты. Но и тѣ и другіе—настоящіе идолопоклонники государства; и тѣ и другіе социальную революцію считают революціей политической (в узком смыслѣ слова).

Раньше всего, мы должны отмѣтить, что этот фетишистическій взгляд на государство находится в вопіющем противорѣчій со всей человѣческой исторіей. Государство никогда и нигдѣ не играло роли носителя прогресса. Оно создано господствующим классом в незапамятныя времена с явной цѣлью защиты его господства. Оно мѣняло свои формы в пространствѣ и во времени но оно никогда не брало и не могло брать на себя фантастической роли носителя какого-то культурнаго прогресса. Да и что такое этот прогресс? Кто стоит на классовой точкѣ зрѣнія, знает, что нѣтъ прогресса вообще, а есть прогресс того или иного класса. Государство всегда «носило» только свой собственный прогресс, т. е. интересы господствующаго класса в цѣлом. Эти интересы оно должно было отстаивать извнѣ от нападеній иностранных господ, изнутри—от угнетенных. Иногда с общеклассовыми интересами господ сталкиваются частные интересы отдѣльных членов господствующей касты. Тогда государству приходится вступить в борьбу и с отдѣльными лицами командующаго класса. Но и это обстоятельство только подтверждает наш взгляд, что государство не что иное как спеціальныи механизм, имѣющій только одно назначеніе—поддерживать основы существующаго строя. Государство ни реакціонно, ни прогрессивно, оно абсолютно консервативно по самому существу. Нужно поэтому быть

таким бюрократом как Ф. Лассаль, чтобы сказать: «Но в том-то и состоит задача и назначение государства, чтобы облегчить великіе культурные успѣхи человѣчества и помогать им. В том его призваніе. Для этого оно и существует; на это оно всегда служило и должно служить»*).

Государство не только не знало «призванія» «облегчать» и «помогать», но и уступало самым назрѣвшим реформам с большим трудом. Всякія крупныя перемѣны до сих пор проводились фактически самим возставшим народом и когда государственная власть не в силах была взять их обратно, она узаконяла их. Государство не создает, а регистрирует побѣдоносную реформу. Эта мысль так очевидна, что ее признал косвенно «сам» Кауцкій, который о Французской Революціи говорит так: «Они (мѣщане, крестьяне и пролетаріи) вооружились, штурмовали Бастилію, сжигали замки феодалов, сбросили с себя всѣ феодальныя тягости и начали сами управлять своими общинами. Учредительное Собраніе узаконило только то, что совершил сам народ**))». В другом мѣстѣ той же книги он утверждает: «Подобное имѣло мѣсто в ночь на 4-ое августа 1789 г., когда дворянство и духовенство добровольно отреклось от свих привилегій, которыя, если трезво смотрѣть на это событіе, возмущившійся народ уже значительно раньше фактически разбил вдребезги».

Можно смѣло сказать, что вся исторія является опроверженіем' социаль-демократической мысли будто, по выраженію Бебеля, угнетенные классы захватывали государственную власть чтобы затѣм преобразовать государство и общество в своих классовых интересах. Вѣрно как раз противоположное: угнетенные классы раньше с оружіем в руках преобразовывали экономическія отношенія, а затѣм создавали новую политическую организацію для охраны совершившагося переворота. Я подчеркнул «новую», чтобы отмѣтить другую ошибку, которую проповѣдуют социаль-демократы. Они предлагают пролетаріату овладѣть существующей государственной властью—парламентом, чтобы с его помощью произвести социальную революцію, между тѣм как французская революція на которую они любят ссылаться, дает совсѣм другой примѣр. Французская буржуазія не стремилась овладѣть королевским деспотизмом, чтобы заставить его служить

*) Ф. Лассаль «Гласный отвѣтъ». Изд. «Буревѣстник» 1905, стр. 34.

***) К. Кауцкій «Республика и с-д-ія во Франціи». Изд. Алексѣевой 1906, стр. 12.

своим интересам; наоборот, она разрушила эту старую форму политической власти и создала новую, специфически—буржуазную форму господства—парламентаризм. Чтобы быть болѣе послѣдовательными подражателями французских якобинцев, социаль-демократы должны были бы ставить себѣ цѣлью уничтоженіе современной буржуазной парламентарной формы государства и созданіе новаго пролетарскаго государства для проведенія в жизнь требованій пролетаріата. Но и этот болѣе послѣдовательный взгляд, как мы видѣли уже, в корни невѣрен. На дѣлѣ не новая политическая власть преобразовала экономическія отношенія, а наоборот, она сама выросла из фактическаго уничтоженія феодальных привилегій, из фактическаго ниспроверженія экономической основы феодализма. Экономическая революція предшествовала политической. Иронія судьбы: социаль-демократы уши прожужжали своим экономическим матеріализмом, а когда им приходится коснуться вопроса о государствѣ, они становятся на чисто идеалистическую точку зрѣнія. В самом дѣлѣ, каково отношеніе экономики к политикѣ по учению марксистов? Они никогда не затрудняются отвѣтить, что политика есть только «надстройка» над *экономической базой. Каким же образом эта надстройка может радикально передѣлать самую базу, над которой она возвышается? Каким образом государство—надстройка старых общественных отношеній—может провести в жизнь новый социальный принцип? Как может марксист, стоя на своей пресловутой матеріалистической точкѣ зрѣнія, стремиться к завоеванію политической власти раньше, чѣм не уничтожена старая экономическая база? Куда дѣвают «ортодоксальные марксисты» свое матеріалистическое пониманіе (?) исторіи?

Гораздо послѣдовательнѣе разсуждает Бернштейн, так несправедливо оклеветанный ортодоксами за его прямодушіе, откровенность и послѣдовательность. Бернштейн исходит из того чисто марксистскаго взгляда, что экономика вполне опредѣляет политику. Поэтому рабочій класс достигнет господства тогда, когда этого будут требовать экономическія отношенія и рабочій класс постепенно созрѣет. Но тогда не нужно «захватывать» ее: она неизбѣжно перейдет в руки рабочих.

Поэтому, теперь Бернштейн считает только пустой революціонной фразеологіей всякіе разговоры о «захватах», «диктатурах» и других страшных вещах и предлагает чисто по-марксистски сосредоточить все вниманіе и работу на экономикѣ—трэд-юніонизмѣ, коопераціях,

реформах. На эти резонные и чисто-марксистскія разсужденія ортодоксальные политиканы отвѣтили безпрерывным градом оскорбленій, но взгляд Бернштейна остался неопровергнутым. Правда, ортодоксы не могут никогда открыто признать правоту Бернштейна, потому, что такое признаніе есть уничтоженіе послѣдних остатков революціонизма, т. е. революціонной фразы, из которой ловкіе политиканы умѣют извлечь все человѣчески возможное. Когда они обращаются к власти, они говорят буквально то же самое, за что залили грязью Бернштейна. Когда им приходится спорить с нами, революціонерами, они одѣвают старые боевые доспѣхи—и тогда земля начинает дрожать от звучных слов: революція, диктатура, захват власти, упраздненіе государства, полное уничтоженіе эксплуатаціи и т. д., и т. д. Но этот набор фраз не может скрыть от нас того несомнѣннаго факта, что послѣдовательность на сторонѣ Бернштейна, а не Кауцкаго, и что, стало быть, послѣдовательный марксизм ведет к мирной тактикѣ реформ, а не к революціи. Еслиб не было нас, зловредных анархистов, ортодоксія давно уже открыто признала бы выводы Бернштейна. Но она прекрасно знает, что это признаніе оттолкнуло бы от социаль-демократіи всѣ революціонные элементы к нам и постепенно лишило бы ее всякаго вліянія на рабочія массы. Вот почему приходится дурачить простодушных и нерѣшительных революціонными фразами, в которыя сами авторы не вѣрят.

Ортодоксія не могла справиться с критикой Бернштейна, который на почвѣ марксизма непобѣдим. Это чувствует даже сам «великій» Кауцкій, который свою книгу против Бернштейна начинает с оригинальнаго признанія, что Бернштейн, собственно, ничего не внес в тактику и многіе взгляды Бернштейна были раньше его высказаны им самим, г. Кауцким, и такими заядлыми и нахальными ортодоксами, как Парвус, Люксембург и др. Дѣйствительно, кто хочет выпутаться из паутины фраз, должен порвать совершенно с марксистским взглядом на государство.

Государство не надстройка над чѣм бы то ни было. Только идиоту придет в голову считать, напримѣр, такой орган, как руки, надстройкой над тѣлом. Государство есть общественный орган, который взрастил и развил господствующій класс для охраны своих привилегій. Государство мѣняет свою форму не потому, что метафизически «отражает» экономическія отношенія, а потому, что господствующій класс приспособляет форму власти к экономическому строю жизни так, чтобы всего лучше

охранять свои привилегіи. Безсмысленно прѣтому, с помощью государства, созданнаго и служащаго для охраны современнаго экономическаго строя, стремиться разрушить послѣдній. Добиваться захвата данной государственной власти или созданія новой должна такая общественная группа, которая нуждается в организованной силѣ для охраны новых привилегій. Поэтому буржуазія, уничтожая феодальныя привилегіи собственности, создала и новый орган для своей защиты—современное буржуазное государство. Но какія привилегіи намѣрен создать пролетаріат, во имя котораго его самозванные представители стремятся к власти на плечах рабочих? Анализ социальнаго состава руководящих и направляющих сфер социаль-демократических партій дает нам ключ к пониманію вопроса. Активный и вліятельный элемент социаль-демократіи цѣликом рекрутируется из так называемаго «новаго третьяго сословія»—управляющих, директоров, техников, инженеров, адвокатов, журналистов, чиновников, словом из той группы, которую нужно считать по справедливости организатором, руководительницею современной экономической жизни. Как бы ни падало вознагражденіе за так называемый организаторскій «труд», привилегированное положеніе организатора несомнѣнно. Капиталист может не получать никакой прибыли от предпріятія, он может совершенно раззоряться, но в своем самом убыточном предпріятіи он все таки эксплуататор, потому что занимает привилегированное положеніе. Подобное положеніе занимает и организаторская группа. Перепроизводство интеллигентных сил понижает жалованье умственных работников, но тѣм не менѣе, независимо от своего жалованья инженер или управляющій занимает в предпріятіи привилегированное положеніе: он получает плату не за опредѣленное количество своего труда, а за то, что дѣлает чужой труд возможно болѣе производительным и прибыльным для капиталиста.

Собственно говоря, теперь дѣйствительным, непосредственным эксплуататорам рабочаго класса является не буржуазія, а это «новое среднее сословіе». К своему глубокому сожалѣнію, оно только не пользуется выгодами своей эксплуатаціи.

В этом отношеніи эта группа занимает теперь положеніе, поразительно подобное тому, которое занимала буржуазія до своей революціи. Буржуазія тогда фактически рукоовдила всей экономической жизнью, но прибыль, добытая ею, в большей части уходила в бездонные карманы духовенства, дворянства и двора. К чему она стремилась? Она хотѣла уничтожить фикцію-феодалъ-

ную форму собственности, благодаря которой она, буржуазія, реальная руководительница экономической жизни, должна была дѣлиться своей добычей. В таком же положеніи теперь современная организаторская группа. Фактически она во главѣ экономического строя, но добыча, которую она высасывает из рабочих, в значительной части переходит к капиталисту только благодаря устарѣвшей фикціи—фикціи частной собственности. Чего должно хотѣть это «новое среднее сословіе»? Того же, что и старое: устраненія этой фикціи и замѣны ея такой формой собственности, которая передала бы всю прибавочную цѣнность фактическим организаторам. Для этого должны быть уничтожены всѣ привиллегиі собственности, но должна получить признаніе послѣдняя из привиллегиій—организаторство, так называемый умственный труд. Нужно оставить право господствовать только за группой организаторов. Соціально-демократическое государство наилучше удовлетворяет этим полусознательным и полунстинктивным вождельніям новаго средняго сословія. Вѣдь, каждому ясно, что стремиться к созданію правительства, которое руководило бы всѣм производством, обмѣном и распределеніем, значит создавать именно правительство специалистов промышленнаго производства, правительство управляющих, инженеров, техников и т. д. Такое государство уничтожает привиллегиі собственности, но создает новую и послѣднюю привиллегию—привиллегию организаціи труда. До сих пор эта привиллегиа соединялась с какой-нибудь другой: напримѣр, владѣніем рабочими, владѣніем землею, владѣніем вообще. Буржуазная революція уничтожила всѣ привиллегиі кромѣ двух: привиллегиі собственности и привиллегиі организаціи. Коллективисты хотят уничтожить и привиллегию собственности, но оставляют послѣднюю базу господства--организаторство, команду производителей. В соціально-демократическом государствѣ до них существовавшая привиллегиа—организація труда—выступает впервые в оголенном видѣ, без всяких прикрас. Это можно здраво объяснить только тѣм, что направляющая группа в соціально-демократическом движеніи—«новое среднее сословіе»--заинтересовано в сохраненіи послѣдней привиллегиі. Оттого соціально-демократическіе вожди не жалѣют пыла для критики частной собственности. но пишут злобой, клеветой, и грязью на нас за то, что мы критикуем государство. Государство должно остаться, потому что разрушеніе его уничтожает привиллегию «умственного труда». Оттого его и нужно захватить вопреки исторіи, логикѣ и самому марксизму. Оттого

же мы революционные анархисты стремимся к свободному сотрудничеству, хотим не захватить, а совершенно разрушить государство и замѣнить принудительную организацію труда свободными союзами самих производителей.

XIV.

Д в ъ д и к т а т у р ы .

Соціаль-демократія считает необходимым условием соціальной революціи захват власти. Но как захватить власть в современном обществѣ? В этом отношеніи соціаль-демократія пережила серьезную эволюцію. В началѣ в пору своей юности, когда ея вожаки еще не были «государственными мужами», она видѣла только одно средство—вооруженное возстаніе. «Манифест Коммунистической Партіи» прямо говоритъ о необходимости «насильственнаго ниспроверженія всего существующаго строя». В 60-х и 70-х годах даже в средѣ германской соціаль-демократіи презрѣніе к мирному парламентаризму было широко распространено. Теоретическим выразителем тогдашняго антипарламентаризма был сам «солдат революціи» Вильгельм Либкнехт. Его брошюра*) до сих пор является прекрасным оружіем в руках врагов троицы—парламентаризма, легализма и оппортюнизма. Во Франціи враждебное отношеніе к парламенту было очень сильно еще в 90-х годах. В это время французскіе ортодоксы, гедисты, далеки были от теперешней вѣры в «революцію посредством избирательнаго листка» и проповѣдывали всеобщую стачку и возстаніе.

Каковы бы ни были причины, заставившія измѣнить взгляд на парламент, несомнѣнно только одно: теперь международная соціаль-демократія стала партией парламентарной и, стало быть, легальной и оппортюнистической по необходимости. Теперь, как мы видѣли выше из многих цитат, орудіем соціальной революціи считается парламент, совершить соціальную революцію значит овладѣть большинством в парламентѣ. Но кто хочет со-

*) «Тактика соціаль-демократіи, как политической партіи».

вершить революцію посредством законов, должен уважать существующіе законы. Отсюда ясно, что признаніе парламентскаго захвата власти необходимо ведет к признанію существующаго строя законным, пока законная власть не перійдет законным образом в руки соціаль-демократіи. Это есть отказ от революціи, который превратил соціаль-демократію фактически в партію, стоящую на почвѣ буржуазнаго міра, в партію буржуазную, как бы часто соціаль-демократы ни склоняли слово «революція». Вожди соціаль-демократіи это прекрасно понимают и часто достаточно честны, чтобы это откровенно выставить. Бебель никогда почти не упускает случая живо протестовать против тяжкаго обвиненія в «революционности». В своей Ганноверской рѣчи против Бернштейна он говорит с обычным самодовольством: «Если сторонники буржуазнаго общества так глупы, что думают, будто мы желали бы произвести насильственную революцію и пробить своими черепами стѣну, то мы, право, неотвѣтственны за их глупость» *). В другом мѣстѣ он говорит: «Нелѣзно думать, что соціаль-демократы желают силой измѣнить современное положеніе вещей; они желают понятно, насколько это от них зависит, лишь мирнаго развитія. Экономическія отношенія невозможно измѣнить насильственно» **).

Кауцкій с своей стороны, не жалѣет крѣпких слов по адресу тѣх, кто полагает, что буржуазія не откажется добровольно от своих привилегій, и потому насильственную революцію считают необходимой. Странна при этом терминологія его. Насильственную революцію он называет «революцію в полицейском смыслѣ слова», а «революцію» посредством законнаго овладѣнія парламентским большинством он называет «революціей в настоящем научном смыслѣ» ***). Почему насильственная революція попала в немилость у политиканов, заигрывающих с высшими «сферами» и соперничающих с г. Бюловым в пониманіи «истинно государственных интересов» и «истиннаго патріотизма»—вполнѣ понятно. Не понятно только, почему революція с разрѣшенія полиціи не называется ея настоящим именем—полицейской, а титулуется почему-то «научной». Неужели научно только то, что разрѣшено полиціей? Неужели наука и полиція синонимы? Преклоненіе пред законностью и мирностью было еще характерной чертой Ласалья. Потом Эн-

*) Изданіе «Буревѣстник». 1905. стр. 49.

***) Бебель «Грѣхи центра». Изд. Козмана, 1905. стр. 8.

***) «Нѣтъ больше соціаль-демократіи».

гельс пришел к выводу, что на «законности» социаль-демократы «нагуливают себѣ красныя щеки». В резолюціи против анархистов, вынесенной на с'ѣздѣ германской социаль-демократіи в Сен-Галленѣ в 1887 году, мы читаем: «Тактика единоличнаго примѣненія насилія не ведет к цѣли и, ослабляя в массах чувство законности*), является положительно вредной, а потому и предосудительной». С тѣх пор воспѣвать законность вошло в обыкновеніе. В настоящее время социаль-демократія понимает захват власти в смыслѣ законнаго захвата парламентскаго большинства, под диктатурой пролетаріата она понимает парламентскую диктатуру.

Мы отвергли теорію захвата власти вообще. Тѣм болѣе понятно наше отрицательное отношеніе к мирному, легальному захвату парламента. Если теорія революціоннаго захвата власти нам кажется утопической, потому что ставит себѣ утопическую задачу—произвести переворот во всѣх общественных отношеніях при помощи декретов и полиціи, то проповѣдь легальности и «воспитаніе чувства законности» нам представляются уже открытой измѣной рабочему классу. У нас нѣтъ достаточно сильных слов, чтобы заклеить этот постыдный подмѣн революціоннаго возстанія народа безобидно-мѣщанской подачей избирательнаго билетика. Да, мы давно объявили себя неутомимыми врагами парламентской диктатуры главарей одураченнаго пролетаріата. Значит ли это, что мы против *диктатуры пролетаріата» вообще?

Раньше, чѣм отвѣтить на этот вопрос, нам нужно объясниться. Почему мы против социаль-демократической «диктатуры»? Потому-ли, что мы против насильственнаго давленія пролетаріата на реакціонные классы? Это идеологія поповскаго «непротивленія злу», а не идея революціоннаго анархизма. Революціонные анархисты тѣм и отличаются от социаль-демократических миротворцев и соглашателей, что всегда без обиняков твердили рабочему народу, что нечего надѣяться на миролобіе или «здравый смысл» буржуазіи при рѣшеніи рабочаго вопроса, что нужно будет неизбѣжно прибѣгнуть к вершителю всѣх судеб, к послѣднему дѣйствительному судѣ в гражданской войнѣ—к насилію. Мы, стало быть, против парламентской диктатуры не потому, что она предполагает насиліе, а потому, что она бесполезна, ибо невозможно произвести социальную революцію посредством декретов; вредна, ибо лишает рабочих инициативы. Если всякую теорію насильственнаго переворота в обще-

*) Ослабляет чувство законности! Da liegt der hund bergaben.

ственных отношеніях называть диктатурой, то мы самые страстные защитники диктатуры, но не кучки денутатов, а широких масс пролетаріата, и не в парламентах, а на улицѣ. Мы единственные, послѣдовательные защитники дѣйствительной, а не фиктивной диктатуры.

Как же представляется нам дѣло? Первымъ необходимымъ условіемъ «диктатуры» пролетаріата является всеобщая стачка. Соціалъ-демократы сдѣлали все мыслимое, чтобы затуманить этотъ поразительно-ясный вопросъ и намъ волей-неволей приходится остановиться на немъ. На международномъ соціалистическомъ конгрессѣ в Цюрихѣ в 1893 году была вынесена резолюція, которая до послѣдняго времени выражала общепринятое мнѣніе в соціалъ-демократическихъ кругахъ. Вотъ что гласитъ эта резолюція. «Полагая, что успѣшное веденіе стачекъ возможно только при особыхъ обстоятельствахъ и с особой цѣлью, которыя не могутъ быть опредѣлены заранее; что всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разныхъ странъ, но лишь только она станетъ возможной, какъ исчезнетъ в ней подобность; полагая сверхъ того, что всеобщая стачка даже в предѣлахъ одной страны можетъ дать благотворные результаты лишь в томъ случаѣ, если она ведется мирно, потому что первыми страдать отъ голода будутъ стачечники, а это должно ихъ принудить къ сдачѣ, и потому, что стачка, сопровождаемая насиліями будетъ безжалостно раздавлена за это правящими классами.

Конгрессъ об'являетъ:

При современныхъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ всеобщая стачка можетъ быть проведена с успѣхомъ самое большее в отдѣльной отрасли промышленности; массовыя стачки, правда, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ оказаться очень сильнымъ орудіемъ не только в экономической борьбѣ, но и в борьбѣ политической. Впрочемъ, для цѣлесообразности пользованія этимъ орудіемъ требуется могучая синдикальная и политическая организація рабочаго класса. Поэтому конгрессъ рекомендуетъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ энергично работать надъ созданіемъ такой организаціи и отъ вопроса о всемірныхъ стачкахъ переходитъ къ порядку дня». Эта резолюція является в своемъ родѣ классической,—ибо сконцентрировала в себѣ рѣшительно всѣ доводы противъ всеобщей стачки, такъ что слѣдующіе конгрессы только ссылались на нее. Мы должны поэтому удѣлить ей нѣсколько наше вниманіе. Будемъ разсматривать ее по порядку, с самаго начала.

...«Успѣшное веденіе стачекъ возможно только при особыхъ обстоятельствахъ и с особой цѣлью». Несомнѣн-

ная, святая истина! Мы охотно принимаем это положеніе без всяких возраженій. Но я понять только не могу, какое отношеніе имѣет эта мысль к отрицанію всеобщей стачки? Не только успѣшныя стачки, но и вообще всякое успѣшное человѣческое дѣйствіе мыслимо «только при особыхъ обстоятельствахъ и с особой цѣлью». Я скажу еще больше: не только успѣшныя дѣйствія, но и всякія дѣйствія вообще возможны не иначе, как при опредѣленныхъ условіяхъ. Что же такое эта мудрая фраза, как не переливаніе изъ пустого въ порожнее?

«Всемирная стачка неудобноисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разныхъ стран». Раньше всего, нужно отмѣтить, что анархисты никогда не думали втянуть в стачку, эксимосов, индійцев, самоѣдов, чукчей и прочіе народы той же ступени развитія. Даже азіатскіе и африканскіе народы не входят в наши расчеты. Мы думаемъ посредствомъ всеобщей стачки приступить к уничтоженію буржуазнаго господства и уж по этой простой причинѣ мы не можемъ мечтать о всемирной стачкѣ, потому что не вездѣ имѣются необходимые элементы—буржуазія и пролетаріат. Наша всеобщая стачка относится только к странамъ капиталистическимъ. А в этихъ странах, какъ показалъ опыт, который выше доктринерскихъ фразъ политикановъ, «весьма различная степень экономическаго развитія» не является препятствіемъ всеобщей стачкѣ. Испанія, Италія, Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Швейцарія, Россія—страны, сильно отличающіяся в промышленномъ развитіи, а всѣ были ареной болѣе или менѣе грандіозныхъ всеобщихъ стачек. В нѣкоторыхъ странахъ эти стачки были бы еще грандіознѣй, еслибы трусливые «вожди» пролетаріата не вступили в постыдный союзъ с буржуазіей и не били бы отбоя какъ разъ в тотъ моментъ, когда стачка грозила принять революціонный характеръ, какъ на примѣр, в Бельгіи и Голландіи*). Возможность всеобщей стачки опредѣляется не количествомъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ, а революціоннымъ настроеніемъ работниковъ. Этимъ об'ясняется что страны, менѣе развитыя в промышленномъ отношеніи,

*) С какимъ безстыдствомъ ведетъ себя Германская соціаль-демократія по отношенію ко всеобщей стачкѣ, показываетъ знаменитый инцидентъ с тайнымъ совѣщаніемъ по этому поводу в февралѣ 1906 г. вскорѣ послѣ Іенскаго партейтага. Хотя нѣкоторое представленіе объ этомъ позорномъ инцидентѣ, в которомъ обнаруживается вся липецкѣйшая лживость политикановъ, можно получить изъ брошюры, издавна; книгоиздательствомъ «Интернаціонал» подъ заглавіемъ «Мангеймскій партейтагъ Германской соціально-демократіи. Доклады и пренія о массовой стачкѣ. Предисловіе П. Орловскаго». С. Петербургъ 1907 года.

могут быть болѣе подготовлены ко всеобщим стачкам, чѣм болѣе передовыя промышленныя страны, если пролетаріат не успѣлъ еще проникнуться развращающей любовью к законности и холмоуской вѣрой в благодѣтельность солдатской дисциплины и гдѣ он вѣрит еще в свои собственныя силы. Зависимость всеобщей стачки именно от революціонности рабочих видно, между прочим, из того, что всеобщія стачки особенно распространились в тѣх странах, гдѣ укрѣнился анархизм — в Испаніи, Италіи, Франціи, и Голландіи. Знаменитая всеобщая стачка в 1886 г. в Чикаго велась под непосредственным руководством анархистов. Именно потому, что анархисты практиковали и проповѣдывали всеобщую стачку, социаль-демократы долго отказывались пользоваться даже в своих интересах этим драгоценным оружіем. Боязнь уступить анархистам, а не различіе в экономическом развитіи различных стран, является дѣйствительным мотивом «неудобоисполнимости» всеобщих стачек *).

...«Лишь только она станет возможной, как исчезнет в ней надобность». Это самый милый довод, поистинѣ, достойный діалектиков. В основѣ его, очевидно лежит слѣдующее разсужденіе. Всеобщая стачка возможна только тогда, когда рабочіе станут сознательными. Зачѣм же им тогда пытаться «пробить своими черепами стѣну», как выразился Бебель? Не лучше-ли вмѣсто того, чтобы во время стачки рисковать головами, послать в парламент социаль-демократическое большинство голосов, которое быстрѣе и лучше, а главное безопаснѣе рѣшит все дѣло? Критиковать этот вздор послѣ того что уже было сказано раньше, совершенно излишне. Думать что избирательная бумажка может сдѣлать «излишней» всеобщую стачку значит потерять всякое реальное представленіе о борьбѣ классов и в войнѣ, в гражданской войнѣ Труда с Капиталом вооружать рабочих картонными мечами.

«Всеобщая стачка даже в предѣлах одной страны может дать благотворные результаты лишь в том случаѣ если она ведется мирно, потому что стачка, сопровождаемая насиліем, будет безжалостно раздавлена за это

*) Даже перенимая у нас это тактическое оружіе эти господа никогда не упускают случая отмѣтить, что их (?) всеобщая стачка ничего общаго не имѣет с анархической. Джентельмены! Кому вы замазываете глаза этими словами? Мы и так хорошо знаем, что дѣль ваших всеобщих стачек совсѣм иная: на то вы и мелко-буржуазные демократы, чтобы все свести к избирательной уриѣ. Но развѣ сама всеобщая стачка перестает от этого быть всеобщим прекращеніем работ? А вѣдь именно это вы до послѣдняго времени считали не только невозможным, но и гибельным для пролетаріата.

правлящими классами». Русская революція дала блестящее опроверженіе этого убѣжденія миротворцев. Ноябрьская стачка, которая сопровождалась насиліями, дала блестящіе результаты, а декабрьская стачка провалилась именно потому, что она во многих мѣстах прошла слишком мирно. Всеобщая стачка есть открытая гражданская война, а во всякой войнѣ побѣждает не болѣе мирный и болѣе корректный, а болѣе воинственный, болѣе дерзкій. Нападающій всегда имѣет преимущество перед обороняющимся, хотя бы уже тѣм, что от него зависит время и мѣсто битвы, — условія громадной важности на войнѣ. Мы с увѣренностью говорим, что всеобщія стачки тѣм болѣе успешными будут, чѣм менѣе онѣ будут мирными манифестациями. Всеобщія стачки никоим образом не должны заставить стачечников «первыми страдать от голода» и «принудить их к сдачѣ». Экспроприация продуктов должна непременно сопровождать их. Нѣтъ той силы на землѣ, которая могла бы помѣшать это сдѣлать бастующему городу. Полиція помѣшает экспроприацию в одном мѣстѣ, послѣдняя состоится в другом, в тысячѣ других мѣст. Каждое удачное нападеніе на собственность подымет увѣренность и дерзость стачечников и весь бастующій класс вступит в генеральное сраженіе с государственной властью. Это сраженіе может быть проиграно, но оно непременно будет выиграно, когда рабочіе поймут, что единственная надежда их только в полной, рѣшительной побѣдѣ над врагом в открытой, вооруженной борьбѣ. Конца резолюціи я не стану критиковать, так как самый наивный читатель видит, в каком вопіющем противорѣчій он находится с началом и логикой. Глупость и ничтожество доводов против возможности всеобщей стачки доказали особенно русскія событія послѣдних лѣтъ. Россія показала, что всеобщія стачки могут принять грандіозные размѣры и без фантастически могучей синдикальной и политической организациі рабочаго класса. Нужно только поменьше постепенности и «чувства законности» и побольше здраваго революціоннаго смысла, который сильно развит в русских рабочих долгой революціонной борьбой с правительством и капиталом.

Но достаточно ли всеобщей стачки для социальной революціи? Нѣтъ! Мы сказали уже выше, что всеобщая остановка есть только предварительное условіе «диктатуры» пролетаріата. Всеобщая стачка сильно ослабляет правительственный механизм и подымает революціонный дух рабочих. Это два очень важных условія, которыя готовят неизбежное нападеніе на государственную

власть и уничтоженіе ея. С этого момента и начинается диктатура пролетаріата. Вооруженные отряды повстанцев истребляют возможно больше всех врагов рабочего класса, огнем и мечем уничтожают все реакціонные элементы; они дают возможность самим рабочим организаціям приступить к организаціи производства и обмѣна на новых началах равенства и братства. Эти же военные отряды не только терроризуют и истребляют реакціонные и хулиганскіе элементы, но стараются расширить революцію до крайних возможных предѣлов. С этой цѣлью они идут в другіе города и деревни, чтобы помочь народу вездѣ стряхнуть вѣковое иго Капитала, Государства и Церкви.

Так понимаем мы «диктатуру». Она существенно отличается от социаль-демократической диктатуры. Во-первых, носителем нашей «диктатуры» является не жалкая группа болтунов, облеченных законодательской властью, а сам передовой слой революціоннаго пролетаріата. Этим мы избѣгнем великой ошибки Парижской Коммуны 71 года, которая погибла не столько от нуля версальских разбойников, сколько утонула в своей собственной бездонной и бесполезной болтовнѣ. Во-вторых, наша диктатура носит ярко разрушительный характер; ея задача—возможно скорѣе и больше уничтожить все остатки рабства и открыть рабочему классу возможность постепенно построить свою общественную жизнь согласно принципам братства и справедливости. В-третьих, наша диктатура представляет собою дѣйствительную силу, стало быть, не фиктивную, а реальную диктатуру, которая посмѣет и сможет наложить свою руку на все святыни стараго міра. Мы не только не должны будем почтительно отступить перед частной собственностью, как это сдѣлали парижскіе коммунары, но и не постѣсимся уничтожить тюрьмы, участки, казармы наравнѣ с церквями: :бог такой же заклятый враг свободы и радостей жизни, как жандарм или капиталист.

Такова наша «диктатура» в общих чертах, о частностях тут говорить неумѣстно.

XV.

Реформы, парламентаризм, самодѣтельность.

Нам часто говорят: «Допустим, что социальная революція не может быть совершена парламентарно-бюрократическим путем. Но почему вы отказываетесь совершенно пользоваться парламентом? Вѣдь этим вы лишаете себя возможности проводить реформы, которыя так или иначе облегчают положеніе работников». Чтобы освѣтить наше отношеніе къ вопросу о реформах, нам нужно разсмотрѣть три положенія: во-первых, какія реформы вообще сколько нибудь возможны в буржуазном обществѣ; во-вторых, что могут работники получить парламентарным путем; наконец, нѣтъ ли у работников другого внѣ парламентарскаго орудія которое гораздо проще и вѣрнѣе доставит работникамъ возможныя реформы.

Всѣ реформы сводятся къ четыремъ группамъ. Однѣ изъ нихъ чисто политическія и касаются системы избирательнаго права, референдума, инициативы и пр. Вторыя заключаютъ общегражданскія реформы, подоходный налогъ, отмѣна косвенныхъ налоговъ, отдѣленіе церкви отъ государства, народную милицію. Третьи охватываютъ такъ называемыя политическія свободы, свободу стачекъ, союзовъ, собраній, печати и слова. Наконецъ: в четвертую группу входятъ экономическія реформы. Разсмотримъ значеніе каждой группы отдѣльно.

Первую группу мы вправѣ теперь совершенно игнорировать, такъ какъ самостоятельнаго значенія эти реформы не имѣютъ. Та или иная система избирательнаго права можетъ имѣть какую либо цѣнность только въ томъ случаѣ, когда самому парламенту придается какое нибудь значеніе, какъ орудію революціи или реформы. Мы отвергли за нимъ всякое революціонное значеніе. Если окажется, что и въ смыслѣ реформы онъ ничего дать не можетъ, само со-

бою становится очевидным абсолютное ничтожество самых демократических систем избирательного права.

Разсмотрим раньше всего общегражданскія реформы. Читатель, слишком проницанный вѣрой в закон и парламент, сильно удивится, когда мы скажем ему, что эти реформы или совершенно неосуществимы или безмѣрно бесполезны. Он еще больше удивится, когда узнает, что мы это мнѣніе подкрѣпляем несомнѣнными «авторитетами» и очень внушительными фактами. Начнем сподобнаго налога.

С чисто абстрактной точки зрѣнія нѣтъ ничего невозможнаго в том, чтобы отмѣнить всѣ косвенные налоги и замѣнить их всѣ одним прямым налогом на доходы. Рабочіе не платили бы налогов на спички, водку и другіе предметы потребления. Но гдѣ гарантія за то, что их плата осталась бы на прежнем уровнѣ? Неужели капиталисты так просто и позволили бы взвалить себѣ на плечи такое громадное бремя, которое равносильно чрезвычайному повышенію рабочей платы и пониженію прибыли? Неужели они не постарались бы сбросить с себя бремя хотя бы тѣм, что значительно сократили бы рабочія платы? Неужели у работников оказалась бы сила, которая могла бы устоять против упорнаго, солидарнаго наденія всѣх капиталистов? Если да, то прогрессивный налог совершенно лишняя вещь для работников: гораздо проще сразу поднять плату на сумму косвенных налогов. Вѣдь сам по себѣ косвенный налог ничего дурнаго не заключает: он даже удобнѣе подоходнаго, потому что уплачивается по частям, по мелочам, почти нечувствительно. Если же профессиональныя рабочія организаціи недостаточно сильны, чтобы устоять против стремленій капиталистов понизить плату, то несомнѣнно, что введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога приведет к одновременному паденію рабочей платы всѣх наемных рабочих, и пролетаріат потеряет прямо на рабочей платѣ то, что он косвенно выиграет от отмѣны косвенных налогов. Тут происходит тоже, что имѣет мѣсто, напр., при переходѣ от бумажной к золотой валютѣ: капиталисты далеки от того, чтобы платить рабочим в золотѣ столько же, сколько они платили в бумажных деньгах. Заставить их согласиться на такое повышеніе платы может только сильная профессиональная организація, а не закон. Выгода от подоходнаго налога могут таким образом оказаться совершенно фиктивными. Дѣйствительно выиграет от этой налоговой реформы не пролетаріат, а тот общественный класс, который живет не наемным трудом, а доходом с собственнаго хозяйства, именно—мелкая буржуазія. Не

завися от капиталиста, она внѣ опасности от его попыток переложить на ее налог под какой нибудь благовидной формой. Поэтому подоходный налог принесет дѣйствительную выгоду только мелкой буржуазии,—самостоятельному крестьянству, городскому мѣщанству и мелким чиновникам. Но этого мало. Введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и отмѣна всѣх косвенных совершенно невозможны. И это очень недурно доказал... Фридрих Энгельс. Критикуя французскую социалистическую программу, он говорит между прочим: «Возьмем на примѣр Англію. Там государственный бюджет простирается до 90 милліонов фунтов стерлингов. От 13½ до 14 милліонов из них доставляют налоги на доходы, остальные же 76 милліонов получаютя от обложенія разных сдѣлок (почта, телеграф, штемпель), в огромном большинствѣ от обложенія народнаго потребленія путем постепеннаго урѣзыванія—маленькими, незамѣтными, но собирающимся во многіе милліоны суммами—доходов всѣх граждан, преимущественно же наиболѣе бѣдных. И в современном обществѣ вряд ли возможно иным способом покрыть государственные расходы. Предположим, что всѣ эти 90 милліонов в Англіи взимаются прогрессивным налогом на доходы в 120 фунтов стерлингов (1200 р.) и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи, составляло по Гиффену в 1865—1875 г.г. 240 милліонов фунтов стерлингов. Скажем, что оно теперь равняется 300 милліонам ежегодно; налоговое время в 90 милліонов поглотило бы почти треть всего дохода. Иначе говоря, ни одно правительство, кромѣ социалистическаго, не может провести ничего подобнаго»*).

Абсолютная невозможность отмѣны всѣх косвенных налогов настолько очевидна, что серьезные теоретики социаль-демократіи не раз откровенно это признавали. Так, Карл Кауцкій в своей брошюрѣ: «На другой день послѣ социальной революціи» повторяет вышеизложенную мысль Энгельса и утверждает, что отмѣна косвенных налогов может быть проведена только социалистическим правительством послѣ пролетарской революціи. Зачѣм же эта реформа фигурирует в программѣ минимум? Очевидно, только для одного—чтобы ослѣплять рабочих и привлечь мелкую буржуазію призраком радикальных реформ на почвѣ современнаго строя.

*) Фридрих Энгельс. «К аграрному вопросу на Западѣ». Изд. Е. М. Алексѣевой. 1905. стр. 13—14.

Посмотрим теперь, что означает замѣна постоянных армій народной милиціей. Опять таки, с вѣднѣе стороны реформа кажется довольно соблазнительной. Но при нѣкотором вниманіи она много теряет свою обаятельность. Думаете-ли вы, что народная милиція, по крайней мѣрѣ, свободна от опасности служить орудіем в руках буржуазіи в ея борьбѣ с пролетаріатом? В таком случаѣ глубоко ошибаетесь. В Швейцарской республикѣ милиція служит так же недурно буржуазіи, как постоянная армія во Французской Республикѣ и наемные солдаты в «Великой Американской Республикѣ»--Соединенных Штатах.

Какова бы ни была форма вооруженной силы, вездѣ в буржуазном обществѣ она должна служить буржуазіи, подобно тому, как в буржуазном обществѣ всякое правительство по необходимости должно быть буржуазным, капиталистическим. В ту минуту, когда милиція перестала служить слѣпо охраной капитализма, современное общество пало, социальная революція--совершившійся факт. С другой стороны, спросим себя: возможно-ли уничтоженіе постоянных армій в современных больших капиталистических странах? Во-первых, ни одна капиталистическая нація не может обойтись без внѣшних рынков. Раззоряя свой собственный народ, буржуазія должна постоянно искать покупателей за границей, особенно в неразвитых промышленных странах. Во-вторых, она всегда, каждую минуту должна оберегать свои земли и интересы от завистливой сосѣдки. Как же может когда-либо буржуазія добровольно отказаться от опоры своего международного могущества—громадной постоянной арміи? Только такая маленькая страна как Швейцарія, которая почти не имѣет крупной промышленности, почти не имѣет народной торговли, оторвана от всего міра нейтралитетом, может держаться народной милиціей. Но в таких странах как Франція, Германія и Россія уничтоженіе постоянной арміи равносильно уничтоженію господства буржуазіи. Понятно, что пока буржуазія сохранит за собою хоть тѣнь власти, она не распустит постоянной арміи. Все, что можно сдѣлать при сохраненіи частной собственности и государства, сводится к нѣкоторому сокращенію постоянных армій и к рѣшенію мало-важных вопросов международным третейским судом. Если же социаль-демократы хотят дѣйствительно сколько-нибудь ослабить военные силы буржуазіи, у них есть только один исход: не выставлять утопических и полудемогических требованій в родѣ отмѣны постоянных армій при капитализмѣ, а приглашать всѣх пролетаріев от-

казываться от военной службы, бросать позорныя знамена братоубійства, портить или передавать народным борцам оружіе, уничтожать особенно способных и враждебных народу военных начальников, убѣдить рабочих не работать в тѣх заводах, которые производят оружіе для государства и т. д.

Еще болѣе призрачна и фиктивна цѣнность отдѣленія Церкви от Государства. Без сомнѣнія, было бы благодарѣніем для рабочаго человѣчества уничтожить или значительно ослабить могущество Церкви—этого вѣчнаго врага свободы и свѣта. Но достигается ли эта цѣль политической реформой? Нѣтъ! Сила Церкви не в том, что священники получают жалованье от Государства. В Бельгійи и Соединенных Штатах Церковь отдѣлена от Государства,—развѣ церковь слаба в этих странах? Развѣ в Бельгійи попы не командуют всей страной? Могущество Церкви не в союзѣ с Государством, а в двух факторах: матеріальном и духовном. Она обладает громадной экономической силой благодаря своим капиталам и землям; она пользуется нравственным авторитетом, благодаря народному невѣжеству. Как вырвать это двойное могущество у Церкви? Есть только одно средство: во-первых, сжечь и истребить всѣ церкви, монастыри и лавры, как опасныя моральныя заразы; конфисковать и передать народу движимое и недвижимое имущество духовенства. Во-вторых, всѣми средствами разсѣивать народную темноту не только пропагандой революціонных идей, но и устройством социалистических школ, университетов и т. д. Рядом с этим должно идти систематическое уничтоженіе разных чудотворцев, знахарей и других подобных религіозных шарлатанов, которые поддерживают и сгущают убійственный мрак вокруг народа. А отдѣленіе Церкви от Государства является только пустой фразой, ибо оно дѣйствительно полезно только буржуазному свѣтскому государству, которое посредством этого акта освобождается от матеріальной обузы и получает возможность использовать освободившіяся средства на усиленіе арміи, флота, бюрократіи, шпіонства и других таких-же «культурных» учреждений.

Теперь нам предстоит рассмотреть другую группу реформ, которыя всѣ обычно охватываются двумя словами: политическая свобода. Давно уже стало одним из самых милых полемических пріемов наших противников притворно ужасаться тому, что мы «отрицаем» политическую свободу. Это тяжкое обвиненіе—сущій вздор: анархисты никогда не отвергали политической свободы, хотя отказывались воспѣвать ту свободу, которая якобы

существует на Западѣ. Они показывали, что конституціонныя свободы Запада чисто бумажнаго свойства и нигдѣ не дают рабочему классу очень серьезныхъ гарантій. Не только в полufeодальной, полицейской Германіи, гдѣ на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ присутствуетъ полиція, которая имѣетъ право закрыть немедленно собраніе, как только найдетъ себя оскорбленной в своемъ «достоинствѣ», но и во Франціи, в Швейцаріи, даже в Соединенныхъ Штатахъ существуютъ каторжные законы противъ анархистовъ, къ которымъ буржуазное глубокомысліе причисляетъ, къ нашей чести, всякаго честнаго, непримиримаго революціонера. Даже в Англии рабочіе в послѣдніе годы убѣдились, что ихъ «неотъемлемыя» политическія права вполне отъемлемы, когда суды вдругъ стали привлекать стачечниковъ къ суду за вполне мирныя стачки. Во Франціи ни одна манифестація не возможна безъ предварительнаго разрѣшенія полиціи. Тѣмъ не менѣе полиція и гвардейцы всегда проявляютъ демонстрантамъ такую бессмысленную грубость, что рабочіе называютъ этихъ «охранителей» «казаками» и «убійцами». Гдѣ же основаніе приходитъ в восторгъ отъ «политической свободы» Запада? Дѣйствительно отрицаемъ мы не политическую свободу, а тотъ способъ, который социаль-демократы предлагаютъ для ея завоеванія или защиты. Мы настойчиво утверждаемъ, что параграфы закона крайне слабая гарантія народныхъ вольностей. Не только одни параграфы всегда удивительно легко замѣняются другими, когда это нужно буржуазіи, но и любой, самый выгодный рабочимъ параграфъ превращается в мертвую букву подъ сильной рукой буржуазнаго государства и капиталистовъ. Это особенно интересно проявляется в «странѣ свободы»—в Соединенныхъ Штатахъ Америки. Не только правительство можетъ в случаѣ серьезнаго рабочаго волненія объявить военное положеніе и официально упразднить «вѣчную» конституцію и отнять неотъемлемыя права, но суд можетъ отмѣнить любой законъ, признавъ его неконституціоннымъ. Когда штатъ Нью-Йоркъ издалъ законъ в пользу сокращенія рабочаго дня, судъ просто объявилъ его противнымъ конституціи и этихъ нѣсколькихъ словъ достаточно было, чтобы обратить законъ в мертвую букву. Словомъ, мы утверждаемъ, что законъ является для буржуазіи только покрываломъ, которое она безцеремонно бросаетъ на землю, когда находитъ это полезнымъ. И потому конституція и законность самыя плохія опоры народной свободы.

Какъ же раздобыть и охранять политическія вольности? Обратимся раньше всего къ нашей авторитетной учительницѣ—Исторіи. Вспомнимъ, напр., какимъ образом бы-

ла добыта в Англії самая высшая из всѣх свобод—свобода союзов. «В настоящее время, говорит англичанин Смит, когда посмотришь, сколько почтенія удѣляется трэд-юніонам, трудно представить себѣ, что еще сравнительно недавно эти самые трэд-юніоны были внѣ охраны закона, и закон и правительство дѣлали все возможное, чтобы раздавить их. Снова и снова люди посылались в тюрьмы, на основаніи стараго Акта о Заговорах, за то, что они пользовались правом союзов для защиты от хищничества и жестокости хозяев. как же трэд-юніонисты тогдашняго времени отвѣтили на это преслѣдованіе? Посмотрѣли ли они на вопрос с легальной точки зрѣнія и подчинились закону вмѣсто того, чтобы руководиться болѣе высоким принципом? Обращались ли они с петиціями к разным господам с покорнѣйшей просьбою помочь им раздобыть признаніе со стороны закона и свободное пользованіе их неоспоримым правом? Если бы они поступали так, наши трэд-юніоны доннынѣ не были бы еще признаны законом. Трэд-юніонисты тогдашняго времени не были так пропитаны уваженіем к закону, как теперь. Раз закон отказывался признать трэд-юніоны они отказывались признать право закона вмѣшиваться в их дѣла. Снова и снова они перед лицом закона утверждали свое право соединяться в союзы, и так упорна была их агитація, что правительство, безсильное в виду этой энергіи и роста народнаго недовольства, боясь революціи, не видя никакого исхода из затруднительнаго положенія, созданнаго им самим, узаконило трэд-юніоны (т. е. посредством парламентскаго акта дало им позволеніе дѣйствовать так, как они дѣйствовали раньше без парламентской санкціи» *). Так обстояло дѣло в Англіи. А какова исторія этой свободы во Франціи? Послушаем Карла Кауцкаго:

В 60-х годах во Франціи начался значительный промышленный подъем и французскій пролетаріат пришел в движеніе. «Профессиональная организація стала настоятельнѣйшей потребностью, которую они всѣми способами старались удовлетворить, и если это не удавалось законным путем, то приходилось прибѣгать к незаконному... Если в 40-х годах мы встрѣчаемся с этими «обществами сопротивленія», то в 60-х годах сила их и значеніе до того вырастают, что правительству приходится с ними считаться... С 1881 г. мы встрѣчаемся со стремленіями буржуазных республиканцев подвести под профессиональныя организаціи правовую почву вмѣсто ненадежной

*) Direct action versus legislation. Blair Smith, Glasgow, p. 20.

терпимости, «дабы обезнечить социальный мир» в странѣ**»).

Как видите исторія свободы одна и та же вездѣ: закон отрицает право, рабочіе вопреки ему пользуются правом, правительство начинает опасаться за социальный мир и узаконяет то, что раньше преслѣдовало. Вот и все. Однако, нам не зачѣм так далеко ходить за подобными фактами. Что говорит нам исторія русской политической свободы? Каким образом добились мы тѣх свобод, которыми мы пользуемся теперь и которыя непрерывно возрастают? Ждали ли мы конституціи, чтобы устроить стачки, союзы, печатать свободное слово, вести устную агитацію? Долгонько пришлось бы нам ждать законнаго признанія каких-нибудь свобод. Нѣтъ! Мы раньше фактически пользовались тѣми свободами, которыя нам нужны были. Когда правительство не в силах было лишить нас завоеванных нами на практикѣ свобод, оно начало укрѣплять их за нами юридически.

Закон не только ничего не прибавляет к тому, что уже фактически завоевано, но я откровенно утверждаю, что самый либеральный закон только ограничивает свободу. В самом дѣлѣ—что такое любая политическая свобода, как не право граждан вступать в тѣ или иныя отношенія между собою? Если закон хочет дать нам дѣйствительную свободу сноситься с согражданами всѣми средствами—словом, печатью, собраніем,—он совершенно лишній. Вѣдь, что может быть естественнѣе того, чтобы люди, живущіе вмѣстѣ, имѣли право говорить между собою. Если у меня есть нормальный мозг, я даже против своей воли мыслю; мысли неволью выражаются звуками, словом, дѣйствием. Запретить мнѣ говорить—значит запретить имѣть мозг. Этого фактически не может сдѣлать ни один закон. Зачѣм же закон берет на себя задачу—регулировать мое слово, мои дѣйствія? Еслиб его задачей было расширить свободу, он был бы абсолютно излишним: вѣдь нелѣзно же издавать, напримѣр законы о том, что каждый человек имѣет право смѣяться, когда ему этого хочется. Естественныя потребности удовлетворяются без всякой помощи закона. Ясно, что закон, берущій якобы под свою защиту мою естественную свободу слова, не только ничего не может придать мнѣ, но непременно имѣет своей цѣлью поставить удовлетвореніе моей естественной потребности в особыя условія, которыя дают возможность государству лишить меня моего человѣческаго права, как только я из него дѣлаю

***) К. Кауцкій «Республика с-д-ія во Франціи» стр. 77, 80, 81.

«преступное» употребленіе, т. е. пользуюсь им несоотвѣтственно видамъ господствующаго общества. Всякая свобода, якобы гарантируемая закономъ, дѣйствительна только в предѣлахъ этого закона. Законъ не можетъ гарантировать свободы, потому что это внѣ его силы; онъ всегда только ограничиваетъ ее. Самое лучшее средство—дать народу полную политическую свободу: это отмѣнить всѣ ограничительные законы. Тогда слово, печать, собраніе будутъ такъ же свободны, какъ мысль, смѣхъ, плачъ и другія естественныя проявленія индивидуальной жизни. Оформить свободу юридически, поэтому, всегда в интересахъ не народа, а правительства. Зачѣмъ же намъ анархистамъ, добиваться официальной, юридической свободы? В настоящее время всякій уважающій себя свободомыслящій человекъ считаетъ унижительнымъ для себя вмѣшательство государства в его семейную жизнь. Онъ справедливо полагаетъ, что это личное дѣло мужа и жены. Но развѣ и всѣ такъ называемыя политическія свободы не такого же характера? Я хочу образовать союз—это касается меня и другихъ членовъ союза. Я выступаю в публичномъ собраніи съ рѣчью—это касается меня и моихъ слушателей, которыя могутъ аплодировать мнѣ и осмѣять меня. Какое дѣло государству, кому, о чемъ и гдѣ я говорю? Очевидно, во-первыхъ, что свободное пользованіе моими естественными дарованіями даже съ согласія моихъ согражданъ невыгодно, опасно государству. Какая же наивность нужна, чтобы ждать отъ этого постояннаго врага моей естественной свободы защиты этой свободы! Очевидно, во-вторыхъ, что мѣра моей свободы опредѣляется не степенью покровительства закона, а степенью моей смѣлости и силы в нарушеніи воли моего врага—закона. Если я хочу освободить себя отъ паутины закона, который безстыдно врывается во всѣ уголки моей жизни и стремится всю ее поставить подъ свой бдительный надзоръ, я долженъ вѣчно бороться съ нимъ, т. е. совершенно игнорировать его и устраивать свои отношенія къ своимъ друзьямъ и согражданамъ такъ, какъ это нравится намъ вопреки закону. Понятно, что государство будетъ преслѣдовать насъ. Но если право, которое мы незаконно осуществляемъ, дѣйствительно нужно народу, нашъ примѣръ найдетъ себѣ подражаніе, законъ потеряетъ всякую силу, и правительство поспѣшитъ дать намъ разрѣшеніе дѣлать то, что мы раньше дерзали дѣлать безъ его разрѣшенія. Такъ всегда до сихъ поръ добывались свободы и такъ будетъ впредь: чтобы добиться права, нужно его раньше осуществлять. Поэтому в противовѣсъ конституціоннымъ мечтаніямъ социаль-демократовъ мы выставаемъ тактику революціонной самодѣятельно-

сти (action directe *)).

Наше отношеніе к послѣдней группѣ реформ — к экономическим реформам — само собою очевидно теперь. Длина рабочаго дня, высота рабочей платы, другія условія труда касаются исключительно договаривающихся сторон — капиталистов и рабочих. Смѣшно надѣяться, что буржуазная государственная власть возьмет на себя безкорыстную «охрану труда». Правительство охраняет труд лишь по столько, поскольку оно боится рабочих. Поэтому всѣ экономическія реформы пролетаріи могут добыть только одним путем — революціонной самодѣятельностью. Если мы хотим добиться 8 часового рабочаго дня, начнем самовольно оставлять фабрики, проработав 8 часов. Если мы это будем практиковать упорно и во все растущих размѣрах, мы добьемся своего. Нас не должно смущать то, что мы не раз должны будем возвращаться на фабрики на старых условіях: всякая война ведется с переменным счастьем. Стачки являются наиболѣе распространенным средством экономической борьбы. Но мирныя частичныя стачки все больше теряют свою силу с развитіем капиталистических трэстов, против которых безсильны отдѣльныя стачки. Поэтому, рядом со стачками с каждым днем должны пріобрѣтать все большее значеніе другіе методы революціонной самодѣятельности, напримѣр, уничтоженіе имущества капиталиста, угроза его жизни, устраненіе особенно вредных директоров или мастеров. Эти террористическіе акты не только внесут смятеніе в сонное болото буржуазнаго благополучія, но и подымут революціонную смѣлость работников.

Итак, каково наше отношеніе ко всей совокупности реформ, которыя обычно называются программой минимум социаль-демократіи? Наш анализ показал, что нѣкоторыя из них ничего не дают рабочим, другія неосуществимы при господствѣ буржуазіи, третьи могут быть наилучше добыты внѣпарламентским путем, путем революціонной самодѣятельности рабочаго класса. Значит ли это, что мы отвергаем реформы только потому, что онѣ не революція? Значит ли это, что мы совѣтуем рабочему классу отказаться от всякой попытки улучшить скольконибудь свое положеніе теперь? Нѣтъ! Мы только напоминаем работникам, что уступки, которых мы можем добиться от буржуазіи при сохраненіи частной собственности

*) Термин « action directe » непереводим на русскій языкъ вполнѣ точно. Выраженія, в родѣ «прямое воздѣйствіе» или «прямая дѣятельность» мнѣ кажутся менѣе удачными, чѣм «прямая борьба» или «революціонная самодѣятельность» или еще «тактика захватнаго права».

сти и государства, крайне ничтожны. Мы доказываем, что даже эти ничтожные уступки можем мы добыть только путем неустанной борьбы самих рабочих масс, а не посредством дипломатических фокусов политиканов-депутатов. Этим мы не только спасаем работников от тяжелых послѣдствій неизбежнаго разочаранія, которое порождает всѣ реформаторскія иллюзіи, но и революціонизируем умы рабочего народа: мы приучаем народ брать даже мелкія реформы путем самостоятельной борьбы. Когда он, наконец, откроет глаза свои и увидит всю пустоту реформаторских потуг, когда он поймет необходимость освѣжающей бури социальной революціи, чтобы смести с лица земли всю гниль буржуазнаго міра, он не будет ждать уже позволенія и руководства социаль-демократических «отцов-командиров», а «самовольно» развернет черное знамя беспощаднаго разрушенія всѣх форм эксплуатаціи, рабства и невѣжества. Самодѣятельность создает самоувѣренность. А нам жизненно необходимы самоувѣренные, гордые личности, ибо без них невозможна великая революція. Мы должны превратить народ не в дисциплинарное стадо, а в могучій союз свободных, гордых и смѣлых личностей. Не дисциплиной побили французы в 92 году соединенныя силы всей реакціонной Европы, а горделивой любовью к своей свободѣ. Нам, пролетаріям, предстоит величайшая из битв, какія когда-либо видѣл мір, ибо ареной борьбы станет вся земля, все человѣчество распадается на два воюющих лагеря—и на карту будет поставлена судьба человѣчества, судьба культуры. Как подготовиться нам к этой великой войнѣ? Создадим возможно больше свободных, гордых и смѣлых личностей; разбудим в массах задавленный нуждою революціонный идеализм—любовь к свободѣ и братству, любовь к великому и доброму. Матеріальные интересы не создают героев, дисциплина не создает мужества, а всякая война нуждается в героях и мужественных войнах. Поэтому, не только преступно укрѣплять казарменныя наклонности к «пролетарской» дисциплинѣ, которой, к несчастью, слишком много у нас всѣх, а нужно непрерывно будить в народѣ мятежный дух непокорности и бунта. Поэтому, преступно принижать борьбу работников к борьбѣ за матеріальные интересы, принижать лучезарную рабочую революцію к жалкой перемѣнѣ правительства. Поэтому же, мы не должны отказываться и от небольших улучшеній, раз они добываются самим народом, его собственной революціонной самодѣятельностью. Ничтожное улучшение, может быть, завтра сведется к нулю благодаря проискам

бдительных врагов народа — Капитала и Государства, но никогда не пропадет нравственный результат всякой стойкой борьбы: это горделивое сознание своей силы, чувство личного достоинства, мужественное уважение к своим товарищам-соратникам, презрение к опасностям и мелочным интересам. Всякая война создает мучеников и героев. Пусть же пролетарий привыкнет вечно бороться вечно воевать, хотя бы в началѣ за незначительныя реформы: вѣрьте скоро, скоро расширится его кругозор, он оставит безплодную борьбу за экономическія, политическія и нравственныя реформы и смѣло подымет знамя борьбы за единую экономическую, политическую и нравственную революцію.

XVI

Тред-юніонизм, соціаль-демократизм и революційный синдикализм.

Интересы работников и капиталистов взаимно-противоположны. Рано или поздно это противорѣчіе интересов должно повести к открытой борьбѣ.

В началѣ борьба эта по необходимости, носит временный, случайный характер. Эта черта опредѣляется тогдашним положеніем пролетаріев. для которых наемный труд не является еще исключительным источником дохода. В большинствѣ случаев это мелкіе крестьяне, полуразорившіеся, но владѣющіе еще небольшим клочком земли. Для них фабричный труд только средство раздобыть небольшую сумму наличных денег на уплату податей и на другіе необходимые расходы. Словом, для этих работников наемный труд подсобный, а не главный промысел. Понятно, что на этой стадіи своего развитія пролетаріат не может возвыситься до сознанія своего классового единства. Его борьба по необходимости лишена постоянства и опредѣленности, она внезапно вспыхивает и так же внезапно гаснет. Другая черта этой ступени развитія рабочаго класса—это стихійность его борьбы. Стычки с хозяевами лишены всяких элементов сознательности и планомѣрности. Работники долго и бессмысленно терпят самый возмутительный гнет. Потом внезапно чаша терпѣнія переполняется и вся накипѣвшая злоба выливается в ряд жестоких актов: уничтожаются машины, поджигаются фабрики и т. д. Но вот вспышка прошла, взбунтовавшіеся рабы смиряются и покорно склоняют свою голову под прежнее иго. Вся буря миновала, не оставив никакого полезнаго слѣда в положеніи рабочих, так как борьба была чисто стихійной и лишенной всякаго плана. Кромѣ стихійности классовая борьба в

эпоху зарожденія прелетаріата отличается еще одной замѣтной чертой-замкнутой, почти цеховой профессиональностью. Работники ведут борьбу изолированными группами. Чуть ли не каждая фабрика борется со своим капиталистом, совершенно не интересуясь борьбой остальных рабочих. Наконец, мы должны еще указать на узко-мѣстный характер первоначальной борьбы пролетаріев. Рабочіе одного города совершенно оторваны от своих товарищей по профессіи в других городах. Но все эти характерныя черты первой стадіи развитія рабочаго класса рѣзко мѣняются с развитіем капитализма.

С торжеством крупнаго производства цѣлыя области мелкой промышленности погибают, создаются цѣлыя кадры пролетаріев, которые уже не временно и не отчасти должны прибѣгать к наемному труду, а всегда и всецѣло должны находить источники пропитанія в продажѣ своей рабочей силы. вмѣстѣ с этим борьба рабочих с хозяевами должна навсегда потерять прежній характер случайности и превратиться в постоянную войну двух вѣчно враждебных классов. Одновременно же должна исчезнуть стихійность борьбы. Раз стычки с капиталистами становятся постоянным явленіем, работники неизбежно горьким опытом убѣждаются, что борьбу необходимо осмыслить, организовать. Тогда возникают профессиональные рабочіе союзы. Тот же процесс развитія капитализма лишает борьбу рабочих ея узко—профессиональнаго и исключительно мѣстнаго характера. Дѣло в том, что в крупном производствѣ скоро исчезают сколько-нибудь серьезныя отличія между различными предприятиями, по крайней мѣрѣ, одной отрасли промышленности. Условія работы и положеніе работников данной отрасли промышленности во всей странѣ становятся одинаковыми; является возможность и необходимость объединить борьбу рабочих, вырвать ее из тѣсных рамок опредѣленной личности и узкой профессиональности и выставит болѣе широкіе, общіе лозунги борьбы. Это—эпоха созданія національных профессиональных союзов, т. е. таких, которые охватывают работников цѣлой профессіи во всей странѣ. Так борьба рабочих становится постоянной, сознательной, болѣе широкой по пространству и болѣе глубокой по содержанію.

Дальнѣйшее развитіе капитализма еще больше видоизмѣняет формы борьбы работников. Развитіе техники все больше упрощает труд. Этим ослабляется различіе в положеніи работников в отдѣльных профессіях старый барьер между ними падает, борьба принимает общеклассовый характер. Отнынѣ друг против друга стоят уже не

отдѣльные кучки рабочих и капиталистов, а класс работников и класс капиталистов, Труд и Капитал. Но вокруг чего идет борьба между этими двумя громадными силами? Она вертится в началѣ почти исключительно вокруг двух пунктов: рабочей платы и рабочаго дня. Однако, рабочим организациям скоро становится ясно, что одного нормированья платы и дня недостаточно для того, чтобы удержать достигнутый *standard of life* (уровень образа жизни). Тогда рабочіе союзы начинают вмѣшиваться в распоряжки внутри самой фабрики и мастерской. Идеалом является такое положеніе вещей, когда хозяин обязуется принимать на работу только членов рабочаго союза и на условіях, выработанных наперед на основаніи коллективнаго договора.

В таком случаѣ фабрика получѣет в Соединенных Штатах названіе *Union Shop* и на всѣх продуктах ея есть штемпель профессиональнаго союза—лабелъ (*label*). Таким образом изолированная, стихійная борьба рабочих с капиталистами превращается в планомѣрное, сознательное стремленіе принять участіе в регулированіи производства. Тенденція трэд-юніонизма—расколоть общество на два класса, отдѣльно организованных на почвѣ своих матеріальных интересов и об'единенных как бы в федеративный союз. Конечным пунктом развитія является тот воображаемый момент, когда рѣшительно всѣ рабочіе организованы в профессиональные союзы, всѣ капиталисты об'единены в трэсты и когда вся экономическая жизнь регулируется коллективными договорами обѣих организованных общественных сил. Этого пункта не достигла еще ни одна страна, но он все же составляет идеал вождей трэд-юніонизма.

Всякій идеал, в сущности, представляет собою предвосхищеніе конечной точки развитія извѣстной эпохи. Но так как законы этого развитія нам никогда не извѣстны в точности, то идеалы всегда невольно подвергаются жестокому испытанію со стороны неумолимой жизни. Строя идеал свой, мы невольно уменьшаем значеніе и силу старых, враждебных нам сил и не предвидим тѣх новых, которыя должны еще выступить. Мы безсознательно вѣрим, что путь развитія будет опредѣляться только нами. В этом источник трагизма всякаго широкаго идеала, в этом же и причина не трагизма, а полнаго крушенія трэд-юніонизма.

Трэд-юніонизм вѣрит, должен вѣрить, что с'организует весь пролетаріат или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство его и таким образом станет несокрушимой силой в производствѣ. В этом его первая утопія. Совершенно бессмысленно мечтать, что при капиталистических

условіях возможно организовать хотя бы большинство пролетаріев. «Как бы быстро ни развивались профессиональные организации, говорит Кауцкій, они никогда не будут в состоянии охватить собою весь рабочий класс. Профессиональное движение по самому существу своему всегда будет находить и предѣлы своему росту и поддержке в тѣх слоях пролетаріата, которые принято называть рабочей аристократіей», говорит Бернштейн в послѣсловіи к нѣмецкому изданію «Исторіи трэд-юніонов» супругов Вебб. Мы согласны с этим*).

Трэд-юніонизм вѣрит, что посредством касс, стачек и других мирных средств можно непрерывно улучшать положеніе хотя бы организованных рабочих. Это его вторая утопія. Кассы капиталистов полнѣе, легче и быстрѣе наполняются, чѣм союзныя кассы самых богатых рабочих. К тому же в руках капиталистов могучее орудіе — современная государственная власть — которая всегда умѣет ловко вмѣшиваться в спор капитала и труда и, понятно, не для того, чтобы склонить вѣсы в сторону рабочих. Безсиліе легальных мирных средств борьбы видно между прочим из статистики стачек, которая открывает поразительный факт: в Германіи, по словам Бебеля, только 57% всѣх стачек в год промышленнаго расцвѣта кончились частичным успѣхом. В болѣе промышленных странах этот процент не выше, а ниже; в годы кризисов борьба рабочих превращается в одно сплошное поражение. Причина, по всеобщему признанію, коренится в развитіи союзов капиталистов — в трэстах.

«В борьбѣ с неограниченными средствами и обеспеченной монополіей с абсолютным единодушіем современных капиталистических левіафанов — четверть милліонное состояніе самаго богатаго союза и возмущеніе двухсот тысяч упорных и озлобленных рабочих так же безсилы, как и стрѣла, брошенная в броненосец». Так говорят супруги Вебб и с ними согласны теоретики социаль-демократіи. Даже из очень крупных стачек за послѣднія 10 лѣтъ ни одна ни в одной странѣ не кончилась побѣдой рабочих: всѣ кончались болѣе или менѣе полным поражением, благодаря экономической мощи трэстов или грубому вмѣшательству государства.

Наконец, трэд-юніонизм обольщает себя фантастической мечтой о мирном сотрудничествѣ двух антагонистических классов посредством добровольных соглашеній. Это его третья и самая главная утопія. Пролетаріат и

*) К. Кауцкій Профессиональное движение и политическія партіи пролетаріата, изд. «Луч», стр. 5.

буржуазія представляют собою двѣ силы, приложенныя к одной точкѣ и направленныя в противоположныя стороны. Между ними возможно равновѣсіе только в случаѣ равенства, которое на дѣлѣ совершенно невозможно, и сотрудничество, о котором мечтают вожаки трэд-юніонизма в Англіи и Соединенных Штатах Америки, на дѣлѣ есть непрерывная война. Миролюбіе рабочих не только не полезно им, но еще ослабляет их боевую готовность и увеличивает дерзость их врага капиталиста.

Много еще других грѣхов на совѣсти трэд-юніонизма, но всѣ они ведут к одному и тому же плачевному результату: не улучшая совсѣм или очень мало улучшая условія труда, трэд-юніонизм топчется безсильно на мѣстѣ в рамках закона, тратит безцѣльно массу энергіи на завѣдомо утопическія цѣли, убивает в рабочих массах революціонные порывы, внушает в них жалкія матеріалистическія стремленія к мѣщанскому благополучію, превращает организованный пролетаріат не в боевой авангард всего рабочаго человечества, а в мелочную чванливую и презрѣнную касту, рабочую аристократію. Видя невозможность улучшить или поддержать условія жизни в рамках буржуазнаго міра, эта жалкая каста не дѣлает попытки выйти из этих тѣсных рамок, а старается сама сѣсть на плечи еще болѣе несчастным братьям-рабочим: почти закрывают доступ в рабочіе союзы новым членам, вводят чисто-цеховыя правила, якшаются с буржуазіей и государством, стараясь даже своих развращенных хозяев превзойти в развратѣ, буржуазности и «практичности». Трудно представить себѣ другую такую же безпринципную буржуазную организацію, я позволяю себѣ сказать, такое грязное болото, как Американская Федерация Труда (American Federation of Labor) хотя эта организація охватывает около 2.000.000 членов, по словам одного из вожаков*).

Из этого постыднаго тупика пытается вывести рабочее движеніе соціаль-демократія. Она энергически критикует всѣ иллюзіи трэд-юніонизма. Она убѣдительно доказывает рабочим утопичность мечты о сотрудничествѣ классов, когда вся жизнь наполнена «войной классов»*). Но с особенной силой она показывает рабочим безсиліе одних профессиональных союзов улучшить серьезно положеніе в рамках современнаго строя. Что же предлагает соціаль-демократія если не взамѣн, то на помощь рабо-

*) John Michel. Organized Labor.

*) Выраженіе американскаго с-д-а John Spargo ("The War of Classes").

чим союзам? Она внимательно анализирует положение вещей и показывает рабочим несомненный факт, что государство играет решающую роль в общественной борьбе, что во всех капиталистических странах, даже в либеральной Англии, в «стране свободы» — в Америке, в демократической Франции — везде буржуазия пользуется государственной властью для угнетения рабочих, для ослабления их организаций, и социаль-демократия дѣлает, повидимому, правильный вывод. Нужно вырвать это могущественное орудие из рук врагов рабочих и сдѣлать его орудием постепенного улучшения жизни и полного освобождения рабочих. И жизнь сама, кажется, только то и дѣлает, чтобы подтвердить строгую критику социаль-демократии. Развитие машинного производства все таки начинает пробивать брешь в самые неприступные и самые консервативные профессиональные союзы. Даже они начинают замѣчать, что на одних кассах взаимопомощи и страхования далеко не уѣдешь. Начинаются разговоры о том, что необходимо заняться «политикой», даже самостоятельной политикой, чтобы обезпечить себя от ударов коварной государственной власти. Такое движение началось уже в Англии, нѣчто подобное начинается даже в Соединенных Штатах**). Тред-юнионизм постепенно начинает терять свое обаяние, надежды на одну прежнюю экономическую организацию блѣднѣют, рабочие начинают принимать самостоятельное участие в политике, которая постепенно, по логике вещей, должна стать главной работой рабочих организаций. Словом, экономизм смѣняется политизмом, тред-юнионизм уступает господство социаль-демократии.

Что обѣщает она рабочему классу? Может ли она сдержать свои обѣщания? Увы! она основана на такой же иллюзии, как тред-юнионизм, иллюзии, которую история должна разбить самым неумолимым образом. Сила тред-юнионизма состояла в том, что он организовывал солидарное выступление рабочих масс против разрозненных капиталистов, он пользовался конкуренцией капиталистов между собою, чтобы бить их по одиночке; его сила была в безсиліи врага. Развитие трестов кладет конец этому преимуществу рабочих: против экономической организации работников трест выставляет еще болѣе могучую экономическую силу капиталистов.

Каково положение рабочих в политической области?

***) Здѣсь кромѣ того зародилось оригинальное профессиональное движение в противовѣс American Federation of Labor. Новая организация называется Industrial Workers of the World.

Оно на первых порах так же благопріятно, как в экономической борьбѣ. Политическія партіи буржуазіи в началѣ, в виду нѣкоторых частных интересов различных слоев, ведут между собою не менѣ жестокою борьбу, чѣм конкурирующіе капиталисты. Из этой удачной политической конъюнктуры политическая рабочая партія может извлечь столько же выгод, как профессиональный союз из капиталистической конкуренціи. Врѣзываясь клином в враждующія партіи буржуазіи, политическая рабочая партія может извлечь кое-какія выгоды. Не раз бывали случаи, что цѣлые муниципалитеты попадали в руки социаль-демократов, благодаря раздорам буржуазных партій, которыя друг друга ослабляли или даже прямо поддерживали социалистов. Но развитіе капитализма уничтожает эту политическую конкуренцію буржуазіи, как уничтожает ея экономическую.

Одним из главных виновников раздоров была мелкая буржуазія. В противоположность либеральным партіям крупных капиталистов, она вносила в политику радикально демократическую струю. Но за послѣднія десятилѣтія ея экономическое положеніе сильно пошатнулось. Часть ея, наиболѣе просвѣщенная, перешла на сторону социаль-демократіи, которая в сущности теперь единственная демократическая партія; другая часть в ужасѣ бросилась в объятія разных радикальных шарлатанов націонализма, антисемитизма, христіанскаго социализма и т. д. В результатѣ: политическая партія мелкой буржуазіи, демократія, совершенно исчезает или настолько блѣднѣет, что фактически сливается с реакционными партіями, или настолько краснѣет, что рано или поздно должна слиться с социальдемократіей (так французскіе «радикалы-социалисты *radicaux-socialistes* отличаются от жоресисов очень небольшим промежутком, который почти постоянно наполняется слоем перебѣжчиков из обеих лагерей).

Очень важной причиной раздоров между фракціями владѣющаго класса служила также рознь между помѣщиками и капиталистами. Пока рента росла на счет прибыли, эти двѣ общественныя группы неистово враждовали друг с другом. Не только в Англіи консерваторы издали всѣ сколько нибудь полезные рабочим законы, но даже в Германіи юнкера долгое время кокетничали с рабочими, чтобы сломить либеральничающую буржуазію. Из ненависти к капиталистической буржуазіи, а не из страха пред социаль-демократіей, были изданы в Германіи так называемые «законы в защиту труда». Что юнкера очень мало боятся «революціонной» социаль-демократіи видно из того, что у рабочих отнимают всеобщее

избирательное право или умерно отказываются дать им эту безобидную игрушку, хотя социаль-демократы считают это своим основным требованием. К тому же все «крупные» реформы введены «Промышленным уставом» в 1869 году, когда социаль-демократия была только в зародыше, а поправки которые потом вносились, в высшей степени ничтожны. Но может ли долго продолжаться этот антагонизм между землевладением и промышленностью? «Консерваторы в Англии, говорит Кауцкий, со дня на день становятся все больше капиталистической партией, так как сельское хозяйство все больше отстает от индустрии и землевладельцы потеряли всякую надежду улучшить свое положение на счет политической прибыли и заработной платы. Лишь путем присвоения капиталистической прибыли и возрастающей городской ренты и посредством колониального грабежа они могут еще исправить последствия падения поземельной ренты. Консервативная партия в данное время становится партией капиталистической, и сила ее больше чем когда бы то ни было; серьезной оппозиции она не встречает ни в стране, ни в парламенте*)».

Итак, реакционные и консервативные помещики становятся больше или меньше либеральными землевладельцами. Наконец, как же дело обстоит с самим либерализмом? Эмиль Вандервельд отмечает интересный факт: «Капиталистическая буржуазия, говорит он, теперь гораздо больше, чем 1848 г., составляет господствующий класс, а между тем—как это ни кажется на первый взгляд противоречивым—мы наблюдаем во всех странах Европы поражение либерализма, если не полное, то частичное. На самом же деле повсюду приобретают все больше и больше значения крупные аграрии, поземельные собственники**). Он доказывает эту мысль анализом политических условий всех европейских стран и спрашивает себя, чем объясняется эта аномалия. «Во всех тех странах объясняет он себя, где рабочий класс сильно организован в политическом смысле, либеральная буржуазия, оставленная за флагом при всеобщей подаче голосов, играет роль той добавочной суммы которая решает исход выборов. Принужденная выбирать между социалистами и реакционерами, она устремляется на сторону последних с тем большей силой, чем сильнее становится социализм*»).

*) «Профессиональные союзы», стр. 37—38.

***) «Золотая свадьба международного социализма». стр. 17 издан. «Буревестник».

*) Там же стр. 20.

Итак, какова тенденція развитія политических отношеній в капиталистическом обществѣ? Политическая борьба, как и экономическая борьба, приводит к тому же концу, т. е. раскалывает общество на два политических лагеря: с одной стороны, политическая партія рабочих, с другой—политическая партія капиталистов. Если вначалѣ еще можно было себя питать надеждой на полученій кое-каких реформ, то перед об'единенным врагом социаль-демократин с трудом удастся сохранить существующее положеніе вещей. Подобно тому, как в экономической жизни громадныя организациі работников играют самую ничтожную роль, хотя онѣ доставляют самый главный фактор всякаго производства—труд, так и в политической жизни социаль-демократическая партія осуждена играть роль безсильной оппозиціи, хотя бы на ея сторонѣ было большинство избирателей. Это должно и будет совершаться до тѣх пор, пока и экономическая и политическая борьба ведутся в рамках, установленных господствующим классом. Каковы эти рамки? Частная собственность и государство. Как выйти из них? Путь один—нужно сломить их ударом кулака. Кто сломит их? Тот, для кого онѣ созданы и кого онѣ держат в желѣзных тисках бѣдности и рабства,—пролетаріат. Развитие трэд-юніонизма приводит рабочее движеніе к дилеммѣ: или сдѣлать рабочій класс постоянным, уступчивым, экономическим союзником капиталистов, или выйти из рамок закона, перестать торговаться с хозяином из-за доли продукта и овладѣть всѣм продуктом, т. е. или застой и регресс, или революція. Развитие социаль-демократии ведет к однородной дилеммѣ: или сдѣлать работников политическими способниками буржуазин, или сломить оковы закона, вырвать всю государственную власть и уничтожить на всегда это развратное наслѣдіе варваров т. е. опять таки или застой и регресс, или революція. Так современное общество своим развитіем неумолимо толкает работников к одному и тому же—к революціи. Всѣ дороги ведут в Рим.

Банкротство трэд-юніонизма и социаль-демократизма порождает страстную потребность в новых путях для рабочаго движенія внѣ мирнаго экономизма и легальнаго политицизма. Этот новый путь открывает пролетаріату революціонный синдикализм—синтез дорогого опыта долгих мучительных лѣтъ борьбы, ошибок и поражений рабочаго класса. Революціонный синдикализм исходит раньше всего из глубокаго убѣжденія, что государство было, есть и будет организаціей господства владѣющаго класса и потому бессмысленно угнетенному про-

летаріату стремиться его завоевать; что небольшія реформы, которыя можно вырвать из рук врагов в рамках частной собственности и государства, пролетаріат может исторгнуть только собственной самостоятельной борьбой, непрерывно давя и тѣсняя буржуазію и государство; что рабочій класс может освободить себя от каторги наемнаго труда только путем коллективнаго грандіознаго усилія всѣх трудящихся, посредством всеобщей стачки. Эти простыя истины, выстраданныя в неустанной мучительной борьбѣ истекшаго вѣка, так просты и так обаятельны, что давно полонили сердца и умы наиболѣе передовых пролетаріев. Онѣ раскрыли пытливым труженикам всю тщетность экономических и политических иллюзіи прошлаго и показали ему, что есть один только рабочій класс—весь трудящійся мір, что возможна одна только партія—сам организованный авангард трудящихся, что есть одна только цѣль—уничтоженіе всѣх авторитетов, что есть одно средство—возстаніе труда. В муках родились эти великія идеи, в муках пробивают онѣ себѣ дорогу сквозь густую чащу предрассудков и измышлений врагов полнаго освобожденія народа. Но их побѣда неизбежна. Кто может остановить грозовую тучу, тот только может остановить и проснувшуюся мысль работников. Трэд-юніонизм, парламентаризм и революціонный синдикализм не представляют сами по себѣ никаких, идеалов, они только опредѣленные пути рабочаго движенія, опредѣленные тактики. Но каждый путь ведет куда-нибудь, если даже сам путник не знает куда. Всякая тактика поэтому, всегда предполагает какой-нибудь идеал, ведет к нему. Трэд-юніонизм есть тактика буржуазнаго либерализма, парламентаризм есть тактика интеллигентскаго коллективизма, революціонный синдикализм ведет к рабочему анархизму. Ибо кто ограничивает дѣятельность работников борьбой за лучшія условія наемнаго труда, тот этим самым признает основу наемнаго труда—частную собственность и становится на точку зрѣнія либерализма. Кто сосредоточивает борьбу вокруг завоеванія государственной власти, этим самым признает эту власть, господство человѣка над человѣком и становится авторитарным социалистом, социаль-демократом, а тот, кто строит тактику на внѣпарламентской революціонной самодѣятельности самого организованнаго пролетаріата, даже против своей воли содѣйствует созданію чисто экономического, рабочаго общества, без хозяина и без власти—Анархической Коммуны. Оттого коллективисты, которые признали тактику революціоннаго синдикализма и по малодушію остаются еще в рядах социаль-демокра-

тін, рано или поздно придут к нам, а даже искренніе анархисты, отрицающіе революціонный синдикализм, рано или поздно убѣдятся в полной беспочвенности их дѣятельности внѣ сочувствія широких масс организованнаго пролетаріата, впадут в апатію и из буйных революціонеров превратятся в безобидных мечтателей—фразеров. Наш лозунг: революція для народа и самим народом.

XVII.

Об экспроприации.

Всѣ метафизическія школы, как идеалистическія так и материалистическая, строили свои философскія системы на противопоставленіи сознанія бытію. Идеалисты увѣряли, что бытіе опредѣляется сознаніем, а материалисты старались убѣдить нас, что, наоборот, сознаніе опредѣляется бытіем. И тѣ и другіе вырывали бездну между этими двумя элементами дѣйствительности. Новѣйшая научная философія впервые окончательно порывает с этим опасным дуализмом. Она смѣло строит всѣ свои положенія на новом базисѣ, начиная с признанія полного единства жизни, единства сознанія и бытія. Мы не можем теперь иначе смотрѣть на мышленіе как на одну из функций органической жизни, как на интегральную часть бытія. Для нас теперь ясно, что мышленіе, чувства, дѣятельность человѣка не являются механическим конгломератом, а внутренне связанными элементами единого органическаго цѣлага. Вот почему мышленіе, чувства и дѣятельность человѣка должны постоянно приспосабливаться друг к другу, стремиться к извѣстной гармоніи. Отсутствіе такого гармоническаго соотношенія есть признак психической ненормальности и должно неизбѣжно вести к разстройству индивидуальной жизни.

Так же обстоит дѣло с группами и классами. Совокупность психических черт отличающих извѣстную группу, так называемая групповая психологія также не может долго находиться в конфликтѣ с потребностями и условіями жизни этой группы: рано или поздно между всѣми этими общественными сферами должна создаться подобная же гармонія под угрозой гибели самой группы.

Но откуда общественные классы черпают матеріал для своей идеологіи? Понятно, из наличнаго запаса дан-

ной эпохи. В давно забытыя времена первобытной эпохи, когда человек-дитя не мог еще отличить себя самого не только от своих собратьев-людей, но и от всей остальной природы, когда он невольно одухотворял все окружающее,—миѳология была сокровищницей, из которой всѣ группы черпали материал для своей идеологии. Одни и тѣ же миѳы, однѣ и тѣ же сказки и басни принимали самыя разнообразныя формы, подвергались самой различной обработкѣ в зависимости от условій жизни и потребностей общественных групп. В этом отношеніи глубоко любопытно сравненіе многих общих миѳов греков и римлян. В послѣдующій період религіознаго метода мышленія таким же общим источником вдохновенія служила вѣра. Самыя противоположныя классы опирались на однѣ и тѣ же религіозныя догматы, толкуя их вкривь и вкось, согласно своим потребностям. На одну и ту же Библию опирались и Лойола, и Лютер, и Мюнцер. Одно и то же христіанство отстаивали и духовенство, и буржуазія, и крестьянство, но каждый из классов вкладывал в тѣ же догматы и тѣ же слова свой смысл, до того отличный от значенія, которое им придавали всѣ другіе, что взаимное пониманіе было абсолютно невозможно. Теперь каждая личность и каждый общественный класс стремятся обосновать свои интересы и потребности не на миѳологических преданіях и не на религіозных догматах, а на научных данных. И вот с научными теоріями повторяется то же, что пережили миѳология и религія: их стараются сознательно и безсознательно заставить служить своим интересам самыя противоположныя классы. Оттого социальныя науки останутся классовыми (как это ни странно звучит) до тѣх пор, пока само общество будет раздираться внутренней борьбой классов.

Само собою разумѣется, что особенно ожесточенные споры и борьбу мнѣній должны возбуждать тѣ отрасли общественной науки, которыя касаются общественных интересов. Таковы вопросы о собственности, о государствѣ, о борьбѣ классов, о революціи о эволюціи и т. д. К числу таких наиблѣе крупных и наиболѣе спорных вопросов относится ученіе о так называемой экспроприаціи.

Когда возникла идея экспроприаціи? Уже во время Французской Революціи растущая бѣдность народных масс породила мысль об «аграрном законѣ» (*la loi agraire*), на основаніи котораго никто не должен был имѣть права владѣть больше извѣстной площади земли, а лишняя земля должна быть распредѣлена между мало-земельными. Торжествующая буржуазія похоронила этот закон, назначив жестокія казни за его пропаганду.

Но бѣдность, буржуазія не могла да и не захотѣла похоронить, и пролетаризированіе народных масс шло вперед гигантскими шагами. Уже в началѣ и в первую половину XIX в. антагонизм буржуазіи и пролетаріата стал настолько очевиден, что многіе гуманные представители буржуазіи, так называемые утопическіе социалисты, поняли неизбѣжность передачи всѣх средств производства в руки общества, поняли необходимость экспропріаціи. Каждый новый шаг в развитіи капитализма настолько увеличивает нищету и страданія народа, настолько обостряет борьбу классов и настолько тормозит развитіе жизни, что самые близорукіе и самые отсталые начинают понимать неизбѣжность той или иной экспропріаціи буржуазіи.

Тут начинается главный корень споров и разногласій. Признавая в принципѣ идею экспропріаціи, теоретики различных классов рѣзко расходятся в пониманіи путей, которые ведут к ней. Нѣкоторые умудряются даже предлагать такіе методы, которые фатически сводят идею на нѣт.

Начнем с либералов.

В принципѣ либерализм не отрицает социальной реформы. Он не вѣрит только в возможность и желательность радикальнаго и насильственнаго переворота. Он думает осуществить экспропріацію расширеніем индивидуальной свободы ослабленіем государственной опеки и другими палліативными мѣропріятіями. Он думает, что эти реформы так воздѣйствуют на экономическую жизнь что рента и прибыль постепенно будут поглощены рабочей платой. вмѣстѣ с прибылью и рентой падут и другія монополіи и водворится абсолютная конкуренція, которая, по мнѣнію послѣдовательных либералов, есть единственное лѣкарство от всѣх зол. «Конкуренція вездѣ и всегда»,*) говорит один из лучших либералов, который сам называет себя, впрочем, анархистом—индивидуалистом, теоретик по имени Б. В. Токер. «Они вѣрят, что свобода и вытекающее из нея общественное благополучіе являются единственным лѣкарством от всѣх зол»**). В нѣскольких словах точка зрѣнія послѣдовательнаго либерализма, или если угодно, анархическаго индивидуализма, выражена Токером там, гдѣ он касается происхожденія своей доктрины и говорит о Прудонѣ и Варренѣ. Здѣсь он говорит так: «Хотя они (Прудон и Варрен) и против социализаціи собственности на капитал, они тѣм

*) Benj. R. Tucker "Instead of a Book" New York, 1897, p. 15.

***) Ibid., 15.

не менѣ стремятся к социализациі ея результатов тѣм, что дѣлают употребленіе капитала благодѣтельным для всѣх вмѣсто того, чтобы он был средством обѣдненія многих и обогащенія немногих и когда их озарил свѣтъ, они увидѣли, что это может быть достигнуто подчиненіем капитала естественному закону конкуренціи, которая сама понизит цѣну его употребленія до стоимости его, т. е. ни к чему иному как уровню расходов на пользование и передачу его. Поэтому они развернули знамя Абсолютной Свободы Торговли; послѣдовательный вывод из манчестерской доктрины—laissez faire—всеобщее правило»*)).

Оспаривать эту точку зрѣнія для меня совершенно бесполезно послѣ всего, что сказано раньше. Достаточно просто отмѣтить ярко классовый характер этой теоріи. В этом отношеніи, ясно, что ученіе об абсолютной свободѣ торговли и абсолютной конкуренціи может служить только тому классу, кому нужна эта торговля и кому на руку самая жестокая конкуренція. Дѣйствительно, представители манчестерской школы сознательно и безсознательно вѣрно служили интересам класса капиталистов. Жизнь неумолимо разбила многія положенія манчестерскаго либерализма—и вот роль охраны собственности и «свободы личности» (чьей? Уж понятно, не рабочаго) берет на себя подкрашенный и преобразованный либерализм, который торжественно называет себя «анархическим» индивидуализмом или даже просто «анархизмом». Это обстоятельно нам не должно однако, мѣшать разглядѣть чисто—буржуазную подкладку этого самозваннаго «анархизма».

Иные интересы защищает социаль-демократическая теорія экспроприациі. Согласно этому учедію, экспроприация может быть осуществлена только государственной властью. Отсюда вывод, что экспроприациі необходимо должно предшествовать завоеваніе этой власти представителями рабочаго класса в парламентѣ. Буржуазный индивидуализм предлагает постепенное завоеваніе капитала путем установленія полной экономической конкуренціи, социаль-демократизм отстаивает такое же частичное завоеваніе власти при помощи такой же полной политической конкуренціи, которая выражается во всеобщем избирательном правѣ: экономическая конкуренція имѣет своей цѣлью дать внѣшнее и официальное право стать капиталистом, политическая конкуренція при все-

*) Ibidem p. 10. Совѣтую все это сравнить с Кауцким стр. 120-126. «Социальная революція».

общем избирательном правѣ даетъ каждому такое же официальное право на известную долю власти. И то и другое право является одинаково лицемерной фикціей. Самый дешевый кредит при самой открытой конкуренціи не можетъ ничего дать тому кто ничего не имѣетъ, и пролетаріатъ при помощи одной конкуренціи никогда не экспроприруетъ буржуазіи. Пока весь капитал однимъ ударомъ не вырванъ изъ рукъ всей буржуазіи, всякія сбереженія рабочихъ, дешевые кредиты, артели и другіе палліативы не только не экспроприруютъ буржуазіи, но и наоборотъ, отдадутъ в распоряженіе капиталистовъ и тѣ крохи, которыя удастся пролетарію урвать изъ своей нищенской платы, т. е. продолжаютъ экспроприацію пролетаріата. Такъ же дѣло обстоитъ с политической экспроприаціей. Самое совершенное избирательное право, при сохраненіи самого государства, не уничтожаетъ политическаго господства буржуазіи не дѣлаетъ самъ пролетаріатъ господствующимъ дѣйствительно, а передаетъ власть изъ рукъ интеллигентныхъ представителей буржуазіи въ руки интеллигентныхъ представителей пролетаріата. Самъ же пролетаріатъ остается тѣмъ же рабомъ, что и раньше. Пока вся власть не вырвана однимъ грознымъ ударомъ изъ рукъ буржуазіи и на дѣлѣ не передана всему народу, а не одной кучкѣ парламентаровъ, т. е. пока она не уничтожена раз навсегда, участіе рабочихъ въ разныхъ голосованіяхъ не только не уничтожаетъ политической монополіи буржуазіи, но дѣлаетъ самъ революціонный пролетаріатъ опорой этой монополіи, ибо работники своимъ участіемъ въ выборѣ разныхъ властей, во-первыхъ, фактически поддерживаютъ ихъ, а во-вторыхъ, отказываются отъ своего единственно полезнаго права—права на революцію. Участіе въ поддержаніи демократическихъ учрежденій буржуазіи политически экспроприруетъ не ее, а пролетаріатъ. Либеральный методъ экономической эксплуатаціей, т. е. буржуазіи. Соціально-демократическій методъ политической экспроприаціи служитъ интересамъ той общественной группы, которая живетъ на счетъ политической эксплуатаціи, насчетъ команды, т. е. бюрократіи, законодателямъ, судьямъ, адвокатамъ, инженерамъ и разнымъ другимъ «умственнымъ работникамъ», точнѣе, умственнымъ монополистамъ, такъ называемому новому среднему сословію».

Кромѣ буржуазіи и интеллигенціи, интересы которыхъ болѣе или менѣе отличаются отъ интересовъ пролетаріата и вызвали, поэтому, различныя теоріи экспроприаціи, есть въ современномъ обществѣ еще одна своеобразная общественная группа—босячество. Эта общественная группа питается отбросами всѣхъ классовъ и рекрути-

руется преимущественно из наименѣ обеспеченных и наименѣ квалифицированных слоев рабочих. На этой общественной группѣ отражаются все ужасы и вся грязь буржуазнаго міра. Она дает наибольшую долю профессиональных воров, убійц и грабителей, она является как бы живым воплощеніем всех отрицательных сторон пролетарской психики, но не имѣет ни одной из его положительных черт. Абсолютная необезпеченность матеріальнаго положенія дѣлает ее особенно склонной ко всякаго рода предпріятіям и авантюрам, которые общаюся какую—нибудь наживу. Поэтому босяки с удовольствіем вмѣшиваются во всякую революцію. Но так как эта группа не играет в производствѣ никакой полезной роли и как бы находится за бортом общества, общественные идеалы, партійныя программы ее совершенно не интересуют или занимают крайне мало. И в революціи босячество очень мало привлекается идейной стороной: во всех народных движеніях оно ищет немедленной матеріальной выгоды. Поэтому если босячество охотно поднимается на революцію, то еще охотнѣе идет на еврейскій погром, «на патріотическую манифестацію», записывается в арміи волонтерами за хорошія платы (в Соединенных Штатах, в Англии). В революціи эта общественная группа, по внѣшности, занимает самое крайнее мѣсто, помогает самым опасным и безумным предпріятіям самых лѣвых партій. Но серьезным политическим партіям не слѣдует забывать испытанной печальной истины, что эта революціонность не результат глубины чувства, а слѣдствіе ненасытной дикой жадности, и потому босяки грабят, бьют убивают представителей господствующих классов, когда видимо побѣждает революція, и грабят, бьют, убивают с такой же дикой жестокостью революціонеров, когда вѣсы склоняются на сторону реакціи. Понятно, как должны понимать «экспропріацію» такіе «революціонеры». Общество как организация производства для них не существует: в их глазах оно только склад продуктов. Твердыню капитализма босяк видит не в фабриках, а в магазинах. Что удивительнаго в том, что его «экспропріація» просто на просто ряд краж? Неудивительно также и то, что эти, с позволенія сказать, «экспропріаторы» всегда становятся под знамя самых крайних партій. В Великую Французскую Революцію они «дѣйствовали» от имени гебертистов, в наше время они «работают» под флагом анархизма, потому что только самая крайнія партія своей особенно сильной ненавистью к существующему строю дают нѣкоторое оправданіе их «революціонным актам».

Имѣют ли такія «экспропріаціи», по просту кражи, какое-нибудь революціонное значеніе? Еще меньшее, чѣм индивидуалистическая или социаль-демократическая экспропріація. Индивидуализм оставляет собственность но он, по крайней мѣрѣ, разрушает другую опору государства—государство. Социаль-демократизм сохраняет политическое орудіе рабства, но зато хочет уничтожить частную собственность. «Экспропріаторство» оставляет и Собственность и Государство, не затрагивает ни одной из основ современнаго общества. Является ли купля—продажа сколько-нибудь революціоннымъ актомъ? Этого, понятно, никто не станет утверждать. Но чѣмъ отличается босяцкая «экспропріація» отъ купли—продажи? Только тѣмъ, что со стороны экспропріатора она, такъ сказать, совершается «безвозмездно». Но самъ актъ по себѣ—переход извѣстнаго количества продуктовъ изъ рукъ одного лица въ руки другого—актъ хотя бы и сопровождаемый насиліемъ, скользитъ по поверхности буржуазнаго общества и такъ же «разрушаетъ» капитализмъ, какъ насильственный захватъ иностранца въ рабство «разрушалъ» рабовладѣльческое общество въ древности. Скорѣе вѣрно, что такіе «революціонные» акты поддерживаютъ существующее общество: порабощеніе не уничтожало рабовладѣльчества, а увеличивало число рабовладѣльцевъ; кража не уничтожаетъ собственности, а увеличиваетъ число собственников. Кража, словомъ, настолько же экспропріація насколько погромъ—революція.

Значитъ ли это, что мы по просту отвергаемъ всякую кражу и пылаемъ нравственнымъ гнѣвомъ по отношенію къ тому, кто осмѣливается коснуться «священной собственности»? Такое отношеніе не только дышитъ холодной и грязной жестокостью по отношенію къ голоднымъ и забытымъ рабамъ, но и цѣликомъ противорѣчитъ нашему ученію. Развѣ нархизмъ не говоритъ, что собственность—кража? Почему же нельзя отнять у собственника, т. е. у вора, часть ограбленнаго имъ у народа? Во имя какого нравственнаго закона долженъ я корчиться отъ холода и голода в своемъ грязномъ и холодномъ углу, когда у моего сосѣда есть средства прокормить, одѣть и согрѣть десятокъ несчастныхъ? Кто можетъ, кто смѣетъ сказать мнѣ, что я долже спокойно чувствовать, какъ вянутъ силы мои отъ остраго голода, когда вокругъ меня лавки и магазины переполнены товарами? Кто настолько подл, чтобы откровенно сказать голодному: ты не смѣешь брать теперь и долженъ пухнуть с голоду, пока не настанетъ царство небесное на землѣ, т. е. до дня втораго пришествія, когда по всѣмъ правиламъ искусства совершится социальная революція?

Пусть это говорят самодовольные и сытые буржуи, хотя бы прикрывающие себя кличкой социалистов, мы, анархисты, не пойдем за ними. Нѣтъ! Мы открыто и громко говорим рабочим людям: каждый человек со дня своего рождения становится не только полноправным гражданином нашего всемирнаго отечества—матушки земли—но и собственником всѣх тѣх продуктов, которые необходимы ему для жизни, необходимы ему для того, чтобы он удовлетворил всѣ, по крайней мѣрѣ, основныя, необходимыя потребности. Безразлично, кто владѣет теперь, в данную минуту продуктами или деньгами, он—вор и грабитель, если он не торопится накормить меня, голоднаго, стоящаго рядом с ним, сытым. Он—вор и грабитель, потому что никто не смѣет владѣть имуществом больше того, что ему нужно для здоровой нормальной жизни. Я же совершаю самый нормальный и естественный, стало быть, самый нравственный, акт тѣм, что не даю чахнуть бесплодно разумному существу—человѣку, этому благороднѣйшему сыну природы. Человѣкъ создан для того, чтобы жить весело и свободно, бѣгать по горам и долинам, наслаждаться всѣми радостями жизни, как могучій вольный сокол, а не гаснуть в презрѣнной борьбѣ с мучительным голодом. Быть сытым, одѣтым, наслаждаться всѣми возможными благами жизни не только право, но и обязанность всякаго нормальнаго здороваго человѣка. Никто не смѣет голодать там, гдѣ есть полная возможность накормить всѣх голодных. Кто предпочитает умереть вмѣсто того чтобы с оружіем в руках защищать свое самое главное, вѣчное, неотъемлемое право, свое человѣческое право--право на жизнь, тот не мученикъ в моих глазах, а жалкій трусъ или безсильный раб отживших предрасудков.—Мы говорим голодному человѣку: сытый буржуа отказывается дать тебѣ работу, но никто не может отнять у тебя твоего священнаго права на существованіе,—бери же смѣло все, что тебѣ нужно! Голодному принадлежит все, что необходимо для утоленія голода.

Мы, анархисты, не только не можем брать на себя позорной роли пона или лицемернаго моралиста и проповѣдывать рабочим смиренно-мудрую покорность идолу собственности, самому подлому и жестокому идолу из всѣх, созданных невѣжественной и испуганной фантазіей дикаря, но, наоборот, мы должны помогать угнетенным и ограбленным массам гдѣ, когда, как и чѣм можем облегчить муки бѣдности и рабства. Мы никогда не оттолкнем от себя труженика, который с мечом в руках осуществляет свое право жить, мы никогда не бросим

камнем в вора, потому что главное, действительные воры это тѣ, которые у нас, пролетаріев, отняли путем обмана и насилия все, чѣм жизнь красна, и толкают нас на душныя фабрики, в подземныя трущобы добывать им богатства и самим впасть в бѣдности, грязи и темнотѣ. Никакіе законы и моральныя права не обязывают нас уважать сытое довольство эксплуататоров:

«Берегитесь, богачи!

Бѣднота гуляет!»

Однакож, одного мы не должны забывать при этом, чтобы не впасть в чисто босяцкое пониманіе экспроприации: не нужно забывать того, что как ни законна кража, она не имѣет в себѣ ни капельки революціонности и ни на йоту не затрагивает устоев буржуазнаго общества. Эти устои могут и должны быть разрушены только одним способом—путем всеобщей всенародной экспроприации не только торговаго, но и промышленнаго, и финансоваго, и земельного капитала. Такая экспроприация нисколько не связана с «экспроприациями», но и отчасти задерживается ими: рабочіе, привыкая «экспроприровать», отхлыывают от своих классовых профессиональных организаций, дают заглухнуть чувствам братской солидарности, которыя питаются только постоянной общей борьбой с Государством и Капиталом, а не удачными и неудачными кражами. Еще больше начиная красть в началѣ с цѣлью только в случаѣ голода раздобыть необходимое, рабочіи вскорѣ пристращаются к жививѣ, развивают в себѣ самыя дурныя страсти и в концѣ концов иногда превращаются в такого же эксплуататора, как и всякій другой жадный и развращенный собственник. Эти соображенія должны избавить нас от крушной опасности—идеализации кражи. Мы, анархисты, должны открыто и мужественно заявить, что кражи нисколько не приближают нас к анархизму, что идеал наш будет осуществлен только всеобщей стачкой и вооруженным возстаніем против Капитала, Государства и Церкви. Поэтому кто ворует под знаменем анархизма, тот или не понимает нашего ученія или босяцки извращает его. Пролетарская экспроприация одинаково далека и от буржуазнаго индивидуализма, и от интеллигентскаго социаль-демократизма, и от босяцкаго «экспроприаторства»: она есть захват не только продуктов, но и средств производства, не только магазинов, но и фабрик; захват, совершенный под естественным руководством передового организованнаго слоя пролетаріата.

XVIII.

Анархизм, організація и партія.

Анархизм уже теперь играет выдающуюся роль. Этого не могут скрыть даже наши злѣйшіе враги. Во всей Западной Европѣ, особенно в Испаніи, Италиі и Франціи он несомнѣнно стал серьезным общественным фактором. Не только правительства стараются друг друга превзойти в изобрѣтеніи самых жестоких мѣропріятій против «гидры анархіи», но и наши правые сосѣди-соціалъдемократы давно почуяли опасность, которая грозит их будущему господству от врагов всякаго господства, и стараются превзойти даже правительства в самых безумных вымыслах против нас и нашего ученія *). Против нас объединяются рѣшительно всѣ реакціонные элементы: против нас и либералы, и радикалы, и консерваторы, и соціалъ-демократы. Является ли эта небывалая солидарность всѣх партій против одной временным явленіем, вызванным нѣкоторыми неудачными актами анархистов? Без сомнѣнія, убійство Елизаветы анархистом Лукени и убійство Чолгашем американскаго президента Ман-Кинлея не были таковы, чтобы заслужить полное одобреніе даже в средѣ анархистов. Но сущее ребячество думать, что эти акты возстановили против нас «общественное мнѣніе».

Всякая партія дѣлает промахи. Всего менѣе отвѣтственны всѣ анархисты за акты отдѣльных анархистов, ибо у нас нѣтъ партій, и каждая личность и каждая группа до сих пор дѣйствовала за свой собственный страх. Наши враги это знают не хуже нас, и если они все таки

*) Классическими образцами служат: брошюра Плеханова «Анархизм и соціализм», «Покушенія и с—д—ія» Бебеля и нѣмкая брошюра, переведенная, под заглавіем «Анархизм» Пересом. См. интересную брошюру «Непримиримый», изд. «Интернаціонал».

метали грома и молніи против всѣхъ анархистов, какъ якобы отвѣтственныхъ за всѣ эти акты, то они это дѣлали, такъ сказать, изъ «агитаціонныхъ соображеній», т. е. чтобы науськать на насъ забитую, невѣжественную толпу. И эта провокаторская тактика была настолько удачна, что даже редактора нѣкоторыхъ «анархическихъ», газетъ оказались достаточно трусливыми и шизкими, чтобы клеймить позоромъ имена такихъ несчастныхъ, запятанныхъ людей, какъ Лукени, и такимъ образомъ отдавать этихъ мучениковъ на полное растерзаніе безстыдной и безсердечной бандѣ государственныхъ разбойниковъ. Нужна непомерная доза глупости и чисто буржуазно-интеллигентской дряблости, чтобы искренно вѣрить, что насъ преслѣдуютъ только за эти акты. Если ихъ не будутъ дѣлать наши неопытные товарищи, провокація найдетъ другой способъ чернить наши имена.

Насъ ненавидятъ только по одной дѣйствительной причинѣ: потому, что мы объявили беспощадную войну всѣмъ основамъ стараго міра—Собственности, Государству и Церкви. Пока мы будемъ такими непримиримыми врагами рабства, насъ все равно будутъ жестоко преслѣдовать какъ преслѣдовали первыхъ христіанъ, хотя они не практиковали террора. Мягкосердечнымъ «анархистамъ», которые жаждутъ нѣжностей буржуазнаго государства и буржуазной прессы, мы можемъ—увы! предсказать только новыя разочарованія. Историческій ходъ вещей ведетъ къ тому, чтобы еще больше обострить ненависть господъ къ нашему брату.

Въ высшей степени важнымъ фактомъ является разложеніе социаль-демократіи. Она, собственно, съ самаго начала состояла изъ двухъ различныхъ элементовъ—соціалистовъ и демократовъ. Но въ началѣ преобладаніе принадлежало первымъ, теперь господство окончательно перешло къ послѣднимъ.

Въ началѣ прошлаго вѣка прогрессивной идеей была еще идея политической свободы, прогрессивной партіей была еще буржуазная демократія. Но ея болѣе или менѣе полное торжество скоро обнаружило ея внутреннее безсиліе. Становилось яснымъ, что послѣдовательное проведеніе въ жизнь принциповъ демократіи требуетъ уничтоженія частной собственности, по крайней мѣрѣ, на средства труда. Буржуазная демократія оказалась не въ силахъ пойти такъ далеко и предпочла повернуть назадъ въ объятія старыхъ боговъ порядка и реакціи. Знамя демократіи стало блекнуть въ глазахъ рабочаго народа. Скоро слово «демократъ» стало быть такимъ же анархизмомъ, какъ слово «гугенотъ». Кто же пришелъ внезапно на помощь умирающей

демократіи? Кто же взял на себя защиту устарѣлых и пустозвонныхъ идеаловъ демократіи? Международная соціально-демократія. Она изъ дрожащихъ рукъ мелкой буржуазіи взяла колеблющееся трехцвѣтное знамя демократіи, прибила къ старому древку новый красный платокъ съ требованіемъ государственной собственности—и пошла гулять по міру, какъ партія «соціальной революціи». Но нѣтъ! Она скоро начала замѣчать всю комичность своего положенія: быть на дѣлѣ только лѣвымъ крыломъ демократіи и называть себя революціонной партіей. Чтобы ослабить этотъ комизмъ, она начала придумывать самыя забавныя опредѣленія революціи. Скоро она нашла такую счастливую формулу, что заслужила полное одобреніе буржуазной «науки» и дружеское подмигиваніе правительствъ. Подача свсего голоса за соціально-демократа получила «революціонное» значеніе, бунты работниковъ стали «реакціонными». Продажные и безстыдные политиканы стали «истинными революціонерами», а террористы и бунтари—провокаторами, слугами реакціи...

Но въ это самое время на арену борьбы выступаетъ новая партія, которая рѣзко порываетъ со всѣми предразсудками буржуазнаго міра, со всѣми демократическими иллюзіями и открыто становится партіей соціальной революціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. партіей полной и насильственнаго ниспроверженія всѣхъ основъ существующаго строя. Эта партія не пристегиваетъ соціализма къ демократизму, а ставитъ его своей единственной цѣлью. Она не заигрываетъ съ буржуазіей, а объявляетъ ей вѣчную войну. Она не опирается на государство, а стремится его разрушить немедленно. Она не объявляетъ религіи дружественнымъ нейтралитета, а открыто выражаетъ ей свою неутолимую ненависть. Она порываетъ со всѣми благонамѣренными мечтаніями о мирномъ рѣшеніи соціальнаго вопроса и отважно зоветъ къ себѣ на помощь ту которая всегда рѣшала классовые конфликты—силу. Что же удивительнаго, что противъ насъ об'единились и реакціонеры, и либералы и революціонеры «въ научномъ смыслѣ слова»?

Удивительно только одно: противъ все болѣе крѣпнущаго союза реакціи, мы, анархисты, до сихъ поръ не придумали никакого противовѣса. Неужели же можно дѣйствительно бороться успѣшно посредствомъ отдѣльныхъ партизанскихъ отрядовъ съ такой грандіозной реакціонной силой? Не должны ли мы въ противовѣсѣ консервативному блоку создать свой, революціонный блокъ? Мнѣ кажется, что настала пора об'единиться всѣмъ противогосударственнымъ соціалистамъ въ одну великую международ-

ную организацию. Особенно важно с'организоваться нам —русским анархистам. Без единой организации мы никогда не достигнем высшей силы и никогда не используем всего своего влияния. Тут мы встречаемся с широко распространенным предразсудком о том, что организация противорѣчит анархизму. Так-ли это?

Что такое анархизм? Анархизм есть учение о свободѣ, о всесторонней свободѣ—в области экономической, политической и духовной. Но что такое эта свобода? Есть ли свобода личности абсолютная независимость человека от общества? Есть люди среди анархистов, которые дѣйствительно понимают свободу в этом абстрактном смыслѣ. Они любят ругать рабочіе союзы, потому что в них страдает якобы свобода личности. Они высказываются даже против всякой организации, потому что она должна неизбежно «испортить» их личность. О таких людях Жан Грав выразился, что это просто глупые люди, которые желают быть непременно оригинальными и, не имѣя природной гениальности, доводят только чужія идеи до нелѣпости. Бакунин говорит о людях, возстающих против тирании Интернационала: «Тому, кто стал бы утверждать, что и такого рода дѣятельность Интернационала есть покушение на свободу масс, то он или софист, или глупец. Тѣм хуже для тѣх, которые до такой степени не знают естественнаго и социальнаго закона человеческой солидарности, что считают абсолютную, взаимную независимость друг от друга личности и масс возможной и даже желанной. Желать ее—значит желать исчезновенія общества, ибо вся общественная жизнь есть не что иное, как непрерывная взаимная зависимость индивидов и масс. Каждый человек даже самый умный, и в особенности умные и сильные, во всякій момент своей жизни являются одновременно производителем и продуктом. Сама свобода каждого человека есть слѣдствіе, постоянно вновь воспроизводимое, массы влияній—физических, умственных и нравственных, которым он подвергается со стороны окружающих его лиц и среды, в которой он рождается, живет и умирает. Желать избѣгнуть этого влияния во имя какой-то трансцендентальной божеской свободы, самодовлѣющей и абсолютно эгоистической,—значит стремиться к небытію. Отказаться от влияния на другого—значит отказываться от всякаго социального акта, даже от выраженія своих мыслей и чувств, т. е. опять таки клониться к небытію. Эта пресловутая независимость, так превозносимая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понимаемая в таком смыслѣ—

просто небытіе*)».

Итак, свободу анархисты понимают не в смыслѣ абсолютной независимости личности. Я, кажется, буду недалеко от истины когда скажу, что свобода есть не столько свобода от чего-нибудь, как свобода на что-нибудь, если можно так выразиться. Я хочу этим сказать, что свобода не есть только отрицаніе рабства, но есть нѣчто большее: положительная возможность проводить в жизнь волю личности, так сказать реализовать во внѣ нашу внутреннюю жизнь. Я могу представить себѣ общественный строй, в котором будут уничтожены всѣ официальные преграды свободной дѣятельности человѣка, но если из этой сферы дѣятельности человѣка исключается хотя бы одна область, напр., производство—личность в этом обществѣ не свободна. Быть свободным значит имѣть возможность проявлять в окружающую среду нашу внутреннюю энергію, которая кипит в нас. Вы можете дать человѣку всевозможныя права, но если вы одновременно не дасте ему фактической силы осуществлять свои права, человѣкъ—раб. Какое дѣло швейцарскому рабочему до того, что на такой-то бумажкѣ написано, что он имѣет право устраивать всякія собранія, когда он послѣ 11 часового рабочаго дня не в силах высидѣть час на самом полезном собраніи? Свобода без силы—фикція, быть свободным—значит быть сильным.

На мой взгляд, недостаточно уничтожить частную собственность, Государство и Церковь, чтобы личность стала свободной: это необходимое, но не вполне достаточное условіе свободы. Так, из воздуха необходимо устранить всѣ ядовитыя испаренія, отравляющія дыханіе человѣка; но даже самага чистаго воздуха, даже озона недостаточно для правильнаго, здороваго дыханія,—для этого необходимо кромѣ того здоровья, сильныя легкія. Можно разрушить всѣ организаціи насилія, но если мы не разбудим в личности гордаго сознанія своего достоинства, вѣры в свои силы, не расширим ея умственнаго кругозора не разорвѣем ея физических и духовных сил, она еще не свободна, потому что физически, умственно или нравственно слабый человѣкъ не может быть свободным. Свобода не право, а сила. Ну, а может ли одинокій человѣкъ, оторванный от общественной среды, быть сильным? Есть ли что-нибудь болѣе безсильное, чѣм одинокій человѣкъ? Что может произвести своими единичными силами самый выдающійся человѣкъ? Сила личности состоит в том, чтобы так комбинировать свои и

*) Михаил Бакуини. «Организація Интернаціонала», 1905, стр. 6--7.

чужія стремленія, чтобы проводить по возможности больше, если не все, из того, что составляет ее внутреннее содержаніе. Добровольный союз с людьми необходимый элемент силы, а, стало быть, и свободы личности. И чѣм богаче личность, чѣм она духовно сильнѣе, тѣм она интенсивнѣе жаждет самых разнообразных союзов, потому что каждый союз, каждая общественная группа удовлетворяет какую-нибудь потребность нашу, дает нам возможность проводить во внѣ какую-нибудь частичку нашего «я». Свобода таким образом состоит не в изолированіи, а, наоборот, в объединеніи каждой личности с возможно большим кругом других, равных ей людей. Быть свободным не значит скупо копить для своего маленькаго «я», именуемаго личностью, а, наоборот, это значит—расточать, разсѣивать себя в том нашем грандіозном «я», которое называется человечеством. На этом основаніи я утверждаю, что организациа не стѣсняет, а расширяет личность, освобождает ее, потому что дѣлает ее сильной. Оттого во всей литературѣ анархистов вы не найдете ни одной серьезной работы, гдѣ рядом со словом «свобода» не было бы слова «союз». Коммунизм при теперешних условіях есть условіе анархизма.

Понятно, что слово «организациа» нужно понимать не в социаль-демократическом смыслѣ. Для социаль-демократов организовать значит—поставить над личностями центральный комитет. Еще проще понимает дѣлю Н. Ленин: по его мнѣнію, организациа есть группа людей, объединенных уставом. Понятно, что анархизм далек от такого чиновничьяго пониманія организации. Организоваться значит объединиться для какого-нибудь общаго дѣла, организациа есть свободный союз личностей для борьбы за общую цѣль. Кто признает, что у анархистов—есть общая цѣль, этим самым признает необходимость общей организации всѣх анархистов.

Но я иду дальше: я говорю, что нам нужна не просто организациа, а партія. Как это понимать? На мой взгляд, анархическая организациа не есть простое общество для дебатов и пропаганды, наша организациа нѣчто большее, чѣм клуб. Она политическая организациа в лучшем смыслѣ этого слова, ибо стремится стать такой политической силой, чтобы сломить раньше всего современную политическую организациу насилія—Государство. Этот характер, как мнѣ кажется, лучше всего выражает слово «партія».

Консервативныя партіи стремятся сохранить современную политическую организациу чтобы вмѣстѣ с ней

сохранить экономическiй строй жизни. Прогрессивныя партiи преобразуют так или иначе Государство, чтобы соотвѣтственно реформировать экономическiя отношенiя. Мы, анархисты, хотим, как единственная революцiонная партiя, разрушить государство, чтобы совершенно уничтожить современную экономическую организацiю, вдохнуть в нее новый принцип*). Нашей ближайшей цѣлью должно быть об'единенiе всѣх противогосударственных социалистов Россiи в одну Анархистскую Рабочую Партiю. Дальнѣйшей ступенью будет образованiе одного громаднаго союза всѣх революцiонных элементов под черным знаменем Международной Анархистской Рабочей Партiи. Тогда только мы составим достаточную силу для борьбы со всѣми силами открытых и тайных реакцiонеров.

*) Мы не только общество для пропаганды, не только сѣть клубов, ибо такого рода общества ставят себѣ цѣлью организовать только сознание своих членов, а не комбинировать их дѣйствiя. Клубъ, как таковой, есть среда для обмѣна мнѣнiй, и потому может принимать в свою среду кого угодно. Он даже тѣм живучѣй, тѣм интереснѣй, чѣм разнообразнѣй сталкивающiяся мнѣнiя. Клубъ не нуждается в определенной программѣ, даже больше: она вредна для него, так как ограничивает и притупляет внутреннюю борьбу идей, в интенсивности которой весь смысл его существованiя. Наоборот, Партiя, назначенiе которой организовать дѣйствiя нуждается в общей идейной платформѣ, без которой абсолютно невозможно единство дѣйствiй. Программа, которая вредна, убiйственна для клуба, необходимое жизненное условiе всякой дѣятельной Партiи. Кто думает вмѣстѣ со мной, что анархисты должны не только просвѣщать, но и организовать дѣйствiя, согласится что мы представляем собою не какого-либо рода клубъ, а именно Партiю, Партiю Труда.

XIX.

Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма.

Теперь никто, разумѣется, не станет поднимать ребяческаго вопроса о том, нужен ли анархизм в Россіи или нѣтъ. Такой вопрос обнаруживает наивное непониманіе самих основ политической дѣятельности. Партія не академія ученых, а политическій союз для борьбы за какой-нибудь идеал. А всякій идеал выражает интересы, потребности, желанія хоть какой-нибудь общественной группы. Как же может быть разговор о преждевременности той или иной политической партіи? Анархисты, смѣлющіе толковать о неумѣстности анархизма в Россіи, выдают своему ученію свидѣтельство о бѣдности. Они этим просто заявляют, что не видят в современной Россіи ни одной общественной группы, которой нужен был бы анархизм. Иными словами они сами признают свою партію кучкой бесполезных болтунов и фантазеров. Мы, молодые анархисты—синдикалисты, свободные от народнических предразсудков и интеллигентской расплывчатости старых теоретиков наших, можем только пожимать плечами, слушая такое ребяческое каляканье старичков. Для нас анархизм есть самое ясное, самое послѣдовательное, самое крайнее выраженіе инстинктивных стремленій рабочаго класса. С тѣх пор как земля была отнята у перваго крестьянина, с тѣх пор как загудѣлъ первый фабричный гудок, с тѣх пор как появился первый рабочій в деревнѣ, в городѣ, в рудниках, выросла почва для современнаго анархизма. Значит, нѣтъ для нас и быть не может никаких разговоров о несвоевременности анархизма в Россіи.

Вѣрно скорѣе как раз противоположное. Нѣтъ сомнѣній, что Россія теперь самая подходящая страна для развитія самаго широкаго анархистскаго движенія. Вѣдь,

нѣтъ теперь другой страны, гдѣ народ горьким опытом научился бы так ненавидѣть свое правительство, гдѣ пролетаріи на практикѣ научились бы так цѣнить мощь классовой солидарности; уж во всяком случаѣ нигдѣ нѣтъ такой массы беззавѣтно преданной рабочему классу пролетарской интеллигенціи, как у нас на родинѣ. Правда, теперь справляет свой блестящій триумф торжествующая демократія; правда, у нас нѣтъ еще всѣх привычных декорацій буржуазнаго господства: официально призванной конституціи и других побрякушек. Но всѣ эти мелочи окунаются с лихвой одной громадной, неоцѣнимой привиллегіей—революціонной атмосферой, в которой сильнѣй и свободнѣй дышится, страстиѣ кипит работа возбужденнаго ума. Если мы прозѣваем теперешній торжественный момент необычайнаго народнаго подѣма, мы вполнѣ заслужим.

«Насмѣшку горькую обманутаго сына

Над промотавшимся отцом».

Иной важный и глубокій вопрос встает перед нами: как использовать нам—анархистам, теперешній революціонный момент, что нам дѣлать, чтобы двинуть революцію возможно лѣвѣе, чтобы превратить борьбу против современнаго государства в борьбу против всякаго государства, словом, как превратить буржуазную революцію в анархистскую.

Тут-то мы наталкиваемся на цѣлый ряд наболѣвших вопросов, от рѣшенія которых вполнѣ зависит судьба анархизма в Россіи.

Всмотримся в теоретическое состояніе русскаго анархизма. Какой хаос! Какія взаимныя противорѣчія! Какая путаница по всѣм тактическим вопросам! Одни считают все готовым для анархической революціи, для которой якобы не хватает только ряда индивидуальных актов и нѣскольких бунтов. Отсюда тактика безсмысленнаго «безмотивнаго» и мелочнаго терроризма, который направляется против заснувашаго городского, против кучки безобиднѣйших и трусливѣйших буржуев в ресторанѣ, против лавочника, отказывающагося отдать свои крохи самозванным представителям «анархизма». Защитники другой тактики не видят никакой работы для анархистов в Россіи и потому любезно предлагают нам «пождать». Есть даже люди, которые видят чуть ли не центр нашей работы в том, что срывать собранія социальдемократов и профессиональных союзов, которые им, «крайним» (?) кажутся слишком умѣренными. Оригинальное «участіе в рабочем движеніи», не правда ли? Наконец, есть люди, также смѣющіе называть себя анархи-

стами и рекомендующіе нам, как лучшее средство освобожденія личности — заняться... кражами со взломом и без онаго.

Какая путаница! Какой печальный хаос! С болью в сердцѣ спрашиваешь себя: неужели над головой нашей висит какой-то злой рок, который гонит нас к вѣчным распрям, к убійственной фракціонной борьбѣ на радость друзей «порядка и дисциплины»? Положительно, настало время положить конецъ этому печальному состоянію вещей.

Но с чего начать? На этот вопрос может быть, кажется, только один отвѣтъ: нужно раньше всего устранить ту идейную путаницу, которую внесли в наше движеніе разношерстные и чуждые элементы, которые именуют себя анархистами-коммунистами; нужно строго и отчетливо указать, каков идеал наш, к чему стремится передовое человѣчество под знаменем Анархіи. Этим мы проведем рѣзкую грань между нами и тѣми темными личностями, которые пользуются нашим именем для загрязненія нашего знамени. Этим мы громко на всю Россію крикнем: «Руки прочь!» всѣм профессиональным воршкам и сознательным хулиганам, которые присосались к нам и безчестят наше великое дѣло. Когда мы освободимся от невольнаго союза с этой бандой и покажем русскому рабочему классу, кто мы и что мы, пролетаріат увидит, какую великую идею принесли мы рабочему міру, как красив и грандіозен наш чудный идеал обновленія человѣчества.

Но понятно, что даже самое ясное, самое громоглазное заявленіе принципов еще недостаточно. Отвлеченные принципы своей красотой могут плѣнять только отдѣльных людей с особенно тонкой духовной организаціей, народныя массы остаются равнодушными даже к самым изящным отвлеченным формулам. Народ слишком занят повседневной борьбой с нуждой и голодом и не имѣет времени любоваться благородными планами преобразованія міра через многіе, многіе десятки лѣт. Он живет в работѣ и потому способен воспринимать только тѣ идеи, которыя тѣсно связаны с этой самой работой, с его борьбой за хлѣб. Народ может воспринять даже самую отвлеченную соціальную идею, но при одном условіи, вы должны умѣть связать ее с повседневной жизнью, с его повседневными муками и радостями. Партія, которая не умѣет это дѣлать, должна неизбежно погибнуть. Не найдет она отклика в сердцах задавленнаго народа... Вот почему кромѣ ясной и точной программы, нам необходима такая же ясная, такая же точная такти-

ка. Программа является как бы яркой точкой, путеводной звездой, которая должна манить народ к великому будущему, придавать силы и бодрость ему—усталому тысячелѣтнему страннику. Тактика же служит как бы широкой тропой к великому идеалу; тактика—мост, по которому подъяремный, забитый работник из пассивной покорности переходит в область революціонной борьбы за свое освобожденіе. Одним словом, программа есть наше «завтра», тактика—наше «сегодня». Партія, не имѣющая ясной тактики, умерла.

Однако-ж это только—наши первые шаги, правда, самые трудные. Если мы хотим оказаться на уровнѣ своей великой задачи, мы должны сдѣлать новый необходимый шаг: мы должны организовать.

Я хорошо знаю, что одно слово «организация», способно вызвать судороги у тѣх буржуазных интеллигентов, которые считают себя «истинными» анархистами. Эти люди, живя в постоянном плѣну отвлеченных, метафизических формул, создали себѣ свой «собственный» анархизм, который, вѣроятно, за его каррикатурность они сами иронически прозвали «истинным» анархизмом. «Истинные» анархисты, как типичные идеологи босячества, всякую реальную здоровую идею всѣми силами стараются довести до абсурда. Уничтоженіе частной собственности они остроумно превратили в безобиднѣйшія маленькія кражи; разрушеніе государства в их «революціонных» умах отождествляется с убійством квартальнаго; свободу любви они безстыдно смѣнили самой грязной систематической проституціей и т. д. и т. д. Не трудно понять, что и свободу личности они должны были также гениально истолковать, как отрицаніе всякой организациі, якобы стѣсняющей свободу организующихся. Этим господам наша попытка создать стройную, единую Анархистскую Рабочую Партію представляется не иначе, как попытка развратить и унижить «истинный» анархизм. С этими буржуазными и босячкими самозванцами, которые так дерзко рядятся в тогу анархизма, мы еще потолкуем особо; теперь мы хотим коснуться другой стороны вопроса: намѣтить, к каким практическим результатам приведет нас организациа единой Анархистской Рабочей Партіи.

Как самая лучшая программа недостаточна без опредѣленной тактики, так самая цѣлесообразная тактика безсильна вести нас к цѣли без единой планомѣрной организациі. Эта идея так ясна и очевидна, что только нѣкоторым джентльменам в анархизмѣ это непонятно. Как можем мы фактически, а не на словах только отме-

жеваться от всѣх тѣх подозрительных господ, которые считают полезным, иногда с благословенія полиціи брать на себя кличку анархистов? Как можно провести в жизнь тот наш тактический принцип, который признают даже самые буржуазные анархисты, именно: всеобщую стачку? Снизойдет ли на рабочих какое-то внезапное вдохновеніе, и они одновременно бросят работы, выставят ту же программу, стихійно примут одинаковыя средства и бессознательно проведут один и тот же план борьбы? Кто вмѣстѣ с нами отрицает эти вздорныя грезы, должен непременно остановиться на идеѣ организаціи. Нам необходима Партія, которая могла бы взять на себя отважный почин всенароднаго возстанія. Нам необходима Партія, которая могла бы овладѣть движеніем, возникшим стихійно и направить его по руслу анархическаго коммунизма. Партія нужна нам, наконец, для того, чтобы по возможности залѣчить раны, если народ потерпит поражение, и извлечь наибольшую пользу, если народ одержит побѣду. Передовое сознательное меньшинство из убѣжденных анархистов может сыграть свою благодѣтельную роль могучаго, революціоннаго авангарда, только слившись в единую, солидарную Анархическую Рабочую Партію.

**

Нам нужна Партія, и мы создадим ее, под страхом полного исчезновенія с арены революціонной борьбы. Но что же должна дѣлать наша Партія теперь в Россіи?

Мой отвѣтъ будет ясен. Я утверждаю, что наша тактика на первом планѣ должна поставить себѣ цѣлью продлить революціонное время, продолжить возможно больше то состояніе политической неурядицы, которое теперь характеризует Россію. Зачѣм это нужно нам? Понятно, не потому, что мы-де сторонники неурядицы вообще. Наш идеал не хаос, а гармонія, не война, а мир, не вражда людей, а их братская солидарность. Но именно для завоеванія этого свѣтлаго будущаго, которое манит нас из чудной синей дали, мы должны теперь всѣми силами стараться увеличить революціонную сумятицу и не давать установиться «правому порядку».

Народ только во время революціи, т. е. во время реального открытаго столкновенія общественных сил, научается понимать, кто его друзья и кто враги его, научается цѣнить свои собственныя силы; научается из жизни, а не из книг самому важному и самому трудному искусству—гражданской войнѣ. Должен ли я напомнить о том,

как революція самим своим существованіем, ярко рисует все безсиліе безжизненных формул закона перед живою творческою волей проснувагося народа? Кто не знает, какія благородныя чувства будит революція в сердцах угнетенных, как каждый революціонный час разгибает спину согнувагося раба, зажигает огонь в глазах трусливаго, будит грозным набатом всѣх спящих и со всѣх сторон собирает и укрѣпляет великую рать возставшаго труда? В революціонное время иногда достаточно одного крика, одного смѣлаго акта, чтобы толкнуть широкія массы на такіе шаги, которые кажутся бредом в мирное время обыденной, сѣрой жизни, мелких интересов и шкурных забот.

Да, уже одно грандіозное воспитательное значеніе революціи должно было бы убѣдить нас в абсолютной необходимости для нас продленія революціи. Но в этом вопросѣ есть еще одна сторона, едва-ли не болѣе важная. В обыкновенное, мирное время вряд-ли возможна очень широкая открытая анархистская организація. Силы современнаго конституціоннаго государства так громадны, что оно всегда находит «конституціонные» поводы и реальную возможность тормозить и разрушать истинно-революціонную работу. Мы до сих пор нигдѣ не имѣем анархистской партіи не только по чисто доктринерским предразсудкам, но и потому, что созданіе такой партіи в самых «свободных» странах встрѣчает громадныя препятствія и сопряжено с серьезными жертвами. Исторія французских революціонных синдикатов рабочих прекрасно иллюстрирует эту мысль. Пока синдикаты были мирными профессиональными союзами, правительство Республики кокетничало с ними, даже субсидировало их. Но с той поры как они, под вліяніем анархистов, пошли по революціонному пути, правительство (и социаль-демократы) начали против них ту безславную кампанію преслѣдованій и клеветы, которая может кончиться полным или частичным разгромом революціонной организаціи французскаго пролетаріата. Да и в самом дѣлѣ, может ли буржуазное государство спокойно смотрѣть на то, как его заклятый враг у него на глазах вооружается для уничтоженія современнаго общества? Думать, что можно в мирное время безпрепятственно созидать дѣйствительно массовую рабочую организацію с истинно-революціонной программой, на мой взгляд, так же утопично, как наивное мечтаніе социаль-демократов захватить государственную власть посредством избирательнаго листка. В том и другом случаѣ, так сказать, считают без хозяина, забывают о том важном обстоятельстве,

что государство не должно и не может дозволить дѣйствительно, а не на словах только боевой партіи пролетаріата. Поэтому в мирное время организція революціонныхъ массъ встрѣчаетъ весьма значительныя затрудненія. Иное дѣло - революція. Законъ не принимается во вниманіе не только революціонерами но и самими умѣренными и даже самимъ правительствомъ. Организованныя силы государства приходятъ в разстройство и теряютъ всякую вѣру в свое дѣло. При такихъ условіяхъ государственная власть буквально не в силахъ пренятствовать самымъ широкимъ организациямъ революціоннаго народа. Русская революція на своемъ порогѣ показала уже блестящіе примѣры. Вспомнимъ хотя бы Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, которые в нѣкоторыхъ мѣстахъ представляли типичные органы возставшаго народа и совершенно оттѣснили на задній планъ государственныхъ агентовъ, которые со скрежетомъ зубовъ должны были видѣть, какъ всѣ законы попираются ногами и народъ открыто готовится къ возстанію. Вспомнимъ также грандіозные митинги солдатъ, матросовъ и даже казаковъ. В мирное время такія явленія могутъ сниться только болѣзненно разстроенной фантазіи в эпоху революціонной неурядицы государство безсильно имъ помѣшать. И такъ, нашъ первый тактическій лозунгъ момента: *La Revolution a outrance!* (Революція до конца).

К этой цѣли, какъ мнѣ кажется, раньше всего ведетъ широкій, массовый, развитой, всесторонній терроръ. Мы должны с оружіемъ в рукахъ встрѣчать всякое нападеніе правительства. На разгоны нашихъ собраній, на аресты нашихъ товарищей, на конфискаціи нашихъ газетъ мы должны отвѣтить однимъ и тѣмъ же—смертью виновниковъ, смертью нашихъ насильниковъ. Мы должны безпрестанно и смѣло сѣять смерть в рядахъ враговъ нашихъ: револьверъ и бомба самые надежные защитники народныхъ вольностей.

Но терроръ не долженъ быть исключительно политическимъ. В глазахъ анархиста крупныя капиталисты и помѣщики являются такими же кровопійцами, какъ и правительственные разбойники. Противъ крупныхъ эксплуататоровъ мы должны не менѣе смѣло направлять свои смертоносныя удары. Насъ не должно смущать то, что теперь нѣкоторые буржуа и помѣщики играютъ в либерализмъ и наши нападенія могутъ оттолкнуть ихъ в лагерь открытой реакціи: эти либеральныя кровопійцы всегда держатъ камень за пазухой для насъ—революціонеровъ, они в душѣ—заклятые реакціонеры и чѣмъ скорѣе они снимутъ с себя маску либеральничанья, тѣмъ лучше для народа, который—увы!—слишкомъ часто даетъ сбить себя с толку пусто-

звонными фразами этих хитрых и бездушных политиканов. Террор против экономических врагов пролетариата должен играть у нас еще видную роль потому, что его совершенно отрицают демократы, выступающие под кличкой социаль-демократов, социалист.-революционеров и всяких других мнимых «социалистов», а политической террор и без нашего содействия получает довольно широкое распространение. Итак, по отношению к политическим и экономическим врагам работников у нас не должно быть никакой пощады: мы должны хорошенько помнить, что в случае нашего поражения мы нигде не встретим милосердия, и потому:

«Бей, губи их—зловѣев проклятых,

Засвѣтись лучшей жизни заря!»

Одного только должны мы опасаться чтоб террор не выродился в ту народию на террор, который находит себя сочувствие среди босяцких элементов русского анархизма и получил характерное название «безмотивнаго» террора: под этим разумѣются бросание бомб в рестораны, убійства буржуев с целью «пропаганды» и т. п. Такой террор не только не содействует пропагандѣ, но, наоборот, отталкивает от нас массы. Для того, чтобы террор наводил панику на правительство, привлекал к революціонерам внимание и симпатію масс народа, чтобы он подымал революціонное настроеніе, террор должен быть отмѣчен печатью нѣкотораго величія и должен быть направлен преимущественно против крупных, видных врагов народа, а не против мелких, слѣпых орудій Государства и Капитала. Мы должны всегда переносить внимание рабочих масс с неважных частей на важное общее, с мелких нійвок на крупных гадюк: военное искусство требует, чтобы бить врага не в руки, а в самое сердце, цѣлнить в офицеров, а не в простых рядовых. Каждый террористическій акт должен быть так понятен массам, чтоб не нуждался ни в каких оправданіях и чтоб мог служить как бы наглядным уроком. Поэтому «безмотивный» террор не только всегда бессмыслен, но часто глубоко вреден. Это видно между прочим из того, что когда правительство в Западной Европѣ хочет окончательно развратить анархизм в какой—либо мѣстности, оно всегда поручает своим агентам проповѣдывать и провоцировать именно «безмотивный» террор, который не только быстро истощает силы террористов на пустяки, но и возбуждает против них всеобщую ненависть. Это неприятная, исторически доказанная связь «безмотивнаго» террора с весьма мотивными «видами» полицейскаго участка должна дѣлать рабочих очень осторо-

жными в отношении ко всякой подозрительной «безмотивности».

Как ни велико значеніе террора вообще, а в революціонное время в особенности, все же жалок тот, кто думает, что наша работа должна или может ограничиваться одной террористической дѣятельностью. Особенности теперешняго момента невольно выдвигают на первый план, на авансцену борьбы террор. Но кто думает, что бомба и револьвер составляют весь анархизм, тот никогда не понимал и уж никогда не поймет всего величія нашего ученія. Мы теперь шествуем под шумом бомб, потому что против нас выступают под грохотом пушек. Но не бомбы характеризуют нашу доктрину, а то, что находится позади их, тот идеал, который сидит в умѣ и сердцѣ террориста, который во имя своего идеала отдает в жертву самый драгоценный из всѣх благоухающих даров природы—свою жизнь!

Чего мы хотим? Мы хотим беспощадно разбить всѣ оковы рабства не только матеріальнаго, но и нравственнаго. Мы хотим сорвать с человѣка всѣ путы и пеленки которыя сжимают нас в тисках, развращают наш ум, дѣлают из нас, по натурѣ добрых и благородных, грубых и грязных искателей наживы. Наш идеал связан с глубоким переворотом не только в социальних отношеніях, но и в нашей душѣ. Неужели же достаточно отдѣльных нѣскольких смѣльчаков, чтобы поднять народ из бездны забот и невѣжества и толкнуть его на бой со всѣм буржуазным міром? Мы, сторонники рабочаго анархизма, отвѣчаем рѣшительно: нѣтъ! тысячу раз нѣтъ! Террор, говорим мы, в борьбѣ за наш конечный идеал, может играть только подсобную роль. Наша главная работа—развитіе сознанія и организація городских и сельских рабочих в один грандіозный революціонный Союз Труда, который охватил бы весь мір, проник бы во всѣ фабрики, мастерскія, во всѣ копи, во всѣ лачуги сельских пролетаріев, во всѣ свѣтелки кустарей, во всѣ казармы солдат. Этот Всемирный Союз Труда скрѣпит неразрывными узлами солидарности единую, но разрозненную врагами братскую, семью всѣх трудящихся, всѣх страждущих. Она создаст в рамках стараго міра зародыш новаго, фундамент чисто рабочаго общества, рабочей ассоціаціи, без законов, без полиціи, без хозяев и без бога. Когда грянет гром и народ проснется от умственной спячки, в которой держали его правительство и политиканы, и желѣзным ударом разрушит Бастилію буржуазіи, этот Всемирный Союз Труда станет единственной экономической и политической организаціей человѣчества.

“L'internationale sera legendre humain”.

(Интернаціонал будет челоѡѡчеством).

Да и до этого свѣтлаго момента революціонные профессиональные союзы вырвут у капиталистов, помѣщиков и правительства хотя бы долю тѣх ничтожных выгод, которых рабочіе могут добиться и этим хотя бы отчасти облегчить то тяжелое бремя нищеты, голода и безработицы, которое дѣлает из работника затравленного звѣря, совершенно неспособнаго к постоянной стойкой борьбѣ с врагом. Голодный челоѡѡкъ способен на один какой-нибудь нервный акт, но не на долгую, копотливую, революціонную борьбу. Дайте раньше всего хлѣба народу, не кормите его только звучными фразами о будущем мірѣ добра и красоты! Успокоенный сладкой музыкой народ, может быть, на время в экстазѣ пойдет за нами, но жизнь—увы!—не театр, народ не праздный зритель, а мы—не актеры. Суровая жизнь дает себѣ знать слишком грубо и слишком жестоко тѣм, которые стоят согнувшись на самом низу буржуазной пирамиды и платят голодом и страданьями за свои и чужіе грѣхи. Народ, который мы будем кормить музыкой и картинками, рано или поздно разочаруется в нас и уйдет к тѣм политическим фокусникам, которые обѣщают ему сейчас хоть что нибудь. Наш бесплодный, отвлеченный революціонаризм послужит только на пользу ловким и безпринципным политиканам, которые искусно играют роль «реальных политиков». Чтобы спасти рабочія массы от ядовитаго вліянія этих проныр, мы должны сами организовать возможно больше революціонных профессиональных союзов, объединять их в каждом городѣ и по всей странѣ. Наше участіе в экономической борьбѣ городских и сельских рабочих и главным образом это участіе превратит нас из кучки мечтателей в сильную массовую анархистскую рабочую партію, которая сможет смѣло выступить на борьбу с грозным лозунгом: Да здравствует Рабочая Коммуна!

Резюмирую.

I. Нам необходимо выработать ясную программу и тактику и на почвѣ общих програмных и тактических принципов объединить всѣ здоровые элементы русскаго анархизма в единую федерацію—Анархическую Рабочую Партію.

II. Необходимо идейно и организаціонно отмежеваться от тѣх подозрительных элементов, которые проповѣдуют и практикуют теорію краж, как средство борьбы за анархизм.

III. Нам нужно поставить в центрѣ нашей работы—

участіе в революціонном профессиональном движеніи, чтобы превратить его в анархическое.

IV. Наш практическій лозунг: широкій бойкот всѣх государственных учреждений, особенно арміи и парламента, и провозглашеніе в городах и селах рабочих коммун с Совѣтами Рабочих Депутатов, в качествѣ промышленных комитетов, во главѣ.

Эти пункты составляют основу практической дѣятельности того направленія, представителем котораго являюсь и я.

XX.

Что же дальше?

Безпощадно и рѣзко критиковал я до сих пор социаль-демократію. Я старался обнаружить всю мѣщанскую мелочность ея идеала, всю безсмысленность и вредность ея тактики. Идеалу и тактикѣ социаль-демократіи я старался противопоставить идеал и тактику рабочаго анархизма. Достигнута ли моя цѣль? Нѣтъ! Нѣтъ! Едва я дал отвѣтъ на самые живые, острые вопросы рабочаго движенія, как новый вопрос поднимается из глубины души моей и наполняет меня одновременно и безумным восторгом и невольным страхом: мнѣ сладко чувствовать, что еще не всѣ вопросы получили свой отвѣтъ, что не всѣ великія задачи получили свое рѣшеніе, что есть еще, стало быть, для чего жить и за что умереть. Но мнѣ становится страшно при мысли о том, что новыя препятствія, перспективы новой борьбы оттолкнутъ многих. Но пусть малодушные и слабые уходят от нас к тѣм политическим фокусникам, которые умудряются придумать один все-спасающій рецепт от всѣх социальных зол. Сильные и гордые не побоятся правды и сумѣют мужественно встрѣтить всѣ выводы из признанных принципов.

Во имя чего боремся мы теперь? Боремся ли мы во имя матеріальнаго благополучія? И да и нѣтъ. Да, потому, что без устранения ужаснаго бича голода человѣкъ никогда не станет самым собою, никогда не распростится с тѣми грубыми инстинктами корыстолюбія, торгашества и зависти, которые создаются в нем отвратительной борьбой за существованіе. Нѣтъ,—потому, что не в этом матеріальном благополучіи видим мы центр своей дѣятельности. Пусть социаль-демократы находят для себя выгодным унижаться до уровня пониманія самых отсталых рабочих и пусть увѣряют их, что «социальный воп-

рос есть вопрос желудка» (Die sociale Frage ist eine Magenfrage»), мы будем всегда твердить рабочему человеку, что кроме желудка у человека есть и голова, и сердце, и нервы, что освободить человека не значит только его желудок наполнить пищей, что человек не будет свободен, пока не сбросит с плеч своих всех уз не только экономических и политических, но и нравственных, умственных и художественных, пока не будет достигнуто цѣлостное, интегральное освобождение человеческой личности. Центром нашей дѣятельности всегда будет создание цѣльной, т. е. сознательной, гордой и стойкой человеческой личности. Наша задача не облагодѣтельствовать народ хитроумными планами организации новаго общества, а дать народу самому строить свою жизнь, как он этого захочет. Оттого то в нашем идеалѣ мы удѣляем так много вниманія свободѣ личности.

И вот тут-то возникает вопрос: обеспечивает ли анархическій коммунизм эту свободу личности? Будем анализировать наш собственный идеал с тою же беспощадностью, как и идеалы наших противников.

Одним из главных доводов наших против коллективизма всегда служило у нас то, что коллективизм не дает свободы труда. Мы, анархисты, всегда энергически отстаивали ту великую истину, что пока человек не получил возможности работать там, тогда и столько, гдѣ, когда и сколько он хочет,—он будет тѣм же жалким рабом. Обеспечивает ли анархическій коммунизм полную свободу труда? У нас не будет никакого начальства, которое прямо командовало бы работником, как в социаль-демократическом государствѣ. Но развѣ общественное мнѣніе будет щадить неудобных ему людей. Развѣ этот бич не будет так же назойливо врываться в нашу личную жизнь, как и иное попечительное начальство? Поучительным примѣром могут послужить для нас страны, которыя, по справедливости, считаются наиболѣе передовыми, в отношеніи индивидуальной свободы. И что же мы видим? Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы общественное мнѣніе так деспотически врывалось в личную жизнь, как в Англии или Соединенных Штатах.

Общественное мнѣніе такой же деспот, как любое правительство, несмотря на то, что оно вполне безлично. Можно ли отрицать, что и в Анархической Коммунѣ общественное мнѣніе будет висѣть дамокловым мечом над всякой личностью выше средняго уровня, выше посредственности? Можно ли также быть вполне увѣренным, что это общественное мнѣніе дѣйствительно гарантирует человеку полную свободу труда, что оно великодушно

откажется карать своим гнѣвом «лѣнливых» или «неспособных»? Не будет ли отнята у личности одной рукой частица той свободы, которая дана ей другой.

Но пойдем дальше.

Анархическій коммунизм обѣщает каждой личности свободное образование и расторженіе союзов. Это значит, что личность будет свободна в выборѣ союза. Но не будет ли эта свобода полуфигктивной? Вѣдь в буржуазном обществѣ мы видим нѣчто аналогичное: официально, рабочій имѣет «свободу» выбора хозяина. Но эта свобода превращается в призракъ тѣм простым обстоятельством, что рабочій у всѣхъ хозяевъ вездѣ застаетъ ту же ситему эксплуатаціи, что капиталистическая «свобода труда» есть свобода обмѣна однѣхъ цѣпей на другія точно такія же. Не повторится ли нѣчто подобное и в Анархической Коммунѣ? Не станетъ ли до извѣстной степени фиктивной свобода входить в союзы и выходить из них, раз вездѣ личность будет находить тѣ же условія. Кромѣ того, мы должны спросить себя: каково будетъ положеніе личности в самом союзѣ пока она не вышла из него? Неужели мы будем настолько наивны, что будем вѣрить, будто общество будетъ приспособлять свою внутреннюю организацію ко вкусамъ каждаго новаго члена? Да и возможно ли это вообще? Не ясно ли, что личность до извѣстной степени должна будетъ приспособляться к потребностямъ того цѣлаго, которое мы называемъ свободнымъ союзомъ? Не ясно ли, что личность и здѣсь не служитъ самоцѣлью, т. е. не является дѣйствительно свободной, цѣлостной единицей, а имѣетъ над собою все то же ненавистное «общество», которое в иной формѣ, но не менѣе цѣпко будетъ держать в своихъ лапахъ душу и тѣло человѣческой личности.

Но пойдемъ еще дальше. Никто не станетъ отрицать, что однимъ изъ самыхъ подлыхъ и мерзкихъ учрежденій нашего общества является судъ. Его низость состоитъ не в том, что онъ немилостивъ, нескоръ, неправъ и неравенъ для всѣхъ — онъ возмущаетъ насъ уже однимъ своимъ существованіемъ. Наша совѣсть не можетъ допустить самого слова «судъ» Мы не только считаемъ бессмысленнымъ, дикимъ и жестокимъ «наказывать» такъ называемыхъ «преступниковъ», мы считаемъ чудовищной самую мысль о том, что кто-то можетъ смѣетъ брать на себя роль судьи надъ поступками другого. Кто настолько подл, чтобы утверждать, будто онъ можетъ проникнуть настолько в чужую душу, чтобы рѣшить, виновенъ ли «преступникъ» или нѣтъ. Да и что такое «виновность», какъ не месть обиженнаго «общества», которое съ непростительной дерзостью врывается в нашу

жизнь и почему-то считает себя компетентным рѣшительно во всем? Нѣтъ правых и нѣтъ виновных! Человѣкъ ни добр, ни зол; он добр по отношенію ко мнѣ и зол по отношенію к тебѣ. Добро и зло, добродѣтель и порок —пустыя и вредныя абстракціи, которыя оставила нам наша добрая бабушка-религія на добрую память, и до сих пор держит в плѣну мысль вольнаго человѣка. Нужно раз навсегда покончить с этими старыми поповскими выдумками: нужно понять, что человѣкъ только таков, каким его создали обстоятельства; что каждый из нас склонен к тѣм или иным «преступленіям» и к тѣм или иным «подвигам» одновременно—и от самых пустячных обстоятельств зависит, станет ли данный человѣкъ «преступником или «геніем». Глупым мнѣ кажется, поэтому ставить памятники геніям и безсмысленным, жестоким мнѣ представляется воздвигать гильотины преступникам. Никто—ни бог, ни поп, ни царь, ни народ не имѣют ни малѣйшаго права ни карать, ни миловать, потому что никто в мірѣ не имѣет права судить другого. Должен ли я сдѣлать исключеніе для «товарищей»? Должен ли я допустить так называемый третейскій суд? Нѣтъ, я отвергаю его так же рѣшительно, как суд полиціи. Третейскій суд отличается от полицейскаго тѣм, что он временный, а не постоянный, но развѣ он от этого перестает быть грубым организованным святотатственным насиліем над душою судимаго? Третейскій суд не имѣет в своем распоряженіи полиціи, но за ним стоит еще болѣе грубая сила— кулак общественнаго мнѣнія. Развѣ в Анархической Коммунѣ это пресловутое общественное мнѣніе не затравит бойкотом тѣх своих членов, которые не признают третейскаго суда? Гдѣ гарантія за то, что при помощи третейскаго суда и бойкота пошлость и лицемѣріе не пригнут к землѣ свободаго человѣка? Что рѣшенія третейскаго суда постепенно не войдут в обычай и не станут такими же нормами, как и законы? А развѣ мнѣ не все равно, как называется плеть, которая сѣчет меня? Я ненавижу и презираю всякую внѣшнюю власть без различія того, исходит ли она от бога, от царя, от парламента, от народа, от товарищей. Я сам составляю отдѣльный, замкнутый, богатый, причудливый мір, в который никто не смѣет проникнуть без моей воли. Когда мнѣ становится тоскливо, я побѣгу к близкому другу «рассказать ему свою душу». В другое время я соединяюсь с группой моих знакомых, чтобы отправиться на общую прогулку, на охоту, на скачки и т.д. Словом, я вступаю в общеніе с моими близкими, когда мнѣ этого хочется; я ухожу в свою «пустыню», когда я сочту это полезным: никакая

власть—ни закон, ни обычай, ни третійскій суд не смѣют указать границы моей свободѣ ни на один момент. Я никогда не составляю части другого цѣлаго, я всегда цѣлостная индивидуальность. Я признаю рядом с собою цѣлые милліоны таких же самодержавных личностей как я, но над собою я вижу только пустое небо—и больше ничего.

«Но вѣдь это утопія», слышится мнѣ возмущенный протест. Такая абсолютная свобода немыслима ни в каком обществѣ. Кто хочет такой свободы, должен уйти в лѣс к диким звѣрям. Но общество не может существовать без нѣкотораго, хотя бы минимальнаго ограниченія нашей свободы».

Это возраженіе мнѣ кажется неопровержимым. Но значит ли это, что я должен отказаться от лучезарной мечты увидѣть когда—либо дѣйствительное торжество Свободы и Красоты, когда человек перенесет на самого себя то благоговѣніе, которое он до сих пор в своей слѣпотѣ дарил пустым произведеніям своей фантазіи—богам, когда человек впервые почувствует бога не внѣ, а внутри себя? Должен ли я отказаться от этой чудной мечты, которая живет в нас незамѣтно, которая может быть на время задавлена, но никогда не может быть искоренена, пока жив на землѣ хоть один человек? Нѣтъ! Не должен и не могу: когда человек отказался от этой мечты, он отказался от цѣли жизни, от самой жизни. Да, здравствует жизнь и долой всѣ авторитеты, стоящіе на пути жизни! Долой Собственность! Долой Государство! Долой Церковь! Но если и Общество стоит на пути жизни—то долой Общество! Я об'являю войну и этому новому идолу, который под новым звучным именем будет требовать от нас по прежнему тѣх же кровавых жертв. Однако, присмотримся ближе к этому вопросу.

Причина нашего рабства не в общественной жизни, т. е. не в общеніи с другими людьми, а в принудительности опредѣленных общественных форм поддерживаемых внѣшним, механическим насильственным давленіем, т. е. в авторитарности общества, а не в самом обществѣ. Анархическій коммунизм и требует уничтоженія всѣх видимых авторитетов: Собственности, Государства и Церкви. Но когда мы глубже всматриваемся в природу Анархической Коммуны, мы видим, что и она не дошла до конца пути, до послѣдней станціи «Полная свобода личности», что кромѣ видимых, осязательных авторитетов, которые стремятся уничтожить анархическій коммунизм, есть еще один невидимый и неосязаемый авторитет, который, к сожалѣнію, не воплощается уже в каких-

либо определенных органах и учреждениях, а коренится в том, что до сих пор служило и еще долго будет служить основой общественной жизни: я говорю о коллективном производстве. Именно обязательность коллективного труда есть послѣдняя обуза человѣка, послѣдній вышній фактор, который вступает в борьбу с внутренним міром человѣка. Когда будут уничтожены все авторитеты стараго міра, останется один коллективный труд, который один будет отнынѣ имѣть право опредѣлять сферу свободной дѣятельности человѣка. Обширна будет свобода в Анархической Коммунѣ, но и здѣсь она будет ограничена потребностями и интересами коллективного производства: человѣкъ сможет дѣлать все, кромѣ того, что мѣшает планомѣрности производства. И для того, чтобы заставить личность дѣйствовать в желательном направленіи, вовсе нѣтъ надобности в полиціи: достаточно выразить порицаніе неподходящему члену общества—это подѣйствует сильнѣе заключенія в тюрьму. И вот я прихожу к выводу, что человѣкъ не будет свободен, пока не падет и этот послѣдній авторитет—авторитет общественнаго мнѣнія, который имѣет свое основаніе в обязательном коллективном производствѣ.

Чтобы быть свободным, человѣкъ должен имѣть возможность отстаивать свои права от всех и всякаго. Но как же быть ему, когда в самом основном вопросѣ—в вопросѣ о жизни—он зависит от окружающих? Только индивидуальное производство и индивидуальное распределение может служить базой полной свободы личности. Человѣкъ станет вполне свободным только тогда, когда он сам или с помощью очень близких людей сможет производить все самые необходимые продукты для жизни. Это не значит, что коллективное производство дѣйствительно исчезнет: совмѣстный труд сам по себѣ доставляет столько наслажденій, что люди никогда не захотят лишиться себя этой радости. Но исчезнет обязательность этой коллективности, исчезнет всякая общественная организація труда, дѣятельность человѣка и в области производства будет опредѣляться только внутренними мотивами, общество окончательно перестанет быть организмом и станет исключительно совокупностью таких свободных организмов, совокупностью цѣльных, самостоятельных личностей. Анархическая Коммуна смѣнится Анархіей в лучшем, благороднѣйшем смыслѣ слова.

Каков практическій вывод? Возможен ли теперь, немедленно переход к индивидуальному производству? Я отвѣчаю: нѣтъ! При теперешнем развитіи техники произ-

водство, новидимому, должно быть коллективным. Но есть много оснований думать, что современная стадія развитія техники не будет послѣдней. Много обѣщает уже развитіе электричества, которое, вопреки чаянію марксистов, ведет не к централизаціи, а к децентрализаціи производства из одной электрической станціи сотни отдѣльных предпріятій могут снабдить себя достаточным количеством электрической энергии по самой дешевой цѣнѣ. Это повело уже в нѣкоторых мѣстах к неожиданному расцвѣту мелкаго производства на совершенно новых началах*). Трудно предвидѣть всѣ грядущіе успѣхи техники. Несомнѣнно только одно: каждый техническій прогресс не только увеличивает производительность труда, но и все больше раскрѣпощает личность, дѣлая все болѣе возможным индивидуальное производство.

А до тѣх пор все, что мы можем дѣлать, сводится к одному: мы должны и теперь уже всѣми силами будить в работникѣ не только классовое сознаніе, но и человѣческое самосознаніе. Работник должен понять не только то, что ему принадлежит весь продукт, что никто не смѣет командовать им даже от имени «народа», но и то, что он вполне свободная человѣческая личность, отвѣтственная только перед своим внутренним «я»; что он сам должен опредѣлить свое мѣсто в жизни, создать себѣ свои собственныя нравственныя воззрѣнія и строго охранять свой собственный духовный мір от всякаго вторженія вульгарной власти, даже власти «товарищескаго большинства». В настоящее время наибольшую мѣру свободы и благосостоянія нам может доставить тот общественный строй, который мы называем Анархической Коммуной. Она и составляет предмет наших сегодняшних стремленій. Но завтра, «на другой день послѣ социальной революціи», выражаясь неуклюжим языком наших добрых «товарищей» социаль-демократов, жизнь не остановится: возникнет новая борьба, и эта славная борьба, говорю я, будет вестись не во имя большого довольства, а во имя большей свободы, не во имя дальнѣйшаго проведенія коммунизма, а во имя болѣе глубокаго осуществленія анархизма. Для меня анархическій коммунизм есть только необходимое предварительное условіе полнаго освобожденія человѣческой личности, так сказать, только наша «программа—минимум».

Пусть же знает всякій свободный работник, что и коммунизм не дает полнаго отвѣта глубоким запросам человѣка, что и ниспроверженіе современных авторите-

*) Kropotkin: Fields, Factorits and Workshops.

тов не означает наступления «эпохи покоя» *), что нѣтъ и не должно быть покою мятежному духу человѣка, что вся радость и горе жизни, весь смысл жизни есть, вѣчная, неутомимая, великая борьба за все большую побѣду нашего внутренняго міра над вѣшним. Во время этой долгой, упорной борьбы весь вѣшній міръ должен потерять для нас свою угрюмую отчужденность и стать одним роскошным храмом Красоты. Спадет с труда вѣковое проклятіе рабства, и он превратится в одну сплошную свободную игру человѣческих страстей, а сам работник станет смѣлым и гордым свободным художником.

*) William Morris: "The Epoch of Rest".

XXI.

Проект Программы Синдикального Анархизма.

I.

Всякое общество, по существу, есть не что иное как определенная форма сотрудничества, т. е. определенная форма совместной борьбы с природою.

II.

Во всяком обществѣ всѣ категоріи сотрудничающихъ людей одинаково необходимы для жизни и развитія всѣхъ и представляютъ в этомъ отношеніи какъ бы одного гигантскаго коллективнаго работника. Особенно это очевидно в современном обществѣ с высокими производительными силами и широкимъ раздѣленіемъ труда, благодаря которому ни одна отрасль промышленности не можетъ нормально функционировать безъ всѣхъ остальныхъ и каждый продуктъ есть созданіе всѣхъ отраслей промышленности, всѣхъ производителей. Поэтому в современном обществѣ больше, чѣмъ когда бы то ни было, всякій продуктъ принадлежитъ коллективному работнику, т. е. обществу. Отсюда коммунистическій принципъ: все принадлежитъ всѣмъ.

III.

Со времени распадѣнія первобытныхъ коммун, благо-

даря прямому насилію побѣдителей в борьбѣ коммуни между собою над дѣйствительными членами сотрудничества, т. е. над людьми непосредственно, лично борющимися с природою, ослѣла группа, овладѣвшая средствами труда, освободившая себя от производительной работы и взявшая на себя привиллегію организаціи труда. С тѣх пор общество рассталось и распадается до сих пор на два класса: организаторов и производителей, имущих и неимущих.

IV.

Для охраны своих привиллегіи имущій класс нуждается в определенной прочной формѣ имущественных отношений, т. е. ему нужно сохранить ту форму собственности, при которой он распоряжается средствами и продуктами производства. Отсюда необходимость Закона, Суда, Полиціи, Арміи, необходимость Государства.

V.

Будущее общество, в котором все принадлежит всѣм не нуждается в государственной власти, ибо только частная собственность нуждается в частной охранѣ со стороны власти, охраной общественной собственности является все общество, т. е. никто. Общественная собственность, являясь в сущности уничтоженіем всякой собственности, есть также уничтоженіе всякой власти. Отсюда анархистскій принцип отрицанія Государства, отрицанія всякаго авторитета.

VI.

Общество, в котором уничтожено всякое противорѣчіе интересов между имущими и неимущими, господами и подчиненными, правительством и подданными этим самым должно неизбежно уничтожить и основу всѣх этих противорѣчій—противорѣчіе между официально признанным властным организатором и рабочим, между

умственным трудом и физическим, между интеллигенціей и рабочим классом. Этим личности открывается доступ ко всякой работѣ, и отнынѣ вся дѣятельность личности освобождается от всяких внѣшних мотивов и становится свободным проявленіем внутренняго міра человека. Отсюда, анархизм рядом с отрицательным требованіем уничтоженія всѣх форм власти, выставляет положительный принцип: полную автономію личности.

VII.

Новое свободное общество не может быть создано ни стихійным развитіем самих экономических отношеній, ни дѣятельностью законодательства, ибо никакія перемѣны в производительных силах не мѣняют базы современнаго производства—частной собственности, а всякая законодательная дѣятельность также всегда вращается и не может не вращаться в юридических рамках этой самой основы. Переход к новому строю общественной жизни невымыслим без всеобщей стачки и насильственной соціальной революціи. Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих.

VIII.

Ни одно общество не может исчезнуть, пока в рамках стараго строя жизни не подготовлены элементы новаго. Так как общество есть главным образом организація производства, то для разрушенія стараго общества, старой организаціи производителей необходимо предварительно подготовить в нѣдрах умирающаго міра новую организацію производства при новых общественных отношеніях, при новой формѣ собственности.

IX.

Зародышем будущей свободной Всемирной Рабочей Ассоціаціи в современном капиталистическом обществѣ являются профессиональные союзы рабочих. Сама логи-

ка борьбы даже за ближайшіе экономическіе интересы толкает рабочих на путь борьбы все болѣе революціонной, заставляет отказаться от утопических мѣщанских надежд, связанных с артелями, кассами взаимопомощи, мирными легальными союзами, контрактами с хозяевами, третейскими судами, законодательской охраной труда и прочими остатками буржуазнаго либерализма и социаль-демократизма. Профессиональные союзы во всѣх передовых странах постепенно становятся на путь непосредственной, прямой борьбы с капиталом и государством посредством стачек, бойкота, саботажа и террора, начинают все болѣе вмѣшиваться в руководство промышленностью, объединяются между собою по городам в так называемыя Биржи Труда и по всей странѣ во всеобщіе союзы работников. Эти союзы и ставят себѣ ближайшей цѣлью овладѣть средствами и продуктами производства и организовать производство на новых началах, как только побѣдоносная революція сдѣлает рабочій класс господином страны.

X.

Ни одно государство не может позволить открыто и в рамках закона организоваться явно революціонной, общественной силѣ. Поэтому революціонные анархистскіе профессиональные союзы которые стремятся создать синдикальный анархизм, могут и должны быть только явно противозаконными и тайными. Русскій синдикальный анархизм создает в Россіи тайный анархистскій Революціонный Всероссийскій Союз Труда.

XI.

Рядом с творческой работой по созиданію революціонных рабочих синдикатов—этих маленьких ячеек будущаго свободнаго рабочаго общества,—рядом с участіем в прямой революціонной борьбѣ рабочих с капиталом, русскіе анархисты должны вести непрерывную революціонную борьбу с государством, наносить ему без-

прерывно жестокие удары, ослаблять и разрушать его. Эта разрушительная работа состоит в террористических нападениях на представителей власти, капитала и церкви, в отказе от податей, в отказе от воинской службы, в бойкоте всех государственных учреждений, в крупных насильственных экспроприациях казначейств, государственных банков и т. д.

И. П. Маршак

МИХАИЛЬ БАКУНИНЪ.

Богъ
и
Государство

Издание Союза Русскихъ Рабочихъ г. Нью-Йорка.

Н Ъ Ю - Й О Р К Ъ .

— 1918 г. —

UNIVERSITY OF TORONTO

GOLD

IN

LOCKPORT

MARSHES GREEN BY RIVER AND LAKE

H. P. ...

...

Предисловіе Элизе Реклю и Кафіеро.

«И друзьямъ, и врагамъ Бакунина извѣстно величіе его идей и его несокрушимая энергія; извѣстно также, съ какимъ высококомѣрнымъ презрѣніемъ онъ смотрѣлъ на богатство, чины, славу, на всѣ несправедливыя преимущества, поддерживать которыя большинство человечества имѣеть достаточно подлости. Русскій дворянинъ, покинувшій на родинѣ обширныя помѣстья, онъ одинъ изъ первыхъ прикнулъ къ обществу непримиримыхъ мятежниковъ, отрясшихъ отъ ногъ прахъ традицій и предразсудковъ, отрекшихся отъ національныхъ и классовыхъ интересовъ и ставящихъ ни во что свой собственный комфортъ. Вмѣстѣ съ ними велъ онъ суровую битву жизни; какъ и они, долгіе годы томился въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ, переносилъ всѣ опасности и лишенія, которыя приходится претерпѣвать самоотверженнымъ людямъ въ теченіе ихъ подвижнической жизни.

Простой камень съ именемъ Бакунина отмѣчаетъ то мѣсто на Бернскомъ кладбищѣ, гдѣ зарытъ его прахъ. Но чтобы запечатлѣть въ памяти потомства образъ этого величаго революціонера, далекаго отъ всякой суетности, не нужна надгробная надпись и, вѣроятно, его друзья и послѣдователи никогда не воздвигнутъ ему тщеславнаго памятника. Они знаютъ, какимъ громкимъ смѣхомъ отвѣтилъ бы онъ на предложеніе такимъ способомъ увѣковѣчить его славу. Единственный достойный способъ чтить его память это — продолжать дѣло его жизни съ тою же энергіей и упорствомъ, съ какимъ трудился онъ самъ. А завѣщанное имъ дѣло, поистинѣ, велико и трудно; и никто еще изъ учениковъ его не далъ для дѣла революціи и сотой доли того, что далъ Бакунинъ.

Въ Россіи среди студентовъ, въ Германіи среди дрезденскихъ

инсургентовъ, въ Сибири среди своихъ собратій по изгнанію, въ Америкѣ, въ Англіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи среди пробуждающагося народа, пронесся онъ, какъ потокъ лавы, воспламеняя все на своемъ пути. Оригинальность его идей, образность и пылкость его краснорѣчія, неутомимая энергія въ пропагандѣ, наряду съ прирожденнымъ величіемъ его личности и съ могучей жизненностью, открывали Бакунину доступъ ко всѣмъ революціоннымъ группамъ, и его вліяніе сильно сказалось вездѣ и на всѣхъ, даже на тѣхъ, которые сначала встрѣтили его съ распростертыми объятіями, а потомъ оттолкнули вслѣдствіе различія въ цѣли и методѣ.

Корреспонденція его была очень обширна: онъ цѣлыя ночи напролетъ писалъ длинныя письма къ своимъ друзьямъ изъ революціоннаго міра, и нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, написанныя для того, чтобы подкрѣпить робкихъ, подобрать лѣнливыхъ, или начертать планъ пропаганды или возстанія, приняла размѣры цѣлыхъ томовъ. Эти письма болѣе, чѣмъ что-либо другое, выясняютъ огромное значеніе Бакунина въ революціонномъ движеніи XIX столѣтія.

Брошюры, изданныя имъ на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, какъ бы ни были онѣ цѣнны для даннаго момента въ дѣлѣ выясненія идей Бакунина, имѣютъ несравненно меньшее значеніе, чѣмъ его письма. Настоящій трактатъ «Богъ и Государство» не болѣе какъ отрывокъ изъ письма. Написанный съ обычной для Бакунина манерою, онъ страдаетъ свойственнымъ всѣмъ его произведеніямъ недостаткомъ пропорціональности и законченности. Мы напрасно старались найти конецъ рукописи: его не оказалось. У Бакунина никогда не хватало времени, чтобы окончить начатое. Не успѣвалъ онъ окончить одно, какъ надо было приниматься за другое.

«Самая моя жизнь не болѣе какъ отрывокъ», сказалъ онъ однажды критику его литературныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе читатели настоящаго трактата, вѣроятно, не пожалѣютъ, что онъ напечатанъ, хотя и не въ полномъ видѣ. Прямо обращаясь только къ своимъ честнымъ оппонентамъ, Бакунинъ доказываетъ имъ несостоятельность ихъ вѣрованія въ ту божественную власть, на которой основаны всѣ земныя власти; онъ доказываетъ имъ чисто человѣческое происхожденіе всѣхъ правительствъ; въ заключеніе, не останав-

ливаясь на обсужденіи основъ государства, уже осужденныхъ общественной нравственностью, каковы физическое превосходство, насиліе, дворянство, богатство и проч., онъ не оставляетъ камня на камнѣ и въ Кантовской теоріи передачи управленія въ руки ученыхъ. Дѣйствительно: предположимъ даже, что среди конфликта честолюбій и интригъ было бы возможно распознать, кто мнимые и кто настоящіе ученые; допустимъ, что была бы найдена такая система выборовъ, при которой власть была бы передана въ руки людей, обладающихъ истиннымъ знаніемъ; какую гарантію мудрости и честности управленія могли бы они предложить намъ? Никакой! Наоборотъ, почти съ увѣренностью можно сказать, что эти новые хозяева предались бы тѣмъ же самымъ безумствамъ и тѣмъ же самымъ преступленіямъ, какъ и прежніе. Это произошло бы, во-первыхъ, потому; что наука не есть нѣчто законченное: она постоянно развивается, и нынѣшній ученый не болѣе какъ нѣвежда для завтрашняго дня. Пусть онъ только разъ вообразить, что достигъ предѣла совершенства, и одной этой причины достаточно, чтобы онъ спустился ниже только что родившагося ребенка. Но даже если бы ему и удалось познать истину въ самой ея сущности, получивъ власть, онъ неизбѣжно употребилъ бы ее во зло. Чтобы утвердить свое господство, онъ долженъ стараться, подобно всякому главѣ государства, задерживать жизнь массъ, движущихся ниже его, держать ихъ въ невѣжествѣ, чтобы сохранить спокойствіе, и постепенно унижать ихъ, чтобы управлять ими съ болѣе высокаго трона.

Впрочемъ съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ появились «доктринеры», настоящіе или мнимые гении не разъ брали уже въ свои руки управленіе скипетромъ міра, и мы знаемъ во что это намъ обошлось. Мы видѣли ихъ за работой, всѣхъ этихъ ученыхъ: они были тѣмъ суровѣе, чѣмъ больше они учились; тѣмъ уже въ своихъ взглядахъ, чѣмъ больше времени они посвятили всестороннему изученію какого-нибудь единичнаго факта. Безъ всякой жизненной опытности, потому что они долгое время не знали другого горизонта, кромѣ стѣпъ своего кабинета, они отличались ребяческими причудами и дѣтскимъ щеславіемъ, были неспособны къ серьезной борьбѣ и никогда не могли научиться распознавать истинное соотношеніе вещей.

Не были ли мы недавно свидѣтелями основанія цѣлой школы

«мыслителей»,—низкихъ льстецовъ и людей немирной жизни, которые построили цѣлую космогонію ради своей собственной выгоды? Согласно ихъ теоріи, міры были сотворены, общества развивались, революціи опрокидывали обветшавшій строй, государства погибали въ крови, нищетѣ и болѣзняхъ только для того, чтобы выдвинулся какой-нибудь избранный изъ академиковъ, для пышнаго расцвѣта котораго всѣ остальные люди не болѣе какъ удобреніе. Всѣ другія человѣческія существа обречены на смерть для того, чтобы эти джентльмены сдѣлались безсмертными!

Но мы можемъ быть спокойны: у всѣхъ этихъ академиковъ не найдется смѣлости Александра, разрубившаго мечомъ Гордіевъ узелъ. Управление при помощи науки сдѣлалось теперь такъ же невозможно, какъ и управление при помощи божественнаго права, богатства или грубой силы. Всѣ власти обречены отнынѣ на безжалостную критику. Люди въ которыхъ зародилось чувство равенства, не потерпятъ болѣе, чтобы ими управляли; они научатся сами управлять собою. Низвергнувъ съ высоты небесъ родоначальника власти, люди низвергнутъ также всѣхъ тѣхъ, кто царствовалъ его именемъ. Въ этомъ сущность грядущей революціи. Государства должны разрушиться, чтобы дать мѣсто новому строю, въ которомъ, какъ любилъ говорить Бакунинъ, «человѣческое» правосудіе будетъ замѣнено божественною справедливостью». И для этого грядущаго обновленія ни одинъ изъ революціонеровъ въ мірѣ не сдѣлалъ такъ много, какъ сдѣлалъ Михаилъ Бакунинъ.

БОГЪ И ГОСУДАРСТВО.

2012-11-15 10:00 AM

Богъ и государство.

Три элемента или три основныхъ принципа составляютъ въ исторіи главное условіе всякаго человѣческаго развитія, какъ коллективнаго, такъ и индивидуальнаго: 1) животная природа человѣка, 2) мысль и 3) духъ возмущенія. Сферой перваго элемента являются социальныя и частныя экономическія отношенія, сферой второго — наука, третьяго — свобода.

**
*

Идеалисты всѣхъ школъ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, изслѣдователи религій, философы и поэты, а также и ученые экономисты, — необузданные поклонники идеала, какъ намъ извѣстно, — очень оскорбляются, когда имъ говорятъ, что человѣкъ съ его могучимъ умомъ, возвышенными идеями, съ его безпредѣльными стремленіями, подобно всему существующему въ мірѣ, есть не болѣе какъ продуктъ грубой матеріи.

Мы можемъ отвѣтить, что матерія, о которой говорятъ матеріалисты, матерія самопроизвольно и вѣчно движущаяся, активная, превращающая химическую энергію въ динамическую, матерія, проявляющая себя въ милліонахъ комбинацій механическихъ, физическихъ, животныхъ и разумныхъ силъ, — что эта матерія не имѣетъ ничего общаго съ грубой матеріей идеалистовъ. Послѣдняя, продуктъ ихъ ложныхъ теорій, дѣйствительно глупая, бездушная, инертная вещь, неспособная дать рожденіе малѣйшему творенію, уродливая фантазія, придуманная только для контраста съ другой, прекрасной фантазіей, которую они называютъ Богомъ. Какъ противоположность этому высшему существу, матерія, — ихъ матерія, — лишенная ими всего, что составляетъ ея истинную природу, неизбежно должна представлять величайшее ничтожество. Они отняли у матеріи разумность, жизненность, всѣ ея существенныя качества, активныя соотношенія силъ, самое движеніе, безъ котораго матерія

не имѣла бы даже вѣса. Не оставивъ ей ничего, кромѣ непроницаемости и абсолютной неподвижности въ пространствѣ, всѣ эти природныя силы, свойства и проявленія они приписали воображаемому существу, созданному ихъ отвлеченной фантазіей; затѣмъ, перемѣнивъ роли, они назвали этотъ продуктъ своего воображенія, этотъ фантомъ, этого Бога (который есть ничто) «Высшимъ Существомъ», и какъ необходимое слѣдствіе отсюда, объявили, что дѣйствительная реальность, матерія, міръ, — есть ничто. Послѣ этой глубокомысленной манипуляціи, они серьезно говорятъ намъ, что эта матерія неспособна произвести ничего, неспособна даже придти сама собою въ движеніе, и слѣдовательно должна была быть сотворена Богомъ.

Кто же правъ, идеалисты или матеріалисты? Разъ этотъ вопросъ досаточно выясненъ, колебаніе дѣлается невозможнымъ. Несомнѣнно, идеалисты неправы, а матеріалисты правы. Да, факты стоятъ впереди идеаловъ; идеаль, какъ сказалъ Прудонъ, не болѣе какъ цвѣтокъ, корень котораго лежитъ въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Да, вся исторія человѣчества, интеллектуальная и моральная, политическая и социальная, не болѣе какъ отраженіе его экономической исторіи.

**
*

Всѣ отрасли современной науки, истинной и безкорыстной науки, съ полной солидарностью провозглашаютъ одну великую и непреложную истину: социальный міръ, собственно говоря, человѣческій міръ или человѣчество—есть не что иное какъ высшее развитіе, высшее проявленіе животнаго міра, по крайней мѣрѣ, на нашей планетѣ, поскольку мы знаемъ. Но такъ какъ всякій процессъ развитія приводитъ въ концѣ концовъ къ логическому отрицанію своихъ основныхъ предпосылокъ, то и развитіе человѣчества есть послѣдовательное и неуклонное освобожденіе отъ элементовъ животности. И именно въ процессѣ этой эволюціи отъ животнаго къ человѣческому, какъ естественное и логически, и исторически необходимое его слѣдствіе, и возникаетъ міръ идей, міръ интеллектуальныхъ и нравственныхъ убѣжденій, — создаются руководящіе идеалы.

Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы были если не гориллы, то очень близкіе родственники гориллъ, всеядныя, разумныя и свирѣпыя животныя, одаренныя въ большей степени, чѣмъ

животныя другихъ породъ, двумя драгоцѣнными способностями — способностью мыслить и склонностью къ протесту, къ бунту, къ революціи. Многообразныя комбинаціи этихъ двухъ способностей и составляютъ движущую силу историческаго процесса, ведущаго къ полному торжеству человѣческаго начала надъ животнымъ.

Библия, очень интересная и мѣстами очень глубокая книга, если ее разсматривать какъ одна изъ древнѣйшихъ проявленій человѣческой мудрости и фантазіи, очень наивно выражаетъ эту истину въ своемъ мнѣніи о первородномъ грѣхѣ. Егова изъ всѣхъ боговъ которымъ поклонялись люди, несомнѣнно самый завистливый, самый тщеславный, самый свирѣпый, самый несправедливый, самый кровожадный, самый деспотичный и самый враждебный человѣческому достоинству и свободѣ, — Егова создалъ Адама и Еву, чтобы удовлетворить неизвѣстно какому капризу, можетъ быть для того, чтобы имѣть нѣсколькихъ новыхъ рабовъ. Онъ великодушно предоставилъ въ ихъ распоряженіе всю землю, со всѣми ея плодами и животными, и только однимъ ограничилъ полноту радости жизни: онъ строго запретилъ имъ прикасаться къ плодамъ дерева познанія. Слѣдовательно, онъ желалъ, чтобы человѣкъ, лишенный всякаго познанія самого себя, вѣчно оставался животнымъ, вѣчно лазилъ на четверенькахъ переть Богомъ «живымъ», своимъ творцомъ и господиномъ. Но тутъ вступается Сатана, вѣчный мятежникъ, первый свободный мыслитель и эмансипаторъ міровъ. Онъ заставляетъ человѣка устыдиться своего животнаго невѣжества и своей покорности; онъ эмансипируетъ человѣка, побуждая его послушаться и вкусить плода познанія.

Мы знаемъ, что было дальше. Милосердный Богъ, всевѣднѣе котораго, составляющее одно изъ божественныхъ свойствъ, должно было предупредить его о томъ, что совершилось, впалъ въ страшную и смѣшную ярость: онъ проклялъ Сатану, человѣка и созданный ими самимъ міръ, поражая, такъ сказать, самого себя въ своемъ твореніи, подобно тому, какъ поступаютъ дѣти, когда разсердятся, и, не удовольствовавшись тѣмъ, что покаралъ нашихъ прорадителей, онъ проклялъ ихъ во всѣхъ грядущихъ поколѣніяхъ, неповинныхъ въ преступленіи, совершенномъ ихъ предками. Наши католическіе и протестантскіе богословы находятъ этотъ поступокъ очень глубокомы-

леннымъ и справедливымъ именно потому, что это чудовищно несправедливо и нелѣпо. Затѣмъ, вспомнивъ, что онъ не только Богъ мести и гнѣва, но также и Богъ любви, — послѣ того, какъ наполнилъ мученіями жизнь нѣсколькихъ билліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ и осудилъ ихъ на вѣчныя муки ада, онъ сжалился надъ остальными и, чтобы спасти ихъ и примирить свою вѣчную божественную любовь съ вѣчнымъ божественнымъ гнѣвомъ, постоянно жаждущимъ жертвъ и крови, онъ послалъ въ міръ, въ видѣ искупительной жетвы, своего единственного сына для того, чтобы онъ былъ убитъ людьми. Это называется тайной Искупленія. Эта тайна положена въ основу всѣхъ христіанскихъ религій. Еще если бы божественный Спаситель спасъ весь родъ человѣческій! Но, нѣтъ, въ обѣщанномъ Христомъ раю, какъ мы знаемъ, число избранныхъ будетъ очень невелико. Остальные, огромное большинство теперешнихъ и грядущихъ поколѣній, будутъ вѣчно горѣть въ аду. А пока, чтобы утѣшить ихъ, всеправедный и всеблагій Богъ вручаетъ власть надъ землею Наполеонамъ Третьимъ, Вильгельмамъ Первымъ, Фердинандамъ Австрійскимъ и леннымъ и справедливымъ именно потому, что это чудовищно несправедливо Александромъ Всероссийскимъ.

И такія нелѣпыя сказки, такія чудовищныя доктрины преподаются при полномъ свѣтѣ девятнадцатаго столѣтія во всѣхъ народныхъ школахъ Европы по особому наказу правительства. Они называютъ это народнымъ просвѣщеніемъ! Не ясно ли, что всѣ правительства суть систематическіе отравители, корыстные мракобѣсы, насильники народной мысли?!

Таковы низкія и преступныя средства, которыя они употребляютъ для того, чтобы держать народы въ вѣчномъ рабствѣ, и безпрятственно сдирать съ нихъ шкуру. Что значать преступленія всѣхъ Тропмановъ въ міръ по сравненію съ этимъ преступленіемъ измѣны человѣчеству, совершаемымъ среди бѣлаго дня на всемъ пространствѣ цивилизованнаго міра тѣми, кто смѣетъ называть себя отцами народа?

И однако въ мифѣ о первородномъ грѣхѣ Богъ соглашается, что Сатана былъ правъ: онъ признаетъ, что діаволь не обманулъ Адама и Еву, обѣщая имъ знаніе и свободу въ награду за проступокъ ослушанія, который онъ ихъ склонилъ совершить, такъ какъ непосред-

ственно послѣ того, какъ они вкусили запрещеннаго плода, самъ Богъ сказалъ (см. Библію): «И вотъ люди сдѣлались какъ боги, знающіе добро и зло; и такъ не допустимъ ихъ вкушать плоды вѣчной жизни, чтобы они не сдѣлались безсмертными, подобно Намъ самимъ».

**
*

Оставимъ теперь въ сторонѣ баснословную часть этого мѣа и обратимъ вниманіе на его истинное значеніе, которое не можетъ имѣть двухъ толкованій. Смыслъ мѣа ясенъ: человѣкъ эмансипировался; онъ отдѣлился отъ животнаго міра и сдѣлался человѣкомъ: актомъ послушанія и познанія, т. е. возмущеніемъ и мышленіемъ, онъ началъ свою отдѣльную человѣческую исторію и свое человѣческое развитіе.

Система идеалистовъ совершенно противоположна этой. Она заключаетъ въ себѣ отрицаніе всего человѣческаго опыта и того всеобщаго здраваго смысла, который является первоисточникомъ всякаго человѣческаго познанія и который, исходя изъ простой и давно признанной истины, что дважды два — четыре, подымается до самыхъ возвышенныхъ и сложныхъ научныхъ построеній и, отбросив все непровѣренное наблюденіемъ и опытомъ, является, повторяю, единственнымъ серьезнымъ основаніемъ человѣческаго знанія.

Постепенное развитіе матеріальнаго міра такъ же, какъ органической и животной жизни и исторически прогрессирующаго разума и въ отдѣльныхъ индивидахъ, и въ человѣческомъ обществѣ, вполне понятно. Это совершенно естественная эволюція отъ простаго къ сложному, отъ низшаго къ высшему; эволюція, согласная со всѣмъ нашимъ ежедневнымъ опытомъ, и слѣдовательно согласная и съ законами нашего разсудка, который, образовавшись и развившись только при помощи этихъ самыхъ опытовъ, есть ихъ логическій продуктъ.

Идеалисты же, вмѣсто того, чтобы, руководствуясь опытомъ природы, слѣдовать отъ низшаго къ высшему, отъ простаго къ сложному, отъ міра, называемаго неорганическимъ къ міру органическому, растительному, животному, а затѣмъ человѣческому, отъ матеріи какъ химическаго элемента къ матеріи какъ живому существу и отъ живого существа къ существу мыслящему, — идеалисты ослѣпленные, одержимые и руководимые божественнымъ фантомомъ, унаслѣдованнымъ ими отъ теологовъ, идутъ какъ разъ обратной дорогой. Они

идутъ отъ высшаго къ низшему, отъ сложнаго къ простому. Они начинаютъ съ Бога, какъ личности или божественной субстанціи, и первый шагъ, который они дѣлаютъ, есть страшное паденіе съ высотъ вѣчной идеи въ ничтожество матеріальнаго міра; отъ абсолютнаго совершенства къ абсолютному несовершенству; отъ мысли къ матеріи, отъ высшаго существа къ ничтожеству. Когда, какъ и почему божественное Существо, вѣчное, безконечное, абсолютно совершенное, вѣроятно надѣвшееся самому себѣ, рѣшилось на этотъ отчаянный сальтоморtale, — этого ни одинъ идеалистъ, ни одинъ теологъ, ни одинъ метафизикъ, ни одинъ поэтъ ни когда не были способны понять сами и объяснить профанамъ. Всѣ религіи, прошлыя и настоящія, и всѣ системы трансцендентальной философіи вертятся на этой единственной и предательской *) тайнѣ. Святые люди, вдохновенные законодатели, пророки, мессіи и проч. посвящали всю свою жизнь изслѣзованію этой тайны и находили только мученія и смерть. Подобно древнему сфинксу, она пожирала ихъ, потому что они не могли разгадать ее. Великіе философы, начиная съ Гераклита и Платона и кончая Декартомъ, Спинозою, Лейбницемъ, Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, не говоря уже объ индусскихъ философахъ, написали кучи томовъ и построили системы настолько же возвышенныя, насколько и остроумныя, въ которыхъ они мимоходомъ высказывали многія великія и прекрасныя вещи и раскрывали безсмертныя истины, но всѣ они оставили эту тайну, главный предметъ ихъ трансцендентныхъ изслѣзованій, такую же непостижимую, какою она была и раньше. Гигантскія усилія самыхъ замѣчательныхъ геніевъ, какихъ только зналъ міръ, предпринимавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, тридцати столѣтій снова и снова этотъ ошибочно: оно должно корениться въ потребности, присущей самой далась еще болѣе непостижимой. Можно ли надѣяться, что она будетъ намъ открыта рутинными размышленіями какого-нибудь эпигона гальванизированныхъ метафизиковъ въ наши дни, когда всѣ здоровые и глубокіе умы отрясли отъ ногъ прахъ этой подозритель-

*) Я называю эту тайну сотворенія, грѣхопаденія и искупленія человѣка — предательской потому, что она была и продолжаетъ быть санкціей для всѣхъ ужасовъ, которые совершались и совершаются въ мірѣ; я называю ее предательской потому, что всѣ другія теологическія и метафизическія нецѣлостности, унижающія человѣчскій разумъ — не что иное, какъ ея необходимыя послѣдствія.

ной науки, рожденной отъ незаконнаго сожителства неразумной вѣры съ трезвымъ научнымъ разумомъ?

**

Очевидно, что эта ужасная тайна необъяснима, иначе говоря, нелѣпа, такъ какъ только абсурдъ не допускаетъ объясненій. Очевидно, что тотъ, кто находитъ ее существенной для своей жизни и счастья, долженъ отречься отъ здраваго разсудка и возвратиться, если онъ можетъ, къ слѣпой, паникой, неразумной вѣрѣ, чтобы повторять вмѣстѣ съ Тертуліаномъ и другими вѣрующими фразу, въ которой заключается самая квинтъ-эссенція теологій: „Credo quia absurdum.“

Тогда всякіе споры прекращаются, и не остается ничего, кромѣ торжествующей глупости. Но тотчасъ же встаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ интеллигентный и хорошо образованный человѣкъ можетъ чувствовать потребность вѣрить въ эту тайну?

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вѣра въ Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклинающаго міръ, то изливающаго на него свои благодѣянія, — господствуетъ среди народа, особенно въ глухой провинціи, гдѣ она распространена несравненно больше, чѣмъ среди городского пролетаріата. Къ несчастію, народъ все еще очень невѣжествененъ благодаря систематическимъ успіямъ всѣхъ правительствъ, не безъ оснванія полагающихъ, что невѣжество массъ — одно изъ главнѣйшихъ условій пхъ власти. Обремененный ежедневной работой, лишенный досуга, разумной бесѣды, чтенія, словомъ, всѣхъ средствъ и побужденій, развивающихъ въ человѣкѣ мышленіе, — народъ обыкновенно принимаетъ религіозныя традиціи безъ всякой критики, оптомъ. Эти традиціи окружаютъ его съ дѣтства во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и, искусственно поддерживаемая въ умахъ множествомъ оффиціальныхъ отравителей всякаго рода, духовныхъ и свѣтскихъ, обращаются въ привычку, часто гораздо болѣе могущественную, чѣмъ здравый смыслъ.

Есть и другая причина, которая объясняетъ и до нѣкоторой степени оправдываетъ нелѣпыя вѣрованія народа, а именно: тяжелое положеніе, на которое народъ осужденъ экономическимъ строемъ общества даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ Европы. Доведенный до минимума человѣческой жизни въ своихъ потребностяхъ ни-

теллектуальныхъ и моральныхъ такъ же, какъ и въ матеріальныхъ, стѣсненный въ своей жизни, какъ узникъ въ тюрьмѣ, безъ горизонтовъ, безъ просвѣта, даже безъ будущаго, если вѣрить экономистамъ, народъ имѣлъ бы узкую душу и грубые инстинкты буржуа, еслибы онъ не чувствовалъ желанія найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга.

Для осуществленія этого желанія у него есть три способа: два фантастическихъ и одинъ реальный. Первые два — кабакъ и церковь, развратъ тѣла и развратъ духа; третій — социальная революція. Последняя гораздо успѣшнѣе, чѣмъ всякая пропаганда свободныхъ мыслителей, разрушить религіозныя вѣрованія и измѣнить привычки народа, его вѣрованія и обычаи, имѣющіе между собою гораздо болѣе близкую связь, чѣмъ это принято обыкновенно думать. Замѣнивъ призрачныя и грубыя наслажденія физическаго и духовнаго распутства угонченными разнообразными наслажденіями развито-го человѣчества, социальная революція, одна, будетъ имѣть власть одновременно запереть всѣ кабаки и всѣ церкви.

До тѣхъ поръ народъ, взятый какъ цѣлое, будетъ вѣрить, и хотя объекты вѣры и призрачны, но потребность въ ней неискоренима.

Существуетъ классъ людей, которые, если не вѣрятъ, то должны, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что вѣрятъ. Къ этому классу принадлежатъ всѣ мучители, всѣ угнетатели и эксплуататоры человѣчества: священники, монархи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всѣхъ ранговъ, полицейскіе, жандармы, тюремщики и палачи, монополисты, капиталисты, сборщики податей, подрядчики и домовладѣльцы, адвокаты, экономисты, политики всѣхъ оттѣнковъ, купцы кончая самымъ мелкимъ торговцемъ пряниками. Всѣ они повторяютъ въ унисонъ слова Вольтера: «Если бы Бога не было, то его надо было бы изобрѣсти», потому что «вы понимаете, народъ долженъ имѣть религію. Это — предохранительный клапанъ».

Сущесгвуетъ, наконецъ, довольно многочисленный классъ честныхъ, но робкихъ душъ, которыя слишкомъ интеллигентны для того, чтобы серьезно принять всѣ христіанскіе догматы, но, отвергая ихъ въ подробностяхъ, они не имѣютъ достаточно мужества и рѣшимости цѣликомъ выбросить ихъ за бортъ. Они позволяютъ вамъ критиковать вопіющія нелѣпности религіи, вмѣстѣ съ вами подтрунивають

надъ чудесами, но отчаянно цѣпляются за главный абсурдъ, источникъ всѣхъ другихъ абсурдовъ, за чудо, объясняющее и оправдывающее всѣ другія чудеса, — существованіе Бога. Ихъ Богъ не — сильное, могущественное существо, не — совершенно опредѣленный Богъ теологій, а туманное призрачное существо, которое исчезаетъ и обращается въ ничто при первой попыткѣ опереться на него; это миражъ, (блуждающій огонекъ,) который не свѣтитъ и не грѣетъ. Но они крѣпко держатся за него и вѣрятъ, что если онъ исчезнетъ, то и все исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Это колеблющіяся, анемичныя души, заблудившіяся въ современной цивилизаціи, не принадлежащія ни къ настоящему, ни къ будущему, блѣдныя призраки, вѣчно висяшіе между небомъ и землей, между политикою буржуазіи и социализмомъ пролетаріата. У нихъ нѣтъ ни энергіи, ни желанія, ни рѣшимости слѣдовать своимъ мыслямъ, и они теряютъ попусту время въ постоянныхъ мучительныхъ усиліяхъ примирить непримиримое. Въ общественной жизни они извѣстны подъ именемъ буржуа — социалистовъ, конституціоналистовъ-демократовъ и т. п. Не стоитъ терять времени на полемику съ ними: это друзья, которые никому не нужны, и враги, которые никому не страшны.

**

Но есть нѣсколько замѣчательныхъ людей, о которыхъ никто не смѣетъ говорить безъ уваженія, сильный, здоровый умъ которыхъ, а также и благородство намѣреній не подлежатъ никакому сомнѣнію. Мнѣ достаточно назвать имена Мадзани, Мишле, Кинэ, Джона Стюарта Милля *). Благородныя и великія души, великія сердца, великіе умы, великіе писатели, (первый изъ нихъ герой и революціонеръ, возродившій великую націю), и однако всѣ они — апостолы идеализма, жестоко презирающіе матеріализмъ и ярые противники его, и слѣдовательно и социализма также, какъ въ философіи, такъ и въ политикѣ. Имѣя въ виду этихъ противниковъ мы должны обсудить этотъ вопросъ.

*) Стюартъ Милль, быть можетъ, единственный, въ серьезности идеализма, котораго можно откровенно сомнѣваться по двумъ причинамъ; во-первыхъ, потому, что онъ былъ пламеннымъ поклонникомъ и послѣдователемъ позитивной философіи Огюста Конта, философіи, которая несмотря на значительныя отклоненія отъ истиннаго позитивизма все же глубоко атеистична; во-вторыхъ, потому, что Стюартъ Милль былъ англичанинъ, а объявить себя въ Англии атеистомъ значить подвергнуться остракизму, даже и въ наши дни.

Прежде всего надо принять во вниманіе, что ни одинъ изъ названныхъ мною великихъ людей, и, вообще, ни одинъ сколько-нибудь выдающійся идеалистъ-мыслитель нашихъ дней не обратилъ вниманія на собственно логическую сторону даннаго вопроса; ни одинъ не попытался философски установить возможность божественнаго салто-мортале изъ чистыхъ и вѣчныхъ областей духа въ прахъ матеріальнаго міра. Боялись ли они приблизиться къ этому непримпримому противорѣчію, не надѣясь разрѣшить его послѣ неудачъ великихъ геніевъ исторіи, или считали его уже достаточно выясненнымъ, — это ихъ тайна. Фактъ тотъ, что они не интересовались теоретическими доказательствами существованія Бога, принимая древность и всеобщность вѣрованія въ бытіе Божіе несомнѣннымъ и достаточнымъ доказательствомъ самаго факта этого бытія.

Это импонирующее единодушіе великихъ людей и писателей въ глазахъ многихъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ научныя доказательства. Если же нѣкоторые логичные и, допустимъ, даже очень могучіе мыслители возставали противъ общепризнанной истины, «то тѣмъ хуже для ихъ и ихъ логики», говорятъ люди, подобные Джузеппе Мадзини и Жозефу де-Местру, «такъ какъ всеобщее и повсемѣстное, начиная съ первобытныхъ временъ и до нашихъ дней, признаніе какой-нибудь идеи, всегда считалось самымъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ ея истины». «Чувство цѣлаго міра, убѣжденіе, составившееся и поддерживаемое всегда и всѣми, не можетъ быть природою челоуѣка. И съ тѣхъ поръ, какъ установлено, что всѣ народы, прошедшіе и настоящіе, вѣрили и вѣрятъ въ существованіе Бога, ясно, что тѣ, кто имѣетъ несчастіе сомнѣваться въ немъ, какова бы ни была логика, приведшая ихъ къ этому сомнѣнію, суть исключенія, выродки, чудовища». Итакъ, древность и повсемѣстность вѣрованія, хотя бы противнаго всякой наукѣ и логикѣ, считается достаточнымъ и бесспорнымъ доказательствомъ его истины.

Почему? До временъ Коперника и Галлея всѣ вѣрили, что солнце вращается вокругъ земли. Развѣ всѣ не ошибались? Есть ли что-нибудь древнѣе и повсемѣстнѣе рабства? Быть можетъ, каннибализмъ? Отъ самаго начала историческихъ обществъ до нынѣшняго времени всегда и вездѣ существовала эксплуатація рабовъ, крѣпост-

ныхъ, служащихъ, доминирующимъ меньшинствомъ, угнетеніе народа церковью и государствомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что эта эксплуатація и угнетеніе абсолютно нераздѣльны съ самымъ существованіемъ человѣческаго общества? Вотъ примѣры, показывающіе, что аргументъ поборниковъ Господа Бога ничего не доказываетъ. Въ дѣйствительности ничего нѣтъ повсемѣстнаго и древняго несправедливости и абсурда; истина же и справедливость, наоборотъ, наименѣе распространенныя новообразования въ развитіи человѣческаго общества.

Въ этомъ фактѣ заключается также объясненіе постоянно повторяющагося, историческаго явленія, а именно: преслѣдованіе тѣхъ, кто первый провозгласилъ истину какъ со стороны официальныхъ привилегированныхъ и корыстныхъ представителей «повсемѣстныхъ» и «древнихъ» вѣрованій, такъ же и со стороны народныхъ массъ, которыя, замучивши проповѣдниковъ истины, всегда кончали тѣмъ, что принимали ихъ идеи и способствовали ихъ всеобщему распространенію.

**

Для насъ матеріалистовъ и социалистовъ-революціонеровъ, нѣтъ въ этихъ явленіяхъ ничего непостижимаго или ужаснаго. Сильные нашимъ сознаніемъ, нашей любовью къ истинѣ, во всѣхъ ея самыхъ жестокихъ проявленіяхъ, той страстью къ логикѣ, которая одна уже составляетъ великую силу и виѣ которой нѣтъ мысли; сильные нашей преданностью справедливости и непоколебимой вѣрой въ торжество человѣчности надъ всѣмъ теоретическимъ и практическимъ звѣрствомъ; сильные, наконецъ, взаимнымъ довѣріемъ и поддержкой, оказываемой намъ тѣми немногими, которые раздѣляютъ наши убѣжденія, — мы миримся съ неизбѣжностью этого историческаго явленія, въ которомъ видимъ проявленіе соціальнаго закона, такого же естественнаго, необходимаго и неизмѣннаго, какъ и всѣ другіе законы, управляющіе вселенной. Этотъ законъ есть логическое, неизбѣжное слѣдствіе животнаго происхожденія человѣка и человѣческаго общества, и въ виду всѣхъ научныхъ, фізіологическихъ, психологическихъ и историческихъ доказательствъ, собранныхъ въ настоящее время, а также въ виду совершающихся событій, невозможно долѣ сомнѣваться въ этомъ.

Ну, а разъ мы допустимъ животное происхожденіе человѣка, тогда все объясняется само собой. Тогда исторія представляется намъ то тихимъ, апатичнымъ, лѣнивымъ, то страстнымъ и могучимъ революціоннымъ отрицаніемъ прошлаго. Точнѣе, она состоитъ въ постепенномъ отрицаніи первобытной животности человѣка посредствомъ развитія его человѣчности. Человѣкъ, дикое животное, двоюродный братъ гориллы, вышелъ изъ глубокой тьмы животныхъ инстинктовъ къ свѣту разума, и это объясняетъ вполне естественнымъ путемъ всѣ его прошлыя ошибки и отчасти утѣшаетъ насъ въ его настоящихъ заблужденіяхъ. Онъ вышелъ изъ животнаго рабства и, пройдя черезъ божественное рабство, — переходное состояніе между его животностью и человѣчностью, — находится теперь на пути къ завоеванію и осуществленію человѣческой свободы.

Отсюда слѣдуетъ, что древность какого-нибудь вѣрованія, какой-нибудь идеи, далеко еще не говоритъ въ ихъ пользу, а скорѣе наоборотъ, подобныя идеи и вѣрованія должны казаться намъ подозрительными, такъ какъ позади насъ — наша животность, а впереди — наша человѣчность. Свѣтъ человѣчности — вотъ единственное, что можетъ согрѣть и освѣтить насъ, единственное, что можетъ освободить насъ, дать намъ достоинство, свободу и счастье, и осуществить между нами братство. И не въ мракѣ прошедшаго источникъ этого свѣта, а въ грядущихъ судьбахъ человѣчества. Не будемъ же никогда смотрѣть назадъ, будемъ всегда смотрѣть впередъ, потому что впереди наше солнце, впереди наше спасеніе.

И если позволительно и даже полезно и необходимо оглядываться назадъ и изучать наше прошлое, то лишь для того, чтобы установить, чѣмъ мы больше не должны быть; прослѣдить все, во что мы вѣрили и что думали, чтобы больше въ это не вѣрить и такъ не думать; узнать, что мы дѣлали, и чего больше не должны дѣлать.

Вотъ все, что касается древности. Что же касается повсемѣстности какого-нибудь заблужденія, то это доказываетъ только одно: сходство, если не совершенное тождество человѣческой природы во всѣ вѣка и подъ всѣми широтами. И съ тѣхъ поръ какъ установлено, что всѣ народы во всѣ періоды ихъ жизни вѣрили и до сихъ поръ вѣрятъ въ Бога, мы должны просто заключить, что идея божества, ис-

ходящая от нас самих, есть исторически необходимое въ развитіи челоѣчества заблужденіе, и прослѣдить, почему и какъ оно появилось въ исторіи, и почему громадное большинство челоѣческой расы до сихъ поръ принимаетъ его за истину.

Пока мы не прослѣдимъ шагъ за шагомъ пути, которымъ шло развитіе идеи сверхъестественнаго или божественнаго міра въ исторической эволюціи челоѣческой совѣсти, всѣ научныя доказательства нелѣпости этой идеи будутъ тщетны, и пока мы не будемъ въ состояніи поразить ее въ самыхъ глубинахъ челоѣческаго существа, гдѣ она зародилась, намъ никогда не удастся дескредитировать ее во мнѣніи большинства. Мы вѣчно будемъ осуждены на бесплодную и безысходную борьбу съ безчисленными проявленіями идеи, нелѣпость которой, будучи едва только разбита доводами здраваго смысла, снова появится въ неменѣе бессмысленной формѣ.

До тѣхъ поръ пока не будетъ уничтоженъ корень всѣхъ нелѣпостей, мучащихъ міръ, вѣра въ Бога останется нетронутой и все будетъ давать новые отпрыски. Такъ, въ настоящее время въ извѣстныхъ кружкахъ высшаго общества спиритизмъ имѣетъ тенденцію утвердиться на развалинахъ христіанства.

Не только въ интересахъ массъ, но и въ интересахъ нашего собственнаго здраваго смысла, мы должны стараться понять историческій генезисъ и цѣль причинъ, обусловившихъ въ челоѣческомъ сознаніи идею Бога. Тщетно будемъ мы называть и считать себя атеистами, пока не поймемъ этихъ причинъ, потому что до тѣхъ поръ на насъ всегда будутъ болѣе или менѣе вліять крики этой всемірной совѣсти, тайны которой мы не открыли, и, принимая во вниманіе природную слабость даже самыхъ сильныхъ индивидовъ противъ всемогущаго вліянія опутывающаго ихъ общественнаго мнѣнія, мы будемъ всегда въ опасности рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, снова впасть въ бездну религіознаго абсурда. Примѣры подобныхъ «обращеній» нерѣдки въ современномъ обществѣ.

Выше я установилъ главную практическую причину той власти, которую до сихъ поръ имѣютъ надъ массами религіозныя вѣрованія. Эти мистическія тенденціи обусловливаются въ челоѣкѣ не столько заблужденіемъ ума, сколько глубокимъ недовольствомъ сердца. Это инстинктивный и страстный протестъ челоѣческаго существа про-

тивъ узости, плоскости, горестей и стыда худой жизни. Отъ этихъ золь есть, какъ я уже сказала, только одно лѣкарство, — социальная революція.

**
*

Въ другихъ статьяхъ я старался показать причины зарожденія и развитія религиозныхъ галлюцинацій въ человѣческой совѣсти. Здѣсь я намѣриваюсь трактовать вопросъ о существованіи Бога, или о божественномъ происхожденіи міра и человѣка, единственно съ точки зрѣнія его моральной и социальной полезности, и ограничусь лишь немногими словами о теоретическихъ основахъ этого вѣрованія, чтобы лучше пояснить мою мысль.

Всѣ религіи съ ихъ богами, полубогами, пророками, мессіями, святыми были созданы легковѣрной фантазіей человѣка, не достигшаго еще полного развитія и полного обладанія своими способностями. Слѣдовательно, религиозное небо есть не что иное какъ миражъ, въ которомъ человѣкъ, экзальтированный вѣрою и невѣжествомъ, находитъ свой соотственный образъ, но увеличенный и опрокинутый, т. е. обожествленный. Исторія религіи, исторія рожденія, величія и упадка боговъ, которые одинъ за другимъ властвовали надъ человѣческими душами, есть слѣдовательно не что иное, какъ развитіе коллективнаго ума и совѣсти человѣческаго рода. По мѣрѣ того какъ люди въ своемъ постепенномъ историческомъ движеніи впередъ находили въ самихъ себѣ, или въ окружающей природѣ какую-нибудь силу, качество или даже крупный недостатокъ, они приписывали ихъ своимъ богамъ, преувеличивъ и расширявъ превыше мѣры это качество игрой своей религиозной фантазіи, подобно тому какъ это дѣлаютъ дѣти. Такимъ образомъ, благодаря благочестивой щедрости вѣрующихъ и легковѣрныхъ людей, на небѣ въ изобиліи расцвѣли земные страсти и пороки, и, какъ необходимое слѣдствіе этого, чѣмъ богаче становилось небо, тѣмъ бѣднѣе дѣлались земля и человѣчество. Разъ былъ установленъ Богъ, онъ былъ, конечно, провозглашенъ творцомъ, вседержителемъ и неограниченнымъ властелиномъ всѣхъ вещей; міръ съ этихъ поръ сдѣлался ничѣмъ, Богъ — всѣмъ; а человѣкъ, истинный творецъ его, извлекшій его изъ пустоты небытія, склонился передъ нимъ ницъ, сталъ поклоняться ему и призналъ себя его твореніемъ и рабомъ.

Христіанство въ этомъ смыслѣ есть религія *par excellence*; въ немъ съ наибольшей рельефностью и законченностью выразилась истинная сущность всякой религіозной системы, которая есть приниженіе, порабощеніе и уничтоженіе человѣка во славу божества.

Такъ какъ Богъ — все, то реальный міръ и человѣкъ — ничто. Богъ — истина, справедливость, благодѣтельность, красота, могущество и жизнь; человѣкъ — ложь, несправедливость, злоба, безобразіе, безсиліе и смерть. Богъ — господинъ, человѣкъ — рабъ. Неспособный найти справедливость, истину и вѣчную жизнь своими собственными усиліями, онъ можетъ достигнуть ихъ только посредствомъ божественнаго откровенія. Но разъ рѣчь заходитъ объ откровеніи, то сейчасъ же появляются на сцену предвозвѣстники откровенія, — месіи, пророки, священники и законодатели, вдохновляемые самимъ Богомъ. Эти избранники, святые учителя человѣчества, — предназначенные самымъ Богомъ, чтобы направлять людей на путь небеснаго спасенія, непременно пользуются неограниченной властью и въ самомъ земномъ смыслѣ. Всѣ люди обязаны пассивно и безгранично повиноваться имъ, такъ противъ божественнаго разума человѣческой разсудокъ — ничто, а противъ божественной справедливости не выдержитъ никакая земная справедливость. Рабы Бога, люди должны также быть рабами церкви и государства, поскольку государство освящено церковью.

Эту истину христіанство усвоило лучше, чѣмъ всѣ другія существующія или существовавшія религіи, не исключая даже древнихъ восточныхъ религій, которыя къ тому же не имѣли широкаго территориальнаго распространенія, включая лишь избранныя и привилегированныя націи, тогда какъ христіанство стремится объять все человѣчество; и эту истину римскій католицизмъ провозгласилъ и осуществилъ съ суровой логикой. Вотъ почему христіанство провозгласило себя абсолютной, законченной религіей, и апостольскую римскую церковь — единственно законною и божественною церковью.

**

И такъ, при всемъ почтеніи къ метафизикамъ и религіознымъ идеалистамъ, философамъ, политикамъ и поэтамъ, нельзя не признать, что идея Бога подразумеваетъ отреченіе отъ человѣческаго разума и справедливости; она — самое рѣшительное отрицаніе человѣческой

свободы и неизбежно приводит къ порабощенію рода человѣческаго въ теоріи и на практикѣ.

Если мы не хотимъ порабощенія и униженія рода человѣческаго, какъ хотятъ этого іезуиты, піетисты или протестантскіе методисты, то мы не можемъ, не должны дѣлать не малѣйшей уступки ни Богу-теологовъ, ни Богу метафизиковъ, ни Богу поэтовъ. Тотъ, кто въ этой мистической азбукѣ начинаетъ съ Бога, неизбежно и окончитъ Богомъ; кто склоненъ поклоняться Богу, не долженъ питать никакихъ ребяческихъ иллюзій на счетъ сохраненія человѣческаго достоинства, но мужественно отказаться отъ всякой свободы и человѣчности. Если Богъ существуетъ, то человѣкъ — рабъ; но человѣкъ можетъ и долженъ быть свободнымъ; тогда Бога не существуетъ. Нѣтъ середины между этими двумя дилеммами: слѣдовательно, надо выбирать.

Необходимо точно и ясно указать, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ религіи унижаютъ и портятъ людей, какъ онѣ растлвваютъ ихъ разумъ, главное орудіе человѣческой эмансипаціи, какъ воспитываютъ въ людяхъ трусость — главное условіе рабства; какъ опозориваютъ онѣ человѣческій трудъ, дѣлая его признакомъ и источникомъ рабства; какъ убиваютъ онѣ идею и чувство человѣческой справедливости, постоянно перетягивая вѣсы на сторону торжествующихъ плутовъ, привилегированныхъ объектовъ божественнаго снисхожденія; какъ убиваютъ онѣ человѣческую гордость и достоинство, провозглашая добродѣтелями раболѣпство и смиреніе; какъ душатъ онѣ въ сердцахъ людей всякое чувство человѣческаго братства, наполняя ихъ вмѣсто того жестокостью.

Всѣ религіи жестоки, всѣ основаны на крови, потому что всѣ онѣ основаны главнымъ образомъ на идеѣ жертвы, на постоянномъ жертвоприношеніи человѣка ненасытной мстительности божества. Въ этой кровавой мистеріи человѣкъ всегда — жертва, а жрецъ, тоже человѣкъ, но только имѣющій привилегію божественной благодати, — палачъ. Этимъ объясняется, почему священники и жрецы всѣхъ религій, самыхъ совершенныхъ, самыхъ гуманнхъ, самыхъ кроткихъ, всегда имѣютъ въ глубинѣ своего сердца, — а если не въ сердцѣ, то въ воображеніи, въ складѣ ума, — нѣчто жестокое и кровавадное.

Всѣ эти факты никому такъ хорошо не извѣстны, какъ нашимъ знаменитымъ идеалистамъ. Они — люди ученые, знающіе исторію наизусть, а такъ какъ они въ то же время живые люди, проникнутые искренней и глубокой любовью ко благу человѣчества, то они съ несравненнымъ краснорѣчіемъ заклеяли проклятіемъ всѣ эти злодѣянія, всѣ эти преступленія религіи. Они съ негодованіемъ отвергаютъ всякую солидарность съ Богомъ практическихъ религій и съ ихъ представителями, прошлыми и настоящими.

Богъ, которому они поклоняются, или думаютъ, что поклоняются, отличается отъ реальныхъ боговъ исторіи полнымъ отсутствіемъ какихъ либо атрибутовъ, въ такомъ изобиліи приписываемыхъ божеству теологами и метафизиками. Онъ не — Высшее Существо Робеспьера и Ж. Ж. Руссо, не — пантеистическій Богъ Спинозы, и даже не — невинный, трансцендентальный и очень двусмысленный богъ Гегеля. Идеалисты тщательно заботятся о томъ, чтобы не давать своему богу никакого положительнаго опредѣленія, чувствуя, что всякое опредѣленіе отерываетъ полный просторъ для самой разрушительной критики. Они не говорятъ, личный ли это или безличный богъ, сотворилъ ли онъ міръ или не сотворилъ; они не хотятъ даже говорить о его божественномъ промыслѣ. Все это можетъ компрометировать. Они довольствуются тѣмъ, что говорятъ «богъ» и больше ничего. И такъ, что же такое ихъ богъ? Это даже не идея, а лишь стремленіе.

Ихъ божество — это символъ всего великаго, прекраснаго, благороднаго и гуманнаго. Почему же тогда они не говорятъ «человѣкъ». Ахъ! потому что, къ великой ихъ досадѣ, король Вильгельмъ Прусскій, Наполеонъ III и всѣ ихъ сообщники — тоже люди. Реальное человѣчество представляетъ смѣсь всего самаго возвышеннаго и прекраснаго съ самымъ низкимъ и чудовищнымъ. Какъ же они справляются съ этимъ? Одно они называютъ божественнымъ, другое животнымъ, и между этими двумя полюсами ставятъ человѣческое. Они или не хотятъ, или не могутъ понять, что эти три термина, въ сущности, одно и то же, и что, раздѣляя ихъ, они разрушаютъ цѣлое.

Идеалисты не особенно сильны въ логикѣ, и даже, можно сказать, пренебрегаютъ ею. Этимъ они отличаются отъ пантеистическихъ

и деистических метафизиковъ, и это придаетъ ихъ идеаламъ характеръ практическаго идеализма, черпающаго вдохновеніе не столько изъ апріорныхъ построений, сколько изъ опыта, я бы сказалъ даже, изъ эмоцій, индивидуальныхъ и коллективныхъ, какъ современныхъ, такъ и ставшихъ достояніемъ исторіи. Это придаетъ ихъ пропагандѣ кажущуюся жизненную силу и могущество, но только кажущіяся, потому что логическое противорѣчіе парализуетъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Это противорѣчіе заключается въ томъ, что они хотятъ одновременно служить и Богу, и человѣчеству. Они настаиваютъ на соединеніи двухъ вещей, которыя, будучи однажды разъединены, могутъ соединиться только для того, чтобы уничтожить другъ друга. Они говорятъ однимъ духомъ: «Богъ есть свобода человѣка; Богъ есть достоинство, справедливость, равенство, братство, благосостояніе людей», не обращая вниманія на фатальную логику, въ силу которой самый фактъ существованія Бога исключаетъ возможность существованія всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей. Потому что, если Богъ существуетъ, то онъ непременно вѣчный, высшій и абсолютный господинъ, а разъ существуетъ такой господинъ, то человѣкъ — рабъ; если же онъ — рабъ, то ни справедливость, ни равенство, ни братство, ни благосостояніе невозможны.

Тщетно, убогая отъ лица здраваго смысла и игнорируя уроки исторіи, представляютъ они своего бога одушевленнымъ нѣжнѣйшей любовью къ человѣческой свободѣ: господинъ, кто бы онъ ни былъ и какимъ бы либераломъ онъ ни прикидывался, все-таки остается господиномъ. И самый фактъ его существованія неизбѣжно налагаетъ цѣпи рабства на все, что ниже его. Слѣдовательно, если бы Богъ существовалъ, то только въ одномъ случаѣ онъ могъ бы оказать услугу человѣческой свободѣ, а именно, если бы онъ пересталъ существовать.

Вольтеръ сказалъ: «Если-бъ не было Бога, его слѣдовало бы придумать». А я, какъ ревностный поклонникъ свободы, этого необходимѣйшаго условія человѣческаго развитія и совершенства, болѣе склоненъ вывернуть его афоризмъ наизнанку и говорю, что если бы Богъ существовалъ, то было бы необходимо его уничтожить.

Строгая логическая необходимость этого акта слишком очевидна, чтобы требовать еще доказательства. И для меня совершенно непостижимо, как могут эти замѣчательные люди, носящіе такія славныя и справедливо уважаемыя имена, не чувствовать ежеминутно вопіющаго противорѣчія, въ которое они впадаютъ, говоря въ одно и то же время о Богѣ и о человѣческой свободѣ. Одно только можно предположить: что они пренебрегаютъ логикой, потому что считаютъ эту несообразность или логическую вольность практически необходимою для благоденствія человѣчества.

Возможно также, что, говоря о свободѣ какъ о чемъ-то очень почтенномъ и дорогомъ въ ихъ глазахъ, они придаютъ этому термину значеніе, совершенно различное съ тѣмъ понятіемъ, которое существуетъ у насъ, матеріалистовъ и социалистовъ-революціонеровъ. Дѣйствительно, они никогда не говорятъ о свободѣ отдѣльно, а всегда первое слово — свобода, а второе — власть. Власть! Вотъ еще слово и понятіе, которое мы ненавидимъ отъ всего нашего сердца.

**

Что такое власть? Есть ли это непреложная сила законовъ природы, которая проявляется въ роковой связи и послѣдовательности явленій физическаго и социальнаго міра? Дѣйствительно, здравый смыслъ запрещаетъ намъ возмущаться противъ этихъ законовъ. Мы можемъ не такъ понимать или вовсе не знать ихъ, но не можемъ не повиноваться имъ; потому что они составляютъ основное условіе нашей жизни; они окружаютъ насъ, проникаютъ въ насъ, регулируютъ всѣ наши движенія, мысли и поступки; въ тѣхъ же случаяхъ, когда мы пытаемся не повиноваться имъ, они еще нагляднѣе доказываютъ намъ свое могущество. Да, мы абсолютно рабы этихъ законовъ. Но въ подобномъ рабствѣ нѣтъ униженія; потому что рабство, въ истинномъ значеніи этого слова, предполагаетъ господина, законодателя, стоящаго внѣ того, кѣмъ онъ управляетъ, тогда какъ эти законы не внѣ насъ, а нераздѣльны съ нами: они составляютъ все наше существо, физическое, интеллектуальное и моральное; мы живемъ, дышемъ, дѣйствуемъ, желаемъ только по этимъ законамъ. Безъ нихъ мы — ничто, мы вовсе не существуемъ. Откуда же можетъ явиться сила и желаніе возмущаться противъ нихъ?

Только одна свобода возможна для человѣка въ его отношеніи

къ законамъ природы — свобода познаванія и примѣненія ихъ въ постоянно расширяющемся масштабѣ, сообразно съ преслѣдуемой имъ цѣлью коллективной или индивидуальной эмансипаціи или гуманизаціи. Эти законы однажды признанные, имѣютъ власть, которая никогда не оспаривается большинствомъ людей. Надо быть, напри- мѣръ, до глубины души или теологомъ или, по крайней мѣрѣ, мета- физикомъ, юристомъ, или буржуазнымъ экономистомъ, чтобы возму- щаться противъ закона, по которому дважды два — четыре. Надо имѣть воображеніе поэта, чтобы вообразить огонь, который не жжетъ и воду, которая не течетъ, исключая, конечно, опытовъ, основанныхъ на примѣненіи другихъ, однаково непреложныхъ законовъ приро- ды. Но такія возмущенія или, скорѣе, такія попытки безумной фан- тазіи къ возмущенію, рѣшительно рѣдки и вообще можно сказать, что большинство людей въ своей повседневной жазни руководствуются здравымъ смысломъ, т. е. признаютъ всю сумму общепризнанныхъ законовъ природы.

Великое несчастіе заключается въ томъ, что подовляющее боль- шинство законовъ природы, уже установленныхъ наукой какъ тако- вые, остается неизвѣстнымъ народнымъ массамъ благодаря бдитель- ному попеченію правительствъ, существующихъ, какъ всѣмъ извѣст- но, для блага народа.

И другое, не менѣе значительное, заключается въ томъ, что большая часть законовъ природы, регулирующихъ развитіе человѣ- ческаго общества и такихъ же необходимыхъ и неизмѣнныхъ, какъ и законы, управляютіе физическимъ міромъ, не были еще признаны и должнымъ образомъ установлены самой наукой *). Разъ они будутъ признаны наукой, а затѣмъ путемъ цѣлесообразной системы народна- го образованія, перейдутъ къ сознанію всѣхъ, вопросъ о свободѣ бу- деть окончательно рѣшенъ. Самыя упорныя власти силою очевидно- сти должны будутъ признать, что тогда не будетъ необходимости въ политической организаціи, въ управленіи и законодательствѣ, въ этихъ трехъ вещахъ, которыя, исходятъ-ли онѣ отъ воли государя

*) Бакупинъ ссылается здѣсь несомнѣнно на «экономическіе законы» и «соціальныя науки», которыя, дѣйствительно, находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Прим. изд.

или являются результатомъ парламентскаго голосованія, даже и въ случаѣ согласія ихъ съ законами природы — чего никогда не было и не будетъ, — всегда бываютъ роковыми и враждебными свободѣ большинства, вслѣдствіе самаго того факта, что налагаютъ на людей систему виѣшнихъ и потому деспотическихъ законовъ.

**
*

Свобода человѣка состоитъ единственно въ томъ, чтобы повиноваться законамъ природы, потому что человѣкъ самъ призналъ ихъ за таковыя, а не потому, чтобы они были навязаны ему извнѣ какой бы то ни было виѣшной волей, божественной или человѣческой, коллективной или индивидуальной.

Представьте себѣ ученую академію, составленную изъ самыхъ знаменитыхъ предсавителей науки; представьте, что этой академіи было бы поручено законодательство и организація общества, и что, вдохновляемая чистѣйшей любовью къ истинѣ, она сочинила бы лишь законы, абсолютно гармонирующіе съ послѣдними открытіями науки.

И все-таки я съ своей стороны, утверждаю, что подобное законодательство и организація были бы ужасны по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что человѣческая наука всегда и непремѣнно несовершенна. и что, сравнивая то, что открыто съ бесконечностью того, что еще остается открыть, нужно сознаться, что она находится еще въ зачаточномъ состояніи. Такъ что если бы мы попробовали принудить человѣка въ его практической жизни, какъ коллективной, такъ и индивидуальной, строго и исключительно сообразоваться съ послѣдними данными науки, то мы осудили бы и общество и индивида терпѣть мученія на Прокрустовомъ ложѣ, которыя очень быстро привели бы ихъ къ печальному концу, такъ какъ жизнь несравненно болѣе великая вещь, чѣмъ наука.

А во-вторыхъ, общество, которое повиновалось бы законодательству, исходящему отъ научной академіи, не потому что оно само прониклось сознаниемъ рациональности этого законодательства, (въ такомъ случаѣ существованіе академіи сдѣлалось бы бесполезнымъ), но потому только, что это законодательство, исходящее отъ академіи, навязанно во имя науки, перель которую общество благоговѣетъ, не понимая ее, — такое общество было бы обществомъ не людей, а

скотовъ. Оно было бы вторымъ изданіемъ тѣхъ миссій въ Парагваѣ, которыя такъ долго подчинялись власти іезуитовъ: оно неизбежно и быстро спустилось бы на самую низкую ступень идиотизма.

Но есть еще и третья причина, которая сдѣлала бы подобное управленіе невозможнымъ, а именно та, что научная академія, облеченная, такъ сказать, абсолютною верховною властью, даже если бы она состояла изъ самыхъ знаменитыхъ людей, неизбежно и скоро покончила бы свое существованіе благодаря моральному и интеллектуальному разложенію. Даже и теперь, при всей незначительности данныхъ имъ привилегій, таковъ неизбежный конецъ всѣхъ академій. Величайшій научный гений, съ того момента какъ онъ становится академикомъ, официально дипломированнымъ ученымъ, неизбежно впадаетъ въ лѣность. Онъ теряетъ свою самобытность, свою революціонную отвагу и ту тревожную, дикую энергію, которая отличаетъ всѣхъ гениевъ, когда-либо призванныхъ разрушить старые міры и заложить основаніе новымъ; хотя онъ несомнѣнно выигрываетъ въ политичности, въ утилитарной и практической мудрости то, что теряетъ въ мощности мысли. Однимъ словомъ, онъ вырождается.

Характерной чертой привилегій и всякаго привилегированнаго положенія является то, что они убиваютъ душу и сердце человѣка. Привилегированный въ политическомъ или экономическомъ отношеніи человѣкъ развращенъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Это социальный законъ, не допускающій исключеній: онъ въ одинаковой мѣрѣ приложимъ какъ къ цѣлымъ націямъ, такъ и къ отдѣльнымъ классамъ, корпораціямъ и индивидамъ. Неограниченное равенство — главнѣйшее условіе свободы и гуманности. Главная цѣль этого трактата въ томъ и заключается, чтобы доказать эту истину во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой жизни.

Научное собраніе, которому было бы поручено управленіе обществомъ, скоро кончило бы тѣмъ, что перестало бы посвящать себя наукѣ, а занялось бы совсѣмъ другимъ дѣломъ, и это дѣло, какъ дѣло всякой установленной власти, состояло бы въ вѣчныхъ стараніяхъ сдѣлать ввѣренное его заботамъ общество болѣе глухимъ и, слѣдовательно, болѣе безпомощнымъ, нуждающимся въ его управленіи.

**
*

Но то, что вѣрно относительно научныхъ академій, точно также

вѣрно и относительно всѣхъ учредительныхъ и законодательныхъ собраній, не исключая и тѣхъ, которыя избраны всеобщимъ голосованіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, они могутъ обновить свой составъ, но это не мѣшаетъ образованію, черезъ немного лѣтъ, собранія политиковъ, фактически, но не по закону привилегированныхъ, которые, посвящая себя исключительно управленію общественными дѣлами страны, образуютъ въ концѣ концовъ нѣчто вродѣ политической аристократіи или олигархіи. Примѣромъ этого могутъ служить Американскіе Соединенные Штаты и Швейцарія.

Слѣдовательно, не нужно никакого внѣшняго законодательства и никакой власти, потому что одно неразрывно связано съ другимъ и оба клонятся къ порабощенію общества и къ униженію самихъ законодателей.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что я отвергаю всякій авторитетъ? Такая мысль далека отъ меня. Относительно сапогъ я признаю авторитетъ сапожника; относительно домовъ, каналовъ или желѣзныхъ дорогъ я, если бы мнѣ понадобилось, обратился бы къ авторитету архитектора или инженера. За тѣмъ или другимъ специальнымъ знаніемъ я обращаюсь къ такому-то или такому-то ученому. Но я не позволю ни сапожнику, ни архитектору, ни ученому навязать мнѣ ихъ авторитетъ. Я отношусь къ нимъ свободно и со всѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаютъ ихъ умъ, характеръ, знанія, оставляя за собою неотъемлемое право критики. Я не удовлетворяюсь совѣтомъ одного авторитета въ какой-нибудь специальной отрасли; я совѣтуюсь съ нѣсколькими, сравниваю ихъ мнѣнія и выбираю то, которое мнѣ кажется наиболѣе основательнымъ. Но я не признаю непогрѣшимаго авторитета даже въ вопросахъ специальныхъ; слѣдовательно, какъ бы я ни пыталъ уваженіе къ гуманности и искренности того или иного лица, у меня нѣтъ абсолютной вѣры ни въ одну личность. Такая вѣра была бы фатальной для моего разсудка, для моей свободы и даже для успѣха моихъ предпріятій; она тотчасъ же превратила бы меня въ тупого раба, орудіе воли и интересовъ другого человѣка.

Если я склонюсь передъ авторитетомъ специалистовъ и признаю для себя полезнымъ въ известной мѣрѣ и такъ долго, какъ это покажется мнѣ необходимымъ, слѣдовать ихъ указаніямъ и даже наставленіямъ, то это потому, что ихъ авторитетъ не навязанъ мнѣ ни-

кѣмъ: ни людьми, ни Богомъ, ни королемъ. Иначе я съ ужасомъ оттолкнулъ бы ихъ и послалъ бы къ чорту ихъ совѣты, наставленія и услуги, увѣренный въ томъ, что они заставятъ меня заплатить потерей свободы и самоуваженія за тѣ, окутанные массою лжи, обрывки истины, которые они могутъ мнѣ дать.

Я преклонюсь передъ авторитетомъ специалистовъ, потому что это внушаетъ мнѣ мой собственный разумъ. Я сознаю свою неспособность охватить во всѣхъ деталяхъ какую-нибудь обширную отрасль человѣческаго знанія. Даже и величайшій умъ не способенъ объять цѣлаго. Результатомъ этого какъ въ наукѣ, такъ и въ промышленности, является необходимость раздѣленія и ассоціаціи труда. Я получаю и даю — такова жизнь человѣческая. Каждый управляетъ и управляемъ, въ свою очередь. Но здѣсь нѣтъ и рѣчи объ опредѣленной и постоянной власти, а есть только постоянный обмѣнъ взаимнаго, временнаго, а главное, добровольно признаваемого авторитета и подчиненія.

Я не могу признать ни за кѣмъ постоянного и универсальнаго авторитета, такъ какъ универсальнаго человѣка не существуетъ; не существуетъ человѣка, способнаго объять всѣ науки, всѣ спеціальныя отрасли жизни во всемъ богатствѣ подробностей, безъ которыхъ невозможно примѣненіе ихъ къ жизни. Если бы такая универсальность могла когда-либо осуществиться въ одномъ человѣкѣ, и если бы онъ пожелалъ воспользоваться этимъ преимуществомъ и наложить на насъ свой авторитетъ, то необходимо было бы изгнать такого человѣка изъ общества, потому что его авторитетъ неизбѣжно привелъ бы другихъ къ рабству и слабоумію. Я не хочу сказать, что общество должно дурно обращаться съ гениальными людьми, какъ это было до сихъ поръ; но не думаю также, что оно должно быть слишкомъ снисходительно къ нимъ и давать имъ какія-нибудь привилегіи или исключительныя права, и это по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что всегда можно ошибиться и принять шарлатана за гениальнаго человѣка; во-вторыхъ, потому что такой системой привилегій можно истинно гениальнаго человѣка превратить въ шарлатана, деморализировать и развратить его; и въ-третьихъ, потому что такимъ образомъ общество поставило бы надъ собой господина.

**

Повторимъ въ немногихъ словахъ вышензложенное. Итакъ, мы признаемъ абсолютный авторитетъ науки, поскольку она имѣетъ свою цѣлью открытіе и систематическое обоснованіе законовъ природы, присущихъ матеріальной, интеллектуальной и моральной жизни какъ физическаго, такъ и соціальнаго міра, этихъ двухъ міровъ, составляющихъ фактически одинъ нераздѣльный міръ природы. Помимо этой единственно законной власти, — законной потому, что она рациональна и находится въ гармоніи съ человѣческой свободой, — мы объявляемъ всѣ другія власти и авторитеты ложными, самозванными и пагубными.

Мы признаемъ абсолютный авторитетъ науки, но отвергаемъ непогрѣшимость и универсальность ученыхъ. Въ нашей церкви — если мнѣ будетъ позволено воспользоваться на минуту выраженіемъ, которое я такъ ненавижу: (церковь и государство — мои два *betes noires*) въ нашей церкви подобно тому, какъ и въ протестантской, есть глава, невидимый Христосъ — наука; и подобно протестантамъ, даже съ большей логичностью, чѣмъ они, мы не потерпимъ ни папы, ни собора, ни конклава непогрѣшимыхъ кардиналовъ, ни епископовъ, ни даже священниковъ. Нашъ Христосъ отличается отъ протестантскаго и католическаго Христа тѣмъ, что послѣдній существо личное, а нашъ безличенъ: христіанскій Христосъ уже законченный въ прошедшей вѣчности, представляетъ собою существо совершенное и неизмѣнное, тогда какъ законченность и совершенство нашего Христа, науки, всегда въ будущемъ, иначе говоря, оно никогда не будетъ достигнуто и завершено. Поэтому, признавая абсолютную науку единственнымъ авторитетомъ, мы ничуть не компрометируемъ нашей свободы.

Но говоря такъ о наукѣ, я подразумѣваю абсолютную, истинно универсальную науку, которая воспроизводила бы идеально, со всей полнотой и во всѣхъ безконечныхъ подробностяхъ систему мірозданія, анализируя и координируя всѣ законы природы, проявляющіеся въ непрерывномъ развитіи міра. Очевидно, что такая наука, высшая цѣль всѣхъ усилій человѣческаго ума, никогда не будетъ вполнѣ и абсолютно осуществлена.

Нашъ Христосъ останется, значитъ, навѣки незаконченнымъ, что должно значительно уменьшать гордость его дипломированныхъ

представителей среди насъ. Противъ этого «Бога Сына», во имя котораго они предполагаютъ наложить на насъ свою претенціозную и педантическую власть, мы апеллируемъ къ «Богу Отцу», который есть реальный міръ, реальная жизнь, непосредственными и ближайшими представителями которой являемся мы, реальные существа, живущія, работающія, борющіяся, любящія, стремящіяся, наслаждающіяся и страдающія.

Но, отвергая абсолютную, уневирсальную и непогрѣшимую власть людей науки, мы охотно преклоняемся предъ почтеннымъ, хотя и относительнымъ, временнымъ и ограниченнымъ авторитетомъ представителей специальныхъ знаній и готовы въ каждомъ затруднительномъ случаѣ совѣтоваться съ ними поочередно; мы съ благодарностью заимствуемся у нихъ тѣми драгоценными свѣдѣніями, которыми они могутъ подѣлиться съ нами, но съ условіемъ, что и они не премнутъ воспользоваться отъ насъ свѣдѣніями о вещахъ, въ которыхъ мы болѣе компетентны тѣмъ они. Въ общемъ, мы не желали бы ничего лучшаго, какъ видѣть, что люди, обладающіе большими знаніями, большимъ опытомъ, великимъ умомъ, а главное, великимъ сердцемъ, оказываютъ на насъ естественное и законное вліяніе, свободно воспринимаемое, а не навязываемое во имя какой бы то ни было власти, небесной или земной. Мы безпрекословно признаемъ власть природы и силу фактовъ, но отнюдь не право; потому что всякое воздѣйствіе права, оффиціально налагаемое на насъ, тотчасъ же становится угнетеніемъ и ложью, и неизбѣжно приводитъ насъ, какъ уже съ достаточной ясностью, я думаю, было доказано на предыдущихъ страницахъ, къ рабству и слабоумію.

Однимъ словомъ, мы отвергаемъ всякое законодательство, всякую власть и всякое привилегированное, дипломированное и легализированное превосходство, хотя бы возникшее даже путемъ всеобщаго голосованія, такъ какъ мы убѣждены, что оно можетъ обратиться только къ выгодѣ преобладающаго меньшинства эксплуататоровъ противъ интересовъ огромнаго большинства подчиненныхъ имъ людей.

Новѣйшіе идеалисты придерживаются очень своеобразныхъ понятій о власти. Хотя и свободные отъ традиционныхъ предразсудковъ всѣхъ существующихъ религій, они тѣмъ не менѣе придаютъ идеѣ

власти божественное, абсолютное значеніе. Они основываютъ ее отчасти на квази-философскихъ разсужденіяхъ, главнымъ же образомъ, на смутной религіозной вѣрѣ, слѣдовательно, на чувствѣ и на поэтическихъ фантазіяхъ.

Ихъ трудъ какъ разъ противоположенъ нашему. Во имя свободы, достоинства и благоденствія человѣка мы считаемъ своимъ долгомъ возвратитъ съ неба на землю боговъ, которыхъ небо украло. Они же, наоборотъ, пытаются совершить героическое святотатство, чтобы возвратитъ небу, этому божественному грабителю, самое великое, самое прекрасное и благородное достояніе человѣчества. Теперь очередь свободныхъ мыслителей ограбить небо дерзостнымъ нечестіемъ ихъ научнаго анализа.

Идеалисты вѣрятъ несомнѣнно въ то, что человѣческія идеи и дѣла, чтобы имѣть большій авторитетъ среди людей, должны быть облечены божественной санкціей. Какъ проявляется эта санкція? Не чудомъ, какъ въ позитивныхъ религіяхъ теологовъ, но самымъ величіемъ и святостью идей и дѣлъ: что велико, прекрасно, благородно, что справедливо, то и божественно. При этомъ новомъ религіозномъ культѣ каждый человѣкъ, вдохновленный высокими идеями, совершающій великія дѣла, становится жрецомъ, непосредственно посвященнымъ самимъ Богомъ. А доказательство? Онъ не нуждается въ другомъ доказательствѣ, кромѣ самого величія идей, которыя онъ выражаетъ, и дѣлъ, которыя совершаетъ. Они такъ возвышены, что, очевидно, могли быть внушены только Богомъ.

Такова въ немногихъ словахъ вся ихъ философія, философія чувствъ, а не научнаго мышленія, нѣчто вродѣ метафизическаго штепизма. Все это кажется безвреднымъ, но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ: скрытая подъ расплывчатой неопредѣленностью этихъ поэтическихъ формъ, очень опредѣленная, узкая и безплодная доктрина ведетъ къ тому же бѣдственному результату, къ какому ведутъ и всѣ другія религіозныя доктрины, а именно: къ полнѣйшему отрпцанію человѣческой свободы и достоинства.

Провозгласитъ божественнымъ все, что въ человѣчествѣ велико, справедливо, реально и прекрасно, значитъ безмолвно согласится, что человѣчество само по себѣ было бы неспособно создать все это, т. е., что предоставленная самой себѣ человѣческая природа бѣдна,

несправедлива, низка и безобразна. Такимъ образомъ, мы возвращаемся назадъ къ сущности всѣхъ религій, иначе говоря, къ уничтоженію человѣка во славу божества. И съ того момента, какъ мы допустимъ, что существуетъ роковая зависимость человѣка и его коренная неспособность возвыситься собственными усиліями безъ помощи божественнаго внушенія до познанія истинныхъ и справедливыхъ идей, намъ ничего не остается, какъ признать также и теологическія, политическія и социальныя послѣдствія позитивныхъ религій.

Какъ только Богъ, высшее и совершеннѣйшее существо, становится лицомъ къ лицу съ человѣчествомъ, тотчасъ же вырастаютъ, какъ изъ-подъ земли, избранные, вдохновляемые Богомъ божественные посредники, чтобы просвѣщать, наставлять и управлять во имя его человѣческой расою.

Не можемъ ли мы предположить, что всѣ люди одинаково вдохновлены Богомъ? Тогда не было бы надобности въ посредникахъ. Но увы! это предположеніе немыслимо, потому что факты слишкомъ явно противорѣчатъ ему. Оно привело бы насъ къ необходимости приписать божественному внушенію всѣ нелѣпости и заблужденія, всѣ безумныя, ужасныя, подлыя и трусливыя дѣла, которыя совершаются въ мірѣ. Но въ такомъ случаѣ божественное внушеніе, быть можетъ, получили лишь немногіе великіе люди исторіи, «добродѣтельные гении», какъ ихъ называли знаменитый итальянскій гражданинъ и пророкъ Джузеппе Мадзини? Непосредственно вдохновленные, отмѣченныя самимъ Богомъ и избранныя всенароднымъ голосованіемъ, Dio e popolo, они должны быть призваны къ управленію человѣческими обществами?

О Государствѣ.

Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся назадъ подъ иго церкви и государства. Правда, эта новая организація, основанная идеалистами, философами и учеными, и обяанная своимъ существованіемъ, подобно всѣмъ старымъ политическимъ организаціямъ, «милости Божіей», но поддерживаемая на этотъ разъ мнимой волей народа, не будетъ больше называться церковью, а будетъ называться школой. Но кто же отъ этого выиграетъ? На скамьяхъ этой школы будутъ сидѣть не дѣти; нѣтъ, тамъ будетъ вѣчно пребывать хронически несовершеннѣйшій ученикъ, никогда, по общему признанію, небудущій въ состояніи сдать свои выпускные экзамены и возвыситься до

уровня своихъ учителей и обходиться безъ ихъ муштровки; этотъ ученикъ — народъ. Государство не будетъ болѣе называться монархией; оно будетъ называться демократической республикой, но тѣмъ не менѣе оно будетъ государствомъ, то есть, опекой официально и систематически организованнаго меньшинства компетентныхъ людей, гениальныхъ, талантливыхъ или добродѣтельныхъ, которые будутъ блюсти и направлять поведение этого большого, несправимаго и ужаснаго ребенка, — народа. Профессора школы и чиновники государства будутъ называться республиканцами; но они тѣмъ не менѣе будутъ опекунами и пастырями, а народъ останется тѣмъ же, чѣмъ былъ и до сихъ поръ, т. е. стадомъ. А гдѣ есть стадо, тамъ непременно должны быть и пастухи, чтобы стричь и пожирать его.

Народъ, по этой системѣ, несмотря на принадлежащую ему верховную власть, совершенно фиктивную, будетъ продолжать служить орудіемъ чужой мысли, чужой воли и, слѣдовательно, чужихъ интересовъ. Между этимъ положеніемъ и тѣмъ, что мы называемъ свободой, единственной реальной свободой, — цѣлая пропасть. Это будетъ прежнее угнетеніе и прежнее рабство въ новой формѣ; а гдѣ есть рабство, тамъ есть и нищета, и жестокость, тамъ реальный социальный матеріализмъ, привилегированные классы — съ одной стороны, а народныя массы — съ другой.

**

Обожествляя человѣческія вещи, идеалисты роковымъ образомъ обезпечиваютъ торжество грубому матеріализму. Происходитъ это по очень простой причинѣ: божественное испаряется и возносится на свою родину, небо; на землѣ же остается одно грубое и дочеловѣческое.

Однажды я спросилъ Мадзини, какія мѣры надо будетъ принимать для эмансипаціи народа, когда будетъ окончательно утверждена его торжествующая объединенная республика.

— Первой мѣрою, — отвѣтилъ онъ, — будетъ основаніе школъ для народа.

— А чему будутъ учить народъ въ этихъ школахъ?

— Обязанностямъ человѣка, — самопожертвованію во имя идеи, прежде всего.

— Но гдѣ вы найдете достаточное число профессоровъ, способ-

ныхъ научить этимъ вещамъ, которымъ никто не имѣетъ ни права, ни возможности учить, если только онъ не проповѣдуетъ этого собственнымъ примѣромъ? Не крайне ли ограничено число людей, отдавшихъ свою жизнь служенію идеѣ?

Тѣ, которые жертвуютъ собою ради великой идеи, повинуются возвышенной страсти и, удовлетворяя эту личную страсть, внѣ которой сама жизнь теряетъ въ ихъ глазахъ всякую цѣну, обыкновенно не думаютъ о возведеніи своихъ дѣлъ въ доктрину; съ другой же стороны тѣ, которые учатъ доктринѣ, обыкновенно забываютъ проводить ее въ жизни, въ силу той причины, что доктрина убиваетъ жизнь, живую, самопроизвольность дѣйствія.

Люди, подобно Мадзини, у которыхъ доктрина и дѣйствіе составляютъ удивительное единство, — очень рѣдкое исключеніе. Въ христіанствѣ были такіе великіе люди, святые люди, которые осуществляли на практикѣ или, по крайней мѣрѣ, страстно стремились осуществить въ жизни все, чему учили, люди, сердца которыхъ, переполненные любовью, были полны презрѣнія къ благамъ и наслажденіямъ этого міра. Но огромное большинство католическихъ и протестантскихъ священниковъ, которые по привычкѣ проповѣдовали и до сихъ поръ проповѣдуютъ цѣломудріе, воздержаніе и отреченіе, своимъ собственнымъ примѣромъ подрываютъ свое ученіе. Не безъ причины, а вслѣдствіе опыта многихъ столѣтій, у народовъ всѣхъ странъ вошли въ поговорку фразы «распутный, какъ попь», «прожорливый, какъ попь», «честолюбивый, какъ попь», «жадный, эгоистичный, алчный, какъ попь». Такимъ образомъ, установлено съ несомнѣнностью, что освященные церковью учителя христіанскихъ добродѣтелей — священники, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, поступаютъ совершенно обратно тому, чему они учатъ. Общераспространенность и подавляющее количество подобныхъ фактовъ показываетъ, что вину слѣдуетъ искать не въ нихъ, какъ индивидахъ, а въ социальномъ положеніи, невозможномъ и противорѣчивомъ само по себѣ, въ которое эти индивиды поставлены.

Положеніе христіанскихъ священниковъ заключаетъ въ себѣ двойное противорѣчіе. Во-первыхъ, противорѣчіе между ученіемъ воздержанія и отреченія и дѣйствительными потребностями и стремленіями человѣческой природы, — стремленіями и потребностями,

которые въ очень рѣдкихъ индивидуальныхъ случаяхъ могутъ быть дѣйствительно игнорируемы, подавляемы и даже совершенно уничтожены постояннымъ вліяніемъ какой-нибудь могущественной интеллектуальной или моральной страсти, но которая до такой степени присущи нашей природѣ, что рано или поздно они всегда берутъ свое, и если ихъ не удовлетворить правильнымъ и нормальнымъ путемъ, то въ концѣ-концовъ приходится прибѣгать къ нездоровымъ и уродливымъ способамъ удовлетворенія. Это естественный и, слѣдовательно, роковой и непреодолимый законъ, подъ губительнымъ дѣйствіемъ котораго неизбѣжно падаютъ всѣ христіанскіе священники, а главнымъ образомъ, священники римско-католической церкви.

Но есть и другое противорѣчіе, общее для священниковъ обоихъ вѣроисповѣданій. Это противорѣчіе вытекаетъ изъ самаго титула и положенія господина. Господинъ, который повелѣваетъ, угнетаетъ и эксплуатируетъ, — вполне логичный и естественный персонажъ. Но господинъ, который жертвуетъ собой для своихъ подчиненныхъ, — существо противорѣчивое и совершенно невозможное. Въ этомъ и заключается самая сущность лицемѣрія, такъ хорошо олицетворяемаго папой, который называетъ себя «нижайшимъ слугою слугъ Божіихъ», — въ знакъ чего, слѣдуя примѣру Христа, онъ даже оmyваетъ однажды въ годъ ноги двѣнадцати римскимъ нищимъ, — и въ то же время провозглашаетъ себя намѣстникомъ Бога на землѣ, абсолютнымъ и непогрѣшимымъ господиномъ міра. Надо ли мнѣ напоминать, что священники всѣхъ церквей, далекіе отъ того, чтобы жертвовать собою довѣренному ихъ попеченію стаду, всегда, наоборотъ, его приносили въ жертву, его эксплуатировали и держали, дѣйствительно, на положеніи стада, частью для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей, частью для вящей славы Господней. Одинаковыя условія, одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя дѣйствія. То же самое будетъ и съ профессорами новой школы, божественно вдохновенными и дипломированными государствомъ. Они непременно слѣлаются, — нѣкоторые безсознательно, другіе съ полнымъ сознаниемъ, — проповѣдниками доктрины принесенія народа въ жертву власти государства и на пользу привилегированныхъ классовъ.

Не значить ли это, что мы должны изгнать изъ общества всякое

Система образования

образование и уничтожить всё школы? Далеко нѣтъ. Образование должно распространяться безъ всякаго ограниченія среди массъ народа, преобразуя всё церкви, всё эти храмы, посвященные славу Божіей и рабству людей, въ школы человѣческой эмансипаціи.

Но прежде всего намъ надо понять другъ друга: школы въ нормальномъ обществѣ, основанномъ на равенствѣ и на уваженіи къ человѣческой свободѣ, должны существовать только для дѣтей, а не для взрослыхъ; и для того, чтобы онѣ могли сдѣлаться школами эмансипаціи, а не порабощенія, необходимо прежде всего изгнать изъ нихъ навсегда эту фикцію Бога, вѣчнаго и абсолютнаго работодателя.

Все воспитаніе и образованіе дѣтей должно быть основано на научномъ развитіи ума, а не вѣры, на развитіи личнаго достоинства и независимости, а не на благочестіи и послушаніи, на поклоненіи истинѣ и справедливости во что бы то ни стало, а сверхъ всего на уваженіи къ человѣчеству, которое должно всегда и вездѣ замѣнять поклоненіе божеству. Принципъ авторитета въ воспитаніи дѣтей составляетъ естественный исходный пунктъ; онъ законенъ и необходимъ въ примѣненіи къ дѣтямъ нѣжнаго возраста, которые еще не могутъ руководиться въ жизни своимъ собственнымъ разумомъ. Но такъ какъ всякая эволюція, а слѣдовательно, и эволюція воспитанія подразумеваетъ постепенное отрицаніе исходной точки, то по мѣрѣ того, какъ идутъ впередъ воспитаніе и образованіе, случаи примѣненія власти должны становиться все рѣже и рѣже, уступая мѣсто все увеличивающейся свободѣ.

Всякое рациональное воспитаніе есть въ сущности не что иное, какъ это постепенное перенесеніе авторитета въ жертву свободѣ, такъ какъ конечною цѣлью воспитанія непремѣнно должно быть созданіе свободнаго человѣка, полнаго уваженія и любви къ свободѣ другихъ. Поэтому первый день жизни школьника, — если школа будетъ брать дѣтей, едва умѣющихъ лепетать нѣсколько словъ, — долженъ быть днемъ величайшаго авторитета школы и почти совершеннаго отсутствія свободы; а послѣдній день долженъ быть днемъ величайшей свободы и совершеннаго уничтоженія всякаго слѣда животнаго или божественнаго принципа власти.

Принципъ власти въ примѣненіи къ людямъ, достигшимъ совершеннѣйшаго, становится чѣмъ-то чудовищнымъ, явнымъ отрица-

нiемъ чловѣчности, источникомъ рабства и нравственной и умственной развращенности. Къ несчастiю, благодаря отеческимъ заботамъ правительства, народныя массы и донныѣ пребываютъ въ такомъ грубомъ невѣжествѣ, что необходимо будетъ учредить школы не только для дѣтей народа, но и для самого народа. Изъ школъ послѣдняго типа должно быть абсолютно изгнано малѣйшее проявленiе принципа власти. Это не будутъ болѣе школы, а будутъ народныя академiи, гдѣ не будетъ ни учениковъ, ни учителей, куда народъ будетъ свободно приходить, чтобы запастись нужными для него знанiями, и гдѣ онъ, богатый собственнымъ опытомъ, будетъ въ свою очередь учить многимъ полезнымъ вещамъ своихъ профессоровъ. Это будетъ, такимъ образомъ, взаимное обученiе, актъ интеллектуальнаго братства между образованнымъ юношествомъ и народомъ.

*Власть Коле**ева - Власть Народ!*

Дѣйствительная школа для народа и для всѣхъ взрослыхъ людей — это жизнь. Единственная великая, всемогущая, естественная и въ то же время рациональная власть, единственная, которую мы можемъ уважать, есть **власть духа коллективной общественности**, основанная на взаимномъ уваженiи всѣхъ членовъ общества. Да! существуетъ власть, вовсе не божественная, а вполне чловѣческая, но передъ нею мы готовы преклониться, увѣренные, что это единственная власть, которая не порабощаетъ людей; наоборотъ, она освободитъ ихъ. Увѣряю васъ, она будетъ въ тысячу разъ могущественнѣе, чѣмъ всѣ ваши божественныя, теологическiя, метафизическiя, политическiя и юридическiя власти, установленныя церковью и государствомъ; могущественнѣе, чѣмъ ваши уголовные кодексы, ваши тюремщики и палачи.

Сила коллективнаго чувства или духа общественности даже и теперь вещь очень серьезная. Даже такъ называемые привычныя преступники рѣдко осмѣливаются открыто оскорблять его. Они стараются обмануть его, но остерегаются грубо попірять, если только не чувствуютъ за собой поддержки болѣе или менѣе значительнаго меньшинства. Ни у одного чловѣка, какимъ бы сильнымъ онъ ни считалъ себя, не хватитъ силы выносить единодушное презрѣнiе общества; никто не можетъ жить, не чувствуя поддержки въ одобре-

чин и уваженіи, той или другой части общества. Человѣкъ долженъ быть побуждаемъ какимъ-нибудь великимъ и очень искреннимъ убѣжденіемъ, чтобы найти мужество говорить и дѣйствовать противъ мнѣнія всѣхъ, а развращенный, себялюбивый и трусливый человѣкъ никогда не найдетъ въ себѣ такого мужества.

Ничто не доказываетъ яснѣе, чѣмъ этотъ фактъ, естественной и неизбѣжной солидарности, которая связываетъ всѣхъ людей. Каждый изъ насъ можетъ провѣрить этотъ законъ ежедневно и на себѣ, и на всѣхъ людяхъ, которыхъ онъ знаетъ. Но если существуетъ эта социальная власть, то почему до сихъ поръ ея было недостаточно для того, чтобы смягчить людей, сдѣлать ихъ нравственнѣе? Просто потому, что до сихъ поръ самая эта власть не была облагорожена; а не была она облагорожена оттого, что социальная жизнь, вѣрнымъ отраженіемъ которой она всегда была, основана, какъ намъ извѣстно, на поклоненіи божеству, а не на уваженіи къ человѣчеству; на власти, а не на свободѣ; на привилегіяхъ, а не на равенствѣ; на эксплуатаціи, а не на братствѣ людей; на несправедливости и лжи, а не на истинѣ и справедливости. Слѣдовательно, реальное дѣйствіе духа общественности всегда было въ противорѣчій съ гуманитарными теоріями, постоянно подвергалось губительному и развращающему вліянію. Вліяніе общественнаго мнѣнія сказывалось до сихъ поръ не въ подавленіи пороковъ и преступленій, а въ умноженіи и распространеніи ихъ. Слѣдовательно, власть его божественная, антигуманная; вліяніе его зловредное и бѣдственное. Хотите сдѣлать эту власть и это вліяніе благотворными и гуманными? Совершите социальную революцію. Сдѣлайте всѣ потребности дѣйствительно солидарными и заставьте матеріальные и социальные интересы каждого сообразоваться съ человѣческими обязанностями каждого. А для этой цѣли есть только одно средство: разрушите всѣ несправедливыя учрежденія; установите всеобщее экономическое и социальное равенство, и на этомъ фундаментѣ возникнетъ свобода, нравственность, гуманная солидарность всѣхъ людей.

Исторический Идеализмъ (Трехъ-томный)
Необходимымъ слѣдствіемъ теоретическаго идеализма на практикѣ является самый грубый матеріализмъ; конечно, не среди искреннихъ проповѣдниковъ идеализма, (что касается послѣднихъ, то

обыкновенно въ концѣ жизни, посвященной идеѣ, они принуждены видѣть, какъ всѣ ихъ усилія разбиваются безплодно), но среди тѣхъ, кто старается осуществлять ихъ ученіе въ жизни, а также и во всякомъ обществѣ, въ которомъ идеалистическія ученія получаютъ значительное распространеніе. Подобное утвержденіе можетъ показаться страннымъ сначала, но стоитъ только остановить вниманіе на общеизвѣстныхъ историческихъ фактахъ и правильность высказаннаго нами сужденія окажется несомнѣнной.

Сравните, напримѣръ, двѣ цивилизаціи древняго міра: греческую и римскую. Которая изъ нихъ болѣе матеріалестична, которая имѣла въ своей основѣ естественные инстинкты и страсти человѣка и въ то же время съ значительной полнотой осуществляла въ жизни гуманитарные идеалы? Несомнѣнно, греческая цивилизація. И наоборотъ, которая изъ двухъ имѣла въ своей основѣ отвлеченный идеаль абстрактнаго государства и, принося матеріальную свободу человѣка въ жертву идеальной свободѣ гражданина, являлась наиболѣе грубою по своимъ результатамъ? Конечно, римская цивилизація. Правда, и греческая цивилизація, подобно всѣмъ древнимъ культурамъ, была исключительно національна и была основана на рабствѣ. Но, несмотря на эти два огромные недостатка, первая тѣмъ не менѣе поняла и осуществила идею человѣчности; она облагородила и дѣйствительно идеализировала жизнь людей: она превратила человѣческія стада въ свободныя ассоціаціи свободныхъ гражданъ; она создала науки, искусства, поэзію, бессмертную философію и впервые провозгласила права человѣка. Благодаря политической и соціальной свободѣ, она создала свободную мысль.

Въ концѣ Среднихъ вѣковъ, въ эпоху Возрожденія, достаточно было одного того факта, что немногіе греческіе эмигранты принесли въ Италію нѣсколько бессмертныхъ произведеній греческаго генія, чтобы воскресить тамъ жизнь, и свободу, и мысль, погребенныя въ мрачной темницѣ католицизма. Эмансипація людей — вотъ имя греческой цивилизаціи.

А имя римской цивилизаціи? Военный триумфъ, со всѣми его жестокими послѣдствіями. А ея послѣднее слово? Всемогущество цезарей, что означаетъ униженіе и порабощеніе націй и отдѣльныхъ людей.

Даже и теперь, — что убиваетъ, что систематически и беспощадно разрушаетъ во всѣхъ европейскихъ странахъ свободу и гуманность? Это — повсемѣстное господство римскаго права.

Сравните теперь двѣ новѣйшихъ цивилизаціи: романскую и германскую. Характерной чертой первой является несомнѣнный материализмъ; вторая, наоборотъ, отличается идеализмомъ въ его наиболѣе отвлеченной, наиболѣе чистой и трансцендентной формѣ. Посмотримъ, каковы практическіе результаты той и другой.

Италия — Франция — Германия —

Италія время въ Возрожденія оказала уже огромныя услуги дѣлу человѣческаго освобожденія. Она первая воскресила и дала широкое примѣненіе принципу свободы въ Европѣ и возвратила человечеству лучшія его достоянія: промышленность, торговлю, поэзію, искусства, положительныя науки и свободную мысль. Задушенная потомъ, въ теченіе трехъ столѣтій, императорскимъ и папскимъ деспотизмомъ и втоптанная въ грязь своей правящей буржуазіей, она снова поднимается теперь, правда, безмѣрно униженной въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она была когда-то. И все-таки, какъ сильно она отличается отъ Германіи! Въ Италіи, несмотря на ея упадокъ, — временный, надѣмся, — можно жить и дышать по-человѣчески, среди народа, который кажется рожденнымъ для свободы. Италія, — даже буржуазная Италія, — можетъ съ гордостью указать вамъ на людей, подобныхъ Мадзини и Гарибальди.

Въ Германіи дышешь атмосферою всеобъемлющаго политическаго и соціальнаго рабства, философски обоснованнаго и принятаго великимъ народомъ съ сознательною покорностью и съ удовольствіемъ. Ея герои, — я говорю о Германіи настоящаго, а не о Германіи будущаго, объ аристократической, бюрократической, политической и буржуазной Германіи, а не о Германіи пролетаріевъ, — ея герои полная противоположность Мадзини и Гарибальди: это Вильгельмъ I, жестокій и наивный представитель протестантскаго Бога, г.г. Бисмаркъ и Мольтке, генералы Мантейфель и Вердеръ. Во всѣхъ своихъ международныхъ отношеніяхъ Германія, съ самаго начала своего существованія, систематически стремилась къ захватамъ и завоеваніямъ, всегда готовая распространить свое собственное добровольное порабощеніе на территорию сосѣдей, а со времени ея окончательнаго

объединенія въ одну державу, она сдѣлалась угрозой для свободы всей Европы.

Въ настоящее время Германія — это холопство, сознательное, жестокое и торжествующее.

**

Чтобы показать, какимъ образомъ теоретическій идеализмъ непремѣнно и неизбѣжно превращается въ практическій матеріализмъ, достаточно привести въ примѣръ всѣ христіанскія церкви и, конечно, прежде всего апостольскую римскую церковь. Что можетъ быть возвышеннѣе, въ идеальномъ смыслѣ, безкорыстнѣе, отрѣшеннѣе отъ всѣхъ земныхъ интересовъ, чѣмъ ученіе Христа, проповѣдуемое этой церковью? И что, съ другой стороны, можетъ быть грубѣе и матеріалистичнѣе, практической политики этой церкви, начиная съ восьмого столѣтія, когда окончательно установилась ея власть? Что всегда служило и служитъ до сихъ поръ постоянной причиной всѣхъ ея споровъ съ государями Европы? Ея свѣтскія имѣнія, ея доходы — вопервыхъ, а затѣмъ — ея свѣтская власть и политическія привилегіи.

Мы должны отдать ей справедливость и признать, что она первая открыла въ новѣйшей исторіи ту неоспоримую, но едва ли христіанскую истину, что богатство и власть немногихъ, съ одной стороны, и экономическая эксплуатація и политическое угнетеніе массъ, съ другой, — два нераздѣлимые условія господства божественнаго идеала на землѣ: богатство укрѣпляетъ и увеличиваетъ власть, а власть постоянно открываетъ и изобрѣтаетъ новые источники богатства, и эти два фактора лучше, чѣмъ мученичество и вѣра апостоловъ, лучше, чѣмъ божественная благодать, обезпечиваютъ успѣхъ христіанской пропаганды. Это — историческая истина, и протестанскія церкви, или скорѣе секты, не замедлили признать ее. Я говорю, конечно, о независимыхъ церквахъ Англіи, Америки и Швейцаріи, а не о подчиненныхъ церквахъ Германіи. Послѣднія не имѣютъ собственной инициативы; онѣ дѣлаютъ то, что приказываютъ имъ ихъ начальники, ихъ свѣтскіе государи, которые въ то же время и ихъ духовное начальство. Хорошо извѣстно, что протестантская пропаганда, особенно англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, тѣсно связана съ пропагандой матеріальныхъ и коммерческихъ интересовъ этихъ двухъ великихъ націй; извѣстно также, что цѣль послѣдней пропаганды

вовсе не обращеніе и матеріальное процвѣтаніе странъ, въ которыя она проникаетъ въ союзѣ со словомъ Божиимъ, но эксплуатація этихъ странъ для обогащенія и матеріальнаго благосостоянія привилегированныхъ классовъ, метрополій стремящихся расширить эксплуатацію и грабительство за предѣлы своей страны.

Однимъ словомъ, вовсе не трудно доказать съ исторіей въ рукахъ, что церковь, что всѣ церкви, христіанскія и нехристіанскія, наряду съ ихъ спиритуалистической пропагандой, вѣроятно, для того, чтобы усилить и упрочить успѣхъ послѣдней, никогда не упускали случая организовать въ большія корпораціи для экономической эксплуатаціи массъ подъ покровительствомъ и съ прямого и спеціальнаго благословенія того или другого божества: не трудно также доказать, что всѣ государства, которыя, какъ намъ извѣстно, были первоначально, со всѣми ихъ политическими и юридическими учрежденіями и ихъ господствующими и привилегированными классами, лишь свѣтскими владѣніями этихъ разнообразныхъ церквей, точно также имѣли въ виду, главнымъ образомъ, ту же самую эксплуатацію массъ въ пользу свѣтскаго меньшинства, косвеннымъ образомъ санкціонированнаго церковью; и доказать, наконецъ, какъ общее правило, что дѣло милосерднаго Бога и всѣхъ божественныхъ идеаловъ на землѣ кончалось всегда и вездѣ преобладаніемъ цвѣтущаго матеріализма немногихъ надъ фанатическимъ идеализмомъ умирающихъ отъ голода массъ.

Новое доказательство этого мы имѣемъ въ томъ, что видимъ теперь.

За исключеніемъ великихъ сердецъ и великихъ умовъ, на которые я указалъ какъ на заблуждающихся, кто теперь самые упорные защитники идеализма? Во-первыхъ, всѣ государи и ихъ придворные. Во Франціи въ послѣднее время Наполеонъ III и жена его, императрица Евгенія, всѣ ихъ прежніе министры, придворные и эксъ-маршалы, отъ Руэ и Базена до Флери и Пюгри; мужчины и женщины императорскаго оффиціального міра, которые такъ старательно пропагандировали идеализмъ и спасали Францію; ихъ газеты и ихъ ученые — Кассаньяки, Жирардены, Дювернуа, Вельо, Леверп, Дюма; черная фаланга іезуитовъ и іезуитокъ всевозможныхъ разновидностей, вся высшая и средняя буржуазія Франціи; либералы-доктринеры и

либералы безъ доктрины, — Гизо, Тьеры, Жюлфавры, Пелетаны и Жюль Симоны; всѣ они были яркими проповѣдниками идеализма и въ то же время самыми упорными защитниками буржуазной эксплуатаціи. Въ Пруссіи, въ Германіи — Вильгельмъ I, настоящій царственный представитель милосерднаго Бога на землѣ; всѣ его генералы, всѣ его померанскіе и другіе офицеры, вся его армія, благодаря своей религіозной вѣрѣ только что побѣдившая Францію тѣмъ идеальнымъ способомъ, который мы такъ хорошо знаемъ. Въ Россіи — царь и весь его дворъ, Муравьевы и Берги, всѣ кровопійцы и благочестивые усмирители Польши. Однимъ словомъ, вездѣ религіозный и филозофскій идеализмъ (причемъ послѣдній представляетъ болѣе или менѣе вольный переводъ перваго) служить въ наше время знаменемъ матеріальной эксплуатаціи; тогда какъ, наоборотъ, знамя теоретическаго матеріализма, красный флагъ экономическаго равенства и соціальной справедливости воздвигается практическимъ идеализмомъ угнетенныхъ и умирающихъ съ голода массъ, стремящихся осуществить величайшую свободу и человѣческое право каждаго въ братствѣ всѣхъ людей на землѣ. Кто же — настоящіе идеалисты. идеалисты не въ отвлеченности, а въ жизни, не на небѣ, а на землѣ? И кто — матеріалисты?

Очевидно, что для того, чтобы стать адептомъ теоретическаго или божественнаго идеализма, надо разъ навсегда покончить съ логикой и съ человѣческимъ разсудкомъ, отречься отъ науки. Мы видимъ далѣе, что тотъ, кто защищаетъ доктрины идеализма, невольно оказывается завербованнымъ въ ряды угнетателей и эксплуататоровъ народныхъ массъ. Этихъ двухъ важныхъ причинъ, казалось бы, достаточно, чтобы оттолкнуть отъ идеализма всякій великій умъ, каждое великое сердце. Какимъ же образомъ случилось, что наши знаменитые современные идеалисты, у которыхъ, несомнѣнно, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, ни въ доброй волѣ, идеалисты, всю свою жизнь посвятившіе служенію человѣчеству, — какимъ образомъ случилось, что они упорно остаются въ компаніи съ представителями ученія, отнынѣ осужденнаго и опозореннаго?

Мотивы, побуждающіе къ этому, должны быть очень могущественны. Этими мотивами не могутъ быть ни логика, ни наука, съ тѣхъ поръ какъ онѣ вынесли идеализму обвинительный приговоръ. Не мо-

гутъ ими быть и личные интересы, такъ какъ эти люди стоятъ безконечно выше подобныхъ подозрѣній. Значить, долженъ быть могущественный нравственный мотивъ. Какой? Онъ можетъ быть только одинъ: эти замечательные люди думаютъ, безъ сомнѣнія, что идеалистическія теоріи или вѣрованія существенно необходимы для нравственнаго достоинства и величія человѣка, и что матеріалистическія теоріи, наоборотъ, низводятъ его на уровень животныхъ.

А что, если истина какъ разъ въ противоположномъ?

Каждое развитіе, какъ я уже сказала, есть отрицаніе своей исходной точкой. Такъ какъ основаніе или точка отправления, по ученію матеріалистической школы, матеріальна, то отрицаніе ея должно быть непремѣнно идеально. Удаляясь отъ сущности реальнаго міра или отъ того, что отвлеченно называется матеріей, матеріализмъ логически приходитъ къ дѣйствительной идеализаціи, то есть по отношенію къ человѣчеству къ полной и окончательной эмансипаціи общества. Наоборотъ, такъ какъ основаніе и точка отправления идеалистической школы есть идеаль, то въ силу той же самой причины, это ученіе неизбѣжно приводитъ къ социальному матеріализму, къ установленію грубаго деспотизма и подлой, несправедливой эксплуатаціи подъ видомъ церкви и государства. Историческое развитіе человѣка, съ матеріалистической точки зрѣнія, есть постепенное возвышеніе; господство же идеалистической системы превратило это развитіе въ непрерывное паденіе. И какой бы вопросъ, касающійся человѣка, мы ни затронули, мы всегда неизбѣжно наталкиваемся на то же непримиримое противорѣчіе между двумя школами. Такимъ образомъ, какъ я уже замѣтила, матеріализмъ удаляется отъ животности, чтобы установить человѣчность; идеализмъ же исходитъ отъ божества, чтобы установить рабство и обречь народныя массы на животное прозябаніе. Матеріализмъ отрицаетъ свободную волю и кончаетъ установленіемъ свободы; идеализмъ во имя человѣческаго достоинства провозглашаетъ свободную волю и на развалинахъ всякой свободы создаетъ власть. Матеріализмъ отвергаетъ принципъ власти, потому что справедливо смотритъ на него какъ на порожденіе животности и потому что, наоборотъ, торжество человѣчности, цѣль и главное значеніе исторіи, можетъ быть осуществлено только съ помощью свободы. Однимъ словомъ, всегда въ жизни вы найдете идеалистовъ за

практическимъ осуществленіемъ самыхъ пошлыхъ матеріалистическихъ цѣлей, тогда какъ матеріалистовъ вы увидите преслѣдующими и осуществляющими самыя великія идеальныя стремленія и мысли.

Исторія, въ системѣ идеалистовъ, какъ я сказалъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ паденіемъ. Начинаютъ они со страшнаго паденія, отъ котораго никогда не могутъ оправиться, съ сальтомортале изъ возвышенныхъ областей чистой и абсолютной идеи — къ матеріи. И къ какого рода матеріи? Не къ той матеріи, которая вѣчно дѣйствуетъ и движется, которая полна своихъ особенныхъ свойствъ и силъ, жизни и ума, матеріи, какой мы видимъ ее въ реальномъ мірѣ; нѣтъ, но къ матеріи абстрактной, обезсиленной и сведенной къ абсолютному ничтожеству, какъ она понимается теологами и метафизиками, которые лишили ее всего, чтобъ отдать все ихъ императору, ихъ Богу; къ матеріи, которая, лишенная всякаго самостоятельнаго дѣйствія и движенія, представляетъ, въ противоположность идеѣ божества, не что иное какъ абсолютную непроницаемость, инертность и неподвижность.

Это паденіе такъ ужасно, что божество, божественная личность или идея, сплющивается, теряетъ сознание самое себя и никогда уже вполне не приходитъ въ него. И въ этомъ отчаянномъ положеніи божество все-таки принуждено дѣлать чудеса! Потому что съ того момента, какъ матерія дѣлается инертною, каждое приходящее въ мірѣ движеніе, даже самое матеріальное, есть чудо, и можетъ быть только результатомъ божественнаго вмѣшательства, дѣйствіемъ Бога на матерію. И вотъ это бѣдное божество, наполовину уничтоженное своимъ паденіемъ, лежитъ нѣсколько тысячъ столѣтій въ обморокъ, потомъ понемногу начинаетъ копошиться и приходитъ въ себя, тщетно стараясь схватить хоть какое-нибудь смутное воспоминаніе о прошломъ бытіи, и каждое движеніе, которое оно производитъ при этомъ, преобразуетъ матерію, обращается въ творчество новыхъ формъ, новымъ и новымъ чудомъ. На этомъ пути божество проходитъ черезъ всѣ степени матеріальности и животности, — въ началѣ газъ, простое и сложное химическое вещество, минераль, оно распространяется потомъ по землѣ въ видѣ растительныхъ и животныхъ организмовъ, пока не сосредоточится въ человѣкѣ.

Тутъ божество какъ будто бы снова становится самимъ собою,

потому что въ каждомъ человѣческомъ существѣ свѣтится божественная искра, частица его собственнаго существа, бессмертная душа.

Какимъ образомъ можно было ухитриться помѣстить вещь абсолютно нематеріальную въ предметъ абсолютно матеріальный; какъ можетъ тѣло содержать, заключать въ себѣ, ограничивать, парализовать чистый воздухъ? Это опять одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые можетъ разрѣшить только вѣра, суевѣрное и тупое утверженіе абсурда. Это величайшее изъ чудесъ. Здѣсь однако намъ предстоитъ только установить слѣдствія, практическіе результаты этого чуда.

Божество, затерянное и разсѣянное въ матерію, которую оно оживляетъ и приводитъ въ движеніе, послѣ тысячъ столѣтій напрасныхъ усилій наконецъ находитъ точку опоры, нѣкотораго рода оптической фокусъ для сосредоточенія себя. Этотъ фокусъ — человѣкъ, его бессмертная душа, страннымъ образомъ заключенная въ смертномъ тѣлѣ. Но каждый человѣкъ, рассматриваемый индивидуально, слишкомъ ограниченъ, слишкомъ ничтоженъ, чтобы заключить въ себѣ божественную необъятность; онъ можетъ содержать лишь очень маленькую бессмертную частицу, подобную Цѣлому. Изъ этого слѣдуетъ, что божественное существо, абсолютно нематеріальное существо, Духъ, можетъ дѣлиться подобно матеріи. Это вторая тайна, разрѣшеніе которой должно быть предоставлено вѣрѣ.

Если бы Богъ цѣлкомъ могъ найти себѣ помѣщеніе въ каждомъ человѣкѣ, то каждый человѣкъ былъ бы Богомъ. У насъ было бы огромное количество Боговъ; каждый изъ нихъ былъ бы ограниченъ всѣми другими, но тѣмъ не менѣе безконеченъ, — противорѣчіе, которое означало бы взаимное уничтоженіе людей, невозможность существованія болѣе чѣмъ одного. Что касается частицъ, то это другое дѣло; ничто не можетъ быть въ самомъ дѣлѣ рациональнѣе, чѣмъ то, чтобы одна частица была органичена другою и была меньше цѣлага. Но другое противорѣчіе смущаетъ насъ здѣсь. Быть больше или меньше — это свойство матеріи, а не духа, какъ понимаютъ его идеалисты. Правда, согласно съ ученіемъ матеріалистовъ, душа есть только движущая сила человѣческаго организма, и величіе или ничтожество души зависятъ отъ большаго или меньшаго объема этого организма. Но эти же самыя свойства относительной ограниченности и величины не могутъ быть приписаны духу, какъ его

понимають идеалисты, абсолютно нематеріальному духу, существующему независимо отъ матеріи. Не можетъ быть ни большаго, ни меньшаго духа, ни какого бы то ни было количественнаго различія между духами, потому что есть только одинъ Духъ — Богъ. Пріобавить, что безконечно малыя и ограниченныя частицы, составляющія человѣческія души, въ то же время безсмертны, значитъ довести противорѣчіе до крайности. Но это вопросъ вѣры; не будемъ останавливаться на немъ.

Итакъ, мы имѣемъ Божество, разорванное и помѣщенное въ безконечно малыхъ частицахъ въ огромномъ числѣ существъ всѣхъ половъ, возрастовъ, расъ и цвѣтовъ. Это чрезвычайно неудобное и злосчастное положеніе, потому что божественныя частицы такъ мало знакомы другъ съ другомъ въ началѣ ихъ человѣческаго существованія, что начинаютъ съ пожранія другъ друга. Сверхъ того, въ этомъ состояніи варварства и вполне животной грубости, эти божественныя частицы сохраняютъ смутное сходство съ ихъ первоначальнымъ божествомъ и чувствуютъ неудержимое влеченіе къ ихъ Цѣлому; онѣ ищутъ одна въ другой своего Цѣлаго. Это само Божество, разсѣянное и затерянное въ матеріальномъ мірѣ, ищетъ самого себя въ людяхъ, и оно такъ одичало отъ этого множества человѣческихъ тюремъ, въ которыхъ оно находитъ себя заключеннымъ, что въ поискахъ самого себя оно совершаетъ безуміе за безуміемъ.

Начавъ съ фетишизма, оно отыскиваетъ и обожаетъ себя то въ камнѣ, то въ кускѣ дерева, то въ размалеванной тряпкѣ. Очень вѣроятно, что ему никогда не удалось бы выйти изъ этого низкаго состоянія, если бы другое божество, которому не было суждено матеріализироваться и которое сохранилось въ состояніи чистаго духа на небесныхъ высотахъ абсолютнаго идеала, не сжалилось надъ нимъ.

Здѣсь опять новая тайна, — тайна Божества, — раздѣлившагося на двѣ половины, обѣ одинаково безконечныя, изъ которыхъ одна — Богъ отецъ остается въ чистыхъ, нематеріальныхъ областяхъ, а другая — Богъ Сынъ переходитъ въ матерію. Кромѣ того, между этими двумя, раздѣленными одно отъ другого, Божествами устанавливаются постоянныя сношенія, сверху внизъ и снизу вверхъ, и эти сношенія, разсматриваемыя какъ единый вѣчный и постоянный актъ, поддерживаются Святымъ Духомъ. Такова, въ ея настоящемъ теологи-

ческомъ и метафизическомъ значеніи, великая, страшная тайна христіанской Троицы.

Но не будемъ терять времени, стараясь постигнуть непостижимое и, поклонувъ эти высоты, посмотримъ, что происходитъ на землѣ.

**

Богъ Отець, видя съ высотъ своего вѣчнаго великолѣпія, что бѣдный Богъ Сынъ, приплюснутый и изумленный своимъ паденіемъ, погрузился въ матерію, и что, достигнувъ человѣческаго состоянія, онъ все еще не нашель самого себя, рѣшается придти къ нему на помощь. Изъ безконечнаго количества частицъ, въ одно и то же время безсмертныхъ, божественныхъ и безконечно малыхъ, въ которыхъ Богъ Сынъ растворился такъ совершенно, что не узнаеть самого себя. Богъ Отець выбираеть тѣ, которые наиболѣе ему нравятся и дѣлаеть ихъ своими вдохновенными пророками, геніями добродѣтели, великими благодѣтелями и законодателями человѣчества, каковы: Зороастръ, Будда, Моисей, Конфуцій, Ликургъ, Солонъ, Сократъ, божественный Платонъ, и выше всѣхъ Иисусъ Христосъ (полная реализація Сына Божія, наконецъ, собраннаго и сконцентрированнаго въ одной человѣческой личности), всѣ апостолы, святой Петръ, святой Павелъ и святой Іоаннъ, Константинъ Великій, Магометъ, затѣмъ Рригорій VII, Карлъ Великій, Данте, а по мнѣнію нѣкоторыхъ также Лютеръ, Волтеръ и Руссо, Робеспьеръ и Дантонъ, и многія другія великія и святыя личности, всѣхъ именъ которыхъ невозможно припомнить, но среди которыхъ я, какъ русскій, прошу не забыть святого Николая.

И вотъ мы достигли, наконецъ, проявленія Бога на землѣ. Но какъ только появляется Богъ, человѣкъ сводится на ничто. Мнѣ скажутъ, что онъ вовсе не сводится на ничто, съ тѣхъ поръ какъ онъ самъ частица Бога. Извините меня! Я допускаю, что частица опредѣленнаго, ограниченнаго дѣлага, какъ бы мала она ни была, есть извѣстная положительная величина. Но частица безконечно великаго, по сравненію съ нимъ, безконечно мала. Умножьте билліоны билліоновъ на билліоны билліоновъ; ихъ произведеніе, по сравненію съ безконечно великимъ, будетъ безконечно мало, а безконечно малое равняется нулю. Богъ есть все; поэтому человѣкъ и реальный міръ, вселенная — ничто. Этого заключенія вы никакъ не избѣжите.

Появляется Богъ, и человѣкъ сводится на ничто, и чѣмъ величественнѣе становится Божество, тѣмъ несчастнѣе дѣлается человѣчество. Такова исторія всѣхъ религій; таково дѣйствіе всѣхъ откровеній и божественныхъ законодательствъ. Въ исторіи имя Божіе является всесокрушающей дубиной, которою пророки и прочіе великіе геніи побивали свободу, достоинство, разумъ и благосостояніе людей.

Мы видѣли сначала паденіе Бога. Теперь передъ нами паденіе, которое интересуеть насъ гораздо болѣе, — паденіе человѣка, явившееся результатомъ дѣятельности Бога на землѣ.

Посмотрите, въ какомъ глубокомъ заблужденіи находятся наши дорогіе и знаменитые идеалисты. Говоря намъ о Богѣ, они намѣреваются, они желаютъ возвысить, освободить, облагородить насъ, и вмѣсто этого, наоборотъ, даютъ и унижаютъ насъ. Они воображаютъ что съ помощью имени Бога возможно установить братство среди людей; на самомъ же дѣлѣ, создаютъ гордость однихъ и униженіе другихъ, сѣютъ раздоръ, ненависть и войну, устанавливаютъ рабство. Потому что вмѣстѣ съ Богомъ появляются различныя степени божественнаго вдохновенія: человѣчество раздѣляется на людей высоко вдохновенныхъ, менѣе вдохновенныхъ и совсѣмъ невдохновенныхъ. Правда, всѣ они одинаково ничтожны передъ Богомъ: но по сравненію другъ съ другомъ, одни изъ нихъ выше другихъ. — не только фактически, что было бы не важно, такъ какъ неравенство въ фактѣ теряется въ коллективности, если только она не цѣпляется за какую-нибудь легальную фикцію или учрежденіе, — но выше въ божественномъ правѣ вдохновенности, которое неизбѣжно устанавливаетъ неподвижное, постоянное, окаменѣлое неравенство. Менѣе вдохновенные и вовсе невдохновенные должны внимать и повиноваться высоко вдохновеннымъ. Такимъ образомъ, принципъ власти является хорошо установленнымъ и опирается на два основныхъ учрежденія, поддерживающія рабство. — церковь и государство.

**
*

Изъ всѣхъ деспотизмовъ самый худшій деспотизмъ доктринеровъ или вдохновенныхъ фанатиковъ. Они такъ ревностно хлопочутъ о славѣ своего Бога и о торжествѣ своихъ идей, что въ ихъ сердцѣ не остается мѣста для сочувствія свободѣ, достоинству или даже страданіямъ живыхъ, настоящихъ людей. Божественное усердіе, забота

объ идеалѣ иссушаютъ въ концѣ концовъ въ самыхъ нѣжныхъ душахъ, въ самыхъ сострадательныхъ сердцахъ источники любви къ человѣчеству. Смотря на все существующее, на все, что случается въ мірѣ, съ точки зрѣнія вѣчности или съ точки зрѣнія отвлеченной идеи, они относятся къ преходящимъ вещамъ съ презрѣніемъ. Но вѣдь вся жизнь реальныхъ людей, людей изъ плоти и костей, состоитъ только изъ однѣхъ преходящихъ вещей, и сами они — преходящія существа, которыя, уходя, замѣняются другими, точно также преходящими и никогда не возвращающимися индивидуальностями. Одно только человѣчество постоянно и относительно вѣчно, непрерывно развиваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Я говорю: относительно вѣчно, потому что разъ наша планета будетъ разрушена (а не погибнуть рано или поздно она не можетъ, такъ какъ все, что имѣетъ начало, должно непремѣнно имѣть и конецъ), когда наша планета разложится, чтобы послужить матеріаломъ для какого-нибудь новаго образования въ системѣ вселенной, которая одна только дѣйствительно вѣчна, — кто знаетъ, что станется со всѣмъ нашимъ человѣческимъ развитіемъ? Тѣмъ не менѣе, такъ какъ моментъ этого разрушенія находится въ отдаленномъ будущемъ и на огромномъ разстояніи отъ насъ, то, собственно говоря, мы можемъ считать человѣчество вѣчнымъ, сравнительно съ краткимъ періодомъ индивидуальной человѣческой жизни.

Но самый процессъ прогрессивнаго развитія человѣчества реаленъ и живъ только благодаря его основательнымъ проявленіямъ въ определенное время, въ определенномъ пространствѣ, въ дѣятельности живыхъ, чувствующихъ людей, а не благодаря его общей идеѣ.

Общая идея есть всегда абстракція и въ силу этого, въ нѣкоторомъ родѣ, отрицаніе реальной жизни. Наука можетъ обнять и систематизировать только общія соотношенія и общую законмѣрность реальныхъ фактовъ, т. е. то въ явленіяхъ, что остается неизмѣннымъ при ихъ непрерывныхъ превращеніяхъ; но наука никогда не можетъ схватить ихъ матеріальной, индивидуальной стороны, трепещущей реальностью и жизнью, и потому ускользящей и неуловимой. Наука обнимаетъ лишь идею реальности, идею жизни, а не самую жизнь. Наука не можетъ выйти изъ границъ абстракціи. Это ея единствен-

ный реальный, непреодолимый предѣль, лежащій въ самой природѣ человеческого интеллекта, единственного органа науки.

Но какъ только наука, оставивъ свою великую миссію, черезъ посредство своихъ официальныхъ дипломированныхъ представителей начинаетъ предъявлять права руководить жизнью, тотчасъ же обнаруживается ея жизненная несостоятельность и даже ея вредное вліяніе. Миссія науки состоитъ въ томъ, чтобы установить общіе законы, формулирующіе развитіе явленій физическаго и социальнаго міра; она устанавливаетъ, такъ сказать, сигнальныя вѣхи, указывающія путь прогрессивнаго шествія человѣчества, отмѣчаетъ общія условія, которыя необходимо строго соблюдать, и забывать или игнорировать которыя всегда бываетъ пагубно. Однимъ словомъ, наука — это компасъ жизни, но не жизнь. Наука неизмѣнна, безлична, обща, отвлеченна, безчувственна, подобно тѣмъ законамъ, идеальное воспроизведеніе которыхъ она собою представляетъ, воспроизведеніе отраженное или умственное, т. е. м о з г о в о е, (подчеркиваю это слово, чтобы напомнить, что сама наука не болѣе какъ продуктъ матеріальнаго органа — мозга). Жизнь преходяща и временна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она — вся трепеть реальности и индивидуализма, чувствительности, страданій, радостей, стремленій, потребностей и страстей. Она одна самопроизвольно творитъ реальныя вещи и существа. Наука ничего не творитъ; она только воспринимаетъ, классифицируетъ, даетъ имена твореніямъ жизни. И каждый разъ какъ только люди науки, выйдя изъ подполья своего отвлеченнаго міра, смѣшиваются съ живымъ потокомъ жизни, все, что они пытаются создать, бѣдно до смѣшнаго, абстрактно, безкровно, безжизненно, мертворожденно, какъ гомункулъ, созданный Вагнеромъ, педантическимъ ученикомъ безсмертнаго доктора Фауста. Изъ этого слѣдуетъ, что единственная миссія науки — освѣщать жизнь, а не управлять ею.

**
*

Проявленіе науки, т. е. ученыхъ, даже если они позитивисты, ученики Огюста Бонта, или же послѣдователи доктринерской школы германскихъ социаль-демократовъ, непремѣнно будетъ безсильно. смѣшно, негуманно, жестоко, будетъ угнетать, допускать эксплуатацію, вредить. О людяхъ науки, какъ таковыхъ, можно сказать то же, что я сказалъ о теологахъ и метафизикахъ: у нихъ нѣтъ ни ума, ни

сердца для индивидуальных и живых существ. Мы не можем даже порицать их за это, потому что это — естественное слѣдствие ихъ профессій. Поскольку они люди науки, они не могутъ интересоваться ничѣмъ, кромѣ обобщеній, абсолютныхъ законовъ, и питать уваженіе къ чему-либо другому.

Реальная, живая индивидуальность. примѣнная только для другой живой индивидуальности, а не для индивидуальности мыслящей, не для человѣка, который рядомъ абстракцій ставитъ себя внѣ и выше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью: для такихъ людей индивидуальность можетъ существовать только какъ болѣе или менѣе совершенный экземпляръ извѣстной разновидности т. е. определенной абстракціи. Если это, на примѣръ, кроликъ, то чѣмъ красивѣе экземпляръ, тѣмъ радостнѣе ученый анатомируетъ его, въ надеждѣ уловить общія типичныя свойства, законъ рода. И если бы никто не противился этому, то не нашлось ли бы даже въ наши дни фанатиковъ, способныхъ производить подобныя эксперименты надъ людьми? Если натуралисты не анатомируютъ живого человѣка, то ихъ останавливаетъ въ этомъ случаѣ не наука, а всемогущій протестъ жизни. Хотя они проводятъ три четверти своего существованія въ изученіи и созданіи совсѣмъ особаго міра, который цѣликомъ завладѣваетъ ихъ умомъ и сердцемъ, все-таки они не исключительно люди науки, но также въ большей или меньшей степени люди жизни.

Однако мы не должны полагаться на это. Хотя мы можемъ быть почти увѣрены, что ученый не посмѣетъ въ наше время обращаться съ человѣкомъ такъ же, какъ онъ обращается съ кроликомъ, но всегда есть опасность, что ученые могутъ подвергнуть живыхъ людей научнымъ экспериментамъ, несомнѣнно интереснымъ, но тѣмъ не менѣе неприятнымъ для ихъ жертвъ. И если они не имѣютъ возможности производить эксперименты надъ тѣломъ отдѣльныхъ индивидовъ, зато съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ готовы они производить ихъ надъ социальнымъ тѣломъ, чему надо непременно помѣшать.

При своей современной организаціи, монополизировавшей науку и стоящей такимъ образомъ внѣ социальной жизни, ученые составляютъ отдѣльную касту, во многихъ отношеніяхъ похожую на касту духовенства. Научная абстракція — ихъ Богъ, индивиды — ихъ жертвы, а они — патентованные жрецы.

Наука не можетъ выйти изъ сферы отвлеченностей. Въ этомъ отношеніи она рѣшительно ниже искусства, которое, хотя также имѣетъ своимъ предметомъ типичное и общее, но воспроизводитъ его въ живыхъ конкретныхъ образахъ. Конечно, произведенія искусства — не сама жизнь, но тѣмъ не менѣе они возбуждаютъ въ нашемъ воображеніи чувство и воспоминаніе о жизни; искусство въ извѣстномъ смыслѣ индивидуализируетъ типы и положенія, которые изображаетъ; посредствомъ индивидуальностей безъ плоти и крови и, слѣдовательно, неизмѣнныхъ и безсмертныхъ, созданныхъ волею художника, искусство говоритъ нашему уму о живыхъ, реальныхъ индивидуальностяхъ, которыя появляются и исчезаютъ передъ нашими глазами. Искусство, въ этомъ смыслѣ, есть жертвоприношеніе преходящей, ускользящей, но реальной жизни на алтарь вѣчной абстракціи.

Наука также неспособна охватить индивидуальность человѣка, какъ и индивидуальность кролика. Не потому, чтобы ей былъ совершенно чуждъ принципъ индивидуализма; напротивъ, она въ совершенствѣ понимаетъ индивидуализмъ именно какъ принципъ, но не какъ фактъ: съ точки зрѣнія науки всѣ виды животныхъ, включая и человѣчeskій родъ не имѣютъ реального существованія внѣ извѣстнаго числа опредѣленныхъ индивидовъ, рождающихся и умирающихъ, чтобы дать мѣсто новымъ индивидамъ, такимъ же преходящимъ. Наука знаетъ, что по мѣрѣ перехода отъ низшихъ видовъ къ высшимъ, принципъ индивидуальности проявляется все съ большей интенсивностью, индивиды становятся все болѣе сложными, болѣе свободными и болѣе совершенными. Наука знаетъ, что человѣкъ, послѣднее и самое совершенное животное на землѣ, что онъ представляетъ наиболѣе полную и исключительную индивидуальность, вслѣдствіе его способности понимать и руководствоваться въ своей общественной и частной жизни законами природы. Наука знаетъ, наконецъ, если только она не развращена теологическимъ, метафизическимъ, политическимъ или юридическимъ доктринерствомъ, если она не отупѣла отъ профессиональнаго сомнѣнія, если она не глуха къ инстинктамъ и стремленіямъ жизни, — она знаетъ (и это ея послѣднее слово), что уваженіе къ человѣку есть высшій законъ человѣчества и великая реальная цѣль исторіи, а единственная законная цѣль науки есть гуманизация и эмансипация жизни, а также свобода и благоденствіе cadaго ин-

дивида, живущаго въ обществѣ. И потому, если мы не хотимъ отступить назадъ, къ губительнымъ для свободы мечтамъ о благосостояніи общества подъ сѣнью государства, мечтамъ, всегда основаннымъ на систематическомъ принесеніи народа въ жертву правительству, мы должны ясно сознать, что коллективная свобода и благосостояніе существуютъ лишь постольку, поскольку они представляютъ сумму индивидуальныхъ свободъ и индивидуальныхъ благосостояній.

Наукѣ извѣстны всѣ эти истины, но она не можетъ стать по ту сторону ихъ. Такъ какъ абстракція составляетъ истинную природу науки, то она можетъ довольно хорошо понимать принципъ реальной и живой индивидуальности, но не можетъ имѣть дѣла съ реальными и живыми индивидами; она занимается индивидами вообще, а не Петромъ или Яковомъ, не такимъ-то или такимъ-то, который самъ по себѣ для науки не существуетъ. Индивиды, какъ предметъ науки, повторяю, суть только абстракція.

А между тѣмъ исторія дѣлается не отвлеченными индивидуальностями, но живыми и дѣйствующими индивидами. Отвлеченности двигаются впередъ, только когда ихъ подталкиваютъ реальные люди. Для этихъ существъ, живущихъ не въ идеѣ только, а въ дѣйствительности, и состоящихъ изъ плоти и крови, наука является мачехой: она смотритъ на нихъ самое большее какъ на матеріалъ для интеллектуальнаго и соціальнаго развитія. Какое ей дѣло до исключительныхъ условій жизни и судьбы Петра или Якова? Она сдѣлалась бы смѣшной, унизила бы свой санъ, уничтожила бы себя, если бы вздумала интересоваться ими иначе какъ примѣрами для подтвержденія ея вѣчныхъ теорій. И смѣшно было бы желать, чтобы она поступала такъ, потому что она повинуется своимъ собственнымъ законамъ. Она не можетъ схватывать конкретное; она можетъ оперировать только съ абстракціями. Ея назначеніе—въ изслѣдованіи положенія и общихъ условій жизни и развитія или человѣческаго рода вообще, или какой-нибудь расы, какого-нибудь народа, какого-нибудь отдѣльнаго класса или категоріи индивидовъ; въ изслѣдованіи общихъ причинъ ихъ благосостоянія, ихъ упадка, и въ открытіи наилучшихъ методовъ упроченія ихъ прогресса и благосостоянія всѣми возможными способами. Если только она выполняетъ этотъ трудъ широко и рационально, то она вполне исполняетъ свой долгъ, и было бы по-истинѣ несправедливо

ожидать или требовать отъ нея большаго; было бы нелѣпо и прямо-таки опасно навязывать ей миссію, выполненіе которой противно самой ея природѣ, заставляющей ее игнорировать личное существованіе и судьбу Петра или Якова. Если бы патентованные представители науки, люди обыкновенно далеко не отвлеченные, но, наоборотъ, ведущіе зачастую очень активную жизнь и имѣющіе очень реальные интересы, обратили бы, паче чаянія, свое непосредственное вниманіе на конкретныхъ Петровъ и Ивановъ, то мы нисколько не удивились бы, если бы они принялись стричь, а при случаѣ и сдирать шкуру съ своихъ близкихъ, во имя науки совершенно такъ же, какъ ихъ стригли и обдирали до тѣхъ поръ священники, законники и политики всякаго рода во имя Бога, государства и правового порядка.

**
*

То, что я проповѣдую, есть такимъ образомъ до нѣкоторой степени протестъ жизни противъ науки, или, если можно такъ выразиться, прогнвъ науковластія; но я дѣлаю это вовсе не для того, чтобы уничтожить науку,—это было бы низкой измѣной человѣчеству,—а лишь для того, чтобы водворить науку на ея мѣсто съ тѣмъ, чтобы она никогда больше не покидала его. До сихъ поръ вся исторія человѣчества была постояннымъ и кровавымъ жертвоприношеніемъ милліоновъ бѣдныхъ человѣческихъ существъ въ честь какой-нибудь безжалостной отвлеченности: Бога, отечества, государственной власти, національной чести, историческихъ и юридическихъ правъ, общественной свободы и благосостоянія. Таково был во всѣ времена естественное, сампроизвольное и неизбѣжное движеніе человѣческихъ обществъ. Мы не можемъ передѣлать этого. Прощедшее—виѣ нашей власти, и намъ ничего не остается, какъ принять его какъ роковое и неизбѣжное. Намъ ничего не остается, какъ вѣрить что пройденный путь былъ единствен. возможнымъ путемъ для воспитанія человѣческой расы. Поэтому мы не должны обманывать себя: какъ бы ни было велико значеніе, приписываемое нами макиавелевскимъ ухищреніямъ правящихъ классовъ, мы все же не должны признать, что никакое меньшинство не было бы достаточно могущественно, чтобы принудить народныя массы принести всѣ тѣ ужасныя неисчислимыя жертвы, которыя были принесены на протяженіи исторіи, если бы въ самихъ массахъ не было безразсуднаго, самопроизвольнаго движенія, которое толка-

ло ихъ къ постоянному самопожертвованію во имя то одной, то другой изъ этихъ пожирающихъ абстракцій, этихъ вампировъ исторіи, всегда питавшихся человѣческой кровью.

Эта пагубная тенденція, коренящаяся въ глубинахъ народной массы, сослужила неоцѣненную службу теологамъ, политикамъ и юристамъ, этимъ патентованнымъ жрецамъ, питающимся народными массами. Неудивительно, что и метафизики, съ своей стороны, не преминули примазаться къ власти имущимъ и стали оправдывать и рационализировать насколько возможно все несправедливое и нелѣпное. И даже сама положительная наука, — какъ ни прискорбно въ этомъ сознаться, — выказала такія же тенденціи. Последнее объясняется двумя причинами: во-первыхъ, большинство представителей позитивной науки принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ, и во-вторыхъ, потому что многіе ученые, пренесполненные профессиональной гордости, трактуютъ науку, какъ абсолютную и окончательную цѣль всего человѣческаго развитія. Я надѣюсь, что путемъ самокритики, которую она можетъ и въ концѣ концовъ должна будетъ приложить къ самой себѣ, позитивная наука пойметъ, что она во всемъ своемъ составѣ не болѣе какъ средство для осуществленія гораздо болѣе высокой цѣли, — полной гуманизации всѣхъ реальныхъ индивидовъ, рождающихся, живущихъ и умирающихъ на землѣ.

**

Огромное преимущество позитивной науки надъ теологіей и метафизикой, надъ политикой и правомъ, состоитъ въ томъ, что вмѣсто живыхъ и пагубныхъ отвлеченностей, выставляемыхъ этими дисциплинами, она опирается на истинныя абстракціи, которыя выражаютъ общую природу и логику вещей, ихъ дѣйствительныя соотношенія и общіе законы ихъ развитія. Это навсегда упрочитъ за наукой привилегированное положеніе въ обществѣ; она является въ нѣкоторомъ смыслѣ, коллективнымъ сознаниемъ общества. Но есть одинъ пунктъ, въ которомъ позитивная наука походитъ а всѣ предшествоція, то она принуждена въ силу своей природы игнорировать реальныхъ людей, помимо которыхъ не имѣютъ права на существованіе самыя истинныя абстракціи. Чтобы исправить этотъ радикальный дефектъ, наука будущаго будетъ дѣйствовать методомъ, различнымъ вавшія ей дисциплины: такъ какъ ея единственная цѣль — абстрагировать того, которому слѣдовали науки прошедшаго. Последнія пользо-

вались невѣжествомъ массъ и съ сладострастіемъ приносили ихъ въ жертву своимъ абстракціямъ, которыя, такимъ образомъ, становились очень доходными для ихъ представителей во плоти и крови. Позитивная наука, признавая свою полную неспособность понимать реальныхъ индивидовъ и интересоваться ихъ судьбой, должна рѣшительно и абсолютно отказаться отъ всякихъ притязаній на управленіе обществомъ; потому что, если бы она вмѣшалась въ него, то постоянно приносила бы живыхъ людей — которыхъ она не знаетъ, въ жертву абстракціямъ, которыя представляютъ единственный предметъ ея законнаго вѣдѣнія.

Научной исторіи, наиримѣръ, не существуетъ еще до сихъ поръ, и въ настоящее время едва только начинаютъ обрисовываться ея основныя тенденціи. Но предположимъ, что она была бы вполне развита; что дала бы она намъ? Въ лучшемъ случаѣ, она дала бы намъ вѣрную и рациональную картину всѣхъ историческихъ обществъ, картину естественнаго развитія общихъ условій, ихъ существованія, матеріальныхъ и духовныхъ, экономическихъ, политическихъ и социальныхъ, религіозныхъ, философскихъ, эстетическихъ и научныхъ. Но эта универсальная картина человѣческой цивилизаціи, какъ бы она ни была детальна, никогда не могла бы объять собою ничего, лежащаго внѣ общихъ и, слѣдовательно, отвлеченныхъ условій. Милліарды индивидовъ, давшихъ живой и страдающей матеріаль этой исторіи, торжествующей и въ то же время мрачной,—торжествующей благодаря огромной гекатомбѣ человѣческихъ жертвъ, «раздавленныхъ ея колесницею»,—милліарды безвѣстныхъ индивидовъ, безъ которыхъ не получился бы ни одинъ изъ великихъ отвлеченныхъ результатовъ исторіи и на долю которыхъ не досталось ни одной іоты завоеванныхъ для будущаго благъ,—никогда не найдутъ даже самаго ничтожнаго мѣста въ анналахъ исторіи. Они жили и были раздавлены для блага отвлеченнаго человѣчества, вотъ и все.

Будемъ ли мы порицать за это историческую науку? Это было бы и несправедливо, и смѣшно. Индивидовъ нельзя объять не только мыслью, но даже и человѣческой рѣчью, которая способна выражать только отвлеченности; нельзя объять мыслью нынѣ живущихъ индивидовъ сколько-нибудь больше, чѣмъ индивидовъ прошедшаго. Поэтому сама социальная наука, наука будущаго, непременно будетъ продолжать игнорировать ихъ. Все, что мы вправе требовать отъ

нея, это — чтобы она указывала намъ вѣрной и надежной рукой общія причины индивидуальнаго страданія; среди этихъ причинъ она должна особенно отмѣнить жертвоприношенія (и до сихъ поръ, увы! столь частыя) живыхъ чувствующихъ индивидовъ во имя отвлеченныхъ обещаній; въ то же время она должна указать намъ общія условія, необходимыя для реальной эмансипаціи индивидовъ, живущихъ въ обществѣ. Такова ея миссія, таковы ея предѣлы, внѣ которыхъ приложеніе соціальной науки можетъ быть лишь немощно и пагубно. За этими предѣлами начинаются доктринерскія и правительственныя претензіи ея патентованныхъ представителей, ея жрецовъ. Пора покончить съ этими первосвященниками, даже если они называютъ себя соціаль-демократами. Повторяю снова, единственная миссія науки—освѣщать путь. Только жизнь, освобожденная отъ всѣхъ правительственныхъ и доктринерскихъ перегородокъ и пользующаяся полной свободой дѣйствій, можетъ творить.

Какъ разрѣшить это противорѣчіе?

Съ одной стороны, наука необходима для раціональной организаціи общества; съ другой, она неспособна интересоваться всѣмъ живымъ и реальнымъ.

Это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только однимъ путемъ: наука не должна долѣе оставаться внѣ общей жизни, представляемая корпораціей патентованныхъ ученыхъ, но должна пустить корни и распространиться среди массъ. Наука, призванная отнынѣ представлять коллективное народное сознаніе, должна на самомъ дѣлѣ сдѣлаться достояніемъ каждаго. Такимъ образомъ, не теряя ничего изъ своего универсальнаго характера, котораго она никогда не можетъ лишиться, не переставъ быть наукой и продолжая интересоваться исключительно общими причинами, общими условіями и закономерностью въ отношеніяхъ между индивидами и между вещами, она пуститъ корни въ непосредственной и реальной жизни всѣхъ индивидовъ. Это движеніе въ наукѣ будетъ аналогично религіозному движенію въ началѣ реформаціи, когда нѣкоторые послѣдователи Лютера проповѣдовали, что людямъ не нужно больше священниковъ, что отнынѣ каждый человекъ будетъ своимъ собственнымъ священникомъ, благодаря невидимому посредничеству Господа Иисуса Христа, которому удалось наконецъ «поглотить своего добраго Бога».

Но здѣсь рѣчь идетъ не объ Иисусѣ Христѣ, не о добромъ Богѣ, не о политической свободѣ, не о юридическомъ правѣ,—не обо всѣхъ этихъ вещахъ, открытыхъ теологическимъ или метафизическимъ путемъ и одинаково неудобоваримыхъ для ума. Мірѣ научной абстракціи не обязанъ своимъ существованіемъ окровавленію; онъ присущъ реальному міру и представляетъ его общее или отвлеченное выраженіе; говоря иными словами, онъ образуетъ отдѣльную область, специально представленную учеными какъ корпораціей, и въ этомъ случаѣ этотъ идеальный міръ угрожаетъ занять мѣсто милосерднаго Бога по отношенію къ реальному міру, предоставивъ своимъ патентованнымъ представителямъ должности жрецовъ. Вотъ причина, почему необходимо растворить социальную организацію ученыхъ во всеобщемъ, равномъ для всѣхъ, образованіи, чтобы массы перестали быть стадомъ, которое пасутъ и стригутъ привилегированные жрецы, и взяли бы управление своей судьбой въ свои собственные руки.

Наука, сдѣлавшись достояніемъ cadaго, вплетется, въ извѣстномъ смыслѣ, въ непосредственную и реальную жизнь cadaго. Она выиграетъ въ пользѣ и пріятности то, что потеряетъ въ гордости, честолюбіи и доктринерскомъ педантизмѣ. Это не помѣшаетъ однако талантливымъ людямъ, болѣе способнымъ къ научнымъ изысканіямъ, чѣмъ большинство ихъ товарищей, посвятить себя исключительно культивированію наукъ и оказывать великія услуги человечеству. Только ихъ честолюбіе не будетъ жаждать никакой другой власти и вліянія кромѣ естественнаго вліянія, которое оказываетъ на окружающую среду высшій интеллектъ, и никакой другой награды, кромѣ удовлетворенія благороднаго энтузіазма.

**

Но пока массы достигнутъ этой степени образованности, слѣдуетъ ли оставить ихъ подъ управленіемъ людей науки? Конечно, нѣтъ. Для нихъ лучше обходиться вовсе безъ науки, чѣмъ позволить ученымъ управлять собою. Первымъ слѣдствіемъ правленія этихъ людей было бы то, что они сдѣлали бы науку недоступной для народа, потому что существующія научныя учрежденія аристократичны. Ученая, аристократія, съ практической точки зрѣнія, самая неумолимая, а съ социальной—самая наименная и оскорбительная, и такова же была бы и власть, установленная во имя науки. Подобный режимъ былъ бы способенъ парализовать жизнь и движеніе общества. Учен-

ные, всегда надменные, самодовольные и бессильные, захотѣли бы вмѣшиваться во все, и источники жизни изсякли бы подъ тлетворнымъ дуновеніемъ ихъ абстрактностей.

Повторяю, жизнь, а не наука, творить жизнь; самопроизвольная дѣятельность самого народа, одна, можетъ создать свободу. Было бы несомнѣнно очень счастливымъ обстоятельствомъ, если бы наука мгла уже съ нынѣшняго дня освѣтить самостоятельное шествіе народа къ своему освобожденію. Но лучше отсутствіе свѣта, чѣмъ дрожащій и невѣрный свѣтъ, только сбивающій съ толку тѣхъ, которые слѣдуютъ за нимъ. Не напрасно народъ прошелъ долгое историческое поприще и заплатилъ вѣками бѣдствій за свои заблужденія. Сохранившійся въ народной памяти империческій перечень его мучительныхъ опытовъ составляетъ родъ традиціонной науки, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не менѣе цѣнна, чѣмъ теоретическая наука. Тѣ изъ буржуазныхъ студентовъ, которые чувствуютъ достаточно ненависти къ лживости, лицемерію, несправедливости и трусости буржуазіи, чтобы найти мужество повернуться къ ней спиною, и достаточно темперамента, чтобы открыто стать на сторону справедливаго и гуманнаго дѣла пролетаріата,—эти юноши, какъ я уже сказалъ, и будутъ наставниками народа, братски относящимися къ нему; и благодаря имъ устранится возможность власти и правленія ученыхъ.

Если народъ будетъ остерегаться правленія ученыхъ, то тѣмъ болѣе онъ будетъ остерегаться правленія вдохновенныхъ идеалистовъ.

Чѣмъ искреннѣе жрецы неба и ихъ послѣдователи, тѣмъ они опаснѣе. Научная абстрактность, какъ я уже сказалъ, есть абстрактность рациональная, вѣрная въ своей сущности, необходимая для жизни, теоретическое представленіе или сознаніе которой она составляетъ. Она можетъ, она должна быть поглощаема и направляема жизнью. Идеалистическая абстрактность, Богъ, есть губительный ядъ, разрушающій, фальсифицирующій и убивающій жизнь. Гордость ученыхъ, будучи ничѣмъ инымъ, какъ личнымъ притязаніемъ, можетъ быть согнута и сломлена. Гордость идеалистовъ, будучи не личной, а божественной, нетерпима и неумолима: она можетъ только умереть, но никогда не уступить, и до послѣдняго издыханія будетъ стараться подчинить человѣка своему Богу. Результатомъ вѣры всегда бываетъ рабство и въ то же время торжество самаго грубаго и безобразнаго матеріализма.

Человѣкъ, подобно всему живому въ природѣ, существо вполне матеріальное. Умъ, способность мыслить, воспринимать различныя внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія, рефлексировать на нихъ, вспоминать ихъ, когда они прошли, воспроизводить ихъ воображеніемъ, находить въ нихъ сходство и различіе, составлять отвлеченныя опредѣленія, общія для нихъ, создавать, такимъ образомъ, общія понятія и, наконецъ, способность формулировать, классифицировать и комбинировать эти понятія, согласно различнымъ методамъ,—интеллектъ, однимъ словомъ, единственный создатель всего нашего идеальнаго міра,—есть свойство животнаго тѣла, и, главнымъ образомъ, мозгового механизма. Мы знаемъ это навѣрное, по опыту всѣхъ, которому никогда не противорѣчилъ ни одинъ фактъ, и который каждый человѣкъ можетъ провѣрить въ каждый моментъ своей жизни. Во всѣхъ живогныхъ, не исключая и самыхъ низшихъ видовъ, мы находимъ извѣстную степень интеллекта, и замѣчено, что въ ряду видовъ умъ животныхъ развивается пропорціонально тому, насколько организмъ даннаго вида приближается къ организму человѣка; но только въ человѣкѣ онъ достигаетъ той способности и силы отвлеченія, которыя собсвенно и составляютъ мысль.

Универсальный опытъ *), единственное начало и источникъ всего нашего знанія, показываетъ намъ, что всякій интеллектъ всегда связанъ съ какимъ-нибудь животнымъ тѣломъ, и что сила и интенсивность животныхъ функцій зависятъ отъ относительной сложности и совершенства организма. Эгого результатъ универсальнаго опыта приложимъ въ одинаковой мѣрѣ не только къ различнымъ животнымъ видамъ, но и къ людямъ; интеллектуальная и моральная сила послѣднихъ такъ очевидно связана съ большей или меньшей степенью совершенства ихъ организма въ зависимости отъ расы, націи, класса и индивидуальности, что нѣтъ надобности останавливаться на этомъ пунктѣ. **). Съ другой стороны, извѣстно, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ и не ощущалъ при посредствѣ какого-нибудь ино-

*) Универсальный опытъ, на которомъ зиждется вся наука, долженъ быть ясно отличаеомъ отъ универсальной вѣры, при посредствѣ которой идеалисты желаютъ поддерживать свои заблужденія. Первый—это подлинное констатированіе фактовъ; вторая—только предположеніе фактовъ, которыхъ никто не видѣлъ и которые, слѣдовательно, находятся въ разладѣ съ опытомъ каждаго.

**) Идеалисты, то-есть всѣ тѣ, кто вѣритъ въ нематеріальность и безсмертіе человѣческой души, должны быть чрезвычайно смущены интеллектуальнымъ раз-

го органа чувствъ чистаго духа, разбѣощеннаго съ матеріальной формой и существующаго отдѣльно отъ какаго бы то ни было животнаго тѣла. Но если никто не видѣлъ его, какимъ образомъ явилась у людей вѣра въ его смществованіе? Фактъ этого вѣрованія несомнѣненъ, и если не универсаленъ, какъ думаютъ идеалисты, то, по крайней мѣрѣ, очень распростраененъ и, какъ таковой, вполне достоинъ нашего особеннаго вниманія. Общерапространенное вѣроваіе, какъ бы оно ни было глупо, имѣеть слишкомъ могущественное вліяніе на судьбу людей, чтобы мы могли его игнорировать, не доискавшись его причинъ.

Объясненіе даннаго вѣрованія довольно рачіонально и не представляетъ особыхъ трудностей. На примѣрѣ дѣтей и подростковъ и даже многихъ людей, давно достигшихъ совершеннолѣтія, мы видимъ, что человекъ начинаетъ пользоваться своими умственными способностями задолго до того, когда онъ можетъ дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ онъ ими пользуется. Во время бессознательной работы на-

личіемъ, существующимъ между отдѣльными расами, народами и индивидами. Если мы предположимъ, что частины божества были распределены неравномѣрно, то чѣмъ объяснить эту неравномѣрность? Къ несчастію, существуетъ значительное количество людей совершенно глупыхъ, тупыхъ до пдіотизма. Какъ могло случиться, что при раздачѣ частицъ божественной души они получили на свою долю частину въ одно и то же время и божественную, и глупую? Чтобы избѣжать этого затрудненія, идеалисты должны непременно допустить, что всѣ человѣческія души равны, но что тюрмы, въ которыхъ онѣ заключены, человѣческія тѣла, неодинаковы; нѣкоторыя изъ нихъ болѣе способны, чѣмъ другія, служить выраженіемъ чистой духовной интеллектуальности. Согласно этому ученію, одинъ человекъ можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи очень утонченные органы, а другой—очень грубые. Но съ подобными различіями идеализмъ не можетъ оперировать, не впадая въ непослѣдовательность и грубѣйшій материализмъ, потому что опять предъ нами абсолютной нематеріальности души должны исчезнуть всѣ тѣлесныя различія; все тѣлесное, матеріальное должно непременно являться безразличнымъ, одинаково и абсолютно грубымъ. Пропастъ, разделяющая душу отъ тѣла, абсолютную нематеріальность отъ абсолютной матеріальности, безконечна. Отсюда должно бы слѣдовать, что всѣ различія, существующія по другую сторону пропасти, ничтожны для души и не могутъ оказывать на нее никакого вліянія. Однимъ словомъ, абсолютно нематеріальное не можетъ быть удерживаемо, заключаемо, а тѣмъ болѣе въ той или другой мѣрѣ выражаемо абсолютно матеріальнымъ. Изъ всѣхъ грубыхъ и материалистическихъ (по толкованію идеалистовъ, слово материалистическій однозвучае съ грубымъ, вульгарнымъ) измысленій, порожденныхъ примитивнымъ невѣжествомъ и глупостью людей, самое грубое и недѣльное—это сказка о нематеріальной душѣ, заключенной въ матеріальномъ тѣлѣ, и ничто съ такой очевидностью не доказываетъ всемогущества древнихъ предрасудковъ даже надъ лучшими умами, чѣмъ то, что люди, одаренные высокой интеллигентностью, до сихъ поръ носятъ съ легендой объ этомъ страшномъ союзѣ.

ивнаго и легковѣрнаго ума человѣкъ, подавленный вѣшнимъ міромъ, побуждаемый тѣмъ вѣчнымъ подстрекателемъ, который зовется жизнью, съ ея безчисленными потребностями, создаетъ множество вымысловъ, понятій и идей, очень несовершенныхъ вначалѣ и лишь слегка соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ вещамъ и фактамъ, которые они стараются выразить. Не имѣя еще сознанія работы своего собственнаго ума, не зная еще, что онъ самъ создалъ и продолжаетъ создавать эти вымыслы, эти понятія, эти идеи, не сознавая ихъ вполнѣ субъективнаго то-есть человѣческаго происхожденія, примитивный человѣкъ необходимо долженъ смотрѣть на нихъ какъ на объективныя, реальныя существа, вполнѣ независимыя отъ него, существующія сами по себѣ и сами въ себѣ.

Вотъ какимъ образомъ случилось, что первобытные народы, понемногу выходя изъ своей животной примитивности, создали своихъ боговъ. Создавъ ихъ и не подозрѣвая, что они сами были истинными творцами, они стали поклоняться имъ; смотря на нихъ, какъ на реальныя существа, безконечно болѣе возвышенныя, чѣмъ они сами, они приписывали имъ всемогущество и признали себя ихъ твореніями, ихъ рабами. По мѣрѣ того, какъ развивалось человѣчество, боги, всегда бывшіе ничѣмъ инымъ, какъ фантастическимъ, идеальнымъ и поэтическимъ его отраженіемъ, также идеализировались. Грубые фетиши вначалѣ, они постепенно сдѣлались чистыми духами, существующими внѣ видимаго міра, и наконецъ, съ теченіемъ исторіи, слились въ Единое Божественное Существо, въ чистаго, вѣчнаго, абсолютнаго Духа, творца и владыку міровъ.

**

Въ каждомъ развитіи, истинномъ или ложномъ, реальномъ или воображаемомъ, коллективномъ или индивидуальномъ, труденъ только первый шагъ, первый актъ. Разъ этотъ шагъ сдѣланъ, дальнѣйшее развитіе идетъ естественно, какъ необходимое его слѣдствіе.

Труднымъ шагомъ въ историческомъ развитіи этого ужаснаго религіознаго сумасшествія, которымъ мы продолжаемъ быть одержимы, была постановка божественнаго міра, какъ такового, внѣ міра реальнаго. Этотъ первый актъ безумія, естественный съ фізіологической точки зрѣнія и слѣдовательно, необходимый въ исторіи человѣчества, не былъ плодомъ внезапной импровизаціи. Не знаю, сколько столѣтій потребовалось, чтобы утвердить это вѣрованіе и

установить его господство надъ социальными обычаями людей; но, однажды установленное, оно сдѣлалось всемогущимъ, какимъ непремѣнно дѣлается безуміе, разъ оно овладѣваетъ человѣческимъ мозгомъ. Возьмите сумасшедшаго,—каковъ бы ни былъ пунктъ его помѣшательства,— и вы увидите, что смутная и навязчивая идея, которая овладѣла имъ, кажется ему самой естественной вещью въ мірѣ, и что, наоборотъ, реальныя вещи, противорѣчащія этой идеѣ, кажутся ему нелѣпымъ и ненавистнымъ безуміемъ. Религія есть коллективное сумасшествіе, тѣмъ болѣе могущественное, что оно традиціонно, и что происхожденіе его затерялось въ самой отдаленной древности. Какъ коллективное безуміе, она проникла въ самую глубину общественной и частной жизни народовъ; она воплотилась въ обществѣ; она сдѣлалась, такъ сказать, коллективной душой и мыслью. Каждый человѣкъ окруженъ религіознымъ ритуаломъ съ самаго рожденія; онъ всасываетъ религію съ молокомъ матери, впитываетъ ее со всѣмъ, къ чему онъ прикасается, что видитъ. Онъ такъ исключительно проникнуть, такъ отравленъ ею во всемъ своемъ существѣ, что позднѣе, какъ бы силенъ ни былъ его природный умъ, онъ долженъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы освободиться отъ нея, но и при всѣхъ усиліяхъ это ему никогда вполне не удается.

Какъ только сверхъестественный божественный міръ прочно утвердился въ воображеніи народовъ, развитіе разнообразныхъ религіозныхъ системъ послѣдовало естественнымъ и логическимъ теченіемъ, во всемъ сообразуясь впрочемъ съ современнымъ развитіемъ экономическихъ и политическихъ отношеній, которыя во всѣ вѣка находили въ религіозной фантазіи свое вѣрное отраженіе и божественную санкцію. Такимъ образомъ, коллективное историческое безуміе, которое называется религіей, начавшись съ фетишизма, прошло всѣ стадіи отъ политеизма до христіанскаго монотеизма.

Вторымъ шагомъ въ развитіи религіозныхъ вѣрованій, несомнѣнно наиболѣе труднымъ послѣ установленія потусторонняго божественнаго міра, былъ именно этотъ переходъ отъ политеизма къ монотеизму, отъ религіознаго матеріализма язычниковъ къ спиритуалистической вѣрѣ христіанъ. Языческіе боги,— и это ихъ главная характеристическая черта,—были исключительно національными богами. Очень многочисленные. они въ значительной мѣрѣ сохранили мате-

риальный характер, или, лучше сказать, они были такъ многочисленны потому, что были матеріальны, такъ какъ разнообразіе—одно изъ свойствъ реального міра. Языческіе боги не были строгимъ отрицаніемъ реальныхъ вещей; они были только фантастическимъ преувеличеніемъ ихъ.

Мы знаемъ, какъ труденъ былъ для еврейскаго народа этотъ переходъ отъ многобожья къ единобожью, составляющій, такъ сказать, всю его исторію. Напрасно Моисей и пророки проповѣдовали единого Бога; народъ постоянно снова и снова впадалъ въ свое первобытное идолопоклонство, возвращался къ древней и гораздо болѣе естественной вѣрѣ во многихъ добрыхъ и злыхъ боговъ, матеріальныхъ, человѣческихъ, осязаемыхъ. Самъ Егова, ихъ единый богъ, богъ Моисея и пророковъ, былъ все еще въ высшей степени національнымъ богомъ, назначеніе котораго состояло лишь въ томъ, чтобы награждать и наказывать своихъ вѣрныхъ послѣдователей, свой избранный народъ, руководствуясь матеріальными аргументами, зачастую глупыми и всегда грубыми и жестокими. Вѣра въ его существованіе, повидимому, даже не отрицала существованія прежнихъ боговъ. Еврейскій богъ не отрицалъ существованія своихъ соперниковъ; онъ просто не желалъ, чтобы его народъ поклонялся другимъ богамъ наряду съ нимъ. Егова былъ ревнивый Богъ. Его первая заповѣдь была такова: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будетъ тебѣ бози иніи, развѣ мене».

Егова былъ, такимъ образомъ, первымъ матеріальнымъ и очень грубымъ наброскомъ новѣйшаго идеализма. Онъ былъ только національнымъ богомъ, подобно славянскому богу, которому поклоняются генералы, покорные и терпѣливые подданные императора всероссійскаго; подобно германскому богу, провозглашенному піетистами и нѣмецкими генералами, подданными Вильгельма I въ Берлинѣ. Между тѣмъ Высшее Существо не можетъ быть національнымъ богомъ; Оно должно быть богомъ всего человѣчества. Не можетъ также Высшее Существо быть существомъ матеріальнымъ; Оно должно быть отрицаніемъ всякой матеріи, чистымъ духомъ.

**

Двѣ вещи оказались необходимыми для реализаціи поклоненія Высшему Существому: 1) отрицаніе національностей и національныхъ

формъ поклоненія и 2) развитіе метафизическихъ идей для одухотворенія грудаго іудейскаго Еговы.

Первое условіе было выполнено римлянамъ,—хотя несомнѣнно очень отрицательнымъ способомъ,—посредствомъ завоеванія большинства странъ, извѣстныхъ древнимъ, и посредствомъ разрушенія ихъ національныхъ учреждений. Имъ мы обязаны установленіемъ алтаря единого высшаго бога на развалинахъ тысячъ другихъ алтарей. Боги всѣхъ завоеванныхъ націй, собранные въ Пантеонѣ, взаимно уничтожали другъ друга. Что касается второго условія, одухотворенія Еговы, то оно было осуществлено греками задолго до завоеванія ихъ страны римлянами. Греція, въ началѣ своей исторіи, получила уже отъ востока міръ боговъ, который былъ окончательно устроенъ въ традиціонной вѣрѣ ея народовъ. Еще въ доисторическій періодъ, она развила и удивительно гуманизировала этотъ божественный міръ черезъ посредство своихъ поэтовъ, и когда началась ея исторія, она уже имѣла готовую религію, наиболѣе симпатичную и благородную изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ религій, поскольку вообще религія т. е. ложь можетъ быть благородна и симпатична. Ея великіе мыслители, — а не одна страна не имѣетъ болѣе великихъ, чѣмъ Греція,—выступившіе впоследствии на арену исторіи, нашли божественный міръ установленнымъ не только внѣ ихъ, въ народѣ, но также и въ самихъ себѣ, въ видѣ привычки мыслить и чувствовать извѣстнымъ образомъ, и конечно они приняли эту привычку за исходную точку. То, что они не создали никакой теологіи т. е. не теряли времени на напрасныя попытки примирить нелѣпости того или другого бога съ логикой пробуждающагося разсудка, какъ это дѣлали средневѣковые схоластики, уже много говоритъ въ ихъ пользу. Они просто оставили народныхъ боговъ внѣ сферы своего размышленія и непосредственно обратились къ идеѣ божества единого, невидимаго, всемогущаго и вѣчнаго, къ идеѣ абсолютно спиритуалистической и безличной. Такимъ образомъ, греческіе метафизики гораздо болѣе, чѣмъ евреи, были творцами христіанскаго бога. Евреи только прибавили къ нему грубую личность своего Еговы.

Тотъ фактъ, что величайшій геній античнаго міра, равный богамъ, Платонъ, былъ совершенно убѣжденъ въ реальности божественной идеи, показываетъ намъ, какъ заразительна, какъ всемогуща традиція религіозной маніи даже для величайшихъ умовъ. Впрочемъ

это не должно особенно удивлять насъ, такъ какъ даже въ наши дни величайшій философскій гений, когда либо существовавшій со времени Аристотеля и Платона, Гегель, пытался снова возвести на ихъ трансцендентальный или небесный тронъ божественныя идеи, объективность которыхъ Кантъ разрушилъ своей критикой, къ несчастью, несовершенной и слишкомъ метафизической. Правда, что Гегель принялся за свой трудъ реставраціи такимъ неполитичнымъ образомъ, что навсегда убилъ милосерднаго Бога. Онъ отнялъ у этихъ идей ихъ божественный характеръ, показавъ каждому, кто захочетъ читать его, что онѣ были ничѣмъ инымъ, какъ созданіемъ человѣческаго ума, прибѣгающимъ къ исторіи въ поискахъ самого себя. Чтобы положить конецъ всемо религіозному безумію и божественному миражу, ему оставалось сказать только то послѣднее слово, которое было сказано уже послѣ него, почти одновременно, двумя великими мыслителями, никогда не слыжавшими другъ о другѣ,—Людвигомъ Фейербахомъ, ученикомъ и разрушителемъ Гегеля, и Огюстомъ Контомъ, основателемъ положительной философіи во Франціи: «Метафизики сведены къ психологіи» т. е. всѣ метафизическія системы были не что иное, какъ человѣческая психологія, развивающаяся въ исторіи.

**
*

Въ настоящее время не трудно уже понять, какимъ образомъ зародились божественныя идеи, какъ онѣ были созданы способностью человѣка къ отвлеченнымъ понятіямъ. Но во времена Платона знать это было невозможно. Коллективный умъ того времени, а также, слѣдовательно, и индивидуальный умъ величайшихъ гениевъ не созѣлъ еще для этого. Правда, тогда уже самопознаніе было объявлено Сократомъ основой мудрости: («Познай самого себя»). Но это самопознаніе существовало только въ воображеніи философа, въ дѣйствительности же оно было—ничто. Послѣ Платона наблюдается обратное движеніе ума, отъ религіозной метафизики къ позитивизму. Аристотель, истинный отецъ науки и позитивной философіи, не отрицалъ божественнаго міра, но и не интересовался имъ, стараясь какъ можно меньше его касаться. Послѣ него александрійскіе греки основали первую школу положительныхъ наукъ. Они были атеистами, но ихъ атеизмъ не оставилъ слѣда на ихъ современникахъ. Наука уже тогда стремилась все больше и больше отдѣлаться отъ жизни.

Другая школа, несравненно болѣе вліятельная, была основана также въ Александріи. Это была школа неоплатониковъ. Послѣдователи этой школы, смѣшавъ чудовищныя фантазіи Востока съ идеями Платона, были истинными предтечами христіанства, а позднѣе создателями и пропагандистами христіанскихъ догматовъ.

Такимъ образомъ, личный и грубый эгоизмъ Еговы, не менѣе жестокое и грубое владычество Римлянъ и метафизически-идеальныя размышленія грековъ были тремя историческими элементами, изъ которыхъ сложилось христіанство.

Богъ, вознесенный надъ національными различіями всѣхъ странъ, и въ извѣстномъ смыслѣ являющійся ихъ прямымъ отрицаніемъ, долженъ непременно быть существомъ нематеріальнымъ и отвлеченнымъ. Но, какъ ужъ мы сказали, вѣра въ существованіе подобнаго бога—вещь такая трудная что она не могла сразу войти въ жизненный обиходъ народа. Предварительно она прошла долгій подготовительный путь развитія въ твореніяхъ греческихъ метафизиковъ, впервые установившихъ философскимъ образомъ понятіе о божественной идеѣ, единой и множественной въ одно и то же время, объединяющей собою міриады идей—типовъ, реальнымъ воспроизведеніемъ которыхъ и является видимый міръ. Но божество, созданное греческой философіей, было божествомъ безличнымъ, чуждымъ сознанію неразвитыхъ народныхъ массъ: а такъ какъ никакой логической и серьезный метафизикъ не былъ способенъ подняться, или, лучше сказать, спуститься до идеи личнаго бога, то пришлось поискать подходящаго бога гдѣ-нибудь на сторонѣ, и онъ былъ найденъ въ грубой, себялюбивой и жестокой личности Еговы, національнаго бога евреевъ, который къ тому же былъ одинъ и въ то же время три. Между тѣмъ евреи, несмотря на тотъ исключительный національный духъ, которымъ они отличаются даже и въ настоящее время, сдѣлались фактически задолго до рожденія Христа самымъ интернациональнымъ народомъ въ мірѣ. Часть ихъ была уведена въ плѣнъ; другая, гораздо большая, разсѣялась по всему свѣту, побуждаемая той меркантильной страстью, которая составляетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ ихъ характера и до нашихъ дней; такимъ образомъ они разнесли повсюду поклоненіе своему Еговѣ, которому они оставались тѣмъ болѣе вѣрны, чѣмъ болѣе онъ покидалъ ихъ.

Въ Александріи грозный богъ евреевъ слился съ метафизиче-

скимъ божествомъ Платона, и въ результатъ получился нелѣпый, невещественный, но въ то же время и не духовный Богъ христіанъ.

Чтобы расцвѣтить красками жизни эту повозоброжденную религію, чтобы сдѣлать ее популярной въ широкихъ народныхъ кругахъ, необходимъ былъ живой, самопроизвольный фактъ, реальный образъ пророка, къ личности котораго могло бы быть приурочено новое ученіе, иначе оно неизбѣжно было бы обречено еще въ теченіе долгихъ столѣтій пребывать достояніемъ единичныхъ метафизиковъ.

**
*

И искомое было найдено: это было ученіе, страданія и смерти Иисуса Христа. Мы не знаемъ объ этой личности почти ничего фактически достовѣрнаго; все, что намъ разсказываютъ евангелія, такъ противорѣчиво, такъ баснословно, что мы едва можемъ схватить изъ него нѣсколько реальныхъ и жизненныхъ чертъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ учителемъ бѣдныхъ, другомъ и утѣшителемъ несчастныхъ, невѣжественныхъ людей, рабовъ и женщинъ, и что полѣднія его очень любили. Онъ обѣщаль вѣчную жизнь всѣмъ, кто традаетъ здѣсь на землѣ, а число ихъ — огромно. Онъ былъ расятъ, какъ важный преступникъ, представителями оффиціальной нравственности и общественного порядка того времени. Его ученики и ученики этихъ учениковъ съ успѣхомъ распространяли (благодаря завоеваніямъ римлянъ и уничтоженію національныхъ границъ) и пропагандировали евангеліе во всѣхъ странахъ, извѣстныхъ древнимъ. Вездѣ ихъ принимали съ распростертыми объятіями рабы и женщины, два наиболѣе угнетенные, наиболѣе страдающіе, а слѣдовательно и наиболѣе невѣжественные класса древняго міра; даже тѣ и немногими прозелитами, которыхъ они приобрѣли въ превиллегиованномъ и ученомъ мірѣ, христіане были обязаны вліянію женщинъ. Ихъ самая широкая пропаганда была направлена почти исключительно въ среду несчастныхъ, униженныхъ рабствомъ. Это былъ первый значительный мятежъ пролетаріата. Весь секретъ безримѣрнаго торжества и широкаго распространенія христіанства въ томъ и заключался, что оно взывало къ міру униженныхъ и темныхъ рабовъ; зародись оно въ средѣ просвѣщенныхъ и свободныхъ людей, то существованіе было бы мимолетно, потому что доктрина, преподаваемая апостолами Христа, была слишкомъ нелѣпа съ точки зрѣнія челоувѣческаго разсудка. Нужно было глубокое недовольство

жизнью, томительная жажда сердца и почти абсолютная бѣдность мысли, чтобы обезпечить успѣхъ христіанской нелѣпности, самой чудовищной изъ всѣхъ нелѣпостей.

**
*

Христіанство было не только отрицаніемъ всѣхъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ учреждений древности; оно было полнымъ извращеніемъ здраваго смысла, всего человѣческаго разсудка. Согласно христіанскому ученію, живое существо, реальный міръ ставились ни во что; вѣрующій приглашался заглянуть по ту сторону существующихъ вещей, даже еще дальше, за послѣднія грани отвлеченности, какихъ только могъ достигнуть человѣческой умъ, за идеи пространства и времени, и въ этихъ трансцендентальныхъ сферахъ абсолютной пустоты и совершенной неподвижности вѣрующему указывалась какая-то *caput mortum*, безусловно лишенная всякаго содержимаго, и это истинное ничто, этотъ Богъ провозглашался единственнымъ реальнымъ, вѣчнымъ, всемогущимъ существомъ. Реальное Все объявлялось ничѣмъ, а абсолютное ничто—всѣмъ. Тѣнь становилась субстанціей, а матерія исчезала, подобно тѣни *).

Все это было невыразимой дерзостью и нелѣпостью; это было торжество легковѣрной глупости надъ умомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ пронею ума, утомленнаго и разочарованнаго въ честныхъ и серьезныхъ поискахъ истины; это была такъ часто чувствуемая пресыщенными умами потребность страхнуть мысль и сдѣлаться до дикости глупымъ: *Credo quia absurdum!* «Я не только вѣрю въ абсурдъ: я вѣрю въ него именно и главнымъ образомъ потому, что онъ — абсурдъ». Точно также и многіе выдающіеся и просвѣщенные умы нашего времени вѣрятъ въ спиритизмъ, въ вертящіяся столы и — зачѣмъ далеко ходить — вѣрятъ до сихъ поръ въ христіанство, въ идеализмъ, въ Бога.

**
*

*) Въ теологическихъ и метафизическихъ системахъ Востока мы также находимъ принципъ отриванія реальнаго міра ро имя идеала и абсолютной абстрактивности. Но этотъ принципъ въ восточной теологіи не имѣетъ характера систематическаго, добровольнаго и намѣреннаго отриванія, характернаго для христіанства. Въ то время, когда зарождались эти системы, міръ человѣческой мысли, воли и свободы не достигъ еще той стадіи развитія, на которой стояла впоследствии греческая и римская цивилизація.

Вѣра древняго пролетаріата, какъ и вѣра пролеторіата нашихъ дней, была крѣпка и проста.

Христіанское ученіе опиралось на его сердце, а не на умъ; оно отвѣчало его вѣчнымъ стремленіямъ, его нуждамъ, его страданіямъ, его рабству, а не разсудку, который все еще спалъ и поэтому ничего не могъ знать о логическихъ противорѣчіяхъ въ доказательствахъ бытія Божія. Ему интересно было только знать, когда пробьетъ часъ обѣщаннаго освобожденія, когда наступитъ наконецъ царствіе Божіе. Что же касается теологическихъ догматовъ, то они не беспокоили его, потому что онъ ровно ничего въ нихъ не принималъ. Обращенный въ христіанство пролетаріатъ составлялъ его матеріальную, но не интеллектуальную силу.

Что касается христіанскихъ догматовъ, то они были разработаны въ цѣломъ рядѣ теологическихъ и литературныхъ трудовъ на церковныхъ соборахъ, главнымъ образомъ, неоплатониками Востока. Греческій умъ валь такъ низко, что въ седьмомъ столѣтіи христіанской эры, въ эпоху перваго Вселенскаго собора, идея личнаго Бога, чистаго, вѣчнаго и абсолютнаго духа, творца и верховнаго владыки, существующаго внѣ насъ, была единодушно принята отцами церкви; какъ логическое слѣдствіе этой абсолютной нелѣпости, стало естественнымъ и необходимымъ вѣрить въ нематеріальность и безсмертіе человѣческой души. Мы видимъ, какъ трудно было даже для отцовъ церкви постичь чистый духъ внѣ какой бы то ни было матеріальной формы. И надо прибавить, что вообще характеръ каждаго метафизическаго и теологическаго аргумента таковъ, что для доказательства одной нелѣпости нужно сослаться на другую.

Счастливымъ обстоятельствомъ для христіанства было то, что оно встрѣтило міръ рабовъ. Другимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ было вторженіе варваровъ, равнодушныхъ ко всѣмъ теологическимъ и метафизическимъ вопросамъ. Когда ихъ практическое отвращеніе къ идеямъ было преодолено, не трудно было теоретически обратить ихъ въ христіанство. Затѣмъ въ теченіе десяти столѣтій христіанство, вооруженное всемогуществомъ церкви и государства, не имѣвшее никакихъ соперниковъ, могло безпрятственно развращать, унижать, дѣлать лживыми лучшіе умы Европы. Оно не имѣло соперниковъ, потому что внѣ церкви не было ни мыслителей.

ни образованныхъ людей. Оно одно мыслило, одно говорило и писало; оно одно учило. Хотя въ его нѣдрахъ и возникали ереси, онѣ вліяли только на теологическое или практическое развитіе основного догмата, но никогда на самый догматъ. Вѣра въ Бога, чистаго духа и творца міра, и вѣра въ нематеріальность души оставались непркосновенными. Это двойное вѣрованіе сдѣлалось идеальнымъ основаніемъ всей цивилизаціи восточной и западной Европы; оно проникло во всѣ учрежденія, во всѣ детали общественной и частной жизни какъ высшихъ классовъ, такъ и народныхъ массъ; оно, такъ сказать, воплотилось въ нихъ.

Удивительно ли послѣ этого, что это вѣрованіе живетъ до нашихъ дней, продолжая оказывать свое пагубное вліяніе на такіе избранные умы, какъ Мадзини, Мишле и другіе? Мы видѣли, что первая атака на него была сдѣлана возрожденіемъ свободнаго ума въ пятнадцатомъ столѣтіи, породившемъ такихъ героевъ и мучениковъ, какъ Ваніни, Джіордано Бруно и Галилей. Хотя и заглушенная бурными страстями реформаціи, свободная мысль безшумно продолжала свою невидимую работу, завѣщая благороднѣйшимъ умамъ каждую поколѣнія свой трудъ освобожденія людей путемъ разрушенія абсурда, пока наконецъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія она не появилась снова на бѣломъ свѣтѣ въ лицѣ энциклопедистовъ, смѣло выдвинувшихъ знамя атеизма и матеріализма. Казалось, вотъ-вотъ человѣческій умъ освободится наконецъ отъ угнетавшаго его божественнаго навожденія. Ничуть не бывало. Ложь, жертвою которой человѣчество было въ теченіе восемнадцати столѣтій, (говоря только о христіанствѣ), еще разъ оказалось могущественнѣе, чѣмъ истина. Не будучи болѣе въ состояніи пользоваться чернымъ пламенемъ, освященнымъ церковью воронами — католическими и протестантскими священниками, все довѣріе къ которымъ было потеряно, христіанство обратилось къ свѣтскимъ священникамъ, лежцамъ и софистамъ въ короткомъ платьѣ. Изъ нихъ двое: одинъ—осамый софическій умъ, другой—самая доктринерская, самая деспотическая воля прошлаго столѣтія,—Жанъ Жакъ Руссо и Робеспьеръ,—сыграли самую роковую роль въ исторіи прошлаго столѣтія. Первый былъ пророкомъ доктринерскаго государства, а Робеспьеръ, его достойный и вѣрный ученикъ, пытался на практикѣ осуществить его ученіе и сдѣлаться верховнымъ жрецомъ новой доктрины. Услышавъ фразу Воль-

гера о томъ, что, если бы Бога не существовало, то его необходимо было бы выдумать, Руссо выдумалъ Высшее Существо, отвлеченнаго и бесплоднаго Бога действъ. И во имя этого Высшаго Существа Робеспьеръ гильотинировалъ сперва геберистовъ, а потомъ самого генія революціи, Дантона, въ лицѣ котораго оны убили республику, приготовивъ такимъ образомъ путь неизбѣжному съ тѣхъ поръ торжеству Наполеона.

Послѣ великаго отступленія, идеалистическая секція нашла меньше фанатическихъ, меньше грозныхъ слугъ, болѣе близкихъ къ изгнаннымъ росту пылѣвшей буржуазіи. Во Франціи—Штабріанъ, Мамартинъ и, надо прибавить, Викторъ Гюго, демократъ, республиканецъ и квази-соціалистъ нашихъ дней, а вслѣдъ за нимъ цѣлая меканхолическая и сантиментальная компанія убогихъ и блѣдныхъ мовъ, которые подъ предводительствомъ этихъ учителей основали новѣйшую романтическую школу. Въ Германіи—Шлегель, Тикъ, Новалисъ и многіе другіе, имена которыхъ не заслуживаютъ быть упомянутыми.

Литература, созданная этой школой, была царствомъ духовъ и привидѣній. Она не могла выдержать солнечнаго свѣта; только въ сумракѣ могла она жить. Тѣмъ менѣе могла она выдержать грубое прикосновеніе съ народными массами. Это была литература нѣжныхъ изысканныхъ аристократовъ, стремящихся къ своему отечеству, себѣ, и живущихъ на землѣ какъ бы изъ милости. Она питала ужасъ презрѣніе къ политикѣ и къ вопросамъ дня, и если случайно соприкасалась съ ними, то оказывалась явно реакціонной, держала сторону церкви противъ дерзости свободомыслящихъ, сторону королей противъ народа, и всѣхъ аристократовъ противъ низкой уличной ерни.

Ключъ къ пониманію этой романтической литературы надо искать въ превращеніи, которое произошло въ нѣдрахъ европейской буржуазіи со времени революціи 1793 года. Отъ эпохи Возрожденія реформаціи до революціи, буржуазія была героической представительницей революціоннаго генія исторіи. Изъ нѣдръ ея вышло большинство свободныхъ мыслителей восемнадцатаго столѣтія, религиозные реформаторы двухъ предыдущихъ столѣтій и апостолы челоуѣ-

ческой эмансипации. Она одна, конечно, поддерживаемая могучей рукой народа, сделала революцию 1789 и 1793 года. Она провозгласила ниспровержение королевской власти и церкви, братство народов, права человека и гражданина. Таковы ее права на славу; они бессмертны! Но революция же произвела в ней раскол. Буржуа, скупившие за безценок конфискованные у аристократов имения, разбогатев и опираясь уже не на городской пролетариат, а на французских крестьян, тоже пользовавшихся конфискованными землями, стремились только к миру, к восстановлению общественного порядка и к учреждению сильного правительства. Поэтому они с радостью приветствовали диктаторство первого Бонапарта и, хотя все еще вольтерьянцы, они ничего не имели против конкордата с папой и против восстановления официальной церкви во Франции. «Религия так необходима для народа».

Все это свидетельствует о том, что значительная часть буржуазии, пресытившись, увидела, что для поддержания ее положения и для сохранения ее новоприобретенных имений необходимо утишить неутоленный голод народа обещанием манны небесной. Тогда-то начал проповедовать Шатобриан *). Наполеон пал; реставрация вернула Франции законную монархию. Эта реакция отбросила буржуазию назад к революции, и вместе с революционным духом в ней пробудился скептицизм; она снова сделалась свободомыслящей, отложила в сторону Шатобриана и снова взялась за Вольтера. В июльскую революцию буржуазия руками пролетариата опять опрокинула реставрированный режим, но когда она вновь захватила власть, для нее стало вопросом жизни, как отослать пролетариат на свое место, в задние ряды. Слишком цинично было бы прямо сказать, что это необходимо в интересах буржуазии. Чем больше несправедливы и негуманны чьи-нибудь интересы, тем больше они нуждаются в высокой санкции. Где же найти ее как не в религии, этой доброй покровительницей всех хорошо упитанных туеядцев и неиз-

*) Существует очень правдоподобный анекдот о том, как Шатобриан пришел одному издателю предложить заключение в себя нападки на религию. Издатель обратил его внимание на тот факт, что атеизм вышел из моды, что читающая публика не интересуется им больше, и что, наоборот, есть спрос на религиозные сочинения. Шатобриан удалился, и несколько месяцев спустя пришел с «Гением христианства».

мѣнной утѣшительницѣ голодныхъ? И яснѣе чѣмъ когда-либо торжествующая буржуазія увидѣла, что религія необходима для народа.

**

Есть только два средства убѣдить народныя массы въ достоинствѣ какого бы то ни было соціального учрежденія. Первое, единственно реальное, но и самое трудное для выполненія, потому что подразумеваетъ уничтоженіе государства, или, другими словами, уничтоженіе организованной политической эксплуатаціи большинства какимъ бы то ни было меньшинствомъ,—состояло бы въ прямомъ и полномъ удовлетвореніи потребностей и стремленій народа, что было бы равносильно полной ликвидаціи буржуазнаго класса или опять-таки уничтоженію государства. Другое средство, наоборотъ, вредное только для народа и благодѣтельное для буржуазіи, такъ какъ гарантируетъ ея привилегіи, есть не что иное какъ религія, этотъ вѣчный миражъ, который отводитъ массы въ сторону въ поискахъ божественныхъ сокровищъ въ то время, какъ гораздо болѣе хитрый правящій классъ довольствуется раздѣленіемъ между всѣми своими членами—очень неравномѣрно, впрочемъ,—земныхъ благъ, награбленныхъ у народа, включая сюда, конечно, его политическую и соціальную свободу.

Нѣтъ и не можетъ быть государства безъ религій. Возьмите самое свободное въ мірѣ государство—Американскіе Соединенные Штаты, на примѣръ, или Швейцарскій Союзъ—и посмотрите, какую важную роль играетъ во всѣхъ официальныхъ рѣчахъ ихъ представителей божественное Провидѣніе—эта высшая санкція всѣхъ государствъ. И ужъ такъ и знайте: какой бы глава государства не заговорилъ о Богѣ,—будь онъ императоръ **германскій** или президентъ Аргентинской республики,—это уже съ несомнѣнностью доказываетъ, что онъ опять и опять готовъ стричь свой народъ—стадо.

Такимъ образомъ, когда французская либеральная и вольтерьянская буржуазія, склонявшаяся по темпераменту къ позитивизму, (чтобы не сказать—къ матеріализму), до странности грубому и узкому, сдѣлалась въ 1830 году правящимъ классомъ, вопросъ объ установленіи официальной государственной религій поставилъ ее въ затруднительное положеніе. Возвратъ къ католицизму былъ невозможенъ по причинѣ непримиримаго противорѣчія между властолюбивою

политикою Рима и развитіемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ средняго класса. Въ этомъ отношеніи протестантизмъ былъ гораздо выгоднѣе. Но для французской буржуазіи было невозможно перейти въ протестантизмъ. Чтобы перейти изъ одной религіи въ другую, необходимо хоть немножко вѣры. Въ исключительно же позитивномъ сердцѣ французской буржуазіи нѣтъ мѣста для вѣры. Она отличается самымъ глубокимъ равнодушіемъ ко всѣмъ вопросамъ, которые не касаются ни ея кармана, во-первыхъ, ни ея общественнаго тщеславія, во-вторыхъ. Она одинаково равнодушна какъ къ протестантизму, такъ и къ католицизму. Казалось, оставался только одинъ путь: возвратиться къ гуманитарной и революціонной религіи восемнадцатаго столѣтія. Но провозглашеніе буржуазнымъ правящимъ классомъ революціонной религіи имѣло бы комическую сторону и грозило бы скандаломъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ колебаній родился доктринерскій деизмъ. Онъ смѣло объявилъ своею цѣлью примиреніе революціи съ реакціей, или говоря языкомъ этой школы, принципа свободы съ принципомъ власти, и, конечно, въ выгодѣ послѣдней. Это примиреніе означало: въ политикѣ—фокусъ съ народной свободой въ пользу господства буржуазіи, представленной монархическимъ и конституціоннымъ государствомъ; въ философіи—сознательное подчиненіе свободнаго разума «вѣчнымъ» принципамъ вѣры . . .

В. Мартынов

КОНТР-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ЛИ МЫ?

М. БЕРЕЗИН.

— БЕСПЛАТНО —

Издание А. К.

КОНТРЪ-РЕВО. ПОЦОНЕРЫ ЛИ МЫ?

“Мы вмѣстѣ бьем,
Но в рознь идем”.

Какія только мѣры и средства не употребляют “власть имущіе” и к “власти стремящіеся” в борьбѣ против анархизма и его послѣдователей! Помимо свирѣпых преслѣдованій и исключительных, карательных законов, которые существуют во всѣх странах против сторонников этого ученія, — само ученія враги его стараются извратить, исказить и очернить в глазах широких рабочих масс.

Все злое, скверное, отвратительное, что только выработало человѣческое представленіе, приписывается этому ученію и его послѣдователям.

Стараясь создать из идей анархизма и их носителей “пугалище”, “страшилище” в воображеніи угнетенных масс, они упорно внушают им, что анархисты, это — “бандиты”, “разбойники”, “экспроприаторы”, “разрушители”, “бомбометателями”, развращенныя преступныя натуры и т. д.

Слово **анархія**, которое филологически, грамматически, обозначает —бездначаліе, безгосударственность, такое общечеловѣческое людей, при котором отсутствует всякое правитель-ство, всякое принужденіе, подчиненіе, управленіе одних другими, и выражающее поэтому наивысшій общечеловѣ-ческой идеал, основанный на общественной гармоніи соли-дарности, свободѣ и счастья людей — они, враги его, употре-бляют в смыслѣ “хаоса”, “безпорядка”.

Они до такой степени извратили это понятіе, что обо-значают им как раз противоположное тому, что оно в дѣй-ствительности, по своему словесному, грамматическому происхожденію выражает.

Там, гдѣ нужно употребить слово хаос, безпорядок, террор, обозначить, что-либо, ужасное, зловѣщее, они ста-вят слово “анархія”.

При этом они это так ввели в употребление, так привили сознанию людей, что даже тѣ, которые сознают истинное значеніе этого слова, все же по привычкѣ употребляют его в искусно-извращенном смыслѣ: зная прекрасно суть и значеніе этого понятія, они механически безсознательно пользуются словом "анархія", там, гдѣ слѣдует поставить безпорядок, хаос.

Вот до какой степени враги анархизма стараются перевернуть, обезобразить, извратить суть, значеніи и смысл анархій в представленіи поработченных классов.

Но если они слово — анархія отождествляют с "безпорядком", то посмотрим, что они называют "порядком" и "безпорядком".

Образцом всякаго "порядка" они разумѣется, считают существовавшее частной собственности, классового неравенства, привилегій, власти авторитета государственнаго и религіознаго; а самое главное, смиреніе и покорность по отношенію ко всѣм безчисленным органам капиталистической системы.

"Безпорядком" они называют все то, что идет противъ, нарушаетъ всѣ эти "священные", "незыблемые", законные институты "порядка" (рабства).

Припомнимъ всѣмъ нам хорошо знакомые, знаменитые "безпорядки царской Россіи и тогда нам ясны станут "безпорядки" капиталистическаго міра.

Когда в самодержавной Россіи рабочія массы выставляли требованія "хлѣба и свободы", когда выступали, устраивая демонстраціи противъ царскаго гнета, то эти выступления и требованія называли "безпорядками", которые царскіе слуги подавляли самымъ безпощаднымъ образомъ, возставивъ опять, на трунахъ погибшихъ жертвъ, "порядок", т. е. царство самодержавной власти.

То же самое значеніе имѣетъ "безпорядок" и "порядок" во всякой странѣ, основанный на институтѣ власти, различна только в том и заключается, что воплощеніемъ "порядка" является в одномъ случаѣ "царская власть", в другомъ то "капиталистическая власть", то "**рабочая**" власть ("рабочая" взято в кавычкахъ, ибо "рабочей власти" быть не можетъ, т. к. рабочіе стремятся къ освобожденію себя и в то же

время всего человечества, а это значит, что они стремятся не к власти, а к свободѣ).

Итак, если "порядком" враги анархизма считают существующее рабство, гнет, эксплуатацію, неравенство и всевозможные другіе виды господства и подчиненія, то анархисты, дѣйствительно против такого порядка, они дѣйствительно стремятся к "без(такового)—порядку" т. е. к анархизму.

Но оставим открытых, всеѣм извѣстных и всеѣм понятных врагов анархизма, врагов из лагеря капиталистическаго, привилегированнаго класса.

Нужно отмѣтить, что к таким же клеветам, инсинуаціям, измышлениям и извращениям по отношенію к анархизму, прибѣгают также и его так называемые "идейные" враги, тѣ идейные сосѣди его, которые как будто добиваются той же "цѣли" только другими средствами.

Подобные методы в борьбѣ с анархизмом примѣняют тѣ, которые называют себя социалистами "коммунистами" и разные иные "идеалисты".

Вѣрно, не вся вина за это падает на них. Основатель их ученія является в то же время и основателем этой позорной, грязной формы "принципальной" борьбы с анархизмом.

Еще Марке впервые пустился в ход против Бакунина и ученія анархизма злостныя, ложныя и позорныя обвиненія.

И точно также, как Марке поступил с Бакуниным, так и его ученики поступают с ученіем Бакунина.

Если послѣдователи Марке во многом отступают от его ученія, то в этом отношеніи они все безусловно остаются вѣрными ему, и многіе даже и его превосходят.

Такимъ, напримѣр, оказывается один из его наиболѣе выдающихся учеников — Плеханов, который оказывается в то же время наиболѣе выдающимся мастером в дѣлѣ оклеветыванія, извращенія и огрязненія ученія анархизма.

Не может быть болѣе грязнаго, пошлаго пакостица, чѣм книжка: "социализм и анархизм" Плеханова.

Даже Ленин, который в этом отношеніи сходится с Плехановым, который также, как и Плеханов "из кожи лѣзет вон", дабы умертвить ненавистное им обоим анархическое ученіе, не одобряет подобный способ "идейной" борьбы.

То, что Плеханов старается доказать, что между анархистом и бандитом, вовсе нѣтъ разницы, Ленин критически называет “флистерским, аляповатым разсужденіем”.

Ленин полагает, что он нашел болѣе дипломатическій и вѣрный способ, лучше-дѣйствующій яд для умерщвленія ‘гидры анархій’, и выходясь из сил доказывает, что анархизм — мелко-буржуазное ученіе и слѣдовательно его послѣдователи “мелкіе буржуа”.

Тут только удивляешься, как “острый, глубокой и дипломатическій” ум Ленина не сумѣл выдумат или подыскать лучшаго для опредѣленія анархизма.

Если капиталистическое опредѣленіе анархій — “безпорядок”, плехановское — как “бандитство и воровство”, не в состояніи достигнуть своей цѣли, то тѣм болѣе не может увѣнчаться успѣхом Ленинское ученое, глубокомысленное опредѣленіе анархизма — “мелко-буржуазным”.

Несуразность и бессмысленность такого утвержденія прямо бросается, так сказать, в глаза.

Что обозначает “мелко-буржуазность”, и ‘мелкіе буржуа’?

Это прежде всего обозначает мелкую собственность и мелких собственников.

При этом, раз подразумевается буржуазная собственность, мелкая ли оно или крупная (из мелкой вѣдь вытекает крупная), она прежде всего **Частная собственность**. Но как можно склепывать, **согласовать Частную собственность с анархизмом-коммунизмом**.

Развѣ Ленину лучше чѣм кому либо другому не извѣстно, что анархизм идет так далеко в отрицаніи собственности, что отрицает не только частную собственность, но и **государственную, національную** и т. д., что он стремится к уничтоженію частной собственности не только на средства **производства**, но и на **средства потребленія**.

К тому же он это не откладывает в долгій ящик, а стремится провести это сейчас-же, как Ленин говорит: “с сегодня на завтра”.

Каким же образом можно противников всякой собственности, всякаго соціального и умственного неравенства, всяких привиллегій, называть “мелкими-буржуями”?

Поэтому Бухарин, теоритическій ад’ютант Ленина, ко-

торый обыкновенно “пережевывает” все то, что пишет и говорит. Ленин, сознавая неудачу своего учителя в этом отношении, превращает анархистов из “мелких буржуев” в люмпер-пролетаріев”, вербующихся из пролетаріев, **разорившихся мелких буржуа**, опустившихся интеллигентов, выбившихся из своей колеи и обнищавших крестьян, словом. — **голытьба**, которая уже **не может**, т. к. не способна говорить что либо новое, производить цѣнности и способна лишь потреблять, отнятое путем “реквизицій”.

Это, между прочим, тѣ же плехановскіе ‘анархо-бандиты, воры’, но облеченные Бухариным в болѣе скрытой, “научной” формѣ.

Почему Бухарин велѣд за Плехановым считает их таковыми? Да потому, говорит он, то приверженцы анархизма состоят из “индивидуумов, независимых ни от какого класса, существующих, “сами по себѣ”, не **работающих и не подчиняющихся** никакой организаціи во имя своего сепаратнаго существованія”.

То, что они состоят из индивидуумов независимых ни от какого класса, существующих “сами по себѣ”, не работающих — это все утвержденія ни на чем не основанные и ни чѣм не доказанные.

Что касается причисленія их к **не работающим**, то, если-бы это было даже вѣрно, то не им, Бухариным, Плехановым, Лениным и т. п., которые никогда сами физическим трудом не занимались, и заниматься не хотят, об этом говорить!

Но если они как “защитники” и “представители” труда, об этом говорят, то они это в серьез прнять не могут. А вот главное, что их “труженников” и “истинных” идеологов пролетаріат приводит в гнѣв и бѣшенство, это то, что сторонники анархизма состоят из элементов “**не подчиняющихся** никакой организаціи”.

Да, вѣрно, они протпв подчиненія.

Но они тѣм и отличаются от “люмпер-пролетаріев”, от “мелких буржуев” и от пролетарских опекунов, вродѣ “трудолюбивых”, классифицированных” Бухариных, Плехановых и Лениных тѣм, что не желая подчиняться другим, они не желают, в то же время, подчинять себѣ других, чего именно и добываются всѣ перечисленные катего-

ри, в том числѣ и эти сторонники “рабочей власт, т. е. рабочаго движенія.

Поэтому совершенное неправильно и абсурдно выраженіе Бухарина, имѣющее, повидимому, своею цѣлью внесеніе путаницы в сознаніи рабочих, что защитники анархизма не подчиняются никакой организаціи”.

Они против подчиненія, но не против организаціи вообще. Они против такой организаціи, которая основана на подчиненіи, но стремятся к такой организаціи, в которой отсутствует всякое подчиненіе. —а таковой является анархическій коммунизм, организованный не на началах подчиненія власти и принужденія, а на началах свободы, независимости, вольнаго соглашенія и свободнаго договора.

Нѣсколько, впрочемъ сам Бухаринъ серьезно и искренне вѣрит во все обвиненія, нападкы и упреки, пускаемыя им в ход по адресу сторонников анархизма —показывает тот противорѣчивый фактъ, что в другом мѣстѣ, в программѣ большевиков (“коммунистов”) он этих непокорных “бандитов”, “люмпен-пролетаріев”, “разрушителей” превращает в “монахов”, которых посылает в “женскій монастырь!” так как они, мол, “отказываются примѣнить насліе против “буржуазіи”.

Можно подумать, что это шутка, и тогда хочется только хохотать...

Но наш “ученый коммунист” Бухаринъ, слишком учен, чтобы шутить: он шутить не любит, и все в серьез говорит. А если принять это во вниманіе, то мы не знаем чему удивляться: нахальству-ли, или глупости его!

Послать анархиста в монастырь, да еще в “женскій” почему-то, было бы смѣшно, абсурдно со стороны Бухарина, если даже сам он в других своих произведеніях не нападал-бы на их именно за их непокорность, непримиримость, непоинивность, “разрушительныя тенденціи” и т. д.

Да и в самом дѣлѣ, кому развѣ не пзвѣстна революціонная, боевая, непримиримая тактика анархизма?

В то время как другіе пункты его программы мало знакомы и популярны среди широких трудовых масс, как раз эта тактическая сторона его ученія наиболѣе распространена, ибо враги его опасаясь революціонности его тактики стараются преувеличить, извратить ее, распространяя

повсюду, что анархисты **специально, исключительно** являются лишь “бомбометателями”, “террористами”, “разрушителями” и ничѣм больше.

Если Бухарин **псылат** анархистов в “монастырь”, то большевики вѣдь представители того движенія и идеала, которых и Бухарин представляет, дѣйствительно **пребывали** в теченіи десятков лѣтъ в тѣх “монастырях”, которые носят названія: парламента, рейхстага, конгресса и т. п. и засѣдали они вмѣстѣ с “монахами”, которые называются: капиталистами, помѣщиками, юнкерами и т. п., а посредством этих—то “монастырей”, они дѣйствительно превратили рабочих, трудящихся в покорных, смиренных рабов.

И вообще, с какого это времени Бухаринши, Лениши задѣлались такими революціонерами, что даже анархисты настолько смиренны, покорны, уступчивы, по их мнѣнію, что они их посылают в “монастырь”.

Как давно это было, когда эти “боевики” звали рабочих в “Земскій Собор”, в “Учредительное собраніе, проповѣдывая парламентскую дѣятельность, сотрудничество с буржуазіей реформизм, рабочее законодательство и тому подобныя усынительныя, “монашескія” средства, в то время как анархисты были единственными, которые звали к Соціальной Революціи, к насильственному перевороту, проповѣдывали экономическій и политическій террор, и “монашество”, смиреніе пѣботорых доходило даже до того, что они признавали знаменитый “безмотивный террор”, т. е. что существующее рабство является достаточным мотивом для примѣненія террора.

Развѣ все это не извѣстно ученому Бухарину, откуда же у него берется столько безмысленнаго нахальства, чтобы послать послѣдователей анархизма в монастырь?

Но оставим в покое всѣхъ, теоретиков и ученых анархической травли и издѣвательства.

Настоящая статья не позволяет подробно останавливаться на них, так как мы уже и так отвлеклись от ея главной темы.

Хочется остановиться на клеветѣ и нечестных обвиненіях, направленных против приверженцев анархизма, самого послѣдняго времени, новѣйшей т. е. моды, каковыя выдвигают наши мѣстные, “неисчисленныя” и необработанныя

ные еще (т. к. Ленин и Бухарин находятся далеко от них) “больше-(меньшей доли)-коммунисты”, которые стараются в этом отношении перецементировать даже своих учителей, начиная Марксом и кончая Бухариным.

Они то, патентованные по американскому образцу, “больше-революционеры” во всех своих выступлениях бросают по адресу анархистов то позорное и нечестное обвинение, которое ни Ленин, ни Бухарин и никакой либо иной их признавший вождь, не осмелился выразить, а именно, что анархо-коммунисты — “контр-революционеры”, на том основании, что они не признают советского или вѣрнѣе большевистского правительства.

И рассуждают они, приблизительно так: обращаясь к нам: “Колчак против Советского Правительства, и Вы против советского правительства; Колчак борется против него, и Вы против него. “следовательно” (?) — Вы с Колчаком. — Вы колчаковцы. Вы — контр-революционеры!!!

Кажется как будто бы это логично, но на основании этой же “логики” можно с таким же успехом доказать что и большевики — “колчаковцы”, “контр-революционеры”.

А вот мы увидим: **Колчак**, никто в этом не усомнится, **против анархизма**, борется против него. **Большевики тоже противники анархизма**, ведут борьбу против него как и Колчак. стало быт. согласно большевистской “логики” — **большевики с Колчаком**. дѣйствуют с ним заодно, **они колчаковцы, они контр-революционеры!!!**

Пойдем еще дальше: капиталисты, правители, сыщники, провокаторы — против анархистов; **большевики тоже против них**. следовательно на основании той же “логики” приходится заключить, что большевики то же.. и т. д. Однако мы так не рассуждаем, мы не пользуемся такой “логикой”.

Разберемся поэтому немного глубже в этом вопросе, применяя здоровую, честную логику.

“Анархо-коммунисты”, зубоскалят и злословят, наши ‘сотоварищи по коммунизму’. — “контр-революционеры. Разберемся поэтому, что такое революция и контр-революция.

Революция это насильственный общественный переворот или перемена; это процесс в котором разрушается старый порядок.

А кто охраняет, защищает и воплощает в себѣ тот или иной строй, порядок? — правительство, его законы и органы.

А потому всякая революція означает прежде всего уничтоженіе, упраздненіе даннаго правительства и его органов.

Побѣда революціи значит ослабленіе, паденіе даннаго правительства.

Контр-революція же есть та сила, которая стремится сохранить или возстановить старый порядок и таковой силой, опять таким, является главным образом, элементы стараго правительства. И как мы увидим, в процессѣ революціи создаются разные **новыя контр-революціонныя силы** в образѣ различных **новых создаваемых правительств**.

Когда же революція кончается? Если-бы общество, в котором происходит революція состояло бы из двух только противоположных лагерей, один из коих стоял бы за **старый порядок**, за господство свое над обществом, а другой за один и тот же **новый порядок**, за уничтоженіе всякаго классового и сословнаго господства, то революція кончилась бы тогда, когда был бы проведен этот общій и желательный для всѣх **новый порядок**.

Но общество помимо своего дѣленія на два основныя классы, дѣлится еще на разные другіе классы и сословія, из которых, каждый, за **исключеніем рабочаго класса**, стремится занять господствующее положеніе. (дѣйствуя, разумѣется именем всего "народа" или "рабочаго класса"), что можно добиться (по их мнѣнію) путем захвата политической власти, — диктатуры, т. е. созданіем своего правительства на мѣсто стараго разрушеннаго революціей.

По этой причинѣ, на развалинах стараго порядка, тѣ самые классы и сословія, которые совмѣстными силами с рабочим классом, разрушали его, начинают бороться между собою, стараясь захватить власть в свои руки, посредством установленія своего правительства.

Созданное, таким образом то или иное правительство, объявляет революцію законченной, стремится ее остановить, издает законы для огражденія и охраненія своей власти и старается подчинить всѣх новому, законному, незыблительному порядку, защищая его от всяких посягательств со стороны революціи и стремясь в конечном счетѣ задержать,

остановить дальнейший процесс революціи, т. е. становится олицетвом контр-революціи.

Революція стало бытъ кончается там, гдѣ начинается правительство или, точнѣе говоря, начало конца революціи совпадаетъ съ возникновеніемъ правительства; по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ сила правительства, — слабѣетъ сила революціи.

Всякое правительство — помѣха, оно становится поперекъ дороги революціи.

Революція и правительство противорѣчатъ, и исключаютъ друг друга.

Революція и правительство два непримиримыя, несовмѣстимыя явленія.

Одно есть отрицаніе другого.

Поэтому основной признакъ **Соціальной Революціи, цѣль которой** заключается въ уничтоженіи рабства во всѣхъ его проявленіяхъ, выражается не въ замѣнѣ одного правительства другимъ, а въ упраздненіи всякаго правительства.

Но проверимъ эти разсужденія на опытѣ Россійской Революціи, въ которой обнаруживается борьба революціи съ различными правительствами, каковыя во всѣхъ случаяхъ были контр-революціонными силами.

В первомъ періодѣ Россійской Революціи, какъ извѣстно, принимали участіе, или сниспособовали, также либералы и кадеты. Но какъ только свергнуто было самодержавіе, они образовали “временное правительство”, которое сразу стало препятствовать дальнейшему развитію Революціи, боролось противъ тѣхъ революціонныхъ элементовъ и объявило свой новый порядокъ законнымъ, священнымъ и ненарушаемымъ.

Такимъ образомъ, бывшіе революціонные элементы, организиронные во “временное правительство” превратились въ свѣжій олицет контр-революціи.

Члены этого правительства, подъ знаменемъ революціи предлагали бороться не только анархисты, большевики, но и меньшевики, но коль скоро имъ удастся создать или сраганиваться въ “коалиціонное правительство” во главѣ съ Керенскимъ, они объявляютъ революцію законченной, достигнутой.

Они безнаочно борются противъ нарушенія демократическаго порядка, его враговъ: — “контр-революціонеровъ” большевскихъ и анархистовъ.

Мы же знаем, что эти бывшие участники революції, организованные в "демократическое-коалиционное" правительство стали во главѣ контр-революції.

Остались под знаменем революції к тому времени одни большевики и анархисты, которые продолжали революцію, борясь с новой контр-революционной силой в образѣ "буржуазно-меньшевистскаго" правительства.

Но к тому только большевики добились своего "рабочаго" правительства они закричали и кричат: "Революція закончена, достигнута, рабочее правительство уже все остальное сдѣлает само, доведет дѣлю до конца, Вам всем только слѣдует признаться ему, повиноваться ему и все будет еще лучше".

А пока что, оно издает один за другим законы и декреты для ограждения и укрѣпленія своей власти.

Словом оно говорит и дѣлает все то, что говорили и дѣлалаи все предыдущія правительства, за исключеніем конечно, того, что они проводят побольше и лучше "соціалшестическія реформы", дают больше и болѣе лучшія "обѣщанія" и вообще "улучшают" немного дорожке за переданную им власть (видимо, что это "улучшается" и они гораздо лучше "дѣльцы" чѣм тѣ, которых они замѣстили).

Ну, спрашивается теперь, уж коли на то пошло, кого слѣдует считать контр-революціонерами?

Анархо-коммунистов-ли, которые стремятся довести Россійскую Революцію до конца, превратив ее в Соціальную Революцію, продолжать ее до тѣх пор, пока не будет уничтожено всякое экономическое и политическое рабство, т. е. власть и частная собственность и чего можно добиться не путем созданія того или иного правительства, а путем разрушенія всяких правительств и перехода всей общественной жизни в полное распоряженіе автономных, федеративно связанных между собою, трудовых, производительных коммун.

Закончим еще одним фактом, который докажет насколько правдивы, честны тѣ из большевиков, которые бросают безвластным коммунистам обвиненіе в контр-революционности.

Нельзя это не помнить, а потому они этого, повидному не хотят помнить, что было время, когда они занима-

ли такое же положеніе, как и мы, т. е. боролись на таких же приблизительно двух фронтах.

Припомним опять таки времена царствованія Александра Керенскаго, котораго не признавали и против котораго боролись большевики.

Меньшевики тогда им заявили: “монархисты, реакціонеры против нашего демократическаго правительства и Вы против него: Вы значит с монархистами, дѣйствуете им на дуку; Вы с ними за одно; способствуете торжеству монархін. Вы таким образом реакціонеры, контр-революціонеры и т. д.”.

Это точная копія всего того, что большевики нам теперь говорят!

Что же им на это большевики отвѣчали?

“Да, мы боремся против вас “соціалистов” во главѣ с Керенским, но мы в то же время ведем борьбу и против монархистов, контр-революціонеров и т. д. Мы не допустим, чтобы на трупѣ царскаго правительства создалось капиталистическое. Для нас это одна и та же боѣба в интересах учрежденія нашего “рабочаго” правительства, которое мы считаем своим высшим идеалом и от котораго мы не откажемся, если даже потершим поражение. Мы боремся со старой контр-революціей в лицѣ монархистов и с новой конт-революціей в лицѣ вашего “демократическаго правительства”.

Если большевики наши вѣрят, что все это правильно, а что они вѣрят, — в этом нѣтъ сомнѣнія, так как они это провели и доказали, почему же это самое обвиненіе, которое меньшевики им бросали, они теперь пересылают, **на тѣх же меньшевистских основаніях**, по адресу анархо-коммунистов?

Итак, прежде чѣм назвать кого либо контр-революціонером, нужно понять ту простую истину, что контр-революціонер опредѣляется не тѣм, **против чего он, чего он не признает**, а тѣм, **за что он, что он признает, и какія цѣли он преслѣдует**.

Колчак против совѣтскаго правительства потому, что он хочет замѣнить его монархическим, — он контр-революціонер.

Меньшевики против совѣтскаго правительства потому,

что они хотят замѣнить его буржуазным. — они контр-революціонеры.

Анархисты против совѣтскаго правительства потому, что они **против всяких правительств**, которыя они хотят замѣнить **безправительственным коммунизмом**, что сами большевики **принуждены** признать самым высшим, хотя и **отдаленным идеалом**.

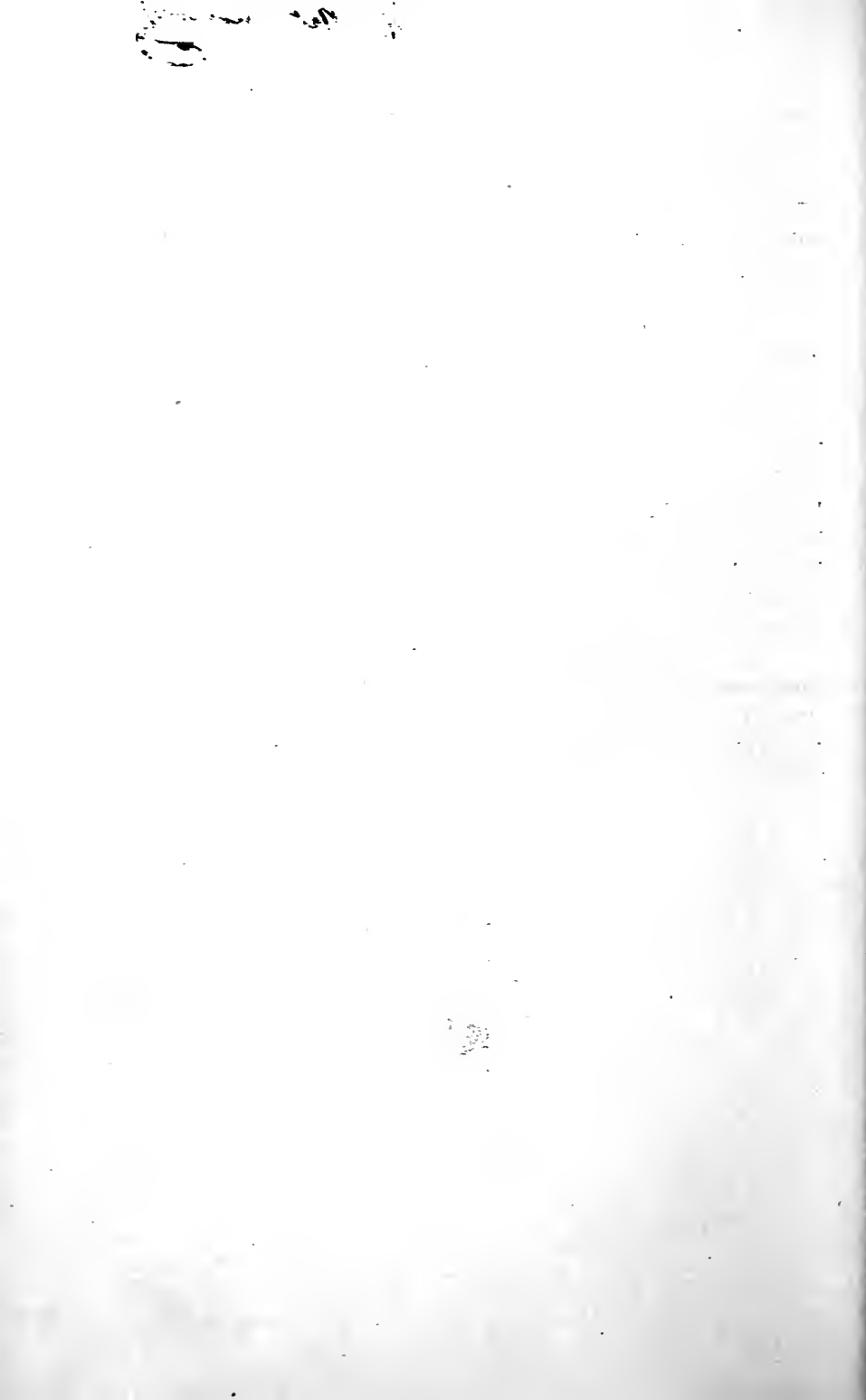
Как же может кто-либо с нормальным разсудком и честной совѣстью назвать анархистов контр-революціонерами?

Распространенныя обвиненія, нападки и клеветы против большевиков в Россіи в родѣ того, что они “нѣмецкіе агенты”, “контр-революціонеры” и т. д. не могли ослабить в них стремленіе к достиженію их цѣлей, тѣм болѣе не может быть ослаблена сила анархических идей и стремленій, когда к позору мѣстных большевиков, они протв них употребляют тѣ же самыя способы и методы, которыя были пущены в ход их врагами против них же!

Будущее принадлежит этому именно наиболѣе ненавистному, опозоренному, извращенному, анархическому идеалу, но побѣда его есть побѣда всѣх угнетенных, подвластных, порабощенных над всѣми его врагами, как открытыми, так и тайными, скрытыми.....

М. Березин.

А. Карелинъ

А. Карелинъ.

**НОВОЕ КРАТКОЕ
ИЗЛОЖЕНІЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМІИ.**

Вѣрному другу АНДРЕЮ
Б. и дорогимъ товари-
щамъ «ВОЛЬНЫМЪ ОБ-
ЩИННИКАМЪ»
свой трудъ посвящаю.

НЬЮ-ІОРКЪ
1917 г.

1888

1889

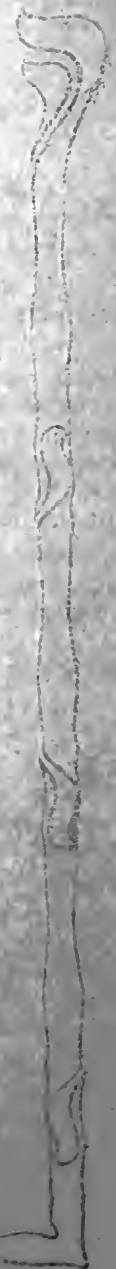
1890

1891

1892

1893
1894
1895
1896
1897

1898
1899

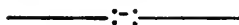
Предисловіе.

Сказать правду, какъ бы рѣзка ни была она, — таково желаніе сочинителя этой книги. Не надо бояться рѣзкихъ выраженій, если выраженія слабыя затемняютъ истину.

Эта книга предназначена для многихъ рабочихъ и въ ней иностранныя слова старательно замѣнены словами русскими.

Рѣзкость нѣкоторыхъ заявленій и чистота русскаго языка безспорно дадутъ буржуазнымъ писателямъ и полуинтеллигентамъ всѣхъ партій возможность кричать о ненаучности этой книги. Полуинтеллигенція такъ охотно смѣшиваетъ форму съ содержаніемъ, а буржуазные ученые и полуученые будутъ рады всякому, въ томъ числѣ и петлюму предлогу для того, чтобы уменьшить число читателей «Новаго изложенія политической экономіи».

Тѣмъ не менѣе эта книга строго научна, хотя не имѣетъ ничего общаго съ тѣми заблужденіями, которыми переполнены буржуазныя и социаль-демократическія книжки по политической экономіи.

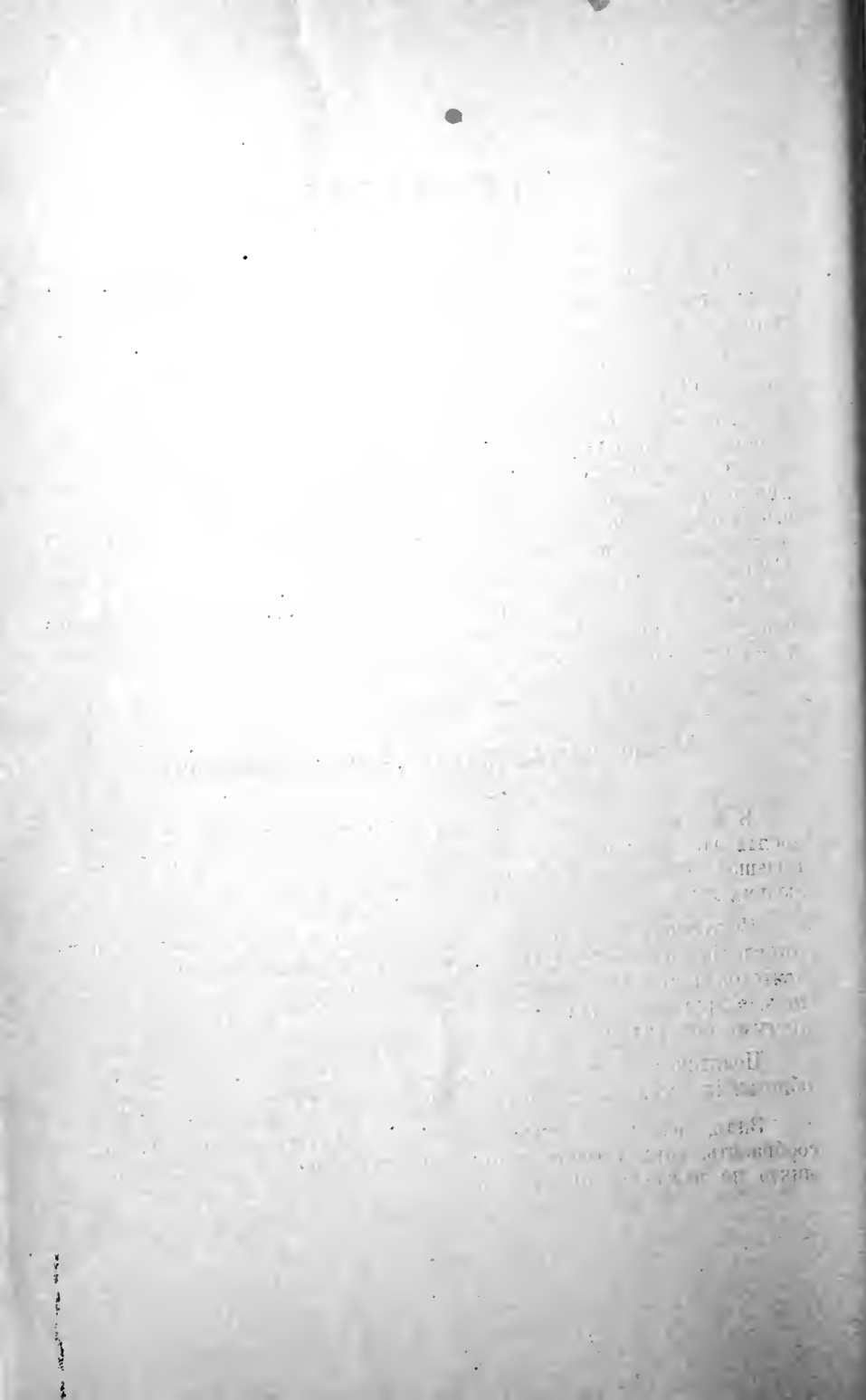
Чему учить политическая экономія.

Всѣ люди пользуются различными предметами: ѣдятъ хлѣбъ, носятъ одежду, живутъ въ домахъ, снятъ на кроватяхъ и т. д. и т. д. Большая часть такихъ предметовъ приготовлена или доставлена людьми же.

Политическая экономія говоритъ намъ, кто участвуетъ въ приготовленіи такихъ нужныхъ предметовъ, при какихъ условіяхъ они приготавлиются, почему одни люди получаютъ много такихъ предметовъ, а другіе — мало, почему однимъ людямъ попадаютъ хорошія, а другимъ совсѣмъ плохія вещи.

Политическая экономія объясняетъ намъ, почему въ людскомъ обществѣ имѣются богачи, зажиточные люди, бѣдняки и нищіе.

Зная, почему существуетъ на свѣтѣ богатство и бѣдность, можно сообразить, какъ устроиться такъ, чтобы бѣдняковъ не было, чтобы никто не нуждался въ приготовляемыхъ людьми продуктахъ.

Г Л А В А I.

Потребности.

Всякое наше желаніе, которое можно удовлетворить продуктами труда, напримѣръ, желаніе ѣсть, одѣваться, имѣть жилище, кровать для сна, книгу для чтенія, — называется экономической потребностью.

Если человѣкъ не можетъ удовлетворить какую-либо свою экономическую потребность, то чувствуетъ себя спокойно, пеловко, а иной разъ онъ мучается, страдаетъ, какъ страдаетъ, напримѣръ, голодный или забнувшій человѣкъ.

Первыми экономическими потребностями называются тѣ, не удовлетворивъ которыя, человѣкъ сильно страдаетъ и даже умираетъ отъ лишеній. Таковыми являются потребность въ пищѣ, а въ холодныхъ странахъ потребность въ жилищѣ и въ одеждѣ.

Общераспространенными экономическими потребностями называются такія, неудовлетвореніе которыхъ очень беспокоитъ человѣка, но не влечетъ за собою заболѣванія и смерти.

Затѣмъ имѣется много второстепенныхъ менѣе важныхъ потребностей. Неудовлетвореніе ихъ только беспокоитъ человѣка.

Число потребностей увеличивается съ теченіемъ времени, такъ напримѣръ, въ старыя времена не было потребности въ чтеніи, не было потребности курить табакъ, пить кофе, ѣздить на трамваяхъ и пр., и пр.

Нѣкоторыя потребности не требовали ранѣе продуктовъ труда для своего удовлетворенія, а теперь требуютъ. Потребность спать не являлась для дикаря австралійца экономической потребностью. Если ему хотѣлось спать, онъ ложился на землю и засыпалъ. Намъ же для удовлетворенія этой потребности нужно жилище, кровать, постель, т. е. продукты труда.

Для насъ потребность спать стала экономической потребностью.

ПРЕДМЕТЫ ПОТРЕБЛЕНІЯ.

Одна и та же потребность удовлетворяется разными и въ разномъ количествѣ потребляемыми предметами. Богачъ удовлетворяетъ потребность въ пищѣ, съѣдая завтракъ, обѣдъ, ужинъ, состоящіе изъ многихъ рѣдкостныхъ, искусно приготовленныхъ и дорогихъ блюдъ и въ то же время обѣдннй крестьянинъ, — такой же человѣкъ, какъ и богачъ, — довольствуется плохимъ, иной разъ подмѣшаннымъ хлѣбомъ да картофелемъ.

Иногда человѣкъ удовлетворяетъ свою потребность продуктами,

потребленіе которыхъ пагубно вліяетъ на его здоровье. Бѣдняки часто питаются подѣланными, не свѣжими съѣстными припасами.

Многіе пьютъ хмѣльные напитки, а они, — если даже ихъ пьютъ въ маломъ количествѣ, — являются страшно вредными, разрушающими здоровье ядами. Эти напитки несутъ съ собой болѣзни и смерть.

Нѣкоторые люди, не довольствуясь простымъ удовлетвореніемъ своей потребности, хотятъ удовлетворить ее такимъ образомъ, чтобы вызывать зависть у другихъ людей, или отличатся отъ нихъ. Важные чиновники, напримѣръ, и разныя другія лица наряжаются въ расшитыя, какъ у дикарей блестящимъ шитьемъ одежды, навѣшиваютъ на платье цвѣтные крестики, кружечки, звѣздочки, они одѣваются страннымъ образомъ, но такъ какъ имѣются еще люди, которые завидуютъ и удивляются ихъ пестрымъ нарядамъ, то они и стараются щеголять своей цвѣтной одеждой.

Бываетъ, что много людей удовлетворяютъ свою потребность, пользуясь однимъ и тѣмъ же предметомъ. Такъ одинъ и тотъ же вагонъ трамвая удовлетворяетъ потребность въ передвиженіи многихъ пассажировъ, одна и та же книга читается нѣсколькими читателями.

Живущіе въ одномъ мѣстѣ люди вачастую удовлетворяютъ нѣкоторыя изъ своихъ потребностей сообща при посредствѣ сооружений, обслуживающихъ нужды многихъ. Такъ, напримѣръ, жители какого-либо города устраиваютъ для всѣхъ водоснабженіе, освѣщеніе, больницы, бібліотеку, почту, телеграфъ и пр. и пр.

Появляется много новыхъ предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей. Еще въ началѣ XVI вѣка въ Европѣ были неизвѣстны кофе, рисъ, чай, табакъ и т. д.. Теперь съѣтся, напримѣръ, 44 сорта пшеницы, имѣется сотни сортовъ картофеля, чая и пр. Сравнительно недавно появились алюминій, гуттаперча, керосинъ, свѣтлпый газъ, электрическія лампы, автомобили, аэропланы, телефоны, кинематографы, грамофоны и масса другихъ новыхъ предметовъ потребленія.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

Потребляя какой-нибудь предметъ, человѣкъ уничтожаетъ его. Отъ потребленнаго продукта остаются только остатки, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти остатки снова идутъ въ дѣло. Потребивъ, сносивъ свою одежду, человѣкъ обратилъ ее въ тряпки, изъ которыхъ можно сдѣлать бумагу.

Иногда предметъ потребленія сразу уничтожается человѣкомъ, напримѣръ, пища, дрова, иногда онъ уничтожается въ теченіе долгаго времени, напримѣръ, одежда, а тѣмъ болѣе дома.

Нѣкоторыя потребности можно удовлетворять и въ одиночку и сообща, при чемъ сообща выгоднѣе удовлетворять эти потребности. Выгодно, напримѣръ, имѣть одну большую столовую, одну большую кухню, вмѣсто сотни маленькихъ. Устроить общія кухни, не надо,

конечно, принуждать кого-либо обитать в них. Желающие могут брать кушанья на дом, могут готовить обѣдъ дома.

Всевозможныя правительства, отъ деспотическихъ до республиканскихъ, заявляютъ, что они заботятся объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей своихъ подданныхъ, но на дѣлѣ заботятся составляющіе эти правительства люди только о томъ, чтобы получить возможность широко удовлетворять свои потребности и потребности близкихъ правителямъ лицъ. Правительства утверждаютъ, напр., что они удовлетворяютъ потребность населенія во высшей безопасности, для чего и содержатъ массы солдатъ, затрачивая на ихъ содержаніе и на заготовленіе всевозможнаго оружія сотни миліоновъ рублей, но на самомъ дѣлѣ держать этихъ солдатъ для того, чтобы поддерживать свою власть, для того, чтобы было возможнымъ податное обирание (эксплуатація) населенія и обирание (эксплуатація) его въ промышленныхъ предпріятіяхъ богачей. Если бы дѣло шло только о защитѣ отъ высшихъ враговъ правительства давнымъ давно разоружились бы.

Удовлетворивъ какую-нибудь потребность, можно продолжать тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ она удовлетворяется. Насытившись, напимѣръ, можно продолжать ѣсть. Въ такихъ случаяхъ является пресыщеніе, а иногда и заботѣваніе. Такія злоупотребленія встрѣчаются не часто. Имъ предаются праздные богачи, стоящіе, какъ общее правило, на низкой ступени умственнаго развитія.

Богатые люди удовлетворяютъ нѣкоторыя свои потребности предметами роскоши, т. е. красивыми и рѣдкими предметами, на приготовленіе которыхъ потрачено много труда.

Тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ не удовлетворены первыя потребности всѣхъ людей обыкновенными предметами потребленія не надо бы тратить массу труда на приготовленіе и добываніе предметовъ роскоши. Не вѣрно указаніе на то, что ведущіе роскошную жизнь богачи даютъ рабочимъ возможность заработать деньги, даютъ имъ хлѣбъ. Не будь богачей, бѣдняки имѣли бы больше хлѣба, чѣмъ имѣютъ теперь, когда богачи отбираютъ у рабочихъ нужные послѣднимъ куски хлѣба. Благодѣянія рабовладѣльцевъ и крѣпостниковъ по адресу рабовъ и крѣпостныхъ, по всей справедливости, надо назвать злодѣяніями. Благодѣянія современныхъ работодателей по адресу наемныхъ рабочихъ и крестьянъ опять таки являются злодѣйствами, такъ какъ сводятся къ наглому обиранию (эксплуатаціи) рабочихъ и крестьянъ.

Привидемъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ, до чего доходитъ роскошь. Богатые римляне ѣли кушанье, приготовленное изъ соловьиныхъ языковъ. Царица Клеопатра въ Египтѣ и императоръ Калигула въ Римѣ нѣсколько разъ пили растворенный жемчугъ. Обѣды римскихъ богачей обходились по нѣсколько тысячъ рублей на челоуѣка, а обѣды императора Вителія состояли изъ 3000 блюдъ каждый, такъ что нельзя было и попробовать всѣхъ этихъ кушаній.

На обѣдахъ римскихъ богачей подавалось вино, смѣшанное съ духами, которые стоили тогда очень дорого, но портили вкусъ вина. Обѣды нашихъ современныхъ богачей нерѣдко обходятся по сто и по нѣсколько сотъ рублей на человѣка. Одежда римскихъ богачей стоила безмѣрно дорого. Ціоній Коммодъ пользовался простынями, сдѣланными изъ лепестковъ розъ и лилій. Бѣлье современной богачки Подины Астеръ стоитъ 220.000 рублей. Наши богатые барыни отдѣлываютъ свои платья дорогими кружевами, на плетеніе которыхъ потрачены годы труда и потеряно зрѣніе многихъ кружевницъ. Богачъ Вантервельдъ построилъ себѣ домъ, стоящій 3.000.000 рублей. Даже на свои гробницы тщеславные люди тратятъ громадныя деньги. Богачъ Кларкъ заживо построилъ себѣ гробницу, стоящую 300.000 рублей.

Возможность пользоваться дорогими роскошными предметами въ то время, какъ другіе люди лишены самаго необходимаго зависитъ отъ того, что и въ наше время одни люди могутъ на законномъ основаніи обирать другихъ людей.

ПРЯМОЕ И ВОСПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Многіе предметы уничтожаются «потребляются» людьми не для непосредственнаго удовлетворенія какой-либо потребности, а для того, чтобы приготовить пужные людямъ предметы. Человѣкъ не можетъ воспользоваться пилой, удовлетворяя какую-либо свою непосредственную потребность, но онъ работаетъ ею и другими столярными инструментами и приготовляетъ мебель, которой люди удовлетворяютъ свои личныя непосредственныя потребности.

Если какой-либо предметъ потребляется человѣкомъ для непосредственнаго удовлетворенія его личной потребности, то такое потребленіе предмета называется прямымъ, непосредственнымъ. Если же предметъ потребляется уничтожается при приготовленіи какого-либо другого нужнаго человѣку продукта, то такое уничтоженіе перваго предмета назначается посредственнымъ или воспроизводительнымъ потребленіемъ.

ГОДОВОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЙ БЮДЖЕТЪ ОБЩЕСТВА.

Количество всѣхъ въ теченіи года приготовленныхъ въ странѣ предметовъ прямого и воспроизводительнаго потребленія вмѣстѣ съ предметами, привезенными въ страну изъ за границы въ теченіи даннаго года и вмѣстѣ съ предметами, оставшимися отъ прошлыхъ лѣтъ, но за вычетомъ предметовъ, вывезенныхъ изъ этой страны въ теченіи года и тѣхъ предметовъ, которые за это время не будутъ потреблены, а останутся на другой годъ, — все это количество предметовъ называется годовымъ потребительнымъ бюджетомъ общества.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ПОТРЕБЛЕНІЯ.

Всѣ эти предметы распределены между жителями очень неравномерно. Одни имѣютъ громадное количество всевозможныхъ предметовъ потребления; другимъ не хватаетъ самыхъ необходимыхъ и у нихъ имѣется ничтожное количество такихъ предметовъ.

Въ настоящее время громадное большинство работающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдныхъ людей плохо удовлетворяютъ даже первыя свои потребности.

Такъ какъ небольшая часть населенія живетъ на счетъ работающихъ и, обирая (эксплуатируя) послѣднихъ, оставляетъ имъ мало предметовъ потребления, то трудовой народъ живетъ до такой степени плохо, что страдающіе отъ лишеній труженники часто болѣютъ и рано умираютъ. Въ Англии, напримѣръ, богатые живутъ вдвое дольше, чѣмъ рабочіе. Въ Парижѣ въ богатыхъ кварталахъ умираетъ по 10 человекъ въ годъ изъ каждой тысячи людей, а въ Монпарнасскомъ кварталѣ, населенномъ, главнымъ образомъ, рабочими 43 человека изъ тысячи.

Тѣмъ не менѣе существуетъ полная возможность приготовить столько предметовъ потребления, что никто не будетъ нуждаться въ нихъ. Мало этого. Въ настоящее время многіе нуждаются въ предметахъ потребления даже тогда, когда они имѣются въ изобиліи.

Необходимо устроиться такимъ образомъ, чтобы потребности всѣхъ людей удовлетворялись возможно хорошо, чтобы не было больше обезюленныхъ, чтобы никому не приходилось мучиться отъ холода, голода и т. п..

Надо устроиться такимъ образомъ, чтобы всѣ люди могли полно удовлетворять свои главныя и многія второстепенныя экономическія потребности.

Разъ только измѣнятся современныя условія жизни, которыя заставляютъ многихъ и многихъ людей тратить все остающееся отъ необходимаго отдыха время на то, чтобы не умереть съ голода и не замерзнуть, когда потребности всѣхъ людей будутъ удовлетворены, тогда появятся новыя потребности, болѣе сложныя и высшія, чѣмъ современныя.

А такъ какъ новый общественный строй не будетъ знать обезюленныхъ, то каждая новая потребность будетъ удовлетворяться всѣми желающими. Жизнь людей станетъ тогда много ярче, много счастливѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Дѣятели (факторы) производства.

Присматриваясь къ производству продуктовъ, мы видимъ, что эта дѣятельность сводится къ труду человѣка. Для того, чтобы человѣкъ могъ трудиться необходимо имѣть находящіяся въ природѣ матеріалы. Кроме того, трудящійся человѣкъ пользуется разнообразными орудіями труда (инструментами, машинами), облегчающими ему приготовленіе предметовъ потребленія.

Трудъ, природа, орудія труда и называются дѣтелями (факторами) производства.

Въ сущности же мы имѣемъ дѣло только съ однимъ дѣтелемъ (факторомъ) производства — съ трудомъ, который пользуется орудіями и перерабатываетъ имѣющееся въ природѣ вещество.

ПРИРОДА.

Природой называется все то, что окружаетъ насъ за исключеніемъ людей и продуктовъ труда.

Природа является тѣмъ мѣстомъ, гдѣ живутъ и работаютъ или живутъ и бездѣльничаютъ люди. Въ природѣ находятся вещества, необходимыя человѣку для приложенія его труда. Въ природѣ имѣются силы, которыми пользуется человѣкъ, работая. Въ природѣ же первобытные люди находили готовые орудія труда.

ПРИРОДА, КАКЪ МѢСТО ПРОИЗВОДСТВА.

Мѣстности, гдѣ живутъ люди, стлчаются одна отъ другой по своимъ природнымъ условіямъ. Отчасти въ зависимости отъ этихъ условій люди занимаются разными видами труда. Народы, живущіе на сѣверѣ Сибири, заняты охотой за пушнымъ звѣремъ и, по мѣстнымъ условіямъ, не могутъ заниматься хлѣбопашествомъ. Крестьянинъ средней Россіи пашетъ землю и не можетъ заниматься охотой за пушнымъ звѣремъ, котораго нѣтъ въ этой мѣстности. Но во многихъ мѣстностяхъ земного шара люди могутъ заниматься одними и тѣми же промыслами.

Во многихъ случаяхъ люди приспособляютъ природныя условія къ своимъ нуждамъ. Они уничтожаютъ болота, вырубаютъ лишніе лѣса, прокапываютъ горы, пролагая сквозь нихъ дороги, и т. д. Самыя неплодныя мѣстности люди обращаютъ иной разъ въ поля и сады.

Въ связи съ накопленіемъ техническихъ знаній, въ связи съ болѣе тѣснымъ объединеніемъ людей, все болѣе и болѣе уменьшается зависимость человѣка отъ природныхъ условій.

СИЛЫ ПРИРОДЫ.

Приготовляя какой-либо продукт, люди непрерывно пользуются силами природы. Иногда эти силы ясно видны, например, сила вѣтра, двигающая вѣтряныя мельницы, парусныя суда, сила теченія или паденія воды, двигающая суда и колеса водяныхъ мельницъ. Иногда эти силы незамѣтны, но какую бы вещь ни приготовлялъ человекъ, всегда пользуется тою силою природы, которая сближаетъ частицы вещества, не позволяеть предмету разсыпаться на мельчайшія частицы.

Иногда силы природы проявляются только тогда, когда люди сдѣлали болѣе или менѣе сложныя приспособленія для проявленія такихъ силъ при производствѣ, например, паровую машину для проявленія силы пара, электрическую машину для проявленія силы электричества и т. д.

Люди научаются управлять все большимъ и большимъ числомъ силъ природы. Все успѣшнѣе и успѣшнѣе заставляютъ они работать эти силы при производствѣ нужныхъ имъ продуктовъ.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ДАРЫ ПРИРОДЫ.

Человѣкъ находитъ въ природѣ разнообразныя вещества, которыми и пользуется, производя предметы потребленія. Въ числѣ этихъ предметовъ изрѣдка встрѣчаются и такіе, что человѣку не надо перерабатывать ихъ; достаточно найти ихъ и взять для того, чтобы удовлетворить ими какую-либо потребность. Не надо ни сѣять, ни пахать тамъ, гдѣ растетъ саговая пальма, плодами которой можно питаться. Плоды хлѣбнаго дерева являются прекрасной пищей и 27 такихъ деревьевъ могутъ пропитать въ теченіе 8 мѣсяцевъ 10—12 человѣкъ. Но и эти плоды не сваливаются человѣку въ ротъ: надо приложить хоть небольшой трудъ для того, чтобы достать ихъ. Такіе непосредственныя дары природы встрѣчаются, по сравненію съ численностью людей, очень рѣдко.

МАТЕРІАЛЫ.

Много чаще въ природѣ встрѣчаются такія вещества, которыя добываются съ большимъ трудомъ. Эти вещества называются сырыми матеріалами; таковыми являются, напримеръ, каменный уголь, желѣзная руда и пр. Они добываются изъ источниковъ сырыхъ матеріаловъ.

Если такой сырой матеріалъ переработанъ человѣкомъ и все-таки не пригоденъ для потребленія, то онъ называется полу-фабрикатомъ или просто матеріаломъ. Такъ изъ сырого матеріала желѣзной руды готовится матеріалъ или полу-фабрикатъ желѣза, а изъ желѣза дѣлаются разные предметы потребленія—ведра, напримеръ.

Иногда матеріалъ не трудно узнать въ предметъ потребленія, — напримеръ, сталь въ ножѣ, а иногда матеріалъ видоизмѣняется до

неузнаваемости, напримѣръ, свекла, изъ которой сдѣланъ сахаръ.

Если отъ матеріала ничего не остается, кромѣ отбросовъ, и онъ не входитъ своимъ веществомъ въ предметъ потребления, то такой матеріалъ называется вспомогательнымъ матеріаломъ. Такъ, напримѣръ, вспомогательными матеріалами являются дрова и уголь, которыми топятъ паровую машину, масло, которымъ ее смазываютъ, керосинъ, при свѣтѣ котораго работаютъ.

ИСТОЧНИКИ СЫРЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

Природные дуга, лѣса, угольные копи, залежи глины, желѣзной руды или какого-нибудь другаго металла или минера, море, въ которомъ ловятъ рыбу или находятъ жемчугъ и кораллы, нефтяной источникъ и т. п. — все это источники сырыхъ матеріаловъ. Въ этихъ кладовыхъ природы имѣются практически неистощимыя необходимыя для насъ вещества. Если истощается какое-нибудь нужное намъ вещество, тотчасъ же или еще раньше открывалось другое вполне замѣняющее первое. Дерево, какъ топливо, замѣняется каменнымъ углемъ, шкуры звѣрей — тканями и т. д.

Въ настоящее время наиболѣе важные источники сырыхъ матеріаловъ захвачены ничтожной по численности группой лицъ. Благодаря такому захвату эта небольшая кучка лицъ присваиваетъ себѣ громадную долю изъ общаго количества приготавливаемыхъ людьми предметовъ потребления. Остальное человечество становится, въ значительной своей части, бѣднѣе, отчасти благодаря такому захвату.

Этотъ невыгодный для большинства людей захватъ поддерживается и защищается современными правительствами, издающими законы, которые предписываютъ силу охранять такіе захваты, развѣ только захватчики соблюли нѣкоторыя легкія для богатыхъ людей правила.

Но законы, издававшіеся правительствами, защищали и поддерживали самыя отвратительныя учрежденія, напримѣръ, «право собственности» на людей — рабовладѣльчество и крѣпостничество. Наши потомки будутъ удивляться, какъ допускали мы захватъ отдѣльными лицами источниковъ сырыхъ матеріаловъ, нужныхъ всеѣмъ людямъ.

ЗЕМЛЯ.

Важнѣйшимъ источникомъ сырыхъ матеріаловъ является сельскохозяйственная земля. Отдѣльныя лица — помѣщики, землевладѣльцы захватили въ свою личную пользу громадное количество земли, сотни милліоновъ десятинъ. Они и не хотятъ и не могутъ обработать захваченную землю личнымъ трудомъ: такъ много захватили они ее. Поэтому они или сдаютъ эту землю въ аренду земледѣльцамъ, т. е. позволяютъ ее обрабатывать только тѣмъ, кто соглашается платить за нее деньги (иногда — часть урожая), или нанимаютъ людей, к-

торые обрабатывают эту чужую не свою землю, получая за это небольшую часть продуктовъ своего труда.

Земля никѣмъ не сдѣлана. Никто не сумѣетъ сдѣлать ни десятины, ни вершка земли. Земля — природа, а природа никому не принадлежитъ.

Земля — мать кормилица, безъ которой не могутъ жить люди, такъ какъ безъ земли нѣтъ хлѣба. Землею, по настоящему, нельзя торговать, какъ нельзя торговать солнечнымъ свѣтомъ. Всѣ имѣютъ одинаковое право на землю. Земля должна была остаться ничьей, но разные люди захватили много земли то силой, то хитростью и не даютъ ее даромъ крестьянамъ, которые добываютъ на ней хлѣбъ.

Ежели кто изъ богачей купилъ землю, то не на заработанныя деньги, а за чужой трудъ. Каждый богачъ покупаетъ землю не на свои, а на отобранныя у бѣднаго люда деньги. Онъ покупаетъ ее или у тѣхъ, чьи предки отняли землю у крестьянъ, или у такихъ богачей, какъ и онъ самъ.

Если земля, — говорилъ Л. Н. Толстой, — а не вода, воздухъ и лучи солнца, — сдѣлалась предметомъ собственности, то произошло это не отъ того, что земля не есть такое же необходимое и потому не могущее быть присвоеннымъ условіе существованія человѣка, но голько потому, что лишить другихъ людей воды, воздуха и солнца нельзя было, лишить же пользованія землею было возможно. Земельная собственность, какъ возникла изъ насилія — завоеваніями присвоили себѣ землю, а затѣмъ роздали и продали ее — такъ и осталась, несмотря на всѣ попытки обратить ее въ право, только насиліемъ сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ. Нарушъ человѣкъ, работающій на землѣ это воображаемое «право» — начини пахать землю, считающуюся собственностью другого — и тотчасъ же явится то, на чемъ основано это мнимое право, сначала въ видѣ полицейскихъ, а потомъ и военной силы солдатъ, которые будутъ колоть, стрѣлять въ тѣхъ, которые захотятъ воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ правомъ — кормиться работою на землѣ».

Въ пользу частной собственности на землю говорится, что земля не во всѣхъ случаяхъ была завоевана или захвачена, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предки собственника (или самъ собственникъ) расчистили и улучшили почву и приобрѣли право собственности на землю. Никто, конечно, не скажетъ, что надо помѣшать обрабатывать землю человѣку ее расчистившему: для этого не надо объявлять ее собственностью этого человѣка и его потомковъ. Но во всякомъ случаѣ, изъ того, что на расчистку земли кто-то когда-то потратилъ трудъ, вовсе не слѣдуетъ, что спустя нѣсколько столѣтій послѣ такого труда, лицо, не принимавшее въ немъ никакого участія, имѣетъ основаніе объявить себя собственникомъ земли и жить за счетъ труда землепашцевъ.

ПРИРОДА И ОРУДИЯ ТРУДА.

Въ первобытныя времена, когда люди не умѣли еще выполнять сложныхъ работъ, природа давала человѣку готовыя, — очень простыя, конечно. — орудія труда — подходящія для надобностей человѣка камни, палки, раковины, острия кости и т. п. Но люди давно уже стали готовить болѣе удобныя для нихъ орудія труда. Только изрѣдка да и то самыя бѣдныя изъ насъ пользуются данными природой орудіями, — напримѣръ, камнемъ, вмѣсто молотка.

Природа давно уже перестала быть складомъ инструментовъ для человѣка, все болѣе и болѣе являясь для него кладовой съ многочисленными, неисчерпаемыми, а также и неоткрытыми еще отдѣліями.

ГЛАВА III.

Трудъ.

Экономическимъ трудомъ называются усилія человѣка, разсчитливо направленные на то, чтобы добыть, приготовить или доставить нужные людямъ предметы потребленія.

Трудясь, человѣкъ только передвигаетъ вещество, или его частицы, или предметы потребленія или мѣняется движется всему этому нужнымъ для его цѣлей образомъ.

ПРІЯТЕНЬ ЛИ ТРУДЪ?

Самъ по себѣ трудъ не можетъ считаться непріятнымъ для человѣка занятіемъ. Здоровый человѣкъ нуждается въ упражненіи своего тѣла и находитъ въ этомъ упражненіи чувство удовольствія и удовлетворенія. Бездѣйствіе же порождаетъ вялость, т. е. слабо выраженное, но несомнѣнно болѣзненное ощущеніе.

Но, съ другой стороны, трудъ можетъ быть очень тяжелъ, продолжаться долѣе, чѣмъ слѣдуетъ, чѣмъ допускаютъ силы человѣка. Трудъ можетъ утомлять своимъ однообразіемъ, можетъ производиться въ очень нездоровой обстановкѣ. Онъ можетъ быть непріятенъ потому, что человѣку приходится браться за такую работу, къ которой онъ не имѣетъ никакой склонности. Людямъ приходится работать изъ-подъ палки рабовладѣльца, они работаютъ подъ надзоромъ мастера, готоваго придратъ къ каждому пустяку и выбросить работника на улицу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣль, преслѣдуемая трудомъ, заставляетъ человѣка скверно чувствовать себя. Скверно чувствуютъ себя строящіе тюрьму рабочіе.

Въ настоящее время люди, нанимающіе рабочихъ, ухитрились сдѣлать тягостными, непріятными и нездоровыми чуть ли не все виды труда. Благодаря этимъ людямъ трудъ сталъ обременительнымъ. Но можно обставить трудъ такимъ образомъ, что, какъ сама дѣятельность, такъ и пониманіе цѣли труда доставитъ трудящемуся чувство удовольствія.

Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что движеніе — настоящая потребность человѣка и что человѣкъ зачастую предпочитаетъ движеніе цѣлесообразное, т. е. трудъ, движеніямъ безцѣльнымъ, — на примѣръ, многимъ видамъ спорта, который является для праздныхъ классовъ общества поддѣлкой подъ трудъ.

Въ будущемъ же обществѣ трудъ будетъ удовольствіемъ и радостью, прекраснымъ увлекательнымъ искусствомъ.

ПРОСТОЙ И СЛОЖНЫЙ ТРУДЪ.

Трудъ называется простымъ, если его можетъ выполнить не обучавшійся раньше такому труду человѣкъ. Сложнымъ (квалифициро-

ваннѣмъ, качественнѣмъ) трудомъ называется такой трудъ, которому надо обучаться сравнительно долгое время. Трудъ чернорабочаго, напримѣръ, дѣлающаго такую работу, которую можно сдѣлать, разъ посмотрѣвъ, какъ она дѣлается, это — простой трудъ. Трудъ столяра которому надо обучаться, это — сложный трудъ.

УМСТВЕННЫЙ И РУЧНОЙ (ИЛИ ФИЗИЧЕСКІЙ) ТРУДЪ.

Всякій трудъ является одновременно и умственнѣмъ и ручнѣмъ (физическѣмъ) (т. е. такимъ, занимаясь которымъ, человекъ можетъ почти не думать о томъ, что онъ дѣлаетъ). Нѣкоторые виды труда, напримѣръ, переноска тяжести, почти не требуютъ умственныхъ усилій, а другіе, напримѣръ, сочиненіе книги, требуютъ много умственныхъ усилій и мало ручного или физическаго труда (записываніе мыслей сочинителя въ данномъ случаѣ).

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУДЪ.

Всякій экономическій трудъ является производительнѣмъ трудомъ, такъ какъ въ результатѣ получаютъ нужные людямъ продукты. Производительнѣ трудъ плотниковъ, напримѣръ, но производительнѣ трудъ и умѣлаго врача, который лечитъ больныхъ плотниковъ, уменьшаетъ количество дней, въ теченіе которыхъ они не могли бы работать.

Правда, мы видимъ разныхъ лицъ, вся дѣятельность которыхъ сводится къ карточной игрѣ, къ посѣщенію ресторановъ и театровъ, къ баламъ, къ подписыванію ненужныхъ и глупыхъ бумагъ, къ изданію всегда вредныхъ законовъ, къ преслѣдованію людей, настаивающихъ на томъ, чтобы здоровые бездѣльники и бездѣлницы не жили на счетъ рабочихъ, но всѣ такіе господа и госпожи заняты не экономическѣмъ трудомъ. Это — праздные бездѣльники, паразиты. Правда, министръ, палачъ, акціонеръ, жандармъ, сыщикъ, депутатъ, получаютъ за свою дѣятельность деньги, но отъ этого такая дѣятельность не становится производительнѣмъ трудомъ, какъ не становится такою дѣятельность вора, «работающаго» отмычкой.

Нельзя сравнивать производительность двухъ или нѣсколькихъ разныхъ видовъ труда и говорить, что трудъ столяра, напримѣръ, производительнѣе труда ткача. Но можно говорить о болѣе или менѣе производительномъ трудѣ, сравнивая трудъ рабочихъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же трудомъ. Ткачъ, работающій на болѣе совершенныхъ станкахъ, будетъ работать производительнѣе ткача, работающаго на старыхъ станкахъ. Прилежный сапожникъ будетъ производительнѣе трудиться, чѣмъ сапожникъ лѣнивый.

ОТВЛЕЧЕННЫЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ ТРУДЪ.

Одним и тотъ же трудъ можно разсматривать съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Не обращая вниманія на то, что именно производить трудъ, говоря только о томъ, что человекъ дѣлаетъ извѣстныя цѣлесообразныя движенія, мы можемъ назвать трудъ «отвлеченнымъ», (абстрактнымъ) трудомъ. Трудъ ткача, столяра, ювелира и всякій другой трудъ, это прежде всего трудъ, т. е. разсчитливыя движенія.

Но мы можемъ разсматривать трудъ ткача (а также столяра, слесаря, рабочаго стекляннаго и всякаго другого завода, мастерской или фабрики), какъ трудъ специалиста, дѣлающаго строго опредѣленные движенія и производящаго строго опредѣленные предметы. — напримѣръ, полотно (столъ, замокъ, стаканъ и т. д.). Разсматривая трудъ, какъ такой, который производитъ такіе-то, а не какія-либо предметы потребленія, мы называемъ его «предметнымъ» (конкретнымъ), строго опредѣленнымъ трудомъ, напримѣръ, ткацкимъ, столярнымъ, слесарнымъ и т. д.).

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ТРУДА.

Люди давно уже живутъ большими обществами. Каждый человекъ не можетъ самъ приготовить для себя все нужные продукты. Въ лучшемъ случаѣ, имѣя землю и свое сельское хозяйство, онъ можетъ приготовить наиболѣе необходимыя (да и то не все) и очень часто плохіе продукты.

Но въ каждомъ большомъ обществѣ имѣются четыре громадныя группы людей, занятыхъ четырьмя главными видами труда: 1) трудомъ, добывающимъ сырыя матеріалы, 2) трудомъ, обрабатывающимъ матеріалы, 3) трудомъ доставки всевозможныхъ предметовъ и перевоза работающихъ людей и 4) трудомъ, дѣлающимъ болѣе производительнымъ каждый изъ трехъ первыхъ видовъ труда, т. е. трудомъ помогающимъ.

Но, помимо лицъ, занятыхъ названными видами труда въ современномъ обществѣ имѣется масса бездѣльниковъ.

Трудомъ добывающимъ называется всякій трудъ, результатомъ котораго получаютъ сырыя матеріалы. Таковъ трудъ въ горномъ дѣлѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, трудъ рыболововъ и пр.

Трудъ обрабатывающій охватываетъ собою всю дѣятельность по переработкѣ сырыхъ матеріаловъ, матеріаловъ или полу-фабрикатовъ. Таковъ трудъ фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и пр.

Трудъ доставки распадается на трудъ перевоза продуктовъ и работниковъ и на трудъ торговый — на трудъ передачи продуктовъ.

Трудъ помогающій увеличиваетъ наши знанія о веществахъ и силахъ природы, даетъ людямъ возможность производительнѣе работать. Таковъ трудъ ученыхъ, докторовъ, инженеровъ и пр.

Не рѣдко бываетъ, впрочемъ, и такъ, что одно и то же лицо часть времени въ году занято однимъ видомъ труда, а остальное вре-

мя другимъ. Крестьянинъ средней полосы Россіи, напримѣръ, часть года занять добывающимъ трудомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, а часть года, главнымъ образомъ, зимою, обрабатываетъ матеріалы, какъ кустарь.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ТРУДА ПО СПЕЦІАЛЬНОСТЯМЪ.

Понятно, что одинъ человекъ не можетъ записаться всѣми видами хоть бы одного обрабатывающаго труда. Нельзя быть одновременно хорошимъ портнымъ, сапожникомъ, слесаремъ, столяромъ, маляромъ, ткачемъ, камнетесомъ, наборщикомъ, гончаромъ и т. д. и т. д. Занятые обрабатывающимъ или какимъ-либо другимъ изъ четырехъ главныхъ видовъ труда, знаютъ одну много двѣ-три специальности. Благодаря такому распредѣленію труда по специальностямъ, люди работаютъ болѣе умѣло и производительно. Ткачъ знаетъ хорошо свое дѣло, но не умѣетъ работать, какъ столяръ, столяръ не умѣетъ работать, какъ слесарь, но хорошо дѣлаетъ мебель и пр.

Раздѣленіе по специальностямъ идетъ все дальше и дальше: столяры дѣлятся, напримѣръ, на бѣлодеревцевъ и краснодеревцевъ; изъ нихъ выдѣляются телѣжники, колесники, рѣзчики. Портной мужского платья не шьетъ уже женской одежды; имѣются портные для приготовления зимней одежды... Чѣмъ больше покупателей или заказчиковъ, чѣмъ разнообразнѣ ихъ потребности, тѣмъ больше узкихъ, такъ сказать, специальностей, на которыя распадается главная специальность. Такое распредѣленіе по специальностямъ почти что не существуетъ въ деревняхъ и очень замѣтно въ большихъ городахъ.

Общественное распредѣленіе труда и распредѣленіе труда по специальностямъ возможны потому, что въ настоящее время люди связаны въ одно цѣлое обменомъ продуктовъ. Столяръ, напримѣръ, носитъ одежду, сшитую портнымъ изъ приготовленной ткачемъ матеріи; ѣстъ хлѣбъ, посѣянный крестьяниномъ, сжатый женой послѣдняго, смолотый мельникомъ, испеченный хлѣбопекомъ; носитъ сапоги, сдѣланные сапожникомъ изъ обдѣланной кожевниками кожи; живетъ въ домѣ, построенномъ каменщиками, плотниками, кровельщиками, печниками и пр. и пр.

Конечно, распредѣленіе труда останется и въ будущемъ обществѣ, въ которомъ продукты труда будутъ не продаваться и покупаться, какъ теперь, а распредѣляться между людьми.

Когда рѣчь идетъ объ общественномъ или специальномъ распредѣленіи труда, то говорится объ изготовленіи цѣлыхъ предметовъ, а не частей какого-либо одного предмета. Приготовление частей какого-либо предмета называется техническимъ раздѣленіемъ труда и о немъ рѣчь будетъ ниже.

КОЛИЧЕСТВО ТРУДА.

Тотъ трудъ, который затраченъ въ теченіе какого-нибудь времени, напримѣръ, года, жителями какой-либо страны или ея части или

нѣсколькихъ странъ можетъ быть больше или меньше по количеству годового же труда, потраченнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Этотъ трудъ можетъ быть больше или меньше годового же количества труда, затраченнаго въ какой-либо другой мѣстности.

Опредѣляя количество труда, надо указать: 1) на численность населенія, 2) на то, сколько въ данной мѣстности трудоспособныхъ людей, 3) сколько въ ней мужчинъ и женщинъ, 4) на здоровье населенія и на его образованіе, 5) на то, какая часть этого населенія трудится и какая бездѣльна, 6) сколько часовъ въ году работаютъ трудоспособные люди и 7) на цѣлый рядъ другихъ условий, такъ или иначе вліяющихъ на производительность труда (болѣе или менѣе хорошія средства производства, раздѣленіе труда и пр.).

Опредѣляя, напримѣръ, количество труда въ Россіи, мы можемъ указать 1) что численность ея населенія равняется (считая и колоніи) 173 милліонамъ человекъ, 2) что относительная на каждую сотню человекъ численность рабочаго, трудоспособнаго населенія у насъ немного меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ и соответственно выше численность нетрудоспособнаго населенія. Вообще трудоспособнымъ населеніемъ называется населеніе въ возрастѣ отъ 20 до 59 лѣтъ и на каждую тысячу мужчинъ у насъ приходится въ этомъ возрастѣ 447 человекъ, а на каждую тысячу женщинъ 446. Отъ 15 до 20 и отъ 59 до 70 лѣтъ населеніе считается полурбочимъ, полутрудоспособнымъ, свыше 70 лѣтъ и до 15 лѣтъ нерабочимъ. Но среди наемныхъ рабочихъ сила человекъ падаетъ уже съ 40-лѣтняго возраста, а дѣти до 15 лѣтъ перѣдко работаютъ на хозяйствѣ; 3) что физическая сила мужчинъ, въ среднемъ, превышаетъ силу женщинъ и что у насъ на 1000 мужчинъ приходится 1025 женщинъ, при чемъ въ Великобританіи, Австріи и Германіи женщинъ еще больше, а во Франціи и Италіи меньше; 4) что физическое развитіе и здоровье русскаго населенія плохо по сравненію съ развитіемъ и здоровьемъ жителей другихъ странъ. Въ Россіи на каждый десятокъ тысячъ человекъ умираетъ ежегодно 331 человекъ, въ Германіи только 196, во Франціи 194, въ Швейцаріи 178, въ Англіи 163, въ Швеціи 151, въ Норвегіи 142, въ Новой Зеландіи 135. Болѣютъ у насъ чаще и тяжелѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. У насъ все больше и больше бракують рекрутъ, такъ какъ все больше и больше болѣютъ люди, такъ какъ все больше и больше появляется среди насъ слабыхъ людей. Русскіе живутъ вдвое меньше, чѣмъ наши сосѣди шведы, напримѣръ. Все это зависитъ отъ того, что нигдѣ на свѣтѣ не обираютъ такъ населеніе, какъ у насъ, въ пользу богатыхъ и властныхъ жителей Россійскаго государства. У насъ отбираютъ у бѣдняковъ все, что можно отобрать, не оставляя у многихъ и многихъ бѣдняковъ достаточнаго количества продуктовъ для здоровой жизни. Понятно, что часто болѣющее и слабое населеніе даетъ меньшее количество труда, чѣмъ населеніе здоровое и сильное.

Можно еще отмѣтить, что безработица особенно сильна въ Россіи. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе населеніе, тѣмъ производительнѣе

его трудъ. Въ Россіи процентъ грамотныхъ очень низокъ. Такъ, на тысячу человѣкъ приходится:

	Грамотныхъ	Неграмотныхъ
Въ Бельгій	998	2
Германіи	980	20
Швеціи	979	21
Италіи	515	485
Россіи	212	788

а. если мы возьмемъ однихъ только крестьянъ и рабочихъ, то число грамотныхъ, входящихъ на 1000 человѣкъ упадетъ у насъ до 185. 815 безграмотныхъ на каждую тысячу!

Въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ на тысячу человѣкъ всего населенія приходится 233 человѣка, получающихъ начальное образованіе, въ Швейцаріи 190, въ Германіи 188, въ Норвегіи и Финляндіи 174, въ Англіи 166, во Франціи 147, въ Россіи только 48. Въ Англіи на образованіе тратится 2 рубля 84 к. съ души, во Франціи 2 р. 75 к., въ Германіи 2 р. 50 к., а въ Россіи 60 копѣекъ съ души (1910г.).

5) Въ Россіи очень многочисленно населеніе, не занятое экономическимъ трудомъ и живущее на счетъ трудящихся. Какъ кажется, нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого числа богатыхъ и зажиточныхъ дармоедовъ, какъ у насъ.

6) Число праздниковъ въ Россіи значительно, но во многихъ случаяхъ у насъ работаютъ и по праздникамъ. И хотя считается, что крестьяне празднуютъ въ среднемъ 120 дней въ году, но такой счетъ ошибоченъ; въ среднемъ, они празднуютъ не болѣе 90 дней въ году да и то занимаются въ нѣкоторые изъ этихъ праздниковъ работой около дома. У русскихъ наемныхъ рабочихъ число праздниковъ меньше, чѣмъ у наемныхъ рабочихъ западныхъ странъ.

Рабочій день въ Россіи продолжается больше часовъ, чѣмъ за границей, но отъ этого количество труда въ Россіи не увеличивается. Истощенный долгимъ рабочимъ днемъ, рабочій производитъ меньше, чѣмъ рабочій, трудящійся не такъ долго, не до переутомленія.

7) Очень часто работающій изготовляетъ какую-нибудь часть предмета, а не весь предметъ цѣликомъ. Наряду съ нимъ трудящіеся приготавливаютъ другія части этого предмета и, наконецъ, кто-либо собираетъ эти части въ одно цѣлое. Бываетъ и такъ, что одинъ и тотъ же матеріалъ проходитъ черезъ многія руки: каждый рабочій что-либо дѣлаетъ съ нимъ и, въ концѣ концовъ, получается нужный предметъ. Такое раздѣленіе труда между людьми называется техническимъ или мануфактурнымъ раздѣленіемъ труда, или сложнымъ сотрудничествомъ, сложной коопераціей.

При раздѣленіи труда его производительность повышается. Это зависитъ отъ того, что, при раздѣленіи труда, работа очень упрощается и трудящійся дѣлаетъ не сложную привычную работу скоро и ловко. Несложной простой работѣ очень легко научиться въ короткій срокъ. Всѣ инструменты постоянно заняты при раздѣленіи труда, и

часть их не лежит праздно, ожидая, когда рабочей кончится одну часть работы и возьмется за другую. Работающий не тратит при этомъ условіи времени на замѣну однихъ инструментовъ другими. Разъ введено раздѣленіе труда, то очень легко замѣтить, кто изъ работающихъ отстаетъ въ скорости работы.

Раздѣленіе труда, въ среднемъ, повышаетъ его производительность на 25—30 процентовъ, а не во много разъ, какъ перѣдко утверждаютъ, ссылаясь на ошибочныя цифры, приведенныя первымъ экономистомъ Адамомъ Смитомъ въ его примѣрѣ о раздѣленіи труда въ булавочной мануфактурѣ.

Въ настоящее время раздѣленіе труда не выгодно для рабочихъ. Всю жизнь занимаясь рѣзаніемъ проволоки или пришиваніемъ пуговицъ, рабочей съ большими затрудненіями приспосаблиется, потерявъ старое занятіе, къ новой мало-мальски сложной работѣ. Однообразная, не требующая серьезнаго вниманія работа отупляетъ человека. Неработающіе мускулы его тѣла становятся вялыми, слабыми, а тѣ немногіе мускулы, которые постоянно заняты, сначала сильно развиваются отъ постояннаго движенія, а потомъ отъ напряженнаго труда и въ связи съ общимъ истощеніемъ рабочаго ослабѣваютъ. Рабочій получаетъ тяжелыя отъ однообразнаго труда наживаемыя болѣзни. Помимо сказаннаго правду сказалъ Лемонтэ, что «горько сознавать, что за всю жизнь не дѣлать ничего другого, кромѣ восемнадцатой части булавки».

Надо отмѣтить, что сложныя машины зачастую исполняютъ тѣ простыя однообразныя движенія, которыя требуются отъ рабочаго, занятаго при наличности технического раздѣленія труда. Машины новаго образца (типа) требуютъ рабочихъ, понимающихъ, какъ надо управлять ими, рабочихъ, внимательно слѣдящихъ за ихъ ходомъ и хорошо знающихъ ихъ механизмъ.

Не трудно избѣгать вредныхъ послѣдствій раздѣленія труда. Правда, много теряется времени, много нужно лишнихъ инструментовъ, если въ теченіе дня рабочей десять разъ переимѣнитъ работу. Но не трудно избѣгать такихъ потерь, если рабочіе еженедѣльно, напримѣръ, будутъ смѣнять другъ друга. Одну недѣлю можно выполнять одну часть работы, вторую недѣлю другую часть ея, третью — опять-таки новую и т. д. Простота раздѣленнаго труда дѣлаетъ такіе переходы отъ одной работы къ другой вполне возможными.

Надо далѣе, чтобы у рабочихъ было достаточно свободнаго времени для отдыха внѣ мастерской, такъ чтобы могло отдохнуть усталое тѣло, а мускулы бездѣйствовавшіе могли найти работу въ необязательныхъ занятіяхъ.

Желательно установить такой порядокъ, при которомъ рабочіе переходили бы отъ одного вида труда къ другому. Земледѣлецъ можетъ часть года работать на фабрикѣ, а фабричный — въ сельскомъ хозяйствѣ; матросъ, черезъ годъ плаванія, сдѣлается рудокопомъ, а рудокопъ перейдетъ въ сапожную мастерскую, гдѣ работаютъ, примѣняя раздѣленіе труда. Не такъ ужъ необходимо, чтобы «кузнецъ,

оставивъ свою наковальню, могъ сейчасъ идти сажать розы» (Фурье), но необходимо, чтобы, послѣ трехъ—четыремьсячной работы, молотомъ, онъ могъ бы, при желаніи заняться другимъ трудомъ.

Но какъ смѣны занятій, такъ и достаточный отдыхъ рабочіе получаютъ только тогда, когда жадный классъ капиталистовъ перестанетъ высасывать силы наемныхъ рабочихъ, вовсе не считаясь съ тѣмъ, вредно или не вредно для рабочаго данное этимъ рабочимъ занятіе, т. е. тогда, когда сами рабочіе вольными артелями будутъ завѣдывать всѣмъ дѣломъ производства.

Экономисты указываютъ, что производительность труда повышается при простомъ сотрудничествѣ, при простомъ соединеніи однородныхъ усилий трудящихся (при простой коопераціи). Такъ, на примѣрѣ, люди сообща переносятъ какую-нибудь тяжесть, сообща жнутъ хлѣбъ, тянутъ лодку, нападаютъ на крупнаго звѣря. Во всѣхъ этихъ случаяхъ создается новая сила — сила массы. 20 человекъ легко перенесутъ 50-ти пудовую тяжесть, если будутъ работать сообща, но и тысяча человекъ не сдвинуть ее съ мѣста, если будутъ пытаться перенести ее по одиночкѣ.

Въ другихъ случаяхъ простое сотрудничество даетъ возможность въ короткій срокъ сдѣлать какую-нибудь работу. Если поле велико, а жнетъ одинъ человекъ, то много ржи осыпется, пропадетъ, прежде чѣмъ онъ успеетъ сжать весь хлѣбъ. Десять же человекъ, работая одновременно, уберутъ всю рожь въ одинъ день.

Простое сотрудничество, (какъ машина) восполняетъ недостатокъ силы у одного человека или сокращаетъ время производства. Совмѣстный трудъ людей позволяетъ имъ перенимать другъ у друга лучшіе приемы работы. Благодаря совмѣстной работѣ уменьшается количество нужныхъ для работы предметовъ. 20 столяровъ, на примѣрѣ, могутъ работать не въ 20-ти домкахъ, а въ одномъ домѣ; всѣ они нуждаются въ одномъ, а не въ 20 точилахъ, какъ нуждались бы, работая въ одиночку. Десять работающихъ по вечерамъ швей нуждаются, работая вмѣстѣ, въ одной, двухъ, а не въ десяти лампахъ и т. д.

При подневольной работѣ, — при рабствѣ или при наемномъ трудѣ, — соединеніе рабочихъ въ одномъ мѣстѣ облегчаетъ надзоръ за ними, съ чѣмъ считаются хозяева работающихъ.

Если люди работаютъ на себя, а не на хозяевъ, то при общей работѣ, они трудятся болѣе старательно, не желая отстать отъ другихъ товарищей по работѣ. Но, если рабочіе трудятся на другихъ, на хозяевъ, то — сообща или въ одиночку — въ обоихъ случаяхъ они работаютъ не старательно, лишь бы не быть прогнанными за лѣность. Приходится тратить средства на устройство ненужнаго при свободномъ трудѣ надзора, но и надзоръ не всегда можетъ заставить людей прилежно работать для хозяйской выгоды.

При введеніи все болѣе и болѣе совершенныхъ орудій труда, въ особенности же машинъ, производительность труда сильно увеличивается. Такъ, при изготовленіи нѣкоторыхъ тканей требуется при

хорошихъ машинахъ въ 164 раза меньше часовъ труда, чѣмъ при изготовленіи этихъ тканей ручнымъ способомъ.

Производительность труда увеличивается также при расположеніи матеріаловъ въ обдуманномъ порядкѣ, такъ, напримѣръ, матеріаль складывается въ связки, какъ проволочки, концы которыхъ одновременно передѣлываются въ булавочныя головки или, какъ тонкія спичечныя лучинки, концы которыхъ сразу погружаются въ легко воспламеняющуюся массу.

Нечего и говорить, что чѣмъ лучше средства производства, тѣмъ больше количество труда въ странѣ.

Въ заключеніе этой главы укажемъ, что здоровые рабочіе, рабочіе, хорошо питающіеся, хорошо одѣвающіеся, имѣющіе хорошія квартиры производятъ больше, чѣмъ болѣзненные, недоѣдающіе, живущіе въ грязныхъ углахъ, оборванные рабочіе.

Средства производства.

Средства производства — въ частности орудія труда (инструменты) и машины совершенствуются во времени, какъ совершенствуются и приемы производства. Благодаря этому трудъ становится производительнѣе или, какъ нерѣдко говорятъ, растутъ производительныя силы.

Подъ производительными силами понимаются не одни только средства производства, но и другія увеличивающія количества труда условія, напримѣръ, географическое положеніе страны, расу людей, воспроизводство дѣтей.

Намъ говорятъ, что опредѣленному состоянію производительныхъ силъ (мы бы сказали опредѣленному количеству труда) соответствуютъ и опредѣленныя условія общественной жизни. Намъ указываютъ, что только при томъ условіи, что производительныя силы возрастутъ, возможенъ переходъ къ социалистическому обществу.

Всѣ эти заявленія не научны и грубо ошибочны. При наличности однихъ и тѣхъ же производительныхъ силъ мы встрѣчали въ древней Греціи и вольный ремесленный трудъ, и трудъ наемниковъ, и рабскій трудъ. При наличности однихъ и тѣхъ же производительныхъ силъ мы встрѣчаемся съ разными формами правленія, напримѣръ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что одни и тѣ же производительныя силы могутъ уживаться и съ капиталистическимъ и съ социалистическимъ обществомъ.

ОРУДІЯ ТРУДА.

Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ пользуется разнообразными орудіями, дѣлающими его трудъ наиболѣе успѣшнымъ. Сначала только въ минуту надобности, онъ пользуется камнями, вѣтвями или стволами деревьевъ, костями, раковинами и тотчасъ бросаетъ ихъ. Толстая вѣтка-дубина и камень были, вѣроятно, первыми охотничьими орудіями, которыми пользовался человѣкъ, защищаясь отъ нападеній, а потомъ и нападая. Далѣе, уже не случайно, какъ человекоподобная обезьяна, а постоянно человѣкъ пользуется этими предметами и не бросаетъ ихъ тотчасъ послѣ употребленія: они становятся орудіями труда.

Проходитъ еще нѣсколько времени и камню придается болѣе удобная для охоты и раздѣленія пищи форма. Кремень раскалывается, напримѣръ, такъ, что получается острый край, отбивается въ форму острія или ножа. Обдѣланные камни или кости прикрѣпляются смолой, жилами животныхъ и растеніями къ вѣткамъ и такимъ образомъ получались молотки, копья, топоры.

Имѣется даже основаніе думать, что въ незапамятныя времена

существовали мастерскія для выдѣлки кремневыхъ орудій. Часть такихъ орудій труда сохранилась до настоящаго времени.

Послѣ того, какъ люди нашли металлы и научились обдѣлывать ихъ, появились болѣе приспособленныя къ работѣ орудія труда — металлическіе инструменты. Постепенно, развиваясь изъ остроконечной или снабженной широкимъ лезвиемъ мотыки, появились «топоръ, молотокъ, ножъ, долото, пила, буравъ, и многіе другіе прообразы современныхъ орудій» (В. Зомбартъ).

Очень острые, съ подходящими рукоятками, не ломкіе, разнообразнѣйшихъ формъ, они были пригодны для всевозможныхъ перedѣлокъ матеріала, для добыванія сырья и совершенно вытѣснили каменные орудія.

Много-много времени спустя простые инструменты замѣнились въ нѣкоторыхъ случаяхъ машинами.

Въ связи съ усовершенствованіемъ орудій труда шло и совершенствованіе въ умѣньшии пользоваться. И мы видимъ здѣсь двѣ ступени: во 1) примѣненіе силы размаха и во 2) примѣненіе силы вращенія (ротация). Сначала орудія труда приводились въ движеніе давленіемъ, нажимомъ, а затѣмъ размахомъ. Съ появленіемъ топора и молотка «наша культура становится ужъ не наскобленной, наколотой, нарѣзанной или нацарапанной, а такъ сказать высѣченной и вырубленной изъ земли, камня и дерева». (М. Зомбартъ). Затѣмъ еще болѣе значеніе въ дѣлѣ пользованія орудіемъ труда получаетъ вращеніе.

Франклинъ опредѣляетъ человѣка, какъ «животное, дѣлающее орудія». Способность дѣлать все лучшія и лучшія орудія, такъ же какъ и способность передавать словами все болѣе и болѣе сложныя мысли выдѣлили человѣка изъ міра животныхъ.

Орудіемъ труда называется въ политической экономіи вещь или нѣсколько вещей, которыя работающій человѣкъ помѣщаетъ между собою и находящимися въ природѣ веществами (матеріалами) и силами, помѣщаетъ для того, чтобы результатомъ его цѣлесообразныхъ усилій появилось возможно большее число нужныхъ предметовъ потребленія. Орудіе труда является какъ бы проводникомъ, переносящимъ дѣятельность человѣка на матеріаль. Орудіе труда, это вещь, посредствомъ которой человѣкъ добываетъ, обрабатываетъ или перемѣщаетъ матеріалы и готовые продукты. При помощи этихъ орудій труда человѣкъ заставляетъ силы природы дѣйствовать такъ, какъ это ему надо.

Орудіями труда называются всѣ инструменты, въ томъ числѣ то оружіе и тѣ снаряды, которыми люди пользуются при охотѣ и рыболовствѣ. (Оружіе, которымъ люди пользуются при охотѣ на людей при войнѣ, не называются орудіями труда). Орудіями труда являются необходимая при производствѣ утварь, разные чаны, сосуды и пр. Машины тоже являются орудіями труда. Земля опять можетъ считаться орудіемъ труда, какъ считается имъ реторта (перегоночная трубка) на химическомъ заводѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ земля является

источникомъ сырыхъ матеріаловъ и матеріаломъ. Къ орудіямъ же труда относятся сельско-хозяйственныя животныя, хотя они и надѣлены независимой отъ воли человѣка дѣятельностью. Орудіями труда надо называть всю необходимую при проявленіи труда или при его употребленіи обстановку, напримѣръ, зданія, въ которыхъ помѣщаются мастерскія, склады товаровъ, желѣзныя дороги, вообще все, при помощи чего работаетъ человѣкъ, но за исключеніемъ силъ природы и матеріаловъ.

Какъ орудія труда, такъ и матеріалы предназначены для посредственнаго воспроизводительнаго потребленія. Различіе между матеріалами и орудіями труда заключается въ томъ, что матеріалы сразу, въ короткій срокъ, потребляются, уничтожаются въ производствѣ, а орудія труда изнашиваются медленно, постепенно.

Помимо сказаннаго, по мѣрѣ того, какъ обрабатывается матеріалъ, онъ все болѣе и болѣе приближается къ нужному человѣку предмету потребленія и, наоборотъ, чѣмъ дольше работаютъ орудіемъ труда, тѣмъ менѣе годнымъ дѣлается оно, пока, послѣ долгаго употребленія, не выбрасывается, какъ негодное. Перемѣна наружнаго вида (формы) матеріаловъ желательна работающимъ, изнашивание же орудій труда отнюдь не можетъ считаться желательнымъ.

МАШИНЫ.

Машины, это — инструментъ или нѣсколько инструментовъ, дѣйствующихъ вполне опредѣленнымъ образомъ каждый разъ, когда они приведены въ движеніе человѣкомъ, непосредственно не прикасающимся къ этимъ инструментамъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти инструменты приводятся въ движеніе какой-либо управляемой человѣкомъ силой природы. Сообразуясь съ движеніемъ инструментовъ работаетъ и человѣкъ, передвигающій нужный матеріалъ къ инструментамъ нужнымъ образомъ.

Очень часто машина состоитъ изъ трехъ частей: 1) изъ двигательной части — двигателя, 2) изъ передаточной части — передаточнаго механизма, приводящаго въ движеніе машинные инструменты и 3) изъ исполнительной части — инструмента или ряда инструментовъ.

Двигательная часть машины называется иногда двигательной машиной, а инструменты машины — рабочей машиной.

Одинъ двигатель, одна двигательная машина пускаетъ иногда въ ходъ нѣсколько рабочихъ машинъ. Если эти рабочія машины однородны, то такое ихъ объединеніе называется простымъ сотрудничествомъ (простой коопераціей) машинъ. Въ другихъ случаяхъ одинъ и тотъ же двигатель пускаетъ въ ходъ нѣсколько разнородныхъ рабочихъ машинъ. Такъ, напримѣръ, при сличечномъ производствѣ пользуются 16-тью разными машинами, при башмачномъ 34-мя и всѣ спичечныя такъ же, какъ и всѣ башмачныя машины могутъ быть пускаемы въ ходъ однимъ двигателемъ. Въ этихъ случаяхъ мы имѣ-

емъ дѣло съ системой машинъ, съ техническимъ раздѣленіемъ труда между машинами (со сложной коопераціей). Точность работы достигается при машинахъ значительной степени. Сила удара или движенія машины очень велика.

Машины во много разъ повышаютъ производительность труда. При производствѣ некоторыхъ тканей, работая машиной, человекъ приготовляетъ въ 197 разъ больше издѣлій, чѣмъ при ручной работѣ. При крученіи нитокъ опредѣленнаго сорта, работа машиной производительнѣе ручной работы въ 749 разъ, а при производствѣ винтовъ опредѣленнаго сорта машинная работа производительнѣе ручной въ 4098 разъ. Другія машины поднимаютъ производительность труда въ два, три раза, но и это много значить.

Машины Франціи давали такую работу, которую могли бы произвести 45 милліоновъ человекъ (сейчасъ больше), а машины Англіи давали работу 80-ти милліоновъ людей (теперь большаго числа). Къ сожалѣнію, эти желѣзные рабы являются частной собственностью немногихъ богачей.

Каждое изъ употребляемыхъ людьми орудій труда, — въ томъ числѣ и машины, — берегутъ больше труда, чѣмъ сколько было потрачено на его выдѣлку. Для приготовленія милліона опредѣленныхъ продуктовъ мы тратили, напримѣръ, 10 лѣтъ труда. Сдѣлали машину, потративъ на это годъ времени, и при ея посредствѣ, мы приготовили милліонъ тѣхъ же продуктовъ въ одинъ годъ.

Машины примѣняются, или при добываніи, или при обработкѣ продуктовъ, или, наконецъ, изготовляются машины, примѣняемые при перевозкѣ продуктовъ (такъ называемыя транспортныя машины).

Замѣтимъ, пока мимоходомъ, что указаніе на то, что люди тупѣютъ и глупѣютъ, однообразно работая на машинахъ, безусловно ошибочно. Старыя машины почти не требовали отъ рабочихъ умственныхъ усилій, но машины новыхъ типовъ требуютъ большого развитія и большой сообразительности отъ работающихъ ими рабочихъ.

СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА.

Источники сырыхъ матеріаловъ, всевозможные матеріалы и разнообразныя орудія труда называются средствами производства.

Средства производства отличаются отъ другихъ продуктовъ именно тѣмъ, что они употребляются людьми при производствѣ какихъ-нибудь продуктовъ.

Одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть въ одномъ случаѣ средствомъ производства, а въ другомъ средствомъ потребленія. Такъ, напримѣръ, лошадь, если я паню на ней, — средство производства; та же лошадь, если я катаюсь на ней, — предметъ прямого потребленія. Уголь, сжигаемый для отопленія квартиры какого-либо тунеладца — предметъ прямого потребленія; уголь, употребляемый на топку машиннаго котла — вспомогательный матеріалъ, средство про-

производства. Одежда, пища, квартира работающего человека, — без каких-либо предметов он не мог бы работать, — все это надо отнести к средствам производства, а одежда, пища, квартира какого-нибудь дармоеда — к предметам потребления.

При перевозке — средства производства (перевоза) могут быть одновременно и средствами производства и предметами потребления. Человек идет на пароход для того, чтобы отдохнуть, подышать свежим воздухом, т. е. пользуется пароходом, как предметом личного потребления и одновременно этот же пароход везет материалы на завод, является средством производства.

За исключением источников сырых материалов средства производства являются продуктами труда людей.

Сами по себе эти средства производства бессильны произвести что-либо. Сами по себе они не могут видоизмениться нужным для человека образом. Только при условии приложения к ним человеческого труда, они видоизменяются нужным для людей образом.

Сами по себе никакой производительной силы или способности средства производства не имеют. Тем не менее ясно, что средства производства необходимы при приложении труда, что производительность последнего тем выше, чем лучше средства производства.

Источники сырых материалов и орудия труда потребляются (истощаются, уничтожаются) в производстве мало-помалу. Они служат для выпуска целого ряда изделий (продуктов). Они сразу, целиком, не по частям вносятся в производство продуктов. Эти средства производства называются основными.

Наоборот, материалы — частями, понемногу вносятся в производство и сразу уничтожаются, потребляются в нем. Материалы называются оборотными средствами производства.

Орудия труда только изредка починяются (ремонтируются) и еще реже замѣняются новыми. Материал постоянно, по мере расходования, замѣняется новым хотя и подобным уже израсходованному материалом.

Материалы, вносимые в производство по частям, тотчас же передѣлываются в продукты, быстро проходят через руки работающих, быстро обращаются в производствѣ.

Источники сырых материалов и орудия труда составляют как бы неподвижную часть, как бы основу производства.

Поэтому-то средства производства дѣлятся на оборотные и основные.

В наше время средства производства зачастую принадлежать не работающим людям, нанимающим других лиц, работать и отбирающим в свою пользу значительное количество продуктов труда, этих нанятых людей.

Производство.

Мы говорили о трудѣ по отношенію къ работнику. Разсматривая трудъ по отношенію къ добываемымъ, изготовляемымъ и доставляемымъ предметамъ, мы говоримъ о производствѣ. Человѣкъ трудится; предметъ производится. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя сторонами одной и той же дѣятельности. Но мы можемъ говорить отдѣльно о томъ, какъ трудится человѣкъ и какъ отражается на немъ этотъ трудъ и отдѣльно о томъ, какъ производится предметъ, о томъ, какія условія вліяютъ на производство.

Производствомъ называется превращеніе людьми менѣе нужныхъ, менѣе спрашиваемыхъ предметовъ (вещества) въ болѣе нужные, болѣе спрашиваемые предметы. Впрочемъ, въ наше время недостаточно имѣть надобность въ предметѣ для того, чтобы онъ былъ произведенъ. Въ большинствѣ случаевъ надо еще имѣть возможность пріобрѣсти, купить этотъ предметъ. Только въ этомъ случаѣ многія изъ хозяйствъ считаютъ нужнымъ производить его.

При производствѣ принимается въ иѣкоторыхъ случаяхъ во вниманіе, какъ количество предметовъ, которые будутъ произведены, такъ и количество предметовъ, изъ которыхъ первые сдѣланы. Такъ, напримѣръ, хлѣбъ, удовлетворяющій первую потребность, можетъ считаться болѣе нужнымъ продуктомъ, чѣмъ водка, но разъ хлѣба очень много и имѣется спросъ на водку, извѣстное количество водки считается нужнѣе того количества хлѣба, изъ котораго она выдѣлана. Но, если бы выдѣлка данного количества водки потребовала бы въ 1000 разъ больше хлѣба, чѣмъ теперь, производство этого напитка стало бы невозможнымъ, такъ какъ обществу это громадное количество хлѣба нужнѣе данного количества водки.

Въ основѣ всякаго производства лежатъ источники сырыхъ матеріаловъ и желающіе изготовить какое-либо издѣліе (какой-нибудь продуктъ), должны или добыть изъ нихъ сырой матеріалъ, или достать его у тѣхъ, кто его добылъ, или достать полу-фабрикатъ, матеріалъ, добытый изъ сырого матеріала.

Во время производства происходитъ уничтоженіе, потребленіе матеріаловъ и медленное изнашиваніе, потребленіе орудій труда, замѣняемыхъ послѣ окончательнаго потребленія новыми.

При производствѣ какихъ-либо нужныхъ людямъ издѣлій (продуктовъ), помимо послѣднихъ, получаютъ иногда и другіе опять-таки нужные людямъ продукты — такъ называемыя побочныя издѣлія (продукты). Такъ, напримѣръ, въ настоящее время употребляются шлаки, считавшіеся когда-то нигуда негоднымъ отбросомъ; изъ отбросовъ каменнаго угля выдѣлываются яркія краски, при производствѣ сѣрной кислоты получается побочное вещество (побочный

продуктъ) — соленая кислота. Наряду съ этимъ въ результатъ производства получаютъ и ненужные людямъ отбросы.

Рабочимъ періодомъ называется то время, въ теченіе котораго трудится человекъ. Такъ, на примѣръ, время пахоты, удобренія, бороньбы, посѣва, жатвы, возки и молотьбы хлѣба — у землешца. А временемъ производства называется все время, считая съ того момента, какъ человекъ началъ и до того момента, какъ онъ кончилъ трудиться. У того же землешца періодъ производства будетъ равенъ рабочему періоду съ добавленіемъ того времени, когда землешецъ не работалъ, но когда дѣйствовали природныя силы, — ростъ колосья и пр. Такимъ образомъ, періодъ производства тянется иной разъ дольше рабочаго періода.

Благодаря производству получаютъ новыя издѣлія (продукты), болѣе нужны людямъ, чѣмъ издѣлія (продукты), потребленныя при производствѣ, или получаютъ такіе же, что и прежде, издѣлія (продукты), но въ большемъ количествѣ, напр., зерна въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ настоящее время любое производство надо считать общественнымъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Какъ общее правило, человекъ не приготовляетъ издѣлія (не дѣлаетъ продукта) отъ начала до конца, а только додѣлываетъ его да и то не иначе, какъ при содѣйствіи многихъ другихъ лицъ. Возьмемъ, на примѣръ, ножъ. Надъ нимъ работали, его додѣлали ювелирники, сдѣлавъ этотъ ножъ въ построенномъ другими рабочими зданіи, при помощи инструментовъ, сдѣланныхъ какими-то другими людьми. Желѣзо имъ привезли возчики съ желѣзо-плавильнаго завода, на которомъ его добыли изъ руды совсѣмъ неизвѣстные ювелирникамъ рабочіе, опять-таки трудившіеся въ кѣмъ-то построенномъ зданіи, кѣмъ-то сдѣланными орудіями труда. Они извлекли желѣзо изъ руды, добытой рудокопами въ глубокихъ шахтахъ.

Всѣ эти лица пользовались приемами работы, созданными предшествующими поколѣніями. На всѣхъ ихъ работали чужіе имъ люди, приготовляя для нихъ одежду, пищу, квартиры, безъ которыхъ они не могли бы работать. А эта пища, одежда, квартиры опять-таки были приготовлены при посредствѣ разныхъ кѣмъ-то сдѣланныхъ орудій труда и пр. и пр. и пр. Такимъ-то образомъ каждый продуктъ является продуктомъ общественнаго труда.

ЕДИНОЛИЧНОЕ И СОВМѢСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Говоря о производствѣ, какъ общее правило, говорятъ о послѣднемъ только времени производства, когда начинаетъ работать надъ матеріаломъ новый работникъ. Это время кончается, когда прекращается работа этого человека.

Зомбартъ отличаетъ двѣ главныя формы производства: 1) единоличное (индивидуальное) производство и 2) совмѣстное (общественное) производство.

Къ единоличному производству относятся: 1) единоличное производство въ мелкихъ размѣрахъ, каковымъ зачастую является трудъ панихъ ремесленниковъ — саножниковъ, швей или, напримѣръ, сѣверныхъ охотниковъ-одиночекъ. Къ единоличному же производству (хотя это и не совсѣмъ правильно) относятъ — 2) единоличное производство въ крупныхъ размѣрахъ. Въ этомъ случаѣ подъ однимъ общимъ руководствомъ работаютъ нѣсколько лицъ, но между ними нѣтъ раздѣленія труда и каждый изъ нихъ работаетъ совершенно независимо отъ другого. Таковы, напримѣръ, рабочіе малярнаго производства. 3) Семейное производство, гдѣ весь главный трудъ лежитъ на одномъ человѣкѣ, которому только слегка помогаютъ жена и дѣти, опять-таки относится къ единоличному производству и 4) къ единоличному же производству относится производство съ помощниками, если только послѣдніе заняты какимъ-либо второстепеннымъ трудомъ. Таково, напримѣръ, производство кузнеца, вмѣстѣ съ которымъ заняты все-таки молотобоецъ и раздувающий мѣхи мальчишъ. Весь главный трудъ, трудъ кузнечный, падаетъ въ этомъ случаѣ на одного кузнеца.

Къ совмѣстному (общественному, по словамъ В. Зомбарта) виду производства принадлежит 1) расширенное производство съ помощниками, когда послѣдніе работаютъ уже самостоятельно и когда главный работникъ удѣляетъ часть времени надзору за работой своихъ помощниковъ. 2) Далѣе указывается на общественное производство въ мелкихъ размѣрахъ, когда, какъ и въ первомъ случаѣ, не все время руководителя посвящено надзору за другими работающими, но когда между послѣдними замѣчается постоянное стойкое раздѣленіе труда. 3) Третьей формой совмѣстнаго производства является мануфактура. Мануфактурой въ политической экономіи называется такое производство, которымъ занято много рабочихъ, при которомъ наблюдается полное техническое раздѣленіе труда, а надматривающій за работой самъ уже не работаетъ. Надо еще помнить, что въ мануфактурахъ нѣтъ машинъ и вся работа является ручной. Въ нѣкоторыхъ, далеко не частыхъ случаяхъ, отъ рабочихъ мануфактуръ требуется личное творчество, вкусъ. Въ этихъ случаяхъ машина не можетъ войти въ мануфактуру и не превратить ее въ фабрику. Таковы, напримѣръ, работы по формовкѣ и окраскѣ посуды, рѣзьба по дереву и по кости и пр.

4) Фабрика тоже является совмѣстнымъ (общественнымъ) крупнымъ производствомъ и отличается отъ мануфактуры тѣмъ, что въ ней господствуетъ дѣятельность машинъ или аппаратовъ почти что независимая отъ творческой дѣятельности человѣка (господствуетъ бездушная автоматическая дѣятельность машинъ и аппаратовъ). На фабрикѣ — много рабочихъ, полное раздѣленіе труда, надзоръ отдѣленъ отъ работы.

КРУПНОЕ, СРЕДНЕЕ И МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Встрѣчаются настойчивыя указанія, что крупныя предприятия предприятия, владѣющія большими орудіями труда и обслуживаемыя многочисленными рабочими, выгоднѣе менѣе крупныхъ предприятий, что крупное производство выгоднѣе мелкаго. 1) Очень выгодной считается возможность большого раздѣленія труда въ крупныхъ предприятияхъ. 2) Широкое примѣненіе простаго сотрудничества даетъ крупнымъ предприятиямъ преимущество надъ мелкими. 3) Получаются сбереженія при постройкѣ громадныхъ промышленныхъ заведеній при ихъ отопленіи и освѣщеніи. 4) При крупномъ производствѣ примѣняются болѣе дорогія, особо повышающія производительность труда, орудія труда. 5) Получаются сбереженія при оптовой покупкѣ матеріаловъ и устраняется болѣе выгодный сбытъ издѣлій. 6) Крупныя предприятия получаютъ болѣе льготную ссуду и болѣе льготный кредитъ. 7) Крупныя предприятия приглашаютъ на службу лучшихъ специалистовъ.

Необходимо отмѣтить, что только что отмѣченныя выгоды крупнаго производства далеко не такъ значительны, какъ это обычно думаютъ, и мы видимъ, что число среднихъ предприятий вовсе не уменьшается, а въ нѣкоторыхъ странахъ даже увеличивалось.

1) Раздѣленіе труда мыслимо и при среднемъ производствѣ, да оно, какъ мы знаемъ, далеко не такъ сильно повышаетъ производительность труда, какъ это обычно говорятъ. 2) Выгоды простаго сотрудничества почти что не замѣтны въ наше время, благодаря тому, что въ крупномъ производствѣ господствуетъ наемный трудъ. При наемномъ трудѣ это сотрудничество даетъ плохихъ рабочихъ, старающихся работать очень лѣнливо. Предприниматели должны вводить строгій надзоръ, грозить увольненіями, выдавать наградныя (преміи), штрафовать для того, чтобы заставить сообща съ другими работающаго наемника старательно работать. 3) Увеличеніе промышленнаго зданія выгодно только до извѣстныхъ предѣловъ. Издержки на топливо, разъ только оно покупается оптомъ, одинаковы для крупныхъ и среднихъ предприятий. Со времени введенія газоваго и электрическаго освѣщенія не приходится уже говорить о преимуществахъ крупнаго производства въ дѣлѣ освѣщенія мастерскихъ, даже по сравненію со значительно менѣе крупнымъ производствомъ. 4) Говоря о выгодности большихъ машинъ, надо помнить, что существуетъ и техническій и экономическій предѣлъ такого увеличенія. Среднія предприятия пользуются, закупая свои машины, послѣднимъ словомъ техники и отнюдь не работаютъ устарѣлыми механизмами. Очень невыгодны дорогія машины каждый разъ, какъ спросъ потребителей заставляетъ переменить ихъ на другія. Передача электрической, а частью и паровой силы на разстояніе сравниваютъ крупное производство въ дѣлѣ пользованія машинами, не только со среднимъ, но и съ мелкимъ. 5-6) Здѣсь надо указать на то, что преимущества при покупкѣ средствъ производства, равно какъ и преимущества при

сбытъ товаровъ, играютъ серьезную роль только тогда, когда крупное производство сравнивается съ черезчуръ уже мелкимъ производствомъ — съ производствомъ кустаря или ремесленника, зачастую попадающихъ къ тому же въ кабалу къ торговцамъ матеріалами и къ скупщикамъ издѣлій. 7-8) Среднее производство располагаетъ въ наше время такими же условіями кредита (ссуды) и такими же умѣлыми техниками, какъ и производство крупное.

Въ художественномъ ремеслѣ, при починкѣ издѣлій, въ промыслахъ, близкихъ къ личнымъ услугамъ (цирюльники, парикмахеры, полотеры и пр.) крупное производство не только не имѣетъ преимущества передъ мелкимъ, но и уступаетъ послѣднему.

Очень часто наблюдается мелкое производство при системѣ такъ называемой домашней промышленности.

Но и этого мало. По словамъ К. Бюхера, нѣкоторыя ремесла исчезли всецѣло или отчасти, но крупныя, «дѣйствительно сильныя городскія ремесла, существовавшія къ концу 18-го столѣтія и въ настоящее время по числу предпріятій и занятыхъ въ нихъ рабочихъ оказываются ничуть не въ худшемъ положеніи, чѣмъ тогда». А П. А. Кропоткинъ говоритъ, что «мелкое производство не убито и не можетъ быть убито: оно, какъ Протей*), постоянно мѣняетъ свой видъ».

*) Протей — такъ назывался въ старинныхъ греческихъ сказкахъ (мифахъ) морской богъ-оборотень, постоянно мѣнявшій свою наружность.

Хозяйство.

Цѣль всякаго производства, это — приготовленіе издѣлій (продуктовъ).

Въ томъ случаѣ, когда мы задаемся вопросомъ, для чего и для кого приготовляются эти издѣлія (продукты) — для самихъ работниковъ, для удовлетворенія ихъ потребностей или для удовлетворенія потребностей другихъ лицъ, — мы говоримъ о хозяйствѣ.

Хозяйства дѣлятся на два главные отдѣла — на дружескія хозяйства и на хозяйства вражескія (гармоническія и антагонистическія, какъ ихъ называлъ проф. Туганъ-Барановскій).

Въ дружескихъ хозяйствахъ сами работники-производители — владѣютъ средствами производства и сами же рѣшаютъ, какіе продукты и въ какомъ количествѣ надо произвести.

Во вражескихъ хозяйствахъ средства производства принадлежатъ лицамъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ трудѣ. Эти лица, а не сами работники производители, рѣшаютъ, что и въ какомъ количествѣ надо произвести.

Дружескія хозяйства имѣютъ одну цѣль — удовлетвореніе потребностей работниковъ-производителей. Вражескія хозяйства имѣютъ цѣлью удовлетворять потребности не работающихъ, но владѣющихъ средствами производства лицъ. Потребности рабочихъ-производителей удовлетворяются въ этихъ хозяйствахъ лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы они могли или соглашались работать.

Въ обоихъ случаяхъ въ хозяйствахъ могутъ выдѣлываться издѣлія (продукты), непригодныя въ качествѣ предметовъ потребления для непосредственнаго удовлетворенія потребностей тѣхъ или другихъ членовъ хозяйства: во многихъ случаяхъ готовятся продукты, которые можно обмѣнять на такіе предметы потребления. Въ наше время издѣлія (продукты) зачастую продаются и на вырученныя деньги покупаются предметы прямого и воспроизводительнаго потребленія.

Къ разряду дружескихъ хозяйствъ относятся: 1) семейное производство для собственнаго потребленія производителей, 2) работающее на обмѣнъ хозяйство мелкихъ самостоятельныхъ (не наемныхъ) производителей, 3) будущее социалистическое хозяйство.

Къ разряду вражескихъ хозяйствъ относятся: 1) рабское хозяйство, 2) крѣпостническое и 3) капиталистическое хозяйства.

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ очень старыя времена не только отдѣльныя семьи, но и цѣлые рода вели свое общее хозяйство съ исключительной цѣлью удовлетворить потребности всѣхъ своихъ членовъ. Въ тѣ времена чело-

вѣкъ, превосходи другихъ силою или умомъ, не извлекалъ изъ этого выгоды только для себя одного, а работалъ на всѣхъ, и всѣ въ свою очередь работали для всѣхъ и для себя, конечно.

Такъ жили люди, когда человекъ не строилъ еще своего благосостоянія на трудѣ и счастіи своихъ ближнихъ и, быть можетъ, отъ того времени сохранились преданія о золотомъ вѣкѣ, вѣкѣ всеобщаго равенства и счастья.

Въ то время все принадлежало всѣмъ и каждому.

Даже тогда, когда населеніе стало жить осѣдло, большими скопленіями, земля принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а всей общинѣ, всему роду.

Въ связи съ общимъ трудомъ наблюдались общіе обѣды и общія жилища. Десятки и сотни лицъ обѣдали вмѣстѣ, сотни лицъ жили въ одномъ домѣ и пр. До послѣдняго времени сохранились кое-гдѣ такія постройки. Въ сѣверо-западной Америкѣ у гойдовъ острововъ Шарлоты, у копкильтовъ Ванкувера имѣются помѣщенія для 200—300 человекъ, а у народа Нутка даже для 800 душъ. Очень еще недавно у майевъ каждое поселеніе обрабатывало свое поле сообща, жатву сохраняли въ одномъ общинномъ амбарѣ, пища готовилась въ кухнѣ и затѣмъ распределялась между отдѣльными семействами». Въ Сиера Леоне, опять-таки очень недавно, поля обрабатывались сообща, причемъ каждая семья получала столько жатвы, сколько ей было надо.

То же мы видимъ у охотничьихъ и рыболовныхъ народовъ: у команчей мясо убитаго животнаго дѣлилось между всѣмъ племенемъ. Въ поселеніяхъ американскихъ эскимосовъ весь наличный запасъ пищи и утвари считается общимъ достояніемъ: пока въ лагерѣ есть хоть одинъ кусокъ мяса, онъ считается общей собственностью и, при дѣлѣжѣ, имъ надѣляютъ каждого, особенно бездѣтныхъ стариковъ, вдовъ и больныхъ.

Характерны слѣдующія слова австраійскаго вождя Югана, сказанныя имъ въ 1843 году: — «мои дикіе черные товарищи не знаютъ и не понимаютъ вашихъ законовъ. Всякій звѣрь, бѣгающій по землѣ, каждый корень, который растетъ на нашей почвѣ, составляютъ общее достояніе. Черный человекъ считаетъ своей личной собственностью только свою одежду, оружіе и имя, которое онъ носитъ». «Продавать землю», говорилъ вождь шавановъ Текумзе, «отчего же не продавать воздуха, облаковъ, широкаго моря».

Даже одежда считалась у нѣкоторыхъ племенъ собственностью человека только до тѣхъ поръ, пока она была одѣта на немъ.

На островахъ Самоа все, чѣмъ владѣлъ каждый, принадлежало всѣмъ и нуждавшійся самоанецъ бралъ платье, хлѣбъ, деньги, орудія и, въ свою очередь, былъ обязанъ давать другимъ все, въ чемъ они нуждались. Желавшій могъ перейти въ любую хижину кого-либо изъ членовъ его племени и жить тамъ, пользуясь платьемъ и пищей. Подъ страхомъ всеобщаго презрѣнія, нельзя было сказать ни слова противъ такого поступка. У самоанцевъ не было зажиточныхъ людей,

но не было и бѣдняковъ: больные, увѣченные и старики всегда имѣли жилище, пищу и одежду.

Насиліе, нападеніе разрушило эти общины, исчезъ общій трудъ, общее имущество. Наступили времена рабства, крѣпостничества, наемничества. Только въ отдѣльныхъ семействахъ сохраняется кое-гдѣ, и то не всегда, общность имущества.

Примѣромъ семейнаго производства для собственнаго потребленія производителей можетъ служить въ наше время крестьянское семейство, а примѣромъ работающаго на обмѣнъ хозяйства самостоятельныхъ производителей — семейство ремесленниковъ. Впрочемъ и у этихъ лицъ отбирается часть продуктовъ ихъ труда въ пользу другихъ лицъ. Отбираются эти издѣлія (продукты), главнымъ образомъ, чиновниками государства и этотъ насильственный грабежъ носить названіе взиманія податей. О другихъ способахъ обирания крестьянъ и ремесленниковъ будетъ сказано въ главѣ «Наше общество».

Въ концѣ книги будетъ сказано о социалистическомъ хозяйствѣ.

РАБСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Въ дружескихъ хозяйствахъ продуктъ труда одного лица поступалъ въ пользованіе всѣхъ членовъ хозяйства, хотя бы и такого большого, какъ родовое хозяйство. Въ хозяйствахъ же враждебныхъ продуктъ, произведенный трудомъ многихъ рабочихъ — рабовъ, крѣпостныхъ, наемниковъ — поступаетъ въ собственность одного лица и нерѣдко того, кто не принималъ въ трудѣ никакого участія.

Изъ вражескихъ хозяйствъ остановимся прежде всего на рабскомъ или точнѣе на рабовладѣльческомъ хозяйствѣ.

Рабы, это — люди, подчиненные другимъ людямъ, «господамъ», которые дѣлаютъ съ ними, что угодно, и обыкновенно заставляютъ работать въ свою пользу.

Съ рабами обращались во многихъ случаяхъ очень жестоко; въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ мягко, но всегда съ отбѣнкомъ суровости, необходимымъ, разъ надо заставлять людей работать на другихъ лицъ. Рабство явилось прямымъ слѣдствіемъ насилія. Нападая на человѣка или защищаясь отъ него, человѣкъ убивалъ человѣка, иногда отбиралъ у убитаго то, что ему нравилось, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мучимый голодомъ, иногда и съѣдалъ убитаго. Здѣсь власть сильнѣйшаго проявлялась въ грубомъ, не прикрашенномъ разными законами видѣ. Впослѣдствіи, главнымъ образомъ, съ переходомъ отъ охоты къ скотоводству, въ раненыхъ и плѣнныхъ видѣли не столько лицъ, которыя могутъ впослѣдствіи напасть на побѣдителей, сколько рабочихъ, обезоруживъ которыхъ и поставивъ подъ надзоръ, можно было жить за счетъ ихъ труда. Очень возможно, что первыми рабами были женщины, какъ таковыя, начавшія позднее носить дѣтей и тяжести.

Давая побѣжденному изъ имъ же выработанныхъ издѣлій (продуктовъ) столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду и могъ работать,

всѣ остальные издѣлія (продукты) рабскаго труда побѣдителей, далѣе и его послѣдники, присваивали себѣ.

Сначала рабами дѣлали плѣнниковъ, потомъ и потомковъ плѣнниковъ. Затѣмъ стали охотиться и за свободными людьми, обращая ихъ въ рабство не во время войны, а во время набѣга для захвата рабовъ.. Такая охота, существовавшая еще на нашей памяти, обезлюдила нѣкоторыя мѣстности Африки. Рабовладѣльцы, въ число которыхъ входили и правители, издали нѣсколько законовъ, благодаря которымъ свободные граждане обращались въ рабство. Такъ, напримѣръ, въ рабство обращались несостоятельные должники, разные преступники, лица, не придерживающіеся взглядовъ господствующей религіи и пр. Ростовщичество постоянно вело за собою обращеніе въ рабство. На нашей же памяти въ Суданѣ, съ появленіемъ хозяйствъ, работающих на продажу, появилось и ростовщичество, причѣмъ несостоятельные должники дѣлались рабами.

Иногда богачи захватывали своихъ свободныхъ согражданъ въ рабство простою силою. Послѣ перваго возстанія египетскихъ рабовъ римскіе богачи толпами (массаами) обращали въ рабство пастуховъ и другихъ свободныхъ работниковъ.

Очень часто рабовладѣлецъ имѣлъ прямое или замаскированное «право» жизни и смерти надъ своими рабами. Рабъ не имѣлъ правъ. Онъ былъ домашнимъ животнымъ, вещью, которую собственникъ могъ продать, уничтожить, а такъ какъ рабъ былъ живой вещью, то раба можно было мучить для поддержанія повиновенія среди рабовъ или просто для удовольствія звѣря-рабовладѣльца.

Дѣло дошло до того, что тѣ же римляне вооружали рабовъ, обучали ихъ драться съ оружіемъ въ рукахъ и заставляли для своей забавы убивать другъ друга, причѣмъ господа держали пари за побѣдителя. Гастрономы, т. е. люди, любившіе вкусно поѣсть, и, разумѣется, богатые, откармливали въ своихъ пудахъ рыбъ рабами-людьми, такъ какъ разжирѣвшія на человѣческомъ мясѣ рыбы казались имъ вкуснѣе обыкновенныхъ. При этомъ рабовъ связывали и живыми бросали на съѣденіе рыбамъ. Строптивыхъ рабовъ распинали на крестахъ или поддѣвали на вилы и оставляли умирать на вилахъ мучительной смертью.

Рабы выполняли всевозможную работу: въ громаднхъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ производилось все нужное для членовъ такихъ хозяйствъ, а, главнымъ образомъ, для утопавшихъ въ роскоши рабовладѣльцевъ.

Рабы были земледѣльцами, пастухами, всевозможными ремесленниками, они работали въ рудникахъ и въ каменоломняхъ, были чернорабочими, прислугой, тѣлохранителями, учителями, врачами, актерами, борцами, на смерть дравшимися другъ съ другомъ и съ дикими звѣрями, причѣмъ господа старались устроить такъ, чтобы звѣри растерзали рабовъ. Рабыни зачастую обращались своими всегда подлыми господами въ проститутки.

Всякое понятие о справедливости было утрачено господами, жившими продуктами рабского труда. Сами рабы были и умственно и нравственно развитѣ своихъ господъ.

Благодаря рабскому труду, свободные ремесленники не были многочисленны въ древней Греціи и Римѣ. Многие изъ нихъ, не имѣя возможности достать работу, бросали ремесло и поступали въ войска, служившія оплотомъ противъ возмущенія рабовъ.

Условія, при которыхъ работали хотя бы римскіе рабы, были ужасны. Не говоря о грубой, едва съѣдобной пищѣ, они клеймились, какъ скоть, и жили хуже скота. Въ Сициліи, да и въ другихъ мѣстностяхъ, они работали цѣлый день съ цѣпями на ногахъ, а на ночь запирались въ общія помѣщенія, похожія на самыя страшныя темницы, обыкновенно полуподземныя, съ маленькими высоко расположенными окошками. Даже среди римлянъ — этихъ людей съ «волчьими сердцами» — находились писатели, говорившіе о великихъ страданіяхъ рабовъ. Не менѣе, а зачастую еще болѣе горькой, была судьба рабынь.

Рабскій трудъ былъ страшно тяжелъ. Рабы-земледѣльцы трудились съ ранняго утра и до заката солнца. Длинень былъ рабочий день и раба-ремесленника: недаромъ Катонъ Старшій говорилъ: — «рабъ долженъ или работать, или спать». Жить рабу не полагалось, какъ и въ наше время не полагается имѣть свободное время для жизни рабочимъ нѣкоторыхъ промысловъ.

Замѣтимъ, впрочемъ, что римляне, подмѣтивъ, что рабы охотнѣе и успѣшнѣе трудятся, если отдыхаютъ одинъ день въ недѣлю, на седьмой день освобождали ихъ отъ работы.

Понятно, что сколько рабовъ, столько и враговъ было у рабовладѣльческаго общества. Понятно, что рабы не разъ пытались освободиться и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда у нихъ мелькала надежда на возможность освободиться, они поднимали грозныя возстанія. А рабы Македоніи и Пергамскаго царства возстали, стремясь устроить государство, основанное на свободѣ и равенствѣ — «царство гражданъ солнца».

КРѢПОСТНИЧЕСТВО.

О крѣпостничествѣ свѣжи еще воспоминанія у русскихъ рабочихъ. При крѣпостничествѣ землевладѣлецъ, помѣщикъ (феодалъ) имѣлъ право на трудъ землепашца, который, отработавъ на своего господина, уплативъ ему разныя повинности за ту землю, которую пахалъ для себя, считался все же человѣкомъ, членомъ государства, а не вещью, какъ рабъ.

Но, въ дѣйствительной жизни, очень во многихъ случаяхъ и мѣстностяхъ крѣпостные крестьяне почти что не отличались отъ рабовъ или вовсе не отличались отъ нихъ. Ихъ мучили, истязали, пытали крѣпостники. Только прямое убійство крѣпостнаго практиковалось много рѣже, чѣмъ убійство раба.

Господа устранивали себѣ гаремы изъ закрѣпощенныхъ женщинъ, а бывали и такіе изъ нихъ, которые заставляли матерей кормить грудью борзыхъ щенятъ. Помѣщики, опираясь, конечно, на распоряженія и военную силу правительства, — у насъ — на военную силу царей, — заставляли крестьянъ работать на себя всевозможную работу — не только сельско-хозяйственную, но и всякую ремесленную работу. Даже «своихъ» актеровъ, музыкантовъ, художниковъ, актрисъ имѣли эти господа въ числѣ своихъ крѣпостныхъ.

Въ другихъ случаяхъ крестьянъ заставляли добывать деньги, гдѣ и какъ они хотѣли и эти деньги приносить господамъ.

Отказывающихся работать и добывать для господъ деньги, — господа пытали.

Два съ половиной столѣтія грабили и мучили своихъ крѣпостныхъ крестьянъ русскіе помѣщики, а правительство всячески поддерживало этихъ господъ. Наши императрицы и императоры, подѣ страхомъ каторги, запрещали крестьянамъ жаловаться на безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ.

Путемъ грубѣйшаго государственнаго насилія, опираясь на войска и полицію и судей, закрѣпостило правительство и дворяне мужиковъ. Три раза при Иванѣ Болотниковѣ, при Степанѣ Разинѣ и Емельянѣ Пугачевѣ поднимали крестьяне возстанія противъ своихъ лиходѣевъ, но правительство въ крови топило народный гнѣвъ и, побѣдивъ крестьянъ, жестокими казнями и мученіями внушало имъ мысль о необходимости терпѣть страданія для того, чтобы разжирѣвшіе дармоѣды-помѣщики могли вести разгульную безнравственную жизнь.

Но никогда не прекращался мелкія возстанія крестьянъ, захватывавшія небольшія пространства, никогда не прекращалось примѣнявшееся ими запугиваніе помѣщиковъ и мелкаго начальства (мелкій и крупный терроръ) и правительство, боясь новаго болѣе грознаго, чѣмъ старыя возстанія, рѣшилось освободить крестьянъ, ограбивъ у нихъ въ пользу палачей-помѣщиковъ значительное количество обрабатывавшейся крѣпостными земли и вовсе не давъ земли крѣпостнымъ ремесленникамъ, артистамъ, прислугѣ.

Крѣпостные крестьяне, какъ и рабы, работали въ крѣпостническомъ полунатуральномъ *), почти что не работающемъ для продажи хозяйствъ такъ непродуцательно, какъ только можно работать для выгодъ чужихъ дармоѣдовъ, но тѣмъ не менѣе помѣщики ухитрялись отнять у крѣпостныхъ очень многое, стригли ихъ, по выра-

*) Натуральнымъ хозяйствомъ называется такое хозяйство, гдѣ все нужное готовится въ самомъ хозяйствѣ, а не покупается на сторонѣ. Такъ, напримѣръ, въ старину были такія крестьянскія хозяйства, которыя приготовляли для себя и пищу, и одежду, и жилище, и сохи, и бороны — и все остальное, кромѣ одной только соли и желѣза.

женію Посошкова, яко овець и оставля имъ возможность полунищенскаго существованія, дѣлились награбленной добычей съ правительствомъ, состоявшемъ на верхахъ изъ тѣхъ же помѣщиковъ, а на низахъ изъ болѣе мелкихъ паразитовъ, живущихъ на подати, взысканныя съ трудящагося населенія, старающихся угнетать его.

Капиталистическое хозяйство.

Въ капиталистическомъ хозяйствѣ мы встрѣчаемся съ капиталистами и рабочими. Капиталистами называются собственники капитала, а капиталомъ называются средства производства и предметы потребленія, принадлежащія лицамъ, извлекающимъ, благодаря владѣнію этими средствами и предметами, доходъ изъ труда людей, не имѣющихъ средствъ производства и предметовъ потребленія.

Въ настоящее время капиталисты обираютъ (эксплуатируютъ) тѣхъ людей, которые нуждаются въ ихъ капиталѣ или въ деньгахъ, на которые можно купить или нанять капиталъ или средства существованія.

Капиталомъ называются деньги, даваемые въ займы за проценты; это будетъ ссудный или ростовнический капиталъ.

Сдаваемые въ наемъ предметы потребленія — мебель, дома и пр., тоже приносятъ доходъ ихъ владѣльцамъ и называются прокатнымъ капиталомъ.

Предметы прямого и воспроизводительнаго потребленія, которыми торгуютъ нанимающіе приказчиковъ купцы, называются торговымъ капиталомъ, причемъ къ этому капиталу принадлежатъ и всѣ нужные при торговлѣ предметы — помѣщенія, склады, лари, шкафы, прилавки, вѣсы и пр.

Перевозочныя средства, разъ они не принадлежатъ трудящимся лицамъ и приносятъ доходъ капиталистамъ, опять-таки являются капиталомъ. Средства производства и существованія, принадлежащія владѣльцамъ промышленныхъ предпріятій, а также и владѣльцамъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, называются предпринимательскимъ (промышленнымъ) капиталомъ или просто капиталомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Земля и другіе источники сырыхъ матеріаловъ, разъ они не принадлежатъ трудящимся на нихъ и въ нихъ лицамъ, а принадлежатъ лицамъ, сдающимъ ихъ въ аренду или обрабатывающимъ руками наемниковъ, опять-таки являются капиталомъ. Этотъ капиталъ отличается, впрочемъ, отъ первыхъ видовъ капитала тѣмъ, что онъ не произведенъ трудомъ людей. Но, такъ какъ земля и источники сырыхъ матеріаловъ, ставъ собственностью отдѣльныхъ лицъ, даютъ послѣднимъ возможность обирать (эксплуатировать) работающихъ людей, (и такъ какъ въ средствахъ производства и въ предметахъ потребленія, входящихъ въ составъ перечисленныхъ видовъ капитала, тоже имѣется не произведенное людьми вещество), то про землю и другіе источники сырыхъ матеріаловъ тоже можно сказать, что они являются капиталомъ.

Во всѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы средствъ производства и предметовъ потребленія (средствъ существованія) или владѣльцы

земли и источниковъ сырыхъ матеріаловъ имѣютъ, благодаря такому владѣнію, возможность обрать (эксплуатировать) трудящихся и получать доходъ, не трудясь лично (или получать доходъ, вовсе не соотвѣтствующій ихъ трудовымъ усиліямъ), мы имѣемъ дѣло съ капиталистами, съ владѣльцами капиталовъ разныхъ видовъ.

Ссудный и прокатный капиталы могутъ ссужаться и сдаваться въ наемъ не для производства, а для прямого потребленія, но такъ какъ капиталисты получаютъ свои капиталы или ихъ стоимость съ барышемъ, то сдаваемые въ наемъ или даваемые въ ссуду предметы или деньги надо считать капиталами.

Торговый и перевозочный капиталъ по существу ничѣмъ не отличается отъ предпринимательскаго (промышленнаго) капитала. Правда, въ торговыхъ и перевозочныхъ (транспортныхъ) предпріятіяхъ не производятся новыя издѣлія (продукты), но зато продукты доставляются потребителямъ, что такъ же важно, какъ и переработка матеріаловъ.

Одинъ и тотъ же предметъ можетъ принадлежать то къ одному, то къ другому виду капиталовъ. Такъ, напримѣръ, зданіе можетъ быть частью предпринимательскаго капитала, разъ въ немъ помѣщена фабрика, то же зданіе можетъ быть прокатнымъ капиталомъ, разъ оно сдается подъ квартиры. Оно можетъ быть частью торговаго капитала, если владѣлецъ торгуетъ домами или имѣетъ въ немъ свой магазинъ.

Такое зданіе можетъ быть простымъ предметомъ потребленія, если въ немъ живетъ его владѣлецъ.

Деньги могутъ превращаться въ любой изъ перечисленныхъ капиталовъ, такъ какъ на нихъ могутъ быть куплены составляющіе капиталъ предметы. Отдаваемые въ ссуду деньги сами являются ссуднымъ капиталомъ.

Говоря о промышленномъ, предпринимательскомъ капиталѣ, укажемъ, что онъ состоитъ изъ средствъ производства и изъ денегъ, которыя выдаются рабочимъ, какъ заработная плата, и на которыя рабочіе покупаютъ и нанимаютъ средства существованія. Эта заработная плата составляетъ небольшую часть стоимости выработанныхъ наемными рабочими издѣлій (продуктовъ), каковыя продукты становятся въ капиталистическомъ хозяйствѣ собственностью капиталиста.

Продавъ эти издѣлія (продукты), капиталистъ снова покупаетъ потребленные средства производства, а иногда приобрѣтаетъ ихъ въ большемъ, чѣмъ прежде, размѣрѣ; часть вырученныхъ продажей денегъ идетъ тѣмъ лицамъ, съ которыми капиталистъ обязанъ дѣлиться своимъ доходомъ (правителямъ, банкирамъ и пр.), часть отдается рабочимъ, а часть тратится на удовлетвореніе потребностей капиталиста и такъ или иначе близкихъ къ нему людей.

Для того, чтобы могло появиться капиталистическое хозяйство, необходимо, чтобы налицо имѣлись люди, желающіе работать по найму, т. е. люди, не имѣющіе своихъ средствъ производства или

имѣющіе ихъ въ маломъ количествѣ, не имѣющіе предметовъ потребления, не могущіе, другими словами, работать на себя, почему волей неволей и соглашаются работать по найму капиталистовъ-предпринимателей. Понятно, что эти рабочіе вырабатываютъ продукты, стоящіе гораздо больше, чѣмъ та сумма, которую они получаютъ, какъ заработную плату.

Все сказанное о промышленномъ капиталѣ относится и къ перевозочному (транспортному) капиталу.

Промышленный, торговый и перевозочный капиталы состоятъ изъ слѣдующихъ частей: — 1) Зданія и сооруженія, нужныя при проявленіи труда — таковы зданія мастерскихъ, фабрикъ, заводовъ, складовъ, магазиновъ, пароходы, желѣзныя дороги. Такія средства производства, какъ оросительныя сооруженія. Всевозможные инструменты, машины, рабочій скотъ, вообще орудія труда. 2) Всевозможные матеріалы — сырые, вспомогательные, полу-фабрикаты. 3) Тѣ деньги, которыя выдаются, какъ заработная плата и на которыя покупаются средства производства и 4) Источники сырыхъ матеріаловъ и земля, которая, являясь, конечно, мѣстомъ производства, является то источникомъ сырыхъ матеріаловъ, то орудіемъ труда, то матеріаломъ.

Средства производства потребляются въ производствѣ, всѣ они теряютъ свой прежній видъ или отъ переработки или отъ изнашивания. Такимъ образомъ ихъ можно назвать измѣняемой частью капитала, (ученики Маркса называютъ ихъ постояннымъ капиталомъ).

Заработная плата какъ бы притягиваетъ къ измѣняемой части капитала рабочую силу людей (которую ошибочно считаютъ капиталомъ) и эта рабочая сила — нанятые люди — измѣняютъ первую часть капитала нужнымъ образомъ. Эту часть капитала надо называть притягивающей частью капитала, что указываетъ на сущность заработной платы, (ученики К. Маркса называютъ заработную плату переменнымъ капиталомъ).

Капиталъ дѣлится, далѣе, на основной и оборотный совершенно такъ же, какъ и средства производства съ тѣмъ, впрочемъ, добавленіемъ, что къ оборотному капиталу относятъ и заработную плату.

Безъ людскаго труда капиталъ — мертвъ. Поэтому-то и необходима заработная плата, которая притягиваетъ къ измѣняемой части капитала трудъ, производящій нужныя людямъ и болѣе дорогіе, чѣмъ потребляемые ими при производствѣ и въ производствѣ продукты. Заработная плата, это — капиталъ, съ точки зрѣнія капиталиста. Съ точки зрѣнія рабочихъ — измѣняемая часть капитала, это средства производства или никѣмъ не сдѣланныя, какъ земля, или произведенныя рабочимъ классомъ и захваченныя капиталистомъ съ цѣлью обирать (эксплуатировать) рабочихъ.

Заработная плата является, съ точки зрѣнія рабочихъ, не капиталомъ, а урѣзаннымъ доходомъ рабочихъ, которымъ они, волей неволей, довольствуются, передѣлывая за этотъ доходъ въ болѣе цѣнные издѣлія (продукты) средства производства и получая только

небольшую часть ими сработаннаго. Весь же капиталъ является, съ точки зрѣнія рабочихъ, принадлежащимъ богатымъ людямъ орудіемъ для обираія трудящихся.

Цѣль, которую преслѣдуетъ капиталистическое хозяйство, заключается въ приобрѣтеніи капиталистами большаго количества денегъ, чѣмъ то, которое было вложено ими въ производство. Для этого хозяйства совершенно не важно, кто именно будетъ потреблять произведенные продукты, лишь бы за нихъ дали капиталисту подходящую цѣну.

Прематриваясь къ капиталистическому хозяйству, мы видимъ, что количество капитала все время растетъ, видимъ, что капиталы сильно накапливаются, мы видимъ, что измѣняемая часть капитала становится все большей и большей по отношенію къ общей его суммѣ. Наряду съ этимъ, мы не замѣчаемъ уменьшенія числа капиталистовъ, уменьшенія численности капиталистическихъ хозяйствъ. Какъ число капиталистовъ, такъ и численность предпринимательскихъ хозяйствъ растетъ во всѣхъ странахъ.

Распредѣленіе.

Всѣ предметы прямого или воспроизводительнаго потребленія, всѣ необходимыя, пріятныя или полезныя людямъ вещи называются въ политической экономіи полезностями или благами, всѣ блага какой-либо страны называются ея богатствомъ. Это богатство, оцѣниваемое въ наше время на деньги, распредѣлено очень неравномѣрно. Въ Англии, напримѣръ, одинъ миллионъ богачей получаетъ изъ общаго дохода (годового) вдвое больше, чѣмъ 26 миллионъ рабочаго люда. Въ Америкѣ неравенство еще больше: 4047 богатыхъ семей владѣютъ тамъ собственностью почти въ пять разъ большей, чѣмъ 6.599.796 бѣдныхъ семей». Эти данныя приводитъ А. Р. Уоллесъ, и въ настоящее время разница между благосостояніемъ бѣдныхъ и богатыхъ еще больше.

Повсюду одно и то же: во всѣхъ странахъ имѣются богатые и бѣдные. Если мы раздѣлимъ богатство или доходъ какой-либо страны на число ея жителей, то получимъ такъ называемое среднее богатство, средній доходъ каждаго жителя этой страны. Тѣ, кто обладаютъ высшимъ чѣмъ среднее богатствомъ, или тѣ, кто получаютъ доходъ выше средняго, должны называться въ политической экономіи богатыми, а тѣ, кто получаетъ доходъ ниже средняго или обладаютъ богатствомъ, не достигающимъ средней величины, должны называться бѣдными. Бѣдныхъ гораздо больше, чѣмъ богатыхъ. Имущественная пропасть между богатыми и бѣдными чрезвычайно глубока. Во Франціи, напримѣръ, миллионы людей не имѣютъ имущества, кромѣ плохого платья, а сто человѣкъ обладаютъ каждый состояніемъ, равняющимся, въ среднемъ, 72-мъ миллионамъ франковъ (27 миллионамъ рублей).

Въ зависимости отъ того, какимъ образомъ человѣкъ получаетъ доходъ, онъ относится въ политической экономіи къ тому или другому классу общества, такъ что лица, одинаковымъ образомъ получающія свой доходъ, составляютъ отдѣльный классъ.

Можно назвать слѣдующіе главные общественные классы: — капиталисты, землевладѣльцы, наемные рабочіе, кустари, ремесленники, крестьяне, интеллигенты, военные, чиновники, лица, живущія благотворительностью, каторжане и заключенные въ тюрьмахъ, такъ называемые опасные общественные классы, живущіе недозволенными или неодобряемыми законами, хотя и менѣе опасными и менѣе вредными для общества занятіями, чѣмъ занятія капиталистовъ и правителей.

КЛАССЪ КАПИТАЛИСТОВЪ.

Классъ капиталистовъ распадается на 1) предпринимателей, 2) торговцевъ, 3) ростовщиковъ (банкировъ, финансистовъ), 4) домовладѣльцевъ и другихъ собственниковъ прокатнаго капитала, 5) землевладѣльцевъ.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ.

Классъ предпринимателей является собственникомъ промышленнаго капитала, собственникомъ средствъ производства. Этотъ классъ общества нанимаетъ рабочихъ, продаетъ выдѣлываемыя ими издѣлія (продукты) и получаетъ отъ такой дѣятельности прибыль. Прибыль капиталистовъ-предпринимателей очень велика, такъ какъ они нанимаютъ рабочихъ за очень низкую плату, такъ какъ они присваиваютъ себѣ громадную долю произведенныхъ рабочими издѣлій (продуктовъ) или громадную долю денежной стоимости этихъ издѣлій (продуктовъ).

Является, конечно, вопросъ, за что получаютъ предприниматели свою прибыль?

Мы видимъ только одно: праздный владѣлецъ ставшихъ капиталомъ средствъ производства получаетъ громадное количество произведенныхъ другими лицами издѣлій (продуктовъ), при чемъ правительство всѣми силами — полиціей, судомъ, войскомъ, чиновничествомъ защищаетъ капиталиста отъ всякой попытки рабочихъ положить конецъ такому положенію дѣлъ. Каждый рубль, который капиталистъ кладетъ въ свой карманъ, какъ излишекъ надъ среднимъ доходомъ, вытаскивается имъ изъ кармановъ бѣдняковъ.

Невѣрно, что предприниматель получаетъ прибыль, какъ жалованье за управленіе предпріятіемъ. Очень часто предпріятія управляются наемными управляющими и жалованье послѣднихъ составляетъ небольшую долю предпринимательской прибыли. Особенно замѣтно это на акціонерныхъ компаніяхъ, гдѣ капиталисты — собственники средствъ производства даже не видятъ принадлежащихъ имъ заводовъ и фабрикъ, но получаютъ отъ своихъ управляющихъ прибыль.

Безмысленно указаніе на то, что предприниматели получаютъ прибыль за то, что воздержались отъ прямого потребленія своего капитала. Во-первыхъ, капиталисты не могутъ сѣсть или износить машинъ, каменнаго угля и пр. Во-вторыхъ, гдѣ это слыхано, что за воздержаніе надо платить поддерживающимся людямъ? Допустимъ, что кто-либо воздерживается и ѣсть меньше, чѣмъ ему надо. Возможно, что онъ тяжело заболѣетъ, но изъ того, что онъ пожелаетъ воздерживаться отъ ѣды, нельзя сдѣлать вывода, что рабочіе должны работать на этого человѣка, передавая ему продукты своего труда. И во всякомъ случаѣ, если кому и приходится постоянно воздерживаться отъ

потребленія, то это рабочимъ, а не предпринимателямъ. Но рабочіе мѣднаго гроша не выдали за такое воздержаніе.

Быть экономнымъ, накапливать, сберегать, «все это значить просто умѣть наживатьъ трудомъ тѣхъ, кому ѣсть нечего», говоритъ П. А. Кропоткинъ. Въ наше время самый расточительный мотъ можетъ дѣлать громадные сбереженія, обирая рабочихъ на законнѣйшемъ основаніи, а рабочій, у котораго воруютъ его возможные сбереженія, не можетъ заняться накопленіемъ богатствъ.

Намъ говорятъ, что предприниматели берутъ прибыль за то, что даютъ рабочимъ средства производства, даютъ имъ работу. Но, такъ какъ средства производства сдѣланы рабочими, то именно они первые дали ихъ капиталистамъ, а къ тому же болѣе чѣмъ ясно, что предприниматели не даютъ, а берутъ работу рабочихъ, и мы спрашиваемъ: за что? Если отдѣльный предприниматель и рискуетъ потерять свой капиталъ, то классъ капиталистовъ ничѣмъ не рискуетъ, да къ тому же требовать прибыль потому, что человекъ рискуетъ, наживая богатство, нѣтъ основаній. Рабочіе еще болѣе рискуютъ умереть съ голода, если предпріяте, въ которомъ они заняты, лопнетъ, по вѣдь за этотъ рискъ имъ не даютъ прибыли.

Безусловное ошибочно то положеніе, что капиталисты получаютъ прибыль, какъ вознагражденіе за выгодное для всего общества устройство (организацію) производства. Производство устраивается (организуется) въ наше время выгоднымъ для нихъ, но не выгоднымъ для общегітія, а тѣмъ болѣе для создающихъ прибыль рабочихъ образомъ.

Какъ на источникъ прибыли указываютъ иной разъ на трудъ изобрѣтателей. Допустимъ на минуту, что это вѣрно. Въ такомъ случаѣ прибыль должны были получать изобрѣтатели, а они умирали по большей части въ бѣдности, на самомъ же дѣлѣ эту прибыль получаютъ никогда ничего не изобрѣтавшіе капиталисты.

Въ конечномъ счетѣ вѣрно только одно. Прибыль это — разнообразныя приготовленные трудящимся населеніемъ продукты, которые захватываются богатыми, обычно бездѣльничавшими людьми. Захватываются они потому, что такой захватъ разрѣшается и защищается правительствомъ. Обирание, «эксплуатація труда заключается въ томъ, что произведенный продуктъ достается не произведшему его работнику, не всему обществу, какъ таковому, а празднему владѣльцу средствъ производства» (капиталисту), говоритъ проф. Туганъ-Барановскій.

Надо замѣтить, что классъ капиталистовъ жадно стремится къ увеличенію своей прибыли. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она достигаетъ невѣроятной высоты, вродѣ 288 тысячъ рублей въ день или достигаетъ такой суммы, на которую могли бы безбѣдно существовать 50.000 семействъ, капиталисты продолжаютъ гнаться за нею. Это что-то вродѣ помѣшательства, такъ какъ у нихъ не хватаетъ даже воображенія на то, чтобы хоть часть такой прибыли потратить разумнымъ образомъ.

Чѣмъ больше капиталъ, обращенный на производство, тѣмъ больше и прибыль, такъ какъ въ общемъ она стремится къ тому, чтобы быть равной на каждую сотню рублей затраченнаго капитала.

Въ общемъ процентъ прибыли не уменьшается съ теченіемъ времени, а увеличивается. Исключеніе составляютъ производства, гдѣ падаютъ производительныя силы, напримѣръ, рудопромышленное дѣло, гдѣ все съ большими и большими затратами надо добывать все глубже и глубже лежащій уголь и т. п.

Замѣчая паденіе прибыли, происходящей отъ того, что отдѣльные капиталисты, стараясь сбыть свои товары, понижаютъ цѣны на нихъ, капиталисты заключаютъ союзы, соглашенія, синдикаты, тресты, и держатъ высоту прибыли на желательной для нихъ высотѣ. Въ такихъ случаяхъ они или соглашаются продавать продукты по одной цѣнѣ или все свои предпріятія подчиняютъ въ главныхъ частяхъ одному или же назначенному управленію. Получается какъ бы одно хозяйство съ многими фабриками или заводами. Соперничества капиталистовъ, пониженія цѣны съ цѣлью продать товаръ уже не наблюдается и прибыль предпринимателей не падаетъ.

РОСТОВЩИКИ.

Перейдемъ теперь къ капиталистамъ-ростовщикамъ, которыхъ величаютъ въ настоящее время болѣе вѣжливыми названіями — банкирами, финансистами. Помимо этихъ лицъ, которые занимаются тѣмъ, что даютъ за проценты подъ вѣрное обезпеченіе свои деньги, ростовщиками являются все тѣ лица, которые вносятъ свои деньги въ банки и получаютъ за нихъ проценты, или тѣ, которые накупили разныхъ правительственныхъ, приносящихъ проценты, бумагъ или купили облигаціи, — все равно, поручилось ли не поручилось за уплату по нимъ процентовъ правительству — все эти люди являются ростовщиками, а получаемые ими проценты тѣми деньгами, которыя они ни за что ни про что выжали изъ трудящихся людей. Все они такіе же обиралы (эксплуататоры), какъ и предприниматели. Эти бездѣльники ничего полезнаго не дѣлаютъ и только высасываютъ чужую кровь и потъ. Могутъ разумѣется сказать, что нѣкоторые изъ нихъ обсуждаютъ въ своихъ кабинетахъ разные способы побольше нажить денегъ, но вѣдь такая дѣятельность ничего общаго съ экономическимъ трудомъ не имѣетъ. Если они работаютъ, трудятся, то трудятся, работаютъ и воръ, взламывая замокъ запертаго шкафа.

Такъ какъ на деньги можно приобрести любой видъ капитала, то роль ростовщиковъ въ современной экономической жизни громадна. Эти архи-бездѣльники — банкиры и финансисты — являются въ наше время властелинами капиталистическаго общества и отнюдь не уступаютъ, а вѣрнѣе превосходятъ въ могуществовъ капиталистовъ-предпринимателей.

Когда люди не были такъ развращены капиталистической наживой, какъ развращены теперь, доходы этихъ капиталистовъ-ростовщиковъ считался населеніемъ презрѣннымъ доходомъ.

ТОРГОВЦЫ.

Тѣ торговцы, прикащики которыхъ покупаютъ товары и перепродаютъ ихъ по повышеннымъ цѣнамъ, въ свою очередь являются капиталистами. Ихъ доходъ — чистая прибыль, полученная на затраченный капиталъ. Разница между покупной и продажной цѣной, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по торговлѣ и расходовъ на уплату приказчикамъ и составляетъ барышъ торговца. Барышъ этотъ получается отъ того, что приказчики и другіе работающіе на торговца люди получаютъ за свой трудъ много меньше того, что имъ слѣдовало бы получить, и отъ того, что фабриканты, недоплачивая своимъ рабочимъ, сравнительно дешево могутъ продавать торговцу свои издѣлія.

ДОМОВЛАДѢЛЬЦЫ.

Часть капиталистовъ получаетъ доходъ, сдавая принадлежащіе имъ дома въ аренду. Эти господа опять не трудятся, но тѣмъ не менѣе получаютъ деньги — такъ называемую наемную, прокатную, арендную плату. Дома, (какъ и всякій другой прокатный капиталъ, напримѣръ, мебель, экипажи и пр.), сдѣланы не тѣми лицами, которыми принадлежатъ, какъ собственность, а рабочими. Ничего не дѣлая, домовладѣлецъ ежемѣсячно вынимаетъ изъ кармановъ своихъ жильцовъ ту или иную сумму денегъ и тратитъ ее такъ, какъ ему заблагоразсудится. Какъ у ростовщика, у него нѣтъ своего хозяйства: онъ получаетъ свой доходъ изъ хозяйствъ жильцовъ своего дома. Дармоѣдство этой группы бездѣльниковъ бросается въ глаза такъ же ярко, какъ и дармоѣдство ростовщиковъ.

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ.

Многія сотни милліоновъ десятинъ земли принадлежатъ крупнымъ собственникамъ. Принадлежащія имъ пространства земли настолько велики, что они не могутъ ихъ обработать своимъ личнымъ трудомъ или трудомъ своихъ семействъ. Такимъ образомъ, они вовсе не обрабатываютъ землю личнымъ трудомъ, а или сдаютъ ее по очень высокимъ цѣнамъ земленашцамъ, или обрабатываютъ ее наемнымъ трудомъ.

Доходъ этихъ неработающихъ людей является слѣдствіемъ простаго обирания (эксплуатаціи) земленашцевъ-арендаторовъ и наемниковъ-батраковъ.

«Владѣніе землею неработающими на ней,—говоритъ Л. Т. Толстой,—н еимѣетъ оправданія потому, что земля, какъ вода, воздухъ, солнечные лучи, — составляетъ необходимое условіе жизни каждаго человѣка и потому не можетъ быть исключительной собственностью одного»... «такъ что то, что называется правомъ на собственность земли, есть только насиліе надъ всѣми тѣми людьми, которые могутъ нуждаться въ этой землѣ. Право на землю, подобно праву на дорогу,

которую захватили разбойники и по которой не пропускают людей безъ выкупа».

Какъ и всѣ капиталисты, силой правительствъ отстаивая возможность обирать земленащцевъ, крупные землевладѣльцы на чужомъ трудѣ, на чужомъ горѣ строятъ свое благосостояніе.

Въ Россіи землевладѣльцы или сдаютъ свои земли въ аренду или устраиваютъ батрацкія хозяйства, но въ этихъ случаяхъ ихъ хозяйства ведутся изъ рукъ вонъ плохо, хуже, чѣмъ хозяйства западноевропейскихъ и американскихъ помѣщиковъ. Тѣмъ не менѣе хозяйства послѣднихъ отнюдь не отличаются большей производительностью, чѣмъ хозяйства крестьянъ, личнымъ трудомъ обрабатывающихъ свои небольшіе участки земли. Крупныя хозяйства понемногу, но все-же уступаютъ мѣсто хозяйствамъ мелкимъ трудовымъ.

Когда имѣніе крупнаго землевладѣльца обрабатывается трудомъ наемныхъ рабочихъ, доходъ собственниковъ земли называется прибылью. Когда землевладѣлецъ сдаетъ землю въ аренду, его доходъ называется арендной платой. Земля бываетъ разнаго плодородія. Тотъ излишекъ дохода, который получается отъ болѣе обильной жатвы съ болѣе плодороднаго, чѣмъ обычный, участка земли, называется рентой. Обычнымъ по плодородію участкомъ называется въ этомъ случаѣ участокъ, который, при обработкѣ трудомъ наемныхъ рабочихъ даетъ землевладѣльцу обычную прибыль.

Сдавая землю въ аренду, землевладѣлецъ всегда отбираетъ ренту отъ арендатора, а зачастую беретъ съ нихъ за право работать и добывать людямъ необходимый хлѣбъ такъ много, что имъ остается меньшая сумма денегъ, чѣмъ та, которую они получили бы, работая по найму.

УМСТВЕННОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИСТОВЪ.

Не только безполезный, но и вредный для общежитія классъ капиталистовъ не отличается высокимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ. Это просто сборище дармоедовъ, отъ котораго какъ можно скорѣе надо избавиться человѣчеству.

Крупные землевладѣльцы нашего времени, особенно тѣ изъ нихъ, земля которыхъ перешла имъ по наслѣдству отъ предковъ, эти дѣти вчерашнихъ рабовладѣльцевъ, отнимающіе сегодня у труженика половину послѣдней краюшки хлѣба, не отличаются, разумѣется, высокимъ нравственнымъ уровнемъ. Такъ какъ изъ рядовъ этихъ лицъ выходили всевозможные правители, такъ какъ послѣднимъ надо было получать образованіе для того, чтобы держать въ повиновеніи массы бѣдняковъ, то въ средѣ этого класса общества не такъ уже рѣдко встрѣчаются образованные люди. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, имъ быть настолько умственно тупыми, что грабежъ, которымъ они заняты, кажется имъ чуть ли не похвальнымъ дѣломъ.

Всѣ капиталисты, весь этотъ классъ людей, обирающихъ тру-

довое население (классъ эксплуататоровъ) самымъ способомъ добыванія своего дохода не трудомъ, а грабежемъ, былъ обреченъ на нравственное вырожденіе и дѣйствительно этотъ классъ нравственно выродился. Ему присуще постоянное злодѣйство-любоудство и онъ охотно мирится съ такимъ занятіемъ. Нравственность этихъ лицъ оправдываетъ высасываніе пота, крови и жизни изъ рабочихъ; ихъ нравственность позволяетъ имъ жить за чужой счетъ. Всѣ они корыстолюбивы и себялюбивы (эгоистичны). Живущіе на чужой счетъ капиталисты-дармоѣды вырождаются и умственно и нравственно. Тѣлесно (физически) они зачастую здоровы, такъ какъ хорошо питаются и, вообще говоря, живутъ въ очень хорошихъ имущественныхъ (матеріальныхъ) условіяхъ, но бездѣлье заставляетъ ихъ искать полноты жизни въ удовлетвореніи животныхъ страстей. Они быстро дѣлаются неспособными ни на умственный, ни на нравственный подвигъ. Стремленіе къ обогащенію на счетъ другихъ еще пагубнѣе вліяетъ на богачей, чѣмъ бездѣлье. Особенно замѣтно пагубное вліяніе этого стремленія къ обогащенію на лицахъ, быстро поднявшихся отъ умѣренного достатка къ богатству. Не только они сами становятся безнадежными себялюбцами (эгоистами), но извѣстный ученый Маудсли утверждалъ, что въ четвертомъ поколѣніи ихъ родъ прекращался, давъ своими представителями жалкихъ идиотовъ.

Низменность нравственного уровня — вовсе не помѣха для обирания (эксплуатаціи). Наоборотъ, это необходимое условіе обирания людей. Умственная слабость вовсе не исключаетъ нѣкоторой хитрости и ловкости въ дѣлѣ обирания. Эта низменная сторона умственныхъ способностей можетъ даже развиться за счетъ возвышенныхъ способностей. А такъ какъ капиталисты могутъ нанимать за деньги людей, которые вмѣсто нихъ самихъ имѣли бы дѣло съ обираемыми (эксплуатируемыми) рабочими, то для капиталиста не опасно быть туповатымъ и умственно слабымъ человекомъ.

Капиталь зачастую принадлежитъ глупымъ людямъ, дѣтямъ, даже идиотамъ, а производство, ростовщичество, взиманіе аренды идутъ своимъ чередомъ. Всегда можно нанять людей, способныхъ грабить другихъ людей, опираясь на капиталъ и на изданные богачами-обиралами законы.

Отмѣтимъ еще, что начитанность русскихъ капиталистовъ ничтожна. Большинство изъ нихъ не читаетъ ни книгъ, ни брошюръ, довольствуясь уличной прессой. Среди русскихъ управляющихъ предпріятіями и среди предпринимателей насчитывается 76,2% съ низшимъ и такъ называемымъ домашнимъ (тоже низшимъ) образованіемъ, 1,1% неграмотныхъ и только 8,6% съ высшимъ (чаще всего со спеціальнымъ) образованіемъ.

Классъ капиталистовъ-предпринимателей не нуженъ для дѣла производства и вреденъ въ дѣлѣ распределенія.

ГЛАВА ІХ.

Чиновники - правители.

Громадное число лицъ получаетъ въ настоящее время доходъ-жалованье изъ тѣхъ денегъ, которыя собираются податями, налогами. Высшіе правители — цари, президенты, депутаты, министры, всевозможные чиновники устроили очень хитрую организацію для собиранія съ народа денегъ, при чемъ въ случаѣ его отказа давать эти деньги, онѣ силою берутся у него. На эти деньги и живутъ милліоны правителей и чиновниковъ. Здѣсь происходитъ явный грабежъ, хотя и на законномъ основаніи.

«Еще менѣе, (чѣмъ право на землю) можетъ найти себѣ подобіе оправданія право правительства на насильственное взиманіе податей, — пишетъ Л. Н. Толстой... — для того, чтобы отдавать деньги для устройства внутренняго порядка и общественныхъ дѣлъ, нужно быть увѣреннымъ, что люди, устраивающіе порядокъ, устроятъ его и, кромѣ того — что порядокъ этотъ будетъ хорошъ, и что устраиваемыя общественныя дѣла дѣйствительно нужны обществу. Если же, какъ это всегда и вездѣ повторяется, тѣ, кто платитъ подати, не увѣрены въ дѣловитости и даже честности тѣхъ, которые устраиваютъ порядокъ, и, кромѣ того, самый порядокъ этотъ считаютъ дурнымъ, и устраиваемыя общественныя дѣла совсѣмъ не такія, какія нужны плательщикамъ податей, то очевидно, что нѣтъ никакого права собиранія податей, а есть только насиліе» ... «въ сущности истинная, настоящая причина податей есть только одна: власть, которая собираетъ ихъ, — возможность ограбить тѣхъ, которые не дадутъ охотно, и даже за отказъ избить, заточить въ тюрьму, наказать, какъ это дѣлаютъ. То, что въ Англіи, Франціи, Америкѣ и вообще въ конституціонныхъ государствахъ подати опредѣляются парламентомъ, т. е. мнимо собранными представителями народа, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ выборы такъ устроены, что члены парламента не представляютъ народа, а принадлежатъ къ политиканамъ, а, если не принадлежали, то становятся ими, какъ скоро попадутъ въ парламентъ, занятый личными честолюбіями и интересами враждующихъ партій».

Высшіе чины арміи, служащіе по своему личному желанію, принадлежатъ, конечно, къ только что указанному классу. Что касается солдатъ, которыхъ заставляютъ служить угрозами самыхъ тяжелыхъ наказаній, т. е. силою, то это обращенные на время въ рабство люди, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы убивать и ранить крестьянъ и рабочихъ своей страны, если они не захотятъ давать себя обирать и угнетать, и крестьянъ и рабочихъ чужихъ странъ, если богатые и властные люди одной страны мѣшаютъ богатымъ и властнымъ людямъ другой обирать и угнетать какихъ-либо людей.

ПРАВСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРАВИТЕЛЕЙ.

Нравственный уровень правителей невольно низокъ. «Насильственность и несправедливость властителей, — говорилъ А. Смитъ. — есть старое зло, противъ котораго, какъ я опасуюсь, природа человѣческихъ дѣлъ едва ли найдетъ цѣлебное средство». Элизе Реклю указываетъ на неизбѣжность нравственнаго паденія правителей. Правителямъ, — говоритъ онъ, — «предоставлены высшія должности, больше власти и больше содержанія, чѣмъ остальнымъ ихъ согражданамъ, и это почти поневолю заставляеть ихъ считать себя выше обыкновенныхъ людей, а между тѣмъ всевозможныя искушенія, которымъ подвергаетъ ихъ занимаемое ими положеніе, почти фатально (роковымъ образомъ, неизбѣжно) заставляеть ихъ падать ниже общаго уровня».

Интересно, что даже враги анархизма, хоть косвенно, но признають развращающее вліяніе власти. А. Менгеръ категорически заявляетъ: — «опытъ всѣхъ временъ говоритъ, что господствующіе классы всегда злоупотребляли своей властью, чтобы обезпечить себѣ привилегированное положеніе». А каковы эти злоупотребленія, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Л. Н. Толстого.

«Никогда никакимъ злодѣямъ изъ простыхъ людей не могло бы придти въ голову совершать всѣ тѣ ужасы крестовъ, инквизицій *), пытокъ, грабежей, четвертованій, вѣшаній, одиночныхъ заключеній, убійствъ на войнахъ, ограбленій народовъ и т. п., которые совершались и совершаются всѣми правительствами и совершаются торжественно. Всѣ ужасы Стеньки Разина, пугачевщины и т. п. суть только послѣдствія и слабыя подражанія тѣхъ ужасовъ, которые производили Юанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и постоянно производятся всѣми правительствами».

Проживая на чужой счетъ, обирая трудящихся, правители не могутъ быть порядочными, мало-мальски нравственными людьми. Какъ общее правило, они безнравственнѣе воровъ и убійцъ, но не сознають всей глубины своего нравственнаго паденія.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ.

Интеллигенты получаютъ свой доходъ — гонораръ, жалованье, занимаясь такъ называемыми свободными (либеральными) профессіями. Къ классу интеллигентовъ принадлежатъ врачи, инженеры, музыканты, живописцы, скульпторы, писатели (литераторы), адвокаты, учителя, священники и другіе люди, о которыхъ говорятъ, что они заняты умственнымъ трудомъ. Интеллигентъ, это — человѣкъ, обладающій извѣстнымъ запасомъ знаній, тѣмъ запасомъ, который и приноситъ ему доходъ-гонораръ. Необходимыя для своего труда занятія интеллигентъ пріобрѣтаетъ не во время экономическаго тру-

*) Судъ, состоявшій изъ монаховъ, пытавшій страшными орудіями иновѣрцевъ.

да, а видъ его. 8 лѣтъ интеллигентъ учится въ гимназiи, 4—5 лѣтъ въ высшемъ учебномъ заведенiи и въ ученическіе годы онъ сознаетъ свое (сомнительное для насъ) право жить на чужой счетъ въ то время, какъ массы его сверстниковъ изнываютъ подъ непосильнымъ экономическимъ трудомъ.

Знанiя, приобретаемыя интеллигентами, отличаются отъ знанiй, приобретаемыхъ рабочими, тѣмъ, что они даютъ человѣку возможность получать, пользуясь ими и не прибѣгая къ ручному труду, средства къ существованiю и зачастую къ роскошному существованiю.

Рабочій день интеллигента короче рабочаго дня рабочихъ, безработица не грозитъ ему, какъ грозитъ рабочему. Заработокъ интеллигента всегда выше заработка рабочаго сложнаго, качественного труда.

Если заработокъ «умственного» работника равняется заработку рабочаго, его называютъ обыкновенно полуинтеллигентомъ.

Получая доходъ больше чѣмъ срдней, приходящейся на каждого жителя, интеллигентъ принадлежитъ къ числу «богатыхъ» и тоже является обиралой (эксплуататоромъ), хотя онъ не бездѣльничаетъ, а трудится. Плохо только, что онъ дороже, чѣмъ надо, беретъ за свой трудъ и беретъ этотъ излишекъ изъ кармана трудящагося населенiя или прямо или проведя эти деньги черезъ карманы капиталистовъ и чиновниковъ.

ПРАВСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЪ.

Интеллигенты, получая большiе доходы, черпая ихъ или прямо изъ толстаго кошелька рабочаго или косвенно, — послѣ того, какъ взяты изъ кошелька рабочаго деньги побывали въ бумажникѣ буржуа и въ кассѣ государства, — интеллигенты являются, въ сущности, людоедами.

Интеллигенты работаютъ и у нихъ имѣется нѣкоторое уваженiе и нѣкоторое сочувствiе къ трудящимся, но они отнюдь не желаютъ отказаться отъ своего выгоднаго положенiя и, настаивая, въ рядѣ случаевъ, на улучшенiи быта трудящихся, желаютъ сохранить и неравенство доходовъ и власть однихъ людей надъ другими.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ интеллигентъ разсуждаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: — «надо, чтобы рабочiе не были голодны, были одѣты въ сносныя платья, говоря вообще, удовлетворяли бы свои первыя потребности. При этомъ условiи, интеллигентъ со спокойной совѣстью можетъ получать въ 20 и въ 100 разъ больше любого рабочаго. И, конечно, надъ рабочими должно быть начальство, устраивающее производство и распределенiе продуктовъ, и также и правящее ими».

Такъ низко стоитъ общественная нравственность интеллигентовъ, мечтающихъ въ лицѣ наиболѣе сознательной своей части о социаль-демократической республикѣ съ ея властными правителями и неравенствомъ доходовъ.

Наемные рабочіе.

Хозяева промышленныхъ, торговыхъ и перевозочныхъ (транспортныхъ) предпріятій нанимаютъ рабочихъ или сами или черезъ своихъ служащихъ и эти рабочіе трудятся на нихъ, получая небольшую заработную плату и обогащая своихъ нанимателей-хозяевъ.

Наемные рабочіе, это — люди, не имѣющие своихъ средствъ производства для того, чтобы работать при ихъ посредствѣ, или имѣющие такія средства въ очень небольшомъ количествѣ, недостаточномъ для того, чтобы производить нужные людямъ предметы прямого или косвеннаго потребленія.

Эти лица должны наниматься, такъ какъ они бѣдны и не могутъ жить не нанимаясь, не зарабатывая себѣ денегъ на жизнь.

Когда капиталистъ наживаетъ, благодаря ихъ работѣ, деньги, онъ выдаетъ имъ заработокъ. Разъ только капиталистъ приостанавливаетъ почему-либо производство, онъ перестаетъ давать рабочимъ заработокъ и выбрасываетъ ихъ изъ своихъ предпріятій.

Въ Россіи численность наемныхъ рабочихъ — фабричныхъ, заводскихъ, ремесленниковъ, батраковъ, приказчиковъ, прислуги и пр. достигаетъ десятковъ милліоновъ человекъ, считая и семейства работающихъ. Можно думать, что это число превышаетъ теперь 30 милліоновъ.

Среди фабричныхъ рабочихъ около третьей части составляютъ женщины, подростковъ мужского пола приходится человекъ 7 на сотню взрослыхъ, подростковъ женскаго пола около 12 человекъ.

Большинство нашихъ наемныхъ рабочихъ вышли изъ крестьянъ и не порвали всѣхъ связей съ деревней. Заработокъ русскихъ рабочихъ такъ малъ, что «естественная, вслѣдствіе смерти, убыль въ рядахъ рабочихъ не можетъ быть покрыта подрастающими на фабрикахъ и заводахъ дѣтьми: для этого ихъ количество слишкомъ недостаточно. Поэтому ряды наемныхъ рабочихъ (пролетаріата) пополняются, главнымъ образомъ, выходцами изъ деревни. Какъ правило, русскій пролетарій воспитывается не въ рабочей средѣ, не въ городѣ, не на фабрикѣ или заводѣ, а въ крестьянской семьѣ, въ деревнѣ, на сельскомъ хозяйствѣ. Заработокъ русскаго рабочаго недостаточенъ для воспитанія дѣтей...» (С. Прокоповичъ).

КАКЪ ЖИВУТЬ НАЕМНЫЕ РАБОЧІЕ.

Наемные рабочіе кутятся у насъ въ грязныхъ, неуютныхъ, темныхъ, холодныхъ, сырыхъ или, наоборотъ, пыльныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ — рѣже въ квартирахъ, чаще въ каморкахъ, комнатахъ, углахъ, на чердакахъ, въ подвалахъ... Живутъ они въ страшной тѣсотѣ и ихъ логовища переполнены насѣкомыми, бактеріями и тяже-

лыми, вредными испарениями (міазмами), уставлены очень плохой и скудной мебелью. Изъ такой квартиры рабочіе спѣшатъ уѣзжать въ трактиръ. Отвратительны и тѣ квартиры, которыя не нанимаются рабочими, а отводятся для нихъ предпринимателями, и вообще говоря, въ богатыхъ домахъ стойла для лошадей устроены гораздо лучше, чѣмъ эти квартиры для рабочихъ. По сравненію же съ роскошными блестящими чертогами богачей жалкими, мрачными, унылыми и печальными являются и лучшія квартиры наемныхъ рабочихъ.

Предприниматели стараются съ возможно меньшими издержками приготовить возможно большее количество товаровъ и не охотно тратятъ деньги на устройство хорошихъ, безопасныхъ для здоровья рабочихъ мастерскихъ. Безопасное для здоровья рабочихъ устройство мастерскихъ обходится дорого, а здоровье рабочихъ ничего не стоитъ. Вымотали предприниматели это здоровье у тысячи рабочихъ и на мѣсто больныхъ и умершихъ, тысяча съ лишкомъ другихъ бѣдняковъ стучится въ ворота фабрики или завода. Вотъ поэтому то мы постоянно встрѣчаемся съ мастерскими, въ которыхъ тѣсно, грязно, душно, темно, мало воздуха, нѣтъ сноснаго приспособленія для освѣженія воздуха (вентиляціи), съ мастерскими, воздухъ которыхъ отравленъ разными отбросами. Въ этихъ мастерскихъ зачастую носится металлическая, минеральная, растительная или животная пыль, всевозможные, иногда очень вредные газы. Мастерскія устроены обыкновенно такъ плохо, что рабочіе часто болѣютъ и преждевременно умираютъ отъ этого плохого устройства.

Нерѣдко машины разставлены въ этихъ мастерскихъ такъ тѣсно, что рабочіе зачастую ранятся и увѣчаны пмп. Можно не упоминать, что во многихъ мастерскихъ работа очень тяжела и чѣмъ дальше, тѣмъ становится тяжелѣе и напряженнѣй.

Рабочій день повсюду продолжается чрезвычайно долго. Всѣ серьезные ученые, изучавшіе вопросъ о выносливости человѣка, пришли къ выводу, что больше 7-ми, 8-ми часовъ безъ вреда для здоровья трудиться рабочему нельзя. Это особенно вѣрно для нашего времени, когда отъ наемныхъ рабочихъ и приказчиковъ треуется чересчуръ ужъ напряженный трудъ. 10, 10½ часовъ работы считается многими рабочими безвреднымъ рабочимъ днемъ, на который они охотно соглашались, но это большая ошибка. Соглашавшаяся на такой длинный рабочій день, они быстро подрываютъ свое здоровье. Встрѣчается, впрочемъ, и очень длинный рабочій день — въ 11, 12 и болѣе часовъ, даже до 16. Предприниматели, заставляющіе рабочихъ такъ долго работать, мало чѣмъ отличаются отъ убійць.

Очень часто рабочій день, на первый взглядъ не очень долгій, на самомъ дѣлѣ очень удлиняется такъ называемыми сверхурочными работами. Въ этихъ случаяхъ рабочихъ просятъ остаться на два, на три часа по окончаніи рабочаго дня продолжать работу за (обычно) повышенную плату. Говорится, что такія сверхурочныя работы не обязательны, но отказывающихся отъ нихъ рабочихъ живо выбрасыва-

ють изъ мастерскихъ, разчитывая подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Такимъ образомъ, эти работы являются обязательными и онѣ страшно подрываютъ здоровье рабочихъ.

Въ наше время примѣняются еще страшно вредныя для здоровья починыя работы и работы по праздникамъ.

Повсемѣстно плохая, малопитательная, изъ второсортныхъ, а то и прямо плохихъ, не свѣжихъ и поддѣльныхъ (фальсифицированныхъ) продуктовъ готовится пища наемныхъ рабочихъ. Въ Россіи она особенно плоха: недостаточна по своему питательному составу и по количеству. Почти сплошь она является грубо растительной и своимъ однообразіемъ не такъ ужъ рѣдко набиваетъ оскомину. Значительная часть рабочихъ питается почти исключительно чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ и пустыми щами. Это недостаточное питаніе. Зачастую кушанья готовятся изъ испортившихся припасовъ. Надо отмѣтить, что у нашихъ рабочихъ, — въ прямой зависимости отъ плохого питанія, — наблюдалась иногда болѣзнь голода — цынга. Выматываютъ изъ наемниковъ все силы, а морятъ голодомъ. Меньше двугривеннаго обходится обѣдъ рабочаго человѣка, а богачи угощаются иной разъ обѣдами, платя за нихъ по 50-ти и болѣе рублей съ обѣдающаго человѣка. Бѣдняки рабочіе полуголодаютъ, богачи бездѣльники обѣдаются.

Одежда русскихъ рабочихъ очень плоха. Матеріаль, изъ котораго она сдѣлана, всегда низшаго качества. Эта одежда далеко не соотвѣтствуетъ климату. Нерѣдко, говоря объ одеждѣ рабочихъ, употребляютъ такія выраженія, какъ лохмотья, отрепья, обноски. И дѣйствительно, насколько можно судить объ одеждѣ даже петербургскихъ (петроградскихъ) рабочихъ по небольшому числу данныхъ ими отвѣтовъ, 71 человѣкъ изъ сотни семейныхъ рабочихъ и 44 изъ сотни холостыхъ покупали поношенное платье. Изношенная, грязная одежда очень часто встрѣчается у русскихъ рабочихъ, бѣлья у нихъ очень мало; зимняя одежда недостаточно защищаетъ отъ холода.

Особенно ужасно положеніе работающихъ дѣтей, изъ которыхъ такъ жадно высасываютъ предприниматели молодую кровь. «Воображеніе отказывается, — писали госпожи Ванъ Ворстъ и ихъ слова относятся къ дѣтямъ — рабочимъ всехъ странъ, — представить себѣ болѣе несчастныя созданія чѣмъ эти дѣти: они мрутъ буквально, какъ мухи въ извѣстныя времена года и умираютъ не отъ болѣзней, присутствующихъ ихъ возрасту, а отъ тѣхъ, которыя вызываются условіями ихъ существованія. Ихъ безотрадное дѣтство является сплошнымъ мученичествомъ и на ихъ лицахъ ясно написана ихъ трагическая судьба и проклятіе тѣмъ, кто ради выгодъ, приноситъ въ жертву ихъ начинающуюся жизнь. Эта жизнь такъ ужасна, что смерть, пожалуй, является для нихъ избавленіемъ».

Гораздо чаще, чѣмъ взрослые болѣютъ и умираютъ дѣти, вырабатывающіе прибыль господамъ капиталистамъ и надо правду ска-

зять — «Продово избіеніе» младенцевъ происходитъ на нашихъ фабрикахъ и въ торговыхъ предпріятіяхъ.

Тѣтъ сто тому назадъ въ Англіи фабриканты покупали на свои фабрики дѣтишекъ и въ цѣляхъ, завидуя корму свиней, подъ ударами надсмотрщиковъ, работали они на своихъ хозяевъ. Въ наше время заковывать въ цѣпи нельзя, но давать такой заработокъ, на который можно купить кормъ худшій, чѣмъ у свиней въ Англіи, безбожно колотить ребятишекъ можно и въ Россіи. Можно также **покупать ихъ**. Можно лишать ихъ подобія человѣческаго, такъ что на вопросъ, какъ тебя зовутъ ребенокъ отвѣчаетъ: — «Чи Васька, чи Андрушка».

И весь позоръ истязаній, высасыванія крови и издѣвательствъ надъ малолѣтними лежитъ на капиталистахъ и правителяхъ.

Въ добавокъ къ здоровью и жизни, которыя крадутъ у дѣтей-рабочихъ, у нихъ украдена и возможность получить мало-мальски серьезное образованіе. «Дѣти рабочихъ (а изъ нихъ, какъ и изъ крестьянскихъ дѣтей выходятъ, взрослые рабочіе. А. К.) лишены культурно просвѣтительныхъ средствъ націи, — пишетъ докторъ Фридбергъ. — Они такъ же должны стать рабочими, они такъ же должны отбывать барщину у капиталистовъ, они такъ же, какъ и ихъ отцы, осуждены на нищету и печальную участь пролетарія».

Женщины охотно нанимаются предпринимателями. Онѣ менѣе требовательны, чѣмъ мужчины, покорнѣе ихъ и довольствуются меньшимъ заработкомъ. Поэтому ихъ можно встрѣтить чуть ли не во всѣхъ отрасляхъ промышленности. А въ Россіи бѣднѣющей крестьянскій людъ выбрасываетъ на рынокъ труда все больше и больше дѣвушекъ и женщинъ.

Низшій чѣмъ мужской заработокъ женщинъ объясняется тѣмъ, что онѣ ухитрились меньше тратить на удовлетвореніе своихъ потребностей, чѣмъ тратятъ мужчины (не пьютъ вина, не ѣдятъ мяса и пр.), тѣмъ, что имъ помогаютъ мужнины, родственники, тѣмъ, что онѣ смотрятъ на свою работу, какъ на временную — до выхода замужъ, до выздоровленія мужа и т. д., тѣмъ, что многія изъ нихъ боятся борьбы съ хозяевами.

Въ Россіи численность женщинъ работницъ растетъ и онѣ вытѣсняють кое-гдѣ мужчинъ. Но это временное явленіе. Новѣйшія сложныя машины, новыя требованія напряженной работы снова заставляютъ предпринимателей нанимать по преимуществу болѣе сильныхъ мужчинъ. Въ Сѣв.-Американскихъ Штатахъ тоже было время, когда женщины хлынули въ ряды наемныхъ рабочихъ. Затѣмъ статистикъ К. Райтъ указалъ, что онѣ стали замѣнять дѣтей и перестали тѣснить мужчинъ, а въ самое послѣднее время мы видимъ, что относительная численность женщинъ работницъ вовсе не растетъ въ этой странѣ и трудъ малолѣтнихъ, поскольку рѣчь идетъ о фабрикахъ съ машинами, **вытѣсняется мужскимъ трудомъ**.

Обращеніе съ женщинами работницами со стороны разнѣй фабричной администраціи вездѣ позорно и отвратительно.

Надо также отмѣтить то, къ сожалѣнію, общее явленіе, что многимъ женщинамъ работницамъ приходится исполнять свой скудный заработокъ торговлей своимъ тѣломъ — проституціей.

Вездѣ, во всѣхъ странахъ съ рабочими обращаются отвратительно, а въ Россіи ихъ «не считаютъ за людей», съ ними не разговариваютъ, часто ругаютъ ругательски, иногда даже наносятъ удары, а то и нѣсколько ударовъ. Обращеніе мастеровъ съ рабочими крайне дерзкое и, какъ это не странно, рабочіе рѣдко учатъ мастеровъ вѣжливости.

Постоянное недоѣданіе, ужасныя жилища, плохая одежда, непосильный во вредной обстановкѣ затрачиваемый трудъ — все это дѣлаетъ понятными слова Жана Грера о томъ, что рабочій убивается бѣдностью и трудомъ вѣрнѣе, чѣмъ ружейною пулей.

Что касается русскаго рабочаго, то даже вишній видъ его говорить о надорванномъ здоровьѣ. Говоря о русскіхъ рабочихъ изслѣдователи ихъ быта постоянно употребляютъ такія слова, какъ «блѣдный», «малокровный», «безкровный», «опухшій», «усталый», «утомленный», «вялый», «худой», «худосочный», «измученный», «съ блѣдно-зеленоватымъ оттѣнкомъ лица», «пзнеможенный», «пстощенный», «поблеклый» и т. д.

Рабочіе, ослабленные плохими условіями жизни, очень часто болѣютъ разнообразными болѣзнями и къ этимъ болѣзнямъ присоединяются еще болѣзни, происходящія отъ условій труда, такъ называемыя профессиональныя болѣзни. Такъ, напримѣръ, ткачъ одновременно приготавливаетъ для фабриканта ткани, а для себя болѣзнь горла и груди, а иной разъ и чахотку.

Капиталисты и ихъ управляющіе вовсе не заботятся о безопасности рабочихъ и послѣдніе постоянно калѣчатся въ ихъ предпріятіяхъ.

Чрезвычайно велика россійская армія искалеченныхъ и изуродованныхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ переломанными костями, изуродованными лицами, съ оторванными руками или ногами, съ выбитыми или выжженными глазами, съ разбитыми грудями и т. д. и т. д.. Русскіе рабочіе то разрываются въ клочья взрывами паровыхъ котловъ, то падаютъ съ крышъ и лѣсовъ, то убиваются машинами, то поражаются электрическимъ токомъ, то свариваются горячимъ паромъ или горячей водой, то закипаются, сжигаются, давятся и разбиваются въ шахтахъ и т. д.

Предприниматели, заботясь только объ удовлетвореніи своей алчности, постоянно даютъ сраженія плохо защищающимся рабочимъ, ежегодно оставляя на поляхъ безславныхъ битвъ десятки тысячъ убитыхъ и раненыхъ труженниковъ. Численность жертвъ, уносимыхъ сравнительно рѣдкими войнами, ничтожно по сравненію съ этими безпрерывными калѣченіями и убійствами.

Въ Сѣв. Америкѣ и въ Россіи особенно безсовѣстны предприниматели и особенно много увѣчится и убивается народа. Такъ, напр., изъ каждой тысячи рабочихъ копей, доменныхъ и предѣльныхъ заводовъ юга Россіи въ 1905-мъ году пострадало 391 человекъ, а въ 1906-мъ — 382 человекъ.

Въ общемъ, здоровье рабочихъ до того расшатывается тяжелыми и не здоровыми условиями труда, что о русскихъ, напримѣръ, рабочихъ надо сказать: «сорокъ лѣтъ — рабочий вѣкъ». Проработавъ до сорока лѣтъ, фабричный рабочий прогоняется хозяиномъ на всѣ четыре стороны и, не долго помаявшись, отиравается, вѣрнѣе, относится на кладбище. Пожилыхъ людей между рабочими почти что вовсе нѣтъ. Какъ общее правило, малокровныя, психушалы, истощенныя, большія разнообразными болѣзнями, явившимися результатомъ полной лишений жизни и тяжелыхъ условий труда, до времени вянутъ: жены рабочихъ и не могутъ имѣть здоровыхъ дѣтей. Материнство для этихъ женщинъ — проклятіе, такъ какъ часто убиваетъ и калѣчитъ ихъ. Дѣти являются плохимъ утѣшеніемъ, такъ какъ рождаются хилыми, болѣзненными, иной разъ уже отравленными въ утробѣ матери-работницы. Они рождаются для горькой нищеты и страданій или для того, чтобы умереть, не достигнувъ трудоспособнаго возраста. Какъ будто про этихъ дѣтей написано: — «вкусная, вкусихъ мало меда и азъ умираю».

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Заработная плата, это доходъ рабочихъ, но доходъ не обезпеченный. Не рѣдко случается, что капиталисты не нанимаютъ того или другого рабочаго и тогда, какъ бы работяцъ онъ ни былъ, ему приходится голодать.

Заработная плата никогда не дается рабочимъ впередъ: они получаютъ ее послѣ того, какъ выработали для хозяевъ въ стоимости своихъ издѣлій много больше той суммы денегъ, которая дается наемникамъ, какъ заработная плата.

Въ сущности, заработная плата, это — часть изготовленныхъ рабочимъ классомъ продуктовъ, которая, побывавъ въ рукахъ предпринимателей и проданная ими за деньги, въ видѣ этихъ денегъ, передается рабочимъ, при чемъ рабочіе покупаютъ и нанимаютъ на эти деньги разные, все тѣмъ же рабочимъ классомъ, изготовленные предметы потребленія.

Получаемая рабочимъ сумма денегъ называется денежной (номинальной) заработной платой, а то количество предметовъ потребленія, которое можно купить на эти деньги называется дѣйствительной (реальной) заработной платой.

Такъ какъ цѣны на предметы потребленія мѣняются (наше время, напримѣръ, все дорожаетъ), такъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ эти цѣны не одинаковы, то одна и та же денежная заработная плата равняется то большей, то меньшей дѣйствительной заработной

платѣ. 15 лѣтъ тому назадъ на 10 рублей можно было купить больше предметовъ потребления, чѣмъ въ настоящее время.

(Заработная плата называется абсолютной, если мы не сравниваемъ ее съ доходомъ предпринимателя. Если же мы сравниваемъ ее съ этимъ доходомъ, то она называется относительной заработной платой. Русскій углекопъ зарабатываетъ 276 рублей въ годъ. 276 рублей, это — его абсолютная заработная плата. Но русскій углекопъ получаетъ 38% цѣны угля, поступающаго въ собственность предпринимателя. Эти 38% указанной цѣны будутъ относительной заработной платой нашего углекопа).

У рабочихъ разныхъ мѣстностей слагаются разныя привычки. Типы изъ нихъ живутъ, потребляя очень мало предметовъ потребления, какъ напримѣръ, русскіе рабочіе, другіе нѣсколько больше, какъ англійскіе или американскіе рабочіе. Привычка жить, потребляя извѣстное количество извѣстныхъ предметовъ потребления, называется въ политической экономіи уровнемъ потребностей и заработная плата стремится къ тому, чтобы этотъ уровень не понизился. Англійскіе рабочіе, напримѣръ, скорѣе разгромить все фабрики, чѣмъ согласятся жить такъ, какъ живутъ русскіе рабочіе.

Чѣмъ больше рабочихъ, желающихъ наняться, и чѣмъ меньше желаютъ нанять ихъ капиталисты, тѣмъ ниже заработная плата. Чѣмъ меньше желающихъ наняться рабочихъ и чѣмъ большее число ихъ желаютъ нанять капиталисты, тѣмъ выше заработная плата. Поэтому то сравнительно высока плата немногочисленныхъ рабочихъ сложнаго руда и низка заработная плата многочисленныхъ чернорабочихъ. Такъ какъ въ ряды русскихъ рабочихъ постоянно идутъ теряющіе землю или просто бросающіе хлѣбопашество крестьяне (уровень потребностей которыхъ къ тому же не высокъ), то у насъ рабочихъ, желающихъ наняться всегда меньше того числа, которое хотятъ нанять капиталисты и заработокъ русскаго рабочаго чрезвычайно низокъ. То количество рабочихъ, которое желаютъ нанять капиталисты, называется спросомъ (на рабочихъ), а то количество рабочихъ, которое желаетъ наняться предложениемъ (рабочихъ). Чѣмъ выше (больше) спросъ и ниже предложеніе, тѣмъ выше заработная плата; чѣмъ ниже спросъ и выше предложеніе, тѣмъ ниже заработная плата.

Замѣтимъ также, что, чѣмъ грамотнѣе, чѣмъ образованнѣе рабочіе, тѣмъ выше ихъ заработная плата, тѣмъ больше продуктовъ труда они производятъ.

Хорошо оплачиваются рабочіе тѣхъ профессій, при занятіяхъ которыхъ требуется большая физическая сила.

Замѣчено, что чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ выше заработная плата. Рабочіе, которые сумѣли добиться короткаго рабочаго дня, сумѣли добиться и повышеннаго заработка.

Иногда заработная плата, главнымъ образомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ выдается предметами потребления. Она называется нату-

ральной заработной платой. Если предприниматель выдает рабочим заработок товарами из своей лавочки, то рабочие терпят при этом большие убытки и не должны, оберегая свои интересы, соглашаться на такой способ уплаты заработка.

Заработная плата бывает поштучная и повременная. Поштучной, штучной, сдельной или задельной заработной платы называется тогда, когда рабочий получает ее в тѣсном соответствии съ количеством выработанных им издѣлій продуктовъ (или частей продукта). Этотъ способъ выдачи заработной платы заставляетъ рабочихъ напрягать всѣ усилія для того, что побольше приготовить продуктовъ и не отстать отъ болѣе умѣлыхъ и ловкихъ товарищей, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ грозитъ расчесть. Рабочіе надрываются, теряютъ свое здоровье при такомъ способѣ выдачи заработной платы, а предприниматели, какъ только замѣтятъ, что рабочіе нанятые за поштучную плату, получаютъ больше рабочихъ, получающихъ повременную плату, тотчасъ же понижаютъ расцѣнку. Нерѣдко бываетъ, что штучники вырабатываютъ меньше повременныхъ рабочихъ той же профессіи.

Сознательные рабочіе высказываются противъ поштучной платы за плату повременную. Такой способъ выдачи заработка, какъ уплата съ штуки, препятствуетъ товарищескому единенію рабочихъ, подрываетъ чувство солидарности. Въ этомъ случаѣ рабочіе черезчуръ ужь заинтересованы въ успѣхѣ своей работы и всѣ задержки вызываютъ ссору.

Повременной, срочной (мѣсячной, недѣльной, поденной, почасовой) заработной платой называется въ томъ случаѣ, если она выдается въ опредѣленномъ количествѣ за опредѣленное время работы, при чемъ не производится точнаго учета труда каждаго рабочаго.

Рабочіе не соглашаются на уплату по часамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ у менѣе сознательныхъ товарищей является стремленіе удлинить рабочий день; для нихъ невыгодна уплата заработка одинъ разъ въ мѣсяцъ, такъ какъ при этомъ условіи имъ приходится дожидаться лавочникамъ; невыгодна такъ же ежедневная уплата, такъ какъ на руки выдаются слишкомъ мелкія суммы и опытные рабочіе предпочитаютъ еженедѣльную выдачу заработной платы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заработокъ уплачивается по такъ называемой скользящей скалѣ. Заработокъ повышается, если цѣны на продукты, приготовленные рабочими, поднимаются и заработокъ понижается, если цѣны на эти продукты падаютъ. Это очень невыгодный для рабочихъ способъ расчета. Предприниматели не даромъ предлагаютъ иной разъ уплачивать заработную плату по скользящей скалѣ. Если ужь соглашаться на то предложеніе, то надо выговорить, что ни въ какомъ случаѣ плата за работу не можетъ быть понижена ниже условленной съ рабочими величины.

Встрѣчается далѣе преміюванная или прогрессивная заработная плата. Въ этомъ случаѣ, тѣмъ рабочимъ, которые при то-

штучной или при повременной уплатѣ заработка сдѣлали больше другихъ вмѣстѣ съ ними работающихъ товарищей, выдается вознагражденіе, премія, лишнее количество денегъ. Всѣ рабочіе начинаютъ въ этомъ случаѣ гнаться за этой преміей и чрезмѣрнымъ трудомъ истощаютъ свои силы. Слабые же рабочіе очень быстро теряютъ свое здоровье, не желая отстать отъ рабочихъ сильныхъ.

Если рабочіе не догадаются отвѣтить серьезной забастовкой въ отвѣтъ на введеніе премированной заработной платы, то многіе изъ нихъ, положивъ въ карманъ предпринимателя не мало лишнихъ рублей, раньше, чѣмъ надо было ожидать отправятся на погосты.

Бываетъ и такъ, что въ концѣ каждой недѣли администрація завода или фабрики разсчитываетъ десятокъ рабочихъ, сдѣлавшихъ въ теченіи недѣли меньше другихъ. Боясь попасть въ число отсталыхъ, рабочіе изъ кожи лѣзутъ, надрываясь для хозяйской пользы. Разъ вводятся такіе порядки, опять таки необходимо прибѣгнуть къ стачкѣ или къ саботажу.

Премированной платой, разсчетомъ отстающихъ рабочихъ предприниматели ухитряются вогнать въ гробы и здоровыхъ рабочихъ.

Желая поднять прилежаніе рабочихъ, а также для того, чтобы они примирились съ плохими условіями труда, предприниматели хотя и рѣдко, но дѣлятъ между ними небольшую часть своей прибыли. Конечно, заработокъ поднимается въ этомъ случаѣ на очень небольшую величину, такъ какъ предприниматели вовсе не склонны сильно увеличивать его. Такое участіе въ прибыляхъ встрѣчается очень рѣдко и нигдѣ не улучшало значительнымъ образомъ бытъ рабочихъ.

Когда договоръ найма заключался или азключается между одинокимъ, не вошедшимъ въ союзъ рабочимъ и одинокимъ же предпринимателемъ, тогда капиталисты заставляютъ рабочихъ соглашаться на такую плату за трудъ, которая только что удовлетворяетъ самыя первыя потребности трудящихся. Когда часть рабочихъ объединилась въ союзы и сообща начала торговаться съ отдѣльными предпринимателями, а не вошедшіе въ союзы рабочіе поддерживали своихъ организovanýchъ товарищей, тогда заработная плата повысилась, при чемъ на ея повышеніе повліяла и поднимавшаяся производительность труда.

Въ послѣднее время объединились въ союзы для борьбы съ рабочими и предприниматели и заработная плата перестала подниматься.

Въ настоящую эпоху предприниматели не позволяютъ рабочимъ поднять заработную плату выше того уровня, который необходимъ для того, чтобы рабочіе могли проявить въ теченіи рабочаго дня наибольшее количество полезной для предпринимателя прилежной дѣятельности. Плохо питающіеся рабочіе черзурчур плохо работаютъ и предприниматели не прочь подкормить ихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе настойчиво добиваются улучшенія своей

участн. Но никогда предприниматели не согласятся на значительное повышение заработка.

По сколько повышение заработной платы будет выгоднымъ для капиталистовъ образомъ повышать количество или качество приготавливаемыхъ рабочими продуктовъ, по столько и допускать сильныя теперъ предприниматели повышение заработка.

Имѣются серьезныя основанія предполагать, что доля годового потребительскаго бюджета, получаемая рабочимъ классомъ, становится меньшею, чѣмъ была раньше.

РАБСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Очень многіе серьезнѣйшіе писатели приравниваютъ современныхъ рабочихъ къ рабамъ. Сущность рабства, это — принудительная работа на другого человѣка, а современные рабочіе далеко не по доброй волѣ работаютъ на своихъ нанимателей-хозяевъ. Во время работы они вполне подчинены тѣмъ условіямъ труда, которыя навязалъ имъ предприниматель. Вся жизнь рабочихъ во время занятій, а въ значительной степени и внѣ фабрики складывается такъ, какъ это выгодно предпринимателю, а не такъ, какъ это желательно рабочему. «Гдѣ они свободные люди? спрашивалъ Консидеранъ. — Вы притворяетесь, что видите свободныхъ людей въ этихъ безчисленныхъ массахъ пролетаріевъ, лишенныхъ капитала и орудій производства и принужденныхъ смертью, витающей надъ ихъ головами и надъ ихъ семьями, ежедневно искать себѣ господина». «Рабочій не болѣе, чѣмъ рабъ».

«Наемничество очень мало отличается отъ древняго рабства, — говоритъ Морисъ Алладъ, — я знаю хорошо, что современный рабъ по закону не является вещью капиталиста. Но на дѣлѣ — это фактъ (такъ и есть). Договоръ найма является ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ и ложью. Нѣтъ настоящаго договора, когда одна изъ договаривающихся сторонъ понуждается голодомъ и необходимостью. Гражданинъ, лишенный всего принужденіемъ и силой, отдаетъ свой умъ и трудъ тому, кто владѣетъ капиталами, и кто, слѣдовательно, благодаря своему привилегированному положенію, создаетъ свое богатство на этомъ умѣ и трудѣ, переданныхъ въ его распоряженіе».

Наемничество это — рабство, которое во многихъ случаяхъ переходитъ въ законномъ дозволенное убійство съ корыстными цѣлями.

НРАВСТВЕННОСТЬ И УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ РАБОЧИХЪ.

Рабочіе никого не обираютъ (не эксплуатируютъ). Поэтому они не обречены на нравственное и умственное вырожденіе.

Рабочіе не любятъ денегъ для денегъ, не преклоняются передъ

ними. Они охотятся, чѣмъ обирали, чѣмъ буржуа *), помогаютъ обира-
камъ. Они ведутъ борьбу за уничтоженіе всѣхъ видовъ обирая
(эксплуатаци), а не за свое обогащеніе за чужой счетъ и это об-
стоятельство повышаетъ нравственный уровень рабочаго класса на
недосягаемую для обираль (эксплуататоровъ) высоту.

Солидарность (взаимность, дружеская поддержка) рабочихъ,
это въ важный показатель высокаго нравственнаго развитія прини-
маетъ разнообразнѣйшія формы и поражаетъ своими размѣрами на-
блюдателей рабочей жизни.

Что касается до умственнаго уровня рабочихъ, то достаточно
указать хотя бы на то, что изъ рядовъ рабочихъ вышли величайшіе
изобрѣтатели машинъ и другихъ техническихъ приборовъ. Достаточно
напомнить, что именно рабочіе изобрѣли основу капиталистической
промышленности паровую машину (Д. Уаттъ), пароходъ (Фультонъ),
локомотивъ (Стеффенсонъ), сдѣлали всѣ почти изобрѣтенія въ
области ткацкой промышленности (Аркрайтъ, Харгривесъ, Контоль и
пр.), важныя изобрѣтенія въ области технического примѣненія
электричества (Граммъ), кружевную машину, паровой клапанъ и пр.
и пр. Какъ общее правило, изобрѣтенія дѣлаются рабочими, хотя
почему то думаютъ, что изобрѣтателями являются инженеры.

Работа на новѣйшихъ сложныхъ машинахъ требуетъ отъ рабо-
чихъ громадной внимательности, способности слѣдить за едва замѣт-
ными движеніями сложной машины, пониманія ея устройства, нѣко-
торыхъ общихъ техническихъ знаній, быстрой сообразительности,
— короче, высокаго умственнаго развитія. Большинство современ-
ныхъ машинъ, это — сложныя, особенно выгодныя для предприни-
мателей машины. Старыя сравнительно простыя машины, на кото-
рыхъ могли работать и дѣти, вытѣсняются съ фабрикъ. Даже про-
стѣйшія изъ современныхъ машинъ требуютъ такой быстроты дви-
женій и такой ловкости, которую не могутъ развить рабочіе-увальни,
а могутъ дать только очень развитые рабочіе.

Трудовая жизнь развиваетъ въ рабочемъ классѣ чувство соб-
ственнаго достоинства и независимости.

РЕМЕСЛЕННИКИ.

Кромѣ промышленныхъ рабочихъ къ числу наемныхъ рабочихъ
относится большая часть прислуги, батраки, приказчики, часть
ремесленниковъ, но къ числу рабочихъ нельзя причислять ярко
враждебный рабочему классу слой мастеровъ, надсмотрщиковъ и т. д.

Не по найму, никого не обирая (эксплуатируя), работаютъ
ремесленники одиночки, значительная часть кустарей, трудящаяся со
своими семействами и громадное большинство крестьянства.

*) Буржуа, это всѣ люди, живущіе на доходы съ капитала,
образованія или на налоги.

Ремесломъ называется приготовленіе (производство) предметовъ (продуктовъ) на заказъ и для продажи, при чемъ средства производства принадлежатъ, разъ рѣчь идетъ о ремесленникахъ одиночкахъ, самимъ работающимъ и всѣ инструменты приводятся въ движеніе руками человѣка; далѣе, въ ремесленномъ производствѣ не наблюдается раздѣленія труда даже въ томъ случаѣ, если ремесленникъ работаетъ съ помощникомъ или помощниками.

Очень плохо, очень бѣдно живутъ ремесленники-одиночки. У этихъ ремесленниковъ нѣтъ никакой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Очень часто они не имѣютъ заказчиковъ и не могутъ продать готовые издѣлія. Безработица — обычное явленіе въ ихъ средѣ. Многие ремесленники, — читаемъ мы о чертѣ осѣдлости, — «периодически остаются безъ работы и тогда они и семьи ихъ голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова». (Л. Немановъ). Эти слова относятся и къ другимъ мѣстностямъ Россіи.

Если у ремесленника имѣется достаточно работы, то низкій заработокъ опять-таки поражаетъ невѣроятно длинный рабочий день, а снѣжиность заказовъ — почую работу и работу по праздникамъ. Обстановка квартиры ремесленника очень убога. Сплошь и рядомъ ремесленникъ снимаетъ уголь въ какой-либо тоже убогой квартирѣ. Квартиры ремесленниковъ очень часто сыры, холодны, темны, крайне тѣсны, вообще говоря, очень плохи.

О пищѣ ремесленниковъ можно и не говорить: она малопитательна, однообразна, изготовлена изъ плохихъ припасовъ. Многие ремесленники въ теченіи долгаго времени питаются хлѣбомъ и водой.

Особенно тяжело живется ремесленницамъ, тяжелый трудъ которыхъ еле-еле даетъ имъ возможность не умереть съ голода въ тѣсныхъ, душныхъ, холодныхъ коморкахъ и здоровье работницъ быстро и вѣрно разрушается. Вотъ что читаемъ мы о швеяхъ Одессы, напримѣръ: — «это обитательницы темныхъ и сырыхъ подваловъ, съ иглами и воспаленными глазами наклонившія надъ своей мелкой работой. Сырость, невозможная атмосфера (воздухъ), скудное питаніе и недостатокъ свѣта быстро стираютъ краску съ лица и медленно, но неуклонно губятъ молодую жизнь. О какихъ-либо заработкахъ нечего и говорить. Тѣ гроши, которые вырабатываются на этой работѣ, недостаточны и для полуголодной жизни». (И. Бродовскій).

Отъ ничтожнаго заработка ремесленника отрываетъ частицы домохозяинъ или квартирохозяинъ, несоразмѣрно дорого берущій съ него за квартиру, мелочной торговецъ, въ три дорого сбывающій ему плохіе товары ростовщикъ, дающій ремесленнику деньги на матеріалъ, инструменты и продовольствіе. «Есть города (Кременецъ, напримѣръ), гдѣ цѣлый классъ людей живетъ и богатѣетъ тѣмъ, что даетъ деньги въ займы ремесленникамъ. Обычный (нормальный)

процентъ — это 50 копеекъ въ мѣсяцъ съ 5 рублей, т. е. 120% въ годъ» (Л. Немановъ).

Совсѣмъ ужъ скверно живутъ ремесленники-помощники, ремесленники-наемники. Вотъ наиримѣрь, какъ жили булочники С. Петербурга до стачки 1906-го года, и какъ живутъ они, по многимъ даннымъ, въ настоящее время и въ Петроградѣ и въ другихъ городахъ Россіи. «Посмотрите на рабочаго булочника, это — живой мертвецъ. Гдѣ онъ живетъ? Большею частью въ какомъ-нибудь подвалѣ, гдѣ темно и сыро. Гдѣ онъ работаетъ? Въ мастерскихъ, гдѣ окна или замазаны или съ рѣшетками. Дверь на замкѣ — точно держать преступниковъ. Измученные, полусонные рабочіе мѣсять тѣсто или пекутъ... Полусонные, потому что булочникъ никогда не можетъ выснаться, какъ слѣдуетъ». Въ 4—5 утра онъ кончаетъ работу, въ 10—11 утра его будятъ для новой работы. Днемъ же онъ имѣетъ только 1—2 ч. перерыва. «Онъ или работаетъ или спитъ. А какъ спать? Вдвоемъ, втроемъ, а иногда и четверомъ на одной постели». Булочникъ не имѣетъ даже праздниковъ, а наканунѣ праздниковъ работы больше, чѣмъ въ обычные дни. Передъ Пасхой и Рождествомъ булочники не спятъ по трое сутокъ. «Булочникъ живетъ на хозяйской квартирѣ, ѣстъ хозяйскіе харчи. И въ силу этого онъ не можетъ имѣть семьи. И все булочники не семейные. Заработокъ булочника самый ничтожный». При работѣ булочникъ страдаетъ отъ жара, у него часты кровотечения изъ носа.

Отвратительно положеніе и другихъ наемныхъ ремесленниковъ, а что касается до такъ называемыхъ учениковъ, то все знаютъ, что нельзя себѣ представить что-либо болѣе подлое, низкое и презрѣнное, чѣмъ обращеніе съ этими учениками разныхъ закабалившихъ ихъ хозяйчиковъ. Вовсе не рѣдкость самоубійства среди этой дѣтвора. Нельзя представить себѣ болѣе ужасную, болѣе мученическую жизнь, чѣмъ жизнь этихъ жалкихъ малолѣтнихъ рабовъ, жизнь, протекающую подъ градомъ ударовъ, подъ дождемъ униженій, жизнь безъ просвѣта и радости.

КУСТАРИ.

Кустарь, это — сельскій ремесленникъ, работающій на продажу, при чемъ чаще всего онъ продаетъ свои издѣлія мелкимъ скупицамъ, которые въ свою очередь, перепродаютъ ихъ или крупнымъ торговцамъ или прямо потребителямъ.

Работаютъ кустари по большей части въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Работаютъ мужчины и женщины, юноши и дѣвушки, старики и малолѣтнія дѣти. Очень часто работа производится въ жилыхъ помѣщеніяхъ, такъ что и безъ того отвратительныя жилища нашихъ крестьянъ страшно засариваются и становятся прямо-таки ужасными. 1) Заработокъ кустарей ничтоженъ, а рабочій день очень высокъ, нерѣдко превышаетъ 15 часовъ въ сутки. 2) Правда, трудъ этотъ не такъ напряженъ (интенсивенъ), какъ трудъ фабричныхъ

рабочихъ. Такимъ образомъ очень часто приходится работать и по ночамъ, при искусственномъ освѣщеніи.

Кустари часто заболѣваютъ профессиональными (отъ условій труда происходящими) болѣзнями: у кружевницъ болятъ глаза, шлифовальники болѣютъ чахоткой, скорняки — сибирской язвой, кузнецы — кривобоки, часто кривы, а то и слѣпнутъ.

Инструменты кустарей чрезвычайно плохи и просты. Иностранцы, посѣтившіе нижегородскую выставку (въ срединѣ 1890-хъ годовъ) приняли инструменты вятскихъ кустарей за выставленные историческія орудія.

Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ о сапожникахъ Курской губерніи:

Рабочій день сапожниковъ равняется 12-ти часамъ, а во время спроса на издѣлія или во время паденія цѣны 14-ти, и даже 16-ти. «Кустари жалуются въ такое время, что ложатся спать съ головою болью. Способствуетъ этому и непрерывно согнутое положеніе, въ которомъ они работаютъ. Легкія у нихъ недоразвиты, грудь впалая, низкая». Что касается до кустарей кожевниковъ, то они работаютъ въ большинствѣ случаевъ въ жилой избѣ; чанъ, въ которомъ лежатъ кожи, часто закрывается на ночь досками и служитъ постелью. Атмосфера во время выдѣлки кожъ для непривычнаго человѣка совершенно невыносима. Такъ какъ кожи выдѣлываются изъ палаго скота, то разнаго рода кожныхъ заболѣваній среди кожевниковъ являются довольно распространенными; нервѣдки также и случаи зараженія сибирской язвой» (по работѣ М. Слобожанина).

Безнадежно плохо положеніе и другихъ кустарей.

РАБОЧІЕ «ДОМАШНЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ».

Городскіе и сельскіе ремесленники очень часто находятся въ полной зависимости отъ капиталистовъ. Не имѣя возможности достать нужный матеріалъ и продать изготовленное издѣліе, они работаютъ на капиталистовъ, не покидая своихъ жалкихъ квартиръ. Капиталисты очень часто даютъ имъ необходимый для работы матеріалъ и во всѣхъ случаяхъ берутъ отъ нихъ изготовленные издѣлія, уплачивая за работу очень небольшую плату.

Это такъ называемая домашняя форма капиталистической промышленности, при чемъ съ такими рабочими имѣетъ дѣло или хозяинъ какого-либо промышленнаго заведенія, на котораго работаютъ и такіе рабочіе, или торговецъ, имѣющій свою лавку или магазинъ, или торговецъ, перепродающій издѣлія такихъ рабочихъ болѣе крупнымъ торговцамъ.

Положеніе такихъ рабочихъ отвратительно, а заработокъ ничтоженъ. Въ жилищахъ и квартирахъ бѣдняковъ, не боясь фабричнаго инспектора, могутъ работать и маленькія дѣти и женщины не только днемъ, но и ночью, а современные капиталисты, какъ вороны до падали, падки на дѣтскій трудъ и ночную работу.

Голодная плага, тяжелый груз дѣтей и женщинъ и ужасныя помѣщенія (углы, чердаки, подвалы), всегда переполненныя и грязныя, чрезвычайно длинный рабочий день, а при срѣзныхъ заказахъ непрерывная работа въ теченіи 10-ка даже часовъ подрядъ, непостоянная, сопровождаемая перѣдками, длиннѣшя перерывами работа и плохіе инструмены — вотъ отличительныя признаки домашней формы капиталистическаго производства.

Ремесленники, кустари, рабочіе домашней промышленности, все эти независимые на первый взглядъ рабочіе жестоко обираются (эксплуатируются) государствомъ, продавцами матеріаловъ, а иной разъ и скушниками издѣлій этихъ тружениковъ. Ихъ положеніе бываетъ зачастую такъ же плохо, какъ и положеніе пролетаріевъ, а иной разъ и хуже положенія наемниковъ.

КРЕСТЬЯНЕ.

Остановимся здѣсь на описаніи быта громаднаго большинства нашихъ крестьянъ, среди которыхъ очень много сельскихъ, работающихъ не по заказу, а на продажу ремесленниковъ-кустарей. Усиленно занимаясь какимъ-либо ремесломъ въ свободные отъ полевыхъ работъ время кустари не могли все-таки, благодаря своему ничтожному заработку поднять благосостояніе крестьянства.

Большинство нашихъ крестьянскихъ семействъ имѣетъ такъ мало земли, что живутъ хуже городскихъ нищихъ. Очень часты, чуть ли не треть, безлошадные дворы. Перѣдко и безкоровные дворы. Имѣющийся скоть очень плохъ. Орудія труда, въ общемъ, все еще чрезвычайно плохи. Аренда помѣщичьихъ земель, переселенія и ростовщическая дѣятельность крестьянскаго банка отнюдь не улучшаетъ положенія крестьянства, а законъ о разграбленіи общинныхъ земель создаетъ въ рядахъ крестьянъ все болше и болше безземельныхъ дворовъ и дворовъ совершенно выброшенныхъ изъ деревни.

Въ немногихъ, но глубоко правдивыхъ строкахъ описываетъ Л. Н. Толстой жизнь крестьянина отъ его рожденія и до смерти. «Огромное большинство, — пишетъ онъ о крестьянкахъ, — рождаютъ дѣтей гдѣ и какъ попало, безъ помощи, завертываютъ въ грязныя тряпки, кладутъ въ лубочныя люльки на солому и радуются, когда они умираютъ». За дѣтьми никто не ухаживаетъ, потому что некому, и сама мать встаетъ тотчасъ же послѣ родовъ, топить печку, донтъ корову и иногда стираетъ бѣлье на себя мужа и дѣтей. Дѣти сначала ползаютъ голыми брюхами черезъ пороги, увѣчатся, съѣдаются свиньями и съ 5-ти лѣтъ начинаютъ подневольно работать; ра-

ботающие тяжелую работу, крестьяне ѣдят одинъ хлѣбъ съ квасомъ и то не вволю и не мягкой, чтобы не съѣсть много; постоянно работа чужую работу, мѣняютъ грубое, изодранное, вшивое бѣлье въ двѣ недѣли разъ, а то и вовсе не мѣняютъ, а носятъ его, пока не распадется. Когда же крестьяне заболѣваютъ, то «ложатся въ курной избѣ на печку и не съ промытыми ранами, отсутствіемъ всякой пищи, кромѣ сухого хлѣба и воздуха, зараженнаго десятию членами семейства, телятами и овцами, гниютъ живо и преждевременно умираютъ».

Крестьянскія жилища поразительно убоги. Часто встрѣчаются чуть ли не доисторическія постройки: дома безъ трубъ, дома, крытыя соломой, дома, обложенныя для тепла навозомъ. Невѣроятно испорченный зловонный воздухъ зачастую встрѣчается въ крестьянскихъ небольшихъ, тѣсныхъ избахъ, въ которыя вводятся зимою овцы и телята, такъ какъ иначе замерзли бы въ жалкихъ холодныхъ стойлахъ. «День и ночь, изъ года въ годъ, — говоритъ англійскій путешественникъ Говардъ Т. Киннардъ, — отецъ, мать, братъ, сестра, маленькія дѣти остаются скученными въ смрадномъ логовищѣ, которое представляетъ собою эта спальная, гостинная и рабочая комната русской избы, остаются въ немъ безъ воздуха, безъ божьяго свѣта»... «Тѣснаота помѣщеній русскаго крестьянства, — говорилъ профессоръ А. Ф. Фортуатовъ, — такова, что зачастую на одного человѣка приходится воздуха въ пять разъ меньше того минимальнаго (самаго меньшаго) объема, котораго требуетъ практическая гигиена» (правила о томъ, какъ сохранить здоровье).

Меблировка крестьянскихъ избъ убога и жалка до невѣроятности.

Русскіе крестьяне ѣдятъ поразительно мало и поразительно плохо. По свѣдѣніямъ Моресса, въ 46 губерніяхъ не доѣдаетъ 33½ милліона душъ, питается еле-еле достаточно двадцать милліоновъ четыреста тысячъ душъ и только десять милліоновъ двѣсти тысячъ душъ имѣютъ избытокъ пищи. «Положеніе большинства нашего крестьянства таково, — писалъ Л. Н. Толстой, — что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ и нормальнымъ состояніемъ».

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи хлѣбъ вытѣсняется картофелемъ и кашами.

Пища крестьянъ не только скудна, но и однообразна: хлѣбъ, картофель, капуста, лукъ, осенью, — если имѣются огороды и другія овощи. Мясо, сало, постное масло попадаютъ на столъ крестьянина нѣсколько разъ въ году. Роль молока и его продуктовъ въ дѣлѣ питанія крестьянъ совершенно ничтожна. Яйца продаются на сторону. Даже грибовъ и ягодъ становится все меньше и меньше. Пьютъ плохой квасъ или окрашенную плохимъ чаемъ воду съ ничтожнѣйшимъ количествомъ сахара.

Вдобавокъ къ этому настоящій голодъ — моръ, охватывающій большія пространства Россіи, вовсе не рѣдкость у насъ.

«Народъ вымираетъ, — говорили словами Нехлюдова Л. Н. Толстой, — привыкъ къ своему вымиранию; среди него образовались приемы жизни, свойственные вымиранию: умирание дѣтей, сверхсильная работа женщины недостатокъ пищи для всѣхъ, особенно для стариковъ».

Растетъ болѣзненность русскихъ крестьянъ, хотя дальше идти, кажется, некуда. Смертность, какъ мы уже знаемъ изъ главы о «количествѣ труда» неукротимо высока въ Россіи. Особенно высока у насъ смертность дѣтей.

Прецедтъ безграмотныхъ въ Россіи громаденъ.

Обвиненіе нашъ народъ разные обиралы (эксплуататоры) всѣхъ наименованій (правительство, капиталисты) не даютъ русскому крестьянству оправиться, высасываютъ всѣ его силы.

О крестьянинѣ Н. Огаревъ когда то писалъ: — «Въ трудахъ проходить жизнь его и не приноситъ ничего. Проходить тускло». Въ наше время мучительно протекаетъ эта жизнь.

ОСТАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ.

О лицахъ, живущихъ на счетъ такъ называемыхъ благотворителей, или, какъ выражается Л. Н. Толстой, на счетъ блевотны богатыхъ, мы не будемъ здѣсь говорить. Современный общественный строй до такой степени ненормаленъ, что люди вынуждены приобѣгать иной разъ къ благотворительности. Это относится къ нетрудоспособнымъ лицамъ. Что же касается до людей трудоспособныхъ, то въ лицѣ англійскихъ рабочихъ они давно уже заявили: «Да будетъ проклята благотворительность! Мы требуемъ права на трудъ!».

Говоря о такъ называемыхъ опасныхъ классахъ, надо замѣтить, что классы «обиралъ» всѣми способами стараются оравить имъ жизнь и, если, представители тихъ классовъ попадаютъ въ моментъ совершенія запрещеннаго законами дѣянія или послѣ его совершенія, представители класса обиралъ подвергаютъ этихъ лицъ всевозможнымъ мученіямъ. Но пока существуетъ современное общество, до тѣхъ поръ будутъ и «опасные классы» и, что очень интересно, разъ только положеніе бѣдныхъ классовъ общества улучшается хоть немного, численность опасныхъ классовъ общества сильно уменьшается и возрастаетъ въ обратномъ случаѣ. Эти общественные классы станутъ не мыслимыми въ обществѣ, гдѣ не будетъ класса «обиралъ» (эксплуаторовъ).

Въ современномъ обществѣ существуетъ классъ людей, который ни чѣмъ, въ сущности, не отличается отъ класса древнихъ рабовъ. Мы говоримъ о современныхъ рабахъ государства — каторжаныхъ. Они обращаются изъ свободныхъ людей въ рабство такими же низкими людьми, какъ и прежніе работорговцы и надъ ними стоятъ такіе же подлые палачи надсмотрщики, какіе стояли надъ рабами древности.

Эти люди обращаются въ рабство за преступленія противъ ~~шко-~~

новъ, но пока будетъ существовать современный общественный строй, до тѣхъ поръ будутъ и преступления, а съ исчезновеніемъ этого строя исчезнутъ и преступления и преступники. Эти рабы государства, эти люди и вещи содержатся на счетъ собираемыхъ съ населенія податей, но не рѣдко обрабатываютъ стоимость своего содержанія.

БОРЬБА КЛАССОВЪ.

Два общественныхъ класса — классъ обираль (эксплуататоровъ) и классъ обираемыхъ (эксплуатируемыхъ) борятся другъ съ другомъ.

Обираемые стараются улучшить свое положеніе, стараются уменьшить, а то и уничтожить то постоянное обираніе, жертвой котораго они являются, а классъ обираль хочетъ по прежнему или даже съ большей, чѣмъ прежде легкостью практиковать разрѣшенный законами грабежъ.

Со стороны обираемыхъ наиболѣе серьезную борьбу ведутъ наемные рабочіе. Они борятся стачками, саботажемъ, бойкотомъ и организуются для борьбы въ рабочіе союзы.

Съ наемными рабочими борятся предприниматели, борятся локаутами, черными списками, шпіонажемъ, коллективными договорами, третейскими судами и организуются для всего этого въ свои хозяйскіе союзы.

СТАЧКИ.

Если бы рабочіе не устраивали стачекъ, если бы хозяева не боялись, что рабочіе устроятъ стачку, дѣла рабочихъ были бы совсѣмъ плохи. Если хозяева не выматываютъ изъ рабочихъ послѣднихъ силъ, если заработная плата больше той суммы, которую собираетъ нищій, то это только потому, что рабочіе устраивали стачки. Если рабочіе перестанутъ устраивать стачки, хозяева обратятъ ихъ чуть ли не въ крѣпостныхъ.

Стачки бываютъ наступательными и оборонительными. Устроивъ наступательную стачку, рабочіе требуютъ улучшения своего положенія, — такъ на примѣръ, повышения заработной платы, уменьшенія рабочаго дня и т. д. Оборонительными стачками рабочіе добиваются, чтобы хозяева отказались отъ своего желанія ухудшить положеніе рабочихъ, на примѣръ, уменьшить заработную плату, удлинить рабочій день и пр.

Устроивъ стачку, рабочіе чаще всего требуютъ повышения заработка, уменьшенія рабочаго дня, отміны сверхурочныхъ работъ, устраненія вредныхъ для здоровья условій работы. Они требуютъ далѣе вѣжливаго обращенія со стороны мастеровъ и хозяевъ, отміны обысковъ по окончаніи работъ, расчета стачколомовъ и шпіоновъ, возвращенія на фабрику неправильно рассчитанныхъ товарищей.

Незѣдко рабочіе требуютъ, чтобы хозяева вели переговоры съ союзами рабочихъ, «признавали» послѣдніе.

Въ числѣ требований ставится и такое: — «никто изъ бастовавшихъ рабочихъ не можетъ быть разсчитанъ въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ послѣ стачки, развѣ только товарищи по работѣ признаютъ, что онъ плохо работаетъ». Если хозяева не согласятся на это, значить они хотятъ разсчитать нѣсколькихъ рабочихъ за забастовку.

Если рабочіе очень сильны и вполне увѣрены въ побѣдѣ, можно требовать отъ хозяевъ уплаты за прогульное, благодаря стачкѣ, время.

При всякой стачкѣ полезно приготовить письменное или печатное изложеніе требований рабочихъ, предъявить его хозяевамъ, а также и разослать его рабочимъ того же промысла, но другихъ мастерскихъ.

Если положеніе рабочихъ очень тяжело или грозитъ ухудшиться, надо тотчасъ же начинать стачку. Если положеніе рабочихъ не такъ ужъ плохо, они должны сообразить, не надо ли отложить стачку, не слишкомъ ли много имѣется такихъ безработныхъ, изъ числа которыхъ хозяева могутъ взять стачколомовъ (штрейкбрехеровъ).

Лучше устраивать стачки въ урожайные годы, когда въ города приходитъ меньше ищущихъ работы голодныхъ крестьянъ. Если дѣла хозяевъ идутъ хорошо, много заказовъ, — стачка легче увѣнчивается успѣхомъ. Когда въ дѣлахъ заминка, стачка легко проигрывается рабочими. Въ этомъ случаѣ хозяева спокойно ждутъ, что рабочіе откажутся отъ своихъ требований.

Годомъ тихихъ дѣлъ былъ, наиримѣрь, заграницей, 1905-й годъ, а въ 1906-мъ году дѣла шли бойко. Этимъ и воспользовались рабочіе Франціи, Германіи и Англии, устроивъ больше стачекъ.

Число стачекъ.

	Во Франціи	Въ Англии	Въ Германіи
Въ 1905 году.....	830	358	2403
Въ 1906 году.....	1309	486	3328

Устраивая стачку, надо приспособляться къ условіямъ производства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдующіе заказы бывають передъ праздниками и рабочимъ надо устраивать стачку именно въ это время. Въ колбасныхъ, наиримѣрь, надо бастовать лѣтомъ, когда матеріалы скоро портятся.

Чѣмъ неожиданнѣе для хозяевъ объявляется стачка, тѣмъ лучше, для рабочихъ. Въ противномъ случаѣ хозяева успѣвають подготовиться къ отперу.

Разъ рабочіе считаютъ необходимымъ устроить забастовку или стачкой же поддержать бастующихъ товарищей, они не должны считаться съ тѣмъ, что не истекъ еще срокъ договора, на который они наваялись. (Смотрите объ этомъ главу о коллективномъ (общемъ) договорѣ).

Опытные западно-европейскіе товарищи считаютъ ненужнымъ

поголовно спрашивать всѣхъ рабочихъ о томъ, надо ли устроить стачку (считаютъ ненужнымъ дѣлать «референдумъ»). Рабочіе говорятъ, что разъ производится поголовный опросъ рабочихъ, то вопросъ о томъ, дѣлать или не дѣлать стачку рѣшается не рабочими, а ихъ женами. А жены рабочихъ нерѣдко бываютъ противъ стачки даже тогда, когда ее выгодно сдѣлать.

Стачку надо начинать на другое утро послѣ выдачи заработной платы.

Иногда сами хозяева стараются вызвать (провоцировать) стачку. Напримѣръ, хозяинъ радуется стачкѣ, когда не можетъ выполнить къ сроку заказа и ему надо оправдаться передъ заказчикомъ. Радуется хозяинъ стачкѣ и тогда, когда у него скопилось много товаровъ и на нихъ нѣтъ и въ скоромъ времени не предвидится покупателей.

Въ этомъ случаѣ не надо устраивать даже оборонительныхъ стачекъ.

Если же хозяинъ черезчуръ сильно будетъ прижимать рабочихъ, что бороться съ нимъ саботажемъ (см. ниже).

Если предвидится затяжная стачка, то холостымъ рабочимъ лучше всего уйти и уѣхать, отыскивая работу.

Во время стачекъ бастующіе рабочіе должны устраивать харчевыя артели. Въ такихъ артеляхъ дешевле будетъ прокормиться. Во Франціи часто устраиваются такія артели и ихъ называютъ тамъ общими (коммунистическими) супами. Въ такихъ случаяхъ рабочіе устраиваютъ общую кассу, куда поступаютъ взносы бастующихъ, пожертвованія деньгами, съѣтными припасами и взносы рабочихъ союзовъ; на эти средства и устраиваютъ общіе обѣды. Не бастующіе рабочіе охотно помогаютъ устраивать такіе обѣды, дѣлая взносы въ указанную кассу.

Такіе обѣды обходятся много дешевле обѣдовъ въ одиночку. Бастующіе рабочіе и ихъ жены поочередно покупаютъ припасы и готовятъ обѣды. Молодежь относить обѣды на домъ больнымъ рабочимъ.

Не бастующіе семейные рабочіе должны во время стачекъ брать къ себѣ на прокормленіе и для проживанія малолѣтнихъ дѣтей бастующихъ товарищей, обращаться съ ними, какъ со своими родными дѣтьми и, по окончаніи стачки возвращать родителямъ.

Каждый не бастующій рабочій долженъ дѣлиться съ бастующимъ своей квартирой и помогать ему, чѣмъ только можетъ.

Стачка, это — мирная война и къ ней не мѣшаетъ готовиться, какъ къ войнѣ. Если начинаютъ поговаривать о стачкѣ, если видно, что безъ нея дѣло не обойдется, не мѣшаетъ заготовить солдатскихъ сухарей, закупить побольше сахару и чая. На худой конецъ и такой запасъ — поддержка.

Во время стачекъ надо дѣлать сборы денегъ на другихъ фабрикахъ, гдѣ не бастуютъ рабочіе. Стачка, это — дѣло всѣхъ рабочихъ.

Сегодня бастуют одни рабочіе, завтра придетъ чередъ другимъ. Не трудно собрать въ день уплаты заработка по 2, по 5 копеекъ съ рабочаго и передать эти деньги бастующимъ — черезъ ихъ уполномоченныхъ. Рабочихъ много въ городѣ. 2—5 копеекъ въ недѣлю, пока идетъ стачка, никого не раззоритъ, а забастовщикамъ — большая поддержка.

Если стачка захватила много рабочихъ, надо писать иногороднимъ рабочимъ, чтобы собрали деньги и послали уполномоченнымъ бастующихъ. Можно писать и за границу, подробно описывая изъ-за чего идетъ стачка. Рабочіе — вездѣ рабочіе, и заграничные товарищи помогаютъ рабочимъ другихъ странъ.

У насъ въ Россіи бывало и такъ, что окрестные крестьяне помогали забастовщикамъ, дешево продавая имъ, а то давая и даромъ, хлѣбъ и овощи.

Для сбора денегъ и припасовъ забастовщики должны выбрать своихъ уполномоченныхъ.

Нерѣдко стачка поддерживалась тѣмъ, что рабочіе другихъ не бастующихъ мастерскихъ грозятъ забастовать, если хозяева не уступятъ забастовщикамъ. Если хозяева не уступаютъ стачечникамъ, то на другихъ фабрикахъ начинается забастовка по дружбѣ (по симпатіи, по солидарности). Рабочіе другихъ фабрикъ бастуютъ, настаивая на томъ, чтобы были уважены требованія ихъ товарищей, забастовавшихъ первыми, а иной разъ, вмѣстѣ съ этимъ своимъ требованіемъ они выставляютъ свои требованія своимъ уже хозяевамъ.

Бываютъ и такія стачки, когда бастуютъ сразу все рабочіе какой-нибудь профессіи. Такъ, напримѣръ, въ 1912-мъ году, въ Англій сразу бастовали все углекопы въ количествѣ одного милліона человѣкъ.

Если бастуютъ рабочіе нѣсколькихъ предпріятій одного и того же промысла, стачка должна быть окончена не иначе, какъ рабочими всехъ предпріятій сразу. Иначе одни рабочіе добьются чего хотятъ, а другіе нѣтъ. Московскіе столяры, устроивъ въ 1905 году стачку, постановили: — «каждая фабрика или мастерская въ отдѣльности не можетъ начать работу (даже въ томъ случаѣ, если будутъ сдѣланы уступки со стороны хозяевъ), до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія всехъ фабрикъ и мастерскихъ». Иногда съ общаго согласія рабочихъ рабочіе какого-нибудь одного предпріятія начинали работать у уступившаго хозяина, но въ этомъ случаѣ они вносили въ стачечную кассу не менѣе 10% своего заработка, иначе товарищи не соглашались на то, чтобы они начали работу.

Когда бастующіе рабочіе ушли изъ мастерскихъ, хозяева приглашаютъ на ихъ мѣсто стачколомовъ (штрейкбрехеровъ). Стачколомъ, это — предатели рабочаго класса, продающіе его за деньги. Надо кончать стачку не иначе, какъ потребовавъ, чтобы они были разсчитаны. Если хозяева не разсчитаютъ ихъ, надо отлучить отъ товарищества («бойкотировать»). Но и въ самомъ началѣ, какъ толь-

ко стачколомы явились въ мастерскія, они должны быть отчуждены отъ всѣхъ рабочихъ и отъ всѣхъ знакомыхъ рабочихъ. Со стачколомомъ не надо говорить ни одного слова, не надо съ ними здороваться, надо объявить хозяевамъ трактировъ, что рабочіе не будутъ ходить въ тѣ трактиры, куда будутъ пускать стачколомовъ. Надо объявить хозяевамъ мелочныхъ лавокъ, что рабочіе ничего не будутъ покупать въ тѣхъ лавкахъ, гдѣ хоть что-нибудь, хоть коробку спичекъ будутъ продавать стачколомамъ. Если стачколомъ заболѣлъ, не надо идти къ нему. Если стачколомъ умеръ, не надо идти на его похороны. Надо повѣстить всѣхъ знакомыхъ стачколома, что онъ измѣнилъ товарищамъ рабочимъ. Если имѣется газета, согласная напечатать имена и фамиліи стачколомовъ, надо передать въ нее списки съ фамиліями этихъ людей. Надо писать письма на родину къ стачколомамъ, указывая, что они ведутъ себя не по чести.

Бываютъ, правда, стачколомы по глупости, по непониманію. Съ ними надо поговорить, объяснить имъ, въ чемъ дѣло, а затѣмъ, если они все-таки пойдутъ противъ товарищей, надо отлучить ихъ отъ товарищества.

Стачколомъ — негодяй и предатель. Съ нимъ нельзя имѣть никакого дѣла. Если стачка удастся, онъ хочетъ воспользоваться тѣмъ, чего добились рабочіе, хотя самъ то онъ старался, чтобы стачка не удалась. Когда товарищи бастуютъ и бѣдствуютъ, онъ хочетъ все-таки получить зарбточку.

Во время стачки не мѣшаетъ навѣщать стачколомовъ на квартирахъ и уговаривать ихъ не измѣнять рабочимъ. Но эти посѣщенія должны дѣлать рабочіе не бастующихъ фабрикъ, не знакомые стачколомамъ.

Во все время стачекъ около бастующихъ фабрикъ должны находиться товарищи для того, чтобы указывать идущимъ наниматься рабочимъ на то, что на фабрику идетъ стачка, отговаривать ихъ отъ поступленія на фабрику.

Если стачка охватила многихъ рабочихъ, надо постараться оповѣстить черезъ газеты рабочихъ другихъ мѣстностей, чтобы они не ѣхали въ тотъ городъ, гдѣ бастуютъ рабочіе.

Правительство всѣхъ странъ — въ томъ числѣ и тѣхъ, гдѣ имѣются парламенты, избранные всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, — относятся къ рабочимъ стачкамъ враждебно. Даже о демократической французской республикѣ Поль Луи пишетъ: — «всякій разъ, какъ извѣстное число рабочихъ возстаетъ противъ фабричныхъ распоряжковъ и приходитъ къ соглашенію о временномъ прекращеніи работы (т. е. бастуетъ), появляется пѣхога и кавалерія; правительство берегъ предпринимателей подъ свою защиту». Подъ всякими, въ томъ числѣ и выдуманнми предлогами, особо смѣлые забастовщики, арестуются, а иногда и судятся.

Стачки очель тяжелы для рабочихъ. Во время ихъ всегда бѣдствуютъ рабочіе. Тѣмъ не менѣе стачки приносятъ пользу рабочему

Классу даже въ томъ случаѣ, когда онѣ проигрываются. Рабочіе во-
очію видятъ, что безъ нихъ невозможно производство. Даже у нераз-
витыхъ рабочихъ пробуждается въ это время сознаніе, что интересы
всѣхъ рабочихъ одни и тѣ же. Во время стачки пробуждается и
крѣпнѣть чувство товарищества. Рабочіе ясно видятъ въ это время,
что хозяева и правители — ихъ враги.

Замѣчено, что воинственные, не спокойныя стачки чаще окан-
чиваются успѣхомъ, чѣмъ стачки тихія, когда рабочіе ведутъ себя
очень смирно, не мѣшая даже работѣ стачколомовъ, когда рабочіе
клянутся передъ депутатами о заступничествѣ и т. д.

Предприниматели всегда побаиваются въ наше время, что забастовка, начиная на одной фабрикѣ, перейдетъ по дружеству въ забастовку многихъ фабрикъ, а затѣмъ во всеобщую забастовку, въ социальную революцію. Такія соображенія дѣлають предпринимателей нѣсколько болѣе стоворчливыми. Но, если стачки ведутся такъ, что нѣтъ опасности, что они перейдутъ въ социальную революцію, если стачки ведутся черезчуръ ужъ благопривно, то съ предпринимателями почти что невозможно стоворчаться.

Съ тѣхъ поръ, какъ предприниматели начали устраивать свои союзы, для борьбы съ рабочими, — послѣднимъ труднѣе выигрывать стачки. Тѣмъ не менѣе, безъ стачекъ нельзя обойтись: только стачечной борьбой добиваются рабочіе улучшения своего положенія, или мѣшаютъ хозяевамъ ухудшить его. Во время начатая стачка убыточна хозяину, а предприниматели не любятъ убытковъ.

Стачки то проигрываются рабочими, то кончаются полной удачей, то — сдѣлкой съ хозяевами. Вотъ какъ оканчивались стачки во Франціи, Германіи и Россіи:

На сто забастовокъ

	Въ 1902 г.	1905 г.	1908 г.	1909 г.
Во Франціи				
Удачныхъ	22	22	17	20
Неудачныхъ	42	34	53	43
Частично успѣшныхъ	36	44	30	36
Въ Германіи	Въ 1902 г.	1905 г.		
Удачныхъ	21	22		
Неудачныхъ	57	38		
Частично успѣшныхъ	22	40		
Въ Россіи	Съ 1895 до 1905 г.	Въ 1908 г.	(безъ политическ. стачекъ)	
Удачныхъ	28	23		
Неудачныхъ	45	54		
Частично успѣшн.	22	23		

ПОДЪЕМЪ ЗАБАСТОВОЧНАГО ДВИЖЕНІЯ.

Вышелъ министерскій отчетъ о забастовкахъ за 9 мѣсяцевъ 1911 года въ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ фабричной инспекціи. Изъ отчета виденъ подъемъ стачечнаго движенія. Было забастовокъ: въ

1909 г. 255 съ 51 тыс. рабоч.; въ 1910 г. 171 съ 32 тыс. рабоч.; въ 1911 г. 295 съ 78 тыс. рабочихъ.

Больше всего бастовали текстильщики (119 стачекъ съ 52,000 рабочихъ); затѣмъ металлисты (64 забастовки) и др.; въ полиграфическомъ производствѣ было 9 забастовокъ съ 973 участниками. По числу забастовщиковъ первое мѣсто занимаетъ Владимірская губернія (35 забастовокъ съ 22 тысячами рабочихъ); по числу же забастовокъ выдается Варшавская губернія (63 съ 6,000 раб.); въ Варшавской губ., какъ видно, бастовали мелкія предпріятія, а во Владимірской — крупныя. Въ Московской губерніи было 26 забастовокъ съ 9,000 раб., а въ Петербургской 14 съ 17,000 рабочихъ.

Изъ всѣхъ забастовокъ съ экономическимъ требованіемъ окончились побѣдой рабочихъ 18 процентовъ, соглашеніемъ 38 проц., а въ 44 проц. побѣдили хозяева.

Первомайскихъ стачекъ было 22 съ 8,000 рабочихъ.

О нѣкоторыхъ стачкахъ не имѣлось свѣдѣній, чѣмъ онѣ кончились.

Во время стачекъ рабочіе несутъ, конечно убытки, но, добившись повышенія заработной платы, наверстываютъ ихъ. За годъ французскіе рабочіе потеряли, напримѣръ, во время забастовокъ 435.000 рублей въ годъ. Если рабочіе повысили свой заработокъ стачкой на рублей въ годъ, сли рабочіе повысили свой заработокъ стачкой на одной фабрикт, они повышаютъ его и на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ не было еще стачки, но гдѣ ее ожидаютъ.

Если рабочіе хотятъ добиться уменьшенія рабочихъ часовъ, то во время большихъ и спѣшныхъ заказовъ хозяевамъ, но отнюдь не во время застоя въ дѣлахъ, можно сдѣлать «стачку послѣдняго часа». Въ этомъ случаѣ надо уходить съ работы за часъ раньше, чѣмъ уходили раньше (до такой стачки), а на другой день аккуратно являться на работу. Конечно, при томъ можетъ случиться, что на другой день двери фабрики будутъ занерты, что хозяева отвѣтятъ локаутомъ рабочимъ, но потому то такія стачки и надо начинать, только во время усиленныхъ заказовъ. Такія стачки удавались и рабочимъ и приказчикамъ, но ихъ нельзя дѣлать, какъ дѣлали въ 1905 г. петербургскіе рабочіе при наличности полного застоя въ дѣлахъ. При этомъ условіи проигрываются и обычныя стачки, а стачки послѣдняго часа проигрываются навѣрняка.

Иногда рабочіе пытаются добиться согласія хозяевъ на свои требованія такъ называемыми «стачками въ розницу». Въ какомъ-нибудь производствѣ бастуютъ одна мастерская за другой, но бастуютъ по одиночкт въ то время, какъ рабочіе не бастующихъ мастерскихъ поддерживаютъ забастовавшихъ. Нельзя высказаться, выгодны или нѣтъ такія стачки для рабочихъ, такъ какъ такихъ стачекъ было до сихъ поръ немного.

САБОТАЖЪ.

Когда стачка заранее обречена на неудачу, а положеніе рабочихъ невыносимо, они прибѣгаютъ къ такъ называемому саботажу. Саботажемъ называется причиненіе хозяевамъ убытка медленно плохой работой и причиненіе убытковъ порчей матеріаловъ, инструментовъ, машинъ и издѣлій.

Прежде всего, — саботажъ, это — скверная работа за скверную плату, дѣлаемая съ тѣмъ расчетомъ, чтобы не повредить самому работнику. Рабочіе стараются работать возможно хуже и медленно дѣля, все-таки за тѣмъ, чтобы имъ нельзя было отказать отъ мѣста за неумѣнье работать. При поштучной работѣ они дѣлаютъ издѣліе такъ, чтобы оно было принято мастеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ, чтобы оно не отличалось прочностью, особымъ изяществомъ, чтобы при его изготовленіи было потрачено побольше вспомогательнаго матеріала, а отъ сырого матеріала не осталось годныхъ для обработки частей.

Мало этого. Для того, чтобы сдѣлать невозможной работу стачколомовъ, въ особенности же стачколомовъ невольныхъ, — напримѣръ, солдатъ, — и для того, чтобы причинить жаднымъ хозяевамъ убытки, рабочіе не ломаютъ машинъ, а приводятъ ихъ въ такое состояніе, которое требуетъ нѣсколькихъ дней для ихъ небольшого ремонта или чистки. Такъ, напримѣръ, въ смазочную коробку или въ мѣста, гдѣ соприкасаются двигающіяся части машинъ, высыпается порошокъ изъ наждака. Какъ общее правило, саботажъ не уничтожаетъ орудій труда, а только приводитъ ихъ въ такое состояніе, что они нуждаются въ убыточной для хозяина и приостанавливающей работу стачколомовъ* починкѣ. Въ случаѣ такой порчи уменьшается прибыль хозяина.

Но, если какая-нибудь мастерская устроена черезчуръ уже плохо, если рабочіе быстро теряютъ въ ней свое здоровье, если хозяинъ завелъ у себя машины-человѣкоубійцы, калѣчащія или убивающія рабочихъ, а хозяинъ не хочетъ или не можетъ къ нимъ придѣлать такія приспособленія, которыя дѣлали бы работу на этихъ машинахъ безопасной для жизни и здоровья рабочихъ, послѣдніе примѣняютъ рѣзко разрушительный саботажъ. Въ печь скверно устроенной булочной они заливаютъ фунтъ керосина и надо или сложить новую печь или мѣсяць выжигать керосинъ, запахъ котораго портитъ хлѣбъ или ломаютъ машины или, если благодаря дешевизнѣ хозяинъ употребляетъ ядовитый матеріалъ портятъ послѣдній, напримѣръ, бросаютъ маленький кусочекъ сѣрнистаго натра въ ведро свинцовыхъ бѣлилъ и дѣлаютъ этотъ убивающій рабочихъ, но выгодный для хозяевъ матеріалъ никуда негоднымъ.

Въ случаѣ работы стачколомовъ, вошедшіе въ мастерскія вмѣстѣ съ ними рабочіе беспощадно портятъ и инструменты и матеріалы и издѣлія, приготовленные этими предателями рабочаго класса.

Разрушительный саботажъ долженъ быть строго обдуманымъ

пріемомъ борьбы. Онъ долженъ быть грозой для капиталистовъ и безвреднымъ для рабочихъ и для постороннихъ классовъ борьбы лишь, если таковыя имѣются.

Рабочіе имѣютъ право на саботажъ. Такъ какъ всѣ средства производства готовятся рабочими, такъ какъ они являются продуктомъ усилий современныхъ и исчезнувшихъ поколѣній трудящихся, то всѣ такія средства производства, по праву справедливости, трудящимся и принадлежать, будь они сто разъ захвачены обиралами. Они принадлежать рабочему классу не фактически, конечно, а такъ сказать въ идеѣ. Пользуясь пока что, этими средствами производства на невыгодныхъ условіяхъ наемничества, рабочіе знаютъ, что всѣ средства производства перейдутъ въ общее достояніе трудящихся и естественно берегутъ ихъ. Но рабочій классъ имѣетъ право распоряжаться ими, какъ своими вещами по своему усмотренію. Не имѣя возможности отобрать ихъ у черезчуръ недобросовѣстнаго собственника, онъ вправѣ уничтожить ту часть средствъ производства, которая попала въ руки очень ужъ злоупотребляющаго своимъ захватомъ хозяина. Онъ вправѣ уничтожить эту часть, какъ капитанъ перегруженнаго парохода вправѣ сброситъ въ море часть груза для того, чтобы спасти пассажировъ и матросовъ, какъ можно разрушить на войнѣ зданіе, за которымъ укрылся осыпающій насъ пулями непріатель, какъ можно разрушить свою же постройку для того, чтобы не дать распространиться пожару. Орудія труда, по рабочему праву, являются достояніемъ рабочаго класса и онъ имѣетъ нравственное право въ любую минуту приостановить дѣйствіе машинъ и пр. тѣмъ способомъ, какой найдетъ для себя удобнымъ.

Бываютъ разные приемы саботажа. Иной разъ желѣзнодорожники рабочіе начинаютъ засылать вагоны съ товаромъ совсѣмъ не туда, куда они назначены, перемѣняя на нихъ ярлыки, иногда приказчики перестаютъ обвѣшивать и обмѣривать покупателей и указываютъ имъ, какой товаръ плохъ, поддѣланъ и пр. и пр.

Саботажъ—медленная работа имѣетъ значеніе только тогда, когда къ нему прибѣгаетъ масса рабочихъ. Англійскіе ткачи своимъ поголовнымъ саботажемъ умѣютъ понижать производительность труда на 10% во всѣхъ мастерскихъ сразу. Въ свою очередь, разрушительный саботажъ не мыслимъ, если онъ неодобряется рабочей массой. Если большинство рабочихъ противъ разрушительнаго саботажа, отдѣльные рабочіе не могутъ производить его подъ зоркими, враждебными взглядами товарищей. Разрушительный саботажъ долженъ производиться не иначе, какъ при молчаливомъ или открытомъ одобреніи всѣхъ товарищей, или, по крайней мѣрѣ, громаднаго большинства ихъ.

Саботажа медленной работы, такъ же, какъ и разрушительнаго саботажа боятся самые заносчивые капиталисты. Саботажъ бьетъ капиталистовъ по карману и заставляетъ идти на уступки самымъ упрямымъ хозяевамъ.

Рабочіе союзы, какъ учрежденія, разрѣшенныя закономъ, могутъ

высказываться только за саботажъ — медленную работу. О разрушительномъ саботажѣ, какъ о безусловно запрещенномъ закономъ имѣ приходится молчать.

Всѣ возраженія противъ саботажа, выдвигаемыя чаще всего обуржуазившимися социаль-демократами не выдерживаютъ серьезной критики. Такъ какъ предприниматели все чаще и чаще требуютъ отъ рабочихъ очень быстрой, напряженной работы, то рабочіе все чаще и чаще будутъ сознательно земедлять работу. Иначе черезчуръ ужъ часто придется умирать для выгоды господъ капиталистовъ, черезчуръ уже ранней смертью.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ стачка запрещена, какъ напримѣръ, запрещена она желѣзнодорожнымъ рабочимъ въ Россіи, придется или примириться со все ухудшающимися условіями труда и жизни или прибѣгать къ саботажу.

Если положеніе рабочихъ невыносимо, а стачка не можетъ удасться, рабочимъ опять-таки остается прибѣгнуть только къ саботажу.

Очень многіе предприниматели боятся въ настоящее время только саботажа и противъ нихъ неизбѣжно будетъ примѣняться этотъ способъ борьбы.

Надо еще замѣтить, что предприниматели, поднимая крикъ противъ саботажа, приписываютъ и ту плохую работу, которую они сами требуютъ отъ своихъ рабочихъ. Они поддѣлываютъ товары, требуютъ отъ рабочихъ скорой, а потому небрежной работы, а потомъ обвиняютъ въ плохомъ изготовленіи издѣлій и не думавшихъ саботировать рабочихъ.

БОЙКОТЬ-ОТЧУЖДЕНІЕ.

Мы говорили уже объ отлученіи стачколомовъ отъ товарищества, объ ихъ отчужденіи (бойкотѣ).

Въ Германіи и во Франціи бойкотировали встарину и подмастерьевъ, провинившихся передъ товарищами, и мастеровъ-хозяевъ, къ которымъ никто уже не нашивался въ такомъ случаѣ.

Въ наше время бойкотъ-отчужденіе опять-таки примѣняется къ хозяевамъ. Стачка, это — временный бойкотъ предпринимателя рабочими. Бойкотъ какого-либо очень ужъ плохо относившагося къ рабочимъ предпринимателя, объявленный на всегда, почти что не практикуется и можетъ удасться только при большой солидарности рабочаго класса и при широкомъ оповѣщеніи о томъ, что такой то предприниматель бойкотированъ, отлученъ отъ общенія съ рабочими.

Много чаще бойкотируются товары какого-либо предпринимателя, вступившаго въ рѣзкое столкновение съ рабочими. Если рабочіе покупаютъ (когда нѣтъ бойкота) издѣлія бойкотированнаго предприятия и имъ удалось увѣдомить о бойкотѣ многихъ товарищей, если бойкотируемыя издѣлія легко отличаются отъ подобныхъ же издѣлій другихъ предприятий, то бойкотъ удастся рабочимъ. Такимъ образомъ можно бойкотировать какой-либо пивной заводъ, табачную фабрику

въ Россіи, фабрики обуви, шляпъ, разъ на нихъ ставятся клейма и т. д..

Въ опредѣленныхъ городахъ можно бойкотировать магазины; въ которыхъ особенно грубо эксплуатируются приказчики; но не иначе, какъ при томъ условіи, что покупателями этихъ магазиновъ являются рабочіе.

Можно бойкотировать посѣщаемые рабочими трактиры, парикмахерскія, булочныя, мясныя лавки, рабочіе и служащіе которыхъ грубо обираются (эксплуатируются) хозяевами.

Рабочіе бойкотируютъ иногда тѣхъ рабочихъ, которые не хотятъ войти въ рабочіе союзы. Какъ кажется этого не надо дѣлать. Въ рабочемъ союзѣ нужны понимающіе его значеніе рабочіе, а не рабочіе, притянутые къ нему насильно. Союзъ будетъ плохимъ орудіемъ борьбы, если его члены будутъ вербоваться не убѣжденіями, а такимъ принужденіемъ, какъ бойкотъ. Бойкотъ надо оставить для стачколомовъ, шпионовъ, грубыхъ и дерзкихъ мастеровъ и т. д.

Мы уже говорили, какъ надо примѣнять бойкотъ къ такимъ лицамъ. Иногда бойкотъ обращается въ демонстрацію. Рабочіе собираются толпами передъ магазинами, въ которыхъ длиненъ рабочий день, или въ которыхъ торгуютъ по праздникамъ, или въ которыхъ черезчуръ ужъ мало платятъ приказчикамъ и уговариваютъ покупателей не заходить въ такіе магазины, свистомъ, враждебными криками встрѣчаютъ тѣхъ, кто все-таки хочетъ покупать въ нихъ и т. п.

Когда рабочіе хорошо объединятся, тогда можно будетъ примѣнять новый видъ бойкота, а именно поголовный уходъ и отъѣздъ рабочихъ изъ тѣхъ городовъ или фабричныхъ мѣстечекъ, гдѣ хозяева очень ужъ нагло обираютъ рабочихъ, очень нагло выматываютъ изъ нихъ жилы.

Рабочіе союзы.

Для борьбы съ хозяевами за улучшение своего быта рабочіе устраивают свои союзы. Если рабочіе хотятъ получать больше заработной платы, сократить рабочий день и пр., если они хотятъ добиться полнаго самоосвобожденія изъ-подъ ига хозяевъ, если они хотятъ стать хозяевами мастерскихъ, фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и всѣхъ средствъ производства, имъ надо устраивать рабочіе союзы.

ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ РАБОЧИХЪ СОЮЗАХЪ.

Рабочіе союзы раздѣляются по главнымъ цѣлямъ на два разряда. Одни изъ нихъ ставятъ главной цѣлью своей дѣятельности полное уничтоженіе наемнаго труда, замѣну современныхъ порядковъ социалистическими. Наряду съ этимъ они борются за улучшение положенія наемныхъ рабочихъ въ настоящее время. Къ числу такихъ союзовъ относятся сильные во Франціи союзы, называемые «революціонными синдикатами», многіе союзы рабочихъ въ Испаніи, Италіи, французской Швейцаріи. Такіе союзы встрѣчаются въ Бельгіи и въ Скандинавскихъ странахъ. Къ числу этихъ союзовъ надо отнести союзы «Промышленныхъ Рабочихъ Мира» въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ и въ Австраліи. Близки къ нимъ и нѣкоторые союзы Англии.

Объ англійскихъ союзахъ втораго разряда говорятъ С. и Б. Веббы, а о такихъ же, но находящихся въ Германіи союзахъ А. Бебель. По словамъ Веббовъ, — рабочіе союзы, это — «прочная ассоціація наемныхъ рабочихъ, составленная въ цѣляхъ сохраненія и улучшенія данныхъ условий труда». Бебель еще точнѣе опредѣляетъ союзы втораго разряда: — «профессиональный***) союзъ есть такая рабочая организація, которая стремится къ улучшенію положенія рабочихъ на основѣ существующаго государственнаго и общественнаго строя».

Въ зависимости отъ поставленныхъ цѣлей различается и дѣятельность этихъ союзовъ. Вторые — очень мирные-союзы придерживаются существующихъ законовъ, а первые—новые по времени—преслѣдуютъ и революціонную цѣль, приобѣгаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ такимъ способамъ борьбы, которые не считаются съ законами, изданными богатыми и властными людьми во вредъ рабочимъ.

Нѣтъ основаній думать, что новые союзы встрѣчаются въ странахъ, гдѣ капитализмъ появился только недавно. Вездѣ, кромѣ нѣмецкихъ странъ, замѣтно движеніе въ пользу союзовъ, стремящихся усиліями рабочаго класса уничтожить наемничество.

***) Профессія — ремесло, занятіе.

Такое движеніе замѣчается въ последнее время и въ Англии. Оно и не удивительно. Рабочіе этой страны всегда отличались самостоятельностью, полагались, главнымъ образомъ, на свои силы. Въ Англии давно уже имѣется парламентъ*) и рабочіе знаютъ, что все дѣйствительно нужное для рабочихъ было вырвано у парламента поднятыми ими грозными волненіями, а не даровано законодателями. Въ этой странѣ не было всеобщей воинской повинности и ея рабочіе не забиты казарменной дисциплиной. Они всегда сознавали, что хозяева отнимаютъ у нихъ создаваемое рабочими богатство. Слова старой англійской пѣсни никогда не забывались рабочими Англии.

«Заработная плата должна сравняться съ цѣной товара.

Цѣна товара должна сравняться съ заработной платой.

И тогда мы — создающіе трудомъ продукты —

Все получимъ въ заработной платѣ, такъ какъ на все имѣемъ право».

Еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія основанный Робертомъ Оуэномъ «Великій союзъ рабочихъ профессій» имѣлъ конечную цѣль переходъ всѣхъ фабрикъ, заводовъ и пр. во владѣніе рабочихъ союзовъ. Когда же рабочіе Франціи встрѣтились въ 1862 году съ рабочими Англии на лондонской выставкѣ, тѣ и другіе задумали основать Международную Ассоціацію Рабочихъ, конечной цѣлью которой было бы уничтоженіе наемничества.

Правда, въ теченіе того времени, когда подъ влияніемъ разныхъ (едва ли могущихъ повториться), условій, заработокъ многихъ англійскихъ рабочихъ повышался, послѣдніе не высказывали стремленія къ захвату средствъ производства въ распоряженіе трудящихся. Но это время не было продолжительнымъ. Уже въ 1889 году лондонскіе докеры (рабочіе гавани), во время своей знаменитой стачки, думали захватить доки и самостоятельно управлять ими. Въ самомъ началѣ текущаго столѣтія (1901 г.) въ отчетѣ рабочаго союза механиковъ мы читаемъ, что союзъ ставитъ своей цѣлью товарищескую работу, при которой рабочіе будутъ получать полный продуктъ своего труда. Затѣмъ на съѣздахъ (конгрессахъ) рабочей партіи большая половина поданныхъ голосовъ говорила о необходимости уничтоженія наемничества. Неудивительно, что въ этой странѣ стало быстро распространяться ученіе новыхъ (первыхъ) рабочихъ союзовъ.

Иначе обстоитъ дѣло въ Германіи. Рейхстагъ*) существуетъ тамъ недавно и хотя не принесъ рабочимъ пользы, но они все-таки надѣются, что пославъ въ парламентъ депутатами социаль-демократовъ, рабочий классъ добьется не только улучшенія своего быта, но получить и социалистическій строй общества. Въ этой странѣ рабочіе не отличаются самостоятельностью и надѣются на постороннюю по-

*) Законодательное собраніе народныхъ представителей, передъ которымъ отвѣтственны министры.

*) Законодательное собраніе.

мощь, главнымъ образомъ на помощь депутатовъ. Рабочіе забиты здѣсь казармой, черезъ которую проходитъ чуть ли не вся мою-дежь. Казарменная дисциплина замѣтна въ Германіи въ школахъ. Замѣтна она и въ семьѣ. Пока что, рабочіе все еще думаютъ, что начальство необходимо, что ихъ облагодѣтельствуютъ сверху, облагодѣтельствуетъ социаль-демократическое правительство. И молодое, нерѣшительное движеніе этой страны въ значительной своей части идетъ подъ руководствомъ политической социаль-демократической, почему то называющей себя рабочей партіи. Новые рабочіе союзы слабо развиваются въ этой странѣ.

МОГУТЪ ЛИ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ СЕРЬЕЗНО УЛУЧШИТЬ ПОЛОЖЕНІЕ НАЕМНЫХЪ РАБОЧИХЪ?

Важно разумѣется знать, могутъ ли рабочіе союзы серьезно улучшить положеніе рабочихъ въ капиталистическихъ странахъ.

Съ того времени, какъ появились и быстро окрѣпли хозяйскіе союзы, заработная плата почти не повышается, условія найма не улучшаются. Только въ томъ случаѣ, если повышеніе заработка дѣлало рабочихъ болѣе способными къ труду, хозяева соглашались на это повышеніе.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, когда въ Англій были сотни хозяйскихъ союзовъ, англійскій экономистъ Эльстеръ Кемъ писалъ: —

‘ ‘ Законодательное собраніе.

«какъ только работодатели прочно объединились, пробилъ часъ и для рабочихъ союзовъ, поскольку они являются союзами борьбы. Передъ объединенными предпринимателями объединенные рабочіе оказываются экономически приблизительно настолько же слабыми, какъ отдѣльный работникъ передъ отдѣльнымъ предпринимателемъ». Веб-би выражаются еще рѣшительнѣе: — «въ борьбѣ съ неограниченными средствами и обезпеченнымъ отсутствіемъ соперниковъ совершеннымъ единодушіемъ современныхъ капиталистическихъ левіафановъ (громадныхъ чудовищъ) четверть милліонное состояніе и возмушеніе двухсотъ тысячъ упорныхъ и озлобленныхъ рабочихъ такъ же безсильны, какъ стрѣла, брошенная въ броненосецъ».

Съ послѣдними словами нельзя согласиться. Стачки все-таки невыгодны, какъ отдѣльнымъ капиталистамъ, такъ и ихъ союзамъ, но, нѣтъ спора, онѣ часто проигрываются въ послѣднее время рабочими. Правъ былъ Шмоллеръ, говоря, что «новѣйшіе колоссальные (громадные) тресты и союзы предпринимателей могутъ сокрушить также и организованныхъ рабочихъ и возстановить опять преобладаніе вышнихъ классовъ».

Въ настоящее время, когда стачка противъ отдѣльнаго хозяина превращается въ стачку противъ союза хозяевъ, можно рассчитывать только въ томъ случаѣ, если къ начатой стачкѣ примыкають рабочіе многихъ другихъ фабрикъ и заводовъ. Плезнѣе всего такимъ образомъ стачки, которыя сразу охватываютъ всѣхъ рабочихъ

какого-либо одного промысла, при чемъ всѣ рабочіе должны выставить одинаковыя требованія и кончать забастовку одновременно.

Въ настоящее время заработокъ германскихъ, на примѣръ, рабочихъ, почти не устранившихъ такихъ стачекъ по дружеству (по симпатіи, по солидарности), пересталъ повышаться. Если на какихъ-либо фабрикахъ и увеличилась заработная плата, то еще больше вздорожали съѣстные припасы и квартиры. Если гдѣ и уменьшился рабочій день, то зато трудъ сталъ много тяжелѣе. Роза Люксембургъ говорила уже о силахъ буржуазной политики (политики обирающихъ классовъ общества), «которая снова превращаетъ въ ничто почти всѣ завоеванія 15-лѣтней профессиональной борьбы», а профессоръ А. Шаудинеръ писалъ въ 1906 году слѣдующее: — «десять лѣтъ тому назадъ экономическая жизнь Германіи имѣла тенденцію (стремилась) въ сторону повышения заработной платы и одновременно удешевленія предметовъ потребленія. Съ тѣхъ поръ настали застои и даже регрессъ (обратный ходъ). Продукты (издѣлія) дорожаютъ, заработная же плата совсѣмъ не повышается или недостаточно повышается». За послѣдніе же годы жизнь стала еще дороже.

Почти тоже, что и въ Германіи, видимъ мы и въ другихъ странахъ. Но безъ рабочихъ союзовъ, — хозяева еще хуже бы скрутили рабочихъ, какъ скрутили ихъ въ Россіи.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

Въ СѢверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ встрѣчаются и новые союзы, объединенные въ союзъ союзовъ (федерацию), называющійся федераціей «Промышленныхъ Рабочихъ Міра», а старые союзы, объединились въ союзъ союзовъ подъ названіемъ «Американская Федерация Труда».

Американская Федерация Труда указываетъ только на то, какъ не надо устраивать рабочіе союзы. Принадлежащіе къ этой федераціи союзы (при посредствѣ своихъ вожаковъ и многихъ членовъ) утверждаютъ, что интересы рабочихъ и капиталистовъ одинаковы, что всегда должны быть хозяева и рабочіе. Они напрасно тратятъ время и силы на то, чтобы примирить противоположные интересы хозяевъ и рабочихъ, и кончаютъ тѣмъ, что дѣйствуютъ противъ рабочихъ, принадлежащихъ къ другимъ союзамъ и для пользы хозяевъ. Анархисты старательно выживаются изъ рядовъ Американской Федераціи Труда.

Предсѣдатели этихъ союзовъ забрали надъ рабочими очень большую власть. Эти предсѣдатели выбираются не сходомъ членовъ союза, а особыми комиссіями. По своему личному желанію, эти предсѣдатели разрѣшаютъ и запрещаютъ устройство стачекъ. «Во многихъ изъ этихъ союзовъ, — говоритъ Евгеній Дебсъ, — вожаки устроили такъ, что со всѣми членами обращаются, какъ со стадомъ»

овець. Если, напр., въ желѣзнодорожныхъ союзахъ всѣ члены согласны выйти на забастовку, они не могутъ начать ее безъ согласія главнаго вожака. Его слово сильнѣе рѣшенія всего союза. Въ виду такого страннаго факта (явленія) неудивительно, что рабочихъ часто предають. Неудивительно, что рабочіе находятся во власти эксплуататоровъ (обирать)».

Дѣло дошло до того, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты стали называть страной проигрываемыхъ стачекъ. Вожакъ рабочихъ союзовъ продають интересы рабочихъ хозяевамъ и въ дѣлѣ объявленія стачекъ очень часто руководствуются интересамъ хозяевъ, а не рабочихъ. «Когда стачки выиграны. — пишетъ Орестъ Донатти о стачкахъ, устраиваемыхъ союзами этой федерации, — это значитъ, что ихъ объявили сами предприниматели для того, чтобы получить съ потребителей повышенную цѣну за продукты (издѣлія) или потому, что группа капиталистовъ заинтересована въ раззореніи одного или нѣсколькихъ конкурентовъ (соперниковъ). Вотъ какія интересы защищаютъ въ Федерациі ея главные вожаки и, можете себѣ представить, не даромъ».

Вожакъ разсматриваемыхъ союзовъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы стачки не удавались, особенно же для того, чтобы не устраивались стачки по дружеству. Рабочіе союзы устроены здѣсь по отдѣльнымъ ремесламъ (профессіямъ, цехамъ), а не по цѣлымъ промысламъ. Такъ, напримѣръ, въ Американской Федерациі являть союза строительныхъ рабочихъ, а есть союзы каменщиковъ, плотниковъ, кровельщиковъ, штукатуровъ и другихъ работающихъ на постройкахъ рабочихъ. Предприниматель заключаетъ договоръ о наймѣ съ каждымъ изъ этихъ союзовъ отдѣльно и такимъ образомъ, чтобы сроки, на которые были заключены разными союзами договоры, оканчивались въ разное время. Кончается, напримѣръ, срокъ договора съ плотниками, но сроки договоровъ съ другими строительными рабочими кончается только черезъ нѣкоторое время и опять-таки не одновременно. Американская же Федерациа Труда запрещаетъ своимъ членамъ устраивать стачку раньше, чѣмъ окончится срокъ договора. Такимъ образомъ получается слѣдующее: плотники, срокъ договора которыхъ кончился, устраиваетъ стачку для повышения заработка. Но каменщики, кровельщики, печники, штукатуры и прочіе рабочіе не могутъ поддержать ихъ своею стачкою, такъ какъ сроки, на которые были заключены ихъ договоры съ хозяиномъ, еще не окончились. Хозяину легче замѣнить стачколомовъ однихъ только плотниковъ, чѣмъ всѣхъ рабочихъ. Такъ какъ стачка по дружеству не возможна здѣсь, то хозяева безъ особаго труда справляются съ забастовкой рабочихъ одного ремесла.

Но и этого мало. Американская Федерациа Труда всегда даетъ хозяевамъ время приготовиться къ стачкѣ. Если союзъ «хочетъ объявить забастовку, — пишетъ Орестъ Донатти, — онъ долженъ потребовать сначала разрѣшенія у центральной федерациі разрѣшеніе,

даваемое очень рѣдко или черезъ очень значительный промежутокъ времени. Если союзъ объявляетъ борьбу безъ согласія Федерациі, послѣдняя объявляетъ стачку неправильной и не только воздерживается отъ ея поддержки, но еще борется съ нею, разрѣшаетъ работу стачколомовъ, запрещаетъ другимъ союзамъ посылать денежную помощь, морить забастовщиковъ голодомъ и клевететь на нихъ».

Вотъ, наиримѣръ, одна изъ такихъ исторій. Въ Чикаго въ 1912 году забастовали печатники, работающіе на газетахъ. «Забастовка, — читаемъ мы въ 16 № «Голоса Труда» — охватила всѣ крупныя капиталистическія изданія и была бы несомнѣнно выиграна, если бы ее поддержали рабочіе, занятые въ этой области печатнаго дѣла. Но на помощь своимъ товарищамъ печатникамъ пришли лишь стереотипщики, извѣшники и разношники газетъ, въ то время, какъ наборщики позорно оставались на своихъ мѣстахъ, давая тѣмъ самымъ хозяевамъ возможность сломить стачку. Но этого мало. Ассоціація владѣльцевъ газетъ принесло жалобу на забастовавшихъ по симпатіи стереотипщиковъ въ ихъ центральный комитетъ, который, въ лицѣ предсѣдателя союза Фриля, потребовалъ отъ бастовавшихъ стереотипщиковъ немедленнаго возвращенія на работу. Но въ данномъ случаѣ даже терпѣливые рабы Американской Федерациі Труда не стерпѣли такого издѣвательства надъ собою и категорически наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе. Тогда Фриль заявилъ, что онъ изгоняетъ ихъ изъ союза и приметъ въ него согласныхъ работать въ типографіяхъ во время забастовки».

Американская Федерациа Труда постоянно занимается презрѣннѣмъ дѣломъ стачколомства. Члены этихъ союзовъ постоянно выступаютъ стачколомками, когда стачка ведется неорганизованными рабочими или «Промышленными Рабочими Міра». «Если члены Промышленныхъ Рабочихъ Міра» бастовали или были жертвами локаута (поголовнаго разсчета), — пишутъ Траутманъ и Винсентъ Джонъ, — ихъ мѣста тотчасъ же занимали члены Американской Федерациі Труда».

Они выступаютъ стачколомками и противъ членовъ своей же Федерациі. Но и это не все. Во время волненій неорганизованныхъ рабочихъ или «Промышленныхъ Рабочихъ Міра» или даже членовъ Американской Федерациі Труда идутъ въ ряды милиціи *) и выступаютъ противъ рабочихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Нечего и говорить, что всеобщая забастовка разсматривается жожаками этой Федерациі, какъ нѣчто ужасное, что они запрещаютъ опасныя для хозяевъ стачки по дружеству. Они постоянно мирво-

*) Милиціа—особый видъ войска, въ которомъ служатъ живущіе у себя на квартирахъ люди, только иногда являющіеся для того, чтобы учиться солдатскому дѣлу или драться съ рабочими, а также и съ виѣшними врагами, если таковые окажутся.

лять хозяевамъ, указывая на то, что рабочимъ будто бы невыгодно раззорять хозяевъ большими стачками.

Вожаки этихъ союзовъ чуть ли не открыто служатъ не рабочему дѣлу, но интересамъ хозяевъ. Въ сущности же всей Американской Федерацией Труда заправляютъ капиталисты. Въ сущности, во главѣ этихъ рабочихъ союзовъ стоитъ такъ называемая Національная Гражданская Федерация, состоящая изъ 15 предпринимателей, 15 вожаковъ рабочихъ союзовъ и 15 такъ называемыхъ представителей общества, въ числѣ которыхъ находятся 2 миллиардера *), 2 банкира и т. д. Эта Гражданская Федерация занимается дѣлами рабочихъ союзовъ, руководствуясь интересами предпринимателей. Новый секретарь этой Федерации, вожакъ союзовъ горнорабочихъ Джонъ Митчель говоритъ о ея дѣятельности слѣдующее: «могучее влияние на выработку добрыхъ отношеній между организаціями труда и капитала оказала Національная Гражданская Федерация. Въ ея комитетахъ засѣдаютъ представители рабочихъ, предпринимателей и общества, такъ что интересы противоположныхъ сторонъ представлены равномѣрно. Дѣятельность Федерациі уже много разъ ознаменовывалась блестящими успѣхами въ дѣлѣ предотвращенія стачекъ и, если она и впродѣ будетъ притормаживаться той же политикой, то имѣетъ право рассчитывать на благодарность общества». Конечно, Д. Митчель говоритъ явную неправду о томъ, что интересы рабочихъ и хозяевъ равномѣрно представлены въ этой Федерациі, что ея дѣятельность полезна для рабочихъ. «Можете себѣ представить конгрессъ мира между лисицами и гусями? — спрашивала Евгенія Дебсъ,—вообразите себѣ такое собраніе, когда гусь поднимаетъ свои крылья, какъ бы благословляя, а лисица шепчетъ:—«давайте молиться». Гражданская Федерация была основана съ единственной цѣлью продлить въковомъ сонѣ рабочего класса».

На съѣздѣ рудокоповъ въ декабрѣ 1908-го года Джонъ Митчель хвалился, что Гражданская Федерация окончательно прекратила столкновенія между трудомъ и капиталомъ.

Иногда члены союзовъ возстаютъ противъ участія своихъ вожаковъ въ этой Федерациі. Они заставили Д. Митчеля отказаться отъ должности секретаря въ ней. Но председатель Американской Федерациі Труда Самюэль Гомперсъ остается ея членомъ, несмотря на нежеланіе части рабочихъ. Членомъ ея состоитъ и секретарь Американской Федерациі Труда—Дунканъ, отмолчавшійся на запросъ по этому поводу на международномъ съѣздѣ секретарей рабочихъ союзовъ.

Послѣ всего сказаннаго не приходится удивляться, что вожаки америк. рабочихъ союзовъ, прямо или косвенно, продаются капиталистамъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые хорошо служатъ предпринимателямъ, послѣдними даются въ награду мѣста чиновниковъ и мѣста

*) Тотъ, который имѣетъ 1000 милліоновъ и болѣе.

въ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Эти вожаки нерѣдко получаютъ свои доходы, какъ отъ рабочихъ, такъ и отъ капиталистовъ. Они выгоняютъ изъ союзовъ тѣхъ рабочихъ, которые обвиняютъ ихъ въ продажности и въ измѣнѣ интересамъ рабочаго класса. Они установили строгую цензуру для рабочихъ газетъ и пишутъ въ нихъ только то, что имъ самимъ выгодно. Рабочіе Америки называютъ вожаковъ своихъ союзовъ коршунами и искренно презираютъ ихъ. Да и нельзя уважать этихъ продажныхъ и тупыхъ людей. Къ слову сказать предѣдатель Американской Федерациі Труда Самуэль Гомперсъ не постѣснялся заявить, что перейдетъ въ случаѣ возстанія рабочихъ на сторону капиталистовъ.

Для того, чтобы войти въ союзы, надо внести, какъ это бываетъ чаще всего 34½ рубля, что затрудняетъ вступленіе въ союзы новыхъ членовъ. Иногда требуются болѣе высокіе взносы, а союзъ выдувальщиковъ стекла требуетъ отъ вновь вступающаго члена 500 долларовъ, т.-е. около 1000 рублей.

Эти союзы не додумались до многого требованія, чѣмъ «справедливая плата за день добросовѣстной работы», при чемъ не установили того, какая плата считается ими справедливой и что именно надо понимать подъ добросовѣстной работой.

Профессоръ В. Зомбартъ—вовсе не сторонникъ новыхъ рабочихъ союзовъ—пишетъ о союзахъ Американской Федерациі Труда слѣдующее: «Американскіе рабочіе союзы стоятъ на чисто профессиональной точкѣ зрѣнія, которая ведетъ ихъ къ тому, что они защищаютъ интересы представляемой ими группы, не обращая никакого вниманія на пролетаріатъ, какъ классъ и, въ особенности, на низшій слой и необученныхъ рабочихъ... Большая часть союзовъ ограничиваетъ число членковъ. Вслѣдствіе всего этого они, подобно старымъ нехамъ, имѣютъ сильнѣйшую наклонность къ замкнутости и, вызывая этимъ глубокое расчлененіе пролетаріата, задерживаютъ вертикально *) сплоченіе его въ одинъ классъ».

Американская Федерациа Труда настаиваетъ на недопущеніи въ Америку рабочихъ изъ Азіи, когда можетъ, добивается устраненія отъ работы не американскихъ по происхожденію рабочихъ.

Въ послѣднее время, впрочемъ, среди членовъ Американской Федерациі Труда пробуждается сознаніе. Они начинаютъ понимать, что дѣло идетъ изъ рукъ вонъ плохо, что ихъ союзы полезны только... вожакамъ да хозяевамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, во время громадныхъ пенсильванскихъ стачекъ 1911-го года члены этихъ союзовъ не слушались уже своихъ вожаковъ и не считались со строками контрактовъ (договоровъ).

*) Вертикальная линія, это линія, проведенная сверху внизъ или снизу вверхъ отвѣсно. В. Зомбартъ хочетъ сказать, что рабочіе разныхъ профессій разъединены этими союзами.

Но такъ какъ въ Американской Федерациі Труда числится болѣе 2-хъ миллионъ рабочихъ, то положеніе рабочаго класса въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ ухудшается.

«ПРОМЫШЛЕННЫЕ РАБОЧІЕ МІРА».

Остановимся на другихъ, паходящихся въ С.-А. Соед. Штатахъ рабочихъ союзахъ, назвавшихся «Промышленными Рабочими Міра».

Въ первомъ предварительномъ извѣщеніи «Промышленныхъ Рабочихъ Міра» мы читаемъ, что между классомъ хозяевъ и классомъ рабочихъ «должна быть борьба до тѣхъ поръ, пока все трудящееся не объединится какъ на политической, такъ и на промышленной почвѣ, пока они не захватятъ и не сохранятъ для себя все то, что они производятъ своимъ трудомъ. Всего этого они должны добиться экономической организаціей рабочаго класса **безъ присоединенія къ какой-либо политической партіи**». А изъ извѣщенія 1908 г. мы беремъ слѣдующія строки: «Рабочій классъ и классъ хозяевъ не имѣютъ между собой ничего общаго. Не можетъ быть продолжительнаго мира, пока голодъ и нужда будутъ удѣломъ миллионъ рабочихъ въ то время, какъ составляющій меньшинство классъ хозяевъ пользуется всеми благами жизни. Между этими классами должна быть борьба до тѣхъ поръ, пока рабочіе всего міра не организуются, какъ классъ, пока они не возьмутъ въ свое владѣніе землю и орудія труда, пока они не уничтожатъ системы наемнаго труда (наемничества).

Мы видимъ, что сосредоточеніе управленія разными отраслями промышленности во все уменьшающемся числѣ рукъ дѣлаетъ старые рабочіе союзы неспособными бороться со все возрастающимъ могуществомъ класса хозяевъ. Эти союзы благоприятствуютъ такому положенію дѣлъ, которое позволяетъ противопоставить въ борьбѣ за заработную плату одну часть рабочихъ другой, занятой въ той же отрасли промышленности. Кромѣ того, старые союзы помогаютъ классу хозяевъ поддерживать въ рабочихъ ошибочное вѣрованіе, что рабочій классъ имѣетъ общіе интересы съ классомъ хозяевъ.

Все это можетъ быть измѣнено, интересы рабочихъ могутъ защищаться такой организаціей, все члены которой, принадлежащія къ какой-либо опредѣленной отрасли промышленности или все безъ исключенія члены организаціи, если это необходимо, бросали бы работу, когда происходили стачки членовъ этой организаціи или локаутъ, превращая такимъ образомъ обиду, нанесенную одному въ обиду для всѣхъ.

Вмѣсто консервативнаго (устарѣвшаго) лозунга: «справедливая плата за день добросовѣстной работы», мы можемъ написать на нашемъ знамени революціонный лозунгъ: «уничтоженіе наемничества». Историческая задача рабочаго класса состоитъ въ уничтоженіи капитализма». Армія производителей (рабочихъ) должна быть организована не только для повседневной борьбы противъ капиталистовъ, но также для

того, чтобы взять въ свои руки производство, когда капитализм будетъ испровергнутъ. «Мы, — говорилъ отъ имени этихъ союзовъ Е. Дебсъ, — настаиваемъ, что рабочіе должны организоваться для того, чтобы освободиться отъ капиталистовъ и самимъ стать владельцами орудій труда, самимъ себѣ давать работу и оставлять за собою все, что производимъ и полностью наслаждаться плодами своихъ трудовъ».

Члены этихъ союзовъ утверждаютъ, что только рабочій классъ имѣетъ право на всѣ продукты труда, такъ какъ всѣ богатства создаются только трудомъ. Захватившіе многія изъ этихъ богатствъ капиталисты являются поному врагами рабочаго класса. Эти рабочіе стараются объединить рабочій классъ и считаютъ не только весь американскій, но и пролетаріатъ всего міра имѣющимъ общіе интересы (солитарнымъ).

Эти союзы организованы по цѣлымъ отраслямъ промышленности, а не по отдѣльнымъ профессіямъ. Е. Дебсъ такъ говорилъ объ этомъ: «Организовать по ремесламъ, — значитъ раздѣлить рабочій классъ и сдѣлать его добычей капиталистическаго класса. Рабочій классъ можетъ быть объединенъ только, какъ классъ. Такимъ образомъ, промышленные рабочіе міра были организованы не для того, чтобы разбить рабочихъ по ремесламъ, но чтобы объединить цѣлый рабочій классъ». Эти рабочіе постоянно настаиваютъ на необходимости устраивать забастовки по дружеству (по симпатіи, по солидарности).

Промышленные рабочіе міра настаиваютъ на томъ, что рабочіе не должны соблюдать сроки договоровъ (контрактовъ), разъ дѣло идетъ о стачечномъ движеніи и указываютъ, что обязанность соблюдать сроки договоровъ, на которой настаиваетъ Американская Федерация Труда по рукамъ и ногамъ связываетъ рабочихъ въ ихъ стачечной борьбѣ съ недобросовѣтными предпринимателями.

Выборные этихъ рабочихъ союзовъ, являясь простыми исполнителями порученій, даваемыхъ членами союзовъ, не имѣютъ ничего похожаго на такую власть, какую имѣютъ вожаки Американской Федерации Труда.

Доступъ въ эти союзы очень легокъ. Вступительный взносъ не превышаетъ 4 рублей, нерѣдко падая до 1 рубля 10 копѣекъ, но и этотъ взносъ дѣлается, какъ подписная плата на газету союза.

Эти союзы ведутъ энергическую (настоячивую и сильную) стачечную борьбу; они высказываются за прямое непосредственное дѣйствіе.

Члены этихъ союзовъ преслѣдуются въ С.-А. Соед. Штатахъ. Въ послѣднее сравнительно время они бросались въ тюрьмы за то, что настаивали на правѣ американскихъ гражданъ устраивать собранія (митинги) подъ открытымъ небомъ, что разрѣшено, къ слову сказать, американскими законами; но запрещалось членамъ этихъ союзовъ.

Союзы «Промышленных Рабочих Мира» революционны по своей цели и вовсе не желают идти на поводу какой бы то ни было политической партии. Какъ число этихъ союзовъ, такъ и число ихъ членовъ растетъ. На съездахъ «Промышленных Рабочих Мира» появляются не только американцы, но и живущіе въ Америкѣ рабочіе-иностранцы, а также и негры.

ХРИСТИАНСКІЕ РАБОЧИЕ СОЮЗЫ.

Прежде, чѣмъ говорить объ европейскихъ рабочихъ союзахъ, въ которые входятъ рабочіе разныхъ европейскихъ странъ, остановимся въ немногихъ словахъ на христіанскихъ рабочихъ союзахъ, очень замѣтныхъ въ Бельгій, Германіи и Австріи.

Эти союзы—союзы стараго толку и не добиваются уничтоженія наемничества. Большая ошибка этихъ союзовъ заключается въ томъ, что они принимаютъ въ число своихъ членовъ только христіанъ; тогда какъ рабочіе не вѣрующіе, рабочіе магометане или евреи, также заинтересованные въ улучшеніи рабочаго быта, имѣютъ такіе же интересы, какъ и рабочіе христіане.

Часто говорятъ, что эти союзы не интересны. Говорятъ, что они малочисленны и исчезаютъ подъ напоромъ социаль-демократическихъ союзовъ, что они не ведутъ борьбы съ хозяевами, почти не устраивая стачекъ и ограничивая свою дѣятельность чуть ли не одною взаимопомощью. Посмотримъ, насколько вѣрны такія утвержденія.

Въ Бельгій, напримѣръ (рѣчь идетъ о времени, предшествовавшемъ войнѣ), число членовъ социаль-демократическихъ рабочихъ союзовъ не превышало 180.000 чел. и за послѣднее время численность членовъ въ этихъ союзахъ почти не повышалась. Что же касается христіанскихъ союзовъ этой страны, то въ 1904 г. они насчитывали около 10.000 членовъ, въ 1906—болѣе 20.000, въ 1909—болѣе 40.000, въ 1911—болѣе 60.000 и къ 1-му іюля 1912 года въ 866 христіанскихъ союзахъ числилось уже 82.716 членовъ. Очевидно, потребность въ устройствѣ рабочихъ союзовъ очень сильна въ этой странѣ, а социаль-демократическіе союзы почему-то не удовлетворяютъ рабочихъ.

Въ Германіи число членовъ христіанскихъ союзовъ поднялось съ 280.000 въ 1900 до 350.574 къ 1912 г. (не говоря о рабочихъ союзахъ, принимающихъ въ свои члены всѣхъ христіанъ—въ Германіи числилось 125.000 рабочихъ въ протестантскихъ союзахъ и 319.000 членовъ въ союзахъ и въ кассахъ взаимопомощи католическихъ рабочихъ).

О ростѣ германскихъ союзовъ, находящихся подъ гегемоніей (властнымъ руководствомъ) нѣмецкой социаль-демократіи, мы поговоримъ ниже, а теперь, посмотримъ, являются или не являются эти союзы боевыми, ведущими стачечную борьбу союзами, или они довольствуются одною только взаимопомощью.

С. Прскоповичъ, писатель не настроенный враждебно по отношеію къ соціалъ-демократіи, сравнивая расходы соціалъ-демократическихъ, такъ сказать, и христіанскихъ союзовъ, пришелъ къ неожиданному для него результату, что христіанскіе союзы «являются гораздо болѣе чисто боевыми организаціями, чѣмъ соціалъ-демократическіе союзы». Что «христіанскіе профессиональные союзы являются въ настоящее время боевыми классовыми организаціями пролетаріата».

Правда, въ этихъ союзахъ, какъ и вообще въ нѣмецкихъ союзамъ съ своими совѣтами, то члены названныхъ союзовъ почти вѣстѣю далеко не всегда считаются. Такъ, напримѣръ, несмотря на уговоры и протесты своихъ вожаковъ, члены христіанскихъ союзовъ участвовали по дружеству въ Рурской стачкѣ углекоповъ. Что же касается до епископовъ и поповъ, которые лѣзутъ къ этимъ союзамъ со своими совѣтами, то члены названныхъ союзовъ почти что вовсе не считаются съ ними.

Замѣтимъ, кстати, что эти союзы, какъ и союзы соціалъ-демократовъ, высказываются за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

НѢМЕЦКІЕ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ, НАХОДЯЩІЕСЯ ПОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.

Нельзя не согласиться съ А. Бебелемъ, что нѣмецкіе, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, рабочіе союзы во истину являются союзами, стремящимися «къ улучшенію положенія рабочихъ на основѣ существующаго государственнаго и общественнаго строя». Они не работаютъ для замѣны покоящагося на наемномъ трудѣ общества свободнымъ социалистическимъ строемъ, предоставивъ соціалъ-демократической партіи заботу объ освобожденіи рабочихъ отъ хозяйской власти. Тѣмъ не менѣе соціалъ-демократическая партія ничего не дѣлаетъ для освобожденія рабочихъ изъ подъ власти хозяевъ.

Посмотримъ, какъ справляются эти, находящіеся подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, союзы со своей прямой задачей и сравнимъ ихъ хотя бы со старыми союзами Англій. «Вполнѣ можно повѣрить, пишетъ профессоръ К. Диль,—заявленіемъ англійскихъ фабрикантовъ, утверждающихъ, что образъ и форма нѣмецкаго рабочаго движенія были бы для нихъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ то положеніе, которое господствуетъ въ Англій. Дѣло въ томъ, что тамъ работодатели постоянно были удручены все новыми и новыми требованіями рабочихъ союзовъ, между тѣмъ, какъ у насъ въ Германіи рабочіе вкладываютъ свое время, силы и денежные средства въ политическую дѣятельность, въ борьбу за избирательное право и въ особенности въ достиженіе своей конечной цѣли». Вѣрно то, что нѣмецкіе рабочіе союзы плохо защищаютъ интересы своихъ членовъ, но проф. К. Диль ошибочно смѣшиваетъ достиженіе конечной

цѣли рабочихъ съ ихъ дѣятельностью на пользу германской социаль-демократической партіи, которая все дальше и дальше уходитъ отъ социализма, тянетъ за собой и рабочихъ. Но вѣрно то, что германскіе рабочіе, ни на шагъ не подвигаясь къ социализму, очень плохо боятся за улучшение своего быта.

Въ чемъ же тутъ дѣло? Прежде всего, эти союзы черезчуръ ужь заняты дѣломъ взаимопомощи, такъ что и христіанскіе и такъ называемые Гиринъ-Дункеровскіе союзы *) тратятъ на стачки большую часть своихъ доходовъ, чѣмъ союзы социаль-демократическіе. Такъ, наиримѣръ, послѣдніе союзы тратятъ на стачки 45—48% своихъ средствъ, а союзы, находящіеся подъ вліяніемъ социаль-демократіи, только 36%. Затѣмъ нѣмецкіе союзы очень ужь считаются съ законами, почему ихъ дѣятельность не можетъ быть особенно плодотворной: вѣдь законы-то написаны врагами рабочихъ. Наконецъ, очень важно и то, что вожаки этихъ союзовъ направили ихъ дѣятельность очень полезнымъ для хозяевъ и вреднымъ для рабочихъ образомъ.

Нѣмецкіе вожди рабочихъ союзовъ не торгуютъ стачками, какъ американскіе, но забрали все движеніе организованныхъ рабочихъ въ свои руки и прибавили къ хозяйской и правительственной власти еще новую—свою власть, обычно считающуюся съ указаціями социаль-демократической партіи. Эта власть убила въ рабочихъ всякую самостоятельность, обратила ихъ въ послушное стадо, направляемое туда, куда это нужно для партійныхъ цѣлей, т.-е. цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами рабочаго класса.

Въ нѣмецкихъ рабочихъ союзахъ «начальство рѣшаетъ, а рабочіе должны лишь повиноваться». Здѣсь «рабочіе не ведутъ больше непосредственныхъ переговоровъ съ хозяевами. Ихъ «созываютъ», если интересы хозяевъ и рабочихъ рѣзко сталкиваются, приглашаютъ явиться на переговоры, но лишь въ качествѣ обвинителей или обвиняемыхъ для разбора дѣла передъ судомъ и этотъ судъ, согласно своимъ спеціальнымъ (особымъ) правиламъ совершаетъ сдѣлку, которая разсматривается, какъ выраженіе права и справедливости». (Генсенъ).

Во многихъ договорахъ, заключенныхъ нѣмецкими рабочими союзами съ хозяевами, значится, что до объявленія стачки, рабочіе обязаны обратиться къ третейскому суду и хозяева, если они не готовы къ стачкѣ, получаютъ такимъ образомъ возможность тянуть переговоры, выжидая удобнаго времени, когда стачка наименѣе неудобна для хозяевъ.

Здѣсь, какъ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, вожаки союзовъ настаиваютъ на точномъ соблюденіи срока

*) Эти союзы, къ слову сказать, не имѣютъ ничего общаго съ либеральными партіями, какъ это обычно думаютъ. Но эти союзы стараго толку и организованы очень плохо.

договоры, не понимая того, что этим требованіемъ они побуждаютъ рабочихъ отказаться отъ свободы стачекъ. Мало этого, они еще обязываютъ оповѣстить хозяевъ о своемъ желаніи измѣнить договоръ за три, за шесть мѣсяцевъ, а иногда даже за годъ до истеченія срока этого договора. За это время хозяева опять-таки приготавливаются къ стачкѣ и не боятся ея. Всего же хуже, что въ теченіи всего времени, на которое заключенъ договоръ (5 и болѣе лѣтъ) рабочіе обречены на бездѣйствіе. Если рабочимъ необходимо начать стачку, если, напримѣръ, цѣны на свѣстные припасы и квартиры поднялись на столько, что заработка не хватаетъ уже на самую скромную жизнь, если хозяева берутъ огромные барыши, а рабочіе голодаютъ, если даже рабочіе могутъ легко выиграть стачку, они все-таки не могутъ объявить ее.

«Если какой-нибудь союзъ вздумаетъ, до истеченія срока договора, начать движеніе въ пользу повышенія заработной платы, сейчасъ же бюрократы (чиновники) изъ хозяйскаго лагеря обращаются къ рабочей бюрократіи (чиновникамъ) съ требованіемъ обязать рабочихъ оставаться вѣрными условіямъ договора. Нарушившій договоръ союзъ получаетъ приказъ прекратить стачку, если послѣдній не пожелаетъ добровольно исполнить приказъ, онъ рискуетъ, что его исключатъ изъ союза союзовъ (федераціи), такъ какъ требуется не нарушать всеобщаго (коллективнаго) договора. Если, несмотря ни на что, рабочіе не хотятъ стать на работу, если они продолжаютъ стачку за свой рискъ и страхъ, добываясь удовлетворенія своихъ требованій, то происходитъ въ высшей степени типичное (обычное) обстоятельство для реформистскаго синдикализма (для союзовъ, отрицающихъ революціонные способы борьбы). Союзъ союзовъ (федерація) долженъ имѣть свѣжій запасъ рабочихъ рукъ къ услугамъ хозяевъ, т.-е. союзъ союзовъ долженъ доставить стачколомовъ для замѣщенія стачечниковъ». (Генсенъ). До такой подлости довели вожаки нѣмецкихъ союзовъ свои старанія жить въ мирѣ съ хозяевами.

Бывали случаи, что вожаки союзовъ запрещали рабочимъ самый невинный «саботажъ»—медленную работу за плохую плату.

Конечно, стачки по дружеству (по симпатіи, по солидарности) почти что невозможны въ Германіи. На Іенскомъ съѣздѣ вождя социаль-демократической партіи вождь социаль-демократовъ милліонеръ Бебель говорилъ: «У насъ, въ Германіи, кстати замѣтить, никто и не думаетъ о такихъ стачкахъ по солидарности—ни профессиональные союзы, ни партія. Этого рода стачки, когда всѣ рабочіе определенной промышленной области забастовываютъ, чтобы содѣйствовать проведенію требованій известной части рабочихъ, неизбежно должны кончиться неудачей». А социаль-демократка г-жа Голландъ Голдъ объясняетъ причину неудачъ такихъ стачекъ: «онѣ слишкомъ часто представляютъ собою попытку слабого поддержать такого же слабого, попытку навѣрное неудачную».

А. Бебель жестоко ошибся: именно стачки по дружеству являются как раз особенно удачными: только или можно съ большими шансами на успех бороться съ объединившимися въ союзы хозяевами. Что же касается объясненій Роландъ Вольфъ, то эта писательница возражаетъ, въ сущности, противъ всякой солидарности, противъ всякаго содружества слабыхъ, въ чемъ бы оно не выражалось. Это возраженіе члѣно потому, что соединеніе слабыхъ какъ разъ и даетъ силу, какъ чесички даютъ гору, солдаты армію, а конейки милліарды рублей.

Нѣмецкіе рабочіе союзы высказываются противъ всеобщей забастовки, имѣющей своей цѣлью полное освобожденіе фабричныхъ, захватъ въ общее достояніе фабрикъ и другихъ промышленныхъ предприятий и устройство социалистическаго общества. Тѣмъ не менѣе, часть нѣмецкихъ социаль-демократовъ убѣждаетъ рабочихъ устроить всеобщую забастовку въ томъ случаѣ, если ихъ лишатъ всеобщаго избирательнаго права, пользуясь которымъ, нѣмецкіе рабочіе ничего полезнаго не пріобрѣли.

Социаль-демократическіе вожди нѣмецкихъ союзовъ крѣпко держатъ рабочихъ подъ своей властью, умѣло и настойчиво гасятъ въ рабочемъ классѣ что-либо похожее на революціонное настроеніе и буржуазія умѣетъ быть благодарной за это: «капиталистическіе предприниматели крайне охотно принимаютъ къ себѣ на службу бывшихъ чиновниковъ профессиональныхъ союзовъ», пишетъ хорошо относящійся къ нѣмецкой социаль-демократіи г. Маковскій.

Отумѣвъ далѣе, что пріемъ членовъ въ нѣмецкіе союзы носитъ черезчуръ уже механическій характеръ. Зачастую рабочему не объясняютъ пользы, ожидаемой отъ такихъ союзовъ, а члены союза попросту заявляютъ вновь поступающему на фабрику рабочему, чтобы онъ тотчасъ же вступилъ въ союзъ, иначе они откажутся работать съ нимъ. Понятно, что союзы пополняются такимъ образомъ и малосознательными рабочими.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ господствуетъ полное бездѣлье членовъ: они неохотно посѣщаютъ собранія, на которыхъ имъ нечего, правду сказать, дѣлать. Едва ли эти, надѣющіеся на своихъ вожаковъ и депутатовъ, рабочіе смогли бы использовать въ свою пользу революцію, если бы послѣдняя какимъ-либо чудомъ вспыхнула въ Германіи. Ихъ вожди слишкомъ ужъ много наговорили имъ объ «общихъ интересахъ хозяевъ и рабочихъ». Это—«толпа людей, привыкшихъ къ покорности и послушанію» (Тенсенъ). Если въ Германіи и будетъ революція, то она сведется только къ перемѣнѣ начальства, а это не стоитъ жизни и одного рабочаго.

Нѣмецкимъ рабочимъ вошло въ голову, что они занимаются политикой. Но, въ сущности, какъ стадо овецъ за бараномъ они идутъ за своими вожаками. Они приходятъ на митинги и слушаютъ, что говорятъ имъ социаль-демократы: не менѣе послушно являются на манифестаціи, когда ихъ зовутъ вожди этой партіи; они даютъ

денег на выборы социаль-демократов в депутаты, выбирают последних и почему-то думают, что все это и есть занятие политикой. В действительности же, политикой (не партийной, а рабочей) занимаются только члены новых рабочих союзов, стремящихся силами самих рабочих уничтожить наемничество.

К. Каутский был прав, говоря, что немецкие рабочие союзы и социаль-демократическая партия—едины, но прав только в том смысле, что социаль-демократической партии удалось подчинить себя эти рабочие организации для своей собственной пользы, но к полной невыгодности для рабочих, для дела самоосвобождения последних, для торжества социализма. Еще более прав был этот социаль-демократический вождь, называя немецкие рабочие союзы «женою» своей партии. Да! Они ведут себя, как смиренная жена немца, штопающая носки своего что-то делающего мужа.

После всего сказанного неудивительно, что Легинг—главный вождь немецких союзов,—приехав в Америку, все время являлся с вождями Американской Федерации Труда, был представителем и членом «Национальной Гражданской Федерации» и горячо рекомендовал рабочим Америки присоединиться именно к старым ужасным, поработанным ловкими дельцами союзам Американской Федерации Труда.

Надо, впрочем, заметить, что вожаки германских рабочих союзов, это—не типичные (обыкновенные) рабочие, а, впрочем, глубоко испорченные, развращенные партийной политикой, павшие рабочие. А так как среди рядовых рабочих Германии сильно развито чувство солидарности—дружества, то возможно, что они отвернутся от своих социаль-демократических вождей, поведут более решительную борьбу за улучшение условий труда, будут сами стремиться к полному самоосвобождению. Перед войною намечались уже, правда, очень слабые признаки такого движения среди рабочих. Между прочим с 1-го октября 1912-го года по 1-е октября 1913-го число членов профессиональных союзов, примыкающих к «генеральной комиссии, т.е. социаль-демократического направления сократилось на 19.676 человек, т.е. на 7% (с 2.595.339 до 2.575.663 человек). Но во всяком случае пока что немецкие рабочие плетутся еще за социаль-демократами.

НОВЫЕ НЕМЕЦКИЕ РАБОЧИЕ СОЮЗЫ.

Профессиональные союзы, силами самих рабочих стремящиеся к освобождению рабочего класса, очень малочисленны в Германии. В этой стране полусвободы рискованно принадлежать к этим «союзам» открыто. Число членов этих союзов—во всяком случае небольшое—неизменно (называются 5 разных цифр). В мае 1912 года их союз союзов «Свободное объединение немецких союзов» собрал на свой съезд 57 делегатов от

126 союзовъ, при чемъ 24 союза не могли прислать своихъ уполномоченныхъ.

Съѣздъ высказался за устройство союзовъ не по отдѣльнымъ ремесламъ, а по цѣлымъ отраслямъ промышленности, противъ власти вожаконъ, за независимость и свободу дѣйствій каждаго союза, высказался такимъ образомъ противъ союзовъ, самое устройство которыхъ таково, что дѣло сводится къ владычеству съ одной и къ рабству съ другой стороны. Съѣздъ высказался далѣе за пропаганду стачекъ по дружеству (по солидарности), за пропаганду всеобщей забастовки. Съѣздъ заявилъ, что союзы отстаиваютъ интересы всего класса рабочихъ, а не интересы отдѣльных профессій.

АНГЛІЙСКІЕ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ.

Въ англійскихъ рабочихъ союзахъ насчитывалось въ 1910 году 2.435.000 членовъ, а въ настоящее время этихъ членовъ еще больше.

Противъ этихъ союзовъ стоятъ сильныя союзы предпринимателей. Эти рабочіе союзы (трэдъ-юніоны по-англійски) борются съ хозяевами за болѣе высокую заработную плату, за болѣе короткій рабочій день, за лучшія условія труда и найма. Въ этихъ союзахъ значительная часть членскихъ взносовъ идетъ на помощь больнымъ, старымъ, получившимъ увѣчья и безработнымъ товарищамъ: здѣсь выдавались пособия семействамъ умершихъ товарищей. Короче: эти союзы много занимались взаимопомощью.

Взаимопомощь—дѣло хорошее, если только она не мѣшаетъ вести съ хозяевами борьбу за болѣе высокую плату и т. п.: понятно, что рабочіе помогаютъ другъ другу, взявъ на это деньги, изъ своихъ же взносовъ, изъ своего небольшого заработка. Большой помощи оказать при этомъ нельзя, но все таки можно поддержать товарища въ трудную минуту. Тѣмъ не менѣе нельзя добиться взаимопомощью серьезнаго улучшенія жизни рабочихъ. Англичане говорятъ, что «нельзя кормить собаку ея же собственнымъ хвостомъ».

Надо еще замѣтить, что устраивающіе взаимопомощь союзы должны брать со своихъ членовъ большіе взносы, а для рабочихъ затруднительно выплачивать ихъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рабочіе устраиваютъ стачку, необходимо поддерживать многихъ товарищей и накопленные для взаимопомощи деньги уходятъ очень быстро. Это еще не бѣда, но бѣда въ томъ, что когда у рабочаго союза много денегъ въ кассѣ, рабочіе, а, въ особенности, вожаки союзовъ начинаютъ дрожать надъ этими деньгами, беречь ихъ и не особенно охотно рѣшаются на стачку. Стачки становятся рѣже и рѣже и рабочіе много проищываютъ, такъ какъ только стачками они могутъ добиться повышенія заработка, сокращенія рабочаго дня и т. п.

Въ жизни англійскихъ рабочихъ союзовъ была полоса, когда ихъ вожди забрали много власти и когда рабочіе очень рѣдко устраивали стачки. Очень ужъ заботились эти вожаки о томъ, чтобы кассы были полны, а рабочіе смиренны. Одинъ изъ видныхъ рабочихъ-борцовъ Томъ Манъ писалъ тогда: «по истинѣ современные представители рабочихъ союзовъ—люди съ какимъ-то одеревенѣлымъ мозгомъ. Они съ безнадежной апатіей относятся ко всему окружающему или проявляютъ такую дѣятельность, которая выгодна буржуазіи (хозяевамъ и другимъ богатымъ бездѣльникамъ). Веббы тоже указывали, что бывали такіе, получавшіе большое жалованье секретари рабочихъ союзовъ, которые находили себѣ знакомыхъ изъ буржуазіи, теряли знакомства среди рабочихъ, мѣняли свои взгляды, начинали не по товарищески относиться къ рабочимъ, а затѣмъ уходили изъ союза, занимая какое-либо буржуазное мѣсто. Эти вожаки союзовъ, выкарабкавшись по спинамъ рабочихъ изъ рабочаго класса, въ сущности, измѣняли послѣднему. Конечно, такъ поступали не всѣ вожаки, но все же нельзя не отмѣтить такіа измѣны.

Но англійскіе рабочіе поняли уже, что безъ стачекъ и при томъ стачекъ громадныхъ,—нимъ не удастся улучшить свое положеніе. Устроивъ нѣсколько стачекъ по дружеству (по солидарности), они добились въ послѣднее время кое-какихъ уступокъ отъ хозяевъ. Они поняли, что надо жить своимъ умомъ, а не умомъ своихъ вожаковъ. Въ послѣднее сравнительно время они дали вожакамъ нѣсколько серьезныхъ уроковъ. Въ 1911 году, напримеръ, въ Англии вспыхнулъ рядъ стачекъ. «Всѣ онѣ отличались общимъ характеромъ: непослушаніемъ трэдъ-юнионистовъ (членовъ рабочихъ союзовъ) своимъ секретарямъ и крайне сильнымъ возбужденіемъ стачечниковъ. Очень часто трэдъ-юнионъ (рабочій союзъ) объявлялъ по симпатіи стачку, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что секретари профессиональныхъ союзовъ настоятельно рекомендовали не дѣлать этого» (Дюнео).

Англійскіе рабочіе не позволяютъ тащить себя на поводу политическимъ вожакамъ и не идутъ за ними, какъ слѣпо идутъ нѣмедкіе рабочіе. Вотъ интересный примѣръ: Филиппъ Снауденъ и вождь парламентской рабочей партіи Рамсай Макъ-Дональдъ, называя общую стачку (стачку по дружеству всѣхъ углекоповъ Англии), отетаиваемую синдикалистами (сторонниками новыхъ союзовъ) «чистой анархіей», и «гадюкой», которую трэдъ-юнионы должны раздавить. «Въ день своего перваго триумфа (торжества), когда синдикализмъ *) провозгласилъ всеобщую забастовку, онъ самъ подписалъ свой смертный приговоръ и вложилъ голову въ петлю»,

*) Такъ называются въ Западной Европѣ цѣли и дѣятельность новыхъ рабочихъ союзовъ, стремящихся силами самихъ рабочихъ уничтожить наемный трудъ.

сказалъ Рамсей Макъ-Дональдъ. Конгрессъ (съѣздъ уполномо- ченныхъ) углеконовъ въ Карлейлѣ отвѣтилъ на эти рѣчи тѣмъ, что въ Исполнительный комитетъ вмѣсто трехъ умѣренныхъ выбрали трехъ синдикалистовъ—сторонниковъ всеобщей забастовки. Чтобы можно было провозгласить ее, конгрессъ даже измѣнилъ свой уставъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что синдикализмъ отнимаетъ у англійскихъ рабочихъ вѣру въ ихъ прежнихъ вождей, за которыми они слѣпо слѣдовали» (Дюнео).

Въ послѣднее время союзы чю отдѣльнымъ ремесламъ стали сливаться въ Англіи въ союзы по отраслямъ промышленности. Союзы разныхъ профессій пытаются тѣсно сблизиться. Старая борьба за интересы рабочихъ какого-нибудь одного союза начинаетъ замѣняться борьбою за интересы всего рабочаго класса.

Ученіе новыхъ рабочихъ союзовъ о томъ, что рабочіе своими личными силами, не рассчитывая на вожakovъ, депутатовъ парламента и пр., должны устроить свои дѣла, пришлось англійскимъ рабочимъ по душѣ и по силѣ.

Правда, въ Англіи мало еще рабочихъ союзовъ новаго вида, но нѣтъ сомнѣнія, что старые рабочіе союзы все болѣе и болѣе проникаются взглядами новыхъ рабочихъ организацій.

Въ концѣ 1912-го года англійская социаль-демократическая партія опубликовала документъ, въ которомъ высказывалась противъ синдикализма, но даже въ ея рядахъ нѣтъ единогласія по этому вопросу, такъ какъ два члена ея исполнительнаго комитета Руссель Смаркъ и Леонардъ Галль выступили съ неожиданнымъ протестомъ: «опубликованный документъ,—писали они,—не представляетъ мнѣнія исполнительнаго комитета, который не санкціонировалъ (одобрилъ) его въ данной формѣ и этотъ документъ идетъ въ разрѣзъ съ полученными инструкціями» (наказами).

Нечего говорить, что богачи и правители Англіи, благосклонно относившіеся къ старымъ рабочимъ союзамъ, въ настоящее время крайне враждебно смотрятъ на попытки рабочихъ организовать- ся по новому.

Въ 1912 году предсѣдатель совѣщанія главнаго союза англійскихъ рабочихъ союзовъ Алланъ Гей говорилъ: «всѣ капиталистическія силы направлены противъ трэдъ-юніонизма для того, чтобы свести его завоеванія къ нулю или, по крайней мѣрѣ, парализовать (ослабить) его дѣйствіе».

Тѣмъ не менѣе, рассчитывающіе на самихъ себя, рабочіе Англіи могутъ смѣло смотреть въ глаза будущему.

Не такъ еще давно Алланъ Кларкъ писалъ: «трэдъ-юніонизмъ служилъ для рабочихъ щитомъ, который они употребляли противъ предпринимателей, но онъ все-таки не болѣе, какъ щитъ. Служа имъ въ послѣдствіи, какъ для оборонительныхъ, такъ и для наступательныхъ дѣлей, онъ все-таки оставался щитомъ, а мечемъ никогда не былъ, а щитъ очень недостаточное орудіе для борьбы».

Мы стали бы смѣяться, если бы прочли разсказъ о томъ, что король идетъ воевать вооруженный однимъ только щитомъ».

Въ наше время англійскіе рабочіе союзы, оставаясь щитомъ, стараются выковать мечи.

Мало еще указать на такъ называемые нео-традъ-юніоны (новые рабочіе союзы совѣтъ другого вида, чѣмъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь здѣсь). Эти союзы сильно отличаются отъ новыхъ рабочихъ союзовъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, сильною властью вожakovъ, а также тѣмъ, что не ставятъ своей цѣлью уничтоженія наемничества силами самихъ рабочихъ, а рассчитываютъ на такъ называемый государственный и муниципальный (земскій) «соціализмъ» (этотъ «соціализмъ» не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ соціализмомъ).

Какъ общее правило, эти союзы не устраивали кассъ взаимопомощи, собирая взносы только для стачекъ. Если кассы взаимопомощи иногда и устраивались, то почти исключительно для выдачи пособій семействамъ умершихъ членовъ и играли въ этихъ союзахъ роль приманки для нѣкоторыхъ рабочихъ. Главнѣйшей и чуть ли не единственной задачей этихъ союзовъ была стачечная борьба съ хозяевами. Доступъ въ эти союзы былъ вполне свободенъ, въ нихъ входили и необученные рабочіе. Къ сожалѣнію, эти союзы устроились такъ, что безъ разрѣшенія главныхъ вожakovъ они не могли устраивать стачки. Слѣдствіемъ этого явилась бездѣятельность членовъ такихъ союзовъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ.

Какъ и въ другихъ странахъ, во Франціи встрѣчаются разные рабочіе союзы, но самыми вліятельными и дѣятельными изъ нихъ считаются новые союзы, такъ называемые «революціонные синдикаты».

Цѣль этихъ союзовъ—усліями самихъ рабочихъ уничтожить наемничество, устроить такое общество, въ которомъ производство будетъ вестись вольными рабочими. Наряду съ этимъ революціонные синдикаты борются и за улучшеніе быта наемныхъ рабочихъ въ настоящее время.

Эти союзы не считаютъ нужнымъ точно придерживатьсѣ тѣхъ указаній, которыя приводятся въ законахъ, написанныхъ богатыми и властными людьми.

Революціонные синдикаты, вмѣстѣ съ союзами, не придерживающимися воззрѣній членовъ этихъ союзовъ, входятъ въ общій союзъ союзовъ французскихъ организованныхъ рабочихъ, въ такъ называемую «Всеобщую Конфедерацію Труда» (союзъ всѣхъ федераций союзовъ). Эта большая Федералія ставитъ своей цѣлью объединеніе рабочихъ (внѣ какой-либо политической партіи) для уничтоженія наемничества и для борьбы за лучшія условія труда.

Этотъ союзъ союзовъ французскихъ рабочихъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ политическими партиями, въ томъ числѣ не имѣетъ никакого отношенія и къ социалистической партіи. Эти рабочіе не нуждаются ни въ онекъ, ни въ указкѣ и сами ведутъ свой дѣла.

Члены революціонныхъ синдикатовъ обыкновенно называются синдикалистами.

Синдикалисты устраниваютъ свои союзы по цѣлымъ отраслямъ промышленности, а не по отдѣльнымъ ремесламъ. Союзы одного производства, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, связаны между собою въ одинъ союзъ союзовъ этого производства (Федерациі союзовъ). Въ этомъ союзѣ союзовъ имѣется совѣтъ, состоящій изъ 10 членовъ, секретаря и кассира.

Союзы рабочихъ разныхъ производствъ, находящіеся въ какой-нибудь одной мѣстности (шапримѣръ, въ городѣ или въ губерніи) имѣютъ много общихъ интересовъ, во многихъ случаяхъ имъ надо дѣйствовать сообща и они объединяются между собою, нанимая общее помѣщеніе и выбирая уполномоченныхъ. Эти объединения называются биржами труда. Биржа труда, объединяющая рабочихъ нѣсколькихъ городовъ или мѣстностей, могутъ утранивать по-губернской союзъ.

Федерациі (союзы союзовъ) и биржи труда такъ же, какъ и союзы послѣднихъ, посылаютъ своихъ уполномоченныхъ во Всеобщую Конфедерацию Труда, при чемъ уполномоченные образуютъ въ ней два отдѣла: отдѣлъ уполномоченныхъ отъ федерациі и отдѣлъ уполномоченныхъ отъ биржъ труда. Эти два отдѣла объединяются для общихъ дѣлъ въ одинъ комитетъ. Разъ въ два года синдикалисты собираютъ съѣздъ своихъ уполномоченныхъ, на которомъ каждый синдикалистъ имѣетъ одинъ рѣшающій голосъ, сколько бы членовъ въ немъ не было.

Во Всеобщей Конфедерациі Труда каждая федерациі союзовъ, каждая биржа труда и каждый союзъ биржъ независимы и свободны въ своихъ поступкахъ. Свободенъ и независимъ въ своихъ дѣлахъ и каждый отдѣльный союзъ рабочихъ. Всѣ эти организаціи, не дожидаясь какихъ-либо приказовъ и указаній сверху, нынѣ же сами стараются улучшить положеніе рабочихъ и добиваются ихъ полнаго самоосвобожденія, разсматривая это самоосвобожденіе, какъ задачу ближайшаго будущаго.

И не только каждый союзъ долженъ полагаться на свои силы и на силы своихъ членовъ и товарищей рабочихъ, но и каждый членъ союза не долженъ передовѣрять кому-либо своего дѣла, долженъ самъ его дѣлать. Основой революціонно-синдикальной борьбы является, такимъ образомъ, самостоятельность, постоянное стараніе сдѣлать что-либо полезное для общаго дѣла. «Никто изъ членовъ синдиката не можетъ переложить на кого бы то ни было заботу о своемъ дѣлѣ»—все равно о крупномъ или о мелкомъ.

Спасеніе рабочихъ только въ нихъ самихъ. Никакіе депутаты парламентовъ ничего до нихъ цорь не сдѣлали и ничего не могутъ сдѣлать для рабочихъ. Только сами рабочіе могутъ нѣсколько улучшить свое положеніе въ настоящее время, а далѣе и освободить себя отъ власти хозяевъ и правителей.

Эти союзы не устраиваютъ кассъ взаимопомощи, ограничиваясь только выдачей пособій безработнымъ. Отдѣльно отъ союзовъ рабочіе могутъ, конечно, устраивать кассы взаимопомощи, но союзъ не занимается выдачей разныхъ пособій и отдаетъ, благодаря этому, всѣ свои силы на борьбу съ хозяевами.

Членскіе взносы въ кассы этихъ союзовъ не особенно высоки. Высокіе взносы мѣшаютъ приливу рабочихъ въ союзы, а, кромѣ того, Жоржъ Иво указываетъ на слѣдующее явленіе: «во Франціи,—писалъ онъ,—наиболѣе снабжаемыя кассы являются, въ общемъ, кассами тѣхъ синдикатовъ, которые малодѣятельны, комитеты которыхъ боятся дѣятельности своихъ членовъ и парализуютъ (тормозятъ) ее. Какъ общее правило, деньги, если не развращаютъ, то дѣлаютъ своихъ владѣльцевъ тяжелыми на подъемъ». Интересно, что вовсе не другіе революціонныхъ синдикатовъ нѣмецкій профессоръ В. Зомбартъ пишетъ слѣдующее: «предпринимателямъ слѣдовало бы подумать о томъ, что для нихъ изъ сильнаго движенія профессиональныхъ рабочихъ союзовъ растутъ существенныя выгоды. Нѣтъ лучшаго на свѣтѣ для нихъ обезпеченія отъ нелѣпыхъ стачекъ, чѣмъ богатая касса профессиональнаго рабочаго союза». Конечно, нелѣпныя стачки только снятся нѣмецкому профессору, но онъ правъ, говоря, что богатыя кассы мѣшаютъ стачечному движенію. Тѣмъ не менѣе, синдикалисты вовсе не сторонники ничтожныхъ взносовъ. «Напротивъ,—пишетъ Хр. Корнелиссенъ,—можно скорѣе констатировать въ революціонныхъ кругахъ общее стремленіе къ увеличенію взносовъ съ цѣлью облегчить какъ стачки, такъ и рабочее движеніе и увеличить этимъ шансы рабочихъ на успѣхъ. Это, впрочемъ, неудивительно для движенія, которое прежде всего готовится къ борьбѣ. Тѣмъ не менѣе, добываясь слишкомъ высокихъ взносовъ, кончаютъ тѣмъ, что заставляютъ многихъ членовъ покидать синдикаты и потому даже наиболѣе революціоннымъ синдикалистамъ приходится считаться съ этимъ обстоятельствомъ».

Выборные (секретари) играютъ въ этихъ синдикатахъ несравненно меньшую роль, чѣмъ въ Германіи, напримѣръ. Они—простые исполнители порученій рабочаго союза. Въ нѣкоторыхъ синдикатахъ не засиживаются на своихъ мѣстахъ по долгу. Такъ, напримѣръ, оставляя свое мѣсто секретаря, секретарь Сенскаго союза плотниковъ пишетъ: «рабочій-борецъ не долженъ слишкомъ долго занимать въ союзѣ оплачиваемую должность. Если онъ выполнялъ ее 2 года подрядъ, полезно и даже необходимо, чтобы онъ снова ушелъ къ товарищамъ набраться силъ, чтобы онъ, какъ и

они, пренебрегали рискованную борьбу с псевдоделами, которые из нее вытекают». Если долго не снимать секретарей, «то приходишь к тому, что создаешь незаменимых людей: все поручают им действовать за самих себя; инициатива (почин) каждого встречает докучливый противоудар, а в конечном счете союз имфет уж не борца, а царька».

Изъ сомнѣнія, что хорошо грамотный рабочій среднихъ способностей можетъ исполнять обязанности секретаря союза.

Революціонные синдикаты борются не только за интересы своихъ членовъ, но и за интересы всего рабочаго класса. Стараясь улучшить положеніе рабочихъ въ настоящее время, они ведутъ протестныя стачки, стачки по дружеству, прибѣгаютъ иной разъ къ саботажу.

Стачечная борьба ведется этими рабочими рѣшительно и настойчиво. Они не боятся стачекъ, не стараются замѣнить ихъ всегда невыгоднымъ для рабочихъ торгомъ съ хозяевами. На помощь къ бастующимъ часто приходятъ своими взносами и другіе рабочіе. Въ особо тяжелыхъ для бастующихъ рабочихъ случаяхъ дѣти забастовщиковъ берутся небастующими товарищами изъ другихъ городовъ и содержатся въ теченіе всего времени стачки или локаута. Нерѣдко рабочіе устраиваютъ во время стачки общіе братскіе обѣды (коммунистическіе супы). На устройство этихъ обѣдовъ даютъ деньги какъ сами бастующіе, такъ и рабочіе, не участвующіе въ стачкѣ. Рабочіе этихъ союзовъ тоже даютъ деньги на устройство такихъ обѣдовъ.

Синдикалисты пользуются временемъ стачки для того, чтобы настаивать на необходимости уничтожить наемный трудъ.

Какъ устно, такъ и въ своихъ печатныхъ изданіяхъ, синдикалисты стараются убѣдить рабочихъ въ необходимости поднять социальную революцію для того, чтобы освободиться отъ власти хозяевъ и правителей.

Синдикалисты враждебно относятся къ государству. Дѣло въ томъ, что оно постоянно выступаетъ противъ рабочихъ при ихъ столкновеніи съ хозяевами, помогая послѣднимъ побѣдить первыхъ своими судами, полиціей и войсками. Добромъ оно никогда и ничего не дало рабочимъ и, наоборотъ, постоянно старалось держать ихъ въ порабощеніи, нищетѣ и невѣжествѣ. Все, что рабочіе получили отъ государства (а получили они очень мало) было вырвано у правительства, законодателя были вынуждены записать въ свои законы то, чего отчаянной борьбой добились рабочіе. Подъ видомъ же полезныхъ для пролетаріевъ законовъ, государство предлагаетъ самые опасные и вредные для рабочихъ законы. въ роль закона объ обязательномъ третейскомъ судѣ, обязательномъ срочномъ коллективномъ договорѣ и т. д.

Если государство и даетъ что-либо рабочимъ, то или потому, что рабочіе сами взяли это, или съ задней мыслью ослабить силы

рабочихъ въ борьбѣ съ хозяевами, или потому, что не можетъ запретить имъ пользоваться тѣмъ, что устроено для пользы богатыхъ: такъ, напримѣръ, нельзя запретить рабочимъ ходить по освѣщеннымъ улицамъ, освѣщеніе которыхъ необходимо для богатей и правителей. Нельзя не давать рабочимъ образованія, такъ какъ трудъ необразованныхъ рабочихъ мало производителенъ. Синдикалисты какъ бы соглашались съ Л. Н. Толстымъ, который писалъ: угнетающіе «знаютъ, что сами погибнуть, какъ скоро не только перестанутъ, но ослабѣютъ въ угнетеніи. Они и дѣлаютъ это, несмотря на мнимыя заботы о благоденствіи рабочаго 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, о запрещеніи работъ малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и вознагражденіяхъ. Все это обманъ или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать, но рабъ остается рабомъ и господинъ, не могущій бытъ безъ раба, меньше чѣмъ когда-нибудь готовъ освободить его».

Несомнѣнно синдикалисты глубоко почувствовали и то, что въ короткихъ словахъ было сказано П. А. Кропоткинмъ о государствѣ: «насъ хотятъ увѣрить, несмотря на всѣ неудачи, что старая машина, старый организмъ, медленно вырабатывавшейся въ теченіи хода исторіи, съ цѣлью убивать свободу, поработать личность, подыскивать для притѣсненій законное основаніе, отуманивать человѣческіе умы, постепенно приучивая ихъ къ рабству мысли—какимъ-то чудомъ вдругъ окажется пригоднымъ для новой роли; вдругъ явится и орудіемъ и рамками, въ которыхъ создается новая жизнь, водворится свобода и равенство на экономическомъ основаніи, наступитъ пробужденіе общества и завоеваніе имъ лучшаго будущаго! Какая нелѣпость! Какое непониманіе исторіи!»

Чтобы дать просторъ широкому росту социализма, нужно вполнѣ перестроить все современное общество, основанное на узкомъ, лавочническомъ индивидуализмѣ. Вопросъ не только въ томъ, чтобы, какъ иногда выражаются на метафизическомъ (не научномъ) языкѣ, «возвратить рабочему дѣликомъ весь продуктъ его труда», но въ томъ, чтобы измѣнить самый характеръ всѣхъ отношеній между людьми, начиная съ отношеній отдѣльнаго обывателя къ какому-нибудь церковному старостѣ или къ начальнику станціи и кончая отношеніями между различными ремеслами, деревнями, городами и областями. На всякой улицѣ, во всякой деревушкѣ, въ каждой группѣ людей, сгруппировавшейся около фабрики или желѣзной дороги, долженъ проснуться творческій, созидательный и организаціонный духъ для того, чтобы и на фабрикѣ и на желѣзной дорогѣ, и въ деревнѣ, и въ складѣ продуктовъ, и въ потребленіи, и въ производствѣ, и въ распредѣленіи—все перестроилось по новому. Всѣ отношенія между личностями и человѣческими группами должны будутъ подвергнуться перестройкѣ съ того самаго часа, когда мы рѣшимся дотронуться впервые до современной общественной организаціи, до ея торговыхъ (коммерческихъ) или правительствен-

ныхъ (административныхъ) учреждений. И вотъ эту-то великую (гигантскую) работу, требующую свободной дѣятельности народнаго творчества, хотѣть втиснуть въ рамки государства! Хотѣть ограничить предѣлами пирамидальной (слоевой) организаціи, составляющей сущность государства! Изъ государства, самый смыслъ существованія котораго заключается, какъ мы видѣли, въ подавленіи личности, въ уничтоженіи всякой свободной группировки, всякаго свободного творчества, въ ненависти ко всякому личному почину и въ торжество одной идеи (которая по необходимости должна быть идеей посредственности)—изъ этого-то механизма хотѣть сдѣлать орудіе для выполненія гигантскаго (великаго) превращенія! Цѣльмъ общественнымъ обновленіемъ хотѣть управлять путемъ указовъ избирательнаго большинства. Какое ребячество!

Короче—синдикалисты очень далеки отъ социаль-демократическихъ надеждъ на благодѣнія социаль-демократическаго государства.

Революціонные синдикалисты слишкомъ богаты политическимъ опытомъ для того, чтобы попасть на такую пустую приманку, какъ обѣщанія, что социаль-демократич. депутаты парламента, захвативъ въ свои руки власть, будутъ благодѣтельствовать рабочихъ. Они знаютъ, что парламентъ, это—правительство, они знаютъ, что всякое правительство всегда было и будетъ орудіемъ угнетенія и ни теперь, ни въ будущемъ не ждутъ отъ него чего-либо полезнаго. Рабочіе только на рабочихъ и могутъ рассчитывать.

Конечно, синдикалисты не могли не замѣтить, что войско, постоянно мелькавшее передъ ихъ глазами то въ качествѣ усмирителя революціонныхъ вепшейекъ и простыхъ стачечныхъ движеній, то въ качествѣ поставщика обязательныхъ стачколомовъ, войско, гдѣ люди обучаются искусству убивать ближняго, является страшной помѣхой въ дѣлѣ самоосвобожденія рабочихъ и они настойчиво совѣтуютъ своимъ, попавшимъ въ армію, товарищамъ оставаться вѣрными рабочему дѣлу, не обращаться, по приказу начальства, въ убійцы рабочихъ.

Многіе синдикаты организуютъ кассы солдатской копейки (су) и посылаютъ изъ нихъ пособія взятымъ на военную службу членамъ синдиката. Ж. Пивто пишетъ объ этихъ кассахъ слѣдующее: «солдатское су (солдатская копейка), это—солідарность рабочаго къ рабочему, поневолѣ попавшему въ солдаты. Солдатское су является для бѣднаго раба казармы утѣшительнымъ напоминаніемъ о болѣе свободной, о болѣе полезной жизни. Солдатское су, это—нравственное благо, которое соединяетъ со вчерашнимъ прошлымъ завтрашнее будущее солдата. Я не думаю, чтобы хоть одинъ изъ нашихъ друзей, получающихъ «солдатское су», покинулъ бы своихъ, ослабилъ бы социальную борьбу, сдѣлавшись сторожевой собакой буржуазіи, войдя въ отвратительную свору, состоящую изъ полицейскихъ, жандармовъ, муниципальных гвардейцевъ, тюремщиковъ и другихъ присяжныхъ чиновниковъ, которые не имѣютъ права быть гуманными

(по человѣчески добрымъ) и имѣть свои убѣжденія по общественнымъ вопросамъ, но остаются солдатами и сообразуются только съ дисциплиной, столь дорогой для всякой личности, влюбленной во власть, въ іерархію и низость. Нѣтъ! Наши друзья не будутъ подлецами, неспособными на отпоръ врагамъ и перебѣжчикамъ. Наоборотъ, они останутся со своими. Во время стачки и во время войны они останутся людьми, братьями всѣхъ страдающихъ, работающихъ и думающихъ. И когда послѣдніе предъявятъ свои требованія, когда они возстанутъ, будетъ справедливо, если наши дѣти, наши братья и наши друзья, служащіе въ солдатахъ, перейдутъ къ намъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ боевыми запасами для того, чтобы помочь намъ восторжествовать надъ нашими истинными врагами, эксплуататорами (обиралами) всѣхъ свойствъ, тиранами всѣхъ сортовъ».

Синдикалисты думаютъ добиться полного самоосвобожденія рабочаго класса путемъ всеобщей забастовки, которая является для нихъ ничѣмъ инымъ, какъ началомъ соціальной революціи.

Мысль о всеобщей забастовкѣ не нова, но синдикалисты выяснили ея глубокую сущность. Эта забастовка, преслѣдуя цѣль полного освобожденія рабочаго класса, не должна быть мирной, должна сопровождаться захватомъ въ общественное достояніе всѣхъ средствъ производства и многихъ предметовъ потребленія.

Французскій рабочій Ф. Пеллутье говорилъ: «всеобщая стачка не будетъ движеніемъ мирнымъ, потому что, если бы даже такое движеніе было возможно, оно не привело бы ни къ чему. Если говорить, у кого будетъ больше средствъ, то преимущество всегда останется на сторонѣ богатыхъ, побѣдить деньги можетъ только сила. Иногда говорятъ, что рабочіе могутъ сдѣлать это еще легче... Допустимъ даже, что буржуа уступятъ первыя. Что же потребуютъ отъ нихъ рабочіе? Полнаго отреченія? Тогда, разъ уже погибать, буржуа предпочтутъ попытаться счастье въ борьбѣ и всеобщая стачка превратится въ революцію. Но возможно, что рабочіе потребуютъ только нѣкоторыхъ уступокъ... Но тогда черезъ нѣсколько лѣтъ та же исторія возобновится. Нѣтъ! Я говорю прямо, что всеобщая стачка есть революція».

Въ докладѣ парижскому конгрессу выяснялась сущность всеобщей забастовки: «говорятъ, что нѣтъ ничего легче, какъ всеобщая забастовка—достаточно просидѣть, сложа руки, въ теченіи недѣли, и наши эксплуататоры (обиралы) умрутъ съ голода, по намъ не говорятъ при этомъ, что же мы-то сами будемъ ѣсть? И такъ намъ придется овладѣть пекарнями и скотобойнями и обезпечить жизнь трудящимся. Если этого не сдѣлать—всеобщая стачка невозможна; если же рѣшиться на это, почему не пойти дальше? Уяснимъ себѣ, куда мы хотимъ идти и, разъ мы будемъ знать, куда мы стремимся, то, начавъ движеніе, будемъ

или до конца. Всеобщая стачка, это—социальная революция». На съезде рабочих организаций в Париже были сказаны решительные слова: «Когда мы провозгласим всеобщую забастовку, мы должны будем иметь смелость сделать ее революционной: она будет пробуждением рабочей энергии, завоеванием всех орудий производства», «если мы устроим всеобщую стачку, то именно для того, чтобы завладеть средствами производства, чтобы отнять их у имущих классов, которые, конечно, не захотят отдать их добровольно».

«Всеобщая стачка, в своем конечном определении,—писал бывший секретарь Всеобщей Конфедерации Труда Грюффюзль,—не является для рабочих простой приостановкой работы: она есть завладение общественными (социальными) богатствами, которыми будут пользоваться, работая на всеобщую пользу, корпорации (общества), а в частности, синдикаты».

«Всеобщая забастовка, читаем мы в Майском № «Голоса Народа» за 1910 год,—это—революция, сделанная пролетариями для пролетариев», а в марте 1912-го года, говоря о голодной стачке английских углекопов, Ж. Пиво пишет: «для нас, борцов революционеро-синдикалистов, эта стачка является мощным добавлением к нашим доводам в пользу всеобщей революционной экспроприаторской стачки—первой фазы социальной революции, сделанной народом и для народа».

Заметим, здесь следующее: в том случае, когда нам говорят, что рабочие должны прежде всего научиться в своих союзах вести дело без хозяев, что они должны стать более знающими и развитыми людьми и только после этого захватить в общее достояние средства производства,—мы слышим несерьезные речи. Рабовладельцы и крепостники, а за ними и некоторые рабы и крепостные тоже говорили, что рабам и крепостным надо подготовиться к новой жизни, что трудящиеся не смогут обойтись без хозяев, раз будут немедленно освобождены, что они будут лентяйничать, пьянствовать, не сумеют справиться с производством. Тем не менее, освобожденные рабы и крепостные и свободными жили много лучше, чем при своих господах. Точно также и без вреда для трудящихся и для производства исчезнуть и предприниматели. Раз только рабочие овладеют промышленными, торговыми и перевозочными предприятиями, они не смогут остановить производство даже в том случае, если бы захотели сделать такую глупость. Надо будет есть, одеваться, жить в домах и пр., а следовательно, надо будет вести производственное дело. Сначала будут встречены кое-какие препятствия, но рабочие справятся с ними и, во всяком случае, им будет много лучше жить, чем теперь.

В хозяйских мастерских наемные рабочие никогда не научатся самостоятельно вести дело производства. Как нельзя на-

учиться плавать, не войдя въ воду, какъ нельзя научиться строгать, не взявъ въ руки рубанка, такъ нельзя научиться вести производство, не захвативъ его въ свои руки и не устранивъ предпринимателей. Только удалевъ хозяевъ, рабочіе научатся (на дѣлѣ) вести дѣло производства, что вовсе не является, къ слову сказать, труднымъ, такъ какъ рабочіе знаютъ самое важное для того, чтобы производить,—знаютъ свои ремесла.

Не надо преувеличивать значеніе той борьбы, которую ведутъ рабочіе союзы и революціонные синдикаты, въ частности, за улучшение быта наемныхъ рабочихъ. Ошибается французскій писатель Г. Лягардель, когда говоритъ, что «рабочее право поднимается въ той мѣрѣ, въ какой падаетъ «патрональное» (хозяйское) право и наоборотъ».—«Но какъ будетъ происходить восхожденіе рабочего права? Это будетъ по мѣрѣ того, какъ путемъ стачки или путемъ синдикальнаго давленія рабочіе будутъ принуждать патрона (хозяина) къ увеличенію заработной платы, къ уменьшенію рабочаго дня, къ измѣненію гигиеническихъ условій, къ смѣщенію какого-нибудь надсмотрщика, къ удаленію какого-нибудь желтаго (стачколома), къ обязательству принимать лишь приписанныхъ къ синдикату и т. д. Здѣсь будетъ рядъ частичныхъ экспропріацій капиталистическаго права, которыя образуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ точно такой же рядъ послѣдовательныхъ расширеній пролетарскаго права».

Все это невѣрно. Никакихъ частичныхъ экспропріацій хозяйскаго права во всѣхъ этихъ случаяхъ не происходитъ. Хозяева слишкомъ сильны, чтобы допустить такую экспропріацію и не такъ глупы, чтобы не замѣтить ее, если бы она происходила. Они не допустили бы ея просто потому, что, какъ говорятъ нѣмцы, собакъ не легче отъ того, что у нея будутъ отрубать хвостъ по частямъ вмѣсто того, чтобы отрубить его сразу.

Борьба за увеличеніе заработной платы, за сокращеніе рабочаго дня очень желательна сама по себѣ, но вовсе не является борьбою за освобожденіе рабочаго класса. Повысилась или нѣтъ плата, 10 или 8 часовъ работаетъ наемникъ, хозяинъ остается хозяиномъ, а рабочій рабочимъ. Эта борьба не затрагиваетъ хозяйской собственности на средства производства, не умаляетъ хозяйскаго права. Какъ разъ право наемнаго рабочаго и заключается въ томъ, что онъ можетъ не согласиться работать за низкую плату въ теченіи долгаго дня. Это право не рабочаго, а капиталистическаго буржуазнаго общества.

То же относится и къ удавшимся попыткамъ рабочихъ добиться лучшихъ условій труда.

Вотъ если бы удаленіе надсмотрщика, стачколома, не принятіе на фабрику не вошедшаго въ союзъ рабочаго завязало бы отъ самихъ рабочихъ, если бы на все это не требовалось распоряженія хозяина, то мы имѣли бы передъ собою умаленіе хозяйскаго права. А такъ какъ на все это требуется разрѣшенія хо-

эяна, то хозяйское право стоить невыгоднѣе, а рабочіе пользуются только дарованнымъ имъ буржуазными законами «правомъ» наемниковъ работать или не работать при тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Надо еще замѣтить, что дѣльному хозяйству прямой расчетъ удалить надсмотрщика, противъ котораго возстали рабочіе, что бывшихъ стачколомовъ, обычно дѣшвыхъ, неискреннихъ и дорогихъ рабочихъ хозяева охотно разсчитываютъ и безъ требованій рабочихъ, дѣлая различіе между вончеными и не вончеными въ союзы наемниками.

Революціонные синдикаты не имѣютъ никакого отношенія къ политическимъ партіямъ, въ томъ числѣ и къ социалистическимъ. Оно и понятно. Если рабочіе хотятъ добиться чего-либо дѣльнаго, они не должны вѣсти на поводу у другихъ лицъ. Въ эти другія лица, въ томъ числѣ и вончшія въ социалистическую партію, обычно выдаютъ себя за друзей рабочихъ и за ихъ будущихъ благодѣтелей, но обѣщанія политикановъ ничего не стоятъ и не обманываются только тѣмъ, кто разсчитываетъ на самого себя.

Только французскіе рабочіе, пречки которыхъ участвовали въ нѣсколькихъ политическихъ революціяхъ, только эти рабочіе, хорошо разбирающіеся въ политиканствѣ партій, знающіе, что дали и что могутъ дать рабочимъ парламенты, буржуазныя свободы, фабричныя законы и тому подобныя, въ сущности, мелочныя реформы (законодательныя перемѣны) могли создать могучее, мудрое, смѣлое и красивое движеніе революціоннаго синдикализма.

РУССКІЕ РАБОЧІЕ СОЮЗЫ.

Русскіе рабочіе союзы или были задушены росейскимъ правительствомъ въ самомъ началѣ существованія или страшно стѣснены въ своей дѣятельности. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ союзахъ, но остановимся только на томъ, что новаго дали они для міроваго рабочаго движенія.

Русскимъ рабочимъ нѣтъ смысла точно подражать союзамъ иностраннхъ рабочихъ. Будетъ очень печально, если даже часть рабочихъ начнетъ безъ разбора перенимать чужое. Нашимъ рабочимъ надо развить нашей же жизнью созданные союзы.

Русскіе рабочіе дѣлали попытки къ объединенію и въ движенія 1905 года. С. Н. Прокоповичъ писалъ слѣдующее: «въ Петербургѣ и Москвѣ по воскреснымъ утрамъ, одинъ, два представителя отъ каждой мастерской известной профессіи сходятся для обсужденія общихъ дѣлъ въ трактиръ, облюбованный ремесленниками этой профессіи, гдѣ и засѣдаютъ до полудня. Тутъ ремесленники выясняютъ общее положеніе дѣлъ, узнаютъ, гдѣ есть свободныя мѣста и принимаютъ общія постановленія».

Выступленія совѣтовъ рабочихъ депутатовъ въ концѣ 1905-го года общезвѣстно. Изъ сожалѣнія, рабочіе пустили въ эти совѣты лишь изъ другихъ классовъ общества, представителей социалисти-

ческих политических партий и подпали под руководство последних.

Совѣты рабочихъ депутатовъ или, какъ ихъ позднее стали называть «собранія уполномоченныхъ» должны охватить рабочий классъ Россіи, при чемъ въ нихъ не должно быть мѣста рабочимъ самозванцамъ и лицамъ изъ другихъ классовъ общества.

Совѣты рабочихъ уполномоченныхъ, это—совѣщанія представителей отъ мастерскихъ или отъ отдѣльныхъ предпріятій. Такой совѣтъ составляется исключительно изъ уполномоченныхъ, выбранныхъ по мастерскимъ, при чемъ небольшія мастерскія собираются на общій сходъ. Сколько бы рабочихъ ни участвовало на сходѣ, посылаюшемъ въ совѣтъ своего уполномоченнаго или своихъ уполномоченныхъ, это—второстепенный вопросъ. Здѣсь важно то, что каждый рабочий только потому, что онъ рабочий, безъ отношенія къ тому, дѣлалъ онъ или не дѣлалъ какіе-нибудь взносы, вошелъ или не вошелъ въ число членовъ союза,—всегда можетъ явиться на сходъ. Такимъ образомъ, уполномоченный считается здѣсь со всеми рабочими мастерской или предпріятія. Недостатокъ рабочихъ союзовъ заключается въ томъ, что они охватываютъ не всѣхъ рабочихъ данной отрасли промышленности, а только часть последнихъ. Союзы нигдѣ не охватываютъ всего рабочего класса страны.

Совѣщанія рабочихъ уполномоченныхъ, охватывая всѣхъ рабочихъ любого промысла, имѣютъ тотъ недостатокъ, что здѣсь нѣтъ того объединенія наиболѣе рѣшительныхъ, правильно дѣлающихъ денежные взносы рабочихъ, каковымъ объединеніемъ и является въ рядѣ случаевъ рабочий союзъ.

Соединеніе въ одно цѣлое рабочего союза и совѣта уполномоченныхъ какъ разъ и даетъ чуждое вышеуказанныхъ недостатковъ объединеніе (организацию) наемныхъ рабочихъ.

Первыхъ изъ такихъ объединеній, могущимъ охватить въ конечномъ счетѣ весь рабочий классъ Россіи, явилось «Профессиональное общество рабочихъ печатнаго дѣла московской промышленной области». Наряду съ правленіемъ этого рабочего союза здѣсь имѣлось собраніе уполномоченныхъ, выбранныхъ по мастерскимъ, какъ членами, такъ и не членами союза. Эти уполномоченные «сразу приобрѣли громадное значеніе во всемъ строѣ организаци. Они обсуждали на своихъ собраніяхъ и выносили рѣшенія по всемъ вѣжѣйшимъ вопросамъ союзной жизни и, будучи выбраны всеми рабочими (ихъ выбирали и члены и не члены союза) подчиняли своему вліянію само правленіе; последнее охотно шло на встрѣчу этому контролю, укрѣпляя и расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ сферу своего вліянія на массы» (В. В. Шеръ).

Это новое рабочее объединеніе (новая организаци), выкованная русской жизнью во время революціоннаго подъема, чужда какъ недостатковъ, присущихъ рабочему союзу, такъ и недостатковъ, присущихъ совѣту рабочихъ уполномоченныхъ. Она какъ бы

нарочно создана для того, чтобы охватить весь рабочий класс и связать его в одно великое целое. Здесь исчезает досадная и зачастую пагубная рознь между вошедшими и не вошедшими в союз рабочими. В частности, в названном обществе рабочих печатного дела денежная и всякая помощь безработным, так же как, и помощь по чиринскому мѣсту распространялась как на членов, так и на не членов рабочего союза. «Никаких преимуществ первые перед вторыми не имѣли», пишет В. В. Шорь.

Необходимо также, чтобы в совѣтъ уполномоченных даннаго промысла входили и уполномоченные безработных.

Союзы разныхъ промысловъ, находящіеся в какой-либо определенной мѣстности, должны объединяться в биржи труда и при каждой такой биржѣ должны быть и собранія представителей отъ всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ уполномоченныхъ. Представители этихъ совѣтовъ должны находиться на всѣхъ ступеняхъ союзнаго объединения (организациі).

Только что указанная организациія, охватывающая всѣхъ рабочихъ, а не только какую-нибудь выбранную часть рабочаго класса, какъ нельзя болѣе соответствуетъ мірекому, товарищескому характеру русскихъ рабочихъ. Она охватываетъ и не имѣющихъ ремесла чернорабочихъ, уничтожаетъ борьбу за заработокъ не только между членами совѣтовъ, но и между всѣми рабочими.

Только такое объединеніе (такая организациія), охватывающее рабочий классъ в его цѣломъ, явится у насъ тѣмъ необходимымъ для рабочихъ учрежденіемъ, в рядахъ котораго рабочий классъ, какъ дружное цѣлое, будетъ вести свою борьбу съ буржуазией-поработительницей и другими враждебными ему классами общества.

Рабочіе союзы, совмѣстно съ совѣтами уполномоченныхъ, будутъ стремиться къ полному освобожденію рабочаго класса усиліями самихъ рабочихъ и могутъ, конечно, учиться у новыхъ рабочихъ союзовъ Запада, в которыхъ работаютъ ихъ болѣе опытные товарищи. Но и послѣднимъ не мѣшало бы позаимствовать у русскихъ рабочихъ совѣты избранныхъ по мастерскимъ или предпріятіямъ уполномоченныхъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ .

Рабочимъ необходимо устраивать свои союзы какъ для того, чтобы хозяева не заморили ихъ тяжелымъ трудомъ и ничтожною заработной платой, такъ и для того, чтобы добиться своего полнаго освобожденія отъ власти хозяевъ и правителей, для того, чтобы устроиться вольными городами и селеніями.

Ни в какомъ случаѣ они не должны входить вь какія-либо соглашенія съ политическими, хотя бы и называющими себя социалистическими партіями, и тѣмъ болѣе не должны подчиняться имъ.

Правда, социаль-демократы настаиваютъ на томъ, чтобы рабо-

чье союзы и социаль-демократическія партіи были въ тѣсномъ единеніи (хотя и не сливаясь), но ничего, кромѣ вреда, отъ такого единенія для рабочихъ (и пользы для социаль-демократической партіи) произойти не можетъ. Социаль-демократы охотно называютъ себя учениками одного 30-лѣтнему тому назадъ умершаго писателя Карла Маркса, но по отношенію къ данному случаю молчатъ о томъ, что онъ говорилъ о рабочихъ союзахъ и политическихъ партіяхъ. Въ письмѣ къ Касспру нѣмецкаго союза металлистовъ К. Марксъ писалъ слѣдующее: «Если рабочіе союзы хотятъ выполнить свою задачу, они не должны присоединиться къ какой-либо политической группѣ, не должны находиться въ зависимости отъ нея. Если это случится, имъ будетъ нанесенъ смертельный ударъ. Союзы—школы социализма. Именно въ союзахъ рабочіе становятся социалистами, потому что передъ ихъ глазами постоянно ведется борьба съ капиталомъ. Всѣ политическія партіи, каковы бы онѣ ни были, только на короткое время переходяще, могутъ поднять энтузіазмъ (воодушевленіе) рабочей массы, тогда какъ союзъ связываетъ послѣднюю на продолжительное время и только одни союзы въ состояніи представить истинную рабочую партію и поставить предѣлъ могуществу капитала... Большинство рабочихъ, какова бы ни была партія, къ которой они принадлежатъ, убѣждены нынѣ, что ихъ положеніе должно быть улучшено. Если же матеріальное (имущественное) положеніе рабочаго улучшится, онъ можетъ больше посвятить себя воспитанію своихъ дѣтей; дѣти, такъ же, какъ и жена рабочаго, не должны болѣе идти на заводъ; онъ самъ можетъ болѣе обогащать свой умъ и болѣе заботиться о своемъ физическомъ развитіи; онъ дѣлается социалистомъ, самъ того не зная».

Рабочіе союзы очень полезны для рабочихъ. Но рабочіе, стремясь къ полному самоосвобожденію отъ ига капитала и власти, должны устроить, независимо отъ союзовъ и отдѣльно отъ нихъ, тайныя революціонныя братства.

ШТЕМПЕЛЬ РАБОЧИХЪ СОЮЗОВЪ (ЛАБЕЛЬ).

Члены рабочихъ союзовъ имѣютъ свой штемпель, свой знакъ (лабель). Этотъ штемпель ставится съ согласія хозяевъ на издѣлія или привязывается къ нимъ, но только въ томъ случаѣ, если на фабрикѣ работаютъ исключительно члены рабочихъ союзовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо предпріятіе не продаетъ товаровъ, напримѣръ, булочныя, парикмахерскія, бани, но нанимаетъ все-таки рабочихъ, въ ознакахъ выставляются афиши съ такимъ штемпелемъ. Рабочіе думаютъ, что всѣ организованные рабочіе и всѣ друзья такихъ рабочихъ будутъ спрашивать товары какъ разъ съ такимъ штемпелемъ-лабелемъ и не будутъ покупать товары, на которыхъ нѣтъ такого штемцеля (лабеля).

Выставленіе лабеля, это, въ сущности, предложеніе бойкотировать товары, на которыхъ имѣть рабочаго штемпеля, т.-е. всѣ товары, приготовленные не организованными рабочими.

Каждый союзъ можетъ имѣть свой отдѣльный штемпель (лабель) и ставить его вмѣстѣ со штемпелемъ союза союзовъ, федерации всѣхъ союзовъ или отдѣльно отъ него.

Штемпель (лабель) французскихъ рабочихъ, объединенныхъ Всеобщей Конфедерацией Труда, изображаетъ изъ себя молушаріе земного шара и на немъ двѣ пожимающія другъ другу руки.

Этотъ штемпель организованныхъ рабочихъ (лабель) какъ бы дѣлитъ рабочихъ на привилегированныхъ и не привилегированныхъ—на тѣхъ, издѣлія которыхъ покупаются всеми и на тѣхъ, издѣлія которыхъ покупаются только нѣкоторыми.

Этотъ штемпель (лабель) является какъ бы показателемъ союза нѣкоторыхъ хозяевъ съ организованными рабочими, союза, направленного не только противъ другихъ хозяевъ, но и противъ неорганизованныхъ рабочихъ.

Рабочіе могутъ отказаться выставять свои значки, штемпели (лабели) на хозяйскихъ товарахъ и едва ли что потеряютъ отъ этого.

Г Л А В А X I I .

Первое Мая.

Въ день перваго Мая рабочіе бастуютъ въ память своихъ злодѣйски убитыхъ товарищей. Бастуютъ потому, что хотятъ напомнить неосознательнымъ еще товарищамъ, что рабочимъ не зачѣмъ считаться съ желаніями хозяевъ и правителей, которые хотятъ ихъ видѣть въ этотъ день занятыми наемной работой. Они бастуютъ, желая посвятить этотъ день работѣ, ведущей ихъ къ полному самоосвобожденію изъ-подъ ига богачей и тѣхъ людей, которые правятъ или хотятъ управлять ими.

Но члены политическихъ, называющихъ себя социалистическими партій настойчиво совѣтуютъ рабочимъ праздновать этотъ день и во многихъ случаяхъ добились того, что рабочіе празднуютъ день 1-го мая.

Тѣмъ не менѣе спрашивается: — что могутъ рабочіе праздновать въ день перваго Мая? Не то ли, что рабочій классъ изъ поколѣнія въ поколѣніе остается классомъ бѣдняковъ, хотя создаетъ несмѣтные богатства? Не то ли, что при каждой серьезной попыткѣ улучшить свое положеніе путемъ стачечной борьбы, — на мѣста стачекъ посылаютъ войска, убивающія и бросающія въ тюрьмы нашихъ товарищей? Не то ли, что во всѣхъ странахъ, — въ томъ числѣ въ демократическихъ французской и американской республикахъ, — тюрьмы держатъ за своими рѣшетками борцовъ за рабочее дѣло? Не то ли, что рабочихъ обираетъ буржуазія, обманываютъ самыя демократическія правительства и самыя лѣвыя политическія партіи?

Мысль о первомайской забастовкѣ возникла въ рабочихъ рядахъ. Устроить такую забастовку рѣшили американскіе рабочіе на своемъ чикагскомъ сѣздѣ 1884 года и на своемъ сѣздѣ въ С. Луи 1888 года.

Въ первый разъ бастовали 1 Мая 1886 года американскіе рабочіе. Начатая перваго Мая забастовка ставила своею цѣлью добиться 8-часового дня. Она затянулась.

3 Мая бастовали еще 35 тысячъ рабочихъ. Нѣсколько тысячъ бастующихъ собралось около фабрики земледѣльческихъ орудій Макъ-Коррика, рабочіе которой не участвовали въ стачкѣ. Совершенно неожиданно отрядъ полицейскихъ открылъ по толпѣ стрѣльбу изъ револьверовъ. Толпа отхлынула, но, оправившись отъ неожиданности, бросилась на полицію.

На помощь послѣдней явилось 200 вооруженныхъ скорострѣльными ружьями полицейскихъ, которые и начали стрѣлять въ толпу. Толпа разбѣжалась. Число убитыхъ и раненыхъ было скрыто полиціей.

На другой день вечеромъ рабочіе возвращались со своего ми-

тинга. На них снова напали 125 вооруженных скорострельными ружьями полицейских, но кто то бросил в нападающих бомбу которая и разорвалась в рядах последних. После взрыва убит человек 60 полицейских (частью вероятно от испуга); из них умерло от ран 8 человек. Полицейских охватила паника, и подослѣвшее подкрѣпленіе снова стало стрѣлять по рабочимъ. Толпа опять таки бѣжала и опять таки чельзя было установить число убитыхъ и раненыхъ.

Были произведены многочисленные аресты. Въ числѣ арестованныхъ находилось 8 видныхъ анархистовъ; они были осуждены судомъ за убійство полицейскихъ, хотя не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что не они бросили бомбу. Одинъ изъ осужденныхъ на смертную казнь кончилъ въ тюрьмѣ самоубійствомъ, взорвавъ динамитныя патроны. четверо — Августъ Спизъ, Альбертъ Парсонъ, Георгъ Эгель и Адольфъ Фишеръ были убиты палачами. Фильденъ и Швабъ были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе, Неебе — на 15 лѣтъ тюрьмы. Этими дѣло не кончилось. Губернаторъ Иллинойс Альгельдомъ пересмотрѣлъ въ 1893 году дѣло осужденныхъ и послѣ тщательнаго изслѣдованія, всѣ они были признаны совершенно невиновными и трое оставшихся въ живыхъ выпущены изъ тюрьмы. И несмотря къ приказу объ освобожденіи губернаторъ указалъ на безчестность судей, присяжныхъ и подкупленныхъ свидѣтелей. Онъ указалъ также, что приговоръ былъ составленъ заранее и вынесенъ по приказу. Было обнаружено, что одинъ изъ сыщиковъ нашелъ бросившаго бомбу человека, но не могъ добиться приказа объ его арестѣ. полиція дала возможность этому человеку скрыться.

Во время майскаго движенія того же года, при нападении манифестантовъ въ Милвоки, было убито девять рабочихъ.

Замѣтныя послѣдствія этого движенія, если говорить о первомъ времени, были не особенно велики, но и незначительны. Еще передъ майской манифестаціей-забастовкой предприниматели были вынуждены «дать» восьми-часовой рабочей день 35000 рабочимъ, а часть послѣ нея 125000, въ теченіе слѣдующаго за ней мѣсяца 20000 рабочихъ получили 8-часовой день. Часть рабочихъ временно утратила свое завоеваніе, но толчокъ былъ данъ и очень многіе организованные рабочіе С. А. С. Штатовъ добились восьми-часового рабочаго дня.

Такимъ образомъ, хотя и не безслѣдно, но далеко не празднично, прошла первая перво-майская забастовка. Непримиримость интересовъ рабочихъ и капиталистовъ, поддерживаемыхъ государствомъ вспыхнула яркимъ блескомъ. Была пролита кровь рабочихъ, пролита кровью и покровителемъ капиталистовъ — государствомъ. Былъ совершенъ, обычный, разъ дѣло идетъ объ отношеніи къ рабочимъ предательскій актъ нападенія и глубоко безчестный актъ ищпенія.

Перво-майское движеніе было создано и проведено рабочими, въ рабочее дѣло вмѣшались социалисты-политики и исказили

какъ исказили и другія проявленія творческой рабочей мысли. Парижскій международный социалистическій съездъ (конгрессъ) вынесъ въ 1889 году слѣдующее постановленіе (резолуцію): «назначается великая международная манифестація въ разъ установившееся число такимъ образомъ, чтобы разомъ во всѣхъ городахъ въ одинъ установленный день **трудящіеся предъявили общественнымъ властямъ** требованіе ограниченія рабочаго дня до 8 часовъ, а также выполнения всѣхъ другихъ постановленій международного конгресса въ Парижѣ: такъ какъ подобная манифестація уже назначена на 1-ое Мая Американской Федерацией Труда на конгрессѣ этой федерации въ С. Луи въ декабрѣ 1888 года, то это число было принято и для международной манифестаціи. Трудящіеся различныхъ націй выполнять эту манифестацію такъ, какъ имъ будетъ подсказано особыми условіями ихъ странъ.

Совѣтъ конгресса былъ очень плохъ. Конгрессъ съ его социалистами-политиками сразу понизилъ значеніе и размахъ грозной по существу рабочей манифестаціи-забастовки, превративъ ее въ столь милое буржуазному сердцу хожденіе по начальству съ прошеніями.

Жалкое зрѣлище представляли изъ себя 12 рабочихъ делегатовъ, первые ошесшихъ тетрадь своихъ требованій во французскую палату депутатовъ. Но это жалкое зрѣлище превратилось въ позорное, когда полицейскій обратился къ вышедшимъ изъ палаты делегатамъ съ приказомъ разойтись: «ваши полномочія кончены, Вы не должны идти далѣе процессіей. Проходите! И муниципальная стража разогнала рабочихъ.

Рекомендованныя Парижскимъ конгрессомъ поломинчества къ властямъ были прекраснымъ способомъ разрядить революціонную энергію рабочихъ. Всѣ эти хожденія по начальству могли только развращать мало сознательную часть рабочихъ, ублаживая ихъ ложной надеждой, что правительство, узнавъ о нуждахъ рабочаго класса, распорядится облагоудѣлительствовать его. На самомъ же дѣлѣ, правительства съ опозданіемъ и всевозможными ограниченіями могутъ только записать въ свои законы, сдѣланныя рабочимъ классомъ завоеванія. Правительства, отражая дѣйствительное соотношеніе силъ, чикогда ни въ чемъ не обнаруживаетъ творческой способности. Правительства обладаютъ силой разрушенія, но они не творятъ. Творятъ только массы, своимъ дѣйствіемъ, выковывая свою многогранную жизнь.

Понятно, что предъявляемая властямъ требованія рабочихъ клались подъ сукно. Рабочихъ встрѣчали или грубо или вѣжливо, брали отъ нихъ списки требованій, а дальше дѣло не шло. Своими хожденіями къ властямъ рабочіе нигдѣ не добились уменьшенія рабочаго дня. Дѣло, хорошо начатое американскими рабочими, было совершенно испорчено не рабочимъ Интернаціоналомъ, высказавшимся не за однодневную всеобщую забастовку, а только за холоскую манифестацію съ челобитной къ начальству.

Вся дальнейшая деятельность социалистических партий и конгрессов нового Интернационала свелась к тому, что 1 Мая превратилось у многих рабочих в праздник, во время которого митинговые ораторы перечисляют некоторые пожелания наемных рабочих. Помимо этого праздник был использован политиками в целях избрания социалистических законодателей в парламент.

Немецкая социаль-демократия, сначала враждебно относившаяся к перво-майской забастовке, начала высказываться за прекращение работ с того времени, как забастовка — демонстрация превратилась в праздник, с того времени, как убедилась, что день первого Мая может утратить всякое революционное значение.

Дело дошло до того, что в некоторых случаях сами предприниматели распускают на этот день рабочих.

Хожденія рабочих по улицам городов, заявления митинговых ораторов о желательности 8-часового дня, всеобщаго мира и пр. нигдѣ и нѣкъмъ не принимались во вниманіе.

Съ проулками мирно настроенныхъ рабочихъ никто не считался. Только во французской республикѣ, гдѣ буржуазія не вѣрять, что рабочіе всегда будутъ проводить этотъ день такъ безцѣльно, какъ проводятъ его руководимые своимъ социаль-демократическимъ начальствомъ нѣмецкіе и бельгійскіе рабочіе, — только въ этой республикѣ первое Мая разсматривается правительствомъ, какъ день возможнаго мятежа. Полиція и войска нападаютъ въ этотъ день на сходящихся толпамъ рабочихъ, такъ какъ буржуазія боится, что эти толпы начнутъ строить баррикады и выкинуть на нихъ черныя знамена. Во французской демократической республикѣ впервые была испробована сила лебелевскихъ ружей на гулявшихъ 1-го Мая рабочихъ, при чемъ за одинъ приемъ было убито девять человекъ (въ томъ числѣ шесть въ возрастѣ отъ 11 до 19 лѣтъ). Конечно, и въ Россіи, гдѣ правительство боится революціи, оно разстрѣливало рабочихъ и въ день первого Мая.

Французскіе рабочіе перестали представлять правителямъ списокъ требованій. Они не хотятъ уже смотрѣть на первое Мая, какъ на праздникъ. По ихъ мнѣнію, этотъ день долженъ быть днемъ забастовки, днемъ демонстрацій и днемъ практическихъ завоеваній. Ихъ связанное съ первымъ Маемъ движеніе 1906 г. имѣло практическіе результаты. Дело было такъ. Въ 1904 году конгрессъ французскихъ рабочихъ союзовъ (сindicатовъ) въ Буржѣ вынесъ слѣдующее постановленіе (резолуцію): «принимая во вниманіе, что рабочіе могутъ разсчитывать въ дѣлѣ улучшенія быта трудящихся только на самихъ себя; принимая во вниманія, что агитація за 8-часовой рабочей день явится шагомъ къ окончательному дѣлу всеобщаго освобожденія, конгрессъ даетъ порученіе Всеобщей Конфедераціи Труда организовать сильную и все растущую агитацію для того, чтобы первого Мая 1906 года рабочіе сами перестали работать болѣе 8-ми часовъ».

Какъ это постановленіе, такъ и послѣдовавшая за нимъ агитація произвели во Франціи громаднй шереполюхъ. Рабочіе не добились выставленной цѣли, но какъ разъ благодаря этому движенію, участники его добились того или иного сокращенія рабочаго дня. «Изъ 383 стачекъ за уменьшеніе рабочаго дня въ 1906 году, — 201 окончились полнымъ или частичнымъ успѣхомъ, несмотря на исключительныя трудности и на озлобленіе хозяевъ, не смотря на объявленіе на осадномъ положеніи многихъ городовъ и вмѣшательство правительства, проявившееся 482-мя обвинительными приговорами».

Въ день перваго Мая сознательные рабочіе отказываются работать на хозяевъ и занимаются въ этотъ день подготовкой своего полнаго самоосвобожденія.

ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ТОВАРИЩЕСТВА.

Устраняя потребительныя товарищества, ихъ вносятъ деньги покупающа пай (пай стоитъ отъ рубля до трехъ рублей).

Общее собраніе членовъ выбираетъ нѣсколько человекъ, заведующихъ дѣлами потребительнаго товарищества (потребительнаго кооператива, потребительнаго общества). Эти выборные нанимаютъ помѣщенія для лавки, покупаютъ товары, нанимаютъ приказчиковъ и открываютъ торговлю.

Всѣ товары покупаются на наличныя деньги. Въ долгъ (кредитъ) лавки потребительныхъ товариществъ (потребительныхъ кооперативовъ) не торгуютъ.

Товары продаются по обыкновеннымъ лавочнымъ цѣнамъ, но каждому покупателю ведется счетъ его покупокъ. Къ концу года подсчитывается, кто и на сколько купилъ въ теченіи года. Чистая прибыль, барышъ лавки дѣлится между покупателями, сообразно съ тѣмъ, сколько куплено товаровъ тѣмъ или другимъ членомъ. Такимъ образомъ, каждый членъ потребительнаго товарищества (потребительнаго кооператива) сберегаетъ по нѣсколько рублей въ годъ.

По постановленію общаго собранія членовъ часть барыша употребляется иногда на общепольныя дѣла: — устраиваются библіотеки, читальни, выдаются пособія больнымъ; иной разъ бастующимъ, рабочимъ.

Отдѣльныя потребительныя товарищества (потребительныя кооперативы) объединяются между собою для оптовой покупки товаровъ и для другихъ общихъ дѣлъ.

Потребительныя товарищества приносятъ участвующимъ въ нихъ рабочимъ очень небольшую выгоду, не имѣютъ ничего общаго съ дѣятельностью влекущей за собою полное самоосвобожденіе рабочихъ и нерѣдко оказываютъ на рабочихъ вредное вліяніе.

Тѣ рабочіе, которые думаютъ, что участвуя въ потребительныхъ товариществахъ (потр. кооперативахъ), они участвуютъ въ работѣ по освобожденію, жестоко ошибаются, повѣривъ тѣмъ социалистамъ

политиканамъ, которые обманываютъ рабочихъ выдавая за освободительную борьбу участіе въ торговомъ дѣлѣ. Соціалистической строй можно завоевать съ оружіемъ въ рукахъ, но нельзя выторговать въ лавкѣ. «Потребительныя товарищества, — писалъ К. Каутскій, — это мнимый способъ освободить пролетаріатъ, пальцемъ не трогая капитала». Въ некоторыхъ случаяхъ потребительныя товарищества (потребительныя кооперативы) обираются соціалистическими партіями, какъ обираются (эксплуатируются) они въ Бельгій, напримеръ. Э. Вандервельдъ называлъ бельгійскія потребительныя товарищества (кооперативы) дойнными коровами бельгійской соціально-демократической партіи.

Барышъ потребительныхъ товариществъ получается потому что члены послѣднихъ, какъ и простые кушцы, не доплачиваютъ заработанныхъ денегъ своимъ приказчикамъ. Дѣло доходитъ до того, что въ бельгійскихъ и германскихъ потребительныхъ обществахъ (потребительныхъ товариществахъ), членами которыхъ состоятъ рабочіе соціалисты, приказчики получаютъ малое жалованье, трудятся въ теченіи длиннаго рабочаго дня, работаютъ иногда и по праздникамъ. Словомъ, гонясь за прибылью, рабочіе члены потребительныхъ товариществъ (потребительныхъ кооперативовъ) жмутъ, какъ кушцы, рабочихъ-приказчиковъ.

«Цѣль кооператива — улучшеніе положенія рабочаго класса и въ то же время наблюдаемъ скверныя условія труда въ пролетарскихъ коопераціяхъ», пишетъ Борисъ Фромметтъ. Эти слова можно отнести и къ Россіи, и къ Англій, и къ Германіи, и къ Бельгій.

Приказчики потребительныхъ товариществъ потребительныхъ кооперативовъ ничѣмъ не отличаются отъ приказчиковъ кушеческихъ магазиновъ и ничему особенному, что могло бы пригодиться для освобожденныхъ отъ ига капитала и власти рабочихъ они научиться, служба въ потребительной лавкѣ, не могутъ.

Ничему не учатся въ потребительныхъ товариществъ (кооперативахъ) и члены послѣднихъ даже тогда, когда они (что бываетъ рѣдко), посѣщаютъ общія собранія членовъ. Ни торговыхъ (коммерческихъ), ни административныхъ (т. е. тѣхъ знаній, которыя имѣются у управляющаго дѣломъ) знаній члены товариществъ не получаютъ, но начинаютъ интересоваться величиной прибыли и настаивать на необходимости добиться ея повышенія. Кампль Гюисманъ указывалъ, что соціально-демократическіе «кооперативы дѣлаются чисто торговыми (коммерческими) предпріятіями, что они не проникнуты духомъ борьбы».

Потребительныя товарищества (потребительныя кооперативы), не могутъ продавать въ долгъ (кредитъ), раздѣляютъ рабочихъ на двѣ части: — на тѣхъ, кто можетъ платить наличными и на тѣхъ, кто должны жить въ долгъ (кредитъ), первыхъ дѣлаютъ своими членами, вторыхъ — нѣтъ.

Далеко не всѣ, далеко не всегда и, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже.

помогают потребительныя общества (кооператива) бастующимъ рабочимъ. Расходы потребительныхъ обществъ (кооперативъ) на общественныя нужды, въ общемъ, очень не велики.

Потребительныя общества (кооперативы) иной разъ полезны предпринимателямъ, такъ какъ, сберегая рабочимъ немного денегъ, позволяютъ хозяевамъ не повышать заработной платы, а иногда даже даютъ возможность понизить ее.

Вообще же торговля потребительныхъ товариществъ вовсе не способствуетъ созданію изъ ихъ членовъ борцовъ за лучшее будущее. Такъ напримѣръ, по словамъ англійскаго социалиста Д. Ирвинга, «масса членовъ (англійскихъ потребительныхъ товариществъ) состоитъ изъ либеральныхъ или консервативныхъ рабочихъ, которые, именно благодаря коопераціи, проникаются антисоціалистическимъ духомъ».

Говоря о потребительныхъ обществахъ, Генри Шаррю пишетъ:— «въ первое время социализмъ казался буржуазіи какимъ то страшнымъ дракономъ. Но кооперативизмъ обрѣзалъ когти чудовищу и чудовище стало домашнимъ животнымъ».

Если потребительное общество (потребительный кооперативъ) открываетъ свои мастерскія для выдѣлки какихъ-либо товаровъ, то оно является простымъ обиралой (эксплуататоромъ) наемныхъ рабочихъ. «Фабрика же кооперативнаго общества, — справедливо говоритъ проф. Туганъ-Барановскій, — представляетъ собою такое предпріятіе, въ которомъ работа совершается наемнымъ трудомъ, а прибыль идетъ въ пользу потребительнаго общества, являющагося его хозяиномъ». «Общественныя условія, — говоритъ Б. Фромметтъ, — вынуждаютъ кооперативы заниматься выколачиваніемъ прибавочной стоимости».

«Никто не станетъ утверждать, что потребительное общество — школа героизма. Пѣль подобнаго общества — прибыль отдѣльнаго лица. Члены его должны ничего не дѣлать: только получать. Одной жертвы требуетъ потребительное общество — наличныхъ денегъ. Оно пріучаетъ своихъ членовъ не дѣлать долговъ, но не пріучаетъ ихъ цѣнить общіе интересы выше своего «я». Выгодная купля-продажа — вотъ ось, вокругъ которой вращается потребительное общество. Оно школа торгашества, а не самоотреченія», пишетъ К. Каутскій.

Лучшее, что могутъ сдѣлать рабочіе — это не поступать въ потребительныя товарищества и не устраивать ихъ.

Борьба Крестьянъ

Крестьяне любой деревни, привыкшіе рѣшать свои общественныя дѣла на сходахъ, составляютъ небольшіе мѣстные союзы сельскихъ обывателей и, если изъ этихъ союзовъ выкинуть нѣсколькихъ кулаковъ и правительственныхъ холоповъ—опрічниковъ, крестьяне составляютъ изъ себя многочисленныя мелкіе союзы угнетаемыхъ и обираемыхъ государствомъ и капиталистами труженниковъ.

Въ 1905-6 годахъ крестьянами были сдѣланы попытки организовать большіе областныя союзы и даже общерусскій союзъ, но эти попытки не удалась, благодаря насилію правительства.

Во всякомъ случаѣ этотъ союзъ успѣлъ, во примѣру безчисленнаго количества мелкихъ союзовъ—міровъ, высказать завѣтное желаніе крестьянъ о томъ, чтобы вся земля была передана народу въ трудовое пользованіе, такъ что каждый землепашецъ получилъ бы такое количество земли, которое могъ бы обработать своими личными силами и силами своихъ семейныхъ, безъ наемнаго труда и сдачи земли въ аренду.

Крестьянство вело сильную борьбу со своими угнетателями и обирающими (эксплуататорами). Вело оно ее и въ западной Европѣ и у насъ. Раньше, чѣмъ наемные рабочіе крестьяне примѣняли бойкотъ — отчужденіе, устраивали стачки сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ, примѣняли разрушительный саботажъ и поднимали возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. Мы остановимся здѣсь только на борьбѣ русскихъ крестьянъ.

Во времена Ивана Болотникова, Разина, Пугачева крестьяне поднимали въ Россіи грозныя возстанія, съ оружіемъ въ рукахъ стремясь къ полной свободѣ, къ захвату всей земли и помѣщичьяго имущества, которое разсматривалось, какъ похищенное у крестьянства добро.

Въ послѣднее время, не говоря о постоянныхъ случаяхъ саботажа, не говоря о практиковавшихся стачкахъ крестьянъ — сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ, крестьяне поднимали сильныя движенія.

Мы различаемъ два вида такихъ движеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не надѣются на полное освобожденіе, они выкиваютъ помѣщиковъ изъ насиженныхъ ими «паучьихъ гнѣздъ», «вольчихъ логовищъ» и громятъ ихъ имущество изъ тѣхъ соображеній, что помѣщики испугаются, уйдутъ, не вернутся назадъ и такъ или иначе уступятъ землю крестьянамъ. Стараясь напугать землевладѣльца, сдѣлать его пребываніе въ усадьбѣ невозможнымъ и его хозяйство невыгоднымъ, крестьяне убивали и калѣчили помѣщичій скотъ, зная, что полиція отберетъ его, если скотъ будетъ отведенъ въ деревню и,

не ограничившись этимъ, бросить крестьянъ въ тюрьму. Крестьяне ломаютъ или бросаютъ въ воду сельско-хозяйственныя машины, жгутъ хлѣбъ, сѣно и пр. Все это дѣлалось, то явно на глазахъ у всѣхъ, то тайно. Не рѣдко крестьяне сжигали усадьбу для того, чтобы помѣщику некуда было возвратиться, и не только сжигали ее, но и запахивали землю, на которой она стояла. «Громить надо частныхъ землевладѣльцевъ: они скорѣе землю отдадутъ», говорили крестьяне, «надо обезцѣнить имѣнія разгромомъ».

Но бываетъ и другой видъ крестьянскихъ волненій. Крестьяне прямо захватывали землю для обработки. Захватывали также и движимое имущество помѣщиковъ и во многихъ случаяхъ равномерно дѣлили его. Были, разумѣется, злоупотребленія при захватахъ, но, если бы крестьянамъ дали время, они бы исправили ихъ.

Захватывая все помѣщичье добро, крестьяне рассчитывали на полный успѣхъ своего движенія. Но и тогда, когда они уничтожали помѣщичье имущество, они все равно считали его, по справедливости своимъ и уничтожали его, какъ уничтожаютъ свою же постройку для того, чтобы не дать распространиться пожару. Ни одинъ изъ крестьянъ, громя, сжигая или захватывая помѣщичье добро, не чувствовалъ себя разбойникомъ грабителемъ. Они сознавали свое право поступать такимъ образомъ: — они уничтожали или брали свое крестьянское добро, крестьянскимъ трудомъ добытое, но отъ крестьянъ отнятое и не могущее быть удержаннымъ крестьянское имущество: «пусть пропадетъ часть нашего лишь бы главное — земля — перешла къ намъ».

Послѣднія крестьянскія движенія, охвативъ въ 1906-мъ году двѣсти слишкомъ уѣздовъ, имѣли миллионы участниковъ и десятки миллионовъ сочувствующихъ имъ крестьянъ. Дѣло, впрочемъ, не дошло до возстанія, но о немъ думали и подумываютъ крестьяне.

Союзы Хозяевъ.

Борясь противъ попытокъ рабочихъ улучшить свое положеніе, желая изъ корыстныхъ цѣлей возможно больше обирать ихъ, хозяева (предприниматели), въ цѣляхъ болѣе уснѣбшей борьбой тоже организуются въ союзы.

Обыкновенно въ хозяйскіе союзы каждой страны входитъ большинство предпринимателей и они занимаютъ все вмѣстѣ большее число рабочихъ, чѣмъ то которое значится въ рабочихъ союзахъ. Въ Германіи, напримѣръ, въ 1912 году насчитывалось 3085 союзовъ, объединявшихъ 132.485 хозяевъ, занимавшихъ 4.378.265 рабочихъ. Въ рабочихъ же союзахъ Германіи, считая и христіанскіе и т. п. союзы насчитывалось около $3\frac{1}{2}$ миллионъ членовъ.

Эти союзы (они сильны и въ Россіи) то страхуютъ предпринимателей отъ убытковъ, происходящихъ отъ стачекъ, то, какъ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ присоединяютъ къ этому же только организацію шпионства на фабрикахъ, но и запугиваніе рабочихъ вооруженными хулиганами. Эти союзы устраиваютъ локауты, ихъ члены не нанимаютъ сознательныхъ рабочихъ, заносятъ ихъ имена въ «черные списки», не принимаютъ участвовавшихъ въ какихъ-либо стачкахъ рабочихъ раньше, чѣмъ пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ забастовки. Эти союзы устраиваютъ правильное стачколомство, устраиваютъ конторы для найма рабочихъ, черезъ которые сознательный рабочій только чудомъ можетъ получить мѣсто. Члены союзовъ выполняютъ заказы за хозяевъ, у которыхъ бастуютъ рабочіе. Борясь съ рабочими, союзы хозяевъ требуютъ помощи отъ правительствъ и правительства всѣми силами помогаютъ имъ. Эти союзы не даютъ рабочей платѣ подняться или понижаютъ ее и только отчаянная борьба рабочихъ мѣшаетъ этимъ союзамъ закрѣпостить наемниковъ.

Предприниматели выдумываютъ уже международные слѣзды своихъ союзовъ и вырабатываютъ на нихъ разные способы борьбы съ рабочими. Нечего и говорить, что они объединяютъ все свои союзы въ любой странѣ въ одно объединеніе (въ одну организацію), въ одинъ союзъ союзовъ (федерацию).

Къ услугамъ хозяйскихъ союзовъ и отдѣльныхъ хозяевъ въ Америкѣ устраиваются конторы для найма шпионовъ на фабрики, для найма стачколомовъ, а также и вооруженныхъ стражниковъ, которые постоянно задираются и стараются вступить въ драку съ забастовщиками.

Хозяева (предприниматели), объединившіе свои хозяйства въ одно большое предпріятіе, т. е. хозяева (предприниматели), устроившіе тресты, до мельчайшихъ подробностей разработали приемы своей борьбы съ рабочими.

Здѣсь все пушено въ ходъ отъ подкупа шравительства и варварскаго вмѣшательства въ пользу капиталистовъ и до убійства рабочихъ стражниками, охранниками предпринимателей.

Трестъ уступаетъ рабочимъ на однихъ заводахъ и не дѣлаетъ уступокъ на другихъ, такъ что нужна громадная выдержка, серьезное сознание рабочими товарищескаго долга для того, чтобы такимъ путемъ не посягали раздоръ между бастующими. Рѣшительные и сознательные рабочіе, уволенные трестомъ подъ благовиднымъ предлогомъ сокращенія производства въ данномъ промышленномъ заведеніи, не могутъ уже найти занятія въ привычномъ для нихъ дѣлѣ, такъ какъ трестъ, это — одна фабрика съ многочисленными отдѣленіями. Получившій расчетъ, рабочий вездѣ встрѣчается все съ тѣмъ же хозяиномъ.

Тресты выдаютъ части своихъ рабочихъ свои мелкія акціи, привлекаютъ рабочихъ къ участию въ прибыляхъ, при чемъ рабочимъ достаются, разумѣется, гроши, а рабочіе дѣлятся на два лагеря. Часть рабочихъ проникается духомъ корыстолюбія, думаетъ о наживѣ, привязывается къ капиталистическому производству и относится враждебно къ сознательнымъ рабочимъ.

Конечно, тресты не могутъ сдѣлать рабочій классъ обиралой (эксплуаторомъ) рабочаго же класса, но, давая акціи отдѣльнымъ группамъ рабочихъ, тресты могутъ поубавить настойчивости въ борьбѣ за улучшеніе быта у тѣхъ рабочихъ, сознательность которыхъ не особенно велика.

Тресты прибѣгаютъ ко всѣмъ тѣмъ способамъ борьбы, которые примѣняются союзами хозяевъ.

ЛОКАУТЬ — ПОГОЛОВНЫЙ РАЗСЧЕТЪ.

Локаутомъ называется поголовный расчетъ чѣмъ либо недозвольныхъ рабочихъ хозяиномъ предпріятія или поголовный расчетъ рабочихъ нѣсколькими и даже многими стоворившимися между собою хозяевами. Предпріятія закрываются или до тѣхъ поръ, пока рабочіе согласятся на новыя хозяйскія условія или пока хозяева убѣдятся, что пріостановка работъ невыгодна для нихъ и что рабочимъ приходится сдѣлать уступки.

Иногда хозяева рассчитываютъ несогласавшихся на ихъ условія рабочихъ небольшими партіями, предупреждая, что расчеты будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не уступятъ рабочіе.

Какъ только хозяева начинаютъ такіе расчеты небольшими партіями, рабочіе начинаютъ саботажъ или тотчасъ же объявляютъ стачку. Хозяева устраивали локауты при всякомъ несогласіи съ рабочими. Иногда они объявляли, что локаутъ продолжится до тѣхъ поръ, пока рабочіе не выйдутъ изъ рабочихъ союзовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, узнавъ черезъ своихъ шпионовъ, что рабочіе собираются потребовать лучшихъ условій труда или найма, хозяева объявляютъ локаутъ, не дожидаясь стачки.

Иной разъ локаутъ устраивается для того, чтобы обѣднѣли классы рабочаго союза или для того, чтобы получить рабочихъ безработицей и такимъ образомъ сдѣлать ихъ болѣе смиренными.

Локаутъ объявляется обыкновенно тогда, когда предприниматели предвидятъ переполненіе рынка товарами, когда имъ не особенно тяжело приостановить производство или даже тогда, когда его полезно приостановить. Они пользуются такимъ временемъ, чтобы сильнѣе прижать рабочихъ. Въ виду этого борьба съ локаутами очень не легка.

Локаутъ, объявленный нѣсколькими хозяевами, нельзя считать забастовкой предпринимателей, направленной противъ рабочихъ.

Стачка рабочихъ, это — честное орудіе борьбы; локаутъ — безчестный, преступный способъ борьбы. Во время забастовки рабочіе обрекаютъ себя на разныя лишения, при чемъ хозяинъ и его семейные благоденствуютъ: сыты, обуты, живутъ на тѣхъ же квартирахъ; развѣ только отъ поѣздки на теплыя воды откажутся.

При локаутѣ какъ разъ наоборотъ. Объявивъ локаутъ, предприниматель предлагаетъ вести роскошную жизнь и, желая поплотиѣе набить свой карманъ, заставляетъ страдать своихъ рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей, не рѣдко обрекая послѣднихъ на смерть отъ лишеній и истощенія. Серьезно расшатывается здоровье мужчинъ и женщинъ. Предприниматель-локаутчикъ это — убійца и, въ добавокъ къ тому, убійца злостный, корыстный, не рискующій попасть подъ судъ, пользующійся полнымъ почетомъ окружающаго его общества, т. е. капиталистовъ и ихъ чиновныхъ и нечиновныхъ прислужниковъ. Заставляя рабочихъ и ихъ семейства голодать, локаутчикъ иногда нугается: ему кажется, что рабочіе отомстятъ за плачь голодныхъ женъ, за страданія голодныхъ и заблудившихъ дѣтей и онъ увѣжаетъ заграницу. Изъ прекраснаго далека, наслаждаясь всею роскошью, которую можетъ доставить большое богатство, онъ холодно соображаетъ, приняты ли рабочіе созданными имъ — локаутчикомъ — страданіями, готовы ли они согласиться доставлять ему тотъ доходъ, который ему хочется имѣть.

Локауты не очень то выгодны хозяевамъ. Они рискуютъ потерять часть своихъ заказчиковъ, какъ потеряли ихъ лодзинскіе хозяева локаутчики. Локауты не дешево обходятся хозяевамъ и далеко не рѣдко проигрываются ими.

Такъ, напримѣръ, для Германіи мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія:

1905 г. 1906 г. 1907 г. 1908 г.

На каждую тысячу локаутовъ.

Локауты, выигранные рабочими ..	251	337	294	301
Локауты, оконченные взаимными уступками	515	256	337	334
Локауты, выигранные хозяевами .	234	278	282	324

Бывали случаи, когда хозяева проигрывали или наоборот выигрывали громадные локауты.

Съ локаутомъ рабочіе борятся, поддерживая другъ друга, какъ поддерживаютъ во время стачки. Иногда локаутированные рабочіе устраиваютъ болѣе или менѣе рѣзкія демонстраціи, добываясь **такимъ образомъ прекращенія** локаута. Дѣло въ томъ, что часть зажиточнаго населенія и **правительства не всегда относятся къ рабочимъ** беспорядкамъ равнодушно и предпочитаютъ иногда побудить предпринимателей прекратить локаутъ, чѣмъ разстрѣлять рабочихъ.

Проигравъ локаутъ и вставъ на работу, недѣли черезъ три послѣ локаута рабочіе начинаютъ самый сильный саботажъ. Въ другихъ случаяхъ, дождавшись того времени, когда предприниматель наберетъ послѣ локаута спѣшные заказы или когда онъ начнетъ усиливать производство, ожидая выгодныхъ покупателей, рабочіе объявляютъ забастовку, требуя назадъ все то, что потеряли благодаря локауту. Это — **рабочіе поминки по локауту**.

Во время локаута рабочіе должны собираться возможно чаще; на эти собранія надо приглашать рабочихъ изъ мастерскихъ, не затронутыхъ локаутомъ.

Послѣ локаутовъ нерѣдко возрастало число членовъ рабочихъ союзовъ. Во время локаута, хозяева увольняютъ какъ членовъ рабочихъ союзовъ, такъ и не вошедшихъ въ союзы рабочихъ, и сознательныхъ и несознательныхъ рабочихъ. Локаутъ учитъ несознательныхъ рабочихъ, что хозяева думаютъ только о своихъ выгодахъ и готовы морить голодомъ самыхъ послушныхъ рабочихъ для того, чтобы потуже набить свои карманы.

ЧЕРНЫЕ СПИСКИ.

Предприниматели, то тайно, какъ въ Америкѣ и въ Германіи, то открыто, какъ въ Россіи заводятъ такъ называемые «черные списки» или «черныя книги», въ которые записываютъ имена, отчества, фамиліи, возраста, мѣсто жительства и кое-какія другія свѣдѣнія о тѣхъ рабочихъ, которыхъ они — хозяева — **считаютъ** своими опасными врагами.

Въ эти книги записываютъ дѣятельныхъ участниковъ стачекъ, рабочихъ союзовъ, митинговыхъ ораторовъ, вообще говоря лѣвыхъ рабочихъ.

Списки рассылаются далѣе хозяевамъ и записанныхъ въ нихъ рабочихъ не принимаютъ ни на одну фабрику, хотя бы на фабрику и имѣлись свободныя мѣста.

Неудобны эти списки для хозяевъ только тѣмъ, что въ скоромъ времени они обращаются въ толстыя книги съ массой записей и наводить въ нихъ справки становится все труднѣе и труднѣе, такъ что многіе хозяева отказываются пользоваться ими. Въ концѣ концовъ въ эти списки попадаютъ всѣ дѣльные рабочіе и тогда правительство издастъ законъ, запрещающій составленіе **такихъ списковъ**.

Надо еще указать, что на фабриках и заводах управляющие которых пользуются такими списками, рабочими постоянно производятся саботажи.

ПРИМИРИТЕЛЬНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО.

Споры предпринимателей и рабочих кончаются в некоторых случаях так называемым примирительным разбирательством (третейским судом).

Вместо того, чтобы устраивать стачку или локаут, рабочие и хозяева выбирают по равному числу своих представителей. Эти представители — третейские судьи — должны выработать условия, на которых надо, по их мнению, продолжать работу. В других случаях к таким выборным судьям хозяева и рабочие прибегают тогда, когда объявленная уже стачка или объявленный локаут затянулся и спорящие стороны рѣшились выработать какое-либо соглашение.

Рѣшеніе такихъ судей можетъ быть необязательно для сторонъ и оно является въ такомъ случаѣ простымъ совѣтомъ. Спорящія стороны могутъ послушаться такого совѣта или отвергнуть его.

Но спорящія стороны могутъ заранее обязать другъ друга подчиниться рѣшенію такихъ выборныхъ судей. Бываетъ и такъ, что законъ запрещаетъ рабочимъ устраивать стачки, а хозяевамъ локауты и предписываетъ устройство такого примирительнаго разбирательства, при чемъ рѣшенія судей по закону же является обязательными для сторонъ.

Выбранные рабочими и хозяевами судьи, въ свою очередь, выбираютъ предсѣдателя изъ своей среды, или приглашаютъ его со стороны, или предсѣдатель по закону назначается какимъ-либо важнымъ судьей, или, наконецъ, какой-либо правительственный судья назначается предсѣдателемъ такого суда.

Если рѣшенія такихъ судовъ не обязательны для рабочихъ, то такіе суды не очень вредны. Но если рѣшенія такихъ судовъ обязательны для рабочихъ, если само назначеніе такихъ судей является обязательнымъ по закону, то такіе суды очень вредны для интересовъ рабочихъ.

Въ некоторыхъ государствахъ (штатахъ) Австраліи, въ Тасманіи, въ Новой Зеландіи стачки запрещены закономъ подъ страхомъ громаднхъ штрафовъ. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ, въ Южной Австраліи, въ Тасманіи, забастовщиковъ сажаютъ въ тюрьмы. За «подстрекательство» къ стачкѣ назначаютъ по 12 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Но замѣняющіе стачки третейскіе суды очень не выгодны для рабочихъ.

Въ 1908 году союзъ союзовъ (федерация) рабочихъ союзовъ Веллингтона (Новая Зеландія) опубликовалъ отчетъ, изъ котораго слѣдуетъ, что въ теченіи 12-ти лѣтъ примѣненія закона объ обязательномъ примирительномъ судѣ, заработокъ тѣхъ рабочихъ, къ ко-

торымъ не относился этотъ законъ, увеличился на 29,3%, а тѣхъ, для кого онъ былъ обязателенъ только на 19,7%. Ясно, что этотъ законъ выгоditе предпринимателямъ, чѣмъ рабочимъ. Названная федерация рабочихъ заявила, что обязательный третейскій судъ совершенно враждебенъ имущественнымъ (матеріальнымъ) и нравственнымъ (моральнымъ) интересамъ рабочихъ.

Бывали даже случаи, когда судъ, созданный по заявленію рабочихъ о недостаточности заработка понижалъ его. Не даромъ Артуръ Лабріола называетъ этотъ законъ «самымъ вѣрнымъ и цѣннымъ угнетеніемъ рабочихъ». Томъ Мэнъ говоритъ объ этомъ встречающимъ стачки законъ, что онъ «отнять у рабочаго его право и его мощь и передать ихъ въ руки правительственныхъ чиновниковъ и адвокатовъ».

Къ чему приводитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ законъ, можно видѣть изъ слѣдующей, помѣщенной въ «Морнингъ Постъ» корреспонденціи: — «надо признать, что благодаря этому закону и дѣятельности третейскаго суда, влияние общественнаго мнѣнія на взаимоотношенія труда и капитала стало весьма энергичнымъ и парализовало (сдѣлало безцельными) всякія попытки помощи стачечникамъ со стороны другихъ союзовъ Н. Ю. Валлиса или другихъ штатовъ Австраліи. Никто не поднимаетъ пальца въ помощь стачечникамъ, никто имъ не жертвуетъ ни копейки, ни одинъ лидеръ рабочей партіи и ни одинъ вообще ревнитель рабочаго класса не произнесъ ни одной рѣчи въ пользу стачечниковъ... Пусть попытки полиціи привлечь къ отвѣтственности всѣхъ, кто прекратилъ работу, окажутся совершенно тщетными: признаемъ даже, что такія попытки всегда окажутся безплодными, все-таки законъ объ обязательной арбитражн (обязательномъ примирительномъ разбирательствѣ) достигъ многого: онъ совершенно изолировалъ (отдѣлилъ) стачечниковъ; ихъ дѣло не есть дѣло ихъ товарищей, другихъ рабочихъ. Этотъ законъ изолировалъ (отдѣлилъ) стачечниковъ и отъ всего другаго общества. Никогда, никто не видѣлъ еще чего либо подобнаго у насъ въ штатѣ или въ другихъ частяхъ Австраліи, такъ какъ ранѣе, наоборотъ, вслѣдствіе солидарности (дружеской взаимопомощи) рабочихъ союзовъ, многія стачки, которыя могли бы пройти почти незамѣченными, принимали весьма серьезный оборотъ и распространялись далеко за предѣлы тѣхъ предприятий или даже тѣхъ производствъ, къ которымъ относится ихъ первоначальное возникновеніе».

Неудивительно, что сѣзды (конгрессы) англійскихъ рабочихъ союзовъ высказались противъ обязательнаго третейскаго суда большинствомъ въ 92 тысячи человекъ въ 1905-мъ году, большинствомъ въ 397 тысячъ въ 1906 г., большинствомъ въ 660 тысячъ въ 1907 и большинствомъ въ 1.131.000 голосовъ въ 1912-мъ году*). Не лишнее отмѣтить, что предложеніе учредить такой судъ поддерживалось

*) На этихъ сѣздахъ каждый уполномоченный отъ союза имѣлъ столько голосовъ, сколько членовъ было въ союзѣ, пославшемъ его.

соціалістами (государственниками). Къ сожалѣнію имѣются нѣкоторые основанія думать, что англійскіе рабочіе склоняются къ мысли о допустимости обязательнаго третейскаго суда при условіи согласія рабочихъ союзовъ, даваемого на каждый отдѣльный случай.

Невыгоденъ для рабочихъ обязательный третейскій судъ, невыгоденъ, конечно, и необязательный. Но намъ не приходится удивляться, читая въ программѣ Р. С. Д. Р. П. слѣдующій (15-й) параграфъ настаивающій на учрежденіи «во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей». Объ этой партіи нельзя сказать, что она отстаиваетъ рабочіе интересы...

ОБЩІЙ (КОЛЛЕКТИВНЫЙ) ДОГОВОРЪ.

Рабочіе союзы заключаютъ съ предпринимателями договоры найма отъ имени всѣхъ рабочихъ даннаго промысла или отъ имени только членовъ союзовъ, при чемъ неорганизованные въ союзы рабочіе въ свою очередь нанимаются на условіяхъ, заключенныхъ рабочими союзами.

Такіе договоры называются общими (коллективными), въ нихъ указывается величина заработка, длина рабочаго дня, условія сверхурочныхъ работъ и пр. Въ Англій почти всѣ обученные рабочіе (нѣмѣе 90%, какъ указывали Веббы) заключаютъ такіе общіе договоры. Въ Германіи эти договоры встрѣчаются значительно рѣже.

Рабочіе думали сначала, что общіе (коллективные) договоры очень полезны для нихъ, но скоро имъ пришлось разочароваться.

Венгерскій съѣздъ (конгрессъ) мѣстныхъ рабочихъ союзовъ указалъ, что выгоды отъ общихъ коллективныхъ договоровъ «для предпринимателей вообще больше, чѣмъ для рабочихъ, такъ какъ рабочіе во все то время, на которое заключенъ договоръ, не могутъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами для улучшенія своего положенія, если таковыя обстоятельства представятся въ это время, тогда какъ предприниматели всегда имѣютъ полную возможность не пользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами». Съѣздъ рекомендовалъ величайшую осторожность и крайнюю осмотрительность при заключеніи такихъ контрактовъ. Но надо помнить, что заключая такіе договоры хозяева всегда считаются съ возможнымъ паденіемъ цѣнъ на товары съ конкуренціей другихъ хозяевъ и т. д.

О томъ, какъ хозяева извлекаютъ для себя пользу изъ сроковъ договоровъ мы уже говорили въ главѣ о рабочихъ союзахъ. Изъ того, что было тамъ сказано ясно, слѣдуетъ только одно, что, если ужъ заключать общіе (коллективные) договоры, то не считаются съ ихъ сроками, разъ дѣло идетъ о простой стачкѣ или о стачкѣ по дружеству (по симпатіи). Конечно, предприниматели не согласятся на внесеніе въ договоръ такого условія; быть можетъ, они будутъ даже настаивать на внесеніи условія прямо противоположнаго, но съ ними не приходится считаться въ такихъ случаяхъ. Право на стачку

никакимъ частнымъ соглашеніемъ отмѣнено быть не можетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ у рабочихъ нѣтъ права на стачки.

Предприниматели начинаютъ догадываться, что рабочіе не будутъ соблюдать срока договоровъ и пытаются прибѣгнуть къ своему обычному защитнику — къ закону. Предполагается добиться изданія такого закона, по которому съ рабочихъ, переставшихъ работать до истеченія срока контрактовъ, предприниматели получатъ право взыскивать тѣ убытки, которыя они понесутъ отъ пріостановки работы. Такъ какъ съ рабочихъ трудно получить большія суммы, то предприниматели мѣтятъ въ этомъ случаѣ на кассы ихъ союзовъ. Во французскомъ законопроектѣ объ общихъ (коллективныхъ) договорахъ имѣется, между прочими, и слѣдующій параграфъ — «Профессиональные союзы или отдѣльныя лица, связанные коллективнымъ соглашеніемъ, въ случаѣ нарушенія договоренныхъ ими условій обязаны платить вознагражденіе за убытки»...

Не дальновзоркіе предприниматели высказываются въ нѣкоторыхъ странахъ противъ общихъ (коллективныхъ) договоровъ.

Буржуазные законы для рабочихъ.

Законодатели разныхъ государствъ издають законы, которые называются ими рабочими или фабричными и которые будто бы улучшаютъ положеніе рабочаго класса.

Всѣ эти законы, или полезны исключительно хозяевамъ, или записываютъ только то, чего ужъ добились рабочіе своей непосредственной борьбой съ нанимателями. Очень часто законодатели не полно и съ опозданіями записываютъ завоеванія рабочихъ. Очень рѣдко законъ издастся наканунѣ неизбежнаго завоеванія рабочими какого-либо права, но, при этомъ онъ пишется такъ, что даетъ меньше того, что черезъ короткій промежутокъ времени взяли бы рабочіе.

Всѣ русскіе фабричныя законы или подтверждали завоеванія рабочихъ, или явились результатомъ страха, вызваннаго нашимъ рабочимъ движеніемъ, результатомъ желанія усюкоть волнующихся рабочихъ.

То же относится и къ странамъ съ парламентами, избранными всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Поль Луи, — ученый, хорошо знающій исторію фабричнаго законодательства, — пишетъ: — «когда мысленно пробѣгаешь исторію фабричнаго законодательства, регулирующаго (устанавливающаго) повсюду длину рабочаго дня, гигиеническія условія труда и разнообразныя формы страхованія, то замѣчаешь, что эти основныя права пролетаріатъ завоевалъ борьбою, которую онъ велъ вѣкъ стѣнь парламента». «Всякій пустяшный законъ, охраняющій трудъ долженъ быть вырванъ у парламента путемъ упорныхъ возстаній, — пишетъ П. А. Кроноткинъ, — вспомните цѣной какой борьбы, какихъ успій удалось добиться отъ англійскихъ парламентовъ, швейцарскаго федеративнаго совѣта и французскихъ палатъ нѣсколькихъ мелкихъ законовъ объ ограниченіи рабочаго дня. Впервые они были получены въ Англии: рабочимъ удалось завоевать ихъ лишь путемъ разгрома фабрикъ».

Всѣ такіе законы являются простымъ отраженіемъ силы борющихся предпринимателей и рабочихъ, но не рычагомъ, который поднимаетъ рабочій классъ на высшій уровень экономическаго благосостоянія. Если рабочіе не настолько сильны, чтобы охранить свои завоеванія, предприниматели не считаются съ фабричными законами и ухищряются даже ухудшить положеніе рабочихъ, несмотря на наличность такихъ законовъ.

Такъ, напримѣръ, въ Россіи «законъ обходится со всѣхъ сторонъ», какъ писалъ въ 1910 году М. Хейсинъ.

Разъ только рабочіе не достаточно сильны для того, чтобы заставить предпринимателей дать рабочимъ лучшія условія труда, правительство, въ лицѣ своихъ крупнѣйшихъ и мельчайшихъ чиновни-

ковъ грубо становится на сторону хозяевъ противъ своего же закона.

Что же касается до фабричной инспекціи, то на первомъ съѣздѣ организованныхъ въ союзъ портныхъ «докладъ о фабричной инспекціи ясно показалъ, что наша фабричная инспекція поставлена не для защиты рабочихъ, а для защиты фабрикантовъ, для шпионства».

Или бессильна или плохо относится къ рабочимъ фабричная инспекція и въ другихъ странахъ.

Какъ общее правило, издаются такіе законы, которые не уменьшаютъ прибыли предпринимателей и такіе, которые выгодны для нихъ. При сокращеніи рабочаго дня предприниматели страшно повышаютъ напряженность рабочаго труда и еще больше, чѣмъ до изданія закона обираютъ рабочихъ; законъ о страхованіи пенсій увѣчнымъ рабочимъ отнимаетъ у рабочихъ значительныя суммы, которыя они могли бы требовать съ фабрикантовъ судебнымъ порядкомъ и которыя они получали путемъ обращенія къ суду отъ предпринимателей, въ мастерскихъ которыхъ они были изувѣчены. Мы знаемъ уже, чего стоятъ законы о примирительномъ разбирательствѣ.

Замѣтимъ еще, что очень многіе лица изъ дававшихъ классовъ разсматриваютъ «рабочее» законодательство, какъ хорошее средство создать въ рабочей средѣ мирное настроеніе.

Во всякомъ случаѣ въ наше время издаются только такіе законы, которые не затрагиваютъ ни прибыли, ни власти предпринимателей. Если предприниматели и протестуютъ противъ введенія такого «рабочаго» закона, то только потому, что опасаются какъ бы рабочіе, добившись одной уступки, не потянулись за другой. Уступая рабочимъ только послѣ упорной борьбы, предприниматели повышаютъ тѣмъ самымъ цѣнность самыхъ пустыхъ уступокъ.

Необходимо далѣе указать на то, что, какъ бы сильно не боролась рабочіе за то, чтобы улучшить свое положеніе въ рамкахъ капиталистическаго общества, они въ немъ и останутся, не вырвутся изъ него, благодаря такой борьбѣ.

Безусловно правъ былъ Поль Луи, говоря, что «отнюдь не слѣдуетъ ожидать отъ цѣлаго ряда болѣе или менѣе лицемѣрныхъ законовъ освобожденія пролетаріата. Ни одинъ общественный строй не рѣшится на самоубійство, подрывая свои основы».

Нѣтъ сомнѣнія, что современные «рабочіе», издаваемые буржуазіей и интеллигенціей законы являются «мнимыми законами».

«Несмотря на всѣ притворныя старанія высшихъ классовъ облегчить положеніе рабочихъ, — писалъ Л. Н. Толстой, — всѣ рабочіе нашего міра подчинены неизмѣнному желѣзному закону, по которому они имѣютъ только столько, сколько имъ нужно, чтобы быть постоянно побуждаемыми нуждою къ работѣ и быть въ силѣ работать на своихъ хозяевъ, т. е. завоевателей. Такъ это всегда было».

«Угнетатели, — говоритъ тотъ же мыслитель, — если бы они и желали этого, не могутъ перестать угнетать. Они знаютъ, что сами

погибнуть как скоро не устанутъ, но ослабѣють въ угнетеніи. Они и дѣлають это, несмотря на мнимыя заботы о благоденствіи рабочаго, о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, о запрещеніи работать малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и о вознагражденіяхъ. Все это обманъ или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать; но рабъ остается рабомъ и господиномъ, не могущимъ жить безъ раба, меньше, чѣмъ когда-нибудь, готовъ освободить его».*)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ.

Рабочіе нерѣдко встрѣчаются съ указапіями на то, что ихъ положеніе улучшится и что они приближаются къ своему полному освобожденію въ томъ случаѣ, если разныя промышленныя, перевозочныя и торговыя предіриятія переходятъ въ руки государства. Всѣ такія указанія ошибочны.

Въ настоящее время правительства, т. е. правители являются предпринимателями желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ, нѣкоторыхъ рудниковъ, заводовъ для выдѣлки водки, табака, спичекъ, нѣкоторыхъ верфей, на которыхъ строятся морскія и рѣчныя суда, нѣкоторыхъ заводовъ для выдѣлки оружія и т. д. и т. д. Во всѣхъ этихъ предіриятіяхъ работаютъ, конечно, наемныя рабочіе положеніе которыхъ такъ же плохо, какъ и положеніе рабочихъ, эксплуатируемыхъ (обираемыхъ) частными предпринимателями.

Надъ этими рабочими стоятъ такіе же властные хозяева, какъ и въ хозяйствахъ капиталистовъ. Не все ли одно — правители или хозяева обирають рабочихъ. Разница только въ томъ, что съ государствомъ, которое является хозяиномъ одиночкой борются труднѣе, чѣмъ съ капиталистами, если послѣдніе не объединили еще своихъ предіриятій.

Государство зачастую лишаетъ своихъ рабочихъ право союзовъ и стачекъ, грозитъ лишитъ пенсіи мало покорныхъ рабочихъ и каждую минуту готово двинуть на забастовщиковъ не только войска, какъ вездѣ, но и свои злодѣйскія карательныя экспедиціи, какъ въ Россіи.

Государственныя (правительственныя) предіриятія не имѣють ничего общаго съ освобожденіемъ рабочихъ. «Почтовое или желѣзнодорожное дѣло въ рукахъ нынѣшняго государства, управляемаго министрами, назначаемыми Палатой (парламентомъ), — пишетъ П. А. Кропоткинъ, — не является идеаломъ (тѣмъ общественнымъ строемъ, къ которому, какъ къ наилучшему, мы стремимся), котораго мы добиваемся. Мы видимъ здѣсь только новую форму наемничества и эксплуатаціи. Мы не вѣримъ даже, что это шагъ къ уничтоженію рабства и эксплуатаціи или что это — переходная форма эволюціи (развитія — движенія) къ этой цѣли». Въ захватѣ буржуазнымъ государствомъ мы видимъ «одно изъ величайшихъ препятствій къ

*) По ученію Л. Н. Толстого, рабочіе «суть ничто иное, какъ покоренные люди».

тому, чтобы социальное (общественное) богатство перешло когда-нибудь в руки работников — производителей и потребителей»...

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И РАБОЧІЕ.

Городскіе Думы, сельскія самоуправленія (муниципалитеты, какъ ихъ называютъ въ Западной Европѣ) и земства оказываютъ иногда нѣкоторую помощь рабочимъ.

Такъ, напримѣръ, они выдаютъ или даромъ или очень дешево школьныя пособия, завтраки, а иногда кое-какую одежду учащимся дѣтямъ, въ числѣ которыхъ имѣются и дѣти рабочихъ. Иногда для доставки дѣтей изъ далекихъ селеній въ школу снаряжаются подводы. Устраиваются конторы для присканія работы, а изрѣдка и бюро для чего то похожаго на страхование безработныхъ рабочихъ. Эти думы (муниципалитеты) соглашаются давать своимъ рабочимъ тѣ условія труда, которыя требуются профессиональными рабочими союзами. Они обязываютъ своихъ подрядчиковъ исполнять указанія этихъ союзовъ. Для своихъ рабочихъ они устанавливаютъ самую меньшую (минимальную), равную обычной средней, заработную плату. Строятъ дома для сдачи въ нихъ квартиры бѣдному городскому, въ томъ числѣ и рабочему населенію (въ очень скромныхъ по сравненію съ жилищной нуждой размѣрахъ). Или уничтожаются особо негигиеничныя (вредные для здоровья) дома или же эти дома оздоравливаются, при чемъ необходимыя для этого деньги взыскиваются для этой цѣли съ владѣльцевъ. Оказывается помощь бѣднымъ родильницамъ. Выдаются пособия призываемымъ на службу запаснымъ. Бѣднымъ, проходящимъ черезъ городъ или селенія, лицамъ дается иной разъ даровой ночлегъ. Для рабочихъ удешевляются проѣздъ по городскимъ трамваямъ и пр. Устраиваются даровыя или дешевыя бани и прачешныя, дешевыя аптеки, лечебницы для дѣтей рабочихъ и т. д.

Такія мѣропріятія примѣняются отдѣльными городскими и сельскими самоуправлениями, но далеко не всѣми, а скорѣе, очень немногими. Какъ общее правило какое-нибудь мѣстное самоуправленіе проводитъ одно или нѣсколько такихъ мѣропріятій, но никогда не бываетъ, чтобы оно было занято осуществленіемъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Въ дѣлѣ улучшенія жизни рабочихъ всѣ такія мѣропріятія мѣстныхъ самоуправленій имѣютъ очень небольшое вліяніе.

Въ другихъ случаяхъ думы или земства устраиваютъ свои предпріятія: — электрическіе или газовые заводы, булочныя, торговлю углемъ и даже хлѣбомъ. Эти самоуправленія имѣютъ свои трамваи, бойни и пр..

Во всѣхъ этихъ случаяхъ члены городскихъ или сельскихъ самоуправленій являются хозяевами, нанимающими рабочихъ и пользуются всею полною предпринимательскою власти. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ городское самоуправленіе является въ какомъ-либо дѣлѣ единственнымъ предпринимателемъ и рабочимъ почти невозможно бороться съ такимъ хозяиномъ.

О томъ, чтобы положеніе городскихъ рабочихъ или рабочихъ въ городскихъ предпріятіяхъ было особенно хорошимъ, что то не слышно.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ (ФИЛАНТРОПІЯ).

Тяжелое положеніе рабочихъ и ихъ семействъ побуждаетъ въ некоторыхъ случаяхъ капиталистовъ безвозмездно отдавать имъ часть отобранныхъ у рабочаго класса издѣлій (продуктовъ). Въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе подарки даются безъ задней мысли сдѣлать рабочихъ болѣе покорными и смиренными, такіе даваемые отъ избытка дары (блѣвотина богатыхъ, по выраженію Л. Н. Толстого) являются попыткой чашкой вычерпать океанъ народной нужды. Въ рядѣ случаевъ эти благотворительныя (филантропическія) дѣйствія, оставая не излѣченными язвы бѣдности задѣваютъ достоинство благотѣльствуемыхъ и зачастую считаются послѣдними надѣждливыми. «Да будетъ проклята благотворительность! Мы требуемъ права на трудъ!» писали на своихъ знаменахъ лондонскіе безработные.

Въ другихъ же случаяхъ, подъ видомъ благотворительныхъ заботъ мы видимъ своекорыстныя расчеты предпринимателей. Такъ, напримѣръ, съ цѣлью привязать рабочихъ къ определенной фабрикѣ сдѣлать для нихъ затруднительнымъ уходъ въ другія мѣста въ поискахъ за работой обезпечить себя рабочими, предприниматель строитъ небольшіе домики и въ разсрочку продаетъ ихъ рабочимъ. Бросить мѣстность, гдѣ имѣется домикъ, за который уплачена хотя бы четвертая часть его цѣны, очень трудно и рабочій соглашается на менѣе выгодныя условія найма. Но и это не все. «Конечно, — говоритъ Ксавье Гюллеминъ, — цѣною неслыханныхъ усилій и безчисленныхъ лишеній можно уплачивать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ погашеніе цѣны дома, но въ одинъ прекрасный день у рабочаго родится ребенокъ или надо будетъ хоронить кого-нибудь, произойдетъ стачка, несчастный случай при работѣ, болѣзнь, военное время (я останавливаюсь въ перечисленіи) — случается, что-либо парализующее (дѣлающее безсильнымъ останавливающее) нормальную (обычную, такую, какъ надо) жизнь, нарушаетъ бюджетъ (приходо-расходъ) рабочаго и принуждаетъ его уничтожить свой контрактъ, что никогда не обходится безъ потерь».

Едва ли не общимъ правиломъ надо считать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предприниматель тратитъ часть своей прибыли на улучшеніе быта своихъ рабочихъ, онъ стремится привязать рабочихъ къ своей фабрике, сдѣлать ихъ менѣе строптивыми, не поддающимися революціонной пронагаидѣ и т. д. Исключенія — безкорыстная благотворительность — очень рѣдки.

Приостановка работы (кризисъ).

Не такъ ужъ рѣдко наблюдается, что въ теченіи нѣкотораго времени предприниматели почти что не нанимаютъ рабочихъ и расчитываютъ уже нанятыхъ. Фабрики и заводы работаютъ съ малымъ числомъ рабочихъ или вовсе не работаютъ. Но вотъ проходитъ нѣкоторое время и рабочіе безъ труда находятъ заработокъ; заводы и фабрики увеличиваютъ число рабочихъ и дѣло начинаетъ идти полнымъ ходомъ, вплоть до новой зампки, вплоть до новыхъ расчетовъ.

Въ одно время, приготовляемые въ предпріятіяхъ товары болѣе или менѣе быстро раскупаются, а въ другое, на нихъ не находится покупателей и капиталисты сокращаютъ свое производство.

Причины такого явленія заключаются въ томъ, что въ одно время капиталисты могутъ затратить на производство очень много денегъ, занимая ихъ въ банкахъ, а въ другое время въ банкахъ мало денегъ, капиталисты не могутъ вести и расширять свое дѣло на занятые деньги, почему и сокращаютъ производство, затрачивая на него только свои, не занятые деньги. Кормившіеся же около этихъ производствъ люди частью расчитываются и не имѣютъ денегъ на покупку изготовленныхъ уже товаровъ.

Все это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Тѣ люди, которые могутъ копить деньги, вносятъ ихъ въ банки. Когда денегъ скопится въ банкахъ очень много, тогда банки отдаютъ ихъ въ займы капиталистамъ за небольшіе проценты. Получивъ эти деньги, предприниматели расширяютъ свои предпріятія. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ банкахъ оказывается не такъ ужъ много капиталовъ. Тогда банки отказываютъ въ выдачѣ ссудъ многимъ капиталистамъ и даютъ деньги не иначе, какъ за повышенный процентъ. Благодаря этому приходится сокращать производство и тогда наступаетъ приостановка работы — кризисъ. Многие рабочіе вышвыриваются на улицу и начинается безработица. Затѣмъ деньги снова скопляются въ банкахъ и повторяется та же исторія.

Капиталисты принимаютъ мѣры для того, чтобы кризисы приносили имъ возможно меньше вреда. За нѣкоторое время до наступленія кризиса можно его предвидѣть и для того, чтобы не потерпѣть большихъ убытковъ отъ невозможности продать много товаровъ, предприниматели сразу же начинаютъ сокращать производство и расчитывать рабочихъ.

Въ наше время очень многіе предприниматели объединяютъ въ одно свои предпріятія и точно высчитывая, сколько будетъ куплено у нихъ товаровъ, стараются не производить ихъ больше, чѣмъ требуется.

Банки, въ свою очередь, составляютъ союзы и стараются не до-

пустить такого положенія, при которомъ надо бы было рѣзко уменьшать выдачу ссудъ. Кризисы становятся въ Западной Европѣ все болѣе слабыми въ томъ смыслѣ, что теперь не наблюдается раззореніе предпринимателей, которое наблюдалось ранѣе и зависѣло какъ отъ невозможности занять деньги, такъ и отъ невозможности продать произведенные товары. Тамъ не менѣе безработица едва ли не чаще, чѣмъ прежде, свирѣпствуетъ въ рядахъ рабочихъ.

БЕЗРАБОТИЦА.

Рабочіе хорошо знаютъ, что такое безработица. Каждый самъ испыталъ на себѣ, что значить хотѣть работать, желать зарабатывать кусокъ хлѣба и не имѣть возможности найти работу. Поэтому въ немногихъ словахъ мы остановимся на описаніи безработицы, сразу охватывающей многихъ рабочихъ.

«Безработица всюду. — пишетъ П. А. Кропоткинъ, — а съ безработицей нужда, вѣрнѣе нищета: посинѣлыя дѣти, женщины, состарившіяся къ концу зимы на 5 лѣтъ; болѣзни, косящія цѣлыя ряды рабочихъ»...

Наша русская безработица ужасна. Вотъ, напримѣръ, какъ жили петербургскіе безработные въ 1906-7 годахъ: «все, что можно продать, продано; что можно заложить, — заложено. Въ квартирѣ остаются голыя доски. Часто одна пара сапогъ, одно верхнее платье на цѣлое семейство. Квартиры, комнаты, углы безработныхъ не оплачены за цѣлые мѣсяцы. Мировые судьи завалены просьбами о высленіи.

Ежедневно сотни семействъ буквально выбрасываются съ удѣлѣвшимъ скарбомъ на улицы. Безработныхъ мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей поднимаютъ на улицахъ умершими отъ истощенія. Безработные мужчины и женщины, старики и подростки бросаются въ воду, принимаютъ ядъ, накидываютъ петлю себѣ на шею для того, чтобы избѣжать мучительной смерти отъ голода, спасенія отъ которой другими путями они не могутъ». «Старая мучительная пѣсня въ рабочихъ кварталахъ, — пишетъ г. Пльпчъ, — ее знаютъ всѣ дѣти труда. Это ее поетъ «крестьянинъ Псковской губерніи 49 лѣтъ», ложась на рельсы подъ проходящій поѣздъ; ее мотивы слышатся въ плескѣ рѣки, взбаломученной бросившимся съ мосту «несовершеннолѣтнимъ рабочимъ», бывшимъ послѣднее время безъ занятій. Это ее властью подносится стаканъ съ укусовой эссенціей или карболовымъ растворомъ къ устамъ «жившей въ услуженіи крестьянки 20-ти лѣтъ»; повинувъсь ея приказу, перерѣзываетъ себѣ горло кухоннымъ ножомъ «неизвѣстный мужчина, по костюму рабочій». Это она посылаетъ «неизвѣстныхъ молодыхъ людей», вооруженныхъ браунингами рсковать нѣсколькими жизнями для одной ожидаемой трехрублевки; по ее велѣнію въ почную пору наполняютъ проспекты столицъ загубленные дочери труда. Старая, мучительная и властная пѣсня... Старая безпощадная пѣсня и имя ей — безработица».

Роскошно и весело, бросая тысячи рублей на свои прихоти, живут праздные богачи въ то время, какъ отъ мукъ голода умирають труженники, обогащавшіе этихъ тунеядцевъ.

Становится понятнымъ крикъ отчаянія ліонскихъ ткачей — «жить, работая или умереть, сражаясь»... за лучшую долю, конечно.

ЦѢНЫ.

Какъ источники сырыхъ матеріаловъ, такъ и произведенія человеческого труда продаются и покупаются за разныя цѣны.

Говоря объ издѣліяхъ (продуктахъ) людскаго труда мы должны замѣтить, что ихъ цѣна всегда выше цѣны тѣхъ матеріаловъ и орудій труда (тѣхъ средствъ производства), изъ которыхъ, и при потребленіи которыхъ они сдѣланы. Продающій сдѣланные предметы капиталистъ считаетъ нужнымъ взять за нихъ во первыхъ ту цѣну, которую стоили потраченные средства производства, во вторыхъ прибавить къ ней тѣ деньги, которыя были выданы за время производства, какъ заработная плата и какъ жалованье разнымъ служащимъ и, въ третьихъ прибавляетъ на каждый израсходованный такимъ образомъ рубль извѣстный процентъ, равный тому проценту, который, какъ свою прибыль, привыкли брать въ данной странѣ предприниматели. За эту цѣну, которая называется производственной цѣной, онъ и старается продать произведенные рабочими издѣлія (продукты). Эти издѣлія стали выдѣлываться въ капиталистическомъ хозяйствѣ потому, что предприниматель или его служащіе знали, что у нихъ будутъ покупаться продукты труда рабочихъ, какъ разъ по указанной цѣнѣ — съ небольшимъ развѣ повышеніемъ или съ небольшимъ пониженіемъ надъ нею.

Чѣмъ больше покупателей спрашиваетъ продаваемый на рынкѣ товаръ и чѣмъ его меньше, тѣмъ выше рыночная цѣна на него, поднимающаяся надъ производственной цѣной. Чѣмъ меньше на него покупателей, чѣмъ больше его предлагается, тѣмъ ниже рыночная цѣна на него. Но такъ какъ, въ случаѣ большаго паденія рыночной цѣны надъ производственной цѣною товара, многіе капиталисты перестанутъ производить его и на продажу будетъ отпущено мало такого товара, то рыночная цѣна на него повысится. Если же цѣна на товаръ поднимется, то предприниматели, желая получить побольше барышей, станутъ много выдѣлывать такого товара и цѣна на него упадетъ. Такимъ образомъ рыночныя цѣны на товары, то повышаясь надъ его производственной цѣной, то падая ниже ея, все-таки стремятся сравняться съ нею.

Количество товаровъ, предлагаемое покупателямъ по какой-либо цѣнѣ, называется предложеніемъ. Количество товара, которое могутъ купить по опредѣленной цѣнѣ покупатели, называется спросомъ.

Мы можемъ, слѣдовательно, сказать — разъ поднимается спросъ на товаръ, то, при условіи того же, что и прежде предложенія, повышается рыночная цѣна на него. Если же спросъ понижается, то цѣна

падаетъ. Разъ повышается предложеніе товара, то — при томъ же что и прежде спросъ, — цѣна на него падаетъ. Если же предложеніе понижается, то цѣна на товаръ повышается.

За источники сырыхъ матеріаловъ платятъ деньги потому, что они захвачены лицами, которые не позволяютъ пользоваться им даромъ. Уплатенныя за нихъ деньги возвращаются въ карманъ купившаго ихъ человѣка въ цѣнѣ товаровъ, приготовленныхъ въ посредствѣ и этихъ источниковъ.

ДВА СЛОВА О ЦѢННОСТИ.

Нѣтъ сомнѣнія, что люди производятъ и покупаютъ предметы потому, что они имѣютъ въ ихъ глазахъ цѣнность.

Что такое цѣнность, почему одинъ предметъ цѣнится людьми дороже другого, этими вопросами должны заниматься философы и психологи. Экономисты не должны входить въ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ и каждый разъ, когда они пытались рѣшить ихъ, они ничего не достигали. Въ числѣ прочихъ безусловно неудачной и ошибочной является и попытка К. Маркса доказать, что одинъ изъ предметовъ цѣнится больше другого потому, что на него потрачено больше такъ называемаго общественно-необходимаго рабочаго времени.

ОБМѢНЪ.

Въ первобытныя времена обмѣна не было. Все что ни добывали члены первобытной общины, все это, какъ мы уже знаемъ, принадлежало всѣмъ и бралось желающими.

Позднѣе, послѣ того какъ между людьми произошли столкновѣнія, люди обмѣнивали однѣ издѣлія (продукты) на другіе. Возможно, что такой обмѣнъ развился изъ дани, которую уплачивало ставшее сильнымъ племя при томъ условіи, что ему платили въ то же самое время отвѣтную дань.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ оказывался избытокъ однихъ и недостатокъ другихъ продуктовъ и тогда совершался обмѣнъ. Въ началѣ цѣля общины мѣняли свои издѣлія (продукты) на издѣлія (продукты) другихъ общинъ, а значительно позднѣе такимъ обмѣномъ занялись и отдѣльныя богатые по тому времени лица.

Еще позднѣе, когда распаденіе населенія общинъ на богатыхъ и бѣдныхъ стало замѣтнымъ, наблюдался обмѣнъ и въ предѣлахъ данной общины.

Обмѣнъ одного издѣлія на другое (продукта на продуктъ) былъ очень не удобенъ, такъ какъ человѣкъ или община, желавшіе, напримеръ, получить за свой медъ — стрѣлы, встрѣчали лицъ, желавшихъ имѣть медъ, но не имѣвшихъ стрѣлъ, а имѣвшихъ такіе ненужные первому предметы, какъ скоть, мѣха, соль и проч.. Вотъ между прочимъ, интересный примѣръ. Камеронъ, въ своемъ путешествіи по Африкѣ, рассказываетъ какъ ему пришлось въ 1874-мъ году

устроиться для того, чтобы достать нужную ему лодку. «Человѣкъ Сайда (у котораго была лодка) хотѣлъ, чтобы ему заплатили слоновою костью, а у меня ея не было. Мнѣ пришли сказать, что Магомедъ Ибнъ Селибъ имѣетъ слоновую кость и нуждается въ матеріи, но, такъ какъ у меня, къ сожалѣнію, не было ни того, ни другого, то мнѣ это еще немогло помочь. Но Ибнъ Герибъ, у котораго была матерія, нуждался въ металлической проволоцѣ, а у меня ея было въ избыткѣ. И такъ я далъ Ибнъ-Герибу на нужную сумму мѣдной проволоки, онъ заплатилъ мнѣ матеріей, которую я передалъ Ибнъ-Селибу, этотъ послѣдній далъ эквивалентъ ея (равную ей по цѣнности вещь) въ слоновой кости человѣку Сайда... у меня, наконецъ, очутилась лодка».

Спустя еще нѣкоторое время, наиболѣе ходовые, наиболѣе часто спрашиваемые предметы, наиримѣръ соль, мѣха, скоть, красивыя раковины ит. д. стали играть ту роль, которую играютъ теперь деньги, т. е. въ обмѣнъ на нихъ можно было приобрести любой товаръ. Въ числѣ такихъ всѣхъ нужныхъ предметовъ были металлы и сплавы металловъ. Сначала мѣдь, бронза, желѣзо, позднѣе самые удобные для покупокъ металлы — серебро и золото. Въ наше время золото (а во многихъ мѣстахъ и серебро) принимается за товары чуть ли не повсемѣстно, оно легко хранится и пересылается, за небольшое его количество — можно приобрести много товаровъ. Этотъ металлъ долго не портится, количество его увеличивается въ небольшомъ размѣрѣ. Этотъ металлъ легко распознается, т. е. съ трудомъ поддѣлывается, легко дѣлится на части, не теряя своей цѣны и опять эти части соединяются въ слитки, онъ легко обдѣлывается въ нужную форму и всегда однороденъ по качеству.

Сначала металлы имѣли форму слитковъ и каждый продавецъ товара опредѣлялъ вѣсъ металла и его пробу. Проба показываетъ сколько въ какомъ-либо слиткѣ чистаго металла (фейна) и сколько примѣси простого металла (лигатуры). Въ настоящее время металлическимъ деньгамъ обыкновенно дается форма кружечка: кружечекъ этотъ имѣетъ опредѣленный вѣсъ и покрытъ со всѣхъ сторонъ рисункомъ — чеканомъ — для того, чтобы нельзя было соскоблить металла. Каждый такой кружокъ имѣетъ одинаковую пробу и вѣсъ съ другимъ такимъ же кружкомъ. Такіе кружки монеты выпускаетъ правительство, ручаясь за указанный вѣсъ и пробу.

Такими монетами — деньгами измѣряется цѣна предметовъ, онѣ являются орудіями обращенія — обмѣна, а, если уплата отсрачивается, то законнымъ платежнымъ средствомъ, они могутъ храниться, какъ сокровище и хотя ими нельзя непосредственно удовлетворять потребности, онѣ являются всеобщимъ товаромъ, на который можно обмѣнять любой товаръ, нужный для указанной цѣли.

Въ однѣхъ странахъ основными деньгами считаются одни только золотыя монеты, причемъ серебряныя монеты являются размѣнными и ихъ даютъ, въ зависимости отъ спроса и предложенія и отъ производственной цѣны то большее, то меньшее количество за основ-

ную (законную, сборную) золотую монету. Въ другихъ странахъ, и золотыя, и серебряныя монеты считаются основными и за число монеты, чеканенныхъ изъ фунта золота всегда дается число монеть вычеканенныхъ изъ столькихъ то (12-ти, напримѣръ) фунтовъ серебра.

Но, если въ странѣ имѣются двѣ основныя монеты и если окажется, что на ту монету, напримѣръ, которая вычеканена изъ фунта золота можно купить больше товара, чѣмъ на другую монету вычеканенную изъ 12-ти фунтовъ серебра, то золотая монета уйдетъ изъ обращенія. Точно также, если въ странѣ обращается много стертой монеты, то монета полноцѣнная опять-таки исчезнетъ. Хорошая монета будетъ отдана заграничнымъ продавцамъ, которые не захотятъ брать плохую монету за свои товары, а затѣмъ полноцѣнная монета будетъ переплачена въ слитки и издѣлія.

Каждая монета въ теченіи года, напримѣръ, много разъ перейдетъ изъ рукъ въ руки: одна и та же монета служить для многихъ торговыхъ сдѣлокъ. Емкостью обращенія и называется количество переходовъ монеты изъ рукъ въ руки въ теченіи года, напримѣръ.

Чѣмъ больше быстрота обращенія, тѣмъ меньше надо денегъ для страны. Если въ странѣ денегъ больше, чѣмъ надо, цѣны на товары уменьшатся, если количество денегъ уменьшится, то цѣны на товары поднимутся.

Кромѣ серебрянной размѣнной монеты, написанная на которой цѣна близка къ ея настоящей цѣнѣ, существуетъ мелкая размѣнная монета изъ низкопробнаго (съ большимъ количествомъ лигатуры) серебра, изъ мѣди, никкеля. Написанныя на этихъ монетахъ цѣны значительно больше производственной цѣны заключающагося въ нихъ металла. Эти размѣнныя монеты называются билонами.

Билоны замѣняютъ собою настоящія деньги. Эти деньги замѣняютъ также росписки, на которыхъ написана опредѣленная сумма денегъ, при чемъ всякій желающій въ любое время можетъ получить по такимъ роспискамъ какъ разъ то количество металлическихъ денегъ, которое на нихъ значится.

Такими росписками и являются бумажныя деньги государствъ. Эти деньги бываютъ 1) представительными (репрезентативными) и 2) кредитными. Представительныя бумажныя деньги выпускаются государствомъ въ обмѣнъ за такое же количество внесенныхъ металлическихъ денегъ. Таковыми являются американскіе бумажные доллары. Кредитныя бумажныя деньги выпускаются государствомъ не въ обмѣнъ за металлическія, а государство просто платитъ этими бумажками при выдачѣ жалованья, при покупкахъ и проч., принявъ на себя обязательство выдавать за нихъ металлическія деньги каждый разъ, какъ это потребуютъ собственники такихъ бумажекъ эти деньги принимаются и въ уплату податей.

Такъ какъ далеко не всѣ деньги могутъ быть сразу предъявлены къ обмѣну, то въ государственныхъ кассахъ можетъ быть меньше металлическихъ денегъ, чѣмъ выпущено бумажныхъ денегъ.

Если государство выпустит черезчур много бумажных денег, если оно не может размѣнивать ихъ, выдавая за каждый рубль сто копѣекъ золотомъ, а можетъ, напримѣръ, выдавать золотомъ только 60 копѣекъ за бумажный рубль, то рубль будетъ стоить не 100, а 60 копѣекъ, т. е. на него можно купить товаровъ не на сто, а на 60 копѣекъ.

Государство можетъ выпустить и неразмѣнныя бумажныя деньги. Если этихъ денегъ выпущено какъ разъ столько, сколько нужно для уплаты податей, для торговыхъ и кредитныхъ сдѣлокъ, то онѣ обращаются въ странѣ, какъ кредитныя бумажныя деньги. Но, если ихъ появится больше, — ихъ цѣна сильно падаетъ. Онѣ могутъ даже совсѣмъ обезцѣниться. Металлическія деньги уйдутъ изъ обращенія, цѣны на товары повысятся; появятся двойныя цѣны — однѣ для металлическихъ, другія для бумажныхъ денегъ.

ТОРГОВЛЯ.

Первобытный обмѣнъ товара на товаръ давно уже замѣнился куплей продажей товаровъ. Теперь продается за деньги; за деньги же и покупается товаръ.

Въ наше время продаются предметы, ненужныя для прямого или косвеннаго потребленія ихъ владѣльцевъ — товары. Но бываетъ и такъ, что бѣднякъ продаетъ нужный ему предметъ, напримѣръ, одежду для того, чтобы купить еще болѣе нужный, — напримѣръ, хлѣбъ. Иногда боящіеся дикаго наслія крестьяне, необходимые для жизни предметы, продаютъ для того, чтобы заплатить подати.

Въ наше время торгуютъ товарами и источниками сырыхъ материаловъ.

Товаръ — это, конечно, предметъ потребленія, но цѣль собственности товара заключается не въ его потребленія, а въ томъ, чтобы, продавъ его получить больше денегъ, чѣмъ было потрачено на его производство или приобрѣтеніе.

Товары продаются капиталистами, независимыми работниками и очень часто посредниками между предпріятіями производителей и покупателями, продаются купцами. Очень часто товаръ дѣлаетъ большую дорогу и прежде, чѣмъ попасть въ руки потребителя, побываетъ въ рукахъ многихъ купцовъ, перепродающихъ его другъ другу.

Благодаря торговлѣ возможно раздѣленіе труда; благодаря цѣлому ряду перепродающихъ товары купцовъ, возможно полученіе такихъ предметовъ, которыхъ мы не получили бы, если бы сами добывали ихъ. «Еслибъ намъ необходимо было для покупки кофе сноситея непосредственно съ арабскими торговцами, для чая съ китайскими, для сукна съ англійскими, для шелковыхъ матерій съ французскими, заказывать мѣха въ Сибири и выписывать полотно и ситець изъ Владимірской или Костромской губерніи, то мы навѣрно должны были отказаться отъ покупки многихъ этихъ предметовъ», пишетъ В. Жельзновъ. Торговля сближаетъ, такъ сказать, производителей съ потребителями.

Для торговца — торговля сводится къ дешевой покупкѣ и доставкѣ товаровъ и къ дорогой ихъ продажѣ.

Торговцы раздѣляются на нанимающихъ приказчиковъ и другихъ служащихъ на такихъ, которые торгуютъ легко, на мелкихъ торговцевъ. Товары и заработная плата могутъ быть отнесены къ оборотному капиталу. Основнымъ капиталомъ торговцевъ являются всѣ остальные средства торговли — склады, магазины, лавки, ихъ обстановка, въ томъ числѣ шкафы, полки, лари, вѣсы, гири и пр. и пр.

Классу наемныхъ рабочихъ въ промышленности — въ торговлѣ соответствуютъ приказчики, нагрузчики, а нѣкоторые ученые присоединяютъ сюда и перевозчиковъ, — матросовъ, напримѣръ. «Войдите въ ихъ хижины, — говоритъ П. А. Кропоткинъ, — посмотрите на ихъ женъ и дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, живущихъ неизвѣстно какъ, въ ожиданіи возвращенія отца и вы узнаете, какъ и почему богатѣетъ купецъ».

Торговля бываетъ оптовая и розничная. Можно продавать и покупать не сдѣланный еще товаръ при томъ условіи, что продавецъ обязуется его доставить къ такому то сроку. Торгуютъ на деньги и въ кредитъ, торгуютъ при помощи раздѣжающихъ комиссіонеровъ.

Замѣтимъ здѣсь, что мелкая торговля, за исключеніемъ торговли нѣкоторыми товарами, очень устойчива и вовсе не обнаруживаетъ намѣренія исчезнуть, благодаря появленію крупной магазинной торговли.

Современная торговля обходится потребителю не дешево. «Было вычислено, — говоритъ Г. Майеръ, — что, въ среднемъ, торговля увеличиваетъ стоимость всѣхъ продуктовъ потребленія на 50%.» Торговля, съ общественной точки зрѣнія, организована очень плохо. Часть товаровъ залеживается и портится у торговцевъ, но торговецъ пополняетъ этотъ убытокъ, дороже продавая другіе товары. Въ городахъ много отдѣльных лавокъ, тогда какъ помѣщеніе и оборудованіе обошлись бы дешевле, если бы нѣсколько лавокъ были замѣнены одной большой. Торговцы увлекаютъ покупателей богатой дорогой стоящей обстановкой своихъ магазиновъ и пр. Благодаря всему этому, покупатели очень дорого платятъ за товары, хотя трудъ приказчиковъ оплачивается очень плохо. «Будь все это у насъ лучше устроено, — говоритъ Г. Майеръ, — и узнай мы подобное о чуждомъ намъ народѣ, напримѣръ, о китайцахъ, мы смѣялись бы отъ души».

Въ послѣднее время замѣчаются попытки удешевить издержки торговли: оптовыя фирмы присоединяютъ къ оптовой торговлѣ мелочную, не поднимая цѣнъ на товары такъ высоко, какъ ихъ поднимаютъ розничные торговцы. Фабриканты въ свою очередь отгѣсняють оптовиковъ, непосредственно продавая свои издѣлія мелочнымъ или розничнымъ лавкамъ. Тресты, пользуясь тѣмъ, что товаръ можно купить только у нихъ однихъ, избѣгаютъ пользоваться услугами комиссіонеровъ. Наконецъ сами покупатели устраиваютъ, какъ мы знаемъ, потребительныя общества, устраняющія купцовъ-посредниковъ.

Мы знаемъ, что въ одной изъ странъ, напримѣръ, вовсе не добывается золота, въ другой нѣтъ охоты за пушнымъ звѣремъ, въ третьей нельзя воздѣлывать рисъ. Каждой странѣ приходится покупать нужные ей и въ ней не производимые предметы и во Франціи, напримѣръ, гдѣ нѣтъ нефтяныхъ залежей на человѣка, потребляется больше керосина, чѣмъ въ Россіи.

Помимо этого выгодно покупать за границей тѣ продукты, которые можно произвести дома, но съ большими затратами, чѣмъ тѣ затраты, которые потребуются для покупки ихъ виѣ своей страны такъ и для доставки въ послѣднюю.

Бываетъ и такъ, что какая-либо страна продаетъ не излишки своего производства, а тѣ издѣлія (продукты), которые нужны ей самой. Въ Россіи, напримѣръ, крестьяне не дождаются, болѣютъ отъ голода, умираютъ отъ голода, а мы вывозимъ за границу сотни милліоновъ пудовъ хлѣбовъ. Потребленіе сахара у насъ ничтожно, а мы вывозимъ его въ Англію, гдѣ имъ кормятъ свиней. У насъ поднялся вывозъ желѣза и падало потребленіе его, при чемъ оказалось, что наши крестьяне живутъ прямо-таки въ деревянномъ вѣкѣ. Такъ какъ русскому правительству очень нужны деньги, для уплаты процентовъ и погашенія по долгамъ, которые оно надѣлало за границей, то намъ и приходится вывозить нужные намъ продукты, въ томъ числѣ и хлѣбъ. «Сами ѣсть не будемъ, — говорилъ министръ финансовъ Вышнеградскій, — а вывозить станемъ». Впрочемъ, подъ словомъ «сами», онъ подразумѣвалъ не господъ министровъ, а мужиковъ и рабочихъ.

Всякій долго продолжающійся вывозъ создаетъ соответствующій ввозъ. Въ странахъ, откуда вывозятъ товары, получаютъ за нихъ деньги и поэтому повышаются цѣны товаровъ. Въ странахъ, куда ввозятъ товары, денегъ становится меньше и цѣны на товары падаютъ. Товары изъ странъ, гдѣ они дешевы везутся въ тѣ страны, гдѣ товары дороги.

Съ ввозимыхъ въ Россію товаровъ берется пошлины, т. е. ихъ не пропускаютъ въ Россію, безъ того, чтобы собственники этихъ товаровъ не заплатили денегъ за право ввоза своихъ товаровъ. Благодаря этому, товары продаются въ Россіи дороже, чѣмъ продавались бы безъ пошлинъ и наши предприниматели, не боясь соперничества (конкуренціи) иностранныхъ предпринимателей, не боясь привоза дешевыхъ товаровъ повышаютъ цѣны и на свои товары. Бѣдное населеніе живетъ еще скуднѣе, чѣмъ жило бы, если бы не было такихъ, называемыхъ таможенными пошлинъ.

Капиталисты богатыютъ, мало заботятся объ улучшеніи орудій труда, а народъ бѣднѣетъ. «По самому умѣренному расчету, — читаемъ мы въ словарѣ Брокгауза и Эфрона, — только на 12 предметахъ потребленія переплачивается въ годъ около 300 милліоновъ рублей, изъ коихъ едва лишь 70 милліоновъ поступаютъ въ казну въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, остальные же 230 милліоновъ въ руки частныхъ лицъ, въ видѣ прибыли, а также въ видѣ оплаты произво-

дительнаго труда, всегда значительнаго при несовершенствѣ техники производства».

Таможенныя пошлины выгодны и главнѣйшимъ образомъ, капиталистамъ. Рабочіе прекрасно могутъ обойтись безъ нихъ. И во всякомъ случаѣ не отъ этихъ пошлинъ должны они ждать улучшенія своего быта.

КРЕДИТЪ—ЗАЕМЪ—ССУДА.

Если одинъ человѣкъ даетъ въ заемъ другому деньги (рѣже предметы) и послѣ получаетъ данную сумму съ процентами или больше предметовъ (напримѣръ, полтора пуда хлѣба вмѣсто даннаго одного пуда), то такія сдѣлки называются кредитными.

Большія суммы денегъ даются въ заемъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ какія-либо или торговыя предпріятія, какое-либо цѣнное имущество, напримѣръ, дома, вещи изъ драгоценнаго металла и т. д.

Излишекъ денегъ, который получаетъ заимодавецъ (кредиторъ) черезъ нѣкоторое время послѣ займа, называется процентомъ и высчитывается (въ рубляхъ, напримѣръ) къ каждой сотнѣ монетъ (рублей, напримѣръ).

Этотъ процентъ, эти лишнія деньги получаютъ ни за что, ни про что, просто потому, что ростовщики не дали бы въ заемъ денегъ безъ такого процента. Очень часто деньги даются безъ малѣйшаго риска для заимодавца, напримѣръ, подъ залогъ предметовъ, гораздо болѣе стоящихъ, чѣмъ даваемая въ заемъ сумма денегъ.

Кредитъ охотно дается капиталистамъ, еще, пожалуй, охотнѣе государству и совсѣмъ ужъ неохотно рабочимъ, развѣ въ мелочной лавочкѣ, да въ кассѣ ссудъ.

Капиталистъ предприниматель, взявъ въ заемъ деньги, затрачиваетъ ихъ на свое предпріятіе, расширяетъ его и когда продастъ выработанныя рабочими издѣлія, уплачиваетъ и ссуду и проценты. Трудъ рабочихъ настолько производителенъ, что вырабатываемой рабочими прибыли хватаетъ и на должника и на кредитора, такъ какъ процентъ составляетъ небольшую часть прибыли.

Благодаря кредиту явилась возможность создавать громаднѣйшія предпріятія.

Государство возвращаетъ занятыя деньги съ процентами, обобравъ налогами своихъ подданныхъ. Государства возвращаютъ свои займы по частямъ въ теченіи долгаго времени.

О кредитѣ рабочимъ не стоитъ и разговаривать, наемнымъ рабочимъ онъ обходится дорого и дается не часто. Конечно и ссуда и процентъ выплачивается наемными рабочими изъ заработка.

Кредитъ называется личнымъ, когда онъ дается человѣку подъ росписку, чаще подъ вексель, по которому судъ производитъ взысканіе быстрѣе, чѣмъ по роспискѣ.

Кредитъ называется вещнымъ, когда онъ дается подъ залогъ или закладъ какого-либо предмета или источника сырыхъ матеріаловъ. Въ случаѣ не уплаты въ срокъ заложеннаго имущества, оно

продается и вырученными деньгами уплачивается ссуда и проценты.

Можно указать также на торговый кредит, когда деньги уплачиваются за взятые товары через некоторый промежуток времени.

В наше время главными заемщиками являются банки. Группа капиталистов, чаще всего акционеров, собирает значительный капитал, затем занимают деньги за меньший и выдают их за больший процент.

Благодаря банкам сосредоточиваются в одном месте небольшие накопления денег и затем эти деньги крупными уже суммами выдаются в кредит состоятельным лицам.

Банки бывают банками долгосрочного кредита, главным образом, банки, выдающие деньги под залог земли и банки краткосрочного кредита, выдающие деньги под векселя и на значительно более короткий срок, чем первые.

Очень нередко один и тот же банк дает и личный кредит, и кредит под залог ценных движимых предметов.

Некоторые банки выпускают так называемые банковые билеты — в сущности это расписки, по которым банк обязуется в любую минуту уплатить деньги.

Деятельность сберегательных касс и касс ссудных хорошо известна и мы не будем останавливаться на ней. Заметим только, что на деньги, скопляющиеся в русских сберегательных кассах обыкновенно покупаются правительственные процентные бумаги, т. е. проще правительство берет деньги как в заем себе, общая уплатить этот долг.

Правительственные процентные бумаги (рента) это — расписки правительства о том, что оно взяло в заем деньги и предъявителям этих бумаг платить проценты, а когда придет срок, то уплатить и все заняты деньги.

Устраиваются банки и для крестьян, берущие и дающие деньги за небольшие проценты, за поручительством нескольких крестьян. Некоторые из таких банков дают в заем деньги на покупку сельско-хозяйственных орудий, при чем как раз эти орудия, хотя ими и пользуются крестьяне, находятся в залог у банка, так что их нельзя продать, пока не будут уплачены выданные в ссуду деньги.

О таких банках имеется немало изданных для народа книжек.

ПЕРЕВОЗЪ.

О перевозѣ товаровъ и пассажировъ можно ограничиться немногими словами, такъ какъ перевозочная промышленность мало чѣмъ отличается отъ промышленности производящей товары. Трудъ рабочихъ перевоза, по существу, мало чѣмъ отличается отъ труда рудокопа, доставляющаго руду на поверхность изъ шахты. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о передвиженіи нужныхъ людямъ продуктовъ.

Какъ и въ обрабатывающей промышленности мы встрѣчаемся здѣсь съ хозяевами капиталстами и съ рабочими-наемниками, положеніе которыхъ очень плохо.

Все быстрее и все съ меньшими издержками доставляли люди товары въ тѣ мѣстности, гдѣ ихъ ждали покупатели.

ГЛАВА XVII.

Приложение.

Трудовой народ угнетается правительствами и обирается богачами, какъ въ государствахъ, управляемыхъ самодержцами, такъ и въ государствахъ управляемыхъ выборными чиновниками и законодателями.

Трудящееся население будетъ благоденствовать и пользоваться благами свободы только тогда, когда все средства производства будутъ общимъ достояніемъ; когда человѣкъ будетъ получать изъ производимыхъ обществѣннѣмъ продуктовъ долю сообразно со своимъ возрастомъ, поломъ, здоровьемъ и сообразно со степенью своихъ потребностей; когда никто не будетъ имѣть и тѣни власти надъ другимъ человѣкомъ или другими людьми.

Та самоочевидная истина, что каждый не обирающій (не эксплуатирующій) и не угнетающій другихъ человѣкъ имѣетъ равное право съ любымъ другимъ человѣкомъ на плоды общественнаго труда и право не подчиняться какимъ бы то ни было правителямъ, сознается все большей и большей частью работающаго люда.

Борясь за лучшее существованіе, рабочій народъ всеобщимъ (коллективнымъ) творчествомъ выковываетъ социалистическія понятія и стремится воплотить ихъ въ жизнь.

На социалистическихъ началахъ могутъ устроиться уже современные поколѣнія рабочаго класса. Наряду съ этимъ само, экономическое развитіе капиталистическаго общества не приведетъ трудящихся къ социалистическому строю, къ свободѣ и къ равенству.

Все указанія на сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ, на грядущій недостатокъ рынковъ для капиталистическаго производства, на, будто бы, наблюдаемое паденіе процента прибыли, на необходимость большаго развитія производительныхъ силъ для переустройства (реорганизациі) общества на социалистическихъ началахъ, на необходимость для каждой страны пережить какъ разъ тоже самое, что пережили страны, ранѣе ея вступившія на путь капиталистическаго развитія (капиталистической эволюціи) — все эти указанія считаются нами неудачными, основанными на случайныхъ данныхъ предположеніями (гипотезами), отнюдь не подтвержденными, а, наоборотъ, опровергнутыми дальнѣйшими наблюденіями.

Современное научное знаніе не позволяетъ уже обольщаться несбыточными надеждами, будто капиталистическое общество разрушится отъ собственныхъ противорѣчій.

Наблюдающіяся въ капиталистическомъ обществѣ тренія исчезаютъ. Могучій механизмъ капитализма опрокидываетъ встрѣчающіяся на его пути преграды и на миллионахъ жертвъ строитъ благополу-

чіе меньшинства. Этому побѣдоносному и пагубному шествію можетъ положить предѣлъ только грозная сила возставшихъ и рѣшившихся на коренное переустройство общества городскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Крестьяне и рабочіе могутъ возстаніемъ освободиться отъ ига капитала и власти.

Нѣтъ никакихъ неодолимыхъ препятствій для перехода къ социалистическому, менѣе сложному, чѣмъ современный, общественному строю.

Отношеніе крестьянъ и рабочихъ къ учрежденіямъ частной собственности и принудительной власти, ихъ желаніе избавиться отъ обирания (эксплуатаціи) и угнетенія таково, что социалистическіе порядки доступны для пониманія и осуществленія трудовымъ народомъ.

Говоря короче, ничего не приходится ждать пролетариату и трудовому крестьянству для переустройства общества на новыхъ началахъ.

Трудящіеся не могутъ устроиться на социалистическихъ началахъ только потому, что сильные классы обираютъ (эксплуататоровъ), опирающіеся на учрежденія (институты) постоянного насилія.

Исторически сложившіеся, созданныя мощью насильниковъ и нынѣ поддерживаемыя буржуазіей и частью интеллигенціи учрежденія насилія — войско, полиція, чиновничество, судъ, законодательныя, въ томъ числѣ и выборныя учрежденія — стоятъ между трудящимся народомъ и социалистическимъ строемъ общества. Эти учрежденія постоянного насилія должны быть уничтожены насиліемъ временнымъ — вооруженнымъ возстаніемъ угнетенныхъ и обираемыхъ.

Самообманомъ является обманчивая надежда, что благодаря развитію (эволюціи) экономической жизни, — если не современнымъ рабочимъ поколѣніямъ, то ихъ потомкамъ — придется разыграть «роль акушера» при капиталистическомъ обществѣ. Рабочіе близкаго будущаго — не акушеры, а воины большой революціи. Не на помощь старому обществу слѣзаетъ она, а хотять уничтожить его. Не съ хирургическими инструментами, а съ оружіемъ въ рукахъ придется имъ выступить для того, чтобы завоевать социализмъ.

Социализмъ будетъ завоеванъ или его не увидитъ человѣчество.

Дѣйствительными, не мнимыми предпосылками социалистическаго переворота являются самыя условія современной общественной жизни — наличность обирания (эксплуатаціи), угнетенія и широко распространенное сознаніе необходимости переустроить общество на новыхъ началахъ.

Тяжелое имущественное положеніе большинства трудящихся, въ особенности же рабочихъ ручного труда, неполное удовлетвореніе даже первыхъ потребностей или удовлетвореніе ихъ плохими сокра-

щающими жизнь предметами (продуктами), подчиненная работа, постоянно грозящая безработица, т. е. необеспеченность даже жалкого заработка, наследственность нищеты, унижительная, граничащая с порабощением зависимость от обиралъ (эксплуаторовъ), такіе отвѣты послѣднихъ на требованія рабочихъ, какъ поголовные расчеты (локауты), какъ тюрьмы и разстрѣлы — все это заставляетъ трудовой пародъ стремиться къ полному преобразованію современнаго общества.

Громадныя богатства, постоянно скопляемыя обиралами (эксплуаторами) и правителями, ихъ роскошная жизнь — съ одной стороны и постоянное прозябаніе въ бѣдности рабочаго люда — съ другой поддерживаютъ недовольство трудящихся.

Убѣждаясь въ невозможности хоть мало-мальски серьезно улучшить свое положеніе въ рамкахъ капиталистическаго и властнаго общества, трудящіеся приходятъ къ сознанию, что оно должно быть разрушено и замѣнено новымъ общественнымъ строемъ.

Тѣ пути къ освобожденію рабочаго класса, которые указываются политическими называющими себя социалистическими партіями — политическая революція (удачное возстаніе для переменъ начальства), избраніе социалистовъ въ гласные городскихъ думъ, уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, въ депутаты Государственной Думы (или въ какіе угодно муниципалитеты и парламенты), законодательная дѣятельность (въ томъ числѣ фабричное, земельное, налоговое законодательство, изданіе законовъ о свободахъ и пр. и пр.), устройство рабочими потребительныхъ товариществъ (потребительныхъ коопераций) — всѣ эти пути не ведутъ къ желанной цѣли. Всѣ эти приемы борьбы за самоосвобожденіе являются мнимыми и, примѣняя ихъ, рабочіе ни на шагъ не подвигаются къ вольному, социалистическому строю общества.

Все это улучшаетъ положеніе лишь отдѣльныхъ лицъ изъ рабочаго класса, но не положеніе рабочаго класса въ цѣломъ.

Избирая эти пути, рабочіе самообманываются, недооцѣнивая ни силы капиталистическаго общества, ни собственной силы, такъ какъ не понимаютъ въ данномъ случаѣ дѣйствительной роли законодательныхъ учреждений и учреждений взаимопомощи, такъ какъ не знаютъ, что они могутъ теперь же организовать на социалистическихъ началахъ, передавъ всѣ капиталы и землю въ общее достояніе.

Рабочіе должны отрицательно относиться къ тому перечисленію разныхъ небольшихъ требованій, которыя политическія партіи называютъ своей малой программой (программой-минимумъ).

При свѣтѣ современнаго научнаго знанія ясно, что фабричныя и рабочіе законы, составляющіе главную часть этихъ перечисленій (программъ) являются простыми записями сдѣланныхъ рабочими

вѣтъ стѣнъ парламентовъ завоеваній и при томъ записями зачастую неполными и запоздалыми.

Вторая часть этихъ программъ, говорящая объ учрежденіяхъ будто бы народомъ управляемыхъ (демократическихъ) государствъ и о свободахъ этихъ, въ сущности, богачами управляемыхъ государствъ, не должна интересовать рабочихъ.

Трудовому народу тяжело въ имущественномъ (матеріальномъ) и униженіи въ нравственномъ отношеніи живетъ въ этихъ государствахъ и при этихъ свободахъ. Этими свободами и учрежденіями могутъ пользоваться съ выгодой для себя только тѣ классы общества, въ рукахъ которыхъ сосредотачиваются богатства.

Не надо обманывать, подмѣняя классовую борьбу за социализмъ борьбой за республику. Рабочіе могутъ добиться большаго, чѣмъ то, что сулятъ имъ національ или социаль-демократы.

Рабочимъ не нужна политическая революція (смѣна начальства возстаніемъ). Тѣ условія, которыя требуются отъ нихъ для ея совершенія, могутъ быть употреблены на служеніе дѣлу большой, социальной революціи.

Политическія революціи нужны тѣмъ, кто хочетъ захватить власть въ свои руки. Къ такимъ революціямъ могутъ стремиться только тѣ честные люди, которые ошибочно думаютъ, что надъ народными массами должны стоять правители, безъ которыхъ эти трудящіеся люди не могутъ будто бы обойтись. Въ дѣйствительности никакіе правители не могутъ освободить трудящихся. Эта задача по силамъ только великому трудовому обществу. Только само общество, какъ цѣлое, съ его общественной волей, общественнымъ знаніемъ, общественнымъ разумомъ и общественными же объединяющими (организационными) способностями, можетъ устроиться на вольныхъ социалистическихъ началахъ.

Захватъ пролетаріатомъ и крестьянствомъ власти не мыслимъ и не нуженъ. Нельзя считать управленіе депутатовъ социалистовъ, хотя бы и выбранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, передачей власти трудящемуся народу. Мало этого: всякая власть беспильна на добро и сильна на зло. Всякая власть, какъ бы ни видоизмѣнялась она, всегда являлась помѣхой для творческой дѣятельности общества (коллектива). Она будетъ вредна и въ дѣлѣ переустройства общества. Никакіе правители, никакіе депутаты не справятся съ величайшимъ дѣломъ общественнаго переустройства. Ихъ силы хватало и могутъ хватить только на дѣло созданія своего собственнаго благополучія и благополучія своихъ близкихъ, а не на общественное творчество, которое обществу только и по силамъ. Власть вездѣ и всегда развращала правителей и они играютъ роль мухи на рогахъ пашущаго вола, но мухи ядовитой, которая время отъ времени жалитъ вола, отравляя его кровь, понижая его жизненную силу.

Нельзя обольщаться громкими словами — «диктатура (т. е. неограниченная власть) пролетаріата и крестьянства. Власть не можетъ

принадлежать множеству народа. Трудящемуся люду не надо диктатуры, хотя бы эта диктатура и величала себя народной. Народу не нужны властители, не нужна власть. Власть должна быть социализирована, стать общим достояніемъ, принадлежать всѣмъ, а, слѣдовательно, никому. Она должна исчезнуть одновременно съ исчезновеніемъ капитализма (хозяевъ-капиталистовъ). Народъ самъ устроитъ дѣла своихъ вольныхъ общинъ.

Всякое перечисленіе ближайшихъ требованій (всякая программа-минимумъ) — зло, потому, что говорить о необходимости или выгоды отречься въ данный моментъ отъ борьбы за завоеваніе вольнаго социалистическаго строя и учить, что борьба за улучшение быта въ рамкахъ капиталистическаго общества является борьбой за социализмъ. Такія перечисленія ближайшихъ требованій (программы-минимумъ) считаются зломъ потому, что учатъ ждать освобожденія отъ правителей, отъ выборныхъ и властныхъ уполномоченныхъ, а не отъ самихъ себя. Размѣнивая на мелкую монету великую цѣль рабочихъ классовъ — вольный, рабочій социализмъ, замѣняя борьбу за эту цѣль борьбою за лучшія условія найма и т. п. перечисленія мелкихъ требованій (программы-минимумъ), убиваютъ жизненную силу, боевой порывъ, воодушевленіе.

Рабочіе должны выставить только одно большое требованіе — требованіе своей полной свободы, независимости отъ капитала и власти.

Борьба рабочихъ за улучшение своего быта на хозяйской фабрицѣ и въ квартирѣ, нанятой у домохозяина, это—не социалистическое требованіе (не социалистическая программа), а необходимость. Такая же необходимость, какъ работа по найму.

Отношеніе давящихъ классовъ къ классамъ обираемыхъ (эксплуатируемыхъ) и угнетаемыхъ таково, что малѣйшее ослабленіе рабочихъ въ борьбѣ за меньшую степень обирания и поработченія влечетъ за собою для трудящихся невозможныя условія существованія.

Противъ наемныхъ рабочихъ и трудовыхъ крестьянъ, борящихся за улучшение своего быта, выступаютъ объединившіеся предприниматели и землевладѣльцы, поддерживаемые всей мощью государства съ его учрежденіями насилія лицемѣрія.

Богатые классы общества создали живую, продажную, но лгастую низменнымъ желаніямъ (инстинктамъ) печать (прессу). Они заставили служить себѣ, своимъ выгодамъ, религію, нѣкоторыя отрасли научнаго (быстро перестающаго быть научнымъ) знанія и многія искусства. Они создали политическія партіи, цѣль которыхъ вводитъ трудящихся въ заблужденіе. Они подчиняютъ своему влиянію и тѣ политическія партіи, основатели которыхъ и нѣкоторые члены искренне хотѣли помочь рабочимъ, но понавъ на приманку капитала, запутались въ его клейкихъ сѣтяхъ и нерѣдко, сами того не

сознавая, стали служить как его интересамъ, такъ и интересамъ правителей.

Пока не пробилъ часъ освобожденія,—рабочему люду вообще и классу наемныхъ рабочихъ въ частности, приходится бороться за лучшія условія существованія и въ рамкахъ современнаго общества.

Тѣмъ не менѣе надежды, что такая борьба спасетъ рабочихъ отъ ига власти и капитала, а слѣдовательно и отказъ рабочихъ отъ насильственнаго переворота, навсегда оставить трудовой народъ въ положеніи обираемыхъ и порабощенныхъ.

Наемные рабочіе борются съ хозяевами только своими силами. Имъ не на кого надѣяться. Государство явно враждебно имъ. Нѣтъ ни одной политической партіи, не исключая и партій демократическихъ (конституціонно-демократической, социаль-демократической, социалистовъ-революціонеровъ, трудовиковъ), выгоды (интересы) которыхъ совпадали бы съ интересами наемныхъ рабочихъ.

Въ единеніи людей связанныхъ общими интересами, — сила. Классъ наемныхъ рабочихъ долженъ объединиться въ одно цѣлое, какъ для борьбы за лучшія условія труда въ рамкахъ капиталистическаго общества, такъ и для борьбы за полное свое освобожденіе.

Рабочій классъ долженъ отшатнуться отъ обирающихъ классовъ и только союзъ съ крестьянствомъ подсказываютъ ему его интересы.

Промысловые рабочіе союзы и совѣты рабочихъ уполномоченныхъ — такова та форма, въ которую должно вылиться объединеніе наемныхъ рабочихъ.

Разъ учрежденія насилія современнаго государства настолько сильны, что рабочіе не смогутъ устроиться (организоваться) такъ, какъ они этого желаютъ, имъ придется ограничиться устройствомъ почти что тайныхъ, не разрѣшенныхъ начальствомъ совѣтовъ уполномоченныхъ.

Русскіе крестьяне объединились въ союзы. Такіе союзы могутъ быть болѣе или менѣе крупными, охватывающими большія или меньшія пространства. Въ настоящее время эти союзы могутъ быть только тайными. Жители каждой деревни или часть послѣднихъ, входя въ союзъ, посылаютъ на общее собраніе своего уполномоченнаго. За невозможностью устроить открытый союзъ такихъ союзовъ, сношенія между ними ведутся особо выборными довѣренными людьми. Во всякомъ случаѣ необходима живая связь между деревнями и союзами деревень.

Задачами объединеній (организаций) рабочихъ и крестьянъ являются: 1) Борьба за улучшеніе своего быта въ рамкахъ современнаго общества и 2) Борьба за самоосвобожденіе.

Борьба за улучшеніе быта или за то, чтобы условія жизни не стали хуже, безусловно необходима и ведется наемными рабочими при помощи простыхъ забастовокъ, забастовокъ по дружеству, сабо-

така, бойкота и нѣкоторыми другими способами. Крестьяне борются стачками за пониженіе арендной платы, за повышеніе заработной платы въ хозяйствахъ частныхъ землевладѣльцевъ, бойкотомъ послѣднихъ, саботажемъ.

Какъ крестьянскимъ, такъ и рабочимъ объединеніямъ (организациямъ) приходится бороться и съ злоупотребленіями правительственныхъ чиновниковъ.

Борьба за самоосвобожденіе распадается на два вида. Во-первыхъ, она сводится къ созданію революціонно освободительнаго настроенія въ рядахъ трудящихся, чѣмъ и должны заниматься вышеуказанные союзы. п. во-вторыхъ, къ созданію организованной боевой силы, что требуетъ новыхъ объединеній — по необходимости тайныхъ революціонныхъ братствъ.

Задача революціонныхъ братствъ была бы непосильной, если бы они думали создать революцію. Революціи не создаются ни отдѣльными лицами, ни революціонными братствами. Но слишкомъ много причинъ, благодаря которымъ революція считается болѣе, чѣмъ вѣроятной. Надо постараться не быть застигнутымъ врасплохъ наступленіемъ революціоннаго взрыва.

Рабочіе и крестьяне могутъ надѣяться только на самихъ себя. Всякое соглашеніе съ партіями, вожаки которыхъ всегда являются выходцами изъ богатыхъ классовъ общества, грозитъ въ самое опасное и тяжелое для рабочихъ время измѣной трудящимся.

Только социальная революція можетъ освободить трудящихся и только трудящіеся могутъ подняться и провести большую революцію.

Нѣтъ и не можетъ быть законныхъ (легальныхъ) средствъ самоосвобожденія, такъ какъ законы издаются для защиты и укрѣпленія того строя, который надо разрушить.

Подъ словами «социальная революція» мы понимаемъ вооруженное возстаніе для разрушенія современнаго общественнаго строя и замѣну его вольнымъ социалистическимъ строемъ.

Всеобщая забастовка наемныхъ рабочихъ, поддержанная движущимися на городъ крестьянами — таковымъ будетъ, по многимъ даннымъ, начало большой социальной революціи.

Первая часть социальной революціи, это—вооруженное возстаніе угнетенныхъ и избираемыхъ.

Вторая часть социальной революціи, это—1) немедленное обращеніе въ общее достояніе земли, источниковъ сырыхъ матеріаловъ, промышленнаго, торговаго, перевозочнаго, ссуднаго и прокатнаго капиталовъ, объявленіе всего этого богатства принадлежащимъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ отдѣльности; 2) такой общественный порядокъ, при которомъ не будетъ грабящаго народъ и его повабощающаго начальства, а люди будутъ дѣлать все, что надо, не дожидаясь чьего бы то ни было распоряженія; 3) передача въ общее достояніе средствъ образованія; 4) передача въ общее достояніе средствъ

леченія; 5) поголовное вооруженіе всѣхъ желающихъ имѣть оружіе и защищаться противъ обираль и порабителей.

Третья часть социальной революціи, сливающаяся вначалѣ со второй, это — устройство производства и потребленія на вольныхъ социалистическихъ началахъ въ вольныхъ общинахъ.

Оглавление.

Предисловіе.	
Чему учить насъ политическая экономія	2
I. Потребности:	
Потребленіе	3
Предметы потребленія	3
Потребности	3
Прямое и воспроизводительное потребленіе	6
Годовой потребительный бюджетъ обществъ	6
Распредѣленіе предметовъ потребленія	7
II. Дѣятели (факторы) производства:	
Дѣятели (факторы) производства	8
Природа	8
Природа, какъ мѣсто производства	8
Силы природы	9
Непосредственные дары природы	9
Матеріалы	9
Источники сырыхъ матеріаловъ	10
Земля	10
Природа и орудія труда	12
III. Трудъ:	
Трудъ	13
Пріятенъ ли трудъ?	13
Простой и сложный трудъ	13
Умственный и ручной (или физическій трудъ)	14
Производительный и непроизводительный трудъ	14
Отвлеченный и предметный трудъ	15
Общественное распредѣленіе труда	15
Распредѣленіе труда по спеціальностямъ	16
Количество труда	16
VI. Средства производства:	
Средства производства	22
Орудія труда	22
Машины	24
Средства производства	25
V. Производство:	
Производство	27
Единоличное и совмѣстное производство	28
Крупное, среднее и мелкое производство	29
VI. Хозяйство:	
Хозяйство	32
Семейное хозяйство	32
Рабское хозяйство	34
Крѣпостничество	36
VII. Капиталистическое хозяйство:	
Капиталистическое хозяйство	39
VIII. Распредѣленіе:	
Распредѣленіе	43
Классъ капиталистовъ	44
Предприниматели	44
Ростовщики	46
Торговцы	47

Домовладельцы	47
Землевладельцы	47
Умственное и нравственное развитие капиталистов	48
IX. Чиновники-правители:	
Чиновники-правители	50
Нравственный уровень правителей	51
Интеллигенты	51
Нравственный уровень интеллигентов	52
X. Наемные рабочие:	
Наемные рабочие	53
Как живут наемные рабочие	53
Заработная плата	58
Работо нашего времени	62
Нравственность и умственное развитие рабочих	62
Ремесленники	63
Кустари	65
Рабочие „домашней промышленности“	66
Крестьяне	67
Остальные общественные классы	69
Борьба классов	70
Стачки	70
Саботаж	77
Бойкот-отчуждение	79
XI. Рабочие союзы:	
Рабочие союзы	81
Штемпель рабочих союзов, Лабель	112
XII. Первое Мая:	
Первое Мая	114
Потребительные товарищества	118
XIII. Борьба крестьян	
Борьба крестьян	121
XIV. Союзы хозяев:	
Союзы хозяев	123
Локаут—поголовный расчет	124
Черные списки	126
Примирительное разбирательство	127
Общий (коллективный) договор	129
XV. Буржуазные законы:	
Буржуазные законы для рабочих	131
Государственный капитализм	133
Местное самоуправление и рабочие	134
Благотворительность (филантропия)	135
XVI. Приостановка работы (кризис):	
Приостановка работы (кризис)	136
Безработица	137
Цѣны	138
Два слова о цѣнности	139
Обмѣн	139
Торговля	142
Кредит-заем-ссуда	145
Перевоз	146
XVII. Приложение	
Приложение	148

10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

HX
915
K717

Kropotkin, Petr Alekseevich,
kniaz'
Khlieb i volia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 11 08 13 015 2